

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

426
177

СОЧИНЕНІЯ

Т. Н. ГРАНОВСКАГО.

granovski, T. N.

СОЧИНЕНІЯ

Т. Н. ГРАНОВСКАГО.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

ЧАСТЬ II.

Издание (второе) К. Солдатенкова.

К. Солдатенков

МОСКВА.

Типографія Грачева и Комп. у Пречистенскихъ воротъ, въ домѣ Милановой

1866.

27
265
100
1.5

university of california

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ВАРТОЛЬДЪ ГЕОРГЪ НИБУРЪ ¹⁾.

I.

Съ именемъ каждаго оставившаго прочный слѣдъ въ литературѣ писателя мы привыкли соединять какое нибудь представленіе, характеризующее особенности его таланта. Такого рода представленія и выражающіе ихъ постоянные эпитеты не всегда бываютъ справедливы. Кто скажетъ, напримѣръ, почему при имени Нибура не обязательно приходитъ въ голову мысль о сухой, разрушительной критикѣ, отвергающей поэтическія преданія древняго Рима? Сочиненія знаменитаго историка у насъ извѣстны немногимъ, читавшимъ ихъ въ подлинникѣ, или во французскомъ переводѣ Гольберн. Но трудность этого чтенія заключается не въ языкѣ, а въ повѣркѣ сложныхъ изслѣдованій, основанныхъ на сближеніи мельчайшихъ подробностей, на самыхъ отдаленныхъ аналогіяхъ. Сверхъ рѣдкаго запаса знаній, Нибуръ требуетъ отъ своихъ читателей твердаго и напряженнаго вниманія. Наши журналы, изъ которыхъ многіе заимствуютъ готовые приговоры и мнѣнія, мало говорили о трудахъ автора «Римской Исторіи». Важнѣе остального, помѣщенный въ «Московскомъ Телеграфѣ» переводъ, написанной еще въ 1816 году А. В. Шлегелемъ, рецензій на первое изданіе Нибурова творенія. Но эта статья не могла имѣть успѣха и найти много читателей. Она направлена про-

¹⁾ Этотъ біографическій очеркъ, изъ соціальнаго, оставшіеся неоконченными, составленъ на основаніи переписки Нибура, изд. въ 1838—39 году подъ названіемъ *Lebensnachrichten über B. G. Niebuhr*, и напечатанъ въ «Современникѣ» 1850 года. Онъ можетъ служить вступленіемъ къ статьямъ нашего автора о «Чтеніяхъ Нибура».

тивъ частностей и не даетъ никакого понятія о цѣломъ. Сверхъ того, въ ней на каждой страницѣ проглядываетъ мелкое, завистливое чувство, подъ вліяніемъ котораго она была написана. Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но сумма ходящихъ въ нашей литературѣ свѣдѣній о Нибурѣ едвали увеличилась. Немногіе изъ добытыхъ имъ результатовъ перешли въ наши учебныя книги. Главное, т. е. методъ изслѣдованія и критика остались незамѣченными. А между тѣмъ въ матеріалахъ не было недостатка. Дѣятельность Нибура давно замкнулась. Личнымъ недоразумѣніямъ и зависти нѣтъ болѣе мѣста. Его труды легли въ основаніе всѣхъ новѣйшихъ розысканій о римской исторіи. Его нельзя болѣе обойти, занимаясь древностями. *Ingenti gradu occupavit pontem*. Зато друзья и ученики съ уваженіемъ собираютъ все написанное или сказанное имъ. Въ 1838 году издана его переписка, по которой можно прослѣдить весь ходъ его развитія. Теперь издаются лекціи, которыя онъ читалъ, когда былъ профессоромъ въ Боннѣ. Не говоримъ о множествѣ статей, посвященныхъ разбору его мнѣній, или содержащихъ въ себѣ рассказы о немъ. Пора бы, кажется, свести итогъ всѣхъ этихъ явленій и представить вѣрный отчетъ о заслугахъ Нибура въ наукѣ, снять съ него странное обвиненіе въ скептицизмѣ и показать, сколько было положительнаго въ его выводахъ, и сколько поэзіи въ его воззрѣніи на исторію. Изложеніе его біографіи можетъ скорѣе всего привести насъ къ этой цѣли. Біографическая форма даетъ возможность объяснять книгу жизнію и жизнь — кнѣгою.

Біографіи ученыхъ XIX вѣка рѣдко отличаются занимательностію содержанія. Въ судьбѣ человека, котораго лучшіе годы проходятъ въ рабочей комнатѣ, трудно найти стороны, способныя возбудить живое любопытство или участіе. Въ Средніе вѣка и въ началѣ новой исторіи отношенія были другія. Тогда для служенія наукъ недостаточно было одного дарованія: нужны были самоотверженіе, сильный характеръ. Борьба съ препятствіями начиналась уже въ школѣ, гдѣ безъ руководствъ и пособій, теперь доступныхъ каждому изъ насъ, надобно было учиться со словъ ненадежнаго наставника. Высшія свѣдѣнія приобрѣтались только въ немногихъ центрахъ европейской образованности, гдѣ изустное преподаваніе замѣняло до Гуттенбергова открытія недостатокъ книгъ. Знанія, здѣсь приобрѣтенныя, пополнялись потомъ самостоятельнымъ трудомъ, упорнымъ напряже-

ніемъ мысли, путешествіями и личными наблюденіями. Сколько драматическихъ эпизодовъ входило въ такую жизнь. То были могучіе, гордые, страстные труженики, судьба которыхъ имѣетъ для насъ, изнѣженныхъ дѣтей эпохи, не знающей что дѣлать съ своею образованностію, какую-то сказочную прелесть. Исторія наукъ отъ Іоанна Эригены до Вальтера Ралли и Галилея, написанная съ талантомъ и съ сохраненіемъ біографическаго интереса, конечно могла бы занять важное мѣсто въ современной литературѣ и принести много пользы. Ни въ какой другой сферѣ не могли такъ самобытно опредѣлиться личности. Онѣ привлекаютъ къ себѣ наше участіе сами по себѣ, независимо отъ тѣхъ великихъ идей, которыхъ были представителями. Этого рода занимательность почти не существуетъ въ біографіяхъ теперешнихъ ученыхъ. Спокойная кабинетная дѣятельность не въ состояніи воспитать крѣпкихъ характеровъ и рѣдко ставитъ человека въ такое положеніе, въ которомъ его участь получаетъ право на общее вниманіе. Исключеній мало. Некрологи самыхъ знаменитыхъ мужей, которыми по праву гордится XIX столѣтіе, состоятъ большею частію изъ перечня изданныхъ ими сочиненій и предпринятыхъ трудовъ. Но есть книги, которыхъ полное пониманіе возможно только при близкомъ знакомствѣ съ авторомъ, положившимъ на нихъ печать своей особенности. Къ числу такихъ принадлежатъ творенія Нибура. Письма его и дошедшія до насъ бесѣды съ друзьями представляютъ не только занимательное, но и поучительное чтеніе. Въ нихъ видѣнъ весь внутренній процессъ, результатомъ котораго была «Римская Исторія». Самые сухія розысканія, въ ней находящіяся, состоятъ въ тѣсной органической связи съ отдѣльными переходами этого процесса. Немногіе принимали исторію такъ горячо къ сердцу и понимали ее такъ цѣльно, какъ Нибуръ. Онъ не дробилъ ее на отрѣзанные одна отъ другой части. Поэтому ему случалось вносить въ древность впечатлѣнія, принятые отъ новой исторіи; еще чаще слышится въ его отзывахъ о современныхъ ему событіяхъ отголосокъ античныхъ воззрѣній на государство. Въ этой особенности заключается его сила и отчасти его слабость. Мы постараемся характеризовать его собственными словами.

Бартольдъ Георгъ Нибуръ родился въ Копенгагенѣ 27 августа 1776 года. Отецъ его Карстенъ Нибуръ, знаменитый своими путешествіями по Востоку, былъ въ то время инженернымъ капитаномъ

въ датской службѣ. Лѣтомъ 1778 года онъ занялъ другую должность по гражданскому вѣдомству и переѣхалъ въ Мельдореъ, небольшой городокъ въ южномъ Дитмарсенѣ. Трудно себѣ представить болѣе глухую и унылую мѣстность. Между городскими жителями мало было образованныхъ людей. Окрестности состояли изъ болотъ; деревень не было вовсе. Однообразіе мельдореской жизни изрѣдка прерывалось прїѣздами должностныхъ лицъ или путешественниковъ, которыхъ привлекала въ этотъ отдаленный уголокъ датскихъ владѣній извѣстность Карстена Нибура, пользовавшагося великимъ авторитетомъ во всемъ, что касалось до Азии. При всемъ томъ Бартольдъ Георгъ не могъ жаловаться на печальное дѣтство. Онъ вспоминалъ о немъ съ теплымъ чувствомъ и любилъ Дитмарсенъ, какъ свою родину. Исторія и современныя отношенія этой области, гдѣ сохранились замѣчательныя остатки древне-германскаго быта, были ему коротко знакомы. Въ послѣдствіи это знаніе принесло ему неожиданную и большую пользу: оно послужило ему къ объясненію аналогическихъ явленій въ другихъ странахъ. Вообще надобно замѣтить, что глубокое и подробное изслѣдованіе исторіи и учрежденій одного народа, какъ бы ни маловажно было его политическое значеніе, служить лучшимъ проводникомъ и комментариемъ къ исторіи другихъ, даже болѣе значительныхъ народовъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Карстенъ Нибуръ былъ почти единственнымъ наставникомъ своего сына. Онъ училъ его французскому и нѣмецкому языкамъ и математикѣ. Недостатокъ педагогической опытности и терпѣнія онъ замѣнялъ умѣньемъ сообщать своему преподаванію занимательность. Онъ требовалъ отъ ученика не одного напряженія памяти, но и участія къ предмету занятій и по возможности самостоятельнаго труда. Не находя въ Мельдореѣ хорошаго латинскаго учителя, Карстенъ прочелъ съ сыномъ Цезаревы комментаріи. На грамматику языка онъ обращалъ, впрочемъ, гораздо менѣе вниманія, чѣмъ на содержаніе книги. Въ особенности занимала его географія. Девятилѣтній Бартольдъ долженъ былъ безпрестанно справляться съ составленной Данвишемъ картою Галліи. Мальчикъ самъ пристрастился къ этимъ занятіямъ, научился чертить карты, съ жадностію читалъ всѣ путешествія, какія ему попадались въ руки, и слушалъ рассказы отца. «Я живо помню — говоритъ онъ, въ написанной имъ біографіи Карстена Нибура — все слышанное мною

въ дѣтствѣ объ устройствѣ вселенной и о Востокаѣ. Впрочемъ, передъ отходомъ ко сну, отецъ часто бралъ меня на колѣни къ себѣ и вмѣсто сказокъ забавлялъ меня такими разсказами. Исторія Магомета, первыхъ калифовъ, именно Омара и Али, къ которымъ онъ питалъ глубокое уваженіе, завоеванія и распространеніе Ислама, подвиги тогдашнихъ героевъ новой религіи, исторія Турокъ вѣзались мнѣ рано, и въ самомъ привлекательномъ видѣ, въ память. Помню также, какъ отецъ, желая обрадовать меня въ сочельникъ (мнѣ было около девяти лѣтъ), вынулъ изъ великолѣпной шкатулки, гдѣ хранились его рукописи, и на которую дѣти и всѣ домашніе смотрѣли съ великимъ уваженіемъ, свои записки объ Африкѣ и сталъ ихъ мнѣ читать. При его одобреніи, я немедленно начертилъ карты Габеша и Судана. Ему было очень пріятно, когда я подносилъ ему, составленные мною ко дню его рожденія, географическія описанія восточныхъ странъ и переводы путешествій. Работа была, разумѣется, дѣтская. Онъ сначала ничего такъ не желалъ, какъ образовать изъ меня своего преемника для путешествія по Востоку. Но вліяніе нѣжной и мнительной матери на мое физическое воспитаніе разстроило эти планы въ самомъ ихъ основаніи; въ послѣдствіи отецъ окончательно пожертвовалъ ей своими надеждами и намѣреніями. Любимому его мечтою было пристроить меня съ раннихъ лѣтъ въ Индію. Онъ могъ надѣяться на успѣхъ при общемъ расположеніи, какииъ онъ пользовался, и при заслугахъ, оказанныхъ имъ Остъ-индской компаніи относительно судоходства въ верхней части Браснаго моря. Мысль эта не осуществилась, что было потому ему такъ же пріятно, какъ и мнѣ; но съ нею было связано многое въ его преподаваніи. Онъ предпочиталъ всѣмъ другимъ англійскія учебныя книги, давалъ мнѣ читать всякаго рода сочиненія на этомъ языкѣ, даже пріучалъ меня съ дѣтства къ постоянному чтенію англійскихъ журналовъ. Последняго обстоятельства не должно упускать изъ виду. Оно имѣло рѣшительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе молодого Нибура. Чтеніе политическихъ журналовъ рано обратило его вниманіе на вопросы статистики и государственнаго права. Будучи мальчикомъ, онъ уже писалъ статьи политическаго содержанія и забавлялся устройствомъ страны, существовавшей только въ его воображеніи, сочинялъ для нея законы, объявлялъ войну и заключалъ миръ. Потому его занятія получили болѣе положительный характеръ: онъ приступилъ къ составле-

нію таблиць смертности въ отдѣльныхъ европейскихъ государствахъ. Объемъ и основательность его статистическихъ свѣдѣній радовали отца, принадлежавшаго къ числу отличныхъ знатоковъ въ этой сферѣ. Эти, повидимому, сухіе труды дѣйствовали благотворно на Бартольда Нибура. Природа одарила его съ избыткомъ воображеніемъ и творческою фантазіей. Надобно было обуздать эти способности, сдерживать ихъ неправильное развитіе. Авторъ «Римской Исторіи» родился художникомъ, хотя мало оказалъ успѣховъ въ рисованіи и въ музыкѣ, понимая только простыя мелодіи народныхъ пѣсень. Но поэзія сильно на него дѣйствовала. Въ 1781 году поселился по дѣламъ службы въ Мельдорфъ литераторъ Бойе, пользовавшійся нѣкоторою извѣстностію въ качествѣ издателя журнала «Нѣмецкій музей». Онъ былъ человѣкъ съ разборчивымъ вкусомъ и привезъ съ собою хорошую бібліотеку. Ему обязанъ Нибуръ первымъ знакомствомъ съ героями тогдашней нѣмецкой литературы. Положительный, нѣсколько односторонній отецъ не могъ служить ему руководителемъ въ области изящнаго. Тѣмъ сильнѣе обнаружилось вліяніе Бойе, который, въ свою очередь, привязался къ геніальному ребенку. Приводимъ слѣдующій отзывъ его изъ письма, писаннаго Бойе къ невѣстѣ въ 1783 году: «Маленькій Нибуръ доставляетъ мнѣ много пріятныхъ часовъ своими способностями къ ученію, трудолюбіемъ и любовію ко мнѣ. Я недавно читалъ его родителямъ Макбета, не обращая на него особеннаго вниманія, пока не замѣтилъ произведеннаго на него впечатлѣнія. Тогда я постарался объяснить ему это произведеніе и даже убѣдилъ его, что колдуньи суть существа поэтическія. По уходѣ моемъ, онъ тотчасъ сѣлъ за дѣло (ему еще нѣтъ семи лѣтъ) и на семи листахъ написалъ все содержаніе драмы, не пропуская ни одного важнаго обстоятельства и не заботясь вовсе о будущихъ похвалахъ. Онъ плакалъ отъ опасенія, что сдѣлалъ не то, что слѣдовало, когда отецъ взялъ у него написанное и показалъ мнѣ. Съ тѣхъ поръ онъ записываетъ все для него замѣчательное изъ словъ отца и моихъ....» Съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ Бартольдъ Одиссею и Оссіана.

Вообще кругъ его занятій становился съ каждымъ годомъ шире. Кромѣ древнихъ и новыхъ языковъ, въ него постепенно вошли самыя разнообразныя науки и даже нѣкоторыя искусства. Карстенъ училъ своего сына по арабски, доставилъ ему возможность брать уроки рисованья и музыки, составилъ, какъ пособіе для начатаго

изученія нумизматики и геральдики, собраніе слѣпковъ съ монетъ и печатей, и наконецъ, дабы объяснить нагляднымъ образомъ начала фортификаціи, выстроилъ въ своемъ саду небольшую крѣпость и осаждалъ ее по всѣмъ правиламъ военного искусства. Необычайная память, любознательность и прилежаніе ученика значительно облегчали трудъ наставника, который, конечно, зналъ не все то, чему училъ. Большую часть своихъ знаній Бартольдъ Нибуръ приобрѣлъ изъ книгъ, безъ посторонней помощи. Городскую школу онъ посѣщалъ не болѣе года. Ректоръ мельдорфской школы, умный и ученый чловѣкъ, самъ далъ ему совѣтъ не ходить въ классы, гдѣ ему нечего было дѣлать, и предложилъ ему свое руководство при чтеніи древнихъ писателей. Это случилось въ 1790 году. Въ теченіе слѣдующихъ четырехъ лѣтъ у Бартольда, кажется, не было другихъ учителей. Его любовь къ классической филологіи укрѣпилъ своимъ вліяніемъ знаменитый переводчикъ древнихъ поэтовъ У. Г. Фоссъ, который нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Мельдорфъ. Впрочемъ, неосторожность Карстена, рано предоставившаго сыну полную свободу въ выборѣ чтенія и занятій, могла имѣть вредныя послѣдствія. Молодой Нибуръ жаловался потомъ на безпорядокъ въ своихъ понятіяхъ, на хаотическое броженіе собранныхъ имъ въ первой молодости свѣдѣній. Счастливыя условія развитія и сильная память помогли ему управиться съ избыткомъ накопившихся у него умственныхъ богатствъ. Въ 1792 году онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ домѣ профессора Бюша, директора коммерческаго училища, въ которомъ находились юноши изъ всѣхъ европейскихъ странъ. Карстенъ Нибуръ прислалъ сюда сына, желая доставить ему возможность усовершенствоваться въ новыхъ языкахъ и познакомиться съ торговыми науками. Но молодой Нибуръ, научившійся въ безлюдномъ Мельдорфѣ десяти языкамъ (онъ уже зналъ языки латинскій, греческій, еврейскій, нѣмецкій, датскій, французскій, англійскій, итальянскій и португальскій), привыкшій къ одинокой, самостоятельной работѣ, не находилъ въ Гамбургѣ ожидаемой пользы, и несмотря на образованное общество, собиравшееся въ домѣ Бюша, скучалъ и просилъ родителей взять его назадъ. Онъ вынесъ отсюда только одно пріятное воспоминаніе о Клопштокѣ, который узналъ и полюбилъ его.

По возвращеніи въ Мельдорфъ, онъ съ радостію принялся за прежніе труды; но мысль его не ограничивалась предѣлами нижняго міра:

она слѣдила съ напряженнымъ вниманіемъ за великими событіями, которыя тогда совершались въ Европѣ. Это горячее участіе въ современной исторіи, составляющее одно изъ главныхъ условий Нибурова таланта, обнаружилось въ немъ съ 1788 года, по поводу войны, которую Россія и Австрія вели тогда съ Портою. Онъ не только читалъ съ жадностію военныя извѣстія, но даже бредилъ ими во снѣ. Подробное знаніе мѣстностей и прежнихъ турецкихъ войнъ давало ему возможность слѣдить за всѣми отрядами дѣйствовавшихъ армій и угадывать ихъ назначеніе. Писанныя имъ въ то время письма къ дядѣ служатъ этому доказательствомъ. Государственный переворотъ, совершившійся во Франціи, еще въ большей степени возбудилъ его любопытство. Замѣчательно, что Нибуръ, несмотря на свою молодость, устоялъ противъ общаго почти увлеченія. Онъ тогда уже сказалъ о революціи свое строгое мнѣніе и остался ему вѣренъ. Онъ былъ глубоко убѣжденъ въ непрочности республики и въ скоромъ восстановленіи монархіи.

Весною 1794 года Бартольдъ отправился въ Билъ, для слушанія лекцій въ тамошнемъ университетѣ. Онъ поѣхалъ туда нѣхотя, скрѣпя сердце. Студентскій бытъ не имѣлъ для него никакой прелести. Отъ лекцій онъ не ждалъ себѣ большой пользы. Тѣмъ не менѣе онъ провелъ въ Билѣ около двухъ лѣтъ, и эти годы прошли для него не даромъ. Слава Карстена Нибура доставила его сыну легкій доступъ къ профессорамъ, которыхъ поразила, при ближайшемъ знакомствѣ, обширная ученость и оригинальный взглядъ на науку осьмнадцатилѣтняго юноши, искавшаго у нихъ дополненія къ своимъ свѣдѣніямъ. Уже тогда у него было свое мнѣніе объ образованіи греческихъ племенъ, о распространеніи городовъ греческихъ, о переселеніи народовъ и т. д. Вопросъ о породахъ человѣческихъ его сильно занималъ въ то время. Онъ принималъ его за основное начало исторіи и думалъ, что при изслѣдованіи племенныхъ различій должно обращать болѣе вниманія на этнологическія примѣты, чѣмъ на языки. Мысли, высказанныя имъ по этому поводу, въ письмѣ къ отцу отъ 7-го іюня 1794 года, едвали приходили въ голову многимъ изъ тогдашнихъ историковъ. Ранняя зрѣлость ума не мѣшала ему, впрочемъ, пользоваться опытностію и знаніемъ другихъ. Онъ усердно посѣщалъ лекціи правовѣднія, естественныхъ наукъ, исторіи и философіи. Къ изученію последней онъ приступилъ съ великимъ, но скоро остывшимъ

жаромъ. Далѣе Кантовой системы онъ не пошелъ. Вообще философія мало соотвѣтствовала особенному складу его поэтическаго, не любившаго отвлеченныхъ мыслей ума. Въ послѣдствіи онъ смотрѣлъ на эту науку болѣе съ формальной точки зрѣнія. Она казалась ему средствомъ къ укрѣпленію мысли, но не внушала ему довѣрія, когда дѣло шло объ ея результатахъ. Болѣе всего привлекала его къ себѣ исторія, хотя онъ еще не былъ увѣренъ въ своемъ призваніи и не зналъ на что рѣшиться. Исключительно ученой, академической дѣятельности онъ не хотѣлъ, можетъ быть, потому что вблизи видѣлъ сухой, узкій бытъ кильскихъ профессоровъ. Онъ составилъ себѣ высшій идеалъ жизни — соединеніе глубокаго теоретическаго образованія съ способностію практическихъ приложеній. Это видно изъ писемъ, въ которыхъ онъ отдавалъ родителямъ отчетъ въ своихъ трудахъ и видахъ на будущее. «Я составилъ очень обширный планъ для моихъ занятій — пишетъ онъ — но утѣшаю себя мыслию, что изъ многихъ наукъ, напримѣръ, астрономіи, механики, химіи, большей части другихъ отраслей естествознанія мнѣ достаточно будетъ основательныхъ общихъ свѣдѣній, которые не трудно увеличить въ случаѣ надобности. Я думаю, что такимъ образомъ, въ теченіе семи лѣтъ, остающихся до моего двадцатипятилѣтія, мнѣ можно будетъ положить основаніе всѣмъ полезнымъ для меня знаніямъ. Тогда я буду не только въ состояніи слѣдить за вѣкомъ во всѣхъ его направленіяхъ, но даже получу возможность идти впередъ въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, укрѣпивъ ихъ связью съ цѣлымъ. Вся эта работа должна служить введеніемъ къ настоящему творчеству въ наукѣ и доставить мнѣ тѣ знанія, которыхъ Болинброкъ требуетъ отъ зрѣлаго государственнаго мужа». Какъ ни обширны были эти замыслы, они могли быть осуществлены при трудолюбіи и памяти Нибура. Онъ работалъ безъ усталы. Въ часы досуга онъ читалъ, для развлеченія, писателей, которыхъ чтеніе составляетъ для другихъ настоящій трудъ: Спиннозу, Демосеена, англійскихъ историковъ. Онъ тогда уже замѣтилъ отсутствіе строгой критики у Юма, стоявшаго на вершинѣ своей славы. Греческіе трагики производили на него слишкомъ сильное впечатлѣніе. Прочитавши нѣсколько страницъ, онъ приходилъ въ волненіе и жаловался на невозможность выговаривать языкомъ варвара ихъ сладкіе, внятные его внутреннему слуху звуки. Часто на него находило горькое чувство недовольства самимъ собой. Онъ падалъ духомъ, упрекалъ себя въ

недостаткѣ твердости и самобытности. Даже прилежаніемъ своимъ онъ былъ недоволенъ и находилъ, что можно было бы сдѣлать болѣе. Ему показалось, что память его развивается въ ущербъ мышленію, и онъ сталъ искусственнымъ образомъ ослаблять ее. Къ счастью, опытъ не удался. Въ бытность свою въ Кялѣ онъ продиктовалъ пріятелю всю исторію французскихъ войнъ отъ 1792—1794 такъ, какъ онъ изложены были въ журналахъ, не прибѣгая къ справкамъ, даже когда рѣчь шла о самыхъ мелкихъ подробностяхъ. Получившій отъ природы глубокую потребность дружбы, Нибуръ составилъ въ Кялѣ много связей, имѣвшихъ вліяніе на остальную жизнь его. Между друзьями, которыхъ онъ тамъ приобрѣлъ, находились люди, пользовавшіеся уже европейскою славой: историкъ Гегевиншъ, философъ Рейнгольдъ и Якоби. Ближе, чѣмъ съ другими, сошелся онъ съ графомъ Адамомъ Мольтке и съ семействомъ профессора Генслера. Въ домѣ послѣдняго онъ провелъ лучшіе часы своей университетской жизни; здѣсь встрѣтилъ онъ въ первый разъ будущую супругу свою, Амалию Беренсъ, сестру Доротеи Генслеръ, невѣстки профессора, женщины великаго ума и благороднаго характера, которой дѣятельное участіе въ судьбѣ Бартольда пережило его самого. Она заступила мѣсто матери при его осиротѣлыхъ дѣтяхъ.

Неожиданный случай положилъ преждевременно конецъ университетскимъ занятіямъ Нибура. Датскій министръ графъ Шиммельманъ, слышавшій объ его рѣдкихъ знаніяхъ и трудолюбіи, предложилъ ему при себѣ мѣсто частнаго секретаря. Совѣты отца и друзей заставили его принять это предложеніе и перейти прямо отъ книгъ къ практической дѣятельности, которая до сихъ поръ являлась ему отдаленною цѣлію всѣхъ его трудовъ. На двадцатомъ году отъ рожденія, онъ переѣхалъ въ совершенно незнакомый ему Копенгагенъ. Вслѣдствіе счастливыхъ политическихъ обстоятельствъ и внутренняго благосостоянія, которымъ Данія была обязана государственными людьми, которые ею тогда правили, именно графамъ Бернсторфу и Шиммельману, Копенгагенъ стоялъ на ряду съ самыми значительными столицами Европы. Торговые обороты и дѣятельныя дипломатическія сношенія привлекали сюда много иностранцевъ. Нибуру, переселенному изъ скромнаго круга кяльскихъ ученыхъ въ блестящую гостиную графа Шиммельмана, гдѣ собиралось лучшее общество Копенгагена, было сначала неловко. Онъ былъ застѣнчивъ и раздражителенъ. Усло-

вія новаго міра, въ которомъ ему пришлось жити, были ему часто тягостны. Но постоянное вниманіе и дѣйствительное расположеніе къ нему его министра, соединявшаго съ высокимъ саномъ обширную образованность и благородный, ясный образъ мыслей, скоро доставили ему пріятное положеніе въ обществѣ. Ему поручались важныя труды, познакомившіе его съ главными вопросами администраціи, между прочимъ составленіе отчета о положеніи бѣдныхъ классовъ въ Копенгагенѣ. Эти занятія не отвлекали его отъ науки, хотя онъ, по привычкѣ, былъ недоволенъ самъ собою и винилъ себя въ бесполезной тратѣ времени. Несмотря на свою молодость, онъ успѣлъ приобрѣсти уваженіе государственныхъ людей и дипломатовъ, находившихся тогда при датскомъ дворѣ. Къ числу его короткихъ знакомыхъ принадлежали австрійскій посланникъ графъ Лудольфъ, повѣренный французской республики Грувель и португальскій посланникъ графъ Суза. Лудольфъ, долго жившій въ Константинополѣ, былъ отличный знатокъ восточныхъ языковъ. Онъ былъ радъ встрѣтити на скандинавскомъ сѣверѣ любознательнаго юношу, съ которымъ могъ дѣлиться своими свѣдѣніями и говорить о любимомъ предметѣ занятій. Подъ его руководствомъ Нибуръ началъ учиться по персидски и усовершенствовался въ арабскомъ. По заключеніи толентинскаго договора (1797 года), по которому Франція получила право взять на выборъ 500 рукописей изъ копенгагенской библіотеки, Грувель обратился къ Нибуру съ просьбою составить для французскаго правительства списокъ важнѣйшихъ рукописей Ватикана. Этотъ актъ, доставленный Грувелемъ Директоріи, изданъ Гольбернъ въ приложеніяхъ къ переводу «Римской Исторіи». Изъ него видно, какимъ довѣріемъ пользовался уже въ то время сынъ Карстена. Во время поѣздки, предпринятой имъ для свиданія съ родителями, онъ нашель случай видѣть Доротею Генслеръ и сказалъ ей о своемъ намѣреніи искать руки сестры. Дѣло было вскорѣ улажено. Осенью 1797 года онъ возвратился въ Копенгагенъ женихомъ и началъ думать о прочномъ мѣстѣ. Отказавшись еще прежде отъ предложенной ему временной должности датскаго генеральнаго консула въ Парижѣ, онъ вступилъ библіотекаремъ въ копенгагенскую библіотеку. Служба эта не представляла ему почти никакихъ выгодъ, но соотвѣтствовала его тогдашнимъ планамъ и требованіямъ. Онъ надѣялся перейти на кафедру филологіи или исторіи въ Киль. Слѣдующія извлеченія изъ его писемъ къ Доротей

Генслеръ и къ невѣстѣ познать читателей съ его занятіями и настроеніемъ его духа въ бытность его въ столицѣ Даніи.

«1797 года, іюля 18. Я систематически работаю надъ римской исторіей. Чѣмъ знакомѣе мнѣ становятся дѣйствующія лица, тѣмъ болѣе нахожу наслажденія въ этой мало извѣстной или педантически обработанной области. Въ такомъ же отношеніи темнѣютъ и отдаляются отъ меня нынѣшнія событія. Во мнѣ проснулось дѣтское желаніе посѣтить классическую почву. Я почти ничего не читаю, кромѣ древнихъ писателей».

«6 сентября. Послѣ долгой работы надъ отдѣльными изслѣдованіями, которыя могутъ служить только средствомъ, или надъ массою матеріаловъ, имѣющихъ получить новое назначеніе, я упадаю духомъ. Нужно нѣсколько дней для приведенія въ порядокъ собраннаго. Тогда мнѣ становится легче. Но до тѣхъ поръ у меня мало, мало радости. Участь ученаго, работающаго по книгамъ, тяжела. Путь его лежитъ на краю бездны педантизма. Въ наукахъ, которыхъ начало лежитъ въ умозрѣніи, напримѣръ, философіи и математикѣ, нѣтъ такихъ неудобствъ. Всякое успѣшное занятіе ими освѣжаетъ и живитъ умъ. Даже тотъ, кто безъ малѣйшей философіи наблюдаетъ и описываетъ отдѣльные любопытные предметы, какъ явленія природы, и тотъ не тяготится своимъ дѣломъ. Но ученый, изучающій грамматику и реторику, открывающій собственнымъ изслѣдованіемъ, или усвоивающій себѣ найденныя другими правила и законы, долженъ постоянно поддерживать въ себѣ мужество, ободрять свое сердце, чтобы не отстать отъ работы, чтобы не погрузиться въ механическое занятіе буквами. Все это имѣетъ важность, относительно вопросовъ, занимающихъ его лично, можетъ даже имѣть большее значеніе, но взятое въ своей отдѣльности такъ сухо и большою частію такъ ничтожно! Исторія представляетъ высшую занимательность. Но ея необозримый объемъ, трудность удержать въ памяти все нужное, еще большая трудность найти твердую и вѣрную точку зрѣнія, тяжелая необходимость собирать съ сознаніемъ неполнаго результата важнѣйшіе отрывки изъ безчисленныхъ книгъ и читать всякую, пустость, пока вся эта масса не сдѣлается способною къ принятію изящной формы—на это нужны годы!»

Персидская литература доставляла Нибуру много наслажденія. Онъ писалъ къ отцу въ мартѣ 1797 года: «Мнѣ жаль, что вы приписываете пристрастію мои похвалы персидской литературѣ. Какъ бы мнѣ

хотѣлось представить вамъ свои или хотя англійскіе переводы. Га-
 сица сравнивали съ Анакреономъ, думая оказать ему большую честь;
 но пѣсни псевдо-Анакреона, котораго обыкновенно принимаютъ за
 настоящаго, даже уцѣлѣвшіе остатки стихотвореній дѣйствительнаго
 Анакреона не могутъ идти въ сравненіе съ лучшими одами шираз-
 скаго пѣвца, которыя помѣщены въ *Asiat. Miscelany*. Впрочемъ,
 Персы, стоятъ, безъ сомнѣнія, ниже Грековъ. Лудольфъ въ высшей
 степени доволенъ мной, и находитъ, что я превзошелъ его ожиданія.
 Вамъ пріятно будетъ слышать, что чѣмъ болѣе я оказываю успѣховъ,
 тѣмъ искреннѣе и теплѣе становится его дружба ко мнѣ. Нибуръ
 собирался перевести какого нибудь изъ лучшихъ персидскихъ исто-
 риковъ и много занимался ими. Прибавимъ къ этимъ выпискамъ важ-
 ный въ психологическомъ отношеніи отрывокъ изъ дневника, кото-
 рый онъ велъ въ Копенгагенѣ. Дѣло идетъ о тѣхъ припадкахъ тоски,
 отъ которыхъ онъ не могъ отдѣлаться даже въ послѣдствіи, когда
 блестящіе результаты его дѣятельности оправдали его въ собствен-
 ныхъ глазахъ и разсѣяли прежнія опасенія.

«Меня часто мучить унижительное, раздражающее душу чувство без-
 силія, отвращеніе отъ всякой благородной дѣятельности. Другіе также
 приходятъ къ оскорбительному сознанію, что ихъ умственныя силы
 не всегда паходятся въ одномъ состояніи: труды, которые имъ прежде
 казались пріятными и легкими, обдуманнныя и осмотрѣнныя ими со
 всѣхъ сторонъ предпріятія вдругъ становятся имъ противны, кажутся
 неисполнимыми. Но съ такимъ сознаніемъ не соединяются ни лѣнь,
 ни тупость, которыя, къ стыду моему, даютъ меня. Зло это, слѣ-
 довательно, не есть ничто необходимое, врожденное: оно впралось
 мнѣ въ душу и утвердилось въ ней вслѣдствіе несчастныхъ обстоя-
 тельствъ и собственной моей вины. Чтобы истребить его, надобно
 обратиться къ его началу, вырвать его съ корнемъ, со всѣми пущен-
 ными въ землю отпрысками. При постоянной праздности и безконеч-
 ныхъ мечтаніяхъ, въ которыхъ прошли годы моего дѣтства, я, разу-
 мѣется, не могъ думать о такихъ явленіяхъ. Но сѣмя, изъ котораго
 они такъ роскошно и прочно выросли, было положено въ то время. Я
 привыкъ отдѣлать мое вниманіе отъ присутствія занимавшихъ его
 предметовъ, принимать равнодушно впечатлѣнія, ни о чемъ не размы-
 шлять. Мое небо находилось въ мірѣ фантазій. Эти фантазіи и жажда
 доставляемыхъ ими наслажденій наполняли мою бѣдную душу. Тще-

славіе, желаніе извѣстности служили мнѣ въ послѣдствіи побужденіемъ къ занятіямъ; но мнѣ не позволилъ отдаться труду вполне точившій мое сердце недугъ. Первое замѣчательное проявленіе болѣзни, о которой я теперь пишу, относится къ зимѣ 1790 года. Тогда зло не встрѣтило противодѣйствія, и я бросилъ занятія, которыя мнѣ нравились сами по себѣ. Сколько дней, сколько недѣль провелъ я праздно въ теченіе слѣдующихъ двухъ годовъ. Весною 1792 года я съ успѣхомъ и жаромъ принялся за итальянскій языкъ. Это былъ единственный удачный опытъ, совершенный мною въ то время; но и тутъ успѣхъ былъ болѣе внѣшній, чѣмъ дѣйствительный. Зимой я сдѣлалъ еще болѣе счастливую попытку, но безъ любви, безъ стремленія къ цѣли труда. Въ бытность мою въ Гамбургѣ это состояніе умственной дремоты достигло высшей степени.

Изъ другихъ мѣстъ этого дневника видно, что Нибуръ упорно боролся съ посѣщавшимъ его недугомъ. Онъ задавалъ себѣ срочныя работы, распредѣлялъ занятія для каждаго дня и противопоставилъ умственной дремотѣ постоянную, напряженную дѣятельность мысли. Можетъ быть, болѣзнь, на которую онъ жаловался, была именно слѣдствіемъ этого напряженія. Во всякомъ случаѣ, она представляетъ любопытное психологическое явленіе. Странно слышать такія жалобы на самого себя изъ устъ двадцатилѣтняго молодаго человѣка, который по объему и глубинѣ своихъ занятій стоялъ гораздо выше большей части своихъ современниковъ. Нибуръ наследовалъ отъ матери раздражительность и склонность къ меланхоліи.

Въ іюнѣ 1798 года исполнилось его давнишнее желаніе посѣтить Англію. Ни одинъ народъ въ тогдашней Европѣ не внушалъ Нибуру такого участія и не пользовался съ его стороны такимъ уваженіемъ, какъ Англичане. Языкъ и исторія этой страны были ему хорошо извѣстны. Онъ предпринялъ свое путешествіе съ цѣлію отдохнуть отъ исключительно книжныхъ занятій и дополнить свои теоретическія знанія наблюденіемъ и опытомъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ положилъ въ Англіи прочное основаніе своимъ политико-экономическимъ и финансовымъ свѣдѣніямъ. Здѣсь также окончательно опредѣлились его политическія убѣжденія. Къ сожалѣнію, письма его къ отцу, писанныя во время путешествія, потеряны; остались только письма къ невѣстѣ, въ которыхъ, разумѣется, рѣчь идетъ болѣе о личныхъ впечатлѣніяхъ и встрѣчахъ, нежели о предметахъ, имѣющихъ ученость или государст-

венное значеніе. Англійскіе друзья и знакомые Карстена Нибура радужно приняли его сына. Но онъ прибылъ въ Лондонъ не въ пору: достаточные люди уже разъѣзжались изъ города по дачамъ и помѣстьямъ.

«Третьяго дня — пишетъ онъ отъ 21 іюля 1798 года, своей Амалии — я отнесъ письма отца къ Реннелю (знаменитому географу), Русселю и Малле (дю Панъ). День прошелъ очень пріятно. Первые два просты и добродушны. Они видимо были мнѣ рады и дѣлаютъ для меня все, что можно. Главное различіе между нашимъ нѣмецкимъ и здѣшнимъ обхожденіемъ съ иностранцами состоитъ въ томъ, что мы скорѣе полюбимъ и болѣе заботимся объ удовольствіяхъ гостя; Англичанинъ въ подобныхъ случаяхъ хлопочетъ безъ устали о пользѣ пріѣзжаго, но предоставляетъ ему самому заботиться о своихъ удовольствіяхъ... Здѣсь всѣ дѣятельны. Праздность и лѣнь не такія обыкновенныя вещи, какъ у насъ. Практическихъ дарованій здѣсь болѣе; ложная, только кажущаяся ученость встрѣчается рѣже. Блестящая вѣщность не обращаетъ на себя вниманія. За то нельзя не признать, что въ Англіи много посредственностей, пользующихся уваженіемъ. Ученые здѣсь, какъ и вездѣ, не столько смотрятъ на талантъ и умъ, сколько на авторитетъ». — «Сентября 21. Я работалъ въ публичныхъ бібліотекахъ надъ литературою и статистикою, дома читалъ историческія и другія книги. Занимался также языками. Отъ безполезныхъ собраній здѣшнихъ ученыхъ я давно отказался. Наиболѣе удовольствія доставляетъ мнѣ здѣшній театръ. Несмотря на всѣ его недостатки, мы за моремъ не знаемъ ничего подобнаго. Иностранцы, которые вообще трудно свыкнутся съ чисто англійскимъ бытомъ и понять его, осуждаютъ многое. Есть вещи, конечно, достойныя порицанія. Но англійскій театръ можетъ развеселить самаго мрачнаго ипохондрика, если онъ только не глупъ и въ состояніи насладиться шуткою».

Послѣ трехмѣсячнаго, проведеннаго болѣею частію въ бібліотекахъ, пребыванія въ Лондонѣ, Нибуръ отправился въ Шотландію. Съ санскритологомъ Вилькинсомъ и еще нѣкоторыми знаменитостями ученаго міра ему не удалось сойтись поближе, потому что ихъ не было въ городѣ. Въ Эдинбургѣ молодого путешественника ждалъ родственникъ въ домѣ стараго капитана Скотта, который за тридцать пять лѣтъ до того познакомился въ Индіи съ Карстеномъ и оказалъ ему тамъ важныя услуги. Нибуръ вступилъ въ число студентовъ эдин-

бургскаго университета. Онъ слушалъ только лекціи естественныхъ наукъ, агрономіи и математики. Въ прочихъ наукахъ онъ ставилъ Нѣмцевъ выше Англичанъ.

«Эдимбургъ, 14 января 1799 года. На чужбинѣ я начинаю любить Германію, какъ страну ученыхъ, хотя каждый шагъ напоминаетъ мнѣ, что народъ нѣмецкій погруженъ въ глубокой сонъ. Непосредственное знакомство съ англійскою литературою убѣдило меня вполне въ нашемъ настоящемъ превосходствѣ почти во всѣхъ отрасляхъ науки. Это превосходство признается даже здѣсь лучшими изъ молодого поколѣнія и нѣкоторыми старыми учеными. Очень многіе уча-т-ся по нѣмецки». — «11 февраля. Сочиненія Канта здѣсь въ большомъ ходу, но понятія объ его философіи самыя странныя, и если я не ошибаюсь, его система не утвердится въ этой странѣ. Ученія французскихъ софистовъ XVIII столѣтія распространяются съ быстротою и при помощи политическихъ событій могутъ сдѣлаться господствующими въ народѣ». — «Февраля 26. У Англичанъ нѣтъ въ настоящее время ни одного великаго писателя. За то у нихъ много полезныхъ писателей въ сферахъ математики и естественныхъ наукъ. Философія въ совершенномъ упадкѣ. Исторія не выше посредственности. Даже въ политической литературѣ, которою славится Англія, не выходитъ ничего достойнаго вниманія». — «7 мая. Съ самого начала реформы Шотландія пользуется высокою славой благочестія. Но духовенство вообще не соответствуетъ своему призванію. Это скажетъ всякій, кто знаетъ край. Набожность народа внѣшняя, безъ всякаго вліянія на образъ мыслей и поступки. Шотландцы читаютъ вытверженные ими наизусть молитвы, исполняютъ наружные обряды и проклиная невѣрныхъ и невѣрующихъ со всею гордостію души, знающей свои привиллегіи. Я не ставлю болѣе Юму въ укоръ его строгаго, насмѣшливаго отзыва о пресвитеріанцахъ временъ Карла I. Я ожидалъ найти у нихъ нравы суровые, а встрѣтилъ одну грубость». — «28 мая. Я слушаю лекціи сельскаго хозяйства у доктора Ковентри. Вѣроятно, мнѣ не придется приложить ихъ къ дѣлу, но знакомство съ столь важнымъ отдѣломъ гражданской жизни доставляетъ большую выгоду: оно снимаетъ преграду, отдѣляющую ученаго отъ дѣйствительнаго работника, и можетъ быть полезно мнѣ на поприщѣ общественной дѣятельности. Сверхъ того, оно объясняетъ многое въ древнихъ писателяхъ... Въ промежуткахъ между лекціями Нибуръ успѣлъ посѣтить нѣкоторые

части Шотландіи и осмотрѣть тамошнія хозяйственныя заведенія. Отзывы его о сельскомъ народонаселеніи не такъ строги, какъ о городскомъ. Видно, что онъ наблюдалъ внимательно все, что ему встрѣчалось на пути. Ровно черезъ годъ послѣ отъѣзда изъ Лондона, онъ возвратился въ этотъ городъ и черезъ нѣсколько дней отправился на родину. Приготовительные труды его были кончены. Оставался выборъ поприща. Нибуръ могъ быть натуралистомъ, историкомъ, филологомъ, государственнымъ человѣкомъ. Онъ былъ готовъ ко всему. Путешествіе по Англіи развило въ немъ, по его словамъ, практическія способности, которыхъ онъ въ себѣ не подозрѣвалъ, но съ другой стороны оно охладило въ немъ юношескій, поэтическій жаръ и заставило смотрѣть на міръ съ болѣе положительной точки зрѣнія. Вскорѣ послѣ возвращенія на родину, онъ женился на Амаліи Беренсъ и уѣхалъ съ нею въ Копенгагенъ, гдѣ Шиммельманъ доставилъ ему должность ассессора въ коммерцъ-коллегіи и секретаря при дирекціи африканскихъ консульствъ.

За исключеніемъ поѣздокъ въ Мельдорфъ къ родителямъ и принятаго, по порученію датскаго правительства, путешествія въ Германію, Нибуръ прожилъ въ Копенгагенѣ около шести лѣтъ. Его почти исключительно занимала служба. Въ 1804 году онъ былъ назначенъ директоромъ банка и получилъ въ свое завѣдываніе остъ-индское отдѣленіе въ коммерцъ-коллегіи. Притомъ онъ остался членомъ дирекціи африканскихъ консульствъ. Большая часть дня проходила въ должностной перепискѣ и въ переговорахъ съ банкирами и другими лицами торговаго сословія. Нибуръ могъ по праву сказать, что онъ немало содѣйствовалъ къ поддержанію датскаго кредита и порядка въ финансахъ въ эту бѣдственную для Даниіи эпоху. Онъ самъ былъ свидѣтелемъ двукратнаго бомбардированія Копенгагена Англичанами, и несмотря на свою любовь къ этому народу, сохранилъ на всю жизнь горькое воспоминаніе объ его политикѣ въ 1801 и 1806 годахъ. Послѣ дневныхъ заботъ, Нибуръ отдыхалъ вечеромъ, читая что-нибудь своей женѣ, или за ученою работою. Онъ не могъ совершенно отстать отъ науки, хотя удѣлялъ ей рѣдкіе часы. Въ 1803 году онъ вспомнилъ свое дѣтство и перевелъ съ арабскаго, къ рожденію отца, часть написанной Эль-Вакиди исторіи завоеваній въ Азіи при первыхъ калифахъ. Онъ думалъ современемъ кончить и издать этотъ переводъ вполнѣ и долго берегъ рукопись. Къ тому же періоду принадлежитъ напечатан-

ное въ запискахъ Скандинавскаго Общества разсужденіе его о Вильгельмѣ Лейслѣ и о датской торговлѣ съ Остѣ-Индією. Но любимымъ предметомъ его занятій была, впрочемъ, классическая древность. Онъ собиралъ матеріалы для исторіи политическихъ учрежденій въ греческихъ республикахъ и написалъ изслѣдованіе о римскихъ общественныхъ поляхъ. Это былъ его первый важный трудъ по римской исторіи. Изученіе древнихъ утѣшало его въ злополучіяхъ современной исторіи. Онъ черпалъ изъ этого источника новыя силы и надежды. Вѣсть объ аустерлицкой битвѣ потрясла его очень сильно. Находя сходство между тогдашнимъ состояніемъ Германіи, занятой Французами, и положеніемъ Греціи при Филиппѣ Македонскомъ, онъ перевелъ первую Филиппику Демосоена и посвятилъ ее императору Александру. Примѣчанія къ этому переводу, въ которыхъ находились явные намеки на современные обстоятельства, обратили на переводчика вниманіе прусскаго министра Штейна. Онъ предложилъ Нибуру перейти въ прусскую службу. Предложеніе пришло тѣмъ болѣе кстати, что послѣдній былъ обиженъ назначеніемъ на обѣщанное ему датскимъ правительствомъ мѣсто молодого человѣка знатной фамиліи, уступавшаго ему въ знаніи дѣлъ и въ заслугахъ. Въ Пруссіи ему открывалась болѣе обширная и не столь утомительная мелочными подробностями дѣятельность. Его звали на мѣсто директора банка въ Берлинъ. Онъ прибылъ въ этотъ городъ въ то самое время, когда дѣло шло о существованіи Прусскаго государства.

II.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Берлинъ, Нибуръ долженъ былъ оставить этотъ городъ. Государство Фридриха II не выдержало столкновенія съ Францією Наполеона. Битвы при Іенѣ и Ауэрштэптѣ рѣшили споръ въ пользу послѣдней. Прусская армія не существовала болѣе; крѣпости, которыя могли бы остановить движеніе побѣдителей и дать русскимъ войскамъ время придти на помощь, сдавались безъ сопротивленія. Старые генералы, начавшіе свое поприще въ семилѣтней войнѣ, потеряли голову послѣ іенскаго разгрома, и прежде мирныхъ гражданъ заговорили о необходимости покориться Наполеону.

Король со всѣмъ семействомъ, со всѣми правительствующими лицами перѣхалъ изъ Берлина въ Кенигсбергъ. Туда же отправился и Нибуръ. Положеніе его было печально. Здоровье его жены совершенно разстроилось; его служебная будущность была связана съ судьбою государства, за дальнѣйшее существованіе котораго онъ имѣлъ причины опасаться. Полагая, что ему нечего болѣе дѣлать въ прусской службѣ, онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ и думалъ посвятить себя исключительно ученымъ трудамъ, или торговымъ оборотамъ. Рижскій банкиръ Клейнъ сдѣлалъ ему даже предложеніе вступить къ нему въ товарищество. Но прусское правительство, болѣе чѣмъ когда либо, нуждалось тогда въ такихъ людяхъ, какъ Нибуръ: вмѣсто отставки, онъ получилъ нѣсколько новыхъ и важныхъ порученій; между прочимъ на него было возложено попеченіе о продовольствіи русской арміи, вступившей въ прусскія владѣнія. Несмотря на всѣ трудности этого дѣла, онъ исполнилъ его съ честію для себя и вступилъ въ довольно близкія отношенія къ генералу Беннигсену и тайному совѣтнику Попову. Изъ писемъ его видно, что онъ хорошо узналъ качества нашего солдата и отдалъ имъ полную справедливость. Обремененный должностными трудами, не имѣя подъ рукою книгъ, онъ однако не упускалъ изъ виду науки и сталъ учиться по русски. Доротея Генслеръ, которая требовала отъ него творческой дѣятельности и упрекала его за расточеніе силъ и безплодное накопленіе непрілагаемыхъ къ дѣлу матеріаловъ, онъ отвѣчалъ слѣдующими словами: «Если бы природа назначила меня быть поэтомъ, твои упреки были бы справедливы: такая тяжелая работа ниже поэта. Но историкъ долженъ допросить каждый народъ, по возможности, на его родномъ языкѣ. Языки и характеры народовъ происходятъ изъ одного и того же необъяснимаго начала: тотъ не знаетъ вполнѣ народа, кто не понимаетъ его языка. Человѣку, знакомому съ восточными языками, нельзя не сердиться на сказки и бредни, пущенныя объ Арабахъ и Персахъ людьми, незнающими ни по арабски, ни по персидски. Какъ можешь судить о Французахъ тотъ, кто читаетъ Телемака въ переводѣ? Жаль, что нельзя изучить всѣхъ языковъ. Полагаю, что занятія мои въ теченіе нынѣшней зимы (1806 — 1807) принесли мнѣ пользу: я составилъ себѣ о древнихъ и новыхъ Русскихъ болѣе опредѣленное понятіе, нежели другіе иностранцы, за исключеніемъ Шлецера. Славянскій языкъ привелъ меня къ очень важнымъ историческимъ

открытіямъ, относительно общаго происхожденія народовъ. Я читалъ также славянскую Библію и пришелъ къ новымъ богословскимъ соображеніямъ. Ты видишь, что я сидѣлъ не надъ одними словами и не обременялъ памяти мертвыми матеріалами. Труды и хлопоты Нибура не прекращались до тильзитскаго мира. Онъ принужденъ былъ оставить больную жену въ Мемелѣ и провелъ первую половину 1807 года въ постоянныхъ разъѣздахъ. Не задолго до заключенія мира, прусское правительство отправило его въ Ригу съ кассою и архивами. Французы приближались къ русской границѣ. Бѣльшей части чиновниковъ, оставшихся безъ дѣла и безъ жалованья, разрѣшено было искать службы въ другихъ государствахъ. Друзья совѣтовали Нибуру подумать о томъ же: ему открывалась возможность получить мѣсто въ Россіи или въ Англіи. Шиммельманъ звалъ его обратно въ Данію. Но онъ остался вѣренъ новому застигнутому бѣдою отечеству. Графъ Гарденбергъ просилъ его со слезами не покидать службы королю.

Тильзитскій миръ свелъ Пруссію съ положенія первостепенной державы, которое ей доставлялъ геній Фридриха Великаго. Она потеряла всѣ за-эльбскія и большую часть присоединенныхъ отъ Польши областей съ четырьмя милліонами жителей. Сверхъ того, Наполеонъ наложилъ на нее огромную контрибуцію, запретилъ ей держать болѣе 42 тысячъ человѣкъ войска и вмѣшивался въ ея внутреннее управленіе. Министръ Гарденбергъ долженъ былъ по его требованію удалиться отъ дѣлъ; въ слѣдующемъ году такая же участь постигла Гарденбергова преемника, барона Штейна, великаго гражданина, стоявшаго во главѣ тѣхъ смѣлыхъ государственныхъ людей и воиновъ, которые не отчаялись въ судьбѣ прусской монархіи и надѣялись вознаградить вѣшнія утраты развитіемъ и напряженіемъ духовныхъ силъ народа. Для обезсиленной послѣднею войною Пруссіи наступила пора внутренняго возрожденія. Устарѣвшія учрежденія смѣнились новыми; войско было преобразовано; оскорбленное чувство гражданъ поднято надеждою на новую, болѣе славную борьбу. Подозрительный надзоръ французскихъ властей могъ вредить лицамъ, а не дѣлу. Въ людяхъ, окружавшихъ съ 1807 года престолъ Фридриха-Вильгельма III, соединялись строгія доблести древняго міра съ средневѣковыми рыцарствомъ. Какой рядъ поэтическихъ и крѣпкихъ характеровъ отъ античнаго Шарнгорста до падшаго жертвою юношескаго героизма майора Шила! Нибуръ занялъ не послѣднее мѣсто въ этой величавой

дружинѣ. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ преобразованіи финансовыхъ учрежденій Пруссіи. Эта часть законодательства обязана ему многимъ, хотя не всѣ его планы были приняты. Законъ 9 октября 1807 года, совершенно измѣнившій отношенія сельскаго народонаселенія, былъ отчасти его дѣломъ.

Въ началѣ 1808 года онъ отправился въ Голландію съ порученіемъ прусскаго правительства заключить тамъ заемъ для уплаты контрибуціи Наполеону. Политическое положеніе Пруссіи не внушало большаго довѣрія банкирамъ, и потому Нибуръ долженъ былъ бороться съ значительными трудностями. Онъ прожилъ около года въ Амстердамѣ; исправляя въ тоже время должность дипломатическаго агента, коротко познакомился съ языкомъ, литературою и исторіею Голландіи, но не могъ привыкнуть къ холодному и расчетливому характеру народа. Отсутствіе близкихъ людей, недостатокъ привычныхъ занятій часто наводили на него уныніе, которое высказывается въ его письмахъ къ Доротеѣ Генслеръ. «Никто не можетъ въ такой степени довольствоваться положеніемъ зрителя, какъ я: я даже не аплодирую и не шиаю. Между тѣмъ мои мирныя занятія прерваны. Чтобъ не отстать отъ нихъ совершенно, я читаю всего Демосеена, и не безъ пользы. Больно, что со мной нѣтъ моихъ книгъ. Я бы могъ превосходно воспользоваться настоящимъ досугомъ и написать исторію той эпохи, которую понимаю, какъ будто самъ жилъ съ Демосееномъ. Въ ней можно найти живое изображеніе нашихъ современниковъ съ ихъ легкомысліемъ, поверхностностію и бездарностію. Сходство простирается даже до той жажды веселій, въ которыхъ мы ищемъ себѣ утѣшенія, между тѣмъ какъ въ другую эпоху всемірной печали и разложенія осмѣиваемые теперь отшельники уходили въ пустыни, образованные люди собирались въ монастыри и сосредоточивали въ сердцахъ своихъ всю силу скорби, которую несли въ загробный міръ. Неужели моя жизнь пройдетъ безплодно, и я не сдѣлаю ничего, достойнаго существованія? Со дня заключенія тильзитскаго міра, я высказываю тѣже мнѣнія, какія Фокіонъ высказывалъ Аѳинянамъ, но между деппаматорами противной стороны я не встрѣтилъ ни одного Демосеена. Даже Гиперидовъ нѣтъ; Діевъ много ¹⁾»... Бесѣды съ ученымъ дипломатомъ Валькнаеромъ доставляли Нибуру пріятное развлеченіе среди

¹⁾ Діей, продажный стратегъ Ахейскаго союза.

однообразной и скучной жизни, которую онъ велъ въ Амстердамѣ. «Давно уже, пишетъ онъ, не случилось мнѣ встрѣчать такого умнаго знатока древней литературы. Онъ знаетъ Римъ и классиковъ, какъ Нѣмцы или другіе народы, у которыхъ есть своя литература, знаютъ собственныхъ писателей и свою исторію. Съ нимъ могу я говорить какъ съ равнымъ. Знаменитѣйшіе филологи, которыхъ мнѣ удалось до сихъ поръ видѣть, принимаютъ такой тонъ, какъ будто они одни посвящены въ тайны науки, чего я никакъ не могу допустить. Валькнаеръ много видѣлъ на свѣтѣ (онъ былъ прежде посланникомъ) и понимаетъ древнихъ не потому только, что знаетъ грамматику. Онъ ищетъ въ классикахъ не однихъ древностей или словъ. Въ нашихъ понятіяхъ много сходнаго». Не задолго до отъѣзда своего изъ Амстердама, гдѣ ему не удалось, по разнымъ причинамъ, исполнить возложеннаго на него порученія, Нибуръ былъ пораженъ вѣстію о паденіи Штейна. Гнѣвъ Наполеона разразился надъ прусскимъ министромъ, который принужденъ былъ не только сложить съ себя свое знаніе, но искать убѣжища сначала въ Австріи, потомъ въ Россіи. Положеніе Нибура, какъ челоѣка близкаго Штейну, пользовавшагося его полнымъ довѣріемъ, было не совсѣмъ безопасно. Тогдашній король голландскій, Лудовикъ Бонапарте, увѣдомилъ его тайно о надзорѣ за нимъ французской полиціи. На возвратномъ пути въ Пруссію, Нибуръ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Голштиніи, въ кругу родныхъ и друзей своихъ. Но судьба европейскихъ государствъ не переставала его сильно тревожить. Онъ менѣе, чѣмъ кто другой могъ быть равнодушнымъ зрителемъ трагедіи, которая разыгрывалась предъ его глазами. Воображеніе его рисовало мрачными красками будущность нашей части свѣта. Въ возрастающей безнравственности народовъ видѣлъ онъ признакъ неудержимаго разложенія и не ожидалъ пользы отъ отдѣльных, личныхъ усилій. Въ маѣ 1809 года онъ писалъ изъ Мельдорфа: «прочти въ Гиббонѣ исторію императора Маѳоріана. Онъ превосходилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ добродѣтелью и не уступалъ ни одному изъ нихъ въ дарованіяхъ и мужествѣ. Силы его были еще значительны и могли казаться малыми только въ сравненіи съ прошедшимъ. Онъ былъ мудрый правитель и ясно понималъ свои отношенія къ народу; однако и ему не удалось бы ничего сдѣлать противъ вѣка, даже при болѣе долгой жизни и при полнотѣ вѣрованій. Для него лично смерть была высшимъ благомъ: она достигъ

ла его среди надеждъ на успѣхъ». Смѣлый постунокъ майора Шила возбудилъ въ немъ скорбное недоумѣніе. «Не знаю, какъ назвать его, великимъ человекомъ, или простымъ искателемъ приключеній», говоритъ Нибуръ. «Во всякомъ случаѣ онъ счастливецъ, даже если ему суждено погибнуть. Это первое смѣлое, небывалое въ теченіе многихъ лѣтъ дѣло. Разрушеніе гражданскихъ отношеній и формъ совершилось. Теперь начинается гнѣніе, или зарождается новая жизнь. Но гдѣ зародыши этой жизни? Не знаю, на кого больше сердиться: на тѣхъ, которые рукоплещутъ удалцу, потому что ихъ тѣшитъ отвага, или на тѣхъ, которые бранятъ Шила за необдуманную дерзость». Эти горькія мысли уступили мѣсто другимъ, болѣе отраднымъ во время пребыванія Нибура въ Нютшау, помѣстью его друга, графа Адама Мольтке. Здѣсь наконецъ отдохнулъ онъ душой послѣ долгаго мучительнаго напряженія. Въ письмѣ къ Доротей Генслеръ отъ 3 августа высказывается это измѣнившееся подъ вліяніемъ дружбы и природы настроеніе духа. «Жадное требованіе покоя, которое ты такъ часто читала на лицѣ моемъ, можетъ служить тебѣ ручательствомъ, что жизнь съ Мольтке, тишина здѣшнихъ мѣстъ и свѣжій, сельскій воздухъ на меня благотворно дѣйствуютъ. Струны, въ продолженіе многихъ лѣтъ болѣзненно натянутыя, почти утратившія силу вслѣдствіе постоянного раздраженія, успокоились и задремали. Здѣсь, гдѣ меня не жжетъ болѣе мелкій огонь новостей, не мучатъ изнуряющія страсти разговоры, я могу устранять отъ себя безнадежное созерцаніе вещей, даже не думать о собственной участи. Перенесенному изъ отдаленной дѣйствительности въ тѣсный кругъ ближайшаго, непосредственнаго настоящаго, мнѣ удалось воскресить въ себѣ интересы, отъ которыхъ я давно отвыкъ, и полузабытыя идеи. Чистый воздухъ, поле, лѣсъ, трава удѣляютъ мнѣ часть своей жизни. Мнѣ часто бываетъ нехорошо, рѣдко бываетъ легко, но я чувствую, что мнѣ лучше на просторѣ, чѣмъ въ городѣ, и что выздоровленіе и радость для меня еще возможны. До свободнаго, творческаго, оживленнаго фантазією размышленія, въ которомъ одномъ я могъ бы обрѣсти внутреннюю полноту и удовлетвореніе, я еще почти не доходилъ. Быть можетъ, я стремлюсь къ элементу мнѣ не свойственному. Влекущій меня инстинктъ не можетъ, однако, обманывать: иначе я нашелъ бы успокоеніе въ низшей, предназначенной мнѣ сферѣ. Но крылья мои подрѣзаны, мышцы отъ долгой неподвижности утратили гибкость, умствен-

ныя привычки загрузбили. Что на моемъ столѣ накопиются книги, извинительно, хотя и несообразно съ моими цѣлями. Я такъ давно лишень былъ счастія пользоваться библіотекою, что не въ состояніи устоять противъ искушенія и наслаждаюсь книгами. Съ другой стороны, это полезно. Только чрезъ прикосновеніе къ струнамъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ нетронутымъ, восстанавливается моя память. Я долженъ снова привыкать къ ученому труду, справкамъ и чтенію».

«Въ Діонисіи Галикарнасскомъ нашелъ я дополненія къ старой моей работѣ, прослѣдилъ даже доказательства въ пользу моего мнѣнія, что между Римомъ и Греками рано возникли сношенія и образовались связи. Мимоходомъ встрѣтилъ я кое-что для обозрѣнія древнѣйшихъ племенъ западной Европы, потомъ прочелъ съ почтеніемъ и восторгомъ (эти чувства доставляютъ мнѣ высокое удовольствіе) нѣсколько сочиненій Мирабо о финансахъ. Они напомнили мнѣ мои собственныя, давно впрочемъ мною понятыя, ошибки, которыхъ я вѣроятно избѣжалъ бы при такомъ руководствѣ. Но притомъ я вспомнилъ также о страшныхъ ошибкахъ людей, предъ которыми былъ зажженъ этотъ свѣтильникъ, которые, по зрѣлости своей, могли имъ пользоваться, и однако бродили, какъ слѣпые во тьмѣ. Такъ вотъ мнимая польза великихъ писателей! Отечество Мирабо не хотѣло его слушать и ринулось въ бездну, на которую онъ съ воплемъ отчаянія указывалъ. Другимъ народамъ не пошли въ прокъ ни истины, имъ сказанныя, ни примѣръ. Меня очень занимаютъ физико-философскія сочиненія Баадера, проникнутыя самымъ мистическимъ духомъ. Вообще, они столько же вредны, сколько безплодны по темнотѣ своей. Для каждаго, кто не довольствуется словами и обращающимися въ одномъ кругѣ толкованіями, ясно, что надъ нашими науками есть истина, которая къ нимъ относится, какъ живое существо къ своему изображенію. Но мы не въ состояніи обойтись безъ науки, и всѣ наши чаянія и догадки получаютъ смыслъ только при твердомъ опредѣленіи границъ положительнаго знанія. Взятая отдѣльно, онѣ обращаются въ сны и воздушные образы». Нибуръ питалъ, впрочемъ, большее уваженіе къ характеру и глубокомыслію Баадера и совѣтовалъ даже своей свояченицѣ читать его статьи чисто философскаго содержанія.

Подробный разсказъ о служебной дѣятельности Нибура въ 1809 и 1810 годахъ былъ бы здѣсь неумѣстенъ. По возвращеніи въ Берлинъ,

онъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта и получилъ въ завѣдываніе отдѣленіе государственныхъ долговъ и кредитныхъ учреждений. Сверхъ того, онъ заступилъ мѣсто І. Мюллера въ званіи прусскаго исторіографа и былъ принятъ въ число членовъ берлинской академіи. Друзья его боялись за его здоровье при такомъ множествѣ и разнообразіи трудовъ. Но работа была стихією, въ которой ему всего привольнѣе и здоровѣе было жить. Она отвлекала его отъ мрачныхъ думъ и сообщала спокойствіе его раздражительному характеру. Къ сожалѣнію, внѣшнія отношенія не соответствовали требованіямъ и ожиданіямъ Нибура. Онъ не могъ согласиться съ планами финансовыхъ реформъ, предложенными королю графомъ Гарденбергомъ, который, съ согласія французскаго правительства, снова сталъ главою прусскаго министерства. Нибуръ, считая мнѣнія графа объ этомъ предметѣ вредными для государства, не соглашался на введеніе бумажныхъ денегъ, на выкупъ поземельной подати, на земскій акцизъ и на высокіе ремесленные налоги. Руководствуясь своими убѣжденіями, онъ подалъ прямо королю возраженіе на предложенные Гарденбергомъ планы. Поступокъ этотъ навлекъ на него неудовольствіе короля и вообще былъ перетолкованъ берлинскою публикою въ дурную для Нибура сторону. Уваженіе людей, которыхъ мнѣніемъ онъ наиболѣе дорожилъ, между прочими самого Гарденберга, вознаградило его за несправедливость большинства. Осенью 1810 года онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ своихъ должностей по вѣдомству финансовъ и впервые послѣ университетской жизни занялся исключительно наукою.

Ему было тогда тридцать четыре года. Онъ вступилъ на новое поприще съ огромнымъ запасомъ природныхъ силъ и прибрѣтенныхъ средствъ. Многолѣтняя дѣятельность въ высшихъ сферахъ государственнаго управленія, обширныя и разнообразныя связи сообщали ему твердый, практическій, рѣдкій у нѣмецкихъ ученыхъ взглядъ на исторію. Онъ видѣлъ своими глазами живое движеніе событій и принималъ въ судьбѣ народовъ не одно теоретическое участіе. Съ этой стороны, онъ примыкаетъ къ школѣ англійскихъ политическихъ историковъ, у которыхъ въ свою очередь много общаго съ древними. Но у Нибура болѣе поэтическаго чувства, болѣе истиннаго творчества, чѣмъ у Англичанъ. Ученостію онъ превосходилъ самого Гиббона. Мы уже имѣли случай говорить объ объемѣ и глубинѣ его знаній. Въ 1810 году онъ зналъ болѣе двадцати языковъ, — на многихъ онъ

говорилъ и писалъ, какъ на своемъ родномъ. Всѣ значительныя произведенія древнихъ и новыхъ литературъ были ему извѣстны въ подлинникѣ. Короче, онъ былъ великій филологъ, основательный знатокъ естественныхъ наукъ, за успѣхами которыхъ не переставалъ слѣдить, историкъ и камералистъ. Такое соединеніе разнородныхъ свѣдѣній въ одномъ человѣкѣ можетъ показаться невѣроятнымъ. Оно объясняется только чудесною памятью Нибура. Онъ не имѣлъ надобности въ выпискахъ изъ книгъ, ибо помнилъ все читанное имъ. Ссылая на древнихъ писателей онъ обыкновенно дѣлалъ на память, и никто еще не уличилъ его въ невѣрной цитатѣ. Будучи посломъ въ Римѣ, онъ встрѣтилъ тамъ члена англійскаго парламента, искавшаго справокъ для какого-то статистическаго вопроса. Нибуръ вспомнилъ, что англійскіе журналы занимались этимъ предметомъ за двадцать лѣтъ до того, во время его пребыванія въ Эдинбургѣ, и продиктовалъ своему знакомому длинный рядъ удержанныхъ имъ въ памяти цифръ. Цифры оказались вѣрными. Въ другой разъ онъ подвергся слѣдующему опыту. Жена его взяла Гиббонову «Исторію паденія Римской Имперіи» и стала спрашивать его по указателю о самыхъ мелкихъ фактахъ и темныхъ именахъ, упоминаемыхъ въ этомъ великомъ твореніи. Нибуръ былъ занятъ другимъ дѣломъ. Не прерывая начатой работы, онъ выдержалъ долгій допросъ, не сдѣлавъ ни одной ошибки.

Нибуръ еще не сосредоточилъ своихъ изслѣдованій на одномъ любимомъ предметѣ. Его мысль свободно гуляла по обширному полю науки и долго не стояла на одномъ мѣстѣ. Изъ уплывшей, можетъ быть еще въ Копенгагенѣ составленной записки, видно, что онъ колебался между Римомъ, Греціею и Аравійскимъ калифатомъ. Для всѣхъ этихъ трудовъ у него были приготовлены въ головѣ богатые матеріалы. Счастливый случай опредѣлилъ его призваніе. Въ августѣ 1810 года, въ день отъѣзда Доротеи Генслеръ, пріѣзжавшей въ Берлинъ для свиданія съ родными, къ Нибуру, который былъ разстроенъ проводами, пришелъ его пріятель Спальдингъ. Въ разговорѣ онъ сказалъ между прочимъ, что намѣренъ, въ качествѣ академика, читать лекціи въ открывшемся тогда берлинскомъ университетѣ. Нибуръ былъ сильно пораженъ этой мыслию. Ему показалось, что само небо указывало ему на дѣло, которымъ онъ могъ успокоить свою внутреннюю тревогу. Его затруднялъ только выборъ предмета для задуманнаго имъ курса. Въ половинѣ сентября онъ рѣшился читать римскую исторію. «Я

начну — пишетъ онъ къ Доротеѣ Генслеръ — съ древнѣйшихъ временъ Италіи и постараюсь изобразить древніе народы не съ узкой точки зрѣнія ихъ подчиненія Риму, а независимо отъ этого факта, такими, какъ они были до римскаго завоеванія. Въ римской исторіи займусь учрежденіями и администраціею, о которыхъ я составилъ себѣ живое представленіе. Мнѣ хотѣлось бы довести рассказъ до того времени, когда формы, развившіяся изъ античныхъ началъ, совершенно вымерли и уступили мѣсто средневѣковымъ. Онъ принялся за работу съ истиннымъ одушевленіемъ. Для него наступили бесспорно лучшіе, самые свѣтлые дни его жизни.

1 ноября онъ началъ чтеніе своихъ лекцій передъ многочисленною и внимательною аудиторіею, въ которой находились почти всѣ ученые знаменитости тогдашняго Берлина: Савиньи, Бутманъ, Спальдингъ, Шлейермахеръ, Ансальонъ и другіе. Курсъ открылся превосходнымъ, произведшимъ сильное впечатлѣніе на слушателей введеніемъ. Нибуръ объяснилъ имъ свою точку зрѣнія на римскую исторію и указалъ на живую связь этой исторіи съ современностію. Въ Германіи происходила тогда, подъ вліяніемъ новѣйшихъ событій и ненависти къ Французамъ, сильная реакція противъ всего латинскаго. Романтическая школа, стоявшая во главѣ литературнаго движенія, пользовалась этимъ настроеніемъ умовъ и доводила до нелѣпой крайности уваженіе къ нѣмецкой національности и презрѣніе къ иноземнымъ вліяніямъ, искажившимъ, по ея мнѣнію, чистоту народнаго характера. У Нибура, какъ у большей части замѣчательныхъ людей этой эпохи, были общія стороны съ романтиками; но онъ бесконечно превосходилъ ихъ ясностію своихъ воззрѣній на исторію. Онъ заключилъ свое введеніе слѣдующими словами, имѣвшими для его слушателей не одно научное значеніе. «Мы смѣло можемъ сказать, что тѣ германскія племена, которыя остались на родной почвѣ и не оторвались отъ родины, живя среди побѣжденныхъ ими Римлянъ, были съ избыткомъ награждены за вѣковую борьбу свою съ Римомъ выгодами, которыя произошли для нихъ изъ римскаго владычества надъ міромъ. Безъ этого явленія и созрѣвшихъ, благодаря ему, плодовъ, мы едва ли бы перестали быть варварами. Достойныя почтенія, невозвратимыя свойства нашихъ предковъ были вытѣснены не формами, которыя они взяли съ классической почвы и усвоили себѣ при распространеніи литературы, а бессмысленнымъ заимствованіемъ чужаго вкуса и чужихъ

идей, которые, къ нашему вреду, проникли къ намъ еще прежде и задолго лишили насъ теплоты и истины». У каждаго народа слышится по временамъ жалоба на порчу собственной національности, на преобладаніе чужеземныхъ началъ. Такъ жаловался Римъ на Грецію, Нѣмцы на Италію и Францію, Франція на Англію. Многимъ ли понятенъ смыслъ этой жалобы?...

При чтеніи своихъ лекцій, Нибуръ не довольствовался передачею однихъ результатовъ. Онъ вводилъ своихъ слушателей во всѣ подробности труднаго, глубокомысленнаго изслѣдованія. Возстановленіе римской исторіи совершалось передъ ихъ глазами, можно сказать, при ихъ содѣйствіи. Ученая и мыслящая аудиторія въ свою очередь благотворно дѣйствовала на преподавателя. Онъ доверчиво подвергалъ ея приговору участь своихъ смѣлыхъ предположеній. Между нимъ и ею образовалась живая связь обоюднаго вліянія, постоянный, богатый результатами обменъ идей. Каждая лекція входила новымъ и важнымъ фактомъ въ исторію науки. Такъ думалъ Савиньи, по словамъ Нибура — первый знатокъ этого дѣла между современниками. Въ самомъ дѣлѣ, заслуги Нибура были велики. Онъ состояли не въ одной отрицательной критикѣ, не въ простомъ отдѣленіи поэтическихъ приписей отъ дѣйствительныхъ событій, которыя такимъ образомъ теряли для насъ привычную красоту: въ его трудѣ было безконечно много творчества. Подобно сказочному колдуну, онъ попеременно поливалъ свой предметъ мертвою и живою водою, разсѣивалъ его какъ трупъ и потомъ слагалъ снова въ органическое тѣло. Въ основаніи его критики лежала слѣдующая положительная мысль: исторія, какъ наука, или какъ отчетливое сознаніе прошедшаго, начинается у народовъ уже вслѣдствіе долгихъ опытовъ и жизни. Ей предшествуетъ поэтическое, неясное, но и не живое воспоминаніе о первой эпохѣ народнаго существованія. Эти воспоминанія облекаются въ соответствующіе ихъ внутреннему характеру внѣшніе образы. Пѣсни и поэтическое сказаніе являются задолго до лѣтописи. Народъ дорожитъ ими, потому что они говорятъ ему доступнымъ для него языкомъ объ его дѣтствѣ; онъ вѣритъ имъ, потому что узнаетъ въ нихъ самого себя. Отъ памятниковъ такого рода не должно требовать точности хронологическихъ или географическихъ опредѣленій. Безсознательное дѣтство народовъ принадлежитъ темному Хроносу, пожирающему собственныхъ дѣтей, т. е. лица и событія. Опредѣленное, индивидуальное тонетъ безъ слѣда въ

неокрѣпшей еще памяти человѣка, удерживающей только общія черты и, можно сказать, массы происшествій. Этими смутными, разбѣгающимися подобно облакамъ образами играетъ въ послѣдствіи народная фантазія. Она даетъ имъ ясную форму и выразительный, большею частію символическій обликъ. По мѣрѣ того, какъ укрѣпляется въ народѣ сознаніе, ослабѣваетъ его фантазія. Чѣмъ тверже и рѣче принимаются памятью отдѣльныя явленія, тѣмъ менѣе остается мѣста поэтическому элементу. Но такой переходъ изъ области фантазіи въ область дѣйствительности совершается не вдругъ, а постепенно. Первые лѣтописи заимствуютъ многое изъ пѣсень. Задача мыслящаго историка — указать сначала на рубежъ, отдѣляющій чистую исторію отъ поэтической, потомъ оцѣнить по достоинству послѣднюю. Въ ней есть своя истина. Кромѣ того, что въ ней чище, чѣмъ гдѣ либо, отражается непосредственный, еще не измѣненный никакими вліяніями характеръ народа, она содержитъ въ себѣ указанія на дѣйствительныя событія и нерѣдко раскрываетъ ихъ внутренній смыслъ. Критика Нибура не посягала на красоту римскихъ сказаній: она была разрушительна для басенъ, внесенныхъ писателями, а не для созданій народной фантазіи, которыхъ историческое значеніе онъ понималъ какъ немногіе. Едва ли кто другой обходился такъ осторожно съ античными мифами и преданіями, и эти великолѣпные, но нѣжные цвѣты не теряли своей свѣжести отъ его прикосновенія. Это подтвердитъ всякій знакомый съ трудами великаго историка. Мы скажемъ далѣе объ его превосходномъ разборѣ римскихъ историковъ. Никогда политическія учрежденія державнаго города не подвергались такому строгому и вмѣстѣ многостороннему изслѣдованію. Нибуръ объяснялъ ихъ не одними текстами историковъ, но и аналогическими явленіями въ жизни другихъ народовъ. Его колоссальная память и огромная начитанность давали ему возможность пользоваться мелкими, ускользающими отъ вниманія обыкновенныхъ читателей фактами, для самыхъ любопытныхъ сближеній и выводовъ. Отношенія поземельной собственности въ Дитмарсенѣ дали ему ключъ къ уразумѣнію аграрныхъ законовъ и вообще объяснили ему значеніе государственныхъ земель въ Римѣ. Мексиканское лѣтосчисленіе привело его къ циклической системѣ древнихъ италійскихъ племенъ. Впрочемъ, онъ не почиталъ своихъ розысканій оконченными и думалъ о дальнѣйшихъ трудахъ. Доказательства находятся въ его письмахъ къ Доротей Генслеръ. «19 марта

1811 года. Мнѣ кажется, что важность моихъ изслѣдованій о римской исторіи возрастаетъ съ каждою недѣлею. Я надѣюсь разрѣшить такія загадки, надъ которыми одни трудились до сихъ поръ напрасно; другіе ихъ осторожно обходили. Но все это еще не составляетъ настоящей исторіи.—18 мая. Я приближаюсь къ концу моихъ чтеній. Скоро начну ихъ печатать. Я приступаю къ этому дѣлу съ яснымъ сознаніемъ того, что находится въ моей книгѣ, и ея будущаго значенія. Первый пріемъ меня нѣсколько беспокоитъ, частію, потому что многое можно и должно было лучше отдѣлать; частію оттого, что нашей публикѣ нельзя безнаказанно предложить такъ много новаго, какъ бы ни были убѣдительны доводы. Пріемъ любви мнѣ уже былъ сдѣланъ со стороны Савиньи и другихъ друзей; теперь предстоитъ пріемъ непріязни. Въ похвалѣ и порицаніи, въ самомъ изслѣдованіи я не отступалъ отъ убѣжденія и готовъ умереть за свою книгу. Для чтенія она годится только отчасти. Я знаю самъ, что рядомъ съ удавшимися мѣстами находятся другія, тяжелыя и нескладныя. Достоинство моей книги заключается въ критикѣ и въ объясненіи многихъ частныхъ въ учрежденіяхъ, законахъ и т. д.»

Зима 1810—1811 года быстро прошла для Нибура среди занятій, доставлявшихъ ему высокое наслажденіе. Сверхъ чтенія лекцій, онъ написалъ статью для академіи, трудился надъ планами административныхъ улучшеній, по просьбѣ министра графа Дона, и принималъ самое дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ небольшого, частнымъ образомъ составившагося общества филологовъ, котораго членами были лучшіе друзья Нибура: Савиньи, Спальдингъ, Бутманъ, Гейндорфъ и еще нѣсколько человѣкъ, ему близкихъ по занятіямъ и направленію. Они сходились каждую пятницу, объясняли древнихъ писателей съ грамматической и исторической стороны и потомъ заключали вечеръ веселою бесѣдою. Нибуръ вынесъ изъ этого избраннаго кружка самыя отрадыя воспоминанія. Ему необходимо было съ кѣмъ-нибудь дѣлиться своими мыслями. Въ Берлинѣ онъ могъ вполне удовлетворять этой потребности. Безъ поощренія со стороны друзей онъ вѣроятно не приступилъ бы даже къ чтенію своего курса. На это намекаютъ слова, сказанныя имъ въ предисловіи къ первому тому римской исторіи. «Есть вдохновеніе, источникомъ котораго бываетъ присутствіе и бесѣда любимыхъ нами людей. Ихъ непосредственное вліяніе сообщаетъ намъ поэтическое настроеніе духа, даетъ силу, бодрость и

ясность взгляда. Этому вліянню обязанъ я всѣмъ лучшимъ, что было въ моей жизни. Я обязанъ друзьямъ моимъ успѣшнымъ возвратомъ къ давно покинутымъ, или слабо поддерживаемымъ затѣямъ. Благословляю за то дорогую мнѣ память почившаго Спальдинга. Примите и въ громкое выраженіе моей признательности, Савиньи, Бугманъ, Гейндорфъ. Безъ васъ и нашего умершаго друга я никогда не рѣшился бы приступить къ этому труду; безъ вашего участія и живительнаго присутствія онъ едва ли могъ быть приведенъ къ окончанію. Впрочемъ, жизнь въ кругу людей, которые были въ состояніи понимать его, поддерживая внутреннюю дѣятельность Нибура, иногда отвлекала его отъ литературной производительности. Высказанная и уясненная въ разговорѣ мысль теряла для него прелесть новизны. Онъ переставалъ считать ее своею собственностію и былъ доволенъ тѣмъ, что изустно передалъ ее другимъ, способнымъ ею воспользоваться. Онъ не таилъ своихъ открытій и охотно сообщалъ ихъ въ частной бесѣдѣ. Смерть Спальдинга, умершаго въ іюнѣ 1811 года, была для него тяжкимъ ударомъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой потери онъ отправился на родину въ Гольштейнъ, гдѣ снова провелъ два пріятныхъ мѣсяца. Давно родственники его не видали его такимъ бодрымъ и веселымъ. Но на днѣ души еще таилось больное, нашъ изъ предъидущаго извѣстное чувство сожалѣнія о бесплодно потерянныхъ силахъ. По возвращеніи въ Берлинъ, онъ писалъ къ Якоби о своемъ нравственномъ состояніи. Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ этой любопытной исповѣди.

«Отлученіе отъ міра въ небольшомъ городкѣ, жизнь, съ раннихъ лѣтъ ограниченная домомъ и садомъ, приучила меня удовлетворять ненасытныя требованія моей дѣтской фантазіи не изъ дѣйствительности и природы, а изъ книгъ, картинъ и разговоровъ. Воображеніе мое отрѣшалось отъ настоящаго и переносило въ свою область все, что я читалъ; а я читалъ безъ мѣры и безъ цѣли. Дѣйствительность скрывалась отъ меня, такъ что я могъ понимать только на основаніи чужихъ понятій и смотрѣлъ на вещи не своими глазами. Этотъ міръ изъ вторыхъ рукъ былъ мнѣ хорошо извѣстенъ; я даже обладалъ преждевременною зрѣlostію разсудка; но истина во мнѣ самомъ и внѣ меня была недоступна моему взору. Даже древность, къ изученію которой я приступилъ въ послѣдствіи съ такою страстію, служила долгое время преимущественно къ наполненію новыми образами моего

мечтательнаго міра и къ его оживленію. Затворничество, къ которому я былъ приговоренъ болѣзнію и опасеніями родныхъ за мое здоровье, сдѣлало изъ меня комнатную птицу. Особенности зрѣлаго возраста основаны на наблюденіяхъ и понятіяхъ, приобрѣтенныхъ въ дѣтствѣ, такъ какъ крѣпость тѣлесная развивается изъ ранняго употребленія нашихъ силъ; но для меня дѣтскіе годы прошли безплодно. Никому не приходило въ голову спросить у меня, чтò я дѣлаю. Только на тринадцатомъ году началъ я порядкомъ учиться. Родители радовались, видя, что я всегда занятъ, и что не только иду въ уровень, но даже обгоняю моихъ ровесниковъ въ предметахъ, которыми ихъ учили, а меня пѣтъ. Сверхъ того, я могъ толковать какъ взрослый о множествахъ вещей, извѣстныхъ мнѣ изъ книгъ. Мнѣ самому становилось страшно: я убѣдился, что, несмотря на принадлежавшее мнѣ царство призраковъ, я въ дѣйствительномъ мірѣ былъ бѣденъ и безсиленъ. Тогда я понялъ, что истина заключается въ положительномъ возвращеніи на предметы, изъ котораго исходитъ настоящая поэзія. Систематическое занятіе наукою казалось мнѣ тяжелымъ, и къ сожалѣнію, я обходилъ трудность, оставляя въ сторонѣ то, чего не могъ себѣ усвоить. Я былъ близокъ къ внутреннему перерожденію, и не дошелъ до него. Путешествіе въ Англію, пребываніе среди народа, отличающагося опредѣленностію мысли и рѣшительностію дѣйствій, невольное занятіе облагоустроенными здѣсь достоинствомъ формы и принаровленіемъ къ цѣли житейскими предметами помогли мнѣ перейти въ реальную сферу и открыли глаза на многое. Тогда я подавилъ въ себѣ воображеніе, подчинился строгой духовной діетѣ и долго жилъ въ совершенной зависимости отъ внѣшняго міра. Я чувствовалъ себя впрочемъ бѣднѣе, чѣмъ когда-либо... Станный случай заставилъ меня, вскорѣ послѣ вашего отъѣзда изъ Голштейна, оставить Копенгагенъ. Со мной былъ мой ангелъ-хранитель. Я пріѣхалъ въ Берлинъ въ эпоху распаденія государства, которому хотѣлъ себя посвятить. Среди горя и заботъ, я испыталъ болѣе важнаго, чѣмъ во всѣ предшествовавшіе годы. Обстоятельства мои безпрестанно измѣнялись: я долженъ былъ дѣйствовать осторожно и рѣшительно. Передо мной открылась великая сцена, не похожая на скучную драму моей прежней, мирной жизни. Я научился ставить самого себя на карту—и игралъ счастливо. Обломокъ, на которомъ я такъ долго носился по волнамъ, присталъ къ берегу, и я очутился въ странѣ моихъ юношескихъ же

ланий, среди самого благоприятного для ученых занятий досуга, въ приятномъ кругу друзей».

Лѣтомъ 1811 года вышелъ въ свѣтъ первый томъ Нибуровой «Римской исторіи», доведенный до смерти Спурія Кассія, въ 269 году отъ основанія города. Въ началѣ зимняго семестра онъ приступилъ къ продолженію своего курса. Между его слушателями было много офицеровъ, которыхъ присутствіе радовало Нибура, ибо служило свидѣтельствомъ новаго духа и направленія въ прусской арміи. Самыя лекціи доставляли ему, впрочемъ, менѣе удовольствія, чѣмъ въ предыдущемъ году: ему приходилось болѣе рассказывать, чѣмъ изслѣдовать. «Распределеніе и развитіе событій — говоритъ онъ — не составляетъ такого наслажденія, какъ открытіе новаго закона, или общей плодотворной истины. Мнѣ было бы полезнѣе и пріятнѣе кончить эти лекціи и перейти къ другому предмету розысканій. Слѣдующимъ лѣтомъ я думаю читать о Фукидидѣ, или о законахъ и учрежденіяхъ греческихъ государствъ». Онъ жаловался на бѣдность матеріаловъ, при которой невозможна живая исторія. Между тѣмъ первый томъ «Римской исторіи» возбудилъ разнообразныя толки. Публика была недовольна неровнымъ языкомъ этой книги. Нибуръ написалъ по этому поводу любопытное письмо къ Доротеѣ Генслеръ.

«Берлинъ 28 января 1812 года. Я ожидалъ упрековъ въ неровности слога. Справедливы они или нѣтъ, не знаю самъ. Тебѣ извѣстно, что у меня слогъ служитъ непосредственнымъ выраженіемъ мысли, и что въ немъ нѣтъ ничего изысканнаго. Я готовъ, впрочемъ, утверждать, что неровность слога сама по себѣ есть недостатокъ, и что въ историческомъ отношеніи возможно сочетаніе лѣтописной простоты съ поэзію. Многое можетъ быть сносно сказано только при величайшей простотѣ; вслѣдъ за тѣмъ внутреннее созерцаніе предмета можетъ поднять выраженіе до поэзіи. Въ этомъ смыслѣ Фукидидъ очень неровенъ, такъ что древніе критики сомнѣвались, имъ ли написана осьмая книга. Какъ неровенъ Демосеенъ въ одной и той же рѣчи! Развѣ въ этомъ нѣтъ соотвѣтственности съ измѣняющимися предметами? Цицеронъ очень однообразенъ; не думаю, однако, чтобы это свойство служило ему похвалою. Однообразіе или единство языка есть краска, которою авторъ покрываетъ свое твореніе. Допустивъ, что великій писатель до такой степени владѣетъ своимъ предметомъ, что можетъ внести одинъ тонъ въ самое разнообразное содержаніе,

такъ какъ сдѣлалъ Тацитъ въ послѣднемъ сочиненіи, т. е. Лѣтописяхъ, мы должны признаться, что у повѣйшихъ писателей при такомъ изложеніи исчезаетъ живая сторона явленій. Если бы мнѣ, по окончаніи первыхъ томовъ, пришлось готовить второе изданіе, я бы тщательно провѣрилъ, на сколько тонъ въ каждомъ мѣстѣ соотвѣтствуетъ содержанію. Здѣсь могутъ быть ошибки, которыхъ теперь я еще не въ состояніи усмотрѣть. Приговоръ читателей въ этомъ отношеніи меня не пугаетъ: смѣю сказать, что немногіе привыкли къ дѣйствительно античному и потому не узнаютъ его, когда оно является предъ ними въ другомъ образѣ. Сюда принадлежитъ и неровная рѣчь. Развѣ у Шекспира не встрѣчаемъ ежедневнаго, простаго языка въ одной сценѣ и высочайшей поэзіи въ другой? Развѣ можно говорить въ однихъ выраженіяхъ о войнѣ за баварское наслѣдство и о битвѣ еермпильской? Я недоволенъ первыми напечатанными листами второго тома. Въ нихъ мало жизни и движенія»....

Вообще Нибуръ не былъ тогда такъ хорошо настроенъ, какъ при началѣ курса. Мы видѣли, что самое чтеніе лекцій было ему иногда въ тягость. Работая надъ вторымъ томомъ своего сочиненія, онъ не находилъ въ себѣ нужнаго одушевленія и потому былъ недоволенъ написаннымъ. Засѣданія филологическаго общества потеряли для него прежнюю занимательность вслѣдствіе смерти Спальдинга и отсутствія нѣкоторыхъ другихъ членовъ. Зато онъ много занимался нѣмецкою литературою. Мы приведемъ самыя замѣчательныя изъ его отзывы.

«1 ноября 1811 года. Автобіографія Гёте вышла, и я получу ее на дняхъ. Мнѣ всегда становится грустно, когда узнаю, что великій человѣкъ пишетъ о своей жизни. Это значитъ, что для него наступилъ вечеръ, и что корень его жизни сохнетъ. — 16 ноября. Говоря, что автобіографіи вообще и Гётева въ особенности напоминаютъ мнѣ лебедяную пѣснь, я употребилъ слишкомъ общее, неопредѣленное выраженіе. Вспоминая о своей молодости, Гёте снова сталъ молодъ. Можетъ быть, онъ не напишетъ болѣе ничего подобнаго; но онъ давно уже и не писалъ ничего хорошаго. Изложеніе несказанно прекрасно и мило. Я увѣренъ, что наши мнѣнія объ этой книгѣ сходны. Многочисленныя мелкія подробности не должны утомлять тебя: представь себѣ, что онъ ихъ самъ рассказываетъ. Превосходство слога заключается именно въ томъ, что можно подуматъ, что слышишь изустный рассказъ автора. Исторія первой любви увлекательно хороша. Другой

такой не будет; по моему, ее можно бы не оканчивать. — 6 марта 1812 года. Я еще не читалъ переписки Югана Мюллера съ друзьями, потому что не хочу ее покупать. Вѣроятно, она такъ же интересна, какъ переписка его съ Бонштетеномъ; но я увѣренъ, что всѣ чувства и сужденія Мюллера съ самаго дѣтства были искусственныя. Отъ его сочиненій не вѣсть свѣжимъ дыханіемъ истины. У него была необычайная способность усваивать себѣ чужую натуру и послѣдовательно поддерживать ее до обмѣна на новую. Еще до свиданія съ нимъ, я заключилъ изъ его сочиненій, отъ «*Bellum Cimbricum*» до «Трудовъ», что въ немъ нѣтъ внутренней выдержки. Въ немъ не было никакой гармоніи. Съ лѣтами онъ все болѣе и болѣе сохъ. По талантамъ ему слѣдовало быть ученымъ въ самомъ узкомъ значеніи слова; исторической критики у него не было вовсе; воображеніе его сосредоточивалось на немногихъ пунктахъ; безпримѣрное накопленіе фактическихъ знаній составляло въ его головѣ однообразную, ничѣмъ не оживленную смѣсь. Не сердись на меня за этотъ отзывъ. Ты не подумаешь, что я, вступая на поприще исторической литературы, хочу унижить человѣка, который пользуется наибольшею славой между нами, хотя сочиненія его почти не читаются, а ничтожество его всеобщей исторіи признано даже его поклонниками». Ни одинъ изъ нѣмецкихъ писателей не внушалъ, впрочемъ, Нибуру такого сочувствія и уваженія, какъ Гёте. Онъ часто перечитывалъ его сочиненія, несмотря на то, что многія изъ нихъ, напримѣръ «Вильгельмъ Мейстеръ», ему положительно не нравились. «Меня бѣситъ этотъ звѣринецъ ручныхъ звѣрей», говорилъ Нибуръ. Вообще онъ былъ недоволенъ направленіемъ, принятымъ Гёте во второй половинѣ его жизни. «Гёте — пишетъ Нибуръ къ свояченицѣ — есть поэтъ страстей и возвышенной природы человѣка. Такимъ является онъ въ стихотвореніяхъ своей молодости. Вѣроятно, онъ могъ бы въ то время овладѣть всею сферою искусства, къ крайнимъ предѣламъ которой его уносилъ невольный, внутренній полетъ. Онъ не позаботился объ единствѣ, которое могъ себѣ усвоить болѣе, чѣмъ кто либо, и потому въ зрѣлыхъ лѣтахъ былъ непріятно пораженъ отрывочнымъ и дикимъ характеромъ своихъ юношескихъ произведеній. По возвращеніи изъ Италіи, гдѣ онъ изучалъ искусство, онъ началъ искать единства и совершенства формы. Первые его опыты въ этомъ направленіи и все писанное имъ отъ 1786 до 1790 года недостойны его. Въ этихъ про-

изведеніяхъ видна непотическая, съ трудомъ выработанная дѣйствительность. Но онъ умѣлъ и здѣсь сдѣлаться виртуозомъ и для того поставилъ границу собственному генію. Мнѣ горько думать объ этомъ».

Замѣчательны также слова Нибура о Клопштокѣ и современномъ ему періодѣ нѣмецкой литературы. Эти бѣгло набросанныя замѣтки могутъ найти приложеніе въ исторіи всякой другой европейской литературы. «Переписка Клопштока въ высшей степени замѣчательна и еще болѣе поучительна. Чѣмъ болѣе о ней думаешь, тѣмъ болѣе открываешь въ ней матеріаловъ для умственной исторіи нашего народа. Мы привыкли къ великому богатству и опредѣленности мыслей, и потому кругъ идей того времени намъ кажется скучнымъ и пустымъ. Тогдашнее поколѣніе много занималось собой, знало мало и приходило въ восторгъ отъ вещей и людей, которыхъ мы по праву называемъ посредственными. Всѣ писатели той эпохи такъ важны, такъ глубоко убѣждены въ томъ, что ихъ союзъ составляетъ золотой вѣкъ литературы. Поэтому-то всѣ они такъ скоро отцвѣли и увяли, кромя Клопштока, который въ невинности своей долго не подозрѣвалъ собственнаго превосходства. Въ немъ и въ лучшихъ изъ его друзей есть нѣчто дѣйственное. Отъ начала до конца Клопштоковой переписки не найдешь ни одной не обыкновенной, даже остроумной мысли. Тоже можно сказать о всѣхъ его сочиненіяхъ, за исключеніемъ «Республики ученыхъ». Странное явленіе представляютъ женщины, которыхъ Клопштокъ зналъ въ своей молодости. По образованію, онѣ безконечно выше дѣвицъ нашего времени. Такимъ превосходствомъ обязаны онѣ не литературѣ, развившейся позже, а вліянію любви, которой эти прекрасныя существа были предметомъ. Послѣ Тридцатилѣтней войны, женщины, особенно средняго сословія, отличались грубостію нравовъ и пошлостію, что неоспоримо доказываетъ любопытная народная книга, купленная мною нынѣшней зимой. Слѣдовательно, странный переворотъ въ женскомъ образованіи совершился въ теченіе восьмидесяти лѣтъ, отъ 1660 до 1740 года; но мы не знаемъ, когда и какъ онъ начался».

Великій 1812 годъ отвлекъ снова вниманіе Нибура отъ науки, хотя онъ читалъ зимою курсъ римскихъ древностей, издалъ второй томъ своей исторіи и собиралъ матеріалы для третьяго. Но политическіе интересы взяли верхъ надъ учеными. Германіи было не до книгъ: въ Россіи рѣшалась ея собственная судьба. Въ началѣ 1813 года неу-

дачи Наполеоновой арміи обнаружилась вполне: Французы выступили изъ Берлина, и съѣмъ, брошенное въ прусскую землю Штейномъ и его сподвижниками, взорло богатою жатвою. Все, что въ народѣ было юнаго, образованнаго, благороднаго, взялось за оружіе. Нибуръ основалъ политическую газету, направленную противъ общаго врага, и подалъ королю прошеніе о разрѣшеніи ему вступить рядовымъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ. Онъ сталъ учиться ружейнымъ приемамъ и нетерпѣливо ждалъ отвѣта на поданную просьбу. Жена его, больная, робкая женщина, не удерживала его и раздѣляла его одушевленіе. На возраженія Доротеи Генслеръ онъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: «не бойся за мои силы: ихъ достанетъ. Если король мнѣ откажетъ, я приму его волю за рѣшеніе судьбы. Тогда я буду оправданъ передъ самимъ собою: и долгъ и честь будутъ удовлетворены. Я думаю, что моя газета можетъ принести столько же пользы, какъ мое ружье. Но не мое дѣло судить объ этомъ. Проще всего взяться за оружіе, не разбирая, гдѣ можетъ быть полезнѣе». Не получая долго отвѣта, Нибуръ просилъ, чтобы его временно причислили къ какому нибудь штабу, дабы приблизиться къ театру войны. Наконецъ пришло рѣшеніе короля: онъ призвалъ Нибура къ себѣ въ Дрезденъ, гдѣ находился также императоръ Александръ, и поручилъ ему вести переговоры съ Англіею на счетъ субсидій ¹⁾.

¹⁾ Читателя, желающаго знать дальнѣйшую судьбу Нибура, мы должны отослать къ самой его Перопискѣ.

ЧТЕНІЯ НИБУРА О ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ¹⁾.

B. G. NIEBUHR VORTRÄGE ÜBER ALTE GESCHICHTE AN DER UNIVERSITÄT ZU
BONN GEHALTEN. 3 BDE. BERLIN. 1847—1851.

I.

Издание исторических и филологических лекцій, читанных Нибуромъ въ бонскомъ университетѣ, предпринятое его сыномъ, наконецъ приближается къ концу. Чисто-историческій отдѣлъ уже весь готовъ. Семь вышедшихъ до сихъ поръ томовъ содержатъ въ себѣ курсы древней этнографіи, древней исторіи (Востокъ и Грецію) и римской исторіи. Курсы эти составлены большею частію по запискамъ бывшихъ слушателей Нибура, потому что въ его собственныхъ бумагахъ оказалось мало пособій для издателей. Въ теченіе двадцати лѣтъ, прошедшихъ со смерти великаго историка, идеи, высказанныя имъ съ кафедры бонскаго университета, находились въ исключительномъ обладаніи его слушателей. Многое было пущено въ ходъ не только подъ чужимъ именемъ, но даже въ искаженномъ видѣ. Теперь лекціи напечатаны, и любознательные читатели могутъ сами оцѣнить большую или меньшую степень добросовѣстности и умѣнья, съ какими пользовались этимъ богатымъ источникомъ тѣ немногіе, которые имѣли къ нему доступъ. Но кромѣ ихъ общаго значенія въ наукѣ, лекціи Нибура представляютъ для насъ занимательность другого рода. Мы знали автора «Римской Исторіи» какъ гениальнаго критика и глубокомыслен-

¹⁾ Напечатано въ «Пропіаленхъ» 1853 и 1856 годовъ.

наго изслѣдователя; теперь онъ является намъ съ новой стороны, превосходнымъ повѣствователемъ, мужемъ живаго, увлекательнаго слова. Читая лекціи Нибура, можно понять вполне глубокое впечатлѣніе, которое онъ производилъ на его аудиторію. У него не найдемъ того обдуманнаго, академическаго краснорѣчія, которымъ отличаются чтенія знаменитыхъ французскихъ профессоровъ, напр., Гизо или Вильмена; его рѣчь проста и чужда всякихъ риторическихъ украшеній, но въ ней есть теплота и сила, происходящая изъ сознанія преподавателя, что предметъ, имъ излагаемый, находится совершенно въ его власти, вполне ему покоренъ. Нибуръ былъ одаренъ необыкновенною способностію переноситься въ прошедшее не только воображеніемъ, но личнымъ участіемъ. Въ этомъ заключается творческая, чисто-поэтическая сторона его таланта. Когда онъ начиналъ говорить о какомъ-либо значительномъ лицѣ греческой или римской исторіи, онъ тотчасъ извлекалъ изъ своей изумительной памяти всю современную обстановку, припоминая малѣйшія подробности и отношенія, и становился самъ въ ряды горячихъ приверженцевъ, или враговъ описываемаго лица. О немъ можно безъ преувеличенія сказать, что онъ пережилъ сердцемъ борьбы всѣхъ великихъ партій Греціи и Рима. Уличить Нибура въ пристрастіи не трудно, тѣмъ болѣе что онъ не находилъ нужнымъ скрывать своихъ личныхъ мнѣній и считалъ себя въ правѣ провозносить рѣшительные приговоры надъ величайшими дѣятелями и событіями всеобщей исторіи; но самые рѣзкіе и несправедливые изъ этихъ приговоровъ поучительны для мыслящаго читателя, потому что въ ихъ основаніи почти всегда лежитъ какой-нибудь ускользнувшій отъ вниманія другихъ историковъ фактъ, или оскорбленное нравственное чувство. Такой способъ изложенія исторіи конечно не можетъ служить образцомъ или примѣромъ для другихъ. Онъ былъ по плечу Нибуру. Но обыкновенный преподаватель, который задумаетъ идти по его слѣдамъ и позволить себѣ такія частыя сближенія явленій древней и новой исторіи, такой смѣлый языкъ относительно лицъ и событій, неизбежно навлечетъ на себя заслуженный упрекъ въ смѣшной самонадѣянности и произволѣ.

Изъ трехъ выше названныхъ нами курсовъ первое мѣсто принадлежитъ безъ всякаго сомнѣнія чтеніемъ о древней исторіи, въ особенности послѣдней части, которая содержитъ въ себѣ изложеніе судебъ Греціи, отъ начала македонскаго владычества до смѣны его римскимъ.

Нибуръ, какъ видно изъ его переписки, много занимался этимъ временемъ, бѣдными источниками и печальнымъ по содержанію, но весьма важнымъ для римской исторіи. Онъ читалъ древнюю исторію въ бонскомъ университетѣ два раза: лѣтомъ 1826 года и въ зимнемъ семестрѣ 1829—30. Сверхъ того, издатели пользовались въ видѣ дополненій лекціями 1845 года, объемяющими исключительно періодъ отъ херонейской битвы до паденія Коринфеа. Въ порядкѣ разсказа Нибуръ слѣдовалъ всѣмъ извѣстному извлеченію, составленному Юстиномъ изъ утраченнаго сочиненія Трога Помпея.

Исторіи древняго Востока, или лучше сказать семитическихъ и зендскихъ племенъ — потому что Китай не входитъ вовсе, а Индія только эпизодически въ составъ рассматриваемыхъ нами чтеній, — Нибуръ посвятилъ самую малую часть своего курса, главное содержаніе котораго составляетъ греческая исторія. Вообще первыя 18 лекцій не могутъ вполне удовлетворить читателя, знакомаго съ великими открытіями и трудами, совершенными съ 1830 года на поприщѣ восточныхъ древностей; но нельзя также не подивиться вѣрности взгляда, которыми Нибуръ смотрѣлъ на настоящее состояніе и будущія судьбы своей науки. «Мы стоимъ, говоритъ онъ, на порогѣ новой эры для древней исторіи. Прошедшіе вѣка Ниневіи, Вавалоніи и Персіи выступаютъ наружу, и древнѣйшія времена подымутся изъ мрака совершенно ясными и опредѣленными въ своихъ частностяхъ. Конечно у этихъ народовъ нѣтъ индивидуальнаго, собственно человѣческаго, того, что есть у Грековъ, Римлянъ и новыхъ народовъ, но ихъ бытъ и его измѣненія уяснятся совершенно. Новое настоящее наступитъ для древняго міра, и черезъ пятьдесятъ лѣтъ появятся такіа изслѣдованія объ исторіи упомянутыхъ народовъ, въ сравненіи съ которыми наши теперешнія знанія будутъ тѣмъ же, чѣмъ была химія сто лѣтъ тому назадъ въ сравненіи съ химіею Берцелиуса». (I. 74) Не забудемъ, что эти слова были сказаны съ кафедры бонскаго университета въ 1829 году, когда ни Ботта, ни Лейардъ не думали начинать своихъ розысканій, и полковникъ Ролисонъ еще не думалъ приступать къ разбору клинообразныхъ надписей.

При всей относительной краткости и неполнотѣ отдѣла «Чтеній о древней исторіи», посвященной Востоку, содержитъ въ себѣ много прекрасныхъ и поучительныхъ страницъ. Надобно при этомъ вспомнить, что Нибуру былъ извѣстенъ не одинъ только древній Востокъ,

и что знанія его не были исключительно почерпнуты изъ книгъ. Еще въ ранней молодости онъ составилъ себѣ весьма живыя и подробныя представленія о странахъ и народахъ Азіи, по рассказамъ отца своего, знаменитаго путешественника Карстена Нибуръ. Въ послѣдствіи эти свѣденія были дополнены обширною начитанностію и личными сношеніями съ путешественниками всякаго рода, которыхъ Нибуръ любилъ разспрашивать обо всемъ, на что не находилъ удовлетворительнаго отвѣта въ книгахъ. Собранные такимъ образомъ и очищенные критикою матеріалы служили ему пособіемъ для повѣрки древнихъ свѣдѣтельствъ. Такія сличенія привели его къ слѣдующему сужденію о степени достовѣрности Геродота относительно исторіи азіатскихъ народовъ. Нибуръ полагаетъ, что отецъ исторіи странствовалъ въ качествѣ купца, подобно другимъ Грекамъ того времени, которыхъ любознательность и врожденная цѣлому народу предприимчивость влекли за предѣлы греческаго міра. Эти странствующие торговцы, удовлетворяя двоякой потребности знанія и корысти, заходили глубоко въ Азію съ произведеніями своей родины и другими товарами, купленными или вымѣненными на дорогѣ. По мнѣнію Нибуръ, свѣдѣнія, сообщаемыя намъ Геродотомъ не всѣ равнаго достоинства. Такъ, напр., Ассирія и Вавилонія изображены превосходно, потому что историкъ былъ самъ въ тѣхъ краяхъ, вѣроятно разумѣлъ тамошніе языки и собралъ на мѣстѣ, изъ хорошихъ источниковъ, нужныя ему свѣдѣнія; но Индію онъ зналъ плохо, по чужимъ рассказамъ, вслѣдствіе чего его собственное изложеніе сбивчиво и исполнено противорѣчій. Тоже замѣчаніе можно сдѣлать относительно Египта. Природныя свойства страны и ея историческія судьбы съ царствованія Псамметиха, т. е. съ того времени, когда начинаются точныя и достовѣрныя преданія, описаны какъ нельзя лучше; но тамъ, гдѣ у Геродота не было средствъ къ собственному изслѣдованію фактовъ, онъ принималъ ихъ на вѣру и повторялъ безъ повѣрки все слышанное имъ отъ жрецовъ объ египетской древности. Чисто гелленская ясность ума и мѣткая наблюдательность Геродота обнаруживаются преимущественно при изображеніи народныхъ свойствъ и особенностей. Въ этомъ отношеніи, онъ едва ли имѣетъ себѣ равныхъ между древними, за исключеніемъ одного Тацита. Замѣченное Геродотомъ родство между Колхидянами и Египтянами, противъ котораго возстаетъ большая часть новыхъ ученыхъ, нашло въ Нибурѣ сильнаго заступника. Но еще съ большимъ

жаромъ защищаетъ онъ сказанія греческаго историка о племенахъ восточной Европы противъ нападокъ Шлёцера. «Показанія Геродота, говорятъ онъ, часто подвергаются насмѣшкамъ со стороны людей до-вольно ученыхъ, но неосновательныхъ въ своихъ сужденіяхъ. Таковъ былъ Шлёцеръ. У него не было вкуса, хотя онъ могъ бы оказать великія заслуги исторіи, еслибы подъ конецъ не опустился и не облѣ-нился, вдавшись въ несчастную полипрагматію, въ которой запутался. Онъ хотѣлъ быть политикомъ, дабы получить большее значеніе, не заботился о приращеніи своихъ свѣдѣній, и такъ какъ онъ былъ весьма живой человѣкъ, то писалъ горячо и заносчиво. Противъ древнихъ, всего классическаго и въ особенности противъ Геродота, онъ питалъ рѣшительную ненависть. Вообще онъ настоящій варваръ. Онъ занялъ бы высокое мѣсто въ наукѣ и оставилъ бы по себѣ великую память, еслибы не помрачилъ ее самъ. Ему кажется смѣшнымъ Геродотъ, утверждающій положительно, что Сѣверъ богатъ золотомъ, а теперь вни-маніе цѣлой Европы обращено на уральскіе золотые рудники. Слѣдо-вательно, Геродотъ и скандинавскіе жители, говорящіе о пермскомъ золотѣ и также осмѣянные Шлёцеромъ, правы. Эти рудники перестали разрабатываться, или были преданы забвенію вслѣдствіе невѣжества монгольскихъ племенъ. Золото древняго міра добывалось частію изъ этихъ странъ, преимущественно изъ Урала, частію изъ Лидіи, Фракіи и Македоніи; потомъ изъ галльскихъ рудниковъ, частію съ границъ Египта и Нубіи; небольшое количество приходило изъ Аравіи и черезъ Карфагенъ изъ внутренней Африки. Изъ этихъ источниковъ древніе получали такъ много золота, что оно относительно было дешевле, чѣмъ теперь, и сравнительная его цѣнность съ серебромъ была ниже. Аѳинскій золотой статеръ, который у древнихъ равнялся 20 драхмамъ, въ настоящее время стоитъ 32 драхмы серебра. (I. 135). Мы нарочно привели характеристическій отзывъ Нибура о Шлёцерѣ. Русскимъ читателямъ конечно покажется страннымъ упрекъ въ лѣности и легко-мысліи, обращенный къ автору изслѣдованій о Несторѣ.

Возвратимся къ Геродоту. Четвертая книга его творенія даетъ на-шему автору поводъ къ слѣдующимъ соображеніямъ.

Геродотъ оставилъ намъ до того удавшееся ему описаніе Скиновъ, что тотъ, кто не ослѣпленъ предразсудками, не только можетъ узнать этотъ народъ въ его настоящемъ видѣ, но даже опредѣлить породу, къ которой онъ принадлежалъ. Съ этимъ описаніемъ согласно и пре-

красное, не уступающее Геродотову, изображеніе того же народа Гипократомъ въ сочиненіи *de aëre, aquis et locis*. Мнѣніе людей, которые въ новѣйшія времена вообразили себѣ, что Скиѣны, видѣнные Геродотомъ, не составляли опредѣленнаго народа, но что онъ подъ этимъ именемъ разумѣлъ вообще кочевыхъ жителей украинскихъ степей, непонятно и свидѣтельствуешь о большомъ легкомысліи. Безспорно, что позднѣйшіе писатели, уже съ Плинія и Мелы, приходили въ затрудненіе отъ этого имени и называли имъ всѣхъ жителей Украины безъ разбора. Въ послѣдствіи этотъ обычай распространился далѣе. Источники III-го столѣтія называютъ Скиѣнами германскія племена, жившія въ тѣхъ странахъ. Готы, Герулы и т. д. носятъ въ изясномъ, литературномъ языкѣ имя Скиѣновъ; такимъ образомъ Дексиппъ далъ своей исторіи готскихъ нашествій названіе *Σκοδικά...*. Изъ словъ Геродота и еще болѣе изъ словъ Гипократа видно, что Скиѣны были монгольское племя. Послѣдній говоритъ, что они были мяссты и жирны съ весьма мало обозначенными суставами и сочлененіями мускуловъ и костей. Это поразительная особенность монгольскихъ народовъ. У нихъ круглое лице, круглый черепъ, странный разрѣзъ глазъ; но замѣчательнѣе всего то, что мускуловъ и костей почти невидно. Они какъ будто исчезаютъ. Опредѣленность формъ теряется подъ толстою и жирною кожею. При сравненіи народовъ южной Европы съ сѣверными, мы найдемъ между ними рѣзкое различіе: у южныхъ жителей, у Итальянцевъ, у Грековъ и еще въ болѣе-шей степени у настоящихъ Азіятцевъ и у Барбаресковъ очертаніе мускуловъ на рукахъ и на ногахъ бросается въ глаза. Этого вовсе нѣтъ у Египтянъ, что имѣло величайшее вліяніе на ихъ ваяніе. У другихъ, названныхъ мною, южныхъ племенъ мускулы въ такой необыкновенной степени развиты и обозначены, что я понялъ, почему древніе ваятели и художники не нуждались въ анатоміи. Ваятель могъ изучить на живомъ тѣлѣ все, что ему было нужно знать изъ анатоміи: мертвая наука не нужна была тому, кто могъ прослѣдить на живомъ тѣлѣ всю игру мускуловъ. Прекрасно натянута кожа не скрывала ихъ. Великое различіе между статуями древнихъ и новыхъ художниковъ заключается, слѣдовательно, не въ лицахъ, хотя оно обнаруживается и здѣсь, потому что новые ваятели облегчаютъ себѣ дѣло, давая лицамъ одно общее выраженіе, а въ игрѣ мускуловъ. Для того, чтобы вполнѣ уяснить себѣ это различіе, надобно сравнивать

древнія и новыя статуи при факельномъ освѣщеніи. Такое изученіе доставляетъ большое удовольствіе. Древнія статуи оживаютъ и представляютъ на поверхности своей безконечное богатство, все разнообразіе живыхъ мускуловъ; наоборотъ, въ новыхъ мы не находимъ этой прозрачности: онѣ совершенно гладки; въ нихъ не видно жизни и движенія. Даже произведенія великихъ мастеровъ кажутся мертвыми. Барельефы Торвальдсена можно поставить на ряду съ древними, но не статуи его. У Египтянъ мускулы крѣпки, но имъ недостаетъ живости и развитія: этотъ недостатокъ въ произведеніяхъ египетскаго ваянія происходитъ частію отъ свойства массы, которую они употребляли для статуй, ибо они держались несчастной мысли, что надобно выбирать самыя крѣпкіе, жесткіе матеріалы. На сколько племена германскія и сарматскія стоятъ въ этомъ отношеніи ниже южныхъ Европейцевъ, на столько превосходятъ они Монголовъ. Въ описаніи Геродота мы узнаемъ послѣднихъ. Дальнѣйшимъ доказательствомъ монгольскаго происхожденія Скиновъ служатъ отдѣльныя черты ихъ быта. У нихъ между прочимъ были паровыя бани, въ которыхъ они доводили себя до опьянѣнія, посылая на раскаленные камни въ закрытыхъ палаткахъ одуряющія зелья. Такой же обычай существовалъ прежде у Камчадаловъ. Наконецъ, нельзя не узнать Монголовъ по неопрятности, страсти къ пьянству и войлочнымъ палаткамъ. (I, 179—181).

Приведенныя нами слова показываютъ, къ какимъ разнообразнымъ соображеніямъ подавали Нибуру поводъ свидѣтельства древнихъ писателей.

Персидская исторія занимаетъ въ «Чтеніяхъ» болѣе мѣста, нежели исторія другихъ народовъ Востока. Любопытно мнѣніе Нибура о національномъ характерѣ Персовъ. Несмотря на владычество чуждыхъ народовъ, несмотря на внутренніе перевороты и смѣшенія съ другими племенами, черты древнихъ Персовъ сохранились у поклонниковъ огня въ Іездѣ и Керманѣ. Черты эти гораздо жестче, чѣмъ у Персовъ-магомеданъ. Это столько же странно, какъ и великое различіе, существующее между Коптами - христіянами и магометанскими жителями Египта, хотя послѣдніе, должно быть, такіе же потомки Египтянъ, принявшихъ исламъ. Отсюда видно, что національныя черты измѣняются не однѣми внѣшними причинами, какъ напримѣръ климатомъ, но подвержены вмѣстѣ съ характеромъ народа вліанію религіи и об-

раза жизни. Въ особенностяхъ Персовъ всѣхъ вѣковъ принадлежать доведенныя до высочайшей степени раболовнѣ и низость. Персъ никогда не былъ свободнымъ и гордымъ человекомъ; въ этомъ отношеніи онъ не только рѣзко отличается отъ Араба, но даже отъ соплеменнаго ему Курда. Курдъ гордъ, прямодушенъ, не поддается гнету и предпочитаетъ всему приволье жизни подъ шатромъ; Персіанинъ, напротивъ, рабъ въ полномъ смыслѣ слова; у него притомъ много дарованій, ума, и онъ умѣетъ облекать свои пороки въ пріятную и красивую форму. Для него не существуетъ другихъ понятій, кромѣ шаха и раба. Характеръ Персовъ рѣзко выдается въ Геродотовомъ разсказѣ о Прексаспѣ и Камбисѣ. Камбисъ, поразивъ Прексаспова сына стрѣлою въ сердце, спросилъ у отца похожъ ли онъ теперь на пьянаго ¹⁾. Прексаспъ отвѣчалъ ему: сами боги не могли бы удачнѣе выстрѣлить. Этотъ отвѣтъ отца надъ трупомъ сына совершенно въ персидскомъ духѣ, и каждый персидскій вельможа отвѣчалъ бы такимъ же образомъ. — Въ тому же Персы чрезвычайно жестоки, что видно въ изобрѣтенныхъ ими казняхъ и утонченныхъ пыткахъ, на примѣръ въ жизни Артаксериса. Это свойство сохранилось у нихъ до нынѣшняго времени... Востокъ рано развратился, и нигдѣ не найдемъ мы такой нравственной порчи, какая проходитъ черезъ всю исторію древняго Востока. Отъ Средиземнаго-моря до Китая и Японіи азіатскіе народы испорчены и нравственно развращены: исправить ихъ можетъ только европейское владычество (I, 153). Несмотря на всѣ недостатки, ошибки и неудачи Англичанъ, ихъ иго, по мнѣнію Нибура, полезно и благотворно для Индіи. Эту мысль онъ высказываетъ нѣсколько разъ.

Въ немногихъ страницахъ, посвященныхъ Дарію Истаспу, показано вполне важное значеніе его царствованія. Дарію безспорно обязано государство, случайно сложившееся изъ завоеваній его предшественниковъ, возможностью двухсотъ-лѣтняго существованія. Его учрежденія не только сохранились до временъ македонскаго владычества, но проникли даже въ Индію, гдѣ ихъ застали Европейцы. Индійскія субы соотвѣтствуютъ вполне персидскимъ сатрапіямъ, и положеніе субадаря относительно вѣрной ему области и верховной

¹⁾ Прексаспъ передалъ Камбису отзывъ Персовъ, которые обвинили Кирова сына въ излишней силности изъ ашу. Герод. III, 34—35.

власти представляет поразительное сходство съ положеніемъ сатраповъ. Самыя войны Дарія носятъ на себѣ другой характеръ, нежели войны Кира и Камбиса. Видно, что онѣ были предприняты съ цѣлю придвинуть государство къ естественнымъ границамъ. На юго-западѣ такою границею сдѣлался Индъ. При послѣдующихъ персидскихъ царяхъ народы Пятирѣчья (Пенджаба) свергли съ себя иноземное владычество, и Александръ долженъ былъ воевать въ странахъ, нѣкогда покоренныхъ Даріемъ. Геродотъ говоритъ, что, кромѣ Индусовъ, Арабы повиновались сыну Истаспа. Въ настоящее время невозможно опредѣлить ни объемъ, ни степень персидскаго владычества въ Аравійскомъ полуостровѣ, но стоитъ замѣтить, что одно изъ послѣднихъ предпріятій, задуманныхъ Александромъ, было направлено противъ Аравіи. Можно предположить, что македонскій завоеватель имѣлъ въ виду восстановление на востокѣ границъ, данныхъ Даріемъ своему государству. Знаменитый походъ Дарія противъ Скивовъ объясняется двоякою цѣлю. Съ одной стороны, надобно было однажды навсегда обезпечить сѣверныя области персидской монархіи отъ набѣговъ кочевыхъ хищниковъ, покорить или отбросить далѣе въ ихъ степи эти беспокойныя племена. Съ другой стороны, надобно было овладѣть всѣми берегами Чернаго-моря и обратить его въ персидское озеро. Мы уже видѣли, какую важность имѣли для древняго міра земли, лежавшія на сѣверъ отъ Понта Эвксинскаго. Кромѣ золота, шедшаго изъ далекой Скиіи черезъ упомянутое море въ Грецію, послѣдняя получала отъ черноморскихъ колоній значительную часть произведеній, которыя ей нужны были для удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей ея населенія. Оттуда получала она всякаго рода соленую и вяленую рыбу, составлявшую, какъ извѣстно, главную пищу Грековъ. Значительное количество потреблявшагося въ Греціи хлѣба получалось тѣмъ же путемъ. Предметы вывоза изъ Греціи далеко не равнялись цѣною съ предметами ввоза. Аѣины, находясь на высшей степени богатства и промышленной дѣятельности, постоянно отправляли въ черноморскія колоніи много денегъ, кромѣ товаровъ, такъ что торговый балансъ склонялся, по выраженію Нибура, на сторону колоній.

Мы не послѣдуемъ за великимъ историкомъ въ его изслѣдованія объ источникахъ греческой исторіи, составляющихъ довольно обширное и поучительное введеніе къ самой исторіи. Намъ еще не

разъ придется приводить въ послѣдствіи мнѣнія Нибура объ отдѣльных писателяхъ греческой древности. Скажемъ однако напередъ, что, при всей геніальности своей, при необычайной способности сводить въ одно цѣлое разсѣянные по разнымъ памятникамъ отрывки изъ утраченныхъ нами писателей, Нибуръ не всегда оставался вѣренъ собственному требованію осторожной критики. Увлекаясь творческимъ воображеніемъ, онъ на основаніи немногихъ сохранившихся строкъ произносилъ приговоръ надъ цѣлымъ твореніемъ и опредѣлялъ его болѣшую или меньшую для насъ важность. Чтенія, посвященные имъ началу греческой исторіи, содержатъ въ себѣ много остроумныхъ, обличающихъ глубокаго знатока, замѣчаній и намековъ, но въ цѣломъ не представляютъ особенной занимательности читателю, знакомому съ позднѣйшими трудами по этой части. Любопытно было бы, впрочемъ, прослѣдить въ частностяхъ вліяніе Нибуровыхъ идей и предположеній на современное состояніе науки. Мы предоставляемъ такой трудъ ученымъ, исключительно посвятившимъ себя изученію древности. Книга Грота, извѣстная читателямъ «Пропилеевъ» изъ подробнаго и основательнаго разбора, составляемаго профессоромъ Леонтьевымъ, содержитъ въ себѣ, между прочимъ, явные доказательства того вліянія, о которомъ мы упомянули. Взглядъ Грота на развитіе аѳинской исторіи и на характеръ аѳинскаго народа, навлекшій автору обвиненіе въ пристрастіи, представляетъ удивительное сходство съ тѣмъ, что Нибуръ сказалъ о томъ же предметѣ за много лѣтъ до выхода въ свѣтъ перваго тома «Греческой исторіи». Здѣсь, разумѣется, рѣчь идетъ не о простомъ заимствованіи чужихъ мыслей, а о томъ законномъ и необходимомъ дѣйствіи, которое геніальные умы обнаруживаютъ на дальнѣйшія судьбы своей науки. Недоказанныя ими предположенія, ихъ бѣглые намеки составляютъ обильное наслѣдіе для послѣдующихъ поколѣній и опредѣляютъ надолго въ ту или другую сторону дѣятельность этихъ поколѣній.

Глубокое сочувствіе Нибура къ Аѳинамъ и главнымъ личностямъ аѳинской исторіи высказывается на каждой страницѣ. Аѳины стоятъ у него по праву на первомъ планѣ при изложеніи великой борьбы Греціи съ Персами; изложенію этихъ событій предшествуетъ общая оцѣнка греческой жизни до V-го столѣтія до Р. Х.

«Къ существенно характеристическимъ чертамъ отдѣльныхъ эпохъ принадлежитъ особенно чрезвычайное различіе въ болѣе или менѣе

быстрымъ движеніи жизни, которая въ извѣстной эпохѣ движется съ неизмѣрною скоростію, въ другія же времена тянется медленно и незаметно, такъ что цѣлыя поколѣнія проходятъ безъ всякихъ видимыхъ пережѣвъ. Я уже указалъ на этотъ разнообразный ходъ исторіи въ моихъ чтеніяхъ объ новѣйшей исторіи. Такого рода соображенія вносятъ дѣйствительную жизнь въ древнюю исторію и ставятъ ее рядомъ съ современною, переживаемою нами исторіею. Не удивительно, что на нее вообще смотрятъ, какъ на нѣчто такое, чего въ дѣйствительности никогда не было: обыкновенно ее не понимаютъ, и при сужденіи о событіяхъ древности прилагаютъ совсѣмъ не тѣ законы, какіе прилагаются къ новой исторіи, которая, въ свою очередь, совсѣмъ не такъ понимаема, какъ бы должно понимать ее. Упомянутое нами различіе въ болѣе или менѣе ускоренномъ ходѣ событий въ особенности поразительно въ греческой исторіи. Уже къ началу персидскихъ войнъ обнаруживается усиленное движеніе жизни; съ этого времени до конца пелопонесской войны, въ продолженіе 80-ти лѣтъ, развитіе совершается съ такою быстротою, что народъ проходить, можно сказать, всѣ крайности добра и зла, всѣ возможныя измѣненія въ литературѣ и всемъ бытѣ и переходить съ неудержимою скоростію отъ увядающей юности къ совершенной зрѣлости. Нѣчто подобное видѣли мы въ новѣйшей исторіи Германіи отъ вступленія на престолъ Фридриха II-го въ 1740-мъ году до конца прошедшаго столѣтія. Такія времена обозначаются обыкновенно именемъ одного лица, какъ напр. вѣкъ Перикла, Лудовика XIV, Фридриха Великаго. Но эти лица, именами которыхъ обозначаются извѣстныя эпохи, суть сами произведенія своего времени и не столько независимые дѣтели сколько его органы... Иногда же проходятъ цѣлыя столѣтія безъ всякихъ великихъ и существенныхъ измѣненій. Такое однообразіе жизни находимъ мы въ Италіи въ XI, XII и XIII-мъ столѣтіяхъ; такое же время представляютъ намъ первый и второй вѣкъ римской исторіи, въ особенности же второй и третій.

«Конечно, въ до-писистратовской Греціи не было совершеннаго застоя; было даже много жизни, но эта жизнь въ сущности вращалась на одномъ мѣстѣ и не подвигалась впередъ. Въ такія эпохи медленнаго развитія мало обнаруживается внѣшней дѣятельности, люди почти не живутъ въ современности, зависятъ отъ прошедшаго и обращаютъ свои мысли болѣе къ послѣднему, назадъ, нежели впередъ, къ

будущему. Тамъ, гдѣ подобное состояніе народа есть здоровое, оно облачаетъ юную, готовую къ великому развитію жизнь: таково было, напр., въ англійской литературѣ время, предшествовавшее Шекспиру, въ итальянской — время передъ Дантомъ, то есть XIII-е столѣтіе. Но бывають также періоды, когда такой застой не предвѣщаетъ никакого развитія, а только представляетъ продолженіе стараго, существующаго безъ внутренней жизни, безъ способныхъ развернуться въ будущемъ зародышей, и потому обреченнаго на неизбѣжную смерть. Такимъ образомъ во Флоренціи литература XV-го столѣтія продолжала свое существованіе до XVIII-го. Въ эпохи юности, когда въ тишинѣ созрѣваетъ великое — при чемъ конечно можетъ случиться и то, что самыя значительныя явленія уже совершились и замкнули собою періодъ предшествовавшаго развитія — въ такія эпохи исторія представляетъ намъ нѣчто особенное. Человѣкъ погруженъ всею своею дѣятельностію въ гражданскую жизнь, исполняетъ свой долгъ, но событія, около него совершающіяся, теряютъ для него занимательность тотчасъ по совершеніи. Такъ, напр., изъ первой миланской хроники XI-го столѣтія видно, что тогдашніе люди не приписывали ни себѣ, ни современникамъ своимъ никакого значенія, и что ихъ вниманіе исключительно было обращено на прошлое. Германцы XI-го столѣтія также считали себя и своихъ современниковъ за самыхъ обыкновенныхъ людей. Вообще та эпоха не гордится собою, не считаетъ себя героическою, и только личности, принадлежащія прошедшему, привлекаютъ къ себѣ ея участіе. Въ подобномъ состояніи находилась Греція почти до самыхъ персидскихъ войнъ; этимъ объясняется, почему тогда не было исторій и даже прозы вообще, почему мало заботились о настоящемъ и о только-что минувшемъ: вниманіе было обращено къ героическому періоду, какъ къ чему-то высшему. Этотъ періодъ составлялъ живой міръ, въ которомъ Греки, какъ потомки героевъ, видѣли самихъ себя, въ которомъ они жили и дѣйствовали. Отсюда происходитъ и то, что древнѣйшіе эпические поэты почти до 60-й олимпиады заимствуютъ содержаніе своихъ пѣсенъ изъ однихъ источниковъ съ Гомеромъ, который представлялъ героическій періодъ въ всей его красотѣ. Но по мѣрѣ того, какъ исчезало могущество и обаяніе прошедшаго, какъ усиливались занимательность и содержаніе настоящаго, это настоящее, уже значительно развитое, самодовольно сознавшее свое достоинство, стало переносить поэзію отъ про-

шедшаго къ себѣ самому и такимъ образомъ образовался поэтический рассказъ. Но такъ какъ въ настоящемъ было много такого, чего нельзя было передать стихами, то за поэтическимъ рассказомъ послѣдовалъ историческій, въ которомъ событія удобнѣе сохранялись для памяти. Прежде другихъ выступилъ Гекатей и рассказалъ о томъ, что въ его памяти случилось, что онъ самъ видѣлъ въ своихъ путешествіяхъ, и что слышалъ о различныхъ народахъ. За повѣствованіями этого рода слѣдуетъ прагматическая исторія». (1, 361—363).

Нибуръ подвергаетъ строгой, но едвали вполне справедливой критикѣ сказанія Геродота о персидской войнѣ. Нельзя, наприѣмъ, никакъ согласиться, что у Геродота не было предшественниковъ, и что онъ пользовался только одними преданіями, да твореніемъ эпического поэта Херила. Самое сравненіе рассказовъ, ходившихъ въ Греціи въ послѣдней половинѣ V-го столѣтія о Ксерисовомъ походѣ, съ рассказами, живущими въ устахъ египетскихъ Арабовъ о французской экспедиціи 1799 года, никакъ не можетъ, по нашему мнѣнію, быть допущено. Ни въ народномъ характерѣ, ни въ степени образованности, на которой стояли Геродотовы современники, не было ничего общаго съ египетскими Арабами въ концѣ прошлаго столѣтія. Извѣстно, какъ сильно воображеніе восточныхъ народовъ дѣйствуетъ на историческое изложеніе ближайшихъ событій. Это явленіе объясняется самымъ свойствомъ восточной исторіи, состояніемъ тамошней науки и всѣмъ складомъ мысли, составляющимъ характеристическое отличіе Азіятца отъ Европейца. Бонапартъ явился въ Египтѣ существомъ высшаго рода и произвелъ на умы поклонниковъ пророка впечатлѣніе до того сильное, что оно наложило особенную печать чудеснаго на всѣ событія, связанныя съ исторіею французской экспедиціи. Подобный процессъ рѣшительно не могъ совершиться въ ясномъ и отчетливомъ умѣ Грека; въ противномъ случаѣ намъ пришлось бы отказаться отъ утвержденнаго вѣками критической разработки довѣрія къ источникамъ греческой исторіи вообще. Невозможно также предположить, что до Геродота никто не далъ себѣ труда записать подробности борьбы, рѣшившей споръ между греческимъ и варварскимъ міромъ, особливо если примемъ мнѣніе самого Нибура, утверждающаго, что Геродотъ началъ писать свое твореніе въ первое десятилѣтіе пелопоннесской войны, слѣдовательно, около 70-ти лѣтъ послѣ мареонской битвы и около 60-ти послѣ платейской. Впрочемъ, въ лекціяхъ своихъ 1826

года Нибуръ упоминалъ о Харонѣ Лампсакскомъ, который написалъ двѣ недошедшія до насъ книги о персидскихъ войнахъ и былъ предшественникомъ Геродота. Предположеніе Нибура о подложности этого сочиненія, которое могло, по его словамъ, появиться вмѣстѣ съ безчисленнымъ множествомъ подобныхъ произведеній въ александрійскую эпоху, не имѣетъ рѣшительно основанія. Мы не имѣемъ также никакого права принимать утраченную поэму Херила Самосскаго за одинъ изъ источниковъ Геродота. Херилъ, какъ доказано всѣми новейшими изслѣдованіями, былъ моложе отца исторіи, могъ отъ него заимствовать историческія данныя для задуманнаго поэтическаго труда и никакъ не могъ служить образцемъ или путеводителемъ Геродоту.

Трудно также сказать, почему именно Нибуръ думаетъ, что находящееся въ VII-й книгѣ Геродота изчисленіе племенъ, составлявшихъ войско Ксеркса, и описаніе ихъ оружія заимствованы историкомъ цѣликомъ у Херила. Скорѣе можно сдѣлать обратное заключеніе. Описаніе оружія въ особенности кажется Нибуру нелѣпымъ и вовсе несогласнымъ съ тѣмъ, что мы знаемъ о древней Азіи. Смѣемъ думать, что великій творецъ «Римской Исторіи» произнесъ это обвиненіе на Геродота въ минуту критическаго увлеченія, если позволено такъ выразиться. Пестрый составъ персидскаго войска, въ которое входили дружины почти всѣхъ азіатскихъ и нѣкоторыхъ африканскихъ народовъ, объясняетъ разнообразіе оружія. На мараонскомъ полѣ найдены были стрѣлы съ заостренными камнями въ родѣ тѣхъ, какія употребляютъ дикари Тихаго-океана. Стрѣлы эти лежали въ землѣ рядомъ съ металлическимъ оружіемъ, обличавшимъ совсѣмъ другую степень цивилизаціи. Если между павшими при Мараонѣ ратниками Датиса и Артаферна находились дикари, незнакомые съ употребленіемъ металловъ, то какъ можемъ мы удивляться разнообразію одеждъ и вооруженій въ войскѣ Ксеркса, которое далеко превосходило и числомъ и составомъ войско, бывшее подъ Мараономъ? По словамъ Геродота, въ ополченіи, которому Ксерксъ дѣлалъ смотръ на Дорискской долинѣ, было 46 различныхъ племенъ. Безпристрастный читатель найдетъ въ наружномъ описаніи этихъ племенъ много любопытнаго, очень мало неправдоподобнаго и ничего безобразно нелѣпаго (*fratzenhaftes*). Напротивъ, самое разнообразіе одежды и оружія превосходно характеризуетъ не только войско, но самое государство, которому служили рядомъ Либіецъ, употреблявшій вмѣсто копья обожженный

съ конца когъ, кочевой Сагартъ, вооруженный однимъ кинжаломъ, да арканомъ въ родѣ южно-американскаго лассо, и мало-азіятскій Грекъ, облеченный въ блестящій, но тяжелый доспѣхъ, котораго отдѣлка могла быть достаточнымъ доказательствомъ его умственнаго превосходства надъ другими соратниками. Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о недостоверности Геродотовыхъ извѣстій относительно числа Ксерксовыхъ воиновъ; вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, надъ которыми историку не зачѣмъ долго останавливаться. Ясно, что цифры Геродотовы невѣрны; но какое средство поправить его ошибку? Фукидидъ, едвали не самый точный и положительный историкъ древняго міра, былъ не въ состояніи опредѣлить число Грековъ, сражавшихся при Мантиней. Какъ же можно требовать вѣрныхъ цифръ отъ Геродота, особливо когда дѣло идетъ о войскѣ, число котораго, вѣроятно, не было извѣстно самому персидскому царю? Греческому историку не оставалось ничего другаго, какъ только собрать слухи, ходившіе о безчисленномъ множествѣ враговъ, и внести собранныя имъ извѣстія въ свою книгу. Вообще Востокъ мало дорожитъ вѣрностію въ статистическихъ данныхъ и мало объ нихъ заботится; едвали когда-либо была съ точностію опредѣлена числительная сила большой азіятской арміи. Гротъ приводитъ по этому же поводу весьма любопытное мѣсто изъ записокъ барона Тота. Во время войны Русскихъ съ Турками въ 1770 году, когда турецкая армія стояла у Бабадага, близъ Балканскихъ горъ, великій визирь потребовалъ къ себѣ барона Тота и спросилъ у него: какъ велика числомъ турецкая армія? Тотъ отвѣчалъ, что не знаетъ, и что въ случаѣ надобности онъ самъ бы обратился къ визирю съ этимъ вопросомъ. Визирь сказалъ прямо, что ему совершенно неизвѣстно число ввѣренныхъ ему войскъ. — Откуда же мнѣ знать то, что вамъ неизвѣстно? отвѣчалъ Тотъ. — Изъ австрійскихъ газетъ; вѣдь вы ихъ читаете, — сказалъ великій визирь.

Съ другой стороны нельзя не согласиться, что въ Геродотовыхъ рассказахъ о Ксерксовомъ походѣ есть многое, чего теперь, при недостаткѣ другихъ свидѣтельствъ, невозможно понять или объяснить. Огромное превосходство персидскаго флота надъ греческимъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Почему же Ксерксъ не отрядилъ часть этого флота для разоренія береговъ пелопоннесскихъ? Выгоды такой мѣры были очевидны и не требовали глубокихъ соображеній. Вообще во всѣхъ дѣйствіяхъ персидскаго флота есть что-то непонятное; онъ

рѣшительно не пользуется своимъ числительнымъ перевѣсомъ и сражается съ Греками при постоянно неблагоприятныхъ для себя условіяхъ, въ узкихъ проливахъ, гдѣ Греки не могли быть обойдены съ фланговъ, а Персамъ невозможно было развернуть всей своей боевой линіи. Тоже самое можно замѣтить и о сухопутномъ войскѣ Ксеркса. Оно дѣйствуетъ съ какою-то осторожностію, похожую на робость, непостижимую при такихъ силахъ. Разоривъ Аѣны, Персы оставили въ покоѣ Элевсинъ, лежащій отъ Аѣнъ на разстояніи какихъ-нибудь четырехъ нѣмецкихъ миль. Конница персидская, составлявшая, по всей вѣроятности, лучшую часть арміи, и которой нечего было бояться встрѣчи съ врагами, потому что у Грековъ почти вовсе не было конницы, не предпринимаетъ однако ничего рѣшительнаго и не ходитъ далѣе Фріасійскаго поля, сколько намъ извѣстно. На Мегару, граничащую съ Атикой, Персы не сдѣлали даже и покушенія. Какимъ образомъ все населеніе Атики могло найти пристанище и достаточное продовольствіе на небольшомъ островѣ Саламинѣ и въ Трезенѣ? Всѣ эти вопросы, предложенные Нибуромъ, остаются и вѣроятно навсегда останутся нерѣшенными. Многое, но не все, объясняется робкимъ характеромъ Ксеркса и его неопытностію въ военномъ дѣлѣ.

Превосходно характеризуетъ Нибуръ дѣятельностьThemistocles, который, по его справедливому замѣчанію, не оцѣненъ еще надлежащимъ образомъ. Онъ является намъ не съ столь опредѣленными чертами, какъ, напримѣръ, Периклъ или Демосоевъ. Но Фукидидъ питалъ къ нему глубочайшее уваженіе и вполнѣ сознавалъ важность совершенныхъ имъ подвиговъ и оказанныхъ заслугъ. Кому, какъ не Themistocles, обязаны Аѣны флотомъ, укрѣпленіемъ гавани и города, успешнымъ исходомъ персидской войны и главными основами своего будущаго величія? Къ сожалѣнію, не всѣ планы Themistocles были исполнены. По отступленіи Персовъ, онъ хотѣлъ оставить совершенно разоренныя ими Аѣны и выстроить новый городъ въ Пиреѣ. Новыя, придвинутыя къ самому морю, Аѣны представили бы болѣе удобствъ торговому населенію, и легче была бы защита противъ врага. Аѣняне изъ благоговѣйной привязанности къ мѣсту, гдѣ жили ихъ предки, гдѣ стоялъ храмъ Аѣны-Полиады и Эрехоея и т. д., отвергли советъ Themistocles, — и конечно горько каялись въ этомъ, когда Лисандръ явился передъ ихъ городомъ. Themistocles опредѣлялъ отно-

шенія иностранцевъ въ Аѣннахъ, доставилъ метѣкамъ не только выгодное и болѣе прочное положеніе, но даже открылъ имъ возможность къ достиженію гражданства въ Аѣннахъ. Еслибы его идеи получили дальнѣйшее развитіе въ эпоху аѣнской гегемоніи, то, конечно, союзники не поддались бы такъ легко обѣщаніямъ Спарты. Главною причиною ихъ отложенья была политическая исключительность Аѣннана, не хотѣвшихъ дѣлиться съ союзными городами своимъ гражданствомъ. Это было уже замѣчено и древними. Мѣра, принятая Фемистокломъ относительно метѣковъ, доставила опустошенному городу въ самомъ скоромъ времени населеніе, далеко превышавшее то, которое во время персидскаго нашествія принуждено было искать убѣжища на островѣ Саламинѣ.

Обыкновенно, продолжаетъ Нибуръ, Фемистоклу противопоставляютъ Аристиду, какъ мужа добродѣтельнаго чловѣку искусному и ловкому, чрезъ что у послѣдняго нѣкоторымъ образомъ отрицается добродѣтель, и онъ самъ является какимъ-то грѣшникомъ. Настоящая причина этого мнѣнія заключается въ необычайномъ величій Фемистокла, вызвавшемъ зависть. Согласно съ исходящимъ изъ сущности полиеисма воззрѣніемъ (то *δαίμον* *φθόνος*), самые боги завистливыми глазами смотрѣли на счастье Поликрата. Это понятно. Греческіе боги смотрятъ недоуверчиво на возвышенныя стремленія чловѣчества, потому что эти стремленія слишкомъ приближаютъ къ нимъ чловѣка. Такая идея лежитъ въ основѣ полиеисма и античныхъ воззрѣній на прошедшее и настоящее. *Φθόνος*, недоброжелательство боговъ къ чловѣку, проходитъ черезъ всю исторію.

Большинство съ трудомъ выноситъ все великое и прекрасное, и чтобы отдѣлаться отъ этого тяжелаго для него чувства, оно заботливо ищетъ слабостей и недостатковъ великихъ людей. Не изъ искренняго уваженія къ добродѣтели, а для того, чтобы унизить умственное величіе, мелкія души противопоставляютъ великому мужу, не лишенному впрочемъ нравственной чистоты, другаго, у котораго эта нравственная чистота является дѣйствительнымъ, но при томъ исключительнымъ свойствомъ. Рѣдко оправдываются слова Горация: *virtutem incoluimus odimus, sublatam ex oculis quaerimus invidi*; обыкновенно ограниченная честность и отрѣшенная отъ генія нравственность высоко цѣнятся даже послѣ смерти, какъ будто только подъ такимъ условіемъ могутъ существовать эти качества во всей полнотѣ своей. Люди,

въ которыхъ нѣтъ ничего чистаго, радуются возможности славить добродѣтель именно тамъ, гдѣ она не опирается на высокій разумъ. Такая зависть имѣла большое вліяніе на сужденіе оThemistocles и Аристидѣ. Я прошу не обвинять меня въ намѣреніи снять съ Аристиды вѣнецъ его славы. Я вѣрю похваламъ, которыя ему воздаются; я вѣрю, что его добродѣтель вполне заслужила то уваженіе, которое питала къ нему древность; но я возражаю противъ тѣхъ сравненій; въ которыхъ онъ почти всегда возвышается на счетъThemistocles. Themistocles выше. Для друзей Аристиды, для всѣхъ, его видѣвшихъ и знавшихъ чистоту его мнѣній, жизнь его имѣла безконечное значеніе, но Themistocles несравненно болѣе сдѣлалъ для спасенія и величія родины. — Вообще объ Аристидѣ думаютъ, что онъ былъ очень бѣденъ, но это несправедливо. Уже Дмитрій Фалерскій основательно замѣтилъ, что Аристидъ никакъ не могъ быть бѣденъ, потому что онъ былъ архонтомъ эпонимомъ, слѣдовательно, принадлежалъ къ самому богатому классу гражданъ, то есть къ πεντακοσιμέδωνοι, потому что въ его время эту должность могли занимать только пентакосіомедимны, которые всѣ были эвпатриды; это былъ еще листокъ изъ вѣнца эвпатридовъ. Всѣ толки о бѣдности Аристиды произошли отъ того, что по смерти его республика дала приданое его дочери. Мы видимъ здѣсь тоже самое отношеніе, какъ и при общественныхъ погребеніяхъ великихъ Римлянъ, напримѣръ Валерія Публиколы; отсюда также вывели заключеніе, что люди, которыхъ погребала на свой счетъ *plebs*, а иногда *plebs* и *curiae* вмѣстѣ, умирали въ крайней бѣдности. Новые писатели пошли еще далѣе: они вообразили себѣ, что Валерій Публикола умеръ нѣкоторымъ образомъ въ богадѣльнѣ. Такое участіе республики было не бездѣлица, потому что въ Римѣ большія похороны обходились очень дорого, и когда сенатъ и народъ принимали на себя издержки, то они оказывали почестъ покойнику и услугу его наследникамъ.

Нельзя при этомъ случаѣ не отдать должной справедливости благодарной воспріимлемости афинскаго народа ко всѣмъ великимъ и патріотическимъ идеямъ. Когда Themistocles предложилъ употребить на постройку флота принадлежавшіе всѣмъ гражданамъ доходы съ серебряныхъ рудниковъ, предложеніе его было тотчасъ принято. А между тѣмъ большая часть тогдашнихъ Афинянъ едва добывали себѣ насущный хлѣбъ и конечно лишались многого, жертвуя государству

своею скромною долею доходовъ съ рудниковъ. Впрочемъ, такіа черты не рѣдки въ афинской исторіи. Величайшіе люди Аѳинъ—Фемистоклъ, Периклъ и Демосѳенъ — хорошо знали эту сторону національнаго характера и умѣли на нее дѣйствовать въ видахъ общей пользы.

Нибуръ вполнѣ убѣжденъ въ совершенной невинности Фемистокла. Онъ приписываетъ его изгнаніе ненависти Спарты, которая не могла ему простить афинскихъ укрѣпленій и вообще заслугъ его Аѳинамъ; къ тому же въ самыхъ Аѳинахъ противъ Фемистокла образовалась сильная аристократическая партія, во главѣ которой стоялъ сынъ Мильтіада, Кимонъ, временно затмившій Фемистокла, который не былъ полководцемъ, славою своихъ военныхъ подвиговъ, въ особенности побѣдою при Эвримедонтѣ. Трудно себѣ представить, какихъ цѣлей могъ достигнуть Фемистоклъ, участвуя въ преступныхъ замыслахъ Павсанія, раскрывшаго впервые передъ лицомъ всей Греціи темную сторону спартанскаго характера. Извѣстно, какіе слухи ходили въ древности о самоубійствѣ Фемистокла и о причинахъ, побудившихъ его къ такому поступку. Во времена Аристофана уже господствовало убѣжденіе, что Фемистоклъ предалъ себя смерти, дабы избавиться отъ необходимости служить персидскому царю, осыпавшему его благодарностями, противъ своихъ соотечественниковъ: слѣдовательно, мнѣніе ближайшаго потомства уже было на сторонѣ великаго гражданина, павшаго жертвою несправедливости современниковъ. Самый родъ смерти, избранный Фемистокломъ и вызвавшій справедливое сомнѣніе, объясняется слѣдующимъ образомъ Нибуромъ. «Конечно, говоритъ онъ, Фемистоклъ не могъ отравить себя бычачьею кровью, потому что кровь четвероногихъ неядовита. Но сто лѣтъ тому назадъ синильная кислота добывалась у насъ изъ крови. Почему же не допустить, что древніе, о химическихъ свѣдѣніяхъ которыхъ мы слишкомъ низко думаемъ, знали, хотя и не вполнѣ, средство извлекать изъ крови самый смертельный изъ всѣхъ ядовъ? Если у этого препарата не было никакого особеннаго имени, то его могли за-просто называть бычачьею кровью». Вообще Нибуръ безпрестанно нападаетъ на господствующее еще въ наше время представленіе о состояніи отдѣльныхъ наукъ и искусствъ въ древнемъ мірѣ. Приводимъ слѣдующія слова, сказанныя по поводу Кимоновыхъ побѣдъ надъ Персами. «Я давно уже замѣтилъ, что мореплаваніе, морская тактика древнихъ и устройство ихъ галеръ подвергаются слишкомъ

презрительнымъ отзывамъ. Галеры должно представлять себѣ какъ нѣчто, соответствующее нашимъ пароходамъ. Главная цѣль была одна и таже: возможность независимаго отъ вѣтра плаванія. Устройство древней галеры весьма было похоже на устройство пароходовъ; мѣсто нынѣшнихъ машинъ занимали человѣческія руки, которыя сообщали судну силу, необходимую для плаванія противъ вѣтровъ и теченій. Галеры были весьма легкія суда, назначенныя для скорого бѣга, съ какъ-можно меньшею массою, дабы движущая сила находилась какъ-можно въ большемъ отношеніи къ этой массѣ. Въ своемъ родѣ онѣ представляли нѣчто ужасное. На случай благопріятнаго вѣтра, на нихъ, какъ и на пароходахъ, имѣлось небольшое число парусовъ.

Жалобы, вызванныя гегемоніею Аѣинъ, были отчасти справедливы. Нигдѣ эти отношенія не изложены съ такимъ высокимъ безпристрастіемъ и съ такою вѣрностію, какъ у Фукидида. Но Фукидидъ не во всемъ оправдываетъ союзниковъ, почти добровольно, вслѣдствіе собственнаго равнодушія къ общему дѣлу Греціи, подпавшихъ подъ владычество Аѣинъ. Требования ихъ не всегда были справедливы, ибо большею частію основаны были на ариѣметическомъ разсчетѣ. Жители Наксоса и Пароса разсуждали, напримѣръ, такимъ образомъ: «въ Аѣинахъ 20,000 гражданъ, у насъ 5,000: наши отношенія слѣдовательно какъ 4: 1; за то если у всѣхъ союзниковъ 100,000 гражданъ, то Аѣинамъ принадлежитъ только пятая часть власти». Нибуръ справедливо вооружается противъ такого чисто внѣшняго и, по его словамъ, презрѣннаго способа опредѣлять взаимныя отношенія членовъ политическаго союза. Не числомъ своихъ гражданъ и не однимъ флотомъ завоевали Аѣины то высокое положеніе, которое онѣ занимали въ Греціи, и котораго законность не оспариваетъ у нихъ всеобщая исторія.

Самыя гордыя надеждыThemistocles на будущее величіе роднаго города были не только оправданы, но и превзойдены въ эпоху Перикла. Мы смѣло можемъ назвать эту эпоху самымъ свѣтымъ пунктомъ древней исторіи. Да и вообще едвали какой народъ достигалъ такого гармоническаго и всесторонняго развитія своихъ силъ, какого достигли тогда Аѣиняне. Образованность, которая обыкновенно бываетъ принадлежностію немногихъ, поставленныхъ въ особенно выгодное положеніе, гражданъ, была въ Аѣинахъ доступна всѣмъ и каждому

и сдѣлалась общимъ достояніемъ. Воспитаніе Аѳинянина совершалось жизнію, а не въ школѣ. Онъ могъ обойтись безъ грамотности, и несмотря на то, стать наряду съ самыми просвѣщенными людьми своего времени, потому что жилъ въ такой умственной средѣ, которой вліяніе было неотразимо. Глазъ его привыкалъ съ дѣтства къ изящнымъ формамъ пластической красоты, его со всѣхъ сторонъ окружавшей въ памятникахъ искусства; сужденіе его изощрялось постояннымъ участіемъ въ судебныхъ и политическихъ преніяхъ, въ которыхъ расточали свое краснорѣчіе величайшіе ораторы Греціи; происходившія подъ открытымъ небомъ, приглашавшія всѣхъ къ участію, бесѣды философовъ, непрерывные толки объ искусствѣ, составлявшемъ одинъ изъ главныхъ интересовъ общественной жизни, наконецъ, дѣйствія драматическихъ представленій, которыя имѣли цѣлю не простую забаву, а соединенное съ эстетическимъ наслажденіемъ назиданіе, довершали умственное развитіе Аѳинянина, которому обстоятельства отказали въ возможности учиться въ молодости. Одна способность чувствовать красоты Эсхиловыхъ или Софокловыхъ трагедій свидѣтельствуетъ о высокомъ просвѣщеніи и строгомъ вкусѣ Аѳинянь того времени. Имъ не нужно было сложной завязки, хитро веденной интриги, однимъ словомъ тѣхъ средствъ, къ которымъ принуждены бываютъ прибѣгать величайшіе драматическіе писатели для возбужденія любопытства въ своихъ зрителяхъ. Ко всему сказанному, къ необыкновенной воспріимлемости богато одареннаго природою южнаго племени, надобно прибавить историческія обстоятельства, въ высшей степени благопріятныя. Аѳины были торговое и промышленное государство; ихъ жители предавались самой разнообразной дѣятельности, но въ итогѣ у аѳинскаго гражданина было несравненно болѣе досуга, нежели у живущаго такимъ же трудомъ чело-вѣка нашего времени. Причина этого явленія заключается въ условіяхъ частной жизни, далеко не столь сложной, какъ наша. Жена и рабы снимали съ аѳинскаго гражданина большую часть домашнихъ заботъ. Дома онъ жилъ мало. Вся его дѣятельность, какъ общественная, такъ и частная, проходила подъ открытымъ небомъ, въ постоянномъ общеніи мыслей и впечатлѣній съ другими согражданами. Такой бытъ неминуемо усиливалъ вліяніе значительныхъ личностей, которыя со всѣхъ концовъ греческаго міра собирались въ Аѳины. Со временъ Перикла Аѳины дѣлаются средоточіемъ гелленской умствен-

ной жизни. Остальная Греція обѣднѣла великими художниками, которые шли за вѣнцами своими въ единственный городъ, который давалъ и утверждалъ права на славу. Въ Коринѣ еще процвѣтала техническая часть искусства; но высшее, духовное начало развивалось въ Афинахъ, по словамъ Нибура. Богатство, естественное слѣдствіе торговли и промышленности, еще не находило приложенія къ цѣлямъ частной жизни, сохранившей до Пелопоннесской войны прежнюю простоту свою. Зато афинскіе богачи гордились красотой оснащенныхъ ими на свой счетъ государственныхъ галерей, великолѣпіемъ хоровъ, выставленныхъ ими для драматическихъ представленій, и другими обязательными приношеніями (*λειτουργίαι*), которыя въ эпоху, нами описываемую, еще не считались тягостными, но служили доказательствомъ почетнаго положенія въ республикѣ.

Конечно, не Периклъ вызвалъ къ жизни всѣ изящныя и великія явленія, которыя въ совокупности означаются его именемъ, но онъ стоялъ въ средоточіи этихъ явленій и болѣе, нежели кто-либо, сознавалъ ихъ значеніе. Власть его основана была на безпримѣрномъ дарѣ сообщать свои убѣжденія другимъ и на дѣйствительныхъ дарованіяхъ государственнаго мужа. По образованію, по объему идей, онъ стоитъ даже вышеThemistocle.

Отдавая справедливость великимъ качествамъ Перикла, Нибуръ произноситъ довольно строгій приговоръ надъ нѣкоторыми измѣненіями, которыя онъ произвелъ въ системѣ афинскихъ государственныхъ учреждений. Система эта намъ далеко не вполне извѣстна. Къ числу самыхъ темныхъ вопросовъ принадлежитъ вопросъ о значеніи ареопага. Что власть ареопага не была опредѣлена положительно, это не подлежитъ сомнѣнію. Быть можетъ законодатель съ намѣреніемъ допустилъ такую неопредѣленность, дабы, не внушая излишнихъ опасеній усиливавшемуся демосу, сохранить въ государствѣ сильное, на охранительномъ началѣ основанное учрежденіе, которое могло оказывать великія услуги въ критическія минуты народной жизни. Нибуръ полагаетъ, что во время персидскихъ войнъ ареопагъ пользовался неограниченною властію, соответствовавшею римской диктатурѣ. Мы оставляемъ это мнѣніе на отвѣтственности великаго историка. Извѣстно, что при Периклѣ, по предложенію друга его Эвкратиды, судебная власть ареопага была значительно ограничена. Но въ чемъ собственно состояло это ограниченіе, мы достоверно не знаемъ.

«Периклъ и Эвкратъ заботились объ усиленіи народнаго собранія. Объ нихъ обоихъ можно сказать, что они не знали, что дѣлали, потому что они безспорно повредили республикѣ. Гдѣ обращеніе крови совершается съ такою быстротою, какъ въ афинскомъ народѣ, тамъ не для чего ускорять пульсъ; лучше внести какія-нибудь замедленія въ ходъ дѣлъ, потому что застою нечего бояться. Эвкратъ былъ, безъ сомнѣнія, вполне честный человѣкъ, его нельзя упрекнуть ни въ эгоизмѣ, ни въ честолюбіи; но, по моему мнѣнію, такое обвиненіе падаетъ на Перикла, котораго я ни въ какомъ случаѣ не могу оправдать. Периклъ сознавалъ свое вліяніе на народъ, который жилъ его жизнью; его убѣжденія, высказанныя имъ умно и съ жаромъ, проникали въ душу народа. Всѣ его предложенія принимались. Отношеніе его къ ареопагу было совсѣмъ другое. Слово Перикла не имѣло бы такого могущества, если бы ему пришлось говорить передъ ограниченнымъ по числу членовъ собраніемъ ареопага. Онъ вообще не имѣлъ возможности высказать передъ ареопагомъ своего мнѣнія, потому что не засѣдалъ въ немъ и не имѣлъ надежды вступить въ него съ тѣхъ поръ, какъ званіе архонта перестало быть избирательнымъ. Еслибы нововводители не замѣнили избранія жребіемъ, то Периклъ могъ бы сдѣлаться эпонимомъ, вступить въ ареопагъ и даже подчинить его себѣ. Теперь ему пришлось употребить другія средства. — Ареопагъ представляетъ замѣчательный примѣръ того, что называется *esprit de corps*, въ лучшемъ смыслѣ этого выраженія. Такой *esprit de corps* существовалъ до французской революціи въ парижскомъ парламентѣ, котораго члены передавали другъ другу достоинство и независимость, отражавшіяся на всемъ ихъ образѣ жизни. Легкомысленный членъ парламента былъ презираемъ даже такими людьми, которые охотно мирились съ легкомысліемъ всего остальнаго міра. Такихъ же наслѣдственно передающимся духомъ отличаются члены извѣстныхъ семействъ въ Англіи; онъ составляетъ сущность, основу, на которой держатся государственныя учрежденія, замѣняя внутреннимъ побужденіемъ отсутствіе прекратившагося вѣшняго принужденія. Въ такихъ государствахъ, какъ Англія, политическія мнѣнія существуютъ неизмѣнно въ отдѣльныхъ семействахъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Какой-нибудь Россель, измѣнившій вигамъ и перешедшій на сторону торизма, былъ бы чудовищнымъ явленіемъ. Это настоящая и благотворная аристократія. У ареопага былъ также

своей духъ: легкомысленный, презрѣнный человѣкъ, по словамъ, сказаннымъ Исократомъ въ эпоху общаго разложенія, вступая въ ареопагъ, долженъ по необходимости измѣниться, принять другой образъ мыслей. Поэтому ареопагъ былъ превосходнымъ учрежденіемъ. Онъ состоялъ изъ выбывшихъ изъ должности архонтовъ, которые засѣдали въ немъ во все продолженіе остальной жизни своей. Но такъ какъ ареопагъ былъ представителемъ охранительныхъ началъ, выраженіемъ разума въ республикѣ, то поступленію въ него должно было предшествовать испытаніе, особливо съ тѣхъ поръ, какъ архонты стали избираться по жребію; иначе онъ обратился бы во вздорное учрежденіе. Всякій избранный по жребію архонтъ обязанъ былъ выдерживать испытаніе въ чистотѣ жизни (*δοκιμασία*) предъ вступленіемъ въ должность; потомъ, сложивъ съ себя званіе архонта, при переходѣ въ ареопагъ онъ подвергался вторичному испытанію. Такъ поступали итальянскіе города Среднихъ вѣковъ съ своими подестаи. Периклъ и Эфиальтъ унизили могущество этого судилища, по словамъ Аристотеля, глубочайшаго знатока отдѣльныхъ государственныхъ учреждений (II, стр. 29—32).

Трудно, впрочемъ, предположить, чтобы судилище, пополнявшееся, какъ видимъ, по жребію, а не по избранію, могло быть проникнуто до такой степени однимъ и тѣмъ же духомъ, какъ говорить Нибуръ. Случай могъ ввести въ ареопагъ членовъ недостойныхъ, которые никакъ не получили бы доступа къ нему, если бы прежнее избраніе осталось въ силѣ. Съ другой стороны непонятно, почему Периклъ долженъ былъ отказаться отъ надежды быть архонтомъ и потомъ членомъ ареопага. Еслибы онъ дѣйствительно домогался этихъ почестей, то, вѣроятно, достигъ бы ихъ и по жребію. Преобразование ареопага представляло болѣе трудностей.

Справедливѣе намъ кажутся другія замѣчанія Нибура. Онъ оправдываетъ Перикла въ допущеніи бѣдныхъ классовъ афинскаго народа къ участию въ богатствахъ республики, достигнувшей высшей степени благосостоянія и получавшей огромные доходы. Не хорошъ былъ, по мнѣнію Нибура, только способъ, употребленный Перикломъ, то-есть плата за участіе въ народныхъ и судебныхъ собраніяхъ. Но здѣсь, кажется, у Перикла была еще другая цѣль: онъ хотѣлъ доставить бѣднѣйшему Афинянину возможность пользоваться своими правами и воспитать его для жизни вполне гражданской. Въ этомъ заключается раз-

личіе между законами Перикла и римскими *leges frumentariae*, которые Нибуръ съ ними сравниваетъ. Вождь афинскаго демоса имѣлъ въ виду не одно утоленіе голода бѣдныхъ классовъ, но и умственное ихъ развитіе. Его мѣры нѣкоторымъ образомъ соотвѣтствовали мѣрамъ новыхъ правительствъ касательно народнаго просвѣщенія. Впрочемъ, при избыткѣ населенія, которымъ уже начинали страдать Атика и вся остальная Греція, при закрывшейся возможности высылать колоніи въ прежнихъ размѣрахъ, Периклъ могъ еще имѣть въ виду предупрежденіе государственныхъ переворотовъ.

Пелопоннесскою войною кончилось кратковременное, но принесшее плодъ для всей дальнѣйшей исторіи человѣчества, процвѣтаніе греческой жизни. Война эта носитъ на себѣ особенный характеръ разрушенія: у враждовавшихъ сторонъ не было опредѣленной, ясно обозначенной цѣли. Споръ могъ, слѣдовательно, кончиться только совершенною побѣдою одной и уничтоженіемъ другой. Но и побѣдителямъ дорого обошлось торжество: *proptrium periculum fecerunt, qui viscerunt*.

«Цвѣтущее состояніе Греціи передъ Пелопоннесскою войною относится къ послѣдующему времени, такъ какъ Германія предъ Тридцатилѣтнею войною — къ Германіи послѣ Тридцатилѣтней войны, или Италія до нашествія Французовъ при Карлѣ VIII — къ Италіи послѣ этого нашествія. Это можно сказать не только о нравственныхъ и духовныхъ отношеніяхъ, но и о разореніи страны, хотя съ этой стороны Греція менѣе пострадала (?). Юношескій возрастъ Греціи кончился рано, вмѣстѣ съ эпическими и первыми лирическими поэтами; Пелопоннесскою войною замыкается свѣжая пора зрѣлаго возраста. Сравнивая даже Демосеена, одного изъ величайшихъ умовъ, явившихся въ исторіи, почти одиноко стоящаго между своими современниками, съ людьми, жившими до Пелопоннесской войны, мы найдемъ, что поэзія уже исчезла. Она не долго сохранилась въ жизни послѣ паденія Афинъ, какъ отраженный горами блескъ заходящаго солнца. Въ вѣкъ Августа люди, которыхъ молодость совпадаетъ съ междоусобными войнами и битвою при Акціумѣ, совершили, по водвореніи относительной тишины и спокойствія, безсмертные труды, но труды эти по происхожденію своему принадлежать прошедшему. Тоже самое можно сказать о Пелопоннесской войнѣ, въ приложеніи ко всей литературѣ и въ цѣлому складу жизни. За движеніемъ, вызваннымъ Пелопоннесскою войною, слѣдуетъ общая усталость; какъ во Франціи черезъ

10-ть лѣтъ послѣ начала революціи прекращаются всѣ стремленія къ созданію новыхъ формъ, останавливаются умственная производительность и предпримчивость, такъ и въ Греціи все было утомлено и хило. Мечтанія и надежды были истощены и изношены. Война началась съ большою свѣжестію силъ; многое въ жизни и искусствѣ уже достигло высшей степени развитія; многое приближалось къ этой степени. Трагедія еще до войны стояла такъ высоко, что не могла уже выше подняться; значительнѣйшія драмы явились, правда, въ самые годы войны, но онѣ суть плоды предыдущаго развитія. Въ комедіи было много безымянныхъ мастеровъ: величайшій между ними Аристофанъ. Но въ трагедіи съ Софокломъ нѣкого сравнить. Ходъ образовательныхъ искусствъ былъ другой: они шли впередъ и во время войны и послѣ, и достигли такой оконченности, тонкости и красоты, о которыхъ прежде не имѣли понятія. Къ тому же времени принадлежит образованіе и развитіе прозы, которая дотоѣ не существовала какъ искусство. Могущество и богатство Греціи были истреблены войною. До 431 года Греція была цвѣтушею страной, но богатство ея истощилось, и даже области, не испытавшія разоренія, потерпѣли сильныя удары вслѣдствіе напряженій и поборовъ Спарты. Къ этому присоединилось глубокое нравственное огрубѣніе, общее разложеніе; чувства ненависти и озлобленія окрѣпли; чувства довѣрія и расположенія къ ближнимъ вымерли. Вмѣстѣ съ ними погибло навсегда юношеское воззрѣніе на будущее время. Люди несли жизнь, какъ долгъ; жили безъ радостей, безъ надеждъ на нѣчто лучшее, свѣтлое, на исполненіе мечтаній и замысловъ.

«Пелопоннесская война есть самая безсмертная изъ всѣхъ войнъ, потому что она обрѣла величайшаго историка изъ всѣхъ, доселѣ существовавшихъ. Фукидидъ достигнулъ высшаго, доступнаго историкѣ совершенства, касательно твердости, ясности и живаго изложенія. Въ послѣднемъ отношеніи съ нимъ можетъ быть сравнился бы Тацитъ, еслибы до насъ дошли утраченныя книги его исторіи: въ тѣхъ, которыя сохранились, онъ еще не является намъ очевидцемъ и участникомъ въ событіяхъ, подобно Фукидиду. У Тацита нѣтъ такой непринужденности и наглядности. Фукидидъ пишетъ такъ, какъ будто онъ еще присутствуетъ при описываемомъ и видитъ его своими глазами. Въ этомъ онъ неподражаемъ; вѣроятно въ послѣднихъ книгахъ Ливія была такая же наглядность, хотя въ другомъ родѣ Мы нахо-

димъ ее также въ рѣчахъ у Саллюстія. Можетъ быть она была и въ утраченныхъ книгахъ его. Препжнія порицанія Фукидида безсмысленны: у него и у Демосеена каждое слово тяжело вѣсить». О Ксенофонтѣ Нибуръ отзывается очень строго: онъ находитъ, что Ксенофонтъ относится къ Фукидиду, какъ Глеймъ къ Гёте. «Его исторія никуда не годится: она написана лживо, нерадиво, на скорую руку». Не безъ причины удивляется Нибуръ Ксенофонтову пристрастію къ Спартѣ въ виду несчастій, которыя ея гегемонія навлекла на Грецію.

Прекрасно характеризуетъ Нибуръ послѣдніе годы Перикловой жизни, совпадающей съ началомъ Пелопоннесской войны. «Достоверно, говоритъ онъ, что Периклъ сдѣлался предметомъ многочисленныхъ нападеній; это объясняется обстоятельствами. По происхожденію онъ принадлежалъ къ аристократіи; по наклонностямъ и убѣжденію онъ стоялъ за демосъ и старался укрѣпить его. Но такъ какъ онъ окончательно разорвалъ препжія, еще до него ослабленныя связи, существовавшія въ государствѣ, то порядокъ вещей, имъ созданный, не могъ быть органическимъ. Его правленіе не было творческое, органически развивающее, но чисто личное: благоденствіе и вліяніе Аѳинъ зависѣли отъ его лица; это была счастливая анархія подъ вліяніемъ великаго человѣка. Для будущаго не было создано ничего крѣпкаго. Но кто знаетъ, падаетъ ли вина такого опущенія на великаго мужа? кто можетъ утвердительно сказать, что въ этомъ ходѣ вещей не было необходимости? Часто за счастливѣйшею эпохою слѣдуетъ неизбежно время упадка; счастіе отдѣльныхъ лицъ или поколѣній ведетъ за собою упадокъ цѣлаго. При Периклѣ выступила наружу въ Аѳинахъ личность во всей силѣ своей. Покорность исчезла въ народѣ. Въ молодости Перикла государствомъ правилиThemistokles и Aristides, потомъ Themistokles и Kimon, Kimonъ одинъ, наконецъ самъ Периклъ съ нѣсколькими старшими его годами Kimonомъ, и еще позже съ Фукидидомъ и Alonoksimomъ. Они составляли совокупность великихъ аѳинскихъ государственныхъ мужей. Но въ послѣдніе годы Перикла выступаетъ на сцену толпа даровитыхъ людей, которые хотятъ управлять государствомъ. У нихъ было знаніе государственнаго дѣла и извѣстная степень образованности, въ особенности риторической, которая въ молодости Перикла была исключительною принадлежностію немногихъ, подобно ему замѣчательныхъ людей, и которою Периклъ самъ, можетъ быть, обладалъ не въ такой высокой степени, какъ его моло-

дые соперники. Ни у кого изъ этой толпы не было, впрочемъ, укрѣпленной на прочномъ основаніи системы. Весьма немногіе изъ нихъ (Алкibiадъ былъ еще очень молодъ) хотѣли вызвать къ жизни тѣни древней аристократіи; большая часть состояла изъ демагоговъ, людей честолюбивыхъ, смотрѣвшихъ на Перикла, какъ на устарѣвшаго, заслонявшаго имъ дорогу человѣка, высокое положеніе котораго составляло предметъ желаній каждаго изъ нихъ. Такъ возникли нападки противъ Перикла, по печальному, но совершенно естественному ходу человѣческой жизни, который также повторяется въ литературѣ и наукѣ. Великіе люди пробиваютъ новые пути, но тѣ, которые обязаны имъ всѣмъ своимъ значеніемъ и существованіемъ, смотрятъ на нихъ, особливо въ смутныя времена, какъ на препятствія, мѣшающія ихъ собственному ходу. Гдѣ пульсъ народной жизни бьется медленно, тамъ могутъ быть отношенія другаго рода» (II, стр. 54.)

Нелѣпыя толки о личныхъ причинахъ, будто бы побудившихъ Перикла къ началію войны, не заслуживаютъ опроверженія. Оправданіе аѣинскаго государственнаго мужа находится въ безпристрастномъ разсказѣ Фукидида, который отнюдь не принадлежалъ къ числу его безусловныхъ почитателей. Пелопоннесская война была дѣломъ необходимости. Столкновеніе между Спартою и Аѣинами было неизбежно: происшествія въ Корцирѣ служили только вѣншимъ поводомъ. Но начало войны было несчастливо для Аѣинянъ. Они, очевидно, не ожидали разоренія, которому подверглась Аттика со стороны Пелопоннессцевъ, истреблявшихъ оливковыя деревья, виноградники и вообще собственность земледѣльческаго класса. Праздное, заключенное въ стѣнахъ великаго города, населеніе смотрѣло издали на эти опустошенія, и какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сваливало вину на людей, стоявшихъ во главѣ правительства, въ особенности на Перикла. Эти жалобы усилились съ появленіемъ страшнаго мора въ Аѣинахъ. Замѣчательно, что зараза, съ такою силою дѣйствовавшая въ Атигѣ, весьма слабо обнаружилась въ Пелопоннессѣ. Извѣстно, что Нибуръ приписываетъ заразительнымъ болѣзнямъ большое историческое значеніе. По его мнѣнію, великія заразы почти всегда совпадаютъ съ эпохами упадка цивилизацій. Онѣ служатъ рубежами между отходящимъ, вымирающимъ порядкомъ вещей и зараждающимся новымъ. Читатели наши найдутъ въ «Чтеніяхъ о древней исторіи» много относящихся къ этому предмету остроумныхъ, хотя не вполне дока-

анныхъ предположеній. Могучимъ органомъ поднявшейся противъ Перикла оппозиціи была комедія, игравшая въ общественномъ мнѣніи такую же роль, какую играютъ въ новой Европѣ политическіе журналы. Изъ комедій Аристофана видно, какія средства употребляли комическіе поэты для достиженія своихъ цѣлей. Пользуясь безграничною свободою, они не щадили ни лицъ, ни учрежденій. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе производили на массу зрителей эти смѣлыя до цинизма выходки противъ мужей, занимавшихъ высшія должности въ республикѣ, эти недоказанныя обвиненія, или, лучше сказать, клеветы, поднятыя въ грязи площадныхъ толковъ и облагороженные изящною поэтическою формою. Аристофанъ былъ бесспорно величайшій комическій поэтъ всѣхъ вѣковъ, но ссылаться на его мнѣнія о современныхъ ему дѣятеляхъ афинской исторіи безразсудно. Въ немъ съ особенною силою и, можно сказать, съ ожесточеніемъ отразилось мнѣніе извѣстной политической партіи, и въ этомъ смыслѣ, а не въ какомъ другомъ, его творенія могутъ служить историческимъ источникомъ.

Мы уже замѣтили выше любовь Нибура къ Афинамъ. Это чувство высказывается почти на каждой страницѣ его разсказа о Пелопоннесской войнѣ. Къ Спартѣ онъ рѣшительно не расположенъ, и мы вполне сочувствуемъ великому историку. Спартацы первые сообщили войнѣ тотъ жестокий характеръ, которымъ она отличается отъ всѣхъ предыдущихъ междоусобій, происходившихъ на греческой почвѣ. Прибавимъ къ этому, что жестокость Спарты была обдуманная, холодная; она истекала изъ политическаго расчета, между тѣмъ какъ самыя темныя дѣла афинскаго демоса совершены были подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія и нерѣдко вели за собою раскаяніе. Спартацамъ вѣняють въ особенное достоинство ихъ снисхожденіе къ провинившимся военачальникамъ. Строгость, которую обнаруживали Афиняне въ подобныхъ обстоятельствахъ, часто называютъ неблагодарностію. Но Спарта не менѣе была строга, когда дѣло шло объ опущеніи ея собственныхъ выгодъ. Она была снисходительна только въ тѣхъ случаяхъ, когда вина обращалась во вредъ другихъ. Исторія представляетъ много примѣровъ безнаказаннаго нарушенія договоровъ и оскорбленій всякаго рода, нанесенныхъ союзникамъ со стороны спартанскихъ сановниковъ. Въ доказательство того, какъ мало можно полагаться на разсказы, пущенные въ ходъ недоброжелателями Афинъ, Нибуръ

приводить слѣдующій любопытный фактъ. Аѳинскій полководецъ Пахесъ оказалъ республикѣ важную услугу покореніемъ возставшей Митилены. Вмѣсто награды онъ былъ преданъ суду, и предупредилъ грозившій ему приговоръ добровольною смертію. Въ такомъ видѣ дошли эти происшествія до потомства. Примѣръ Пахеса служить, говорятъ, разительнымъ доказательствомъ легкомыслія и несправедливости Аѳинянъ. Но въ греческой анекдотикѣ сохранилось стихотвореніе, показывающее совсѣмъ съ другой стороны все это дѣло. При взятіи Митилены, Пахесъ изнасиловалъ двухъ тамошнихъ благородныхъ женъ, которыя потомъ принесли на него жалобу его соотечественникамъ. Побѣдоносный полководецъ могъ разсчитывать на ненависть Аѳинянъ противъ глубоко ихъ оскорбившихъ Митиленцевъ, но чувства правды и сожалѣнія къ несчастнымъ жертвамъ взяли верхъ надъ народнымъ озлобленіемъ. Пахесъ долженъ былъ умереть. Спартанскимъ начальникамъ сходили съ рукъ и не такіе поступки. Единственный Спартанецъ той эпохи, внушающій къ своей личности глубокое сочувствіе и уваженіе — Брасидъ. Къ сожалѣнію, онъ погибъ въ цѣлѣ лѣтъ. Кромѣ великихъ дарованій, онъ отличался благородствомъ и возвышеннымъ, рѣдкимъ между его соотечественниками, воззрѣніемъ на обще-греческія дѣла.

Относительно Клеона, Нибуръ раздѣляетъ господствующее и едва ли справедливое мнѣніе. Въ VI-мъ томѣ Гротовой «Исторіи Греціи» находится превосходная и, по нашему мнѣнію, вѣрная оцѣнка дѣятельности и характера Клеона. Этому человѣку пришлось заступитъ мѣсто Перикла среди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, требовавшихъ гениальныхъ дарованій, которыхъ конечно у Клеона не было. Но съ другой стороны едвали возможно допустить, чтобы человѣкъ до того жалкій и ничтожный, какимъ Клеона изображаютъ Фукидидъ и Аристотель, могъ выдвинуться впередъ изъ толпы образовавшихся въ блестящую эпоху Периклова владычества государственныхъ людей. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Клеонъ заслоняетъ всѣхъ своихъ соперниковъ, пользуется постояннымъ вліяніемъ на народъ и обнаруживаетъ въ отдѣльныхъ, пристрастно противъ него переданныхъ намъ, случаяхъ ясный и здравый взглядъ на современные событія. Примѣромъ можетъ служить дѣло о взятіи острова Сактерін, подробно и обстоятельно разобранное Гротомъ. Оно приноситъ большую честь Клеону. Несчастіе его заключается въ непріязни, которую къ нему

питали величайшій поэтъ и величайшій историкъ того времени. Фукидидъ, обыкновенно столь безпристрастный и спокойный цѣнитель людей, очевидно не любитъ Клеона. Онъ сообщаетъ намъ всѣ ошибки послѣдняго и едва намѣкаетъ на обстоятельства, которыми эти ошибки въ нѣкоторой степени оправдываются. Фукидидъ, между прочимъ, строго осуждаетъ Клеона за жестокія мѣры, предложенныя имъ противъ жителей Митилены и Скиона. Зачѣмъ же умалчивается онъ ния оратора, предложившаго еще худшія, болѣе несправедливыя мѣры противъ Мелійцевъ, и не произноситъ надъ нимъ такого же приговора? Безразсудно было со стороны Аениянъ отправленіе Клеона во Фракію, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ геніальнымъ Брасидомъ и защищать противъ него важнѣйшія колоніи республики, отъ которыхъ зависѣло въ то время рѣшеніе войны. Но самое это довѣріе показываетъ, что Клеонъ не былъ въ глазахъ своихъ согражданъ тѣмъ презрѣннымъ шутомъ, какимъ намъ его представляютъ.

Смерть Брасида была несчастіемъ для цѣлой Греціи. Онъ одинъ могъ примирить враждебныя стороны на условіяхъ разумныхъ и умѣренныхъ. Значительныя личности Аликibiада и Лисандра, опредѣляющія ходъ происшествій во второй половинѣ Пелопоннесской войны, далеко ниже Брасида въ безкорыстіи и чистотѣ намѣреній.

«Ния Аликibiада, говоритъ Нибуръ, принадлежитъ къ числу самыхъ грошкихъ именъ древняго міра; объ немъ много толкуютъ, не показывая обыкновенно его характеристическихъ, отличительныхъ свойствъ. Большею частію говорятъ объ его красотѣ, объ его любезности, забывая то, что въ немъ главное, что составляетъ его значеніе. Его внѣшнія качества до такой степени бросались въ глаза, что вредили ему, заслоняя собою его блестящія дарованія. Мы вообще представляемъ себѣ Аликibiада, какъ человѣка, любящагося собственною красотою, выше всего ставящаго безумныя забавы, и упускаетъ изъ виду ту сторону его характера, которую намъ раскрыла исторія. Весьма немногіе понимаютъ его настоящимъ образомъ; новые писатели часто отзываются о немъ не только неприязненно, но даже съ пренебреженіемъ; весьма извѣстныя сочиненія содержатъ въ себѣ непростительныя опрометчивыя, даже презрительныя сужденія объ Аликibiадѣ. По мнѣнію древнихъ, онъ былъ человѣкъ необыкновенный и принадлежалъ къ числу тѣхъ демоническихъ явленій, которыя иногда показываются въ исторіи, опредѣляя участь цѣлыхъ народовъ и странъ и

перевѣшивая вліяніе одной своей личности счастье и политику цѣлыхъ государствъ. Фукидидъ, котораго нельзя заподозрить въ излишнемъ пристрастіи къ Алкибіадѣ, говорить положительно, что отъ него зависѣла судьба Аѣннъ, и что еслибы Алкибіадъ не отдѣлился сначала по неволѣ, потомъ добровольно, своей участи отъ участи роднаго города, то ходъ Пелопоннесской войны принялъ бы совсѣмъ другой оборотъ, и что одно это лице могло рѣшить споръ въ пользу Аѣннннъ. Это господствующее мнѣніе всей древности; всѣ значительные писатели древняго міра смотрѣли на Алкибіада съ этой точки зрѣнія. Только новые писатели думаютъ объ немъ иначе и говорятъ объ немъ, какъ о безумномъ гулякѣ, котораго никакъ нельзя поставить на ряду съ великими государственными мужчинами древности. Аристофанъ, который по уму не уступаетъ Фукидиду, но безконечно расходится съ нимъ во всемъ остальномъ, выразилъ свое сужденіе объ Алкибіадѣ въ «Лягушкахъ» въ видѣ шутки, но въ такое время, когда Алкибіада надобно было снова поднять въ общественномъ мнѣніи. Это сужденіе содержитъ въ себѣ все, что можно сказать объ Алкибіадѣ. По словамъ Аристофана, появленіе такого чудовишнаго, демоническаго существа въ республикѣ составляетъ, конечно, несчастіе и опасность; но тамъ, гдѣ есть подобное существо, надобно ему подчиниться и не оказывать ему бесполезное сопротивленіе. У Алкибіада совсѣмъ особенный характеръ. Во всей древней исторіи я не знаю никого, съ кѣмъ бы его можно было сравнить. Правда, мнѣ приходилъ Цезарь въ голову. Онъ также рано началъ позволять себѣ политическія вольности, нарушавшія строгую, обычную законность; но въ немъ есть нѣчто другое; онъ несравненно разсудительнѣе Алкибіада. У Алкибіада была (въ этомъ всѣ согласны) не политическая, а тиранническая натура, φόβος τῶσαννικῇ. Онъ не могъ никакъ принаровиться къ государству и законамъ, не могъ спокойно довольствоваться тѣмъ положеніемъ, которое отведено ему было политическими учрежденіями его родины. Цезарь былъ не таковъ. Онъ, конечно, также иногда уклонялся отъ законности и стремился выше, но это стремленіе у него было прикрыто, стояло на второмъ планѣ, до извѣстной поры его жизни; вообще онъ до самаго своего консульства былъ гражданиномъ республики. Къ тому же Цезарь былъ практическій человѣкъ, дѣйствовавшій въ формахъ даннаго государства. У Алкибіада, напротивъ, не было смысла для такой дѣятельности: онъ былъ страшный эгоистъ, заботился только о себѣ

и о своей власти; республика должна была повиноваться. Аѣины вынесли отъ него много такого, чего не стерпѣли бы отъ другаго гражданина; но дѣлать было нечего — только при такихъ условіяхъ можно было рассчитывать на Алкибіада. Нельзя, впрочемъ, не признать, что съ лѣтами онъ становится значительно лучше, и что въ послѣдніе годы его жизни, послѣ его вторичнаго разрыва съ родиною, въ немъ обнаружались патріотическія чувства, показывающія, что въ зрѣломъ возрастѣ онъ сталъ несравненно лучшимъ гражданиномъ. Не подлежить никакому сомнѣнію, что онъ съ самой ранней юности наглымъ образомъ обнаружилъ притязаніе на ту же власть и тоже положеніе въ государствѣ, какими пользовался его опекунъ — Периклъ. Всѣ сознавали, что онъ былъ великій полководецъ и великій государственный человѣкъ, но онъ не любилъ ничего, что требовало тщательной работы, строгой добросовѣстности и постоянства. Въ этомъ отношеніи онъ былъ безсовѣстенъ; но тамъ, гдѣ надобно было дѣйствовать на сердца, въ Аѣинахъ или внѣ Аѣинъ, тамъ гдѣ надобно было запугать или убѣдить народъ, направить къ своимъ цѣлямъ политику другихъ государствъ, или начальствовать надъ войсками, тамъ онъ былъ великій художникъ. Въ войскѣ онъ не имѣлъ себѣ равнаго; онъ былъ рѣшительно великій полководецъ. Въ личности его было нѣчто въ самомъ дѣлѣ очаровательное, подчинявшее ему все, что его окружало. Онъ признавалъ эту власть и пользовался ею, какъ хотѣлъ. Такія истинно демоническія натуры рѣдко употребляютъ свое могущество на добро. Ничто имъ не противится, всѣ признаютъ ихъ превосходство надъ собою: онѣ же не признаютъ надъ собою ни божественнаго, ни человѣческаго закона; порою онѣ добровольно подчиняются этимъ законамъ, являются благородными, великодушными, исполненными любви, но при первомъ требованіи эгоизма сбрасываютъ съ себя принужденіе. Тогда люди кажутся имъ насѣкомыми, которыхъ они ставятъ ни во что. Таковъ былъ Алкибіадъ.

Въ новѣйшія времена подобнымъ могуществомъ обладалъ въ болѣе-шей степени Мирабо, въ мѣньшей Фоксъ. Они причаровывали къ себѣ все, что къ нимъ приближалось, но оба уступали Алкибіаду. Наполеонъ былъ слишкомъ практическій человѣкъ. Такая же, сохранившая свою чистоту, натура была у Демосфена: это высшее въ исторіи, но тотчасъ является зависть и начинается грызть. Впрочемъ, подобныя лица рѣдко остаются чистыми; большею частію они отдаются дѣяво-

ду. Катилина былъ человѣкъ въ этомъ родѣ, а не дюжинный злодѣй. (II, стр. 106—111).

Страшная участь афинскаго флота и сухопутныхъ войскъ подъ Сиракусами опредѣлила позднѣйшія мнѣнія о предпріятіяхъ Аѳинянъ въ Сициліи. Мы привыкли смотрѣть на сиракусскую экспедицію только чрезъ развязку ея, нанесшую Аѳинамъ ударъ, отъ котораго онѣ не могли оправиться. Нибуръ не повторяетъ обвиненій, которыя обыкновенно по этому поводу возводятся на Аѳины и въ особенности на Аликиада. Мысль о завоеваніи Сициліи могла придти въ голову истинно государственному человѣку и легко могла быть осуществлена при тогдашнихъ средствахъ Аѳинской республики и при постоянныхъ междоусобицахъ сицилійскихъ городовъ. О выгодахъ такого завоеванія можно составить себѣ понятіе уже изъ того обстоятельства, что Сицилія снабжала хлѣбомъ Пелопоннесъ. Цвѣтущее состояніе острова, на которомъ въ послѣдствіи сошлись, споря о владычествѣ надъ историческимъ міромъ, Римъ и Карфагенъ, великолѣпіе его городовъ и обширная торговля этихъ городовъ явствуютъ изъ всѣхъ древнихъ свидѣтельствъ. Въ Сициліи, по гениальной мысли Аликиада, должна была рѣшиться Пелопоннеская война. Что могли противопоставить отрѣзанныя отъ своей житницы Спарта и ея союзники Аѳинамъ, усиленныя всѣми богатствами Сициліи? Аѳиняне не сомнѣвались въ успѣхѣхъ задуманнаго ими предпріятія. Мало того, они думали о распространеніи своихъ владѣній на западъ, о покореніи Сардиніи и самаго Карфагена. Въ надеждахъ этихъ не было ничего преувеличеннаго и несбыточнаго: войны Діонисія и Агаокла обличаютъ внутреннюю слабость тогдашняго Карфагена. А между тѣмъ могущество сиракусскихъ вождей никакъ не могло выдержать сравненія съ могуществомъ Аѳинъ, не говоря о гениі Аликиада, передъ которымъ ничтожны и Діонисій и Агаоклъ. Нибуръ прекрасно сравниваетъ по этому поводу характеръ римскихъ и аѳинскихъ войнъ. Римляне воевали потому, что безъ войнъ или внутреннихъ смутъ имъ было нечего дѣлать: скука одолевала цѣлый народъ. Аѳиняне также скучали праздною, но отъ избытка внутреннихъ силъ, отъ жажды новыхъ ощущеній и великихъ событій. Впрочемъ, Аѳинянину было хорошо и дома. «У него были великіе праздники, поэты и воспріимлемость для всего прекраснаго. Аттическіе поэты по преимуществу заслуживаютъ названія благотворительныхъ мужей; ихъ звуки, какъ лира Амсіона,

укрошали дикія страсти толпы и занимали ее собою. Когда сердца были преисполнены пѣсень и дивныхъ трагедій, тогда въ Аѣнахъ всѣ были счастливы и веселы, никто не чувствовалъ своей бѣдности, не искалъ сильныхъ душевныхъ потрясеній». Но именно при такомъ настроеніи народа онъ легко поддавался на великія, представленныя ему съ политической стороны, предпріятія. Римлянинъ имѣлъ въ виду практическую цѣль, результатъ войны; Аѣнянинъ находилъ наслажденіе въ подвигѣ, хотя и онъ далеко не былъ чуждъ политическаго расчета. При содѣйствіи Алкибіада, успѣхъ сицилійской экспедиціи почти не подлежалъ сомнѣнію. Даже первыя дѣйствія Никія были довольно удачны, но мнительность и робкая осторожность этого несчастнаго полководца дали дѣлу другой оборотъ. Никій не воспользовался первымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ прибытіемъ Аѣнянъ въ Сиракусы, пропустилъ драгоцѣнное время и далъ Алкибіаду возможность принять изъ Спарты тѣ мѣры, конечнымъ слѣдствіемъ которыхъ было наденіе Аѣнъ.

Роковой геній Алкибіада раскрылся во всей полнотѣ своей въ эпоху его изгнанія. Алкибіадъ открылъ Спартанцамъ глаза на опасность, которая имъ грозила, и былъ виновникомъ новой, болѣе рѣшительной системы войны. Въмѣсто ежегодныхъ вторженій въ Аттику, Целопоонесцы заняли, по его совѣту, на разстояніи трехъ нѣмецкихъ миль отъ Аѣнъ небольшой городокъ Декелею, укрѣпили его и непрерывными разореніями не давали оправиться сельскому населенію. На помощь Сиракусамъ былъ отправленъ Гилиппъ, настоящій представитель тогдашняго спартанскаго характера, соединявшій съ достоинствами искуснаго полководца совершенное отсутствіе политической чести, или, лучше сказать, честности. Алкибіаду же были обязаны Аѣнны вмѣшательствомъ Персіи въ Целопоонесскую войну и отпаденіемъ значительной части своихъ прежнихъ союзниковъ. Персидскій флотъ пришелъ на помощь къ Спартанцамъ, которые, сверхъ того, получали отъ персидскаго царя значительное денежное пособіе. Узкая, антинаціональная политика Спарты обнаружилась гораздо прежде Анталькова мира; уже во время Целопоонесской войны, Спарта продала Персамъ независимость своихъ мало-азійскихъ соплеменниковъ. Еслибы Алкибіадъ не остановился во время и не употребилъ той же дѣятельности, какую онъ обнаружилъ ко вреду Аѣнъ, въ ихъ пользу, то участь послѣднихъ рѣшилась бы нѣсколькими годами ранѣе.

Тѣ самыя ватрапы, которыхъ онъ убѣдилъ опазать пособіе Спартѣ, сдѣлались орудіями его совершенно измѣнившихся намѣреній.

Предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ познакомить читателей со всѣми подробностями Нибурова изложенія послѣднихъ годовъ Пелопоннесской войны. По нашему мнѣнію, это одинъ изъ самыхъ удачныхъ отдѣловъ въ «Чтеніяхъ о древней исторіи». Жививо затронутая событіями, отдѣленными отъ насъ разстояніемъ двадцати двухъ вѣковъ, личность историка высказывается въ каждомъ сужденіи, имъ произносимомъ. Не всѣ эти сужденія справедливы; о многихъ мы даже рѣшительно не знаемъ на какихъ данныхъ они основаны, но едвали найдется мыслящій читатель, способный устоять противъ впечатлѣнія этихъ горячихъ, дышащихъ чувствомъ современника, страницъ.

Несчастія, испытанныя Аѣнами, привели многихъ гражданъ къ убѣжденію въ необходимости внутреннихъ преобразованій. Политическія формы Перикловой эпохи, установившіяся подъ вліяніемъ исключительно демократическихъ идей, не могли соответствовать требованіямъ республики, нуждавшейся въ крѣпкой, способной сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ государственныя силы, власти. Нибуръ справедливо замѣчаетъ, что въ тогдашнихъ Аѣнахъ не было правительства въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Личное вліяніе Перикла замѣняло отчасти недостатокъ учрежденій; Периклъ стоялъ во главѣ народа и сообщалъ рѣшеніямъ народныхъ собраній нѣкоторую послѣдовательность и единство; у него не было преемниковъ: Аликibiадъ выдавался впередъ только въ тѣхъ случаяхъ, которые его особенно занимали, но онъ не имѣлъ того цѣльнаго значенія въ республикѣ, какое принадлежало его опекуну. Короче, Аѣнамъ въ эпоху, о которой теперь идетъ рѣчь, нуженъ былъ диктаторъ, а политическіе реформаторы, о которыхъ мы упомянули выше, заботились только объ установленіи прочнаго аристократическаго элемента. Попытки эти оказались, какъ и слѣдовало ожидать, неудачными.

Въ числѣ лицъ, игравшихъ въ то время значительную роль, есть одно, надъ которымъ нельзя не задуматься историку. Мы говоримъ о Фераментѣ. Мужественная кончина въ періодъ владычества 30-ти тиранновъ, къ числу которыхъ онъ самъ принадлежалъ, доставила Фераменту незаслуженную славу героическаго характера. Разбирая подробно его предыдущую жизнь, нѣкоторые новые историки пришли къ заключеніямъ совсѣмъ другаго рода. Шлоссеръ въ своей Древней

Исторіи (Т. I, отд. II) называетъ Ферамена предателемъ и вообще произноситъ надъ нимъ самый жестокой приговоръ. Мнѣніе Нибура кажется намъ достойнѣе истиннаго историка, умѣющаго цѣнить вліяніе времени и обстоятельствъ на дѣйствія отдѣльныхъ людей.

Фераменъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ характеровъ древней исторіи; я когда-нибудь буду писать о немъ. Онъ былъ отличный полководецъ, счастливъ, неутомимъ, искусенъ; онъ обладалъ необыкновеннымъ, быть-можетъ необработаннымъ наукою, но могучимъ краснорѣчіемъ. Притомъ онъ былъ, чего наименѣе можно было ожидать, человѣкъ благонамѣренный и справедливый; его огорчала всякая неправда и все неразумное, но такъ какъ онъ жилъ только въ настоящемъ, въ текущемъ мгновеніи, то онъ не заботился ни о прошедшемъ, ни о будущемъ. Этимиъ объясняются его внезапные переходы отъ одной партіи къ другой, когда та, къ которой онъ принадлежалъ, его болѣе не удовлетворяла или не принимала его справедливыхъ совѣтовъ. Такимъ же образомъ отставалъ онъ отъ новой партіи, когда былъ ею недоволенъ, или когда старая обращалась къ нему съ разумными предложеніями. Такая измѣчивость доставила ему прозваніе котурна. Сандаліи дѣлались на одну ногу, котурнъ на обѣ, такъ что его можно было надѣвать по произволу на правую и на лѣвую ногу. Фераменъ часто мѣнялъ партіи. О немъ много было писано, но тѣ немногіе новые историки, которые имъ занимались, не справились съ нимъ. Я понимаю его совершенно и думаю, что характеръ его можно изобразить вполнѣ. Несмотря на всѣ его заблужденія и грѣхи, я не могу его не любить: онъ тяжело испунилъ свои проступки. Человѣкъ, которому угрожаетъ паденіе, и падающій вслѣдствіе похвальныхъ побужденій, лучше того, кто остался чистымъ по неспособности и отсутствію соблазновъ. Поэтому Фераменъ меня не отталкиваетъ отъ себя; напротивъ, я раздѣляю чувство, которое онъ вообще внушалъ въ древности. Цицеронъ его любитъ, хотя онъ, безъ сомнѣнія, оцѣнилъ отдѣльные поступки его жизни и вовсе не былъ намѣренъ ихъ защищать. У него есть конечно дѣла, которыхъ нельзя оправдывать, но которыя можно извинить, потому что за ними слѣдуетъ всегда прекрасное обращеніе къ лучшему и желаніе загладить дурное; сердце у него было самое открытое, которое не боялось признаться въ собственной винѣ и ревностно стремилось къ ея исправленію. Онъ принадлежалъ къ числу людей,

которые смотрѣли на тогдашнюю порчу аѳинской демократіи какъ на нѣчто, чему надлежало положить конецъ, которые желали переимѣны учрежденій и надѣялись этою переимѣною водворить въ Греціи миръ» (II, 168). Далѣе говоритъ объ немъ Нибуръ: «Веселость, съ которою онъ выпилъ за здоровье Критія чашу съ цикутою, обличаетъ спокойствіе человѣка необычайныхъ силъ, но утомленнаго жизнію, отъ которой онъ хочетъ отдѣлаться, какъ отъ тяжелой ноши» (II, 202). Къ сожалѣнію, до насъ не дошло превосходное сочиненіе, написанное Θераменомъ въ оправданіе себя. У Лисія (*Contra Eratosch.* p. 127. Reisk.) находятся подлинныя мѣста. Рѣчь, которую Ксенофонтъ влагаетъ въ уста Θерамену, по мнѣнію Нибура, поддѣльная и написана самимъ историкомъ. Вообще Нибуръ, какъ мы уже показали выше, не любитъ Ксенофонта и говоритъ тутъ же (201), что всѣ его рѣчи на одинъ ладъ; Θракіицы, Персы, Аѳиняне, люди всѣхъ партій говорить у него однимъ и тѣмъ же языкомъ, то-есть нѣсколько распушеннымъ (*etwas liederlicher Manier*) языкомъ самого Ксенофонта.

Смуты, предшествовавшія изгнанію 30-ти тиранновъ и возстановленію аѳинской независимости, подали поводъ Нибуру къ слѣдующимъ словамъ, которыя, съ одной стороны, характеризуютъ его лично, съ другой, могутъ служить превосходнымъ образцомъ истиннаго воззрѣнія на людей, призванныхъ дѣйствовать въ смутныя времена исторіи.

«Эти событія представляютъ намъ поучительное доказательство того, что не должно судить о нравственномъ достоинствѣ человѣка по цвѣту политической партіи, къ которой онъ принадлежалъ, и что нельзя сказать: такой-то принадлежитъ къ такой-то партіи, слѣдовательно, онъ дурной человѣкъ, или наоборотъ — хорошій. Подобныя сужденія составляются безъ труда, но въ нихъ нѣтъ истины; исторія учитъ насъ другому, лучшему: часто подъ знаменами самаго благороднаго дѣла стоятъ самые порочные люди, и наоборотъ, въ рядахъ дурной партіи мы нерѣдко встрѣчаемъ благороднѣйшихъ людей, возмущающихъ, что они дѣлаютъ добро, тогда какъ поступки ихъ вредны и неразумны, потому что они ошиблись въ цѣли или недалеко-видны. Это явленіе повторилось и въ Аѳинахъ. Θрасибулъ былъ отличный, безукоризненный гражданинъ; но съ нимъ виѣсть, въ числѣ начальниковъ, стоялъ за правое дѣло и участвовалъ въ возстановленіи прежняго порядка Аѳинъ, въ послѣдствіи обвинитель Сократа.

Обвинитель Сократа, виновникъ его гибели едва ли могъ быть хорошимъ и добрымъ человекомъ: онъ былъ религіозный лицемеръ. Наоборотъ, между находившимися въ городѣ противниками Фрасибула были вѣроятно превосходные люди. Самъ Сократъ и, безъ сомнѣнія, большая часть его друзей оставались въ городѣ ¹⁾. Я навѣрно былъ бы въ Пирей или въ Филѣ, но никакъ не бросилъ бы камня въ того, кто остался въ Афинахъ, а только пожалѣлъ бы о немъ». (II, 211).

Въ слѣдующей статьѣ мы отдадимъ читателямъ «Пропилеевъ», отчетъ въ содержаніи остальныхъ «Чтеній о древней исторіи», посвященныхъ печальнымъ, но поучительнымъ временамъ упадка греческой жизни.

II.

За Пелопоннесскою войною слѣдуетъ въ «Чтеніяхъ о древней исторіи» обзоръ исторіи персидской до возстанія младшаго Кира противъ Артаксеркса. Читателямъ «Пропилеевъ» извѣстно, какое участіе принимали въ этомъ возстаніи греческіе наемники, которыхъ походъ и отступленіе подробно описаны въ лучшемъ изъ сочиненій Ксенофонта. Мы привели уже мнѣніе Нибура объ этомъ писателѣ. Какъ-бы нехотя признастъ Нибуръ достоинство Анабасиса; но отзывъ его о личности самого сочинителя слишкомъ строгъ, хотя и въ немъ есть доля истины. Въ этомъ отношеніи нельзя не указать на превосходный отдѣлъ, посвященный отступленію 10-ти тысячъ Грековъ въ IX-мъ томѣ Гротовой «Исторіи Греціи». Нибуръ вѣняетъ Ксенофонту въ вину самое участіе его въ походѣ. Другіе шли, говоритъ онъ, наемниками, ради денегъ, — Ксенофонтъ пошелъ изъ энтузіасма. Трудно найти въ Анабасисѣ признаки такого энтузіасма. Причины, побудившія молодого афинскаго всадника, Сократова ученика, стать въ ряды Кировыхъ мисеофоровъ были весьма просты. Послѣ Пелопоннесской войны жизнь въ униженныхъ Афинахъ не представляла ничего особенно

¹⁾ Надобно при этомъ вспомнить, что Фрасибулъ и его партія держались въ Пирей, а олигархи съ своими приверженцами въ самомъ городѣ.

привлекательнаго даровитому и жаждующему дѣятельности юношѣ. Другъ его, Беотіецъ Проксенъ, писалъ ему изъ Сардъ, гдѣ онъ находился при особѣ Кира, о предстоявшихъ персидскому государству переворотахъ и звалъ его къ себѣ. Ксенофонтъ принялъ охотно это приглашеніе. Не легко было Греку, въ особенности Аѳинянину, устоять противъ тройкаго искушенія: войны, славы и странствованій по землямъ, о которыхъ въ Греціи ходили только смутные слухи.

Клеарха и другихъ начальниковъ греческаго наемнаго войска въ службѣ Кира Нибуръ не безъ основанія сравниваетъ съ полководцами Тридцатилѣтней войны, о которыхъ говоритъ слѣдующее: «Досадно, что на такихъ людей смотреть какъ на героевъ; это признакъ совершеннаго незнанія исторіи; у Банера, какъ и у Клеарха, были таланты великаго полководца; но, подобно Папенгейму, онъ является намъ чудовищемъ, какихъ, слава Богу, не встрѣчаемъ въ новѣйшихъ войнахъ Европы».

Сраженіе при Кунаксѣ положило конецъ наступательному движенію Грековъ; но съ него начинается тотъ рядъ великихъ подвиговъ, которые доставили сборной наемной дружинѣ всемірно - историческое значеніе. Мы не считаемъ нужнымъ повторять всѣмъ знакомыя подробности отступленія 10 тысячъ Грековъ. Но едвали до того времени могло развиться въ душѣ Грека такое глубокое сознаніе собственнаго превосходства надъ народами Востока. Воины Маравона, Фермопила и Платей стояли на родной почвѣ; непріятель превосходилъ ихъ числомъ; за то на ихъ сторонѣ было много другихъ условій успѣха. Но снугини Ксенофонта находились совсѣмъ въ другомъ положеніи. Имъ надлежало прокладывать себѣ путь на родину чрезъ земли имъ вовсе неизвѣстныя, населенныя племенами, которыхъ имена дотолѣ не доходили до греческаго уха; имъ предстояла равно трудная борьба съ природою горныхъ и холодныхъ странъ, съ голодомъ и наконецъ, съ врагами, которые напирали на нихъ со всѣхъ сторонъ, спереди и сзади. Прибавимъ къ тому, что лучшіе ихъ вожди были у нихъ отняты извѣсною при самомъ началѣ отступленія. Надобно было замѣнить ихъ людьми новыми, едва извѣстными войску и не успѣвшими еще заслужить его довѣрія. Между этими новыми вождями первое мѣсто принадлежитъ безъ сомнѣнія Ксенофонту. У Грота есть нѣсколько умныхъ, но вѣтому моводу написанныхъ страницъ (томъ IX, страницы 113—118). Онъ показываетъ, до какой степени Ксенофонтъ былъ

обязанъ своимъ быстрымъ возвышеніемъ и вліяніемъ на умы подвижниковъ той системѣ воспитанія, которая принадлежала къ числу отличительныхъ признаковъ афинскаго гражданина и была одною изъ причинъ его несомнѣннаго превосходства надъ остальными Греками. Въ рядахъ Грековъ, которыхъ Киръ собралъ подъ своимъ знаменемъ и привелъ къ Кунаксѣ, были конечно люди болѣе опытные, чѣмъ Ксенофонтъ въ военномъ дѣлѣ и столь же мужественные. Между ними было много ветерановъ Пелопоннесской войны. Но когда войско падало духомъ въ виду почти neodолжимыхъ препятствій, когда самые храбрые думали только о честной смерти, тогда Афинянинъ Ксенофонтъ, привыкшій къ волненіямъ народнаго собранія, находилъ слова и идеи, возстановлявшія бодрость и надежду. Уроки софистовъ и риториковъ приносили пользу на бранномъ полѣ. Ксенофонтъ равно умѣлъ, по словамъ Грота, мыслить, говорить и дѣйствовать. Только въ Афинахъ могъ онъ найти условія для такого гармоническаго и разнообразнаго развитія способностей, данныхъ ему природою.

Гротъ почти совершенно согласенъ съ Нибуромъ относительно возможныхъ результатовъ сраженія при Кунаксѣ. Побѣда Кира могла бы обнаружить большое вліяніе на участь древняго міра. Киръ вполнѣ сознавалъ значеніе греческой образованности, по крайней мѣрѣ въ политическомъ смыслѣ. Онъ былъ окруженъ Греками и доставилъ бы несомнѣнно на Востокъ гелленизму то вліяніе, которое онъ приобрѣлъ вслѣдствіе Александровыхъ завоеваній. Эти завоеванія могли даже сдѣлаться невозможными, еслибы Киръ удалось осуществить свои планы. Зато преобразованное, скрѣпленное греческими элементами персидское государство могло бы явиться опаснымъ врагомъ для Греціи и разыграть относительно упавшихъ республикъ ту роль, которая потомъ досталась на долю Македоніи.

Участіе, принятое Спартанцами въ Кировомъ предпріятіи, увлекло ихъ въ войну съ Артаксерксомъ. Когда Агесилай принялъ начальство надъ спартанскимъ войскомъ въ Малой Азіи, при немъ было только 30 настоящихъ Спартанцевъ. Они занимали главныя должности въ арміи, состоявшей изъ періековъ и вольноотпущенныхъ гелотовъ. Число спартанскихъ гражданъ въ то время не превышало тысячи. Государство должно было по необходимости беречь ихъ только въ качествѣ начальниковъ или офицеровъ вообще. Мнѣніе Нибура о самомъ Агесилаѣ представляетъ рѣзкую противоположность съ похвалами,

которыми обыкновенно осыпают спартанского царя его древніе и новые біографы. Агесилая дѣйствительно нельзя причислить къ великимъ людямъ Греціи. Онъ былъ хорошій полководецъ и былъ чуждъ той жестокости, которою вообще отличались его соотечественники, въ особенности современникъ и соперникъ его Лисандръ. У него было много личныхъ друзей; но онъ простиралъ свою пріязнь до непозволительнаго пристрастія. При нѣкоторомъ добродушіи, у него были чисто спартанскіе пороки: презрѣніе къ праву, глубокой эгоистъ и отсутствіе всякаго высшаго, гелленскаго національнаго чувства. Счастливый возвратъ 10 тысячъ Грековъ внушилъ Агесилаю мысль о возможности легкихъ завоеваній въ Персіи; но несмотря на довольно усиленный ходъ его дѣйствій въ Малой Азіи, онъ не совершилъ ничего важнаго. Побѣды его надъ Персами весьма незначительны въ сравненіи съ побѣдами Александра или даже съ битвами V-го столѣтія. Вообще въ немъ есть нѣчто узкое и ограниченное; скажемъ, впрочемъ, въ оправданіе Агесилая, что ему не достало времени для полнаго раскрытія плановъ, съ которыми онъ пришелъ въ Азію. Онъ принужденъ былъ поспѣшить возвратиться въ Грецію, потому что большая часть прежнихъ союзниковъ Спарты подняла противъ нея оружіе и заставила ее думать о собственной безопасности.

Недавняя гегемонія Спарты была потрясена въ своихъ основахъ коринтскою войною. Греческія республики, отложившись отъ Аѳинъ, во время Пелопоннесской войны испытали уже сладость спартанскаго владычества и горько жалѣли о своихъ прошлыхъ отношеніяхъ. Ненависть къ надменной Спартѣ сдѣлалась общимъ чувствомъ греческаго міра. Къ сожалѣнію, Аѳины были не въ состояніи воспользоваться такимъ настроеніемъ умовъ. Причиною тому была бѣдность республики, которая еще не успѣла оправиться отъ недавнихъ бѣдствій и потому требовала тяжелыхъ жертвъ отъ острововъ, которые охотно перешли снова на ея сторону. Недостатокъ источниковъ не позволяетъ намъ вполне оцѣнить великія услуги, оказанныя въ эту эпоху Аѳинамъ Фрасибулосъ и Конономъ. Безъ послѣдняго едва ли было бы возможно быстрое восстановленіе аѳинскихъ укрѣпленій. Извѣстно, что Кононъ помогъ въ этомъ случаѣ своимъ согражданамъ деньгами, которыя онъ получалъ отъ персидскаго правительства и отъ Эвагора, царя кипрскаго. Нибуръ указываетъ на два важныя явленія, характеризующія эпоху коринтской войны, именно на первыя попытки образо-

ваіа союзовъ, имѣвшихъ цѣлю независимость греческихъ республикъ, и на имѣненія, введенныя въ греческую тактику Никратомъ. Относительно Анталкидова мира великій историкъ согласенъ съ болѣею частью писателей, упоминающихъ объ этой покорной сдѣлкѣ Спартанцевъ съ Персами. Здѣсь не можетъ быть двухъ различныхъ мнѣній. Никогда еще политическій эгоизмъ Спарты не высказывался съ такимъ безстыдствомъ.

Новая, скрѣпленная условіями Анталкидова мира гегемонія Спарты была еще тягостнѣе первой и неминуемо вела къ возстанію поращенной, но еще не совершенно обезсиленной Греціи. Извѣстно, какими рядомъ политическихъ преступленій, какими нарушеніями народнаго права Спартанцы вызвали къ бою Фивы, до того мало замѣтныя въ греческой исторіи. Въ великой личности Эпаминонды воплотились, можно сказать, и гнѣвъ Греціи на унизительное иго и надежды мыслящихъ умовъ на политическое возрожденіе родины. Пораженіе Спартанцевъ при Левитрѣ было событіе неожиданное, удивившее самихъ побѣдителей. Нравственное впечатлѣніе, произведенное этою битвою, было для Спарты вреднѣе понесеннаго ею урона въ людяхъ, хотя и послѣдній былъ довольно значителенъ. Въ продолженіи восьми лѣтъ Эпаминонда былъ первымъ человѣкомъ въ греческомъ мірѣ и держалъ въ своихъ рукахъ его судьбу. Умирая, онъ унесъ съ собою не только созданное имъ величіе Фивъ, но цѣлую систему политическихъ идей. Многое изъ начатаго имъ съ благими намѣреніями обратилось въ послѣдствіи во вредъ Греціи, потому именно, что Эпаминонду не удалось довершить свое дѣло. Онъ ясно понималъ, что возстановленіе греческихъ республикъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существовали до Пелопоннесской войны, было невозможно. Мѣсто изчезавшихъ гражданскихъ доблестей, отсутствіе тѣхъ духовныхъ силъ, на которыя преимущественно опиралась независимость государствъ, побѣдившихъ при Саламинѣ и при Платей, онъ хотѣлъ замѣнить внѣшними ручательствами (гарантіями) политической независимости для отдѣльныхъ республикъ. Съ этою цѣлю возвратилъ онъ свободу Мессеніи и старался связать въ одинъ союзъ разрозненные между собою города Аркадіи. Лучшаго оплота нельзя было противопоставить честолюбивымъ видамъ Спарты. Участіемъ своимъ въ дѣлахъ Фессаліи и Македоніи онъ тѣснѣе связалъ судьбу этихъ странъ съ судьбами Греціи, до того мало о нихъ помышлявшей. Предвидѣлъ ли Эпаминонда опас-

ность, которая грозила отсюда Греціи? Не знаемъ. Во всякомъ случаѣ отъ его зоркаго взгляда не скрылась важность этихъ земель, и онъ спѣшилъ ввести ихъ въ задуманную имъ систему равносильныхъ государствъ. На гегемонію Фивъ Эпаминондъ смотрѣлъ какъ на нѣчто переходящее. Но ее поставилъ онъ цѣлю своихъ подвиговъ. Съ законною, дозволенною только истинно великимъ людямъ гордостію шелъ онъ къ осуществленію своей теоріи, своей личной задачи. Фивы служили ему только орудіемъ. Въ политической дѣятельности Эпаминонда мы найдемъ гораздо болѣе теоретическихъ элементовъ, чѣмъ у Фемистокла или даже у Перикла, жившихъ въ эпоху отношеній болѣе простыхъ и естественныхъ. Сраженіе при Мантиней положило конецъ подвигамъ Эпаминонда. Передъ смертію онъ спросилъ, кто изъ фиванскихъ полководцевъ остался въ живыхъ. Лучшіе пали, тѣ, которымъ онъ довѣрилъ заветныя думы свои. Роль Фивъ была кончена; имъ оставалось только съ честію выйти изъ борьбы, утратившей смыслъ. Цицеронъ называетъ Эпаминонда величайшимъ мужемъ Греціи; почти тоже говоритъ о немъ Цолибій. Ихъ мнѣніе основано на высокихъ свойствахъ фивскаго вождя, а не на результатахъ его дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ трудно себѣ представить лице болѣе чистое, болѣе благородное, менѣе причастное къ мелкимъ страстямъ и побужденіямъ. Къ идеальному образу Эпаминонда старались приблизиться лучшіе между позднѣйшими политическими дѣятелями Греціи, Тимолеонъ и Филоменъ. Какъ гражданинъ Фивъ и какъ Гелленъ, онъ вполне совершилъ долгъ свой, и мы не въ правѣ обвинять его за то, что сѣмя, брошенное имъ, не возшло благодатною жатвою. Онъ ослабилъ Спарту и какъ бы втянулъ въ греческія дѣла Македонію. Возрожденная Мессенія не забыла въ виду общей бѣды своихъ частныхъ страданій и отомстила Спартѣ на счетъ всей Греціи, поддерживая въ Пелопоннесѣ выгоды македонскихъ государей.

Послѣдній отдѣлъ «Чтеній о древней исторіи», заключающій въ себѣ періодъ македонскаго преобладанія въ Греціи, проникнутъ горькимъ, въ частностяхъ пристрастнымъ противъ Македоніи чувствомъ. Такое чувство со стороны Нибура весьма понятно и придаетъ его рассказамъ что-то теплое и вызывающее сочувствіе читателя. Нибуръ конечно не хуже другихъ понималъ жестокую историческую необходимость, жертвою которой сдѣлались греческія государства. Онъ указываетъ самъ на причины упадка, на глубокую порчу греческой жизни, на

неизбѣжную казнь, но совершители этой казни внушаютъ ему отвращеніе. Подъ часъ это отвращеніе заходить слишкомъ далеко; оно нарушаетъ спокойствіе чисто историческаго созерцанія. Историкъ становится человѣкомъ: онъ готовъ обнажить мечъ и стать въ ряды защитниковъ давно проиграннаго дѣла. Онъ очевидно несправедливъ противъ Александра, даже противъ тѣхъ Грековъ, которые преклонились предъ яркою звѣздой македонскаго завоевателя. Мы уже не разъ указывали на рѣдкія способности Нибура переноситься въ прошедшее и жить въ немъ всею сердцею. Признаемся, мы съ своей стороны не можемъ отказать въ сочувствіи великому историку, негодующему противъ Македоніи. Можно ли быть равнодушнымъ зрителемъ безжалостнаго истребленія всего живаго и свѣтлаго въ Греціи! Кто изъ Македонянъ, за исключеніемъ великаго Александра, можетъ называться истиннымъ Гелленомъ?

«Въ Филиппѣ», говоритъ Нибуръ, «надобно умѣть отличить явленіе природы отъ нравственнаго существа. Филиппъ былъ безспорно необыкновенный, изъ ряду выходящій человѣкъ, и мнѣніе древнихъ, что создатель македонскаго государства совершилъ подвигъ болѣе трудный, чѣмъ Александръ, который приложилъ къ дѣлу уже готовыя силы, совершенно вѣрно. Другой вопросъ, былъ ли онъ добрый и благородный человѣкъ. Что въ немъ были благородныя наклонности, этого я не намѣренъ отрицать. У него есть чисто человѣческія, прекрасныя черты; онъ былъ другъ друзей своихъ и умѣлъ являться съ свѣтлой стороны тѣмъ, кто былъ къ нему близокъ. За то онъ ставилъ цѣль свою выше всего: никогда мысль о чести, о вѣрности, о добродѣтели, о совѣсти, не могла отвлечь его отъ предполагаемой цѣли. Александръ стоялъ выше его по воспитанію. Филиппъ провелъ дѣтство свое при полуварварскомъ дворѣ, которому неизвѣстно было даже чувство стыда. Онъ съ колыбели говорилъ по гречески; но духъ у него былъ не греческій. Конечно онъ былъ въ Оивахъ. Однако извѣстіе о томъ, что онъ былъ воспитанъ въ домѣ Эпаминонда, должно быть принято съ значительными ограниченіями. И кто можетъ сказать, что молодой князь былъ въ состояніи оцѣнить скромную и безискусственную доблесть Эпаминонда!»

Нибуръ отзывается впрочемъ съ должнымъ уваженіемъ о необыкновенныхъ дарованіяхъ и дѣятельности Филиппа. Укажемъ для примѣра на стр. 321 и 323 тома II-го, гдѣ въ немногихъ словахъ изъ-

яснена важность Филипповыхъ нововведеній въ войскѣ. Въ лучшимъ мѣстамъ въ «Чтеніяхъ о древней исторіи» принадлежать страницы, посвященныя Демосеену. Нибуръ нашелъ въ афинскомъ ораторѣ родную себѣ душу. Отзывы его о Демосеенѣ исполнены глубокой, почти тельной любви.

«Демосеену было тогда (когда онъ выступилъ противъ Филиппа за Олиннѣ) около 34-хъ лѣтъ отъ роду. Онъ находился на настоящей высотѣ мужскаго возраста, когда юношеская живость умѣряется опытомъ и размышленіемъ. О немъ много говорено; древность имъ много занималась. Теперь рѣчи его читаются болѣе ради ихъ собственного превосходства, а не ради эпохи и личности Демосеена, которая гораздо важнѣе сама по себѣ, нежели изслѣдованія о жалкомъ времени, когда онъ жилъ: новѣйшіе ученые больше говорятъ объ немъ, чѣмъ знаютъ его. Изученіе такихъ личностей, какъ, напримѣръ, Цицеронъ и Гёте, еще важнѣе, нежели чтеніе ихъ твореній, потому что только такимъ образомъ мы можемъ узнать, до какой степени эти люди отличаются отъ обыкновенныхъ, и какъ высоко они стоятъ надъ общимъ уровнемъ. Поэтому письма ихъ бываютъ весьма поучительны. Въ рѣчахъ Демосеена надобно болѣе всего обратить вниманіе на самую личность оратора. Едвали встрѣтимъ въ исторіи положеніе болѣе трагическое. Истина рано открылась Демосеену; онъ видѣлъ, какія несправимыя ошибки совершались вокругъ него, и какъ все шло къ гибели, а онъ не имѣлъ возможности помочь. Задолго до прихода бѣды, онъ скорбно слѣдилъ за ея приближеніемъ, тогда какъ другіе обманывали себя надеждами и легкомысленно жили день за днемъ. Демосеенъ испилъ съ чистѣйшею любовію въ родинѣ горькую чашу предвидѣнія. Такой человѣкъ конечно не могъ быть веселъ: всѣ его рѣчи проникнуты скорбію, задумчивостію и печалію. Въ нихъ нѣтъ веселости. Въ рѣчахъ Цицерона, именно въ тѣхъ, которыя были сказаны непосредственно послѣ его консульства, есть что-то радостное, глубокое чувство счастья, чего вовсе нѣтъ у Демосеена. Но величіе его заключается въ томъ, что онъ неутомимъ, что его не останавливаетъ никакое несчастіе, никакое оскорбленіе, что его не смущаетъ равнодушіе или плохое исполненіе его печальныхъ совѣтовъ, хотя его же обвиняютъ въ послѣдствіи въ томъ, что послушались его. Безъ отдыха придумываетъ онъ мѣры, годныя для каждой новой минуты; онъ постоянно совѣтуетъ, требуетъ и закликаетъ.

«Онъ нашелъ дѣла въ самомъ печальномъ положеніи: только предъ битвою при Херонеѣ, когда онъ склонилъ Грековъ къ союзу съ Аѳинянами, могъ онъ одно мгновеніе надѣяться на успѣхъ. Тогда наслаждался онъ всѣмъ счастьемъ, къ какому онъ былъ способенъ. Греція распадалась, Филиппъ былъ могущественъ, и всюду поднималась его партія; во многихъ городахъ измѣнники дѣйствовали за Филиппа; въ Аѳинахъ было мало такихъ, но господствовавшіе вездѣ развратъ и порча нравовъ помогали Филиппу. Нѣкоторыя республики перешли совершенно на его сторону. Въ Аѳинахъ съ Демосеемъ стояли нѣсколько даровитыхъ и благонамѣренныхъ, но ему совершенно чуждыхъ людей: таковъ былъ Ликургъ, человекъ высокой честности, но зараженный сикофантіей: *accusatore factitavit*, по выраженію Цицерона. Онъ былъ озлобленъ и находилъ удовлетвореніе въ жалобахъ и доносахъ на другихъ; Демосеенъ никогда не обвинялъ такимъ образомъ. Еще хуже было то, что многіе весьма честные люди смотрѣли на дѣла съ самой превратной точки зрѣнія. Фокіонъ, котораго обыкновенно называютъ образцомъ добродѣтели, постоянно и болѣе нежели кто-либо другой вредилъ своему отечеству: онъ принесъ пользу только въ послѣдней крайности. Тогда его личность произвела нѣкоторое впечатлѣніе, но не его добродѣтель спасла Аѳины, а Антипатръ, вспомнившій, что Фокіонъ былъ старый противникъ Демосеена и всѣхъ ненавистниковъ Македоніи. Онъ не былъ предателемъ, какимъ, быть можетъ, былъ Эсхинъ и навѣрно Филократъ; онъ былъ способенъ къ измѣнѣ, но онъ составилъ себѣ несчастное убѣжденіе въ необходимомъ торжествѣ Филиппа, вбилъ себѣ въ голову, что судьба Аѳинъ уже рѣшена, и вездѣ всѣми силами противодействовалъ Демосеену, думая, что дѣло уже кончено, и что сопротивленіе можетъ сдѣлать еще болѣе тягостною для родины предстоящую ей участь. Иронія жизни, выражаясь словами одного знаменитаго писателя, поставила его на сторону Филиппа... Въ такомъ положеніи, при общемъ распаденіи Греціи, безъ поддержки въ государствѣ, гдѣ демократія дошла до крайнихъ предѣловъ, среди измѣнчиваго, отвыкшаго отъ войны народа, съ плохими и несчастными полководцами предпринималъ Демосеенъ борьбу съ Филиппомъ, стоявшимъ во всемъ величій власти и дарованій. Это былъ безспорно самый смѣлый подвигъ, когда-либо предпринятый восторженнымъ и необыкновеннымъ мужемъ, сознававшимъ въ себѣ нравственную силу, способнымъ на все великое.

«Аѣины сиротствовали, когда Демосеенъ выступилъ на сцену. Превосходство Аѣинянъ заключалось въ ихъ воспріимчивости. Ни одинъ уголокъ въ мірѣ не произвелъ такого числа великихъ людей, какъ Аѣины, и нигдѣ народъ не былъ въ такой степени доступенъ впечатлѣніямъ, производимымъ великими личностями. Но время было несчастное. Народъ попалъ въ дурныя руки, и только благопріятствующая судьба спасла его отъ совершенной гибели. Къ несчастію, Платонъ отдался отъ государства. При его великомъ умѣ, онъ бы могъ совершить несказанное добро, еслибы подошелъ къ народу поближе и не пренебрегъ его способностію принимать впечатлѣнія. Къ тому же самый народъ не всегда былъ воспріимчивъ и стоялъ въ то время гораздо ниже, чѣмъ во время Пелопоннесской войны, ниже, нежели въ послѣдствіи, при Демосеенѣ. Демосеенъ поднималъ снова Аѣинянъ и развивалъ въ нихъ духъ болѣе крѣпкій и благородный».

«Когда онъ явился въ народномъ собраніи, онъ нашелъ испорченный дѣмагогами и обманываемый льстецами народъ, съ которымъ немного можно было сдѣлать хорошаго. Силою терпѣнія, таланта и патріотизма приобрѣлъ онъ мало по малу довѣріе своихъ согражданъ, такъ что тысячи необразованныхъ людей шли за нимъ, какъ дѣти за отцемъ. Этимъ вліяніемъ онъ былъ единственно обязанъ своему слову, своимъ достоинствамъ и высокой любви къ отечеству, потому что онъ никогда не занималъ должности, которая могла бы доставить ему средства понужденія, и жилъ въ государствѣ до того распушенномъ, что никто не былъ въ состояніи повелѣвать. Его личное вліяніе было могущественнѣе, чѣмъ самыя мудрыя рѣшенія тѣхъ, въ рукахъ которыхъ находилась власть: рѣчь его увлекала людей, и въ управленіи ими онъ обнаруживалъ все превосходство дарованій, полученныхъ имъ отъ Бога. Онъ принадлежалъ къ числу величайшихъ администраторовъ: изслѣдованіе его плановъ доставляетъ высокое наслажденіе. Въ то время въ Аѣинахъ, какъ въ эпоху революціи, господствовало стремленіе къ измѣненіямъ въ государственномъ устройствѣ; это стремленіе обыкновенно прежде всего развивается въ ограниченныхъ умахъ, не заботящихся о томъ, найдутся ли для новыхъ учрежденій способные люди. Демосеенъ вовсе не думалъ о перемѣнахъ: онъ зналъ, что можно сдѣлать изъ настоящаго, и понималъ, что лучшее государственное устройство заключалось въ немъ самомъ. Ему надлежало бороться съ неистовыми нападеніями тѣхъ, кому не правилась его

роль, и съ самыми пошлыми интересами толпы. Тысячи бѣдняковъ до того были воодушевлены имъ, что отказались въ пользу государства отъ пособія, которое получали въ качествѣ державныхъ членовъ того государства; отвыкшій отъ военной службы народъ пришелъ въ воинственный восторгъ и снова привыкъ защищать отечество. Это болѣе, чѣмъ сдѣлалъ Александръ, когда онъ съ 30-ю тысячами человекъ проникъ до Инда. Александръ могъ повелѣвать, у него была власть надъ подданными. Демосеенъ, пробуждая возвышенныя чувства, доводилъ своихъ согражданъ до высочайшаго самоотверженія. Все выше подымались воспитанные имъ Аѳиняне, все доступнѣе становились они всему прекрасному и великому. Его враги расточали клевету, но поведеніе Аѳинянъ относительно Демосеена было безукоризненное. Съ такими возрожденнымъ имъ народомъ онъ могъ предпринять дѣло, исходъ котораго былъ конечно печальный; но еслибы сраженіе при Хероней могло быть отсрочено года на два, или еслибы побѣда перешла на другую сторону, что очень легко могло случиться, то Аѳины возстали бы въ новой силѣ и молодости». (Томъ II, стр. 336—341).

Демосеена, какъ и многихъ великихъ людей, въ томъ числѣ самого Наполеона, часто обвиняли въ недостаткѣ личнаго мужества. Вотъ что говоритъ по этому поводу Нибуръ. «Въ день херонейской битвы Демосеенъ сражался, какъ и всякій другой въ рядахъ аѳинскаго войска. Въ жалкихъ анекдотахъ о жизни великихъ мужей безпрестанно повторяется, что Демосеенъ потерялъ свой щитъ и бѣжалъ вѣстѣ съ другими. Что онъ бѣжалъ съ другими — этому я охотно вѣрю. Самые безстрашные полководцы бываютъ увлечены среди общаго бѣгства. Кто видалъ войну вблизи, тому это извѣстно. Даже какой-нибудь Ахиллъ не могъ бы устоять среди разстроенной и бѣгущей массы: она непремѣнно увлечетъ его съ собою. При изученіи греческой исторіи мы вовсе не принимаемъ къ соображенію, что содержаніе Плутарховыхъ біографій большею частію крайне плохо. Въ александрійское время писалось очень много всякой дряни, въ особенности анекдотовъ и біографій: Плутархъ пользовался ими, хотя самъ писалъ несравненно лучше. Его анекдоты заимствованы изъ сборниковъ, не имѣющихъ никакого права на довѣріе, и основаны частію на слухахъ, частію на свидѣльствахъ писателей величайшей *κακοῦδεια*; къ тому же у Плутарха вовсе нѣтъ критики. Прежде на него смотрѣли какъ на одно изъ главныхъ украшеній древней литературы. По личному характеру,

по образу мыслей, онъ конечно принадлежитъ къ числу самыхъ пріятныхъ писателей. Въ этомъ отношеніи у него много общаго съ Монтанемъ, съ которымъ у него вообще большое сходство: для меня онъ даже еще любезнѣе и благороднѣе, чѣмъ Монтань. Еслибы Плутархъ жилъ въ другое время, онъ былъ бы такимъ же скептикомъ, какъ Монтань, и слѣдовалъ бы господствующему вкусу; но такъ какъ онъ жилъ въ эпоху суевѣрія, то онъ предался ему, и изъ всѣхъ силъ старался быть суевѣрнымъ, что ему болѣе или менѣе удалось. Ни у того, ни у другаго нѣтъ критики; да они смѣялись бы надъ нашею критикою, потому что оба были убѣждены въ невозможности положительнаго знанія исторіи и потому считали главною задачею историка пріятное изложеніе происшествій. Въ этомъ заключалась собственно цѣль Плутарха. Историкъ, читающій его, съ идеями болѣе зрѣлаго времени, сто разъ выдетъ изъ себя, если, по принятому обычаю, будетъ смотрѣть на него какъ на историческаго свидѣтеля. Онъ вовсе не историкъ. Непонятно спокойствіе, съ какимъ онъ рассказываетъ величайшій вздоръ. Я охотно его читаю и всякій филологъ долженъ читать его произведенія, не только біографіи, но и нравственныя сочиненія: у него цѣлая сокровищница отрывочныхъ извѣстій. Онъ такъ же пріятенъ, какъ Монтань; онъ не строгій философъ, но добродушный старикъ, который чрезвычайно много читалъ и не можетъ достаточно наговориться. Первый, кто двадцать лѣтъ тому назадъ указалъ мнѣ на настоящее значеніе Плутарха, что меня въ то время весьма поразило, былъ Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ. «Я готовъ на все согласиться, лишь бы Плутарха не считали историкомъ», сказалъ онъ мнѣ. Я былъ тогда еще очень молодъ, но слова его мнѣ часто приходятъ на память. — Къ тому же Плутархъ писалъ ужасно скоро и вовсе не избѣгалъ противорѣчій. Отъ этого происходятъ такія странности! Напримѣръ: онъ не усомнился внести въ жизнь Демосфена самыя вздорныя басни, такъ что нельзя не спросить, какъ онъ могъ отзыватьсь съ почтительнымъ удивленіемъ объ этомъ человѣкѣ, если вѣрилъ всему тому, что самъ писалъ объ немъ. Сверхъ глупой исторіи о Гарпалѣ, къ распространенію которой онъ наиболѣе содѣйствовалъ, онъ же рассказываетъ о бѣгствѣ Демосфена. Онъ не зналъ, можно ли было долѣе стоять, или нѣтъ; онъ не зналъ, что такое война. Только въ книгахъ своихъ вычиталъ онъ, что надобно умирать за отечество, и не понималъ, что когда бѣжитъ цѣлое войско, тогда отдѣльному чело-

вѣку остается только бѣжать вмѣстѣ съ прочими, или быть раздавлену подъ ногами бѣгущихъ». (II, 358—360).

«У Демосеена было много весьма умныхъ современниковъ, но всѣ они стояли гораздо ниже его. Многіе изъ нихъ, вслѣдствіе нравственнаго различія, были его врагами и противниками. Въ числѣ такихъ былъ Демадъ, грубый матросъ, одаренный величайшимъ послѣ Демосеена талантомъ. Демадъ былъ сынъ гребца; въ молодости онъ занимался тѣмъ же ремесломъ; внушеніе генія побудило его выступать всеяродно ораторомъ на вѣчѣ; безъ всякаго изученія, остроуміемъ, талантомъ, въ особенности способностію импровизаціи возвысился онъ до того, что приобрѣлъ большую власть надъ народомъ и не рѣдко правилъ ему болѣе самого Демосеена. Съ безстыдствомъ, доходившимъ до прямодушія, высказывалъ онъ громко все, что думалъ самъ и вмѣстѣ съ нимъ остальная чернь. Чернь была очень довольна, ибо онъ сообщалъ ей сознаніе, что можно быть порочнымъ, не подвергаясь поруганію. За такое сознаніе люди обыкновенно бываютъ благодарны. Демадъ — замѣчательное лице; онъ не былъ золъ и по моему гораздо лучше Эскина. У Эскина есть притязаніе быть хорошимъ гражданиномъ; онъ осмѣливается даже поносить истинно хорошихъ гражданъ: во всемъ этомъ ложь и обманъ. Въ ненависти Эскина противъ Демосеена видна и злоба посредственности противъ генія, и политическая неприязнь, и зависть умственной и нравственной низости ко всякому превосходству. Демадъ, напротивъ, смотрѣлъ на дѣло просто душно и высказывалъ прямо, что конечно прежде были другія времена, но что теперь все прежнее прошло невозвратно, и что теперь каждый долженъ больше всего заботиться о себѣ; при управленіи государственнымъ надобно какъ можно болѣе добывать денегъ, чтобы можно было весело пожить. Онъ выражался безъ застѣнчивости. Впрочемъ, у него не было ни къ кому ненависти. Отсюда объясняются его отношенія къ Демосеену: онъ его не ненавидѣлъ, но вѣроятно, находилъ его страшно глупымъ. Ему случалось иногда оказывать республикѣ дѣйствительныя услуги: въ смутныя времена благородный человѣкъ бываетъ часто вреденъ, а дурной полезенъ». (II, 405—407).

Съ особенною похвалою отзываясь Нибуръ о Гиперидѣ, хотя еще ему не были извѣстны новѣйшія открытія, познакомившія насъ ближе съ этимъ ораторомъ. Мы сказали выше о неприязненномъ и весьма понятномъ чувствѣ, которое Нибуръ питалъ противъ македонскаго

владычества въ Греціи. Къ сожалѣнію, это чувство помѣшало ему отдать должную справедливость Александру и насладиться вполне этою изящною, чисто гелленскою личностію. Нибуръ, столь недоверчивый къ свидѣтельствамъ писателей позднѣйшей Греціи, повторяетъ за ними всѣ недоказанныя и даже частію опровергнутыя обвиненія, возводимыя на Филиппова сына. При всѣхъ предубѣжденіяхъ, Нибуръ, какъ бы скрѣпя сердце, опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ всемірно-историческое значеніе Александра: «Александръ былъ для Востока тѣмъ, чѣмъ Карлъ Великій для Запада. На ряду съ Рустамомъ, онъ главный герой персидскихъ сказокъ и романовъ. Значеніе его, чрезвычайно важное для насъ, состоитъ въ томъ, что онъ неизмѣнилъ видъ тогдашняго міра. Онъ началъ то, что теперь, несмотря на всѣ препятствія, приближается къ осуществленію, именно — торжество Европы надъ Азією. Онъ первый побѣдоносно привелъ Европейцевъ на Востокъ. Роль Азіи приходила къ концу: она была обречена служить Европѣ. Александръ сдѣлался народнымъ героемъ Греціи, хотя онъ для Грековъ былъ такимъ же иноплеменикомъ, какъ Наполеонъ для Французовъ».

Замѣчательно, что при оцѣнкѣ великой попытки Александра слить въ одну семью всѣ народы своего огромнаго царства, попытки, результатомъ которой была гелленизація Востока, Нибуръ становится, на разстояніи 22-хъ вѣковъ, горячимъ защитникомъ идей, или лучше сказать предрасудковъ, съ которыми долженъ былъ бороться македонскій завоеватель. Съ точки зрѣнія исключительно греческой національности, жители завоеванныхъ Александромъ странъ были варвары, и природою и исторією обреченные на безвыходное рабство. Это мнѣніе, принятое греческою наукою за неоспоримое положеніе, развѣтѣвшее до крайнихъ результатовъ народнымъ самолюбіемъ нашло грубыхъ, но рѣшительныхъ толкователей и приверженцевъ въ македонскихъ полководцахъ, которымъ были непонятны великодушныя стремленія ихъ государя Гелленизмъ и варварство утратили для Александра свое племенное значеніе; онъ смотрѣлъ на нихъ только какъ на двѣ различныя степени образованности. Равня, относительно политическихъ правъ, старыхъ своихъ подданныхъ съ новыми, онъ призываетъ послѣднихъ къ участию въ недоступной для рабовъ греческой образованности. Въ языки Нибура слышится странный отголосокъ мнѣній, которыя могли господствовать въ народныхъ собраніяхъ въ Греціи

и въ македонскомъ войскѣ, не которыми уже нѣтъ болѣе мѣста въ наукѣ.

Вообще отдѣлъ, посвященный Александру Великому, неудовлетворителенъ, хотя мыслящій читатель найдетъ и здѣсь много прекраснаго и истинно поучительнаго. Мы приведемъ для примѣра слѣдующую характеристику печальной, но не лишенной трагическаго величія эпохи. Рѣчь идетъ объ извѣстныхъ братьяхъ Менторѣ и Мемнонѣ, редосскихъ выходцахъ, занимавшихъ высокія должности въ персидскомъ государствѣ.

«Они предлагали», говоритъ Нибуръ, «относительно способностей и нравственныхъ свойствъ совершенное сходство съ вождями лиги въ эпоху 30-ти лѣтней войны: они были Греки, но ни чуть не лучше тогдашнихъ варваровъ, т. е. Персовъ. Въ это несчастное время, злое начало въ человѣкѣ пришло къ спокойному и полному сознанію самого себя. Все чистое, благородное, созвѣсть, свойственный даже порочнымъ людямъ стыдъ дурныхъ и безчестныхъ дѣлъ совершенно исчезли, что очень нерѣдко бываетъ у жителей Востока. Тоже самое видимъ мы у полководцевъ лиги и Валленштейнова войска, равно какъ и у современныхъ имъ испанскихъ генераловъ. Можно говорить что угодно о кастильской чести, но нѣтъ конечно безсовѣстнѣе кастильскихъ полководцевъ, начиная съ Фердинанда. Они показали себя не одной только Америкѣ. Спиннола составляетъ похвальное исключеніе, но одна ласточка не приноситъ лѣта. У предприимчивыхъ и даровитыхъ людей IV-го столѣтія до Р. Х., у Грековъ и у Персовъ, были тѣже самыя понятія, которыя мы находимъ въ книгѣ Макиавелли о Государѣ: «люди — сволочь, на нихъ не надо смотрѣть какъ на братьевъ, созданныхъ по образу Божества. Любовь, самоотверженіе, привязанность — глупость и ложь; все дѣло въ могущество и въ удовлетвореніи страстей нашихъ». — Макиавелли самъ не держится этихъ правилъ, но они господствовали въ его время; онъ не выдавалъ другихъ оружіевъ для человѣческихъ поступковъ и признавалъ ихъ за самыя дѣйствительныя. Вѣрность слову считалась безуміемъ, клятва была не что иное, какъ слово, усиленное съ намѣреніемъ ловчѣе обмануть. Эта страшная порча заразила всѣхъ. Филиппъ также не избѣжалъ заразы и часто дѣйствовалъ на основаніи господствовавшихъ понятій, хотя по природѣ своей онъ былъ выше ихъ и не разъ обнаруживалъ человѣческія чувства, вовсе незнакомыя большинству.

Мы еще встрѣтимся съ Мемнономъ: проклятіе, тяготѣющее надъ подобными эпохами, заключается именно въ томъ, что такіе люди, какъ Мемнонъ, являются главными силами исторіи, и что благороднѣйшія личности должны вступать въ сношенія съ ними для достиженія своихъ цѣлей; вотъ почему Демосѳенъ и греческіе патріоты принуждены были искать связи съ Мемнономъ и ожидали отъ него спасенія, хотя они его очень хорошо понимали. Болѣе ужасной участи не можетъ испытать народъ. Вотъ что нужно знать и понимать для того, чтобы измѣрить все злополучіе тѣхъ временъ».

Третій томъ «Чтеній о древней исторіи» начинается вопросомъ о значеніи греческой исторіи послѣ херонейскаго сраженія. Заслуживаютъ ли эти времена, вообще намъ мало извѣстныя, болѣе подробнаго историческаго изложенія? Нибуръ отвѣчаетъ утвердительно.

«Паденіе Греціи не даетъ намъ права произнести надъ нею рѣшительный приговоръ и сказать, что она заслужила столь тяжкую участь. Потомки были конечно хуже предковъ, но мы съ прискорбіемъ должны извинить многія слабости и многіе пороки угнетеннаго народа. Всѣ старыя учрежденія, даже религія, вымерли, и замѣнить утраченное было нечѣмъ. У фантазіи обрѣзаны крылья, а тамъ, гдѣ нѣтъ фантазіи, тамъ гибнетъ все высокое и благородное: жадное наслажденій и прибыли животное заступаетъ мѣсто разумнаго существа. Человѣкъ тогда только бываетъ великъ, когда у него есть цѣль, стоящая выше его животной природы. Въ народѣ было столько же, можетъ-быть даже болѣе ума, чѣмъ прежде; по крайней мѣрѣ было несравненно больше знаній, учености, понятій; не доставало только великаго духа предковъ и всего, что съ этимъ духомъ было связано и отъ него зависѣло. У позднѣйшихъ Грековъ нѣтъ ни лирики, ни эпоса. Вмѣсто древней величавой трагедіи у нихъ комедія. За то они сдѣлали великіе успѣхи во всемъ, что непосредственно касается жизни. Въ сферѣ мышленія болѣе тонкости и школьной правильности, но настоящей философіи природы нѣтъ болѣе. Политической опытности много, но политическихъ ораторовъ уже не находимъ. Не было также недостатка въ историкахъ, которые превосходили древнихъ практическимъ пониманіемъ и обширными свѣдѣніями: относительно государственной мудрости Полибій не уступаетъ Фукидиду, но у него нѣтъ того дивнаго генія и той пламенной фантазіи, которая одушевляетъ твореніе Фукидида».... (III, 3.)

Нѣсколько далѣе Нибуръ говоритъ по тому же поводу: «Съ послѣднею вспышкою греческихъ силъ въ ламійской войнѣ кончилось все. Краснорѣчіе исчезло съ переменною обстоятельствомъ. У ораторовъ не стало слушателей; могущество слова прошло безслѣдно. Позднѣйшія рѣчи сухи и вялы. Никто не обращалъ болѣе вниманія на то, что ораторская рѣчь должна занимать средину между поэзіей и прозой. Лирики нѣтъ, прозою писали много. Новая комедія и рассказы, заимствованные изъ обыкновенной жизни, были въ большомъ ходу безъ примѣси чего-либо высшаго. Въ философіи возникаетъ *стои*, произведеніе времени, склонившаго голову передъ рокомъ и искавшаго величія только въ отдѣльныхъ личностяхъ. Стои не есть чисто греческое произведеніе; въ ней гораздо болѣе восточнаго, нежели думаютъ: Зенонъ былъ не даромъ Финикійнинъ. Все идетъ къ одной цѣли: люди хотятъ утѣшить себя въ печальной современности, хотятъ себя убѣдить, что нѣтъ ничего истиннаго, что прекрасная, свѣтлая старина есть, что и тогда на свѣтѣ было ни чуть не лучше, чѣмъ теперь. Профессоръ Тиршъ, съ которымъ я когда-то спорилъ объ этой эпохѣ, утверждалъ, что никогда умственная жизнь въ Аѣинахъ не была такъ пріятна, какъ во время Менандра. Я думаю совсѣмъ другое. По моему, то была пора большой утонченности, весьма распространенной образованности, но эта образованность заключалась въ формахъ, въ наружныхъ явленіяхъ. Пренней, изнутри бьющей жизни не было».

Намъ кажется, что приведенныя выше слова Нибура относятся не къ одной только описываемой имъ эпохѣ греческой жизни. Читая ихъ, трудно удержаться отъ грустнаго раздумья. Можетъ быть Нибуръ вовсе не шѣлъ въ виду никакихъ аналогій, но онъ собралъ всѣ признаки, по которымъ можно узнать разложеніе общественной жизни вообще. Исторія все болѣе и болѣе становится наукою, основанною на опытахъ, хотя уроки ея бесплодны для большинства.

Предѣлы нашей статьи, къ сожалѣнію, не позволяютъ намъ передать русскимъ читателямъ превосходныя страницы, заключающіе въ себѣ исторію послѣдней борьбы, предпринятой Аѣинами за независимость Греціи. Нибуръ еще разъ возвращается къ Демосѣену, объясняетъ его участіе въ извѣстномъ дѣлѣ Гарпала и показываетъ, до какой степени безсмысленны обвиненія, которымъ подвергся аѣинскій ораторъ по этому дѣлу. Тѣ же самые люди, которые называютъ его *трусомъ*, упрекали его въ *корыстолюбіи*. Это было дѣло партіи озлоблен-

ной и безнравственной. Слухи, ею пущенные, дошли до нашего времени и имѣли большое вліяніе на мнѣніе, сложившееся о Демосеенѣ. Немногіе историки дали себѣ трудъ повѣрить по уцѣлѣвшимъ памятникамъ основательность обвиненій, вводимыхъ на Демосеена. Иначе свидѣтельство Павсанія (II. 33. 5) обратило бы на себя большее вниманіе. Еще менѣе найдемъ писателей, способныхъ, подобно Нибуру, почувствовать все, что чувствовалъ Демосеенъ, и понять вполнѣ его трагическое величіе. Весьма замѣчательны также отзывы Нибура о Гиперидѣ и о Фокіонѣ. Перваго онъ очень остроумно, хотя не знаемъ — на сколько справедливо, сравниваетъ съ Шериданомъ.

Войны діадховъ не внушаютъ нашему историку никакого участія. Онъ начинаетъ изложеніе принадлежащихъ сюда событій слѣдующими словами.

«Для меня въ цѣлой исторіи нѣтъ ничего запутаннѣе этихъ войнъ. Я много разъ ихъ перечитывалъ, дабы уяснить ихъ себѣ, однако, не смотря на счастливую память, которою былъ одаренъ съ дѣтства, я не могъ осилить всѣхъ подробностей и часто въ нихъ путаюсь. Для настоящихъ лекцій мнѣ надобно готовиться и наводить справки, и все-таки я не могъ привести въ порядокъ пеструю массу событій. Путаница происходитъ отъ того, что передъ нами проходитъ цѣлая толпа людей, которые не отличаются другъ отъ друга никакими достойными вниманія признаками. Вопросъ постоянно одинъ и тотъ же: который изъ этихъ разбойниковъ одолѣетъ другихъ, но ни одинъ изъ нихъ не внушаетъ къ себѣ сочувствія. Птоломей, по моему мнѣнію, еще самый лучшій; онъ былъ полезенъ Египту; правленіе его было разумно: владѣнія его при немъ процвѣтали и благоденствовали; но нравственно онъ не вызываетъ участія. Личность его для насъ не занимательна. Единственное по характеру значительное лицо — это Эвменъ; всѣ остальные сильны только оружіемъ. Въ древнѣйшей греческой исторіи великіе мужи встрѣчаются намъ на каждомъ шагѣ; но всѣ эти Македонцы оставляютъ насъ совершенно равнодушными; намъ все равно, кто бы ни побѣдилъ. Даже трагическая кончина Лисимаха не производитъ впечатлѣнія. Мнѣ кажется, что я съ большимъ участіемъ смотрѣлъ бы на бой быковъ, гдѣ благородное животное защищается противъ стаи натравленныхъ на него собакъ. Я желалъ бы, чтобы земля раскрылась и поглотила всѣхъ Македонцевъ. Съ такими чувствами конечно не легко заниматься этою частью исторіи».

Тѣмъ не менѣе и въ этомъ отдѣлѣ «Чтеній о древней исторіи» разсѣяно множество глубокомысленныхъ замѣчаній и новыхъ взглядовъ на лица и событія. Укажемъ между прочимъ на характеристику Дмитрія Фалерейскаго, на страницы, посвященныя исторіи Родоса и т. д.

Исторія Пирра изложена въ «Чтеніяхъ о древней исторіи» съ особенною любовью. По нашему мнѣнію, это одна изъ лучшихъ частей въ третьемъ томѣ. Никогда еще блестящая и гениальная, но безплодная личность эпирскаго вождя не была изображена такъ вѣрно и увлекательно. Читатели «Прописеевъ» вѣрно не найдутъ излишнимъ переводъ слѣдующихъ страницъ. «Есть люди, которымъ врожденна сила, чарующая сердца другихъ; иногда это замѣтно уже въ дѣтахъ, но исчезаетъ вмѣстѣ съ дѣтствомъ. Такого рода чарующимъ могуществомъ надъ сердцами обладалъ Пирръ; во все продолженіе своей жизни онъ привлекалъ къ себѣ людей открытымъ умомъ, добродушіемъ, прекрасными свойствами воина: ни у одного государя военныя свойства не представляются намъ съ такой поэтической стороны. Прелести двухлѣтняго ребенка не могъ противостоятъ варваръ, къ которому онъ былъ принесенъ по смерти своего отца. Дѣятельность была постоянною и главною цѣлію Пирровой жизни: война была его важнѣйшимъ дѣломъ. Онъ велъ ее какъ художникъ; выиграть битву, воспользоваться побѣдою, доставляло ему художественное наслажденіе; поворотъ военнаго счастья, неудача, никогда не лишали его мужества. Онъ постоянно надѣялся воротить все потерянное. Онъ былъ похожъ на игрока, которому нѣтъ дѣла до того, проигрываетъ ли онъ, или выигрываетъ. Я не знаю другаго полководца, который бы такъ любилъ войну ради наслажденія, ею доставляемаго. Разумѣется, въ томъ заключалось нѣчто страшное для его подданныхъ: Пирръ былъ бы ужаснымъ явленіемъ, еслибъ въ немъ не было такъ много благородства и истинно-человѣческихъ свойствъ. Другіе вели войну изъ корыстныхъ или властолюбивыхъ расчетовъ: онъ воевалъ ради своего таланта, вслѣдствіе внутренней потребности, такъ какъ поэтъ поэтъ и творить художникъ. Скорое окончаніе войны было ему непріятно. Такъ настоящій охотникъ доволенъ оленемъ или лисицею, только по мѣрѣ трудностей, какія представляла охота. У Пирра было правило никогда не доводить побѣды до послѣднихъ крайностей, чтобъ не положить слишкомъ скорого конца охотѣ (III, 172). Несмотря на упадокъ Пирра въ послѣдніе годы его жизни, онъ единствен-

ный человек того времени, на которого можно смотреть съ радостью. Среди всеобщаго разврата, онъ не обнаруживаетъ строгихъ правилъ, но тѣмъ не менѣе является благороднымъ человекомъ. Даже сообщество Димитрія Полиоркета не могло испортить его. Дурные поступки его исходятъ не изъ порочныхъ или корыстныхъ побужденій, какъ, напримѣръ, у македонскихъ государей, а изъ пылкости. Онъ чувствовалъ потребность дружбы, былъ откровененъ и прямодушенъ. Древность вообще отдавала ему должную справедливость. Недостатокъ его заключался въ его непостоянствѣ; у него не было никакой цѣли; онъ жилъ только для дѣятельности. Онъ не думалъ объ обязанностяхъ государя и дѣйствовалъ какъ частный человекъ, не связанный никакимъ долгомъ, ищущій удовлетворенія въ проявленіи своей отваги. Молодость его была богата наслажденіями и благородными подвигами, но онъ ничего не оставилъ, ничѣмъ не запаса къ старости: такая жизнь не позволительна государю. Подобно Карлу XII, Пирръ существовалъ не столько для государства, сколько для себя. Только у него, да у Аликвиада, между древними, встрѣчаемъ мы истинно рыцарскій характеръ. Пирръ велъ войну противъ Римлянъ такъ какъ рыцари, которые на турнирахъ бились на жизнь и на смерть для того только, чтобы получить награду изъ прекрасныхъ рукъ. Онъ скоро забылъ о своихъ побѣдахъ и такъ плѣнился прекрасными сторонами римскаго характера, что поступилъ несправедливо съ своими союзниками. Желательно было бы, чтобы такіа *дорозеѳа*, такая образовалась между Пирромъ и Римлянами, возникали почаще между политическими и литературными партіями. Этотъ благородный мужъ обладалъ также высокою образованностію: онъ писалъ свои записки, и хотя не былъ самъ поетомъ, но далъ содержаніе нѣсколькихъ эпиграммъ, обличающихъ истинно поэтическій умъ и не носящихъ на себѣ характера того времени. Ихъ приписываютъ Леониду Тарентскому, но съ эпиграммами послѣдняго ихъ никакъ нельзя сравнивать. (III. 311).

Мы заключимъ наши выписки изъ «Чтеній о древней исторіи» изложеніемъ попытокъ Агиса и Клеомена обновить спартанское государство. Превосходныя изслѣдованія Грота о Ликурговомъ законодательствѣ заключаютъ въ себѣ самую вѣрную, хотя несогласную съ основными мнѣніями О. Мюллера, оцѣнку этихъ попытокъ. Вотъ какъ смотрѣлъ на этотъ предметъ Нибуръ, за 20 лѣтъ до Грота. Упомянувъ

о жалкомъ состояніи общественной нравственности въ Спартѣ, онъ говоритъ: «Уваженіе Спартянцевъ къ старинѣ просто смѣшно. Они берегли мертвыя формы и воображали себѣ, что сохраняютъ золотое время своей исторіи. Когда къ лирѣ прибавились двѣ новыя струны, эоры отрѣзали ихъ: они не хотѣли допустить новыхъ мелодій! Даже въ покрое платья или обуви не позволялись нововведенія: такимъ образомъ Спартянцы думали удержать духъ Ликурговыхъ учрежденій, а между тѣмъ роскошь и корыстолюбіе распространялись между гражданами. Только къ концу Спарты явились люди, въ которыхъ еще разъ вспыхнуло прежнее пламя, Агисъ и Клеоменъ. Плутархъ ставитъ ихъ на ряду съ Гракхами. Агисъ былъ юноша исполненный сердца, ума и любви, и потому Плутархъ его хорошо понималъ, но Клеоменъ выходитъ изъ его сферы: онъ приписываетъ ему сентиментальность, которая такъ же не къ лицу Клеомену, какъ и Мирабо. Агисъ былъ очень молодъ, когда онъ вступилъ на престолъ. Въ то время власть царей въ Спартѣ была такъ же ничтожна, какъ власть дожей въ позднѣйшей Венеціи: все могущество перешло въ руки эоровъ. Въ такомъ большомъ городѣ, какъ Спарта, оставалось не болѣе 700 гражданъ, которые среди великаго числа свободныхъ Лакедемонцевъ и Илотовъ занимали положеніе венеціянскихъ нобилей. Изъ этихъ семисотъ только у ста семействъ была собственность. Послѣднимъ принадлежали всѣ 9000 участковъ Ликурговыхъ, потому что законы не прилагались къ женщинамъ, у которыхъ, по этой причинѣ, скопились огромныя богатства. У остальныхъ гражданъ не было собственности: они были въ высшей степени бѣдны и обременены долгами. Упадокъ Спарты былъ совершенный: часть ея владѣній отошла къ Аркадіи и Аргосу. Члены царской фамиліи и другія знатныя лица отправлялись за границу и служили съ наемными дружинами иностраннымъ государямъ». (III, 379).

Въ виду такого упадка Агисъ задумалъ переворотъ, далеко превъ- шавшій его силы, и послѣдствій котораго невозможно было опредѣ- лить заранѣе. Онъ хотѣлъ возстановить въ первобытной чистотѣ Ли- курговыя учрежденія. Но кто изъ современниковъ Агиса имѣлъ надле- жащее понятіе объ этихъ учрежденіяхъ, которыя тогда утратили ис- торическую дѣйствительность и представлялись воображенію какимъ- то идеальнымъ порядкомъ вещей? Читатели наши найдутъ у Грота подробное объясненіе этого нерѣдкаго въ исторіи явленія. Люди не-

довольные настоящимъ часто обращаются къ прошедшему и пересоздаютъ его сообразно съ своими надеждами и требованіями. Въ прошедшемъ ищутъ они формы для будущаго. Такого рода антикварныя построения общественныхъ отношеній едва ли когда имѣли успѣхъ, но они немало содѣйствовали къ порчѣ исторіи, какъ науки. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мечты Агиса и его друзей значительно подѣйствовали на позднѣйшія, перешедшія къ намъ представленія о Ликурговомъ законодательствѣ.

Реформа, предпринятая Агисомъ, касалась самыхъ щекотливыхъ сторонъ гражданской жизни, именно отношеній собственности. Объемъ своимъ она далеко превышала планы Гракховъ. Агисъ думалъ отобрать у ста семействъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточилась вся поземельная собственность спартанскаго государства, ихъ огромныя владѣнія и раздѣлить ихъ снова по образцу Ликурга на 19,500 участковъ. Изъ этихъ 19,500—4,500 участковъ назначались Спартанцамъ, число которыхъ должно было наполниться чрезъ принятіе новыхъ гражданъ; остальные 15000 должны были принадлежать періекамъ. Сверхъ того, Агисъ уничтожилъ всѣ долговыя обязательства.

«Чистота намѣреній и безкорыстіе Агиса не подлежатъ никакому сомнѣнію: онъ самъ, его мать и бабка принесли огромныя жертвы, потому что его семейство было самое богатое въ государствѣ и обладало самыми обширными землями, особенно черезъ бабуку Агиса, Архидамію. Но другіе не были такъ безкорыстны. Почти всегда негодяи обращаютъ въ собственную пользу перевороты, задуманные благородными людьми. У меня также былъ хорошій, нынѣ уже умершій пріятель, который 4-го августа 1789 года съ величайшимъ самоотверженіемъ отказался отъ значительныхъ феодальныхъ правъ: принося такія жертвы, онъ и люди ему подобные надѣялись, что другіе пойдутъ по ихъ слѣдамъ, но другіе думали только о собственныхъ выгодахъ. Съ Агисомъ случилось тоже самое, что съ Солономъ, о которомъ есть слѣдующее сказаніе: друзья Солона, узнавши объ его намѣреніяхъ, надѣлали долговъ, и когда долговыя обязательства были уничтожены (или значительно измѣнены въ пользу должниковъ), они сохранили позорно приобрѣтенное богатство». (III, 383).

Трагическая развязка Агисовыхъ замысловъ извѣстна. Онъ заплатилъ жизни за вѣру въ возможность воскресить прошедшее. Клео-

менъ, котораго обыкновенно считаютъ продолжателемъ Агисовыхъ начинаній, былъ человѣкъ другаго рода и другихъ силъ. Уже въ древности находимъ двойное воззрѣніе на него: уже тогда были у него страстные поклонники и горькіе порицатели.

«Полибій, въ качествѣ Ахейца и мегалопольскаго гражданина, питалъ противъ него горькое чувство и называетъ его тираномъ, что очень можно допустить, потому что Клеоменъ не боялся проливать кровь для достиженія своихъ цѣлей. Другіе, которыхъ не коснулись дѣла его, смотрятъ на Клеомена, какъ на послѣдняго великаго Грека. Онъ былъ безспорно великій человѣкъ и въ другомъ родѣ, нежели Филопоменъ: онъ бы могъ возстановить Грецію. Между современниками Филархъ былъ его пламеннымъ поклонникомъ; между позднѣйшими писателями у него также много почитателей, напримѣръ Плутархъ, который преклоняется предъ Клеоменомъ, но въ то же время очень уважаетъ Арата и потому находится въ большомъ затрудненіи, когда рѣчь идетъ объ ихъ столкновеніи, хотя они такъ же противоположны другъ другу, какъ огонь и вода. Полибій не скрываетъ своей ненависти къ нему, но признаетъ въ немъ необыкновенно замѣчательнаго человѣка, великаго полководца съ изумительнымъ характеромъ, всѣхъ увлекавшаго за собою и господствовавшаго надъ всѣми, кто приходилъ съ нимъ въ сношеніе. Отрицать у Клеомена его огромныя дарованія, ясность взгляда и невѣроятную силу воли невозможно; были ли его поступки справедливы и нравственны — это другой вопросъ. Здѣсь можно сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Когда доброе и милое дитя, какъ Агисъ, начинаетъ опасное дѣло и приводитъ въ движеніе тяжесть, которую поднять или остановить оно не въ силахъ, то это не что иное, какъ ребячество; но когда такой исполинъ, какъ Клеоменъ, предпринимаетъ подобное дѣло, и двигая массу, которая паденіемъ своимъ можетъ все задавить, носить въ себѣ силы, достаточныя для того, чтобы сдержать ея напоръ и дать ей правильное направленіе, тогда оцѣнка предпріятія должна быть совсѣмъ другая. Клеоменъ приступилъ къ своему плану обдуманно и сознательно. Для возрожденія Лаконіи онъ употребилъ частію тѣ же мѣры, которыя сдѣлали смѣшнымъ Агиса и принесли пользу однимъ только несостоятельнымъ должникамъ. Но его приемы были другіе. Имя Спартанцевъ исчезло, остались одни Лакедемонцы. Положивъ конецъ этому различію, онъ далъ жителямъ Лаконіи новую собственность. Выгоды этого

раздѣла были до того значительны, что можно забыть несправедливость самого поступка. Величіе подвига заставило умолкнуть его противниковъ. Греки смотрѣли на подобныя явленія другими глазами, нежели мы: еслибы Платонъ жилъ во времена Клеомена, онъ конечно не нашелъ бы ничего дурнаго въ совершенныхъ имъ перемѣнахъ. Клеомень особенно отличается отъ современниковъ своихъ высокимъ философическимъ и литературнымъ образованіемъ. Великое вліяніе стоической философіи простиралось и на него: онъ былъ окруженъ людьми замѣчательными по уму, знаніямъ, философическому образу мыслей; Сократъ изъ Ольвіи находился при немъ съ самой юности его и имѣлъ повидимому большое вліяніе на него. Онъ вовсе не похожъ на человѣка, получившаго спартанское воспитаніе, и на людей того времени вообще. О домашней жизни его сохранилось достовѣрное извѣстіе (изъ Филарха у Атеней IV. с. 21), которое показываетъ его съ самой любезной стороны. Онъ понималъ свое положеніе, сравнивалъ ничтожество спартанскихъ государей съ величіемъ македонскаго владычества и ясно видѣлъ, что только презрѣніемъ къ внѣшнему блеску и личнымъ качествамъ можно возстановить значеніе Спарты. Онъ умѣлъ соединить спартанскую строгость съ изяществомъ. Въ разговорѣ онъ былъ, по свидѣтельству древнихъ, весьма пріятенъ; у него было мало потребностей, и потому онъ самъ жилъ очень просто, но иностранцевъ принималъ и угощалъ по обычаю ихъ родины. Умомъ, веселою бесѣдою, всею личностію своею онъ покорялъ себѣ сердца Грековъ. Въ жизни его встрѣчаются два страшные поступка, которые показываютъ, какъ трудно жить во времена, когда неодолимыя препятствія заграждаютъ прямой путь правды. Мы говоримъ объ умерщвленіи Эфоровъ и объ убійствѣ Аридама. Эфоры составляли конечно наростъ въ государствѣ; они исказили все государственное устройство въ Спартѣ, уничтожили царскую власть и замѣнили ее собственною тиранніею, но Клеомень развязалъ узелъ ужаснымъ и — признаться — бесполезнымъ образомъ, потому что вліяніе его на народъ было безгранично, всѣ голоса были за него, слѣдовательно, не за чѣмъ было проливать кровь. Онъ не былъ ни тѣмъ чистымъ героемъ, каkimъ его представляетъ Филархъ, ни чудовищемъ. Въ его время господствовали тѣже нравственныя начала, которыя въ послѣдствіи проповѣдывалъ Гоббесъ: *bellum contra omnes*. Цѣнились только умѣнье и успѣхъ, о правдѣ и долгѣ не было рѣчи. Клеомена и Макиавелли надобно мѣрить

одною мѣрою.—На сколько участков раздѣлилъ Клеоменъ Лаконію неизвѣстно; знаемъ только, что онъ могъ выставить четыре тысячи гоплитовъ и что онъ принялъ въ число гражданъ много иностранцевъ и періэговъ. При раздѣлѣ собственности политическіе противники царя теряли не болѣе другихъ: даже изгнаннымъ имъ до возстановленія порядка лицамъ были отведены надлежащіе участки. Подробныхъ свѣдѣній о реформѣ у насъ нѣтъ. Нельзя сравнивать Арата съ Клеоменомъ: послѣдній былъ безконечно выше. Чѣмъ значилъ Аратъ, уроженецъ небольшого и незначительнаго Сикіона, хотя онъ происходилъ отъ богатыхъ родителей, передъ спартанскимъ царемъ Ираклидомъ? Аратъ уже былъ близокъ къ старости, а молодой Клеоменъ стоялъ во всей свѣжести силъ и начинаній: первому удалось счастливо совершить нѣсколько предпріятій, но всѣ знали, что ему недостаетъ личнаго мужества; Клеоменъ былъ герой и великій полководецъ. Аратъ зналъ только старыя формы и въ нихъ однихъ искалъ спасенія; спартанскій царь стремился къ созданію новыхъ формъ, сообразныхъ съ его цѣлями и съ настоящимъ. Обоихъ ихъ характеризуетъ ихъ тактика; Аратъ даже и не думалъ отмѣнить старинное военное устройство Ахейцевъ: они не перенимали македонской фаланги, а удержали древнюю греческую съ короткими пиками вмѣсто огромныхъ сариссъ, хотя Ахейцы не были связаны никакими военными преданіями. У Спартанцевъ были такія преданія; но несмотря на суевѣрное уваженіе къ прежнему вооруженію, Клеоменъ преобразовалъ спартанскую тактику и ввелъ македонскую. Далѣе Клеоменъ окружилъ себя, вопреки спартанскимъ обычаямъ, людьми просвѣщенными и учеными; для него не существовала спартанская *Σεβελασία*, въ немъ не было ничего грубаго или изысканнаго. Напротивъ, Аратъ былъ необразованъ, разсудителенъ въ ограниченной сферѣ, тупъ. (III. 389—363).

Съ высказаннымъ здѣсь мнѣніемъ объ Аратѣ можно сравнить еще подробнѣйшую характеристику, находящуюся на 331 стр. того же тома. Вѣрнѣе трудно опредѣлить характеръ и дѣятельность знаменитаго Сикіонца.

Въ другомъ мѣстѣ (ст. 462) Нибуръ говоритъ, что Арату, такъ же какъ и Филопемуну, который впрочемъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходилъ Арата, недоставало Музъ и Харитъ, т. е. той изящной образованности, которая составляетъ отличительную черту всѣхъ великихъ Аѳинянъ.

Надѣмся, что изъ многочисленныхъ выписокъ нашихъ читателей «Пропилеевъ» могутъ составить себѣ понятіе о духѣ и отчасти о самой формѣ «Чтеній о древней исторіи». Въ такомъ случаѣ цѣль составителя этой статьи будетъ совершенно достигнута. Разбирать по частямъ твореніе, изданное такъ долго послѣ смерти великаго историка, указывая на ощутительные недосмотры и даже ошибки — дѣло бесполезное и притомъ не трудное. Почти цѣлая четверть вѣка прошла съ того времени, когда лекціи были записаны слушателями Нибура. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось въ наукѣ, покрайней мѣрѣ относительно частныхъ; нерѣдко самъ преподаватель увлекался своею творческою фантазіей, т. е. избыткомъ того качества, безъ котораго невозможно великій историкъ. Мы не скрывали этихъ увлеченій. Не всѣ приговоры Нибура справедливы, не всѣ мнѣнія его вѣрны. Но можно смѣло сказать, что ни одна изъ его несправедливостей или погрѣшностей не исходитъ изъ незнанія или недобросовѣстности. Онъ владѣлъ всѣмъ матеріаломъ науки и распоряжался имъ честно. Въ самыхъ ошибкахъ его есть нѣчто глубоко поучительное для всякаго мыслящаго писателя.

ЛАТИНСКАЯ ИМПЕРІЯ ¹⁾.

ЛАТИНСКІЕ ИМПЕРАТОРЫ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ И ИХЪ ОТНОШЕНІЯ КЪ НЕЗАВИСИМЫМЪ ВЛАДѢТЕЛЯМЪ ГРЕЧЕСКИМЪ И ТУЗЕМНОМУ НАРОДОНАСЕЛЕНІЮ
ВООБЩЕ. ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛѢДОВАНІЕ П. МЕДОВИКОВА. МОСКВА 1849.

Искусство составлять ученыя сочиненія, особливо историческаго содержанія, въ наше время значительно усовершенствовалось. Писателю, нѣсколько знакомому съ литературою предмета, не трудно пріискать въ источникахъ нужныя для его сочиненія мѣста и свести ихъ потомъ въ одно цѣлое. Такъ какъ дѣло обыкновенно идетъ о внѣшней полнотѣ и богатствѣ фактовъ, а не о дѣйствительной, въ глубь проникающей разработкѣ матеріаловъ, то цѣльное изученіе памятниковъ становится безполезнымъ и можетъ быть легко замѣнено справками. Такимъ образомъ возникаютъ сочиненія, не лишенныя нѣкотораго достоинства, приносящаго даже своего рода пользу. Но читая ихъ, нельзя не вспомнить словъ, сказанныхъ Даубомъ одному изъ гейдельбергскихъ профессоровъ, принесшему ему новое сочиненіе свое: «любезный собратъ, ваши ученые труды доставили вамъ довольно славы; вы довольно писали: пора вамъ наконецъ что-нибудь прочесть».

Изъ «Исторіи латинскихъ императоровъ въ Константинополѣ» видно, что г. М—въ обладаетъ значительными свѣдѣніями и пользовался болѣею частію относящихся къ его предмету источниковъ и новыхъ сочиненій. Но общее впечатлѣніе, производимое его книгою, неудовлетворительно. Нельзя не спросить, какой потребности она

¹⁾ Напечатано съ Современникъ 1850 года.

удовлетворяетъ, для кого собственно написана? Сухость изложенія дѣлаетъ ее незанимательною для публики, читающей ученыя книги не по обязанности, и потому требующей отъ нихъ сколько-нибудь привлекательной формы. Можно подумать, что г. М.—въ съ намѣреніемъ выпустилъ изъ своего разсужденія всѣ характеристическія подробности, все, что могло оживить его разсказъ. Онъ довольствуется одними очерками событій. Очерки эти болѣею частію вѣрны, точны, но въ нихъ нѣтъ жизни. Недостатки разсказа не вознаграждаются съ другой стороны новостію выводовъ, объемомъ розысканія, или по крайней мѣрѣ перенесеніемъ на нашу почву выработанныхъ болѣе зрѣлыми литературами идей. Странны люди, толкующіе о самостоятельномъ творчествѣ и оригинальности, по поводу какого-нибудь разсужденія; но нельзя не пожалѣть о силахъ и времени, употребленныхъ на составленіе книги совершенно безполезнаго, между тѣмъ какъ мы такъ нуждаемся въ добросовѣстныхъ труженикахъ. Масса совершенныхъ въ теченіе прошедшаго полустолѣтія историческихъ изслѣдованій достигла до колоссальныхъ размѣровъ. Мы не знаемъ сами, какими богатствами располагаемъ. Свести итоги по отдѣльнымъ частямъ, сказать русской публикѣ: вотъ до чего дошла европейская наука въ данномъ вопросѣ, не такъ легко, какъ думаютъ многіе. Не говоримъ уже о пользѣ. Хорошій хозяинъ, вступая во владѣніе новымъ имѣніемъ, составляетъ прежде всего подробную опись, смѣту находящихся въ его распоряженіи средствъ, и потомъ приступаетъ къ улучшеніямъ. Мы читали жалобы нѣмецкихъ ученыхъ на невозможность овладѣть содержаніемъ всѣхъ частныхъ изслѣдованій объ исторіи ихъ собственнаго народа. О другихъ отдѣлахъ можно сказать тоже самое и еще въ болѣеи степени. Результатомъ такого состоянія литературы должна быть значительная трата силъ. Сколько ошибокъ выралось въ сочиненія лучшихъ французскихъ историковъ, потому только, что они слишкомъ мало обращали вниманія на труды своихъ за-рейнскихъ собратьевъ и принимали за собственныя открытія то, что давно было извѣстно въ Германіи. Въ чемъ же заключаются успѣхъ и органическій ростъ науки, если каждому поколѣнію и каждому народу должно съ-изнова передѣлывать все, сдѣланное прежде его предшественниками. Нужно, слѣдовательно, опредѣлить пункты, до которыхъ доведены отдѣльныя изслѣдованія, и указать на требующія дальнѣйшей разработки стороны предметовъ. Что труды такого

рода не исключаютъ оригинальности и самостоятельности, доказывається вышедшимъ недавно сочиненіемъ г. Леонтьева «О поклоненіи Зевсу въ Греціи». Эта превосходная монографія содержитъ въ себѣ не только полное изложеніе критически разобранныхъ фактовъ, относящихся къ поклоненію Зевсу, но, можно сказать, замыкаетъ собою всѣ прежнія изслѣдованія о томъ же предметѣ. Поэтому она можетъ служить исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ разысканій.

Исторія Византійской имперіи не пользуется большимъ почетомъ на западѣ. Говоря о ней мимоходомъ, тамошніе писатели довольствуются повтореніемъ мнѣній, наслѣдованныхъ ими отъ XVIII столѣтія, и рѣдко берутъ изъ нея содержаніе для спеціальныхъ сочиненій. Заимчивательныя монографіи — Шлоссера объ императорахъ иконоборцахъ, Фальмерайера о Трапезундѣ и Моретѣ, и нѣкоторые другіе, впрочемъ весьма немногочисленные, труды пролили много свѣта на отдѣльныя эпохи въ судьбѣ Восточной имперіи, но не разрѣшили главныхъ, можно сказать, жизненныхъ вопросовъ ея существованія. Очевидное равнодушіе западныхъ писателей къ государству Константина Великаго объясняется отчасти отношеніями этого государства къ латино-германскимъ племенамъ. Между ними не было органической связи. Французу или Англичанину Византія представляетъ такой же любопытный предметъ, какъ, напримѣръ, Аравійскій калифатъ, но она не имѣетъ въ его глазахъ другаго, высшаго значенія. Ея вліяніе на судьбу его предковъ не даетъ ей особенныхъ правъ на его сочувствіе. Самый блестящій изъ фактовъ, связующихъ Восточную имперію съ западными народами, ея участіе въ эпохѣ возрожденія наукъ, теряетъ при внимательномъ изученіи тотъ характеръ, который ему такъ долго приписывался. Роль греческихъ выходцевъ XV ст. была большею частію внѣшняя: они торговали привезенными ими рукописями и учили языку; но ученики далеко превзошли своихъ наставниковъ въ настоящемъ пониманіи классическаго міра. Нельзя не задуматься при вопросѣ: отчего великія творенія древней Греціи, бывшія въ продолженіе многихъ вѣковъ предметомъ постоянного изученія въ Константинополѣ, родныя тамошнимъ читателямъ по языку, на которомъ они написаны, обнаружили такъ мало вліянія на византійскую литературу, между тѣмъ какъ одно ихъ прикосновеніе къ другой, болѣе свѣжей почвѣ вызвало движеніе, имѣвшее результатомъ всестороннее обновленіе умственной жизни на Западѣ.

Нужно ли съ другой стороны говорить о важности византійской исторіи для насъ Русскихъ? Мы приняли отъ Царьграда лучшую часть народнаго достоянія нашего, т. е. религіозныя вѣрованія и начатки образованія. Восточная имперія ввела молодую Русь въ среду христіанскихъ народовъ. Но кромѣ этихъ отношеній насъ связываетъ съ судьбою Византіи уже то, что мы Славяне. Последнее обстоятельство не было, да и не могло быть по достоинству оцѣнено иностранными учеными. Мнѣніе Фальмерайера о заселеніи Пелопоннеса Славянами встрѣтило сильное противорѣчіе въ Германіи и въ Греціи. Авторъ «Исторіи полуострова Мореи» подвергся жестокимъ нареканіямъ, даже грубой брани, за преступное посягательство на честь народа, котораго права на общее участіе основаны преимущественно на его предполагаемомъ происхожденіи отъ самаго изящнаго изъ племенъ, являвшихся въ исторіи. А между тѣмъ Фальмерайеръ прикоснулся къ своему предмету только слегка и съ одной стороны. Великое значеніе Славянъ въ Восточной имперіи не было имъ надлежащимъ образомъ признано. Въ IX столѣтіи по Р. Х. уже трудно было отвѣчать на вопросы: чтѣ такое византійская національность и откуда беретъ она силы для спора съ безчисленными врагами своими? Многія ли темы имперіи были заселены чистыми Греками? Поверхностное знакомство съ византійскими писателями достаточно для того, чтобы убѣдиться, что въ европейскихъ темахъ огромное большинство населенія состояло изъ Славянъ, и что въ азіатскихъ областяхъ преобладали чуждыя эллинизму примѣси. Короче, мы видимъ здѣсь государство, а не народъ. Настоящихъ Грековъ нельзя даже принять за господствующее племя. Отъ Льва Исавра до македонской династіи во главѣ имперіи стоитъ цѣлый рядъ государей, которыхъ происхожденіе подтверждаетъ высказанную нами мысль. Исавры, Славяне и Армяне сидятъ на престолахъ Константина и Θεодосія. Мы имѣемъ, слѣдовательно, полное право сказать, что условія существованія Византійской имперіи состояли не въ крѣпости одного національнаго начала. Какая же сила собрала воедино и сдерживала разнородныя, отчасти враждебныя между собою стихіи, замѣняя такимъ образомъ народность, или кровную связь населенія другою, чисто духовною связью? Эта сила заключалась въ религіи, утвержденной Отцами восточной церкви, и въ образованности, наслѣдованной отъ классическаго міра виѣстъ съ языкомъ. Православные подданные

православнаго императора сознавали себя братьями не по происхождению, а по вѣрѣ. Въ этомъ сознаниіи и въ нравственной энергіи, которую оно сообщало противъ иновѣрцевъ, заключается тайна продолжительнаго существованія Византіи, при самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условіяхъ. Прибавимъ къ этому образованность, которая служила большею частію для достиженія внѣшнихъ цѣлей и была могущественнымъ рычагомъ въ рукахъ умнаго правительства, имѣвшаго дѣло съ полудикими врагами. Разобранная съ этой точки зрѣнія исторія Восточной имперіи могла бы привести не къ тѣмъ результатамъ, къ какимъ пришли Гиббонъ и Шлоссеръ, котораго сочиненіе объ императорахъ иконоборцахъ исполнено, впрочемъ, великихъ достоинствъ. Самый выборъ предмета показываетъ глубокий историческій смыслъ въ авторѣ. Эпоха иконоборства составляетъ переломъ въ византійской жизни и даетъ ключъ къ уразумѣнію всѣхъ ея послѣдующихъ явленій. Но успѣшное рѣшеніе этой задачи возможно въ настоящее время только русскимъ, или вообще славянскимъ ученымъ. Они ближе къ ней, потому что она связана съ исторіею ихъ собственнаго племени и требуетъ знаній въ тѣхъ областяхъ церковной исторіи и филологіи, которыя менѣе другихъ доступны западнымъ ученымъ. Можно прибавить, что на насъ лежитъ нѣкотораго рода обязанность оцѣнить явленіе, которому мы такъ многимъ обязаны.

Книга г. М—ва о латинскихъ императорахъ въ Константинополѣ едва ли не первое оригинальное русское сочиненіе по части византійской исторіи. Но авторъ остался вѣрнѣе старымъ воззрѣніямъ на избранный предметъ. Онъ не сказалъ ничего новаго и даже не вывелъ возможныхъ результатовъ изъ прежнихъ розысканій. Полагая слишкомъ узкіе предѣлы своему труду, онъ не счелъ нужнымъ объяснить читателямъ состояніе Восточной имперіи предъ бѣдственнымъ для нея 1203 годомъ. А между тѣмъ быстрые успѣхи крестоносцевъ непонятны безъ такого введенія. Число Латинцевъ съ населеніемъ взятой ими съ бою столицы и прилежавшихъ къ ней областей было такъ незначительно, что побѣда ихъ кажется чѣмъ-то загадочнымъ. Объяснять ее однимъ мужествомъ крестоносцевъ и трусостію Грековъ — смѣшно. Современная крестовымъ походамъ исторія Восточной имперіи при трехъ Комненахъ: Алексѣ, Іоаннѣ и Эммануилѣ, и самый составъ ихъ армій, въ которыхъ было гораздо болѣе инопле-

манниковъ, чѣмъ настоящихъ Грековъ (допустивъ совершенное отсутствіе военныхъ доблестей въ послѣднихъ), опровергаютъ мнѣніе, понятное только подъ перомъ ослѣпленнаго невѣжествомъ и ненавистію франкскаго лѣтописца, или малодушнаго византійскаго риторы, въ родѣ Никиты Хоніата. Главныя причины паденія византійскаго государства въ началѣ XIII вѣка заключаются, по нашему мнѣнію, въ измѣнившихся отношеніяхъ къ Славянамъ и въ глубокой порчѣ государственнаго организма, находившейся въ связи съ развращеніемъ высшихъ сословій въ Константинополѣ. Постепенное образованіе самостоятельныхъ славянскихъ государствъ на сѣверныхъ предѣлахъ имперіи отвлекло отъ нея силы, которыми она прежде исключительно располагала. Прочное утвержденіе церкви съ національнымъ духовенствомъ сообщило этимъ государствамъ внутреннюю самостоятельность, какой, разумѣется, не могли имѣть славянскія племена въ то время, когда они принимали христіанство непосредственно отъ Византіи. Исторія охридскихъ архіепископовъ, которыхъ стремленіе освободиться изъ-подъ вліянія цариградскаго патріарха и основать нѣчто въ родѣ славянскаго патріархата очевидно изъ отрывочныхъ, до насъ дошедшихъ извѣстій, можетъ пролить яркій свѣтъ на судьбы славянскаго просвѣщенія. Открытіе охридскихъ грамотъ, на слѣдъ которыхъ указалъ В. И. Григоровичъ въ своемъ путешествіи по европейской Турціи (стр. 73 и 123), стало бы вѣроятно на ряду съ важнѣйшими находками такого рода, сдѣланными въ наше время. Съ другой стороны, отношенія Римской имперіи къ Германцамъ представляютъ поучительныя аналогіи. Исторію этихъ отношеній можно раздѣлить на три періода, между которыми, разумѣется, нельзя поставить твердыхъ граней, потому что переходы совершаются постепенно. Первый періодъ состоитъ весь изъ нестройнаго, но единодушнаго напора германскихъ дружинъ на завѣтные рубежи Рейна и Дуная. Во второмъ, часть этихъ дружинъ уступаетъ искушеніямъ римской политики и дѣлается въ ея рукахъ могущественнымъ орудіемъ противъ собственныхъ соплеменниковъ и другихъ враговъ имперіи. Римъ держится силою своихъ преданій и государственною опытностію, наслѣдованной имъ отъ прежнихъ, славныхъ вѣковъ его исторіи. Онъ въ высокой степени обладалъ искусствомъ употреблять въ свою пользу средства своихъ противниковъ и противопоставлять ихъ опасностямъ, которыя ему грозили. Можно думать, что германскіе варвары иногда приходили къ

сознанію той роли, какую они играли, служа къ достиженію чуждыхъ имъ цѣлей. Nos nobis conficimus, nobis regimus, tibi vincimus (мы между собою сражаемся, мы гибнемъ, а побѣда достается тебѣ), писалъ вестъ-готскій кунигъ Валлія къ императору Гонорію, извѣщая его о своихъ побѣдахъ надъ Вандалами. Но когда Германцы стали твердою ногою на римской почвѣ и замѣнили кочевой бытъ дружины осѣдлымъ, государственнымъ, ихъ отношенія къ имперіи приняли другой характеръ. У нихъ явились свои интересы, свои политическія цѣли. Они перестали быть слѣпыми орудіями римской власти и служили ей только тогда, когда ихъ частная выгода совпадала съ ея видами. Тѣже явленія повторялись въ исторіи южныхъ Славянъ. Переходъ отъ быта общиннаго и дружиннаго къ государственному положилъ конецъ ихъ зависимости отъ Византіи и снялъ съ нихъ опеку, въ которой такъ долго держала ихъ цареградская политика. Другою причиною ослабленія Византійской имперіи была перемѣна, совершившаяся послѣ борьбы за поклоненіе иконамъ, въ нравахъ и положеніи высшаго сословія. Пренія образованность, въ которой преобладало богословское направленіе, уступала мѣсто другой, болѣе блестящей, но поверхностной и формальной. Вопросы догматическіе перестали занимать умы въ такой степени, какъ прежде. Духовные интересы общества константинопольскаго вообще стали мельче. Не забудемъ, что въ этомъ обществѣ сосредоточивалось то, что мы называемъ Византійскою имперіей. Продолжительное, почти двухъ-вѣковое владѣтельство македонской династіи дало возможность окрѣпить въ занятыхъ при Василіѣ I положеніяхъ тѣмъ знатнымъ семействамъ, которыхъ имена связаны потомъ со всѣми важными происшествіями и переворотами, совершающимися въ государствѣ. Аристократическое начало получило значеніе вовсе несообразное съ положеніемъ страны, для которой неограниченное самодержавіе было условіемъ существованія. Всякое стѣсненіе монархической власти вело къ неминуемымъ бѣдамъ и опасностямъ. Знакомство съ феодальнымъ дворянствомъ въ эпоху крестовыхъ походовъ дурно подѣйствовало на византійскую аристократію, сообщивъ ей развившіяся на иной почвѣ, при иныхъ обстоятельствахъ, понятія. Она заразилась отъ западныхъ гостей привычками насилія и непокорности, но прибавила къ нимъ вошедшее въ пословицу лукавство и двоедушіе. Алексѣю Комнену и его потомкамъ такъ же трудно было бороться съ домашними измѣнами и мате-

жами, какъ съ вѣшними врагами имперіи. Они принуждены были окружать себя иностранцами, на вѣрность которыхъ могли положиться. Сынъ Алексія, умный и храбрый Іоаннъ, ввѣрилъ начальство надъ войскомъ своимъ турецкому выходцу. Тѣлохранители императоровъ набирались изъ наемныхъ Англо-саксовъ и Нормановъ ¹⁾. Обстоятельства, сопровождавшія его паденіе, озарили страшнымъ свѣтомъ тогдашнее состояніе Византіи. Черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ смерти Андроника, Венеціане и Французы овладѣли его столицей.

Описывая военныя дѣйствія и переговоры, предшествовавшія взятію Константинополя, г. М — въ опустилъ многія любопытныя и важныя подробности. Между прочимъ онъ не сказалъ ничего о числительномъ отношеніи выставленныхъ съ обѣихъ сторонъ силъ. Въ источникахъ находится нѣсколько цифръ, которыя слѣдовало привести, ибо онѣ показываютъ, что въ началѣ войны крестоносцамъ грозила большая опасность, чѣмъ Грекамъ. Одни жители столицы могли задавить числомъ своимъ отважную дружину иноплемениковъ. Вильгардуенъ, историкъ и одинъ изъ главныхъ участниковъ въ этихъ событіяхъ, простодушно и прекрасно выразилъ чувство страха, овладѣвшее его сподвижниками при видѣ Цареграда.

«Когда они увидали — говоритъ онъ — высокія стѣны и великолѣпныя башни, которыми окруженъ городъ, богатые дворцы и храмы, которыхъ число можетъ показаться невѣроятнымъ тому, кто собственными глазами не видалъ во всемъ ея объемѣ царцу городовъ, у самыхъ смѣлыхъ дрогнуло сердце. Дивиться тутъ нечему, ибо отъ начала міра не предпринимала горсть людей такого великаго дѣла». За восемь вѣковъ до Вильгардуена, видъ Θεοδοсіевой столицы произвелъ такое же впечатлѣніе на вестъ-готскаго вождя Атанариха и внушилъ ему высокое понятіе о могуществѣ императора. Варварамъ казалось, что изъ за этихъ твердынь и зданій имъ угрожаютъ таинственныя силы невѣдомой и недоступной имъ образованности. Но внутренность константинопольскихъ улицъ не соответствовала его наружному величію. Этою стороною онъ напоминалъ повитческіе издани, грязные внутри города Востока. «Городъ Константинополь — говоритъ монахъ Одонъ, спутникъ Лудовика VII во второмъ крестовомъ походѣ — гра-

¹⁾ Здѣсь, кажется, надобно предполагать небольшой пропускъ, котораго мы не могли пополнить за недостаткомъ оригинала. *Ред.*

зень и вонючь. Во многихъ частяхъ его царствуетъ вѣчный мракъ. Богачи застроили всѣ улицы своими зданіями и оставили бѣднымъ и иностранцамъ только нечистыя и темныя мѣста. Тамъ совершаются убійства и разбой, — словомъ, всѣ преступленія, которыми благопріятствуетъ темнота. Управы нѣтъ никакой; богатые дѣлають что хотятъ, бѣдные воруютъ, злодѣи не знаютъ ни страха, ни стыда. Преступленія никогда не совершаются явно днемъ, и законъ ихъ никогда не наказываетъ. Городъ этотъ представляетъ крайности всякаго рода: онъ равно превосходитъ всѣ другіе своимъ богатствомъ и своими пороками. Многое, можетъ быть, преувеличилъ французскій монахъ, ненавидѣвшій Грековъ, но большую часть имъ сказаннаго нетрудно подтвердить свидѣтельствами другихъ, даже византійскихъ писателей. Въ самомъ дѣлѣ, въ Европѣ не было города съ такою пестрою и испорченною чернью. Въ Константинополѣ можно было встрѣтить многочисленныхъ представителей всѣхъ народовъ тогдашняго міра. Ихъ привлекала сюда богатая торговля, промыслы, легкость, съ какою можно было найти средства къ существованію. Цѣлыя улицы принадлежали выселенцамъ изъ отдѣльныхъ итальянскихъ городовъ. Венеціанцы, Генуезцы, Пизанцы пользовались обширными торговыми привилегіями и подчинены были собственнымъ судьямъ. Магометане составляли также значительную общину, съ правомъ свободнаго и открытаго отправленія своего богослуженія. Не говоримъ о Славянахъ и другихъ подвластныхъ имперіи и тѣсно съ нею связанныхъ племенахъ. Съ конца XI столѣтія смѣшеніе языковъ и народностей въ Константинополѣ возрастаетъ въ неимоверной степени. Составъ крестоносныхъ ополченій извѣстенъ. Къ дружинамъ, которыхъ вело на Востокъ благочестивое желаніе освободить изъ-подъ власти мусульманъ страну, освященную земною жизнію Спасителя, присоединялись нестройныя и многочисленныя толпы людей всякаго рода, гонимыя изъ родины нищетою или совершенными ими преступленіями. Немногіе изъ нихъ достигали Палестины: большая часть погибла отъ нужды и подъ ударами ограбленныхъ ими жителей тѣхъ странъ, черезъ которыя лежалъ ихъ путь. Константинополь обыкновенно служилъ мѣстомъ сбора и отдыха для крестоносцевъ. Здѣсь оставались уцѣлѣвшіе въ живыхъ бродяги, которыхъ не манила далѣе надежда на славныя битвы съ невѣрными. Вслѣдствіе самыхъ выгодъ своего положенія, столица Византійской имперіи должна была такимъ образомъ при-

нимать въ себя нечистый отстой, подымавшійся въ эпоху общаго броженія со дна западной Европы. Она доставляла этимъ пришельцамъ возможность легкой и привольной жизни; но они ей дурно платили за гостепрѣмство. На ея улицахъ не разъ рѣзались буйные Латинцы съ жителями греческаго или славянскаго происхожденія. Тогдашній Константинополь заслужилъ въ большей степени, чѣмъ древній Римъ, или новый Парижъ, названіе сіюаса тахіта народовъ.

Понятно, что, при такомъ составѣ низшихъ классовъ своего населенія, Царьградъ не могъ противопоставить осадившимъ его въ 1203 году рыцарямъ религіознаго или патріотическаго одушевленія массъ. Съ другой стороны выступила наружу испорченность высшаго сословія. Въ виду общей опасности, оно крамольничало, составляло заговоры и измѣняло одному императору за другимъ. Изъ разсказовъ Никиты Хоніата, который самъ занималъ важное государственное мѣсто, объ избраніи на престолъ Алексѣя Канаба, можно себѣ составить понятіе о гражданскихъ доблестяхъ византійскихъ сановниковъ.

Мы уже сказали выше, что г. М—въ въ первой главѣ своей монографіи ограничился описаніемъ военныхъ дѣйствій, не обращая вниманія на внутреннія условія событій. Онъ какъ-будто не замѣтилъ за вѣншною обстановкою, что подъ стѣнами Константинополя стояли лицомъ къ лицу глубоко различныя, въ основныхъ своихъ началахъ, цивилизаціи. Отсюда происходитъ бѣдность и безжизненность его разсказа. Охарактеризовать эти двѣ почти враждебныя цивилизаціи было нетрудно. Ихъ представителями могли служить автору «Латинскихъ императоровъ» тѣ лѣтописцы, которыми онъ наиболѣе пользовался: Французъ Вильгардуенъ и Грекъ Никита Хоніатъ. На нихъ обоихъ лежитъ печать ихъ національностей. При всей своей осторожности и риторическомъ патріотизмѣ, Никита иногда становится страшнымъ обличителемъ византійской жизни. У него нельзя отрицать таланта, ума, знанія, но въ цѣломъ складѣ его понятій есть нѣчто, показывающее, до какой степени пришла въ упадокъ и обветшала въ его время образованность свѣтскихъ классовъ византійскаго общества. Отрѣшенная движеніемъ исторіи отъ своего корня, т. е. эллинизма, она не приняла въ себя никакихъ новыхъ, живительныхъ стихій и обратилась въ лишенную нравственнаго содержанія форму. Одна церковь стояла высоко надъ общимъ уровнемъ, но она хранила свои сокровища для другихъ, болѣе свѣжихъ и способныхъ къ духовному

развитію народовъ. Объемъ этой статьи не позволяетъ намъ дѣлать большихъ выписокъ, но мы укажемъ читателямъ на находящееся у Хоніата (861 стр.) изчисленіе погибшихъ при взятіи Константинополя крестоносцами памятниковъ искусства. Это мѣсто важно не для однихъ археологовъ: оно знакомитъ насъ не только съ утраченными произведеніями древняго ваянія, но и съ самымъ возрѣніемъ на искусство просвѣщенныхъ Византійцевъ. Описывая бронзовую, переплавленную невѣжественными побѣдителями въ деньги статую Елены, Никита расточаетъ ей гомерическіе эпитеты, показывающіе его классическую образованность. Но нельзя не заподозрить искренности его восторговъ при чтеніи толкованій, въ родѣ слѣдующаго: «Латинцы растопили статую Елены, въ качествѣ потомковъ Энея, иста ей за пожаръ родной нѣ Трои, котораго она была виновницею. Ей суждено было погибнуть отъ огня, ибо она сама зажгла огонь въ сердцахъ всѣхъ, кто видѣлъ ея прекрасный образъ» (864 стр.). Впрочемъ, изъ рассказовъ того же лѣтописца слѣдуетъ, что не на однихъ крестоносцахъ лежитъ отвѣтственность за порчу и гибель находившихся въ Константинополѣ памятниковъ. Супруга Алексія III, Евроскинія, для гаданій своихъ, была розгами Геркулеса Лизимаховой работы, о чемъ очень жалѣетъ Хоніатъ, восклицающій, что ни Еврисеей, ни Омсала не подвергали героя такимъ истязаніямъ. По ея же приказанію, были обезображены многія другія статуи, въ томъ числѣ знаменитый калидонскій вепрь, котораго въ послѣдствіи, по совѣту звѣздочетовъ, суевѣрный Исаакъ Ангелъ велѣлъ поставить во дворцѣ своемъ, въ той надеждѣ, что видъ свирѣпаго звѣря въ состояніи внушить ужасъ мятежной черни цареградской. Колоссальный истуканъ Минервы, подробно описанный Хоніатомъ, былъ въ куски разбитъ народомъ, потому что лице богини было обращено къ западу, и поднятая рука будто манила крестоносцевъ. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что многое было спасено Венеціанцами, которые украсили свой городъ этою добычею.

Говоря о раздѣлѣ имперіи между Венеціанцами и ихъ союзниками, г. М.—въ не разобралъ подробно весьма не ясный, но важный въ географическомъ отношеніи актъ раздѣла. Памятникъ этотъ, изданный нѣсколько разъ, между прочимъ въ приложеніяхъ къ Исторіи крестовыхъ походовъ Вильмена, не былъ еще объясненъ надлежащимъ образомъ. Г. М.—въ напрасно ссылается на искаженіе именъ

и неопредѣленность областныхъ границъ. Еслибы раздѣльный актъ, составленный въ 1204 году, былъ написанъ совершенно ясно и не представлялъ ничего затруднительнаго при чтеніи, его не для чего было бы и объяснять.

Третья глава «Исторіи латинскихъ императоровъ» содержитъ въ себѣ обзоръ новаго, возникшаго вслѣдствіе завоеванія, государственнаго устройства. Намъ кажется, что авторъ не оцѣнилъ по достоинству пересаженныя на византійскую почву феодальныя учрежденія, единственную форму, какую могли дать покореннымъ имъ землямъ крестоносцы. Ленная система удобнѣ всякой другой прилагалась тамъ, гдѣ между отдѣльными сословіями не было національнаго единства. Отсутствіе кровной связи, т. е. народности, феодализмъ замѣнилъ внѣшнимъ іерархическимъ союзомъ, достаточнымъ для цѣлей средневѣковаго государства. Зато г. М — въ придачу слишкомъ большое значеніе республиканскому, внесенному Венеціанцами элементу. Онъ говоритъ, что этотъ элементъ выразился въ завоеванныхъ частяхъ имперіи рѣзче, нежели въ Палестинѣ. «Тамъ онъ ограничился немногими поселеніями Италіянцевъ по морскому берегу, здѣсь являлся въ обширныхъ владѣніяхъ Венеціанцевъ» (стр. 43). Авторъ слишкомъ безусловно принялъ мнѣніе Лео (*Geschichte der Italienischen Staaten*, III, 16). Извѣстно, что значительная часть приобрѣтенныхъ республикою въ 1204 году земель, особенно острова, поступили въ качествѣ лена св. Марка во владѣніе знатныхъ фамилій, которыя играли здѣсь роль княжескихъ династій, оставаясь впрочемъ венеціанскими подданными. Таковы были герцоги Андроса, Наксоса и Пароса изъ дома Сунудо, передавашаго потомъ свои владѣнія греческой фамиліи Криспо; — Гизи, которымъ принадлежалъ Тенось, Скиросъ, Скиаеа, Скопела, — Карчери, владѣтель Негропонта, и многіе другіе, о которыхъ упоминаетъ г. М — въ, на стр. 38. Разумѣется, что здѣсь не было мѣста республиканскому элементу, который могъ проявиться въ большихъ городахъ, гдѣ находились венеціанскія колоніи. Вообще на отношенія венеціанскія не обращено должнаго вниманія въ разбираемой нами монографіи, хотя по важности своей они требовали подробнаго разбора.

Самая исторія латинскихъ императоровъ изложена вѣрно и отчетливо. Но мы уже замѣтили выше, что эта вѣрность внѣшняя, не сообщающая полнаго понятія о предметѣ. Укажемъ для примѣра на соб-

ранныя г. М—мъ свидѣнія о Никейской имперіи. Въмѣсто сухаго и частію бесполезнаго разсказа о войнахъ, веденныхъ Ѳеодоромъ Ласкарисомъ и Іоанномъ Ватацесомъ, читатель желалъ бы найти подробности, характеризующія ихъ государство. Г. М—въ упустилъ прекрасный случай показать чрезъ сравненіе все превосходство византійскихъ административныхъ формъ и понятій надъ феодальными западными. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи царствованіе Іоанна Ватацеса, о которомъ находятся драгоцѣнныя, еще Гиббономъ (гл. 62) употребленныя въ дѣло извѣстія у Никифора, Григорія и Георга Пахимера. За исключеніемъ Фридриха II, едвали кто изъ современныхъ государей западной Европы смотрѣлъ такими глазами на государственное хозяйство. Только при подобномъ управленіи могла найти Никейская имперія средства для борьбы съ многочисленными врагами своими. Тамашніе императоры слѣдовали примѣру своихъ византійскихъ предшественниковъ. Войско Ѳеодора Ласкариса состояло, по словамъ изданной Бюшономъ греческой лѣтописи о войнахъ Франковъ въ Романіи и Моревѣ, стр. 28, изъ наемныхъ Турокъ, Кумановъ, Аланъ, Языговъ и Булгаръ. Латинскіе воины также недолго противились искушеніямъ никейскаго золота. Папа Гонорій II. принужденъ былъ предать проклятію крестоносцевъ, измѣнившихъ своему обѣту и воевавшихъ подъ знаменами Ласкариса противъ собственныхъ единовѣрцевъ. Эти свидѣтельства достаточно показываютъ, что Никейская имперія не была, какъ утверждаетъ г. М—въ, выраженіемъ чистой греческой народности. Въ основаніи ея лежало отвлеченное отъ всякой національности начало образованной вѣками, мудрой государственной организаціи, которая принимала въ себя даже враждебныя элементы и претворяла ихъ въ гибкіе, покорные ея волѣ матеріалы. Механизмъ былъ такого свойства, что могъ дѣйствовать при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Тоже самое можно сказать о Константинопольской имперіи, которой продолженіемъ была Никейская. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, феодальная форма является чѣмъ-то варварскимъ, безконечно грубымъ. Но когда эта форма утвердилась на византійской почвѣ, она не могла не обнаружить нравственнаго вліянія на туземцевъ, не могла не вызвать въ нихъ новыхъ стремленій и потребностей. Вторженіе западной стихіи въ византійскій бытъ послѣ событій 1204 года не подлежитъ сомнѣнію, хотя оно вовсе не замѣчено авторомъ «Исторіи латинскихъ императоровъ». Вмѣстѣ съ

іерусалимскими ассизами проникали даже въ никейскія владѣнія суды перовъ и ордаліи. Разумѣется, что ихъ полному принятію мѣшали природныя и воспитанныя исторіей свойства народонаселенія. Практическій, ясный умъ Грека сказался въ отвѣтъ Михаила Палеолога, который не хотѣлъ подвергнуть себя испытанію раскаленнымъ желѣзомъ, говоря, что это судебное доказательство годно для мраморныхъ произведеній Фидія или Праксителя, а не для живой человеческой руки. Къ послѣдствіямъ пятидесяти-семи мѣсячнаго владычества Латинцевъ въ Цареградѣ принадлежитъ совершенное ослабленіе связей, дотолѣ существовавшихъ между правительствомъ и жителями Византійской имперіи. Императоры иновѣрцы поколебали прежнее уваженіе и довѣріе православныхъ подданныхъ къ преемникамъ Константина. Религіозное единство могло быть восстановлено въ послѣдствіи; но единство государственное, которое на немъ основывалось, погибло невосвратно. Въ Малой Азіи могла бы еще окрѣпнуть и принять въ себя свѣжія силы ветхая имперія, черезъ сплавленіе тамошнихъ, давно подверженныхъ греческому вліянію племенъ, въ одну новую народность. Въ Европѣ такое дѣло было невозможно. Славяне, на плечахъ которыхъ долго лежали судьбы имперіи, возложившей на нихъ свои послѣднія надежды, жили собственною жизнію. Все сказанное нами было понятно образованнымъ и мыслящимъ Грекамъ того времени. Извѣстіе о занятіи Константинополя никейскими войсками въ 1261 году возбудило въ дальновидѣйшихъ между ними недоступныя толпы опасенія. «Теперь рушились всѣ надежды наши» — сказалъ по этому поводу Михаилъ Сеннахерибъ, государственный сановникъ, уму и знаніямъ котораго отдаетъ справедливость, враждебный ему, впрочемъ, Георгъ Пахимерь (Т. I. стр. 92 и 149).

Сочиненіе г. М-ва не удовлетворяетъ справедливымъ требованіямъ современной науки. «Исторія латинскихъ императоровъ» не прибавляетъ ничего къ суммѣ того, что мы знали доселѣ объ этой эпохѣ. Но свѣдѣнія автора не подлежатъ сомнѣнію: мы въ правѣ ожидать отъ него другихъ, болѣе удачныхъ трудовъ.

ИТАЛІЯ ПОДЪ ВЛАДЫЧЕСТВОМЪ ОСТЪ-ГОТОВЪ, ЛАНГОВАРДОВЪ И ФРАНКОВЪ ¹⁾.

СУДЬБЫ ИТАЛІИ ОТЪ ПАДЕНІЯ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ ДО ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ ЕЯ КАРЛОМЪ ВЕЛИКИМЪ. ОБОЗРѢНІЕ ОСТГОТО-ЛАНГОВАРДСКАГО ПЕРІОДА ИТАЛІЙСКОЙ ИСТОРИИ. СОЧ. П. КУДРЯВЦЕВА. МОСКВА. 1850.

I.

Русской критикѣ рѣдко приходится имѣть дѣло съ такими книгами, какъ «Судьбы Италіи отъ паденія Западной римской имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ». Первый трудъ, съ которымъ г. К.—въ выступаетъ на ученое поприще, не только превосходитъ все, что до сихъ поръ было написано по русски объ исторіи Запада, но можетъ стать на ряду съ классическими монографіями иностранныхъ литературъ. Это не простое изложеніе первыхъ вѣковъ итальянской исторіи, а совершенное съ рѣдкою мѣткостью историческаго взгляда изслѣдованіе образованія итальянской народности. Въ предисловіи своемъ авторъ жалуется на недостатокъ ученыхъ пособій; но можно смѣло сказать, что этотъ недостатокъ не отразился на его книгѣ, въ которую вошло все существенное и необходимое для живаго пониманія эпохи, которой онъ посвятилъ свое изслѣдованіе. Съ другой стороны нельзя не согласиться, что занятіе исторією Италіи сопряжено въ настоящее время съ особенными трудностями. Эти трудности существуютъ не для однихъ только русскихъ ученыхъ и происходятъ отъ недостатка литературныхъ сообщеній съ Апеннинскимъ полуостровомъ.

¹⁾ Эти статьи напечатаны въ Отечественныхъ Запискахъ 1851 года, въ отдѣлѣ Критики.

Изъ выходящихъ тамъ книгъ весьма немногія приобрѣтають извѣстность въ остальной Европѣ. Большая часть многочисленныхъ монографій, изданныхъ въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ о городахъ средневѣковой Италіи, остается исключительною собственностью мѣстныхъ ученыхъ. Безъ критическихъ статей Миттермайера, да обзоровъ, изрѣдка являющихся въ нѣмецкихъ журналахъ, которымъ посчастливилось найти дѣятельныхъ корреспондентовъ за Альпами, мы не знали бы этихъ монографій даже по имени. Между тѣмъ, кромѣ самыхъ изслѣдованій, онѣ содержатъ въ себѣ въ видѣ приложений драгоцѣнные, взятые изъ городскихъ архивовъ памятники, которыхъ тщетно будемъ искать у Муратори. О богатствѣ и важности источниковъ, не вошедшихъ въ составъ собранія, составленнаго послѣднимъ, можно судить по «Историческому Архиву», который Вьессѣ (Vieusseut) издаетъ во Флоренціи.

Первая глава «Судебъ Италіи» содержитъ въ себѣ обзоръ причинъ, которыя привели Западную имперію подъ владычество германскихъ дружинъ. Причины эти заключались, какъ извѣстно, во внутреннемъ разложеніи римскаго общества. Обозначивъ главные признаки этого разложенія, г. К—въ опредѣляетъ слѣдующими словами цѣль и объемъ своихъ изслѣдованій:

«Мы ограничиваемъ нашу задачу лишь первымъ періодомъ исторіи новой Италіи, который можно назвать періодомъ ея возрожденія. Дѣло многосложное и потому многотрудное, оно совершается очень медленно, въ продолженіе цѣлыхъ трехъ столѣтій, и слагается изъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ моментовъ. Рядомъ съ нимъ, и всегда въ самой тѣсной связи, идетъ и исторія одного изъ величайшихъ европейскихъ учреждений, имѣющаго въ Италіи свое собственное значеніе. Мы прослѣдимъ одинъ за другимъ эти моменты и постараемся узнать главные силы и средства, наиболѣе содѣйствовавшія освобожденію Италіи отъ чужеземнаго владычества и восстановленію ея самобытности. Величайшее изъ предпріятій Карла Великаго — восстановленіе Римской имперіи, необходимо положить конецъ нашему очерку».

Лежащая въ основаніи книги г. К—ва мысль о тѣсной связи между происхожденіемъ новой итальянской народности и развитіемъ папской власти даетъ его труду оригинальное и самобытное значеніе, даже за предѣлами русской литературы. Явленія эти разсматривались до сихъ поръ порознь. Самъ Макиавелли, въ немногихъ словахъ сказавшій всю

исторію средневѣковой Италіи, не понимая и съ своей точки зрѣнія не могъ понять первыхъ вѣковъ папства и его связи съ судьбою народа, зарождавшагося изъ пестрой смѣси латинскаго и германскихъ племенъ. Позднѣйшіе историки превзошли Макиавелли только отдѣлкою подробностей, но они рѣдко возвышаются до того цѣльнаго пониманія итальянской исторіи, которымъ поражаетъ насъ великій Флорентинецъ. Сохранивъ, слѣдовательно, недостатки, которые были неизбежны въ эпоху, когда писалъ Макиавелли, они не перенимали у него глубины взгляда и его строгой послѣдовательности при оцѣнкѣ явленій. Изчислять здѣсь сочиненія, подтверждающія нашу мысль, было бы бесполезно. Но мы не можемъ не указать на помѣщенную въ 5 № «Современника» за 1850 годъ «Исторію папской власти до смерти Карла Великаго». Имя ученаго автора и отношеніе его статьи къ разбираемой нами книгѣ возлагаютъ на насъ эту обязанность. Статья г. Куторги отличается отъ «Судебъ Италіи» объемомъ; но предметъ розысканій почти тотъ же. Мы не опасаемся оскорбить г. Куторгу, упрочившаго свою ученую извѣстность другими трудами, откровеннымъ выраженіемъ нашего мнѣнія. Его «Исторія папства» не можетъ выдержать никакого сравненія съ трудомъ г. Е—ва. Главный недостатокъ этой статьи заключается не въ томъ, что она составлена исключительно по нѣмецкимъ сочиненіямъ: добросовѣстный авторъ назвалъ своихъ руководителей и тѣмъ отнялъ у критики право упрекать его въ неполномъ знаніи источниковъ. Но мы считаемъ себя въ правѣ требовать отъ такого ученаго, какъ г. Куторга, по крайней мѣрѣ вѣрной оцѣнки писателей, которыхъ трудами онъ пользовался. Вотъ почему насъ нѣсколько удивилъ его отзывъ объ «Исторіи Иннокентія III» Гуртера. По словамъ г. Куторги, Гуртеръ «представилъ картину, написанную кистью великаго художника и съ безпристрастіемъ ученаго». Не будемъ говорить о художественномъ достоинствѣ «Исторіи Иннокентія III». Смѣемъ однако думать, что весьма немногіе изъ читателей этой книги согласятся съ приведенными выше словами. Что касается до безпристрастія Гуртера, то до сихъ поръ оно едвали было кѣмъ-нибудь замѣчено. Гуртеръ, бывшій протестантскій пасторъ, принялъ римско-католическое исповѣданіе и считается въ нѣмецкой литературѣ однимъ изъ главныхъ представителей и защитниковъ средневѣковыхъ теорій папской власти и римско-католической іерархіи вообще. Вся статья г. Куторги написана съ небрежностью, къ какой

онъ не приучилъ насъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ. Какъ, на примѣръ, согласить слѣдующія противорѣчія? На стр. 41 сказано: «Папы не имѣли собственной территоріи, ни войска, ни финансовъ, что составляетъ необходимую принадлежность государя; они обладали чрезвычайною, великою властію, но она была только духовною, не матеріальною. Эта власть представляетъ намъ изумительное и единственное явленіе во всемъ мірѣ, что въ самое цвѣтущее и блистательное время папства, въ правленіе Григорія VII и Иннокентія III, когда римскіе первосвященники господствовали надъ всѣми странами Запада, возводили и низлагали государей, подчиняли себѣ цѣлыя царства, что и тогда они не владѣли никакою областію (!) и даже самымъ городомъ Римомъ, остававшимся совершенно независимымъ». А на стр. 64 читаемъ: «Всѣ маленькіе города, лежавшіе отъ Витербо до Террачины и отъ Нарни до устьевъ Тибра, соединились съ Римлянами и составили отдѣльное владѣніе подъ управленіемъ папы (727). Вотъ первое начало свѣтской власти римскихъ первосвященниковъ: Григорій II не былъ уже только папою — онъ сталъ государемъ». Гдѣ нашелъ авторъ доказательства въ пользу своего мнѣнія, что восточные императоры сами содѣйствовали къ увеличенію свѣтскаго значенія папъ и укрѣпили ихъ власть надъ Римомъ (стр. 66)? Какъ понять ссылку на Григорія Турскаго, будто-бы сказавшаго, что Дагоберъ I, король Франковъ, принесъ въ даръ монастырю св. Діонисія одною записью 27 деревень (стр. 45)? Григорій умеръ въ 595 году, а Дагоберъ началъ царствовать съ 622 года. Можно было бы привести еще нѣсколько подобныхъ противорѣчій и недосмотровъ, но мы полагаемъ, что показанныхъ выше достаточно для нашей цѣли. Намъ нужно было только показать великое разстояніе, отдѣляющее самостоятельный, на основаніи глубокаго изученія источниковъ совершенный трудъ г. К—ва отъ бѣглого очерка, представленнаго г. Куртою.

Обзору остготскаго періода посвящены въ сочиненіи г. К—ва двѣ главы (2 и 3). Авторъ, излагающій пространно исторію Лангобардовъ, не счелъ нужнымъ входить въ такія же подробности относительно предшествовавшихъ имъ въ Италіи германскихъ племенъ. Упомянувъ слегка о патриціатѣ Одоакра, служившемъ только переходомъ отъ стараго императорства къ новому королевству, г. К—въ представляетъ на немногихъ страницахъ характеристику Теодориха

и основаннаго имъ государства. «Между передовыми людьми германскаго міра онъ (то-есть Теодерихъ) былъ первый, на которомъ ясно отразилось вліяніе того человѣчественнаго духа, который лежалъ въ «самыхъ основахъ міра римско-христіанскаго. Между Германцами это «первое ошутительное выраженіе того, что въ послѣдствіи, болѣе опредѣлившись въ своемъ содержаніи, получило себѣ и определенное «имя въ названіи «гуманизма». Что этотъ новый духъ не переродилъ «совершенно Теодериха, въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія: дикіе инстинкты продолжали таиться въ немъ, хотя и противъ его воли, и временемъ обнаруживались жестокостію, мстительностію, даже вѣроломствомъ. Въ такія минуты опять нельзя не узнать въ Теодерихѣ германскаго варвара; но проходили минутныя «вспышки, и Теодерихъ опять становился человѣкомъ добра, сочувствующимъ выгодамъ римской цивилизаціи и желающимъ устроить «мирное счастье своихъ подданныхъ».

Въ этихъ словахъ не видно особенностей, отличающихъ Теодериха отъ другихъ великихъ вождей германскаго племени, жившихъ въ V вѣкѣ. У Атаульѳа вестготскаго, у Вандава Стиликона мы найдемъ тѣже стремленія къ высшему, только при условіяхъ римско-христіанской образованности возможному порядку. Въ нихъ такъ же, какъ въ Теодерихѣ, энергія и разрушительныя страсти варвара соединяются съ благородными идеями, съ нравственно-политическими побужденіями, которымъ нельзя было развиваться на почвѣ чистаго германства. Подобно остготскому королю, они старались сохранить формы разлагавшейся имперіи ради духа, нѣкогда въ нихъ жившаго, и расточали для этой цѣли силы, которымъ исторія готовила другое назначеніе. Укажемъ читателямъ на извѣстное мѣсто въ исторіи Павла Орозія (VII, 43), гдѣ рѣчь идетъ о планахъ Атаульѳа. Въ молодости своей онъ хотѣлъ, по собственному признанію, стереть съ лица земли самое имя «Римлянъ», замѣнивъ его «Готами»; но опытъ показалъ ему, что Готы, вслѣдствіе ихъ необузданной дикости (*propter effro-patam barbariem*), неспособны подчиниться какому-либо закону, и онъ рѣшился употребить ихъ оружіе для возстановленія и увеличенія римской славы. Дошедшія до насъ извѣстія о Стиликонѣ обличаютъ въ немъ такія же намѣренія. Слѣдовательно, не одинъ Теодерихъ между германскими вождями былъ доступенъ вліянію древней цивилизаціи и не онъ первый оцѣнилъ ея превосходство. Его отличіе отъ

Атаульба, Стиликоса и других заключается не въ оригинальности взгляда или пониманія, а въ степени даровитости и успѣха, въ самомъ положеніи. Онъ былъ счастливѣе своихъ предшественниковъ, можетъ быть, потому что встрѣтилъ на пути своемъ Кассіодора. Трудно выдѣлить послѣднему принадлежащую ему въ славу остготскаго короля долю. Теодерихъ былъ, безспорно, замѣчательный человекъ, но онъ едва ли могъ возвыситься до тѣхъ политическихъ и нравственныхъ идей, которыми пронизана веденная отъ его лица Кассіодоромъ оффиціальная переписка. Есть понятія, до которыхъ нельзя дойти личною геніальностью, которыя могутъ вырасти только на готовой, вѣками правильнаго развитія удобренной почвѣ. Принимая въ соображеніе благоприятныя обстоятельства, содѣйствовавшія образованію Теодериха, его десятилѣтнее пребываніе при цареградскомъ дворѣ, его раннее знакомство съ языками классической древности (хотя грамотность его подлежитъ сомнѣнію), мы должны допустить, что онъ пришелъ въ Италію не простымъ начальникомъ дружины, нѣвшей цѣлю грабежъ и войну, и что онъ хорошо понималъ новыя отношенія, въ которыя его поставила побѣда надъ Одоакромъ. Въ немъ могла зародиться болѣе или менѣе ясная мысль о сліянніи Готовъ и Итальянцевъ въ одну народность; но онъ не только не могъ говорить тѣмъ языкомъ, какой влагаетъ ему въ уста Кассіодоръ—онъ не могъ даже думать такимъ образомъ. Читая «*Epistolae Variae*», невольно приходишь къ мысли, что Кассіодору принадлежитъ не одна редакція, не одинъ слогъ этихъ актовъ: на нихъ лежитъ печать римскаго духа, въ нихъ виднѣтъ римскій складъ ума. Нельзя не задать себѣ вопроса: не былъ ли Теодерихъ воспримчивымъ и послушнымъ ученикомъ итальянской аристократіи, окружавшей его послѣ паденія Одоакара? Въ такому вопросу приводять даже извѣстные факты изъ жизни знаменитаго готскаго короля. Дѣятельность его характеристически отличается отъ дѣятельности другихъ германскихъ начальниковъ. Всѣ они были по преимуществу воины: его военные подвиги оканчиваются взятіемъ Равенны. Въ остальные *тридцать три года* своей жизни, Теодерихъ не ходилъ болѣе на войну и поведенію исключительно былъ занятъ дѣлами внутренняго управленія. Такой переходъ молодаго и счастливаго вождя отъ жизни въ станѣ, отъ боевыхъ трудовъ къ сухимъ административнымъ заботамъ страненъ, почти неестественъ. Замѣтимъ, что между близкими къ Теодериху

людьми мало, или, лучше сказать, вовсе нѣтъ Готовъ. Либерій, оба Кассіодора (отецъ и сынъ), Симмахъ, Боэцій занимають высшія должности въ государствѣ и составляютъ совѣтъ короля. Исключеніе Римлянъ изъ военной службы, предоставленной однимъ Германцамъ, не могло быть допущено безъ значительныхъ ограниченій. Доказательства можно найти у Кассіодора (Var. 1, ер. 17 и 40). Наконецъ, запрещеніе Итальянцамъ носить оружіе, воспослѣдовавшее послѣ страшнаго разрыва Теодериха съ римскою партіей, показываетъ, что до тѣхъ поръ они пользовались этимъ правомъ наравнѣ съ Готами. Еще поразительнѣе свидѣтельствуетъ о перевѣсѣ римскихъ вліяній уравниеніе Готовъ съ Итальянцами относительно податей. Теодерихъ едвали былъ въ состояніи самъ собою рѣшиться на такое безпримѣрное въ исторіи того времени уравниеніе. Меровинги рѣшились подражать этой мѣрѣ почти чрезъ цѣлое столѣтіе послѣ занятія Галліи Франками. А они очень рано стали прилагать у себя римскую систему податей и налоговъ. Во всѣхъ бывшихъ областяхъ Западной имперіи мы видимъ постепенное и неотразимое вторженіе римскихъ началъ въ государственную жизнь занявшихъ эти области Германцевъ, но нигдѣ это явленіе не совершается такъ скоро, въ такомъ объемѣ, съ такимъ пренебреженіемъ къ привычкамъ новыхъ властителей края, какъ въ Италіи. Сношенія Теодериха съ другими государствами представляютъ намъ также нѣчто странное. Его умная, дальновидная, наслѣдованная отъ лучшихъ временъ падшей имперіи политика не могла быть плодомъ его собственныхъ соображеній. Въ ней является не только великій умъ, но и обширное знаніе. Каждое событіе, происходившее въ Восточной имперіи, или за ея предѣлами—въ разнообразномъ и бурномъ мірѣ варваровъ, обращало на себя вниманіе равненскаго двора, вызывало тотчасъ предосторожности или рѣшительныя мѣры. Мы вовсе не думаемъ посягать на славу Теодериха, но признаемъ, что образъ его намъ не ясенъ въ исторіи, и что въ немъ много загадочнаго, чего нельзя объяснить при пособіи сохранившихся источниковъ. Даже народная повѣя, съ такою любовью передающая славныя дѣла Дитриха Бернскаго (то есть Веронскаго), сохранила ему таинственныя черты, съ какими онъ является въ исторіи. По однимъ преданіямъ, онъ сынъ ночнаго духа, обладаетъ способностью изрыгать огонь, которымъ жжетъ своихъ непріятелей и вообще находится въ тѣсной связи съ враждебными человѣку адскими силами; по дру-

гимъ, онъ образецъ христiанскихъ доблестей, отмѣченный особеннымъ характеромъ кротости и мягкосердiя, какимъ не видимъ ни одного изъ героевъ нѣмецкаго эпоса, за исключенiемъ Рюдигера Бехаларискаго. На немъ очевидно влiянiе той земли, по которой нельзя было пройти варвару, не поникнувъ главою предъ ея поучительными даже для него развалинами. Какъ ни глубоко проникъ латинизмъ въ Испанiю и Галлiю, но эти области не въ состоянiи были дать Германцу того понятiя о красотѣ древней цивилизацiи, какимъ исполняла его Италiя.

Г. К.—въ справедливо замѣчаетъ, что въ борьбѣ между Теодерихомъ и Одоакромъ, отъ рѣшенiя которой зависѣла судьба Италiи, послѣдняя не принимаетъ никакого видимаго участiя и равнодушно переходитъ отъ одного господина къ другому. Явленiе это объясняется впрочемъ очень просто. Ни Одоакръ, ни Теодерихъ не были завоевателями края въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Переворотъ 476 года совершился не вслѣдствiе нашествiя варваровъ извнѣ, а вслѣдствiе возстанiя германскихъ дружинъ, состоявшихъ въ службѣ Западной имперiи. Паденiе этой имперiи имѣетъ неоспоримо великое значенiе; имъ окончательно замыкается древняя исторiя, съ него начинается переходное время Среднихъ вѣковъ; но на самомъ театрѣ событiя, въ самой Италiи, оно менѣе обнаружило влiянiя и менѣе было замѣчено, чѣмъ пришествiе Вестготовъ или Франковъ въ Галлiю. Низложенiе Августа не изумило умовъ, привыкшихъ видѣть власть въ рукахъ германскихъ вождей, тѣмъ болѣе что идея имперiи не погибала и нашла себѣ готоваго представителя въ Константинополѣ, гдѣ продолжалъ царствовать преемникъ Константина Великаго. Одоакру не приходило въ голову присвоить себѣ вмѣстѣ съ властiю титулъ, недоступный для честолюбiя варваровъ. На iерархической лѣстницѣ тогдашнихъ властей онъ не только не думалъ стать на одну ступень съ восточнымъ императоромъ, но даже считалъ себя его слугою. У Малха (стр. 93) находится любопытное извѣстiе о посольствѣ, которое отправилъ сверженный уже Августулъ къ цареградскому императору Зенону. Признавая, что для всѣхъ областей имперiи достаточно одного главы, Августулъ просилъ Зенона назначить его намѣстникомъ, а Одоакра — патрищемъ въ Италiи. Цѣль и смыслъ этого посольства разгадать не трудно. Оно было отправлено Одоакромъ для опредѣленiя его отношенiй къ восточному императору. Новый властитель Италiи просилъ у него имперской должности, чтобы

скрѣпить ею свое непрочное право на покорность Итальянцевъ. Слѣдовательно, центръ государственной жизни былъ перенесенъ въ другое мѣсто, но главная идея и учрежденіе остались тѣже. Одоакръ не предпринялъ никакихъ перемѣнъ въ найденныхъ имъ формахъ римскаго суда и управленія. Ощутительнѣе могло отозваться владычество германскаго вождя на судьбѣ отдѣльных лицъ и на отношеніяхъ собственности. Но и въ этой сферѣ особенно благопріятныя обстоятельства значительно смягчили для Итальянцевъ переходъ подъ новую власть.

Изъ книги г. К.—ва видно, что ему хорошо извѣстны изслѣдованія Гаупа о германскихъ поселеніяхъ на римской почвѣ. Къ сожалѣнію, онъ не вполне воспользовался 16 и 29 главами этого сочиненія, въ которыхъ изложены существовавшія въ Римской имперіи съ конца IV столѣтія узаконенія о военномъ постое и вліяніе, обнаруженное этими узаконеніями на судьбу занятыхъ въ послѣдствіи Германцами провинцій. Желая устранить неудобства и затрудненія по этому предмету, императоры Аркадій и Гонорій закономъ 398 года установили, что всякій несвободный отъ постоя домъ долженъ быть раздѣленъ на три части. Хозяинъ имѣлъ право на выборъ первой части, вторую выбиралъ военный постоялецъ, третья оставалась за хозяиномъ. Законъ не говоритъ, кому изъ двухъ предоставлено было дѣлить домъ на участки, но опредѣляетъ особенными выраженіями права и обязанности каждаго: на сторонѣ воина *hospitale jus*, на хозяинѣ лежитъ *hospitalitatis munus*. Взаимное ихъ отношеніе называется *hospitalitas*. Армія давно уже перестала набираться изъ туземнаго населенія. Она состояла преимущественно изъ германскихъ наемныхъ дружинъ, понеминому свыкшихся съ формами римскаго быта, особенно вслѣдствіе вышеприведенныхъ законовъ о военномъ постое. *Hospitalitas* служила связью между варваромъ и уступившимъ ему треть своего дома Римляниномъ. Послѣдній, превосходствомъ своей образованности и своихъ привычекъ, не могъ не имѣть вліянія на перваго. Таково было положеніе Одоакровыхъ дружинъ въ Италіи въ эпоху, когда наступилъ конецъ призрачному существованію Западной имперіи. Наслѣдникъ Ромула Августа отдалъ своимъ дружинникамъ треть римскихъ земель, то есть предоставилъ имъ въ собственность тотъ участокъ дома, которымъ они пользовались въ качествѣ постояльцевъ, и велѣлъ приписать къ этому участку треть

всѣхъ земель, принадлежавшихъ бывшему хозяину, освобожденному въ замѣнъ этой уступки отъ прежнихъ повинностей для продовольствія арміи. Эта сдѣлка, которой выгода для Германцевъ не требуетъ доказательствъ, не произвела, слѣдовательно, особенной перемѣны въ состояніи бывшихъ римскихъ подданныхъ. Прибавивъ къ этому дешовизну земель въ Италіи — необходимое слѣдствіе уменьшившагося народонаселенія и постоянной тревоги, въ какой находились уцѣлѣвшіе жители — мы увидимъ, что раздѣлъ имуществъ не былъ такъ разорителенъ для Италіянцевъ, какъ съ виду кажется. Въ самыхъ лучшихъ частяхъ Аппенинскаго полуострова лежали огромныя пустоши. Слѣдовательно, дѣятельному Италіянцу не трудно было вознаградить себя за выдѣленную у него треть земли, тѣмъ болѣе, что правленіе Одоакра, сколько извѣстно изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній, было вообще благотворно для истощеннаго края.

Одоакръ, какъ сказано выше, считалъ необходимымъ для прочности своей власти признаніе ея со стороны восточнаго императора. Онъ даже не принялъ королевскаго титула (хотя въ источникахъ онъ называется гех), который носили другіе германскіе начальники, овладѣвшіе отдѣльными римскими провинціями, и не чеканилъ собственной монеты; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не найдено ни одной монеты съ его изображеніемъ. Но такое, можетъ быть, невольное смиреніе предъ идеею имперіи не спасло его отъ нашествія Остготовъ. Разсказъ Юрнанда о причинахъ этого похода не сходенъ съ извѣстіями, которыя находятся у Прокопія; противорѣчіе этихъ лѣтописцевъ не мѣшаетъ однако понять въ чемъ заключалось дѣло. Остготы находились тогда въ службѣ Восточной имперіи. Зенонъ смотрѣлъ недовѣрчиво на ихъ молодого и честолюбиваго вождя, который, въ свою очередь, тяготился своимъ служебнымъ отношеніемъ. Его манили недавніе примѣры Хлодвига и Одоакра. Неизвѣстно, чѣмъ именно навлекъ на себя Одоакръ гнѣвъ императора, но Зенонъ воспользовался случаемъ для достиженія двойной цѣли и предложилъ Теодериху наказать непокорнаго патриція. Понятно, съ какою радостію принялъ вождь Остготовъ это порученіе: его желанія на этотъ разъ совпадали съ видами Зенона. Для полнаго уразумѣнія остготскаго періода италіанской исторіи не должно забывать, что Теодерихъ пришелъ въ будущее свое королевство имперскимъ полководцемъ, а не самостоятельнымъ государемъ. Паденіе Одоакра было, разумѣется, весьма чув-

ствительно для его дружинъ, но отнюдь не для Итальянцевъ, которыхъ положеніе осталось совершенно то же. Теодерихъ держался тѣхъ самыхъ правилъ, которыя мы замѣтили у его предшественника. Онъ роздалъ своимъ Готамъ *трети*, отнятыя у Одоакровыхъ Германцевъ, и на условіяхъ, еще болѣе выгодныхъ для туземнаго населенія, ибо Готы платили наравнѣ съ другими налоги, отъ которыхъ, кажется, были освобождены войны Одоакра. При повомъ распредѣленіи третей, предпринятомъ по приказанію Теодериха, главную роль игралъ Римлянинъ Либерій, человекъ пользовавшійся общимъ уваженіемъ, «соединившій (по словамъ Кассіодора) сердца и владѣнія обоихъ народовъ» (Var. 41, 16). Есть другія свидѣтельства, показывающія, что Итальянцы ничего не потеряли, или покрайней мѣрѣ потеряли весьма мало, вслѣдствіе пришествія Остготовъ. Византіецъ Прокопій говоритъ, что Теодерихъ, занявъ Италію, не нанесъ никакого никому вреда: «только Готы раздѣлили между собою часть полей, уступленную Одоакромъ своимъ приверженцамъ» (De bello Gotthico I, I). Эннодій, епископъ города Павія, въ письмѣ къ названному нами выше Либерію говоритъ, что «онъ снабдилъ многочисленныя толпы Готовъ обширными землями незамѣтнымъ для Римлянъ образомъ, безъ всякаго ущерба для покореннаго племени» (et nulla senserunt damna superati. Ennod. Ep. IX, 23). Такъ какъ число Готовъ, пришедшихъ съ Теодерихомъ, по всей вѣроятности, превышало число побѣжденныхъ ими Геруловъ и другихъ Германцевъ, то можно предположить, что они заселили, сверхъ отведенныхъ имъ на основаніи римскихъ законовъ о военномъ постой третей, тѣ огромныя пустоши, которыми была такъ богата тогдашняя Италія. Умѣренности, показанной въ этомъ случаѣ Теодерихомъ, нельзя объяснить его личнымъ характеромъ: онъ дѣйствовалъ въ римскомъ духѣ, какъ римскій сановникъ, чему легко найти доказательства, не вдаваясь въ такія крайности, какъ Глѣденъ (von Glöden, Das röm. Recht im ostgoth. Reiche), отрицающій въ сущности самостоятельность Остготскаго государства. Въ сношеніяхъ своихъ съ Восточною имперіей Теодерихъ является настоящимъ государемъ, что ясно видно изъ словъ Прокопія (I, 1) и вообще изъ всей исторіи той эпохи. Но въ дѣлахъ внутренняго управленія Теодерихъ не отступалъ отъ римскихъ преданій, и его царствованіе въ Италіи составляетъ, можно сказать, продолженіе римскаго періода, а не начало новаго времени. Отличіе Остготскаго ко-

ролевства отъ другихъ, основанныхъ варварами на имперской почвѣ, заключается именно въ томъ, что Теодерихъ, при самомъ началѣ своего правленія, сталъ выше исключительно національнаго направленія и имѣлъ въ виду цѣльное государство, а не народъ готскій. Это отличіе замѣтилъ еще Монтескьё и выразилъ его слѣдующимъ образомъ: «Я покажу когда-нибудь въ особенномъ сочиненіи, что остготская монархія совершенно отличалась отъ другихъ монархій, основанныхъ въ то же время варварами, и что не только нельзя сказать, что такая-то вещь была въ употребленіи у Франковъ, потому что мы находимъ ее у Остготовъ, но наоборотъ, есть справедливыя причины думать, что дѣлавшееся у Остготовъ не могло дѣлаться у Франковъ» (Духъ Законовъ, кн. XXX, 12). Великій писатель, къ сожалѣнію, не исполнилъ своего намѣренія, но мысль его болѣе и болѣе подтверждается новыми изслѣдованіями. Въ этомъ отношеніи для исторіи все равно, самъ ли Теодерихъ пришелъ къ убѣжденіямъ, выразившимся въ его политической системѣ, или они были ему подсказаны и внушены окружающими его лицами.

Мы нарочно указали на нѣкоторые подробности, опущенныя г. Б—имъ, потому что онъ также относитъ остготскій періодъ къ проходившему, а не къ зачинавшемуся порядку вещей. Впрочемъ, авторъ «Судебъ Италіи» превосходно опредѣлилъ историческій подвигъ Теодериха и характеръ аріанства. «Дѣло Теодериха очевидно клонилось къ тому, чтобы изъ него выработалось наконецъ возобновленное римское государство съ римскимъ правомъ и римскими учрежденіями, можетъ быть не безъ нѣкоторой примѣси готскихъ понятій и обычаевъ, но съ рѣшительнымъ преобладаніемъ стараго римскаго начала. Но для того ли происходила вся эта многотрудная работа вѣковъ, работа разложенія и новаго созиданія, чтобы на старомъ базисѣ мы снова увидѣли и старое зданіе, переложенное въ томъ же стилѣ и съ тѣми же недостатками? Не къ такимъ убогимъ цѣлямъ направлялись историческія судьбы новой Италіи. Еще цѣлый рядъ новыхъ завоеваній, одно другое смѣняющихъ, угрожалъ ей впереди: какъ бы въ возмездіе за старую политику Рима, которая, не зная усталости, переносила власть свою отъ одного народа на другой, Италіи тоже суждено было въ продолженіе очень длиннаго періода переходить изъ однихъ рукъ въ другія. Но среди самаго плѣна, изъ противодѣйствія враждебныхъ элементовъ, зарождались уже индивидуальныя черты новой

Италиі, возникали и новыя интересы, которые вовсе не существовали для древняго Рима. Какъ имъ благородны были намѣренія Теодериха, какъ имъ постояненъ былъ онъ въ преслѣдованіи своихъ цѣлей — зданіе имъ сооружаемое не носило въ себѣ никакого залого прочности: онъ преслѣдовалъ мечту, которая не могла осуществиться. Все благодушіе Готовъ, съ которыми они, повидимому по крайней мѣрѣ, подчинялись видамъ своего короля, вся безотвѣтность Римлянъ, которые должны были принять съ благодарностію новый порядокъ вещей, ни къ чему не служили тамъ, гдѣ между двумя народами проходило глубокое внутреннее раздѣленіе. Отнюдь не всѣ вопросы рѣшались на политической аренѣ: наоборотъ, сознаніе политическое подчинялось во многихъ случаяхъ сознанію религіозному. Это было необходимое слѣдствіе того великаго переворота, который незадолго передъ тѣмъ совершился въ человѣческоймъ сознаніи вообще. Мысль религіозная составляла въ то время высшій интересъ человѣчества, покрывавшій собою всѣ другіе: она соединяла людей разноплеменныхъ, раздѣляла кровныхъ. Напрасны были всѣ усилія короля Готовъ соединить Римлянъ и Готовъ политически: они сошлись уже раздѣленные своими религіозными убѣжденіями. Готы были аріане, Римляне — католики». (Стр. 34—36).

Усилія Теодериха слить Готовъ и Римлянъ въ одинъ народъ оказались бесполезными. Замѣчательный эдиктъ, или, лучше сказать, эдикты 500 года остались памятникомъ этихъ неудачныхъ стремленій. Интересы государственныя должны были уступить мѣсто религіознымъ. Здѣсь надобно замѣтить, что православное духовенство, которому, въ эпоху распаденья имперіи, досталось трудное и славное посредничество между туземнымъ населеніемъ и варварами, не противилось основанію германской монархіи. Превосходя образованіемъ и умственною дѣятельностію всѣ другіе классы римскаго общества, оно глубоко понимало невозможность спасти ветхую имперію и смотрѣло на нашествіе варваровъ какъ на неизбѣжный выводъ предыдущей исторіи. Эти событія являлись ему заслуженною казнію за грѣхи язычества, еще не совсѣмъ умершаго въ государствѣ Константина и Феодосія. Но склоняясь предъ мірскою властію германскихъ вождей, православные епископы считали себя по праву духовными вождями своей паствы и не только отдѣляли вопросъ политическій отъ религіознаго, но даже подчиняли первый второму. Пола на византійскомъ престолѣ

сидѣлъ защитникъ ересей Анастасій, Теодерихъ царствовалъ спокойно; но когда Анастасія смѣнилъ благочестивый Юстинъ, обстоятельства перемѣнились. Между Римомъ и Цареградомъ тотчасъ начались сношенія, къ которымъ не могъ быть равнодушенъ остготскій король. Дѣло шло о судьбѣ его династїи, его народа. Трудно сказать, какое участіе принималъ въ этихъ отношеніяхъ римскій сенатъ, который имѣлъ причины дорожить Теодерихомъ. Римскую партію могла тревожить только невѣрная будущность при преемникахъ короля, уже приближавшагося къ старости. Какъ бы то ни было, обвинительные акты, на основаніи которыхъ были приговорены къ смерти Альбинъ, Боэцій и Симмахъ, не дошли до насъ, и мы не въ правѣ произнести окончательный приговоръ надъ Теодерихомъ.

Г. К.—въ отступилъ въ этомъ случаѣ отъ своей привычки самостоятельнаго изслѣдованія и повторилъ обвиненія, истину которыхъ доказать невозможно. Кассіодоръ былъ также преданъ Италїи, но онъ сохранялъ даже по смерти Теодериха свое положеніе и вліяніе въ государствѣ Остготовъ.

Зло, съ которымъ началъ борьбу Теодерихъ въ послѣдніе годы своего царствованія, выступило вполнѣ наружу только при его преемникѣ. Разнородные элементы стали каждый порознь и отреклись отъ неестественнаго союза. Этотъ разрывъ отозвался даже во дворцѣ остготскихъ королей: дочь Теодериха, правительница Амалазунта, стала во главѣ римской партіи. Готы окружили малолѣтняго короля Аталариха и старались устранить отъ него римское вліяніе. Они надѣялись воспитать въ немъ чисто германскаго вождя, представителя интересовъ племени, которому казалась недостаточною доля богатства и власти, данная ему Теодерихомъ въ занятой съ боя землѣ. Результаты этого спора извѣстны. Мы не послѣдуемъ за г. К.—мъ въ изложеніи послѣднихъ судебъ Остготскаго государства, но позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній на этотъ отдѣлъ его изслѣдованія. Говоря о возрастающей несправедливости между Готами и Итальянцами, авторъ долженъ бы былъ упомянуть объ удаленіи Кассіодора отъ дѣлъ въ 538 году. Это важно не для біографіи Кассіодора, а потому что показываетъ окончательный перевѣсъ германскаго начала надъ римскимъ. Либерій, о которомъ было сказано выше, вѣрный слуга Теодериха, не только послѣдовалъ примѣру Кассіодора, но является во время войны въ числѣ полководцевъ Юстиніана. Готы бьются одни и знаютъ, что

дѣло идетъ объ ихъ конечномъ истребленіи. Отсюда жестокий характеръ борьбы.

Юстиніанъ одолялъ, благодаря искусству своихъ полководцевъ и трудностямъ, съ которыми Готы должны были бороться среди населенія имъ враждебнаго, смотрѣвшаго на составленныя изъ такихъ же, или болѣе грубыхъ, чѣмъ Готы, варваровъ войскъ имперіи, какъ на своихъ избавителей. Италія снова вошла въ число имперскихъ областей, — но какая Италія? Отъ сѣверныхъ границъ до Мессинскаго пролива прошелъ мечъ-истребитель. Около двѣнадцати лѣтъ продолжалась ожесточенная война, которую вели, какъ сказано, ополченія равно чуждыя Италіи. Съ обѣихъ сторонъ стояли варвары, не щадившіе прекраснаго, преданнаго ихъ произволу края. Города безпрестанно переходили изъ рукъ въ руки и при каждой перемѣнѣ терпѣли новыя бѣдствія. При взятіи Рима Тотилою въ 546 году, въ вѣчномъ городѣ, по словамъ Прокопія, оставалось не болѣе 500 человекъ жителей, изъ низшихъ сословій; остальные разбѣжались, или умерли съ голода (*De bel. Goth.* III. 20). Въ одномъ Пиценумѣ (то есть маркѣ Анконской) убыль населенія въ четвертый годъ войны ужъ достигла до 50 человекъ. По смерти послѣдняго готскаго короля Тейи, ворвались въ несчастную Италію дружины хищныхъ Франковъ и Аллеманновъ и прошли отъ сѣвернаго до южнаго конца вдоль береговъ Адриатическаго и Тирренскаго морей, разоряя и губя все уцѣлѣвшее отъ прежнихъ разореній. Къ бѣдствіямъ войны присоединилась моровая язва, почти не прекращавшаяся въ продолженіе многихъ лѣтъ. Если принять въ основаніе вычисленіе Прокопія, очевидно преувеличенное, то въ Италіи не могло остаться жителей, какъ справедливо замѣчаетъ Гиббонъ (гл. 48). Но оставляя въ сторонѣ эти преувеличенія, можно составить себѣ понятіе объ упадкѣ населенія, испытаннаго такими несчастіями.

Въ 554 году Юстиніанъ издалъ прагматическую санкцію, которою ввелъ въ Италіи постановленія, состоявшіяся въ Восточной имперіи съ 476 года.

Очевидно, что ожиданія партіи, столь ревностно помогавшей Юстиніану противъ Остготовъ, не сбылись, что она считала себя въ правѣ жаловаться на обманутыя надежды. «Ужъ лучше бы намъ повиноваться Готамъ, чѣмъ Грекамъ», говорили римскіе послы Юстиніану II и грозили добровольнымъ призваніемъ новыхъ варваровъ. Но въ

Италиі было, однако, сословіе, которое смотрѣло на побѣды Велизарія и Нарцесса какъ на свои собственныя и могло оказать сильное содѣйствіе византійскому правительству въ его отношеніяхъ къ отнятому у Готовъ краю.

«Католическое духовенство, говоритъ г. Б—въ, питало особенно «враждебное чувство къ готскому аrianизму и всего болѣе содѣйствовало къ тому, чтобы тѣснѣе связать виды Италиі съ интересами имперіи. Выгоды, которыя оно пріобрѣтало вслѣдствіе измѣненнаго порядка вещей, носили на себѣ также чисто политическій характеръ. «Уступая силѣ обстоятельствъ и духу времени, имперія вообще въ «послѣднее время должна была предоставить духовенству, епископамъ «въ особенности, гораздо больше дѣйствительнаго вліянія на мѣстное, «всего болѣе городское управленіе, нежели сколько это могло лежать «въ ея видахъ. Почетное сословіе городскихъ владѣльцевъ, куріаловъ, «изгибало, теряло всякій вѣсъ и значеніе; новая духовная аристократія становилась на его мѣсто, все болѣе и болѣе выдвигаясь впередъ «своимъ высокимъ характеромъ, своимъ вліяніемъ на дѣла. Правительство только узаконивало то, что уже вошло въ порядокъ вещей. «Уступки, дѣлаемыя новеллами епископскому авторитету, почти заставляютъ забывать, что дѣло идетъ объ отношеніяхъ внутри самой «имперіи. Не довольно того, что въ городѣ епископъ управлялъ выборомъ столько важныхъ городскихъ чиновниковъ, какъ *defensor* и *pater civitatis* (*quinquennalis*): ему еще предоставлялось право надзора за ними во все время ихъ общественной дѣятельности; онъ наблюдалъ за употребленіемъ городскихъ доходовъ, и отъ тѣхъ, которые распоряжались ими, могъ требовать себѣ ежегоднаго отчета. Но «законное вліяніе и контроль епископовъ простирались еще далѣе: «отъ нихъ же главнымъ образомъ зависѣли выборы тѣхъ гражданскихъ начальниковъ, которые, подъ именемъ судей, *judices*, поставлялись надъ цѣлою областью. Наконецъ, епископъ уполномочивался «по своему усмотрѣнію вѣдѣваться въ санія отправленія служебныхъ обязанностей, которыя лежали на этихъ областныхъ судьяхъ, «заступать иногда ихъ мѣсто и въ важныхъ случаяхъ представлять «на нихъ жалобы самому императору. Не забудемъ притомъ, что епископъ, какъ духовный пастырь, имѣлъ еще право общаго надзора за «судами, право, котораго нисколько не думало оспаривать у него «гражданское законодательство.

«Съ такимъ духовнымъ и гражданскимъ полномочіемъ какого высшаго политическаго значенія не могло обѣщать себѣ католическое духовенство въ Италіи? Въ Римѣ особенно, гдѣ глава его былъ главнымъ двигателемъ политическихъ интересовъ, гдѣ, наконецъ, въ его «рукахъ» сосредоточивалось все управленіе обширными патримоніями римской церкви и все вліяніе, необходимо соединенное съ этимъ управленіемъ?»

Въ самомъ дѣлѣ, значеніе римскаго епископа выросло въ продолженіе остготскаго періода до огромныхъ, хотя неопредѣленныхъ современниками размѣровъ. Юстиніанъ не понялъ этого явленія. Свидѣтельствомъ служить, съ одной стороны, дѣло папы Вигилія, прекрасно объясненное г. К—мъ, съ другой — назначеніе Равенны мѣстомъ пребыванія экзарху. Мы покажемъ во второй статьѣ, какъ отозвались эти ошибки въ теченіе двухъ слѣдующихъ вѣковъ итальянской исторіи.

II.

Въ первой статьѣ мы показали, какъ мало выиграла Италія при обихвѣ остготскаго владычества на византійское. Надобно впрочемъ согласиться, что завоеванія Нарцесса также ничего не прибавили въ дѣйствительнымъ силамъ имперіи. Бѣдная народонаселеніемъ, разоренная войною, Италія не только не могла давать ни людей, ни денегъ, но еще требовала значительныхъ издержекъ отъ константинопольскаго правительства. Изгнаніе Остготовъ изъ Италіи было важно для Юстиніана, который, думая о возстановленіи имперіи въ прежнихъ предѣлахъ, успѣлъ овладѣть Африкою и частью приморскихъ городовъ Испаніи. Но послѣдующіе императоры, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ и увеличившихся трудностей своего положенія, должны были отказаться отъ великаго плана ихъ предшественника. Занятые другими, ближайшими заботами, они не могли въ такой степени, какъ Юстиніанъ, дорожить своими владѣніями на Аппенинскомъ, полуостровѣ, особенно, когда владѣнія эти подвергались нападенію новаго врага, борьба съ которымъ потребовала обремене-

тельныхъ для имперіи усилій. «Силы варварскаго міра были неистощимы (говорить нашъ авторъ). Готы были лишь передовой его народъ, которому судьба назначила незавидную роль — первому вступить цѣлою массою на старую римскую почву, чтобъ тамъ найти себѣ преждевременную могилу. Самое это востребленіе Готовъ открывало пустоту въ передовыхъ рядахъ варварскихъ народовъ и пригласило тѣхъ, которые слѣдовали за ними въ ближайшемъ разстояніи, занять ихъ упразднившіяся мѣста. Всего менѣе должно представлять варварскіе народы изолированными, разединенными одинъ отъ другаго. Даже когда одному изъ нихъ удавалось завоеваніе на римской почвѣ, онъ не переставалъ быть въ частыхъ сношеніяхъ съ другими своими соотечественниками, даже съ тѣми, которые еще лежали въ глубинѣ Германіи. Дитрихъ или Теодерихъ—было народное имя не у однихъ только Готовъ: его славяли и другіе германскіе народы, къ нему слали посольства Гепиды, Лангобарды, Алеманы; его дружбы, его покровительства заискивали многіе германскіе племена. Все, что дѣлалось внутри предѣловъ готскаго владычества, передавалось потомъ молвою въ отдаленные края Германіи. Паденіе Готовъ, народа столько доблестнаго, должно было произвести тяжелое впечатлѣніе на многихъ; но оно же должно было осмѣлить ближайшихъ ихъ сосѣдей на новое нападеніе на Италію. Римская земля была въ глазахъ варваровъ родъ общаго наслѣдства, которое преемственно переходило отъ одного изъ нихъ къ другому».

Новые германскіе пришельцы, посѣтившіе Италію чрезъ 16-ть лѣтъ послѣ паденія Остготскаго государства, были Лангобарды. Г. К.—въ излагаетъ вкратцѣ судьбы этого народа до Альбойна; но намъ кажется, что онъ недостаточно оцѣнилъ характеръ лѣтописца, которому мы обязаны главными свѣдѣніями о Лангобардахъ. Сочиненіе Павла Діакона, сына Варнефридова, принадлежитъ къ числу самыхъ любопытныхъ памятниковъ средневѣковой литературы не потому только, что содержитъ въ себѣ богатый запасъ поэтическихъ преданій и разсказовъ, заимствованныхъ лѣтописцемъ прямо изъ устъ народа. Оно отличается существенно отъ однородныхъ твореній Грегорія Турскаго и Беды Достопочтеннаго. У обоихъ послѣднихъ церковъ стоитъ на первомъ планѣ, что видно изъ самаго заглавія ихъ сочиненій. Въ «*Historia ecclesiastica Francorum*» и въ «*Historia ecclesiastica gentis Anglorum*» равно господствуетъ религіозное воззрѣніе, и

всѣ прочія событія служатъ какъ-бы подножіемъ одному великому явленію христіанства между Франками и Англо-Саксами. Въ личномъ благочестіи Павла Діакона нѣтъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться; однако лѣтопись его не безъ причины носитъ простое названіе: *De gestis Longobardorum*. Изъ нея не исключены факты церковной исторіи; напротивъ, авторъ излагаетъ ихъ съ очевидною вѣрою и благоговѣніемъ, но не даетъ имъ того господствующаго надъ остальными сторонами народной жизни значенія, какое виднѣтъ у Григорія Турскаго и у Беды. Лангобардскому историку нельзя было разсматривать судьбу своего племени съ той же точки, съ какой смотрѣли на свое прошедшее Франкъ или Англо-Саксонъ. Будучи монахомъ въ Монте-кассинѣ, Павелъ носилъ въ сердцѣ своемъ скорбь патриота и не могъ забыть участія, принятаго римскими дворами въ паденіи Лангобардскаго государства. Онъ понималъ, что отношеніе западной церкви къ его отечеству было не такое, какъ въ Галліи или Британіи. Вообще надобно сказать, что трудъ Варнефридова сына не былъ еще подверженъ надлежащей критикѣ. Давно обѣщанныя изслѣдованія Бетмана до сихъ поръ не изданы. Краткое извлеченіе изъ этихъ изслѣдованій, помѣщенное въ IV томѣ «Собранія Лѣтописей», которыя, подъ особеннымъ непривѣтливостію прусскаго короля, выходятъ теперь въ нѣмецкомъ переводѣ (*Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit in deutscher Bearbeitung*), ускользнуло вниманію отъ вниманія ученаго автора разбрасанной нами книги.

Извѣстіе о призваніи Лангобардовъ удаленныхъ отъ должностей Нарцессомъ возникло въ Италіи, подъ вліяніемъ истинныхъ ненавистей, которыя навлекъ на себя строгій эзархъ. Греческіе историки не говорятъ ничего объ его извѣстіи; но народъ сложилъ на него вину своихъ новыхъ бѣдствій. Какъ-будто Лангобарды нужно было особое приглашеніе! Путь въ Италію имъ былъ давно знакомъ. Многочисленныя племена изъ этого народа служили въ войскахъ Велизарія и Нарцесса. Въ 552 году Нарцессъ считъ нужнымъ выслать изъ вѣренихъ ему областей часть лангобардскихъ племенниковъ за грабежи. Паденіе Теодерихова государства не могло, какъ замѣтилъ г. К.—въ, не отозваться далеко за Альпами и должно было возбудить въ тогдашнихъ германскихъ вождахъ охоту изъѣздить снова за дѣло, поудавшееся Одоакру и Теодериху. Альбанъ не уступалъ имъ въ силѣхъ и предприимчивости. Въ 568 году Лангобарды пришли въ Италію, а

въ 571 государство ихъ уже было готово, покрайней мѣрѣ снаружи; о внутренней организаціи, разумѣется, еще не могло быть рѣчи.

Третье германское государство, такимъ образомъ возникшее на итальянской почвѣ, не походило на два ему предшествовавшія. Владѣнія Одоакра и Теодериха занимали не только весь Аппенинскій полуостровъ, но простирались даже далѣе. Лангобардскія завоеванія шли постепенно, сѣуживаясь до Калабріи и Апуліи, опираясь, какъ на широкое основаніе, на равнину средняго По. Здѣсь легли главныя массы ихъ народнаго ополченія. По обѣимъ сторонамъ этой полосы тянулись вдоль морскихъ береговъ области восточнаго императора. Въ Равеннѣ жилъ по прежнему его экзархъ. Въ Римѣ, Неаполѣ и другихъ городахъ начальствовали византійскіе сановники, подчиненные однако власти того же экзарха. Лангобарды, разрѣзавъ надвое владѣнія имперіи, затруднили до крайности сношенія между отдѣльными частями и тѣмъ ослабили административную и политическую связь этихъ частей. Зато Лангобарды были почти на всѣхъ пунктахъ отрѣзаны отъ моря, которое осталось за Византійцами. Эти географическія условія, важность которыхъ легко усмотрѣть при бѣгломъ взглядѣ на карту Италіи, прекрасно раскрыты нашимъ авторомъ на стр. 121—124 его сочиненія. Скорая смерть первыхъ вождей лангобардскихъ, Альбоина и Клеоа, и послѣдовавшее затѣмъ владычество тридцати пяти герцоговъ помѣшало завоевателямъ полуострова овладѣть имъ вполне. Отсюда развивается цѣлый рядъ фактовъ, опредѣлившихъ не одну политическую судьбу Италіи, но и самый нравственный характеръ ея населенія.

Альбоинъ привелъ съ собою не народъ, а собранную изъ разныхъ племенъ рать. Кромѣ Лангобардовъ, составлявшихъ большинство, за нимъ шли Саксы, Гепиды, Булгары, Сарматы и т. д. Этихъ дружинъ нельзя сравнивать ни съ Германцами Одоакра, которые еще до 476 года стояли постоемъ въ Италіи, ни съ Остготами, которые также находились въ имперской службѣ и имѣли время познакомиться съ обычаями образованнаго міра. Лангобарды явились прямо изъ степей Венгріи не только завоевателями въ обыкновенномъ смыслѣ слова, но завоевателями грубыми и жестокими, настоящими варварами. На нихъ еще лежала вся дикость первобытныхъ германскихъ нравовъ, и они дали ее сильно почувствовать несчастной странѣ, въ которой на два вѣка разбили свой лагерь. Ихъ государство сохранило въ про-

долженіе своего существованія не только военный характеръ, общій ему съ другими государствами, возникшими около того же времени и при сходныхъ условіяхъ, но и враждебное отношеніе къ побѣжденнымъ, какое едвали найдемъ гдѣ-либо, кромѣ развѣ вандалской Африки. Презрѣніе Лангобардовъ къ римскому племени пережило даже ихъ собственную политическую независимость. Доказательствомъ не могутъ служить слова, сказанныя посломъ Оттона Великаго, кренонскимъ епископомъ Міутпрандомъ, цареградскому императору Никеоору Фокѣ: «Лангобарды, и вообще Германцы, въ минуты гнѣва не иначе поносятъ враговъ своихъ, какъ оскорбительнымъ именемъ Римлянъ» (Legatio, 12).

Причинъ къ взаимной ненависти между побѣдителями и побѣжденными было впрочемъ довольно. Мы знаемъ, какое вліяніе имѣлъ аrianизмъ на судьбу Остготовъ. Терпимость Теодориха, его высокое уваженіе къ римскимъ формамъ и идеямъ не примирили съ нимъ его католическихъ подданныхъ. Ересь лежала роковою чертою между Готами и Итальянцами и дѣлала невозможнымъ ихъ сліяніе въ новую національность, о которой мечталъ Одоакровъ побѣдитель. Лангобарды и ихъ союзники приняли въ Италію частію арианами, частію язычниками. Но во главѣ ихъ не было Теодориха, и въ совѣтѣ ихъ начальниковъ не было Бассидора. Религіознымъ ненавистямъ открылось свободное поприще. Г. К.—въ говорить (стр. 128), что Лангобардовъ нельзя обвинять въ религіозной пропагандѣ. Это справедливо, но они убивали иновѣрцевъ, не думая о передачѣ имъ собственныхъ вѣрованій. Мы приведемъ нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ, подтверждающихъ сказанное нами. Лангобарды умертвили сорокъ поселенъ, отказавшихся ѣсть посвященное идоламъ мясо (Greg. Dial. cap. 27) Такой же участи подверглись многочисленные плѣнники, не хотѣвшіе поклониться какой-то козьей головѣ (id. cap. 28). Православные жители Бресціи должны были скрываться въ лѣсахъ отъ гоненій, поднятыхъ на нихъ арианами (Vita St. Honorii. Bolland. 24 апрѣля). Чрезъ семь лѣтъ по прибытіи своемъ въ Италію Лангобарды еще разоряли церкви и предавали смерти священниковъ, по словамъ Павла Діакона. Замѣчательно, что у нихъ почти вовсе нѣтъ легендъ и другихъ сказаній о житіи св. мужей и мучениковъ, которыхъ такъ много находимъ у другихъ народовъ, поселившихся на римской почвѣ. О Вандалахъ, разумеется, здѣсь не можетъ быть рѣчи. Св. Барбацій Бене-

вентскій стоитъ одиноко между своими современниками; но должно прибавить, что его слава распространилась уже послѣ паденія Лангобардскаго королевства. Дѣятельность св. Барбація принадлежитъ второй половинѣ VII вѣка. Изъ житія его видно, что языческіе обряды тогда еще не вышли изъ употребленія у Лангобардовъ, хотя цѣлое столѣтіе прошло съ переселенія ихъ въ Италію, и большинство народа уже обратилось къ католицизму.

Особенно жестокое гоненіе на знатныхъ и богатыхъ Римлянъ началось повидимому при преемникѣ Альбоина, Клеоѣ. Многіе изъ нихъ были убиты, многіе принуждены искать спасенія въ бѣгствѣ (Paul. Diac. II. 31). Но у Павла находимъ еще два, болѣе важныя свидѣтельства объ участи, постигшей населеніе областей, занятыхъ его соотечественниками въ первую эпоху завоеванія. Приводимъ эти мѣста, отъ различнаго пониманія которыхъ произошли два совершенно различныя воззрѣнія на положеніе Итальянцевъ въ Лангобардскомъ королевствѣ. «Въ то время (подъ владычествомъ герцоговъ) многіе благородные Римляне погибли отъ корыстолюбія (побѣдителей); прочіе же были такъ распредѣлены между врагами (*hostes*, но, по нѣкоторымъ рукописямъ, *hospites* — постояльцы), что сдѣлались ихъ данниками и стали платить Лангобардамъ третью часть своихъ произведеній» (II, 32). По восстановленіи королевской власти, при Автаріи, сынѣ Клеоа, герцоги уступили королю половину своихъ имѣній, «но народъ былъ раздѣленъ между лангобардскими постояльцами» (*populi tamen aggravati per Langobardos hospites partiuntur*: III, 16). Какъ объяснить послѣднее извѣстіе? Повторилъ ли Павелъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ сказанное имъ выше объ обложеніи римской собственности данью въ пользу побѣдителей, или рѣчь идетъ о новомъ выдѣлѣ, о конечномъ разореніи прежнихъ владѣльцевъ? Почти всѣ итальянскіе изслѣдователи и между нѣмецкими историками Лео полагаютъ, что свободное туземное населеніе въ лангобардскихъ владѣніяхъ было частію истреблено, частію обращено въ сословіе, лишенное политическихъ правъ. Римской собственности при такихъ условіяхъ не могло остаться и слѣдовъ. Савиньи защищаетъ противоположное мнѣніе. Онъ утверждаетъ, что Лангобарды довольствовались сборомъ третьей части доходовъ съ оставленныхъ ими туземцамъ имуществъ и обширными пустошами, о которыхъ мы упоминали по поводу остготскаго дѣлежа земель. Г. К.—въсталъ на сторону

итальянских ученых и принимает все результаты системы, развитой ими не без патристического преувеличения и пристрастия. Сказавъ объ обложении прежнихъ владѣльцевъ данью, которая равнялась трети ихъ доходовъ, онъ объясняетъ, по слѣдамъ Кассен, второе извѣстіе Павла Діакона такимъ образомъ: подѣлившіеся своими имѣніями съ новымъ королемъ герцоги вознаградили себя на счетъ побѣжденнаго племени, потерявшаго при этомъ случаѣ половину своей, обремененной налогами, но еще остававшейся за ними собственности. Мы не будемъ оспаривать справедливости этого толкованія, тѣмъ болѣе, что у насъ нѣтъ никакихъ другихъ свидѣтельствъ; но позволимъ себѣ замѣтить, что нашъ авторъ слишкомъ скоро и легко рѣшаетъ вопросъ, едва ли разрѣшимый при настоящихъ источникахъ. Ему слѣдовало бы обратить большее вниманіе на то, что говоритъ Павелъ Діаконъ въ тойже главѣ о дивномъ времени короли Автары, «когда въ государствѣ Лангобардовъ не было никакихъ насилій и никакихъ казней; никто не принуждалъ другихъ къ незаконнымъ повинностямъ и никто не грабилъ». Трудно допустить такую тишину и такой порядокъ въ странѣ, только-что испытывшей огромный, затронувшій все частные интересы переворотъ въ отношеніи собственности. Самая послѣдовательность, въ которой событія представляются г. К—ву, неправдоподобна. Намъ кажется гораздо вѣрнѣе мысль, высказанная шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ гонимымъ Шпитлеромъ (Spittler). По его мнѣнію, Лангобарды въ первой порѣ своихъ завоеваній въ Италіи брали какія хотѣли земли, такъ какъ они грабили и убивали Римлянъ безъ дальнѣйшихъ соображеній, опираясь на одно право недавней побѣды. Но когда образовалось наконецъ на завоеванной почвѣ настоящее государство (слѣдовательно, не ранѣе Автары), уцѣлѣвшіе и сохранившіе часть своего имущества Итальянцы были обложены правильными и востоянными налогами. Что касается до дальнѣйшаго существованія римской собственности въ лангобардскихъ владѣніяхъ, то доказательства, приведенныя Савиньи въ защиту этого факта, до сихъ поръ не опровергнуты. Черезъ сто лѣтъ послѣ Альбоина, король Гримоальдъ, въ гнѣвѣ на римскихъ жителей Одерцо (въ маркѣ Трависской), разорилъ ихъ городъ и отнялъ у нихъ ихъ земли (Paul. Diacon. V, 28). Еслибы эти провинившіеся предъ Гримоальдомъ Римляне не имѣли своей собственности и были только колонатами, или вообще податными людьми Лангобардовъ, то наказаніе пало

бы на нихъ лично, а не на дома и поля ихъ. Жестокое обращеніе Лангобардовъ съ побѣжденными не подлежитъ сомнѣнію; но итальянскіе историки и ихъ послѣдователи зашли слишкомъ далеко, отрицая на всемъ пространствѣ лангобардскихъ владѣній существованіе свободныхъ, жившихъ въ своихъ домахъ и на своей землѣ туземцевъ.

Первый памятникъ лангобардскаго законодательства въ Италіи, эдиктъ короля Ротари явился въ 643 году, слѣдовательно, черезъ семьдесятъ два года послѣ смерти Альбоина. Такой поздній переходъ отъ обычнаго, возникшаго при совѣтѣ другихъ политическихъ условій права къ писаннымъ законамъ достаточно обличаетъ государственный бытъ Лангобардовъ. Они сохраняли характеръ дружинъ, старались о расширеніи своихъ владѣній, и довольствуясь совершенною покорностью подвластнаго имъ племени, не заботились о точномъ опредѣленіи юридическихъ отношеній между этимъ племенемъ и собою. Законы короля Ротари подтверждаютъ сказанное нами.

«Ни въ одномъ изъ законодательствъ, изданныхъ Германцами на римской почвѣ, не сохранилось оно въ такой чистотѣ, какъ въ эдиктѣ; нигдѣ не потерпѣло оно такъ мало отъ соприкосновенія съ римскимъ правомъ. Самое названіе Римлянина встрѣчается въ эдиктѣ столько одинъ разъ — говоря точнѣе, названіе Римлянки — и то какъ будто лишь для того, чтобъ выразить все презрѣніе законодателя къ этой униженной національности (Римлянка поставлена ниже рабыни). Здѣсь найдете вы узаконеніе этой грубой нравственности первоначальнаго германскаго быта, по которой мужъ имѣлъ полное право убить жену за нарушеніе вѣрности, и отецъ свободной женщины — совершить ту же казнь надъ рабомъ, который имѣлъ бы дерзость вступить въ брачныя отношенія съ его дочерью. Здѣсь же найдете узаконеніемъ самую высокую таксу денежнаго штрафа (900 солидовъ) хотя бы за ничтожное оскорбленіе свободной Лангобардки, и рядомъ, самую низкую (3 солида) за побои, нанесенные женщинѣ беременной, но несвободной, хотя бы оттого зависѣла участь самаго рожденія. Передъ нами въ немногихъ прилѣгахъ вся первоначальная грубость лангобардскихъ нравовъ, вмѣстѣ съ надменною исключительностью ихъ старыхъ свободныхъ родовъ! Формы суда чисто германскія. Судебный приговоръ произносится не иначе, какъ на основаніи вѣтвеннаго показанія 12-ти присяжниковъ, въ числѣ которыхъ находится и самъ обвиненный. Въ случаѣ несогласія показаній,

«хотя бы обвиненный одинъ былъ противъ соприсяжниковъ, дѣло рѣшается судомъ Божиимъ, обыкновенно судебнымъ соединеніемъ. Впрочемъ, полное развитіе этого учрежденія принадлежитъ уже позднѣйшимъ временамъ.

«Итакъ эдиктъ былъ выраженіемъ права исключительно лангобардскаго, въ томъ смыслѣ, что въ основаніе его были положены чисто національные юридическіе обычаи Лангобардовъ. Что еще важнѣе, это лангобардское право, какъ находимъ его въ эдиктѣ, должно было имѣть силу закона не только для самихъ Лангобардовъ, но и для всѣхъ побѣжденныхъ жителей, то есть для Римлянъ. Въ государствахъ Лангобардовъ не было мѣста особымъ личнымъ правамъ, вопреки тому, что находимъ почти у всѣхъ германскихъ народовъ, поселившихся на римской землѣ. Римлянамъ, жившимъ въ лангобардскихъ предѣлахъ, не оставалось ничего болѣе, какъ составить въ лангобардскомъ обществѣ, особое, полусвободное сословіе «альдіевъ» и пользоваться лангобардскимъ правомъ на основаніи своего новаго состоянія. Только въ городахъ, гдѣ Римляне жили вмѣстѣ съ Лангобардами, но гдѣ не было извѣстныхъ отношеній, посредствуемыхъ землею, первые пользовались болѣею свободою, хотя также оставались въ податномъ состояніи. Даже самые варганги, подъ которыми надобно разумѣть всѣхъ пришельцевъ въ Италію не лангобардскаго происхожденія, также обязаны были жить по лангобардскому закону; если и могло быть сдѣлано какое исключеніе, то лишь за особенныя заслуги и съ особаго дозволенія короля. Такъ на всемъ видна старая лангобардская исключительность, которая никогда не могла ужаться даже съ Саксами. Прошло около ста лѣтъ, а между Лангобардами и Римлянами проходила все та же рѣзкая черта. Только тѣ Римляне вошли въ составъ лангобардскаго общества, которые были покорены оружіемъ, но и то съ потерей своихъ правъ и вообще съ большими утратами для своей національности (196—108).

Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ г. Е—ва и его предшественниковъ объ эдиктѣ короля Ротари. Это законодательство, возникшее въ виду новыхъ государственныхъ потребностей, какихъ не могло быть у Лангобардовъ до пришествія ихъ въ Италію, содержитъ въ себѣ опредѣленія юридическаго быта завоевателей и вовсе не касается побѣжденныхъ. Изъ молчанія законодателя, который не считалъ нужнымъ упомянуть о своихъ подданныхъ римскаго происхожденія,

можно вывести два заключенія. Первое: у Римлянъ предполагается существованіе собственнаго, предшествующаго завоеванію *гражданскаго* права, по которому они рѣшаютъ свои частныя дѣла. Тамъ, гдѣ дѣло касается государственныхъ отношеній, имѣетъ силу, разумѣется, только лангобардскій законъ. Второе: у нихъ отнято ихъ собственное право и замѣнено находящимися въ единѣ опредѣленіями. Но въ такомъ случаѣ исконное населеніе лангобардской Италіи или должно было совершенно слиться съ своими властителями, что невозможно, или войти въ составъ новаго государства низшимъ, податнымъ сословіемъ, съ утратою всѣхъ своихъ гражданскихъ преданій. Г. К.—въ принимаетъ вмѣстѣ съ Лео послѣднее мнѣніе. Мы привели выше его слова о полусвободномъ классѣ альдіевъ, въ которыхъ онъ видитъ подвластныхъ Лангобардамъ Итальянцевъ. Однако единѣ 643 года, унижающій Римлянину предъ рабынею, цѣннѣйшій позоръ первой въ 12, а второй въ 20 солидовъ, не оказываетъ такого презрѣнія къ женѣ или дочери альдія; слѣдовательно, онъ отличаетъ ее отъ Римлянки. *Aldius statu liber, libertus cum impositione eregogum*, говоритъ старый глоссаторъ, котораго приводитъ Дюканжъ (*Ducange*) въ словарѣ своемъ (I, 175). Нельзя не замѣтить сходства между состояніемъ альдіевъ и римскимъ колонатомъ, на что, между прочимъ, намекаетъ древнее опредѣленіе, которое находится тамъ же у Дюканжа: *Aldius qui adhuc servit patrono*. Ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить, что это сословіе поглотило остатки свободного римскаго населенія въ лангобардскихъ владѣніяхъ. Въ него вошли вѣроятно только прежніе колонны и часть разоренныхъ завоевателями собственниковъ. Справедливо, что Лангобарды не давали у себя такого простора личнымъ правамъ, какъ другіе Германцы, но они не исключали ихъ безусловно. Могли же жить варганги, съ разрѣшенія короля, по собственному закону! Мы думаемъ, что молчаніе Ротари о положеніи Римлянъ свидѣлствуетъ противъ, а не за автора «Судебъ Италіи». Когда прошелъ первый, ознаменованный насиліями всякаго рода періодъ лангобардскаго завоеванія; когда кончились безнаказанные грабежи и убійства, запуганные и выбитые изъ колеи прежняго своего развитія Римляне должны были снова собраться въ отдѣльное отъ Германцевъ общество. Взаимныя отношенія членовъ этого общества, частныя ихъ сдѣлки между собою, были напередъ опредѣлены вѣковымъ обычаемъ. Лангобарды, которые такъ долго

обходились безъ писаннаго права, довольствуясь обычаями старини своей, едвали могли произвести большія перемѣны въ сферѣ юридическихъ отношеній *между* Римлянами. Къ тому же имъ не было никакой надобности входить, или лучше сказать, спускаться въ эту сферу. Римское общество стояло подъ лангобардскими и не сдвигивалось съ нимъ. Оно обязано было жертвовать ему частію своего труда и доходовъ, нести разныя повинности, было лишено всякаго политическаго значенія, но отнюдь не утратило всѣхъ особенностей своего юридическаго быта. Предъ Лангобардомъ у Римлянина не было своего права, но оно возвращалось ему, когда онъ входилъ въ сношенія съ соплеменными ему лицами. Такой порядокъ вещей сложился естественнымъ образомъ до Ротари, который потому именно и не означаетъ его подробнѣе въ эдиктѣ, изданномъ для Лангобардовъ. Впрочемъ, полное изслѣдованіе этого вопроса невозможно на основаніи одного эдикта 643 года. Г. К.—въ, Гегель (въ Исторіи городского устройства въ Италіи) и еще многіе другіе, рѣзко отдѣляя отъ этого памятника законодательство Ліутпранда, какъ позднѣйшее и возникшее при измѣнившихся условіяхъ, произвольно разрываютъ органическую связь явленій и вносятъ новыя и ненужныя трудности въ дѣло, и безъ того запутанное по недостатку ясныхъ свидѣтельствъ. Законы короля Ліутпранда представляютъ несомнѣнныя доказательства, что въ его государствѣ существовалъ классъ людей, жившій по римскому праву. Откуда взялись эти люди? Принимая въ соображеніе, что отъ эдикта Ротари до первыхъ законовъ Ліутпранда прошло не болѣе сорока лѣтъ, и допустивъ хотя до половины VII вѣка исключительное употребленіе лангобардскаго права въ отнятыхъ у Восточной имперіи областяхъ Италіи, мы рѣшительно не найдемъ выхода изъ лабиринта болѣе или менѣе удачныхъ предположеній и догадокъ. Гегель дошелъ до того, что видитъ въ «*Romanus homo*», о которомъ говорить Ліутпрандово законодательство, переселенца, выходца съ римской земли. По его мнѣнію, туземное населеніе Лангобардскаго королевства лишилось своего права, которое было снова внесено туда позднѣйшими эмигрантами.

Г. К.—въ объясняетъ это явленіе иначе, но немногимъ удовлетворительнѣе: «Мы имѣемъ нѣкоторое основаніе утверждать (говоритъ онъ), что во времена Ліутпранда правомъ жить по римскому закону пользовались и туземцы, то есть исконные жители тѣхъ странъ, ко-

торыя были во владѣніи Лангобардовъ... Было время, когда законъ только съ презрѣніемъ упоминалъ объ особенныхъ правахъ; но потомъ, когда принужденіе отпало, они болѣе вышли наружу». И все это совершилось въ теченіе 70 лѣтъ, безъ всякихъ намъ извѣстныхъ побудительныхъ причинъ! Зачѣмъ же было не сказать, почему именно и когда отпало принужденіе? Не проще ли допустить, что Римляне жили и при Ротари по собственному, а не по лангобардскому праву, которое касалось ихъ только своими государственными опредѣленіями, и что Лиутпрандъ призналъ этотъ фактъ не по новизнѣ его, а по возраставшей для государства важности?

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о правѣ, которое было въ употребленіи у покоренныхъ Лангобардами Итальянцевъ, находится другой, не менѣе значительный — о городахъ. Изъ предъидущаго можно уже составить себѣ приблизительное понятіе о точкѣ зрѣнія, съ какой намъ авторъ смотритъ на этотъ предметъ. Его выводы находятся въ рѣзкой противоположности съ извѣстною теоріею Савиньи:

«По идеѣ Савиньи, исторія городской общины въ новой, особенно бывшей лангобардской Италіи сводится болѣею частію къ исторіи «старой римской куріи, въ томъ предположеніи, что она не переставала существовать, именно въ Ломбардіи, до извѣстнаго движенія ломбардскихъ городовъ въ XII вѣкѣ: гипотеза, съ перваго взгляда бросающаяся въ глаза своею кажущеюся простотою и естественно-стію и повидимому представляющая легчайшій путь къ разрѣшенію одной изъ самыхъ трудныхъ историческихъ задачъ. Въ послѣднее время однако она встрѣтила себѣ сильное противорѣчіе даже отъ нѣкоторыхъ послѣдователей самого автора, и весьма основательно. На чемъ въ самомъ дѣлѣ основана гипотеза Савиньи? Прежде всего — на вѣроятныхъ соображеніяхъ, чтобы даже не сказать — на однихъ вѣроятныхъ соображеніяхъ. Утвердившись на нихъ, авторъ «старался потомъ прибрать къ своей мысли во всѣхъ вѣкахъ и доказательства историческія. Послѣднія, къ сожалѣнію, оказались гораздо слабѣе самыхъ соображеній; но авторъ уже слишкомъ убѣдился въ *вѣроятности* своего предположенія, чтобы повѣрить потомъ недостаточности историческихъ доказательствъ. Онъ остался при своемъ мнѣніи и развилъ его въ цѣлую систему.

«Всего страннѣе, что на самомъ первомъ планѣ Савиньи ставитъ «аналогію событій при основаніи другихъ германскихъ государствъ

«на римской почвѣ». «Но эта аналогія идетъ вовсе не такъ далеко, что-бы сходство простиралось на всѣ явленія. Что, напримѣръ, общаго между тѣми началами, по которымъ дѣйствовалъ устроитель остготскаго государства, и тѣмъ духомъ, который управлялъ Лангобардами, когда они утвердились въ Италіи? Второе вѣроятное основаніе состоитъ въ сходствѣ самыхъ городскихъ учреждений XII вѣка съ старыми муниципальными римскими учрежденіями. Но кромѣ того, что это сходство ограничивалось лишь общими чертами, какую силу можетъ имѣть подобное основаніе, какъ скоро оно тутъ же, на мѣстѣ, не подкрѣплено настоящими историческими указаніями, которыя бы положительно засвидѣтельствовали дѣйствительное существованіе куріи во всѣ вѣка данного пространства времени? Безъ доказательствъ же, не равно ли сильно другое предположеніе, то есть, что учрежденія XII вѣка были взяты изъ непрерывно продолжавшейся традиціи? Какъ на послѣднее вѣроятное основаніе, указываетъ авторъ на непрерывное продолженіе римскаго права въ Италіи. Но во первыхъ, не можетъ служить прочнымъ основаніемъ для новыхъ предположеній такая мысль, которая требуетъ болѣе твердыхъ доказательствъ, нежели тѣ, какія приведены авторомъ. Во вторыхъ, непрерывное существованіе римскаго права, еслибы оно было положительно доказано, не доказывало ли бы также возможности непрерывной римской традиціи и относительно самыхъ учреждений? Если римское вообще не умирало въ народѣ, то почему бы умерла въ немъ память о томъ, что нѣкогда было ему особенно дорого?

«На подобныхъ зыбкихъ основаніяхъ едвали можно воздвигать многое, или на нихъ можно строить такъ же мало, какъ и на основаніи совершенно противоположныхъ вѣроятностей, если только онѣ тотчасъ же не подкрѣплены дѣйствительными, историческими свидѣтельствами. Итакъ *вѣроятныя* основанія Савиньи имѣютъ силу только по мѣрѣ значительности *историческихъ* свидѣтельствъ, приводимыхъ имъ. Но, какъ мы уже замѣтили, эти свидѣтельства еще не нѣе удовлетворительны. Каково бы ни было ихъ численное количество, во всякомъ случаѣ сила ихъ уже значительно ослабляется тѣмъ, что прямаго доказательства въ пользу мысли Савиньи — нѣтъ ни одного. Авторъ долженъ былъ ограничиться собраніемъ лишь косвенныхъ указаній, какъ бы предполагающихъ существованіе «куріи».

Слѣдуетъ думать, что приговоръ, произнесенный г. К.—мъ надъ знаменитымъ историкомъ римскаго права въ Среднихъ вѣкахъ слишкомъ строгъ и требуетъ новыхъ, не найденныхъ нами въ сочиненіи о «Судьбахъ Италіи» подтвержденій. Должно однако замѣтить, что эта часть разбираемой нами книги отдѣлана съ особеннымъ стараніемъ и талантомъ. Авторъ свелъ въ одно цѣлое все, что сдѣлано было его иностранными предшественниками на этомъ поприщѣ, и дополнялъ ихъ изслѣдованія своими собственными. Но борьба съ Савиньи не легкое дѣло. Старый боецъ до сихъ поръ не сбитъ съ поля и не опустилъ меча предъ своими молодыми, отчасти имъ же воспитанными противниками. Нашимъ читателямъ, вѣроятно, извѣстны состояніе римской куріи въ эпоху распаденія Западной имперіи и доводы Савиньи въ пользу дальнѣйшаго существованія этого учрежденія. Здѣсь не мѣсто подробному разбору, который потребовалъ бы отдѣльнаго сочиненія; мы ограничимся указаніемъ на главные пункты спора и выводомъ, къ которому привело насъ собственное изученіе предмета.

Г. К.—въ принимаетъ временное существованіе городской куріи въ византийской Италіи, указывая притомъ на упадокъ этого учрежденія и его несоотвѣтственность съ новыми требованіями общества.

«По счастью, курія не была тождественна со всею городскою общиною; все, что было сильно въ матеріальномъ или нравственномъ отношеніи и однако оставалось внѣ куріи, не истреблялось, не пропадало даромъ, но слагалось подлѣ нея, какъ элементъ для будущихъ возрожденій. Уже въ V вѣкѣ «*honogati*» и «*possessores*» не сливаются въ одно съ куріей, но стоятъ подлѣ нея, какъ особое сословіе, и вмѣстѣ съ куріалами составляютъ почетнѣйшее общество города. Принявъ характеръ наследственной касты, курія естественно не могла вмѣщать въ себѣ ни выслужившихся чиновниковъ, отличавшихъ по службѣ (*honogati*), которыхъ число должно было умножаться съ каждымъ поколѣніемъ, ни тѣхъ свободныхъ владѣльцевъ («*possessores*»), которые вновь приобрѣтали свои имѣнія и потому также оставались за предѣлами куріи. Это были новыя силы, которыя росли и росли въ тишинѣ, между тѣмъ какъ курія истощалась подъ бременемъ наложенныхъ на нее тяжестей».

Въ примѣчаніи авторъ прибавляетъ: «Отдѣленіе *honogati* и *possessores* отъ собственной куріи есть безъ сомнѣнія одинъ изъ самыхъ важныхъ результатовъ, добытыхъ изслѣдованіемъ Гегеля». Призна-

ося, мы не видимъ здѣсь ничего особенно важнаго, потому что результатъ далеко не окончательный и нуждается въ тщательной повѣркѣ. Гегель, даже по словамъ нашего автора, остановился на общихъ признакахъ, не входя въ подробности. Но откуда выводъ г. Б — въ, что курія приняла вполне характеръ наследственной, не обновляемой новыми элементами касты? Раскрываемъ кодексъ Θεοδοσία (de Desurion 1, 12) и находимъ, что курія состояла изъ членовъ наследственныхъ (originales) и избираемыхъ для пополненія числа куріаловъ (pominati). Долго ли она держалась въ этомъ составѣ, нельзя опредѣлить; но можно съ достовѣрностью сказать, что, при занятіи имперскихъ областей варварами, курія временно поднялась, получила высшее противъ прежняго значеніе и въ послѣдствіи, уступая мѣсто новымъ, болѣе своевременнымъ городскимъ учрежденіямъ, оставила на нихъ слѣдъ своего существованія. Объ этомъ мы еще скажемъ нѣсколько словъ далѣе. Развивая свое мнѣніе о состояніи итальянскихъ городовъ, г. Б — въ прекрасно изложилъ происхожденіе и важность городского ополченія (militia). Можно не согласиться съ нимъ только въ двухъ пунктахъ. Во первыхъ, намъ кажется, что онъ слишкомъ поздно выводитъ на сцену это ополченіе, по всей вѣроятности образовавшееся до Лангобардовъ, или по крайней мѣрѣ, тотчасъ послѣ ихъ прибытія. Достаточнымъ классамъ Италіи нельзя было не принять мѣръ для собственной безопасности въ виду постоянно грозившаго имъ германскаго нашествія съ одной стороны и бѣдности оборонительныхъ средствъ у экарха съ другой. Города, поддерживаемые въ этомъ дѣлѣ правительствомъ, стали на военную ногу, составили собственные ополченія и тѣмъ самымъ дали Византіи возможность удержать за собою берега Италіи. Раздѣленіе городскихъ жителей на «школы» по занятіямъ и національностямъ имѣло, очевидно, не одну полицейскую цѣль. Образцомъ служили *scholae militiae*, какъ замѣтилъ еще Лео (Исторія Италіи, I, 53). Во вторыхъ, г. Б — въ приписываетъ этой милиціи слишкомъ аристократическій характеръ, допуская въ ея составъ только почетныя сословія — *honogati* и *possessores*. Въ такомъ случаѣ она была бы крайне малочисленна и не въ состояніи играть той роли, какая принадлежала ей въ VII столѣтіи. Для насъ несомнѣнно участіе ремесленныхъ школъ, или цеховъ, въ городскомъ ополченіи. Замѣтимъ еще, что классъ *judices*, которыхъ г. Б — въ принимаетъ за чиновниковъ, вообще имѣлъ, повидимому, не одно служебное

значеніе. Изъ свидѣтельствъ, собранныхъ Вильмансомъ (Wilman), въ статьѣ «Римъ отъ V до VIII вѣка», помѣщенной въ историческомъ журналѣ Шмидта (1844, II, 145), можно вывести заключеніе, что *judices* составляли высшее, аристократическое сословіе въ городахъ, безъ служебныхъ отношеній. Тщательное изслѣдованіе этого вопроса могло бы пролить свѣтъ на послѣднія судьбы *куріи*.

Допуская кратковременное существованіе *куріи* въ византійской Италіи, нашъ авторъ отрицаетъ ее совершенно въ лангобардскихъ городахъ. Эта часть его изслѣдованій есть вѣрный и строго логическій выводъ изъ невѣрнаго понятія, какое онъ себѣ составилъ о положеніи Римлянъ подъ владычествомъ Альбоиновыхъ преемниковъ. Не считая нужнымъ повторять въ нашей статьѣ доводы, съ такою ясностію и остроуміемъ изложенные въ «Исторіи римскаго права въ среднихъ вѣкахъ», ограничимся немногими возраженіями. Законы короля Лиутпранда упоминаютъ положительно о живущихъ по своему праву туземцахъ. Кто бы ни былъ этотъ *homo Romanus* — потомокъ прежнихъ жителей края, или выходецъ съ земель, не завоеванныхъ Лангобардами — онъ велъ свои тяжбы на основаніи римскаго гражданскаго права, слѣдовательно, въ особенномъ, не лангобардскомъ судѣ. Современные памятники не упоминаютъ объ этомъ судѣ и его составѣ; существованіе его однако неоспоримо, если были люди, жившіе по римскому праву. Неужели лангобардскимъ судьямъ предоставлено было толкованіе введеннаго въ Италію послѣ Остготовъ Юстиніаномъ законодательства и соблюденіе строгихъ и ученыхъ формъ связаннаго съ нимъ судопроизводства? Такой вопросъ, кажется, не требуетъ отвѣта. Гдѣ же, какъ не въ *куріи*, быть можетъ видоизмѣненной, сохранившей только часть своей прежней дѣятельности, именно судебную, находилъ удовлетвореніе римскій истецъ противъ своего соплеменника? О правѣ, какъ сказано, молчатъ источники, до насъ дошедшіе. Они какъ будто не знаютъ ни римскаго суда, ни *куріи*. Слѣдуетъ ли изъ ихъ молчанія заключить, что въ лангобардскихъ городахъ не было ни того, ни другаго? Надобно притомъ принять въ соображеніе необыкновенную скудость историческихъ памятниковъ, относящихся къ періоду, о которомъ здѣсь идетъ дѣло, и признаться, что ихъ отрывочныя и мутныя показанія сами по себѣ никакъ не могутъ служить основой для удовлетворительнаго изложенія тогдашнихъ отношеній. Догадливости новаго изслѣдователя открывается

обширное поле, и г. К—въ, обвиняющій Савиньи въ произволѣ, не устоялъ самъ противъ понятнаго искушенія возстановить мыслію, почти безъ фактовъ, цѣлый бытъ, завѣщавшій намъ такъ мало преданій о себѣ. Укорять его за эту попытку было бы несправедливо: она оправдана свойствомъ матеріаловъ и остроуміемъ отдѣльныхъ предположеній. Какъ ни возстаютъ противники Савиньи на приложеніе законовъ исторической аналогіи къ государству Лангобардовъ, которое дѣйствительно отличается оригинальнымъ своимъ положеніемъ и развитіемъ, но только чрезъ аналогію получимъ мы возможность объяснять, по крайней мѣрѣ приблизительно, многія, иначе вовсе необъяснимыя явленія. Къ числу такихъ явленій принадлежитъ участь куріи подъ лангобардскимъ владычествомъ. Извѣстно, до какого состоянія дошли куріалы въ послѣдніе годы Западной имперіи. Переходъ подъ власть германскихъ королей измѣнилъ ихъ положеніе къ лучшему, потому что снялъ съ нихъ часть той тяжелой отвѣтственности, которой они были до тѣхъ поръ беззащитными жертвами. Сверхъ того, высшее, административное и судебное сословіе въ городахъ не могло не получить большей важности при паденіи всѣхъ другихъ властей, изъ которыхъ слагалось общее управленіе имперіи. Вотъ почему родовая и служебная аристократія римская, жившая въ провинціяхъ и избавленная своими привилегіями отъ засѣданія въ куріи, примкнула къ ней, утративъ свое имперское значеніе и часть поземельной собственности. Сенаторскія фамиліи и бывшіе государственные сановники спѣшили укрыться въ городахъ отъ обидъ и насилій, которымъ они подвергались, живя въ своихъ помѣстьяхъ. Они вступили въ курію и сообщили ей давно утраченное достоинство и вліяніе. Званіе куріала перестало быть унизительнымъ... Мы приводимъ здѣсь не простыя, основанныя на вѣроятностяхъ предположенія наши, а факты, составляющіе результатъ превосходныхъ изслѣдованій ученаго, въ трудахъ котораго г. К—въ питаетъ, подобно намъ, полное и совершенно заслуженное довѣріе. Вотъ что говоритъ Форіель (Исторія Южной Галліи подъ владычествомъ Германцевъ. 453): «Многіе изъ благородныхъ Галло Римлянъ, потерявъ высшія должности имперіи и предпочитая скромныя муниципальныя почести совершенной безвѣстности частной жизни, вступили въ сословіе декуріоновъ и приняли отъ него мѣста, которымъ естественно сообщили новый блескъ. Достоверно, что это случилось въ городѣ Вьенѣ, около 500 года. Та-

мошній сенатъ былъ, по сохранившимся извѣстіямъ, весьма многочисленъ и наполненъ знатными лицами». Около того же времени, многія куріи, не довольствуясь болѣе этимъ названіемъ, замѣнили его болѣе громкимъ именемъ — сената. Въ письмахъ Сидонія Аполлинарія встрѣчаемъ выраженія, показывающія, что куріалы пользовались значительнымъ уваженіемъ. Онъ называетъ ихъ: *summates viri; civium maximi*. О цѣлой куріи онъ отзывается такъ: *civium honoratissimi ordo praesclarus*. Но это было въ Галліи, скажутъ намъ, а рѣчь идетъ объ Италіи. Мы ужь упомянули о бѣдности источниковъ для лангобардскаго періода итальянской исторіи, но къ этому должно прибавить, что нигдѣ отношенія Германцевъ къ римскому населенію не представлены такъ отчетливо, какъ въ памятникахъ, принадлежащихъ Галліи. Исслѣдователь по неволѣ обращается къ этимъ памятникамъ, встрѣчая въ современной исторіи другихъ римскихъ провинцій, занятыхъ Германцами, явленія, которыя нельзя понять изъ мѣстныхъ источниковъ. Мы вовсе не думаемъ впрочемъ натягивать аналогіи и замѣнять недостатокъ лангобардскихъ извѣстій свидѣтельствами о Вестготахъ или Франкахъ, но съ другой стороны считаемъ себя въ правѣ прибѣгнуть къ употребленному нами роду доказательствъ, когда г. К—въ говоритъ о паденіи куріи вообще. Признаки ея дальнѣйшей дѣятельности въ итальянскихъ городахъ ясно сохранились до VIII вѣка въ именахъ чиновниковъ, которыхъ занятія находились въ тѣсной связи съ римскими муниципальными учрежденіями. Сюда принадлежатъ *sigator, excceptor, monetarius, regaeuator*. «Все это очень далеко отъ того, чтобы курія сохранила свою прежнюю самостоятельность», говоритъ нашъ авторъ, ссылаясь на Гегеля. О самостоятельности не можетъ быть и рѣчи, а говорится только о существованіи. Управление городомъ и надзоръ надъ участвовавшей въ неизвѣстномъ намъ составѣ куріей были, разумѣется, предоставлены лангобардскимъ сановникамъ. Наконецъ, неужели г. К—въ, при его неоспоримомъ историческомъ смыслѣ, станетъ отрицать живую связь между лангобардской Италіей и ломбардскими республиками XII вѣка? Онъ упоминаетъ, правда, о непрерывной *традиціи*; но эта традиція (неохотно употребляемъ нерусское и бесполезное у насъ слово) является у него чѣмъ-то отвлеченнымъ и теоретическимъ.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на Италію при Лангобардахъ и постараемся составить себѣ понятіе объ общемъ характерѣ этого края

въ періодѣ, отдѣляющемъ пришествіе Альбоина отъ Деизидеріева плѣна. Вставленное въ оправу византійскихъ владѣній, протянутое между ними длинною, мѣстами чрезвычайно узкою полосою, лангобардское государство сохранило, какъ показано выше, часть своего первоначальнаго военнаго устройства. Задача его еще не была кончена: завоеваніе Аппенинскаго полуострова замедлилось, но отъ него, не отказались вожди лангобардскіе. Они повидимому понимали непрочность своей власти, пока въ Италіи оставались независимыя отъ нихъ земли. Внутри государства совершалось нескоро, какъ бы неохотно съ обѣихъ сторонъ, сближеніе побѣдителей и покореннаго племени. Процессъ этого сближенія и его результатовъ прекрасно раскрытъ г-нъ К—мъ.

«Два общества, нисколько не похожія одно на другое, но поставленные рядомъ, стремятся, каждое впрочемъ своимъ образомъ, къ тому, чтобы сгладить раздѣляющую ихъ черту и слиться въ одно. Это главная черта, которая проходитъ черезъ все развитіе, хотя и мало сознается современниками. Но какому закону слѣдуетъ это общее стремленіе? Гдѣ для него центръ тяготѣнія? Не въ римскомъ обществѣ — скажемъ сначала отрицательно. Лангобардъ хочетъ насильственнаго покоренія римскаго общества *своему* закону; Римлянинъ, ищущій для себя полноты гражданскихъ правъ, старается пробиться, болѣе ловкостію, нежели силою, также внутрь *лангобардскаго* общества. Итакъ послѣднее остается идеаломъ для той и другой стороны; къ его осуществленію направлены общія усилія. Но вступая въ права свободнаго гражданина, или, что тоже, занимая мѣсто въ лангобардскомъ обществѣ, Римлянинъ переноситъ сюда свой языкъ, свои нравы, свои понятія; во всемъ этомъ онъ выше окружающихъ его варваровъ; онъ скорѣе самъ служитъ образцомъ для подражанія, чѣмъ подражаетъ другимъ. Нельзя, чтобы принимая Римлянъ въ свое общество (или, что тоже, дѣлая ихъ свободными), Лангобарды не принимали и ихъ образованныхъ понятій, какъ они усвоили себѣ ихъ языкъ, обычаи, одежду. Перевѣсъ оставался на сторонѣ *лангобардскаго* общества: оно привлекало, притягивало къ себѣ Римлянъ; но входя въ общество Лангобардовъ, Римлянинъ вносилъ въ него съ собою свои народныя элементы, которые вытѣсняли, или закрывали собою соответствующіе имъ элементы лангобардскіе. Удерживая свой постъ, сохраняя даже прежнюю силу духа,

«прежнюю энергію, лангобардское общество въ то же время перерабатывалось въ своемъ внутреннемъ содержаніи и принимало болѣе или менѣе римскія формы. Новое общество, которое выходило отсюда, не было ни лангобардское, ни римское, но въ немъ былъ элементъ *матеріальный* — лангобардскій, и элементъ *формальный* — римскій, или, говоря другими словами, непобѣдимая лангобардская энергія соединялась въ немъ съ тонко развитымъ римскимъ смысломъ».

Но отчего же Лангобарды, не уступавшіе въ смѣлости ни одному изъ племенъ германскихъ, не успѣли совершить того, что такъ легко удалось дружинамъ Одоакра и Остготамъ? Что помѣшало имъ овладѣть съ разу Италіей, на защиту которой Византійская имперія не расточала средствъ, ей самой необходимыхъ? Военное устройство городовъ, полагаемъ мы, то ополченіе, которое образовалось въ нихъ вѣроятно еще при Нарцессъ и не безъ его содѣйствія. Долгая оборона Павіи противъ Альбонна могла бы служить нѣкоторымъ образомъ подтвержденіемъ нашему мнѣнію. Борьбу велъ уже не эвзархъ, располагавшій малочисленными византійскими войсками — отдѣльные города защищали себя сами. Германская дружина встрѣтила вооруженную, воинственную общину и принуждена была остановиться въ наступательномъ движеніи своемъ. Такое отношеніе между лангобардской и византійской Италіей сохранилось до VIII-го столѣтія и обнаружило большое вліяніе не только на внѣшнія судьбы края, но и на нравственный характеръ жителей.

Главнымъ слѣдствіемъ основанія лангобардскаго государства въ Италіи было, по мнѣнію Лео, которое мы позволяемъ себѣ привести здѣсь въ извлеченіи — совершенное измѣненіе національнаго итальянскаго характера. Римское владычество надъ полуостровомъ приучило жителей къ порядку и покорности, сохранившимся до прихода Лангобардовъ. Завоеванія Альбонна и его преемниковъ скоро развили то своеволіе мысли и поступковъ, которыми Итальянцы отличаются до сихъ поръ отъ другихъ европейскихъ народовъ. Воспитанное Римомъ уваженіе къ закону выразилось въ нѣкоторыхъ отдѣльных явленіяхъ итальянской исторіи, но въ цѣломъ взяла верхъ новая, внесенная Лангобардами склонность къ жизни, не связанной никакими обязательными для нравственнаго человека условіями. Кромѣ самой природы страны, два обстоятельства особенно содѣйствовали этой перемѣнѣ: 1) Лангобарды пришли дружиной и составили воен-

ную колонію на покоренной им почвѣ; 2) смежность лангобардскихъ и византійскихъ владѣній, которыхъ границы образовали двѣ длинныя линіи вдоль всего полуострова и сообщили жителямъ болѣе вѣшной независимости, чѣмъ можно было ждать при другихъ географическихъ условіяхъ. Нужно ли говорить о влияніи, какое имѣютъ на народъ постоянныя переходы съ одного мѣста на другое, продолжительная отвычка отъ родины и домашнего очага? Тревожная, полукочевая жизнь, какую вели Лангобарды, покинувъ берега родимой Эльбы, неминуемо должна развивать особенныя нравы и пороки. Вырастаютъ цѣлыя поколѣнія бездомныхъ, воспитанныхъ подъ походнымъ шатромъ людей, у которыхъ боевая отвага и предприимчивость замѣняютъ всѣ другія, иѣкогда принадлежавшія ихъ племени, добродѣтели. Счастливое удаельство выкупааетъ недостатки, нестерпимыя при иномъ бытѣ. Семейныя связи не могутъ сохраниться въ той чистотѣ и крѣпости, которыя даетъ мирная обѣдая жизнь; связь съ отечествомъ — основа народной нравственности — слабѣетъ и умираетъ во все по мѣрѣ отдаленія отъ него. Ко всему этому надобно прибавить непрерывныя столкновенія съ чуждыми народами и смѣшеніе съ ними. Еще не доходя до границъ Италіи, лангобардское племя приняло значительную примѣсь отъ Саксовъ, Тюринговъ и Гепидовъ. Въ послѣдствіи къ нимъ присоединились Аллеманы и Бавары. При такомъ составѣ дружинъ, приведенныхъ Альбоиномъ въ Италію, при внутренней порчѣ, которая была слѣдствіемъ этого состава, судьба покореннаго края была рѣшена напередъ. Мы видѣли какъ разыгралась дикая воля побѣдителей на счетъ отданнаго ей туземнаго населенія. У Лангобардовъ незамѣтно вовсе, по крайней мѣрѣ въ первое столѣтіе ихъ государственной жизни, того почти суевѣрнаго уваженія къ остаткамъ римской древности, какими были пропитаны ихъ предшественники на той же почвѣ — Готы. Римское и германское начала сошлись въ Италіи враждебно, чѣмъ гдѣ либо; и когда первое одержало наконецъ перевѣсъ надъ вторымъ, оно прямо прикинуло къ древнему міру и принадлежавшимъ ему формамъ, отвергая все промежуточное развитіе, какъ незаконное и ложное. Такъ смотрѣлъ на прошедшія судьбы роднаго полуострова Маніавель.

Доказательствомъ того, какъ труденъ былъ для лангобардскаго дружинника переходъ отъ прежней, необузданной воли къ новому, весьма впрочемъ не строгому гражданскому порядку, можетъ служить

трагическая кончина Альбоина, Клеа и других королей лангобардских. Изъ шести предшественниковъ Ротари только двое умерли естественною смертию. Зато первая статья эдикта Ротари, допускающаго кровавую месть и систему виръ, полагаетъ смертную казнь за всякое покушеніе противъ безопасности главы народа. Законодатель, имѣвшій въ виду государство, а не дружину, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, подъ явнымъ вліяніемъ христіанскихъ и римскихъ идей о верховной власти. Но его дикири-Германцы не были въ состояніи возвыситься до его цѣлей и смотрѣли на его попытку, какъ на самовольное ограниченіе своихъ правъ и обычаевъ. Географическое положеніе очень много содѣйствовало безнаказанности преступленій въ государствахъ Лангобардовъ. Близость римской границы всегда давала возможность укрыться отъ преслѣдованій правительства. Эззархъ и другіе византійскіе сановники охотно принимали бѣглецовъ. Зато, недовольные своимъ положеніемъ, или гонимые за совершенные ими проступки Римляне, преимущественно знатные и богатые, находили, въ качествѣ варганговъ, надежное убѣжище у Лангобардовъ. Изъ этого страннаго порядка вещей, образовавшаго многочисленный классъ людей, внутренне не подчинявшихся никакому закону, выросъ, можно сказать, характеръ новыхъ Итальяцевъ. Тогда уже обнаружилась у нихъ ненависть ко всякой сильной и близкой отъ нихъ власти. Итальянецъ рано высказалъ роковое начало, лежащее въ основаніи его средневѣковой политики: «кто хочетъ жить свободно, тотъ долженъ служить двумъ господамъ» (Лиутпрандъ Кремонскій въ X столѣтіи). Вотъ почему прекраснѣйшая страна и самое даровитое племя юго-западной Европы обречены были на служеніе иноземцамъ. Только внѣшняя сила могла до сихъ поръ сообщать нѣкоторое политическое единство народу, которому не даромъ дано названіе *gens incompressibilis*. Эти нравственные причины дальнѣйшаго развитія итальянской исторіи не были, по нашему мнѣнію, достаточно оцѣнены г. К—мъ, котораго вниманіе преимущественно обращено на развитіе папской власти, какъ учрежденія, имѣвшаго сверхъ своего всеобщаго, католическаго, еще мѣстный, чисто національный характеръ.

«Имперія была слишкомъ мало внимательна къ тому важному элементу, которое происходило теперь въ Италіи. На основаніи духовнаго авторитета и при помощи остатковъ старой національности, здѣсь полагались основанія новой общественной власти. Еще нинѣш-

«не признавая, еще сама не довольно сознавая свое новое значеніе, она ужь далеко вокругъ себя простирала свое дѣйствіе. Въ то время, какъ экзархъ, стѣсненный обстоятельствами, болѣе и болѣе сокращалъ свою дѣятельность въ предѣлахъ подлежащей ему области, авторитетъ римскаго престола распространялъ свое вліяніе даже за предѣлы экзархата. Подъ этимъ вліяніемъ раздѣленная Италія опять начинала находить нѣкоторое соединеніе. Начинали съ того, что признавали духовный авторитетъ римскаго престола, оканчивали тѣмъ, что не отвергали и нѣкотораго правительственнаго надзора съ его стороны. Въ той степени, какъ распространялось римское вліяніе, падалъ авторитетъ экзарха».

«Распространенію духовнаго авторитета римской церкви помогло самое нашествіе лангобардское. Въ сѣверной Италіи, именно въ Миланѣ, былъ особый архіепископскій престолъ, который, по своему положенію и авторитету, могъ бы соперничать съ римскимъ, по крайней мѣрѣ быть отъ него совершенно независимымъ. Спорное ученіе о «трехъ главахъ», на сторону котораго въ послѣднее время склонялся архіепископъ миланскій, дѣлало раздѣленіе между ними еще болѣе рѣзкимъ. Нашествіе лангобардское, внесши съ собою аrianизмъ, почти сгладило имъ тотъ слабый отбѣнокъ, который до сего времени раздѣлялъ два престола въ религіозномъ отношеніи. Бѣжавъ отъ арианъ-побѣдителей, миланскій архіепископъ искалъ себѣ убѣжища въ Генуѣ. Вмѣстѣ съ нимъ удалился въ Геную и весь миланскій католическій клиръ. Это обстоятельство также обратилось въ пользу римскаго авторитета. Проживая въ Генуѣ, миланскій архіепископъ не могъ обойтись безъ поддержки со стороны римскаго престола, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ притязаній на независимость и не противорѣчить, принимая поставленіе отъ римскаго. Въ послѣдствіи, еслибы даже архіепископъ возвратился въ Миланъ, ему бы ужь не легко было снять съ себя это подчиненіе. Не менѣе опаснымъ соперникомъ римскому престолу въ Италіи могъ бы быть епископъ равенскій. Но Равенна была также резиденціей экзарха, и положеніе епископа въ ней вовсе не было такъ свободно и самостоятельно, какъ въ Римѣ. Не отрицая подчиненія Риму, онъ хотѣлъ лишь удержать нѣкоторыя отличія, издавна принадлежавшія его престолу, впрочемъ ужь не отрицая болѣе высшаго авторитета римской церкви. А впереди еще лежала возмож-

ность новыхъ успѣховъ католической церкви среди аріано-лангобардскаго міра, которые должны были обратиться въ пользу того же авторитета.

«Но гораздо болѣе, чѣмъ внѣшнимъ распространеніемъ круга своей дѣятельности, власть утверждается прямымъ, непосредственнымъ участіемъ въ главныхъ отправленіяхъ общественной жизни, силою и постоянствомъ того вліянія, которое она на нихъ оказываетъ, и наконецъ, общимъ достоинствомъ своего поведенія. Мы уже видѣли частію ту дѣятельность, которую обнаруживалъ римскій престолъ въ принятіи мѣръ для безопасности Италіи отъ лангобардскаго нашествія; — мы видѣли ее въ большихъ и малыхъ размѣрахъ. Внутренняя жизнь Италіи того времени терпѣла впрочемъ не отъ внѣшнихъ только враговъ. Предсмертное разстройство имперіи оставило по себѣ много печальныхъ слѣдовъ, ощутительныхъ особенно во внутреннемъ управленіи страны, въ судебномъ порядкѣ, въ разложеніи и собираніи налоговъ, вообще въ тѣхъ отправленіяхъ гражданской жизни, отъ которыхъ наиболѣе зависитъ общественное благосостояніе. Это были коренные, вопіющіе недостатки, исправленіемъ которыхъ однако не могла озаботиться Восточная имперія, овладѣвъ Италіею, потому что сама страдала тѣмъ же недугомъ. Едва ли даже могли желать этого исправленія въ Константинополѣ, гдѣ вообще такъ мало думали о настоящихъ интересахъ Италіи. Изъ Равенны гоже смотрѣли сквозь пальцы на безпорядки во внутреннемъ управленіи странюю, потому что экзархи не приносили съ собою, сколько мы знаемъ, ни твердой воли, ни довольно средствъ, чтобы съ успѣхомъ дѣйствовать противъ злоупотребленій. Пришельцы изъ чужой земли, они не показывали ни большаго усердія къ выгодамъ Италіи, ни особенной способности въ управленіи ею. Иначе чувствовали и думали въ Римѣ, чѣмъ въ Равеннѣ. Тамъ интересы Италіи принимались какъ свои собственные, тамъ хотѣли облегчать не внѣшнія только раны ея, но и внутреннія болѣзни; тамъ никогда не оставались равнодушны при видѣ тѣхъ страданій, которыя терпѣлъ народъ, но старались войти во всѣ нужды жителей и по мѣрѣ возможности подавать нуждающимся пособіе, дѣйствовать и авторитетомъ и увѣщаніемъ. Въ дѣятельности этого рода Григорій былъ не менѣе неутомимъ, какъ и въ усиліяхъ своихъ помогать Италіи противъ нашествій Лангобардовъ (168).

«На основаніи того полномочія, которое уже Юстиніанъ давалъ епископамъ по отношенію ко всему управленію въ провинціяхъ, Григорій присвоилъ себѣ право высшаго надзора за дѣйствіями правителей. Надзоръ болѣе моральнаго свойства, нежели правительственный, который могъ однако вести очень далеко, будучи поддерживаемъ общимъ сочувствіемъ ко всѣмъ дѣйствіямъ римскаго престола. Средства же держать эту моральную цензуру надъ правителями итальянскихъ провинцій были всегда въ рукахъ Григорія. Рѣдкій значительный городъ не имѣлъ своего епископа; а кому лучше было знать о распоряженіяхъ мѣстнаго управленія, какъ не мѣстными епископами? Всѣ они, или почти всѣ, уже подчинены были римскому престолу, и кромѣ того, что находились съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, время отъ времени съѣзжались въ Римъ для совѣщаній съ Григоріемъ. О томъ, что происходило въ провинціяхъ, Григорій могъ быть также постоянно извѣщаемъ чрезъ своихъ респонсаловъ (гес-ропсалае) или апокрисиаріевъ, особыхъ чиновниковъ, чрезъ которыхъ римскій епископъ сносился съ своими субдіаконами, и которые, часто перелѣзая съ мѣста на мѣсто, почти всегда были въ состояніи лично узнать состояніе той или другой провинціи (176)... Въ дѣятельности этого рода ревность Григорія не ограничивалась лишь предѣлами твердой земли Италіи: она простиралась и на всѣ близъ лежащіе острова, на всю область равеннскаго экзарха, временемъ заходила даже въ предѣлы африканской провинціи. Пренебреженіе религіозныхъ интересовъ со стороны свѣтскихъ правителей было естественно первое, чѣмъ они навлекали на себя строгую цензуру Григорія. Но она точно также падала потомъ и на тѣ злоупотребленія власти, которыми они грѣшили противъ гражданской совѣсти. Въ важныхъ случаяхъ, когда злоупотребленія пустили уже глубокіе корни, Григорій, минуя экзарха и всякое посредство, доводилъ свои жалобы прямо до свѣдѣнія константиновскаго двора (177)».

Можно смѣло сказать, что г. К.—въ первый прослѣдилъ во всѣхъ подробностяхъ отношенія папскаго престола къ возникавшей подъ его стѣною итальянской народности. Мы не послѣдуемъ за нимъ въ его превосходныхъ розысканіяхъ, потому что намъ болѣею частью пришлось бы повторять въ сокращеніи его же слова; но нельзя не указать читателямъ на образцовыя характеристики отдѣльныхъ намъ (особенно Григорія Великаго) и на весь отдѣлъ, посвященный Визан-

тѣмъ. Всякій, кто нѣсколько знакомъ съ настоящимъ состояніемъ исторической литературы, оцѣнитъ по заслугамъ самостоятельныя и остроумныя изслѣдованія нашего автора на трудномъ поприщѣ, гдѣ, кромѣ Гиббона и Шлоссера, у него не было достойныхъ предшественниковъ. Онъ пользовался трудами этихъ двухъ писателей, но шелъ собственнымъ путемъ и подвергъ ихъ выводы тщательному, почти недовѣрчивому пересмотру. Отсюда произошло значительное различіе и въ общихъ взглядахъ, и въ изложеніи частныхъ. Въ большей части такихъ спорныхъ случаевъ, мы не колеблясь готовы стать за русскаго историка; но не считаемъ себя въ правѣ согласиться безусловно съ его приговоромъ надъ политикою восточныхъ императоровъ относительно Италіи. Ихъ владѣнія по ту сторону Адриатическаго моря были для нихъ тѣмъ же, чѣмъ Алжиръ сталъ для Франціи. Уступка такихъ владѣній врагу кажется оскорбительною для народной чести, а сохраненіе и защита ихъ стоили огромныхъ, не вознаграждаемыхъ никакими выгодами издержекъ. Въ особенности несправедливъ г. К.—въ ко Льву Исавру и къ Константину Копрониуму. Оставляя въ сторонѣ споръ за иконы, нельзя не признать въ этихъ государяхъ великихъ качествъ, дающихъ имъ полное право на уваженіе потомства. Западные историки высоко цѣнятъ подвигъ Карла Мартела, отразившаго напоръ передовой мухаммеданской рати и чрезъ то отвратившаго отъ европейскихъ народовъ опасность, которою грозили имъ со стороны ислама. Заслуга была безспорно великая. Но можно ли поставить на ряду съ побѣдою при Пуатье, одержанною надъ намѣстникомъ Испаніи, тѣ славныя войны, которыя Левъ Исавръ и его жестокій, но даровитый и смѣлый сынъ вели противъ всѣхъ силъ находившагося въ полной крѣпости калифата? Не была ли и съ этой стороны отражена опасность, еще большая быть можетъ? Принимая въ соображеніе тогдашнее положеніе имперіи, мы рѣшительно не въ правѣ ставить въ вину Льву и Константину ихъ равнодушіе къ далекимъ отъ нихъ итальянскимъ областямъ. Ихъ вниманіе устремлено было въ другую сторону. Вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи христіанскаго государства на берегахъ Воспора рѣшался въ Малой Азіи и склонялъ собою все остальное.

Въ трехъ послѣднихъ главахъ своего сочиненія, авторъ «Судебъ Италіи» подробно изложилъ исторію папскихъ сношеній съ Каролингами. Предметъ этотъ повидимому истощенъ прежними историками и

не представляет уже ничего нового знающему читателю. Однако внимательная повѣрка источниковъ доставила г. К—ву возможность сообщить особенную занимательность этой части своего труда. Мы должны впрочемъ замѣтить, что основная мысль, высказанная имъ по поводу виѣшательства Франковъ въ дѣла Аппенинскаго полуострова, противорѣчитъ ходу событій и принадлежитъ къ числу остроумныхъ, но едва ли плодотворныхъ для науки предположеній. Въ спорѣ между лангобардскими королями и папами, г. К—въ горячо принимаетъ сторону первыхъ и предлагаетъ вопросъ: «что было бы съ Италіей, еслибъ призваніе Франковъ папами не помѣшало ей соединиться въ одно государство подъ властію Лангобардовъ»? Отвѣтъ дала исторія, оправдавшая Захарію, Стефана и Адріана великолѣпнымъ развитіемъ итальянской жизни въ XII, XIII и слѣдующихъ вѣкахъ. И неужели могло папство добровольно сойдти съ той высоты, на которую возвелъ его движеніе событій, и уступить мѣсто ненавистному племени, на которое до сихъ поръ итальянскіе историки слагаютъ главную отвѣтственность за послѣдующія несчастія своей родины? Подробный разборъ этого вопроса, отъ рѣшенія котораго зависѣла не только судьба Италіи, но и вся исторія Среднихъ вѣковъ, не можетъ быть предметомъ настоящей статьи. Мы въ правѣ впрочемъ надѣяться, что г. К—въ не остановится на порогѣ итальянской исторіи, и что его дальнѣйшіе труды дадутъ намъ возможность изучить въ болѣе близкой связи съ послѣдними явленіями владычество Каролинговъ надъ Аппенинскимъ полуостровомъ и высказать вполне наше противоположное его мнѣніямъ убѣжденіе.

Мы далеко не изчислили всѣхъ достоинствъ и не показали всѣхъ спорныхъ, или недоказанныхъ положеній въ книгѣ г. К—ва и остановились на немногихъ, но, какъ намъ кажется, особенно важныхъ мѣстахъ. Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ повторить то, что уже было сказано въ началѣ: «Судьбы Италіи» составляютъ важное приобрѣтеніе не только для русской, но и для исторической литературы вообще. Надобно желать, чтобъ эта книга вышла въ переводѣ на одинъ изъ иностранныхъ языковъ: это доставило бы ей болѣе обширный кругъ читателей и образованныхъ цѣнителей и сверхъ того показало бы заграничнымъ ученымъ съ самой выгодной стороны научную дѣятельность въ нашемъ отечествѣ. Да будетъ намъ, однако, позволено обратиться съ послѣднимъ упрекомъ къ автору: форма у него не вездѣ

удовлетворяетъ справедливымъ требованіямъ. Рядомъ съ превосходными, рукою мастера написанными страницами, встрѣчаются другія, въ которыхъ мысль затемнена небрежнымъ и растянутымъ изложеніемъ. Непріятно также бросаются въ глаза иностранныя, безъ надобности внесенныя въ нашъ языкъ, слова. Къ чему напримѣръ, писать: шефъ, фортуна, традиція и т. д.? Такія заимствованія ничего не прибавляютъ къ дѣйствительному богатству языка и производятъ двойнѣ непріятное впечатлѣніе при чтеніи такого даровитаго и блестящаго писателя, какъ г. К—въ.

ИСПАНСКІЙ ЭПОСЪ ¹⁾.

DOZY: RECHERCHES SUR L'HISTOIRE POLITIQUE ET LITTÉRAIRE DE L'ESPAGNE
PENDANT LE MOYEN AGE. TOME I. LEYDE. (НОВЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ О СМДѢ).

Книга г. Дози вышла около четырехъ лѣтъ тому назадъ; но она пріобрѣла извѣстность только въ тѣсномъ кругу ученыхъ, занимающихся исторіею Испаніи. Издавая свои замѣчательныя изслѣдованія, г. Дози вовсе не имѣлъ въ виду большинства читателей: онъ писалъ для специалистовъ. Внимательное чтеніе книги, заключающей въ себѣ болѣе 700 страницъ мелкой печати, требуетъ усилій и терпѣнія со стороны читателя. Это рядъ критическихъ статей, въ которыхъ разбираются подробно свидѣтельства источниковъ и труды новыхъ писателей, относящіеся къ исторіи средневѣковой Испаніи, преимущественно къ XI-му столѣтію. Г. Дози Голландецъ и занимается каедрю восточныхъ языковъ въ лейденскомъ университетѣ. Сочиненіе его написано по французски. Несмотря на нѣкоторую сухость, изслѣдованія г. Дози представляютъ весьма много новаго и занимательнаго.

Труды испанскихъ историковъ, жившихъ въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій, до сихъ поръ, по справедливому замѣчанію нашего автора, не утратили своей цѣны. Къ сожалѣнію, этииъ ученыиъ, съ неутомимымъ усердіемъ занимавшимся разработкою памятниковъ отечественной старины, недоставало весьма важнаго, можно сказать необходимаго пособия: они не знали арабскаго языка, безъ котораго невозможно полное знаніе средневѣковой Испаніи. Во второй половинѣ

¹⁾ Напечатано въ Отечественныхъ Запискахъ 1854 года.

XVIII-го столѣтія Казиря издалъ извѣстный каталогъ эскуріальской бібліотеки, въ которомъ помѣстилъ много выписокъ изъ арабскихъ источниковъ, относящихся къ испанской исторіи. При всей своей важности трудъ этотъ вскорѣ оказался неудовлетворительнымъ. Казиря плохо зналъ по арабски: переводы его невѣрны, выборъ статей обнаруживаетъ отсутствіе историческаго смысла и критики. Въ 1820 году появилось наконецъ сочиненіе, со всѣхъ сторонъ встрѣченное громкими похвалами ученыхъ и повидимому удовлетворявшее давнишніи требованія науки. Мы говоримъ объ «Исторіи Испаніи подъ владычествомъ Мавровъ» Іосифа Конде, составленной исключительно по арабскимъ памятникамъ. Конде очень рѣдко приводитъ имена писателей, изъ которыхъ онъ заимствуетъ отдѣльные свѣдѣнія; но въ предисловіи къ своему сочиненію изчисляетъ всѣ рукописи, которыми пользовался. Въ самомъ разсказѣ его есть какое-то простодушіе, заставляющее предполагать въ авторѣ человека добросовѣстнаго и честно изучившаго свой предметъ. «Исторія Испаніи подъ владычествомъ Мавровъ» была переведена на нѣсколько языковъ и служила въ продолженіе 30-ти лѣтъ для историковъ-неоріенталистовъ замѣною недоступныхъ имъ арабскихъ источниковъ. Можно навѣрное сказать, что съ 1820 года до настоящаго времени не вышло ни одной извѣстной книги о средневѣковой Испаніи безъ обширныхъ заимствованій изъ Конде. Такъ поступали Французы — Руссевъ де-Ст. Иллеръ (Rousseau de St-Hillaire) и Роже, Нѣмцы — Шефферъ и Амбахъ, которые въ своихъ сочиненіяхъ наложили исторію средневѣковой Испаніи. Они довелись до сличеніемъ арабскихъ писателей, переведенныхъ Конде, съ свидѣтельствами христіанскихъ памятниковъ. Едва ли кому приходило въ голову заподозрить ученую честность испанскаго ориенталиста, хотя его часто упрекали въ сбивчивомъ изложеніи, не всегда вѣрномъ переводѣ арабскихъ подлинниковъ и неспособности къ критической оцѣнѣ находившихся у него подъ рукою матеріаловъ. Занимаясь литературою испанскихъ Арабовъ, г. Дози долженъ былъ безпрестанно прибѣгать къ книгѣ Конде и нашелъ въ ней странныя ошибки и неточности. Болѣе подробныя розысканія привели его наконецъ къ слѣдующему заключенію: «знаніе арабскаго языка у Конде не простиралось далѣе азбуки (?). Замѣняя чрезвычайнымъ богатствомъ воображенія отсутствіе самыхъ элементарныхъ свѣдѣній, онъ съ неслыханною наглостію сочинялъ сотнями хронологическія цифры,

создавалъ тысячами историческіе факты и выдавалъ свои вымыслы за вѣрный переводъ арабскихъ текстовъ.

«Vois que fourbe sur fourbe à nos yeux il entasse
Et ne fait que jouer des tours de passe-passe».

(P. CORNILLE, «Le Menteur», V, 7.)

«Новѣйшіе историки, не подозрѣвая подлога, котораго они сдѣлались жертвами, простодушно повторяли всѣ эти небылицы; иногда они даже заходили далѣе своего наставника, стараясь согласить его вымыслы съ извѣстіями латинскихъ и испанскихъ лѣтописцевъ, которые такимъ образомъ искажались въ свою очередь».

Трудно допустить безусловно справедливость приведеннаго нами мнѣнія. Г. Дози неоспоримо доказалъ, что Конде былъ плохой знатокъ арабскаго языка, и что у него вовсе не было критическаго смысла. Но едвали можно предполагать съ его стороны сознательное желаніе обмануть ученую Европу. Книга Конде не принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ мистификацій, которыя нерѣдко встрѣчаются въ исторіи нашей науки. Источникомъ ошибокъ, находимыхъ въ «Исторіи Мавровъ», было невѣжество автора, который, обманывая себя, обманулъ и другихъ. Во всякомъ случаѣ книга его потеряла всякое право на довѣріе къ ней и отнынѣ не имѣетъ никакого значенія въ наукѣ. Строгое сужденіе г. Дози опирается впрочемъ на многочисленныя данныя и на согласіе нѣкоторыхъ извѣстныхъ французскихъ оріенталистовъ, Рено, Дефремери и другихъ, которые, подобно лейденскому профессору, имѣли случай сверить рассказы Конде съ тѣми рукописями, на которыя онъ ссылается въ своемъ предисловіи. Образчикомъ знаній и критики Конде можетъ служить слѣдующій случай. Въ эскуріальской бібліотекѣ хранится сочиненіе Ибн-Абара, заключающее въ себѣ біографіи знатныхъ испанскихъ Мавровъ, которые прославились своимъ поэтическимъ талантомъ. По ошибкѣ переплетчика листы этой рукописи перемѣшаны, такъ что къ началу одной біографіи часто пришитъ конецъ другой, не имѣющей съ первой ничего общаго. Авторъ «Исторіи Мавровъ въ Испаніи» сдѣлался жертвою оплошнаго переплетчика и безъ малѣйшаго подозрѣнія переводилъ, какъ умѣлъ, нужныя для него біографіи. Такимъ образомъ миролюбивые писатели являются у него къ концу своей жизни и совершенно неожиданно для читателя — полководцами, государственными мужами и т. д.

Въ настоящемъ видѣ своемъ труды г. Дози не что иное, какъ превосходные, критически разработанные матеріалы для будущаго историка Испаніи. Изъ наслѣдованій лейденскаго профессора можно извлечь довольно полное представленіе о характерѣ образованности, которая развилась у Арабовъ, покорившихъ Пиренейскій полуостровъ. Образованность эта была исключительно аристократическая. Она была обязана своимъ блескомъ и движеніемъ сначала покровительству калифовъ Омеядовъ, жившихъ въ Кордовѣ; потомъ — мелкимъ династіямъ, которыя въ началѣ XI-го столѣтія раздѣлили между собою наслѣдіе павшаго калифата. Арабская Испанія XI-го столѣтія напоминаетъ во многомъ Италію XIV-го и XV-го вѣковъ. Умственная жизнь народа, выражавшаяся преимущественно въ поэзіи, сосредоточивалась при дворахъ многочисленныхъ династовъ. Арабскіе князья полагали свою славу въ щедротахъ, которыми они осыпали современныхъ имъ поэтовъ; но произведенія этихъ поэтовъ, отличающіеся вышшею отдѣлкой и изяществомъ формы, никакъ нельзя назвать народными въ настоящемъ значеніи слова. Они содержатъ въ себѣ такъ много искусственнаго, условнаго и доступнаго только однимъ высшимъ классамъ общества, что не могли имѣть вліяніе на образованность низшихъ сословій. Однородное явленіе представляетъ намъ искусственная поэзія провансальскихъ трубадуровъ, которая развилась въ рыцарскихъ замкахъ южной Франціи, служила выраженіемъ аристократическихъ нравовъ и идей, и потому не могла сдѣлаться общимъ достояніемъ не понимавшаго ее народа. Наука на равнѣ съ поэзіей пользовалась великодушнымъ покровительствомъ арабскихъ государей въ Испаніи. Въ X-мъ столѣтіи, во владѣніяхъ кордовскаго калифа считалось до 70-ти большихъ книгохранилищъ и до 17-ти высшихъ учебныхъ заведеній. Этотъ блестящій періодъ продолжался собственно только до второй половины XI-го столѣтія, то есть до появленія въ Испаніи Альморавидовъ. Африканскіе пришельцы удержали напоръ христіанъ на мухамеданскія государства Пиренейскаго полуострова; но они принесли съ собою религіозный фанатизмъ, давно охладѣвшій у нихъ прежде поселившихся на европейской почвѣ единовѣрцевъ и несовмѣстный съ дальнѣйшимъ развитіемъ ученой или изящной литературы.

Еще во времена кордовскаго калифата испанскіе Мавры для войнъ своихъ съ христіанами принуждены были покупать рабовъ, состав-

жившихъ потомъ весьма значительную часть мусульманскихъ войскъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Этихъ сарлабагъ (напоминающихъ турецкихъ янычаровъ и египетскихъ мамелюковъ) обыкновенно вѣряли какою охраненіе собственной особы. Малкіе династіи XI-го столѣтія были не въ состояніи защищать себя противъ христіанскаго оружія и по необходимости уступили мѣсто пришлымъ изъ Африки династіямъ. Цвѣтущая пора искусственно вызванныхъ къ жизни литературы и науки прошла. Массы народа смотрѣли равнодушно на упадокъ просвѣщенія, имъ чуждаго и порою оскорблявшаго сохранившееся у нихъ религіозное чувство. Вообще арабской образованности не доставало самостоятельности. Она могла развиваться только подъ вліяніемъ особенно благопріятныхъ условій; ей необходимо было некровительство богатой и сильной аристократіи. Почва ислама неудобна для возвращенія на ней цвѣтовъ человѣческаго мышленія. Г. Дози посвятилъ между прочимъ нѣсколько любопытныхъ страницъ (81—123) Аль-Мотасиму, князю альмерійскому, знаменитому любителю поэзіи и наукъ. Эти страницы внушаютъ читателю участіе къ благородной умственной дѣятельности Мотасима и писателей, изъ которыхъ преимущественно состоялъ дворъ его. Въ государствахъ западной Европы того времени мы конечно не найдемъ ничего подобнаго; но впечатлѣніе, производимое описаніями г. Дози, непродолжительно. Образцы, которые ученый авторъ «Исслѣдованій о средневѣковой Испаніи» приводитъ изъ произведеній поэтовъ, жившихъ въ Альмеріи при Мотасимѣ, подтверждаютъ вполне сказанное нами выше о характерѣ арабской поэзіи въ Испаніи. Она служила пріятнымъ занятіемъ извѣженному и досужему сословію, а не выраженіемъ задушевной жизни цѣлаго народа. Вотъ, напримеръ, одно изъ самыхъ знаменитыхъ стихотвореній той эпохи, сдѣлавшееся почти народнымъ, потому что всѣ его знали наизусть и пѣли его. Оно принадлежитъ Ибнъ-Хаддаду, прозванному поэтомъ Андалузіи.

«Имѣ говорятъ: покинь долину Алакискую, бѣги отъ любимой, но не внемлющей любви твоей дѣвы; не возвращайся болѣе къ Аль-Одайбѣ, къ тому ручью, гдѣ ты встрѣтилъ гордую красавицу, потому что тамъ снова поразитъ тебя огромный мечъ и стрѣлы милой дѣвы, покрытой алмазами, наполняющей воздухъ благовоніями. Да, меня не допустили къ тебѣ, но никто не можетъ изгнать образа твоего изъ души моей; вдали отъ тебя, имѣ кажется, что ты всегда со мною.

О, друзья, восхваляющіе меня за мое смиреніе предъ судьбою и за то, что я предпочитаю сонъ бдѣнію! я не заслуживаю похвалъ вашихъ; засыпая, я увѣренъ, что ты, возлюбленная, явишься мнѣ въ сновидѣніи».

Одинъ изъ сыновей Мотассима, Рафеіо-Даула, слыгъ за великаго поэта. Въ доказательство его дарованій г. Дози приводитъ стихи, написанныя имъ къ другу.

«Чашы, о Абуль-Ала, наполнены виномъ и ходять по рукамъ веселыхъ собесѣдниковъ; вѣтеръ тихо колыхаетъ вѣтви деревьевъ; въ воздухѣ раздается пѣніе птицъ, а горлицы воркуютъ, сидя на самыхъ высокихъ вѣткахъ. Приди жъ и пой на берегу этого ручья вино чистое и красное, о которомъ можно подумать, что оно выжато изъ лавины милаго кравчаго, который намъ его подноситъ».

Несмотря на двойной прозаическій переводъ, чрезъ который прешли эти стихотворенія, они сохраняютъ, въ особенности второе, слѣды первоначальной прекрасной формы. Но сравнивъ ихъ содержаніе съ содержаніемъ первыхъ произведеній испанской народной поэзіи, мы поймемъ, почему Аль-Мотассимъ и другіе сходные съ нимъ владѣтели должны были искать защиты и покровительства у африканскихъ магометанъ, мало цѣнившихъ умственное наслажденіе, но ходившихъ въ бой съ непоколебленною вѣрою въ слово пророка.

Большую и главную половину книги г. Дози занимаютъ изслѣдованія о Сидѣ. Кому не извѣстно это имя? Изъ кастильскаго героя Сидъ давно обратился въ представителя средневѣковаго рыцарства, въ его общемъ, благороднѣйшемъ значеніи. Благодаря Гердеру, романсы о Сидѣ перестали быть исключительнымъ достояніемъ испанской литературы. Они переведены почти на всѣ европейскіе языки и принадлежать по своему характеру къ небольшому числу всѣмъ доступныхъ и всѣмъ любимыхъ произведеній чисто народной поэзіи. Но историческая извѣстность кастильскаго рыцаря до сихъ поръ не соответствовала той славѣ, какою увѣнчала его поэзія. Еще въ XV-мъ столѣтіи извѣстный испанскій писатель Фернанъ Пересъ де Гусманъ выражалъ свои сомнѣнія въ истинѣ событій, о которыхъ упоминаютъ романсы о Сидѣ. Сомнѣнія эти не прекращались до нашего времени. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Масдеу (Masdeu) посвятилъ почти цѣлый томъ своей «Критической исторіи Испаніи» разбору извѣстій о Сидѣ. Онъ высказалъ результатъ своихъ розысканій въ слѣдующихъ

словахъ: «У насъ нѣтъ о знаменитомъ Сидѣ ни одного свидѣтельства положительнаго и достовѣрнаго, или заслуживавшаго мѣсто въ лѣтописяхъ нашего народа. Мы не только ничего о немъ не знаемъ, но у насъ нѣтъ никакихъ доказательствъ его существованія». Р. Доми справедливо вооружается противъ неумѣстнаго скептицизма испанскихъ историковъ и возстановляетъ, на основаніи неоспоримыхъ свидѣтельствъ, историческое лицо Родрига Діаса, прозваннаго Сидомъ и Камнеадоромъ. Мы представимъ нашимъ читателямъ краткій обзоръ самыхъ источниковъ, въ которыхъ содержатся матеріалы для возможной біографіи Сиды. 1) Едва ли не древнѣйшій изъ этихъ памятниковъ есть латинское стихотвореніе о Сидѣ, принадлежащее XII столѣтію и свидѣтельствующее о томъ, какъ рано подвиги Сиды перешли въ сѣверъ поэзіи (*Edélestand du Maril, Poésies populaires latines du moyen âge*, Paris 1847, pg. 284 и слѣд.); 2) поэма о Сидѣ, «*El poema del Sid*», возникшая по всей вѣроятности въ началѣ XIII столѣтія, и 3) почти современная съ поэмою стихотворная хроника «*la Cronica rimada del Cid*». Къ этимъ двумъ памятникамъ примыкаютъ, по характеру и содержанію, 4) романы о Сидѣ (*Romancero del Cid*), собранные впервые Хуаномъ де Эскобаръ. Изъ прозаическихъ памятниковъ назовемъ слѣдующіе: 5) найденную въ Августинскомъ монастырѣ Св. Изидора въ Леонѣ лѣтопись, которую издалъ въ 1792 году Риско, подъ названіемъ «*Gesta Roderici Campredocti*». Масдеу не признавалъ подлинности этой лѣтописи и отрицалъ существованіе самой рукописи. Неосновательность его возраженій нынѣ доказана. «*Gesta Roderici*» относятся къ началу XIII столѣтія. Сочинитель писалъ до вторичнаго взятія Валенціи христіанами въ 1238 году. 6) «*Cronica general*» Альфонса X-го, названнаго ученымъ. Альфонсъ X-й жилъ, какъ извѣстно, въ XIII-мъ столѣтіи. Четвертая часть его общей лѣтописи содержитъ въ себѣ весьма любопытныя, частію изъ арабскихъ источниковъ заимствованныя свѣдѣнія о Сидѣ. Изданная въ 1512 году «*Cronica del Sid*», по рукописи, хранившейся въ монастырѣ Св. Петра карденьскаго, есть не что иное, какъ плохая и относительно новая передѣлка той части общей хроники Альфонса X-го, въ которой разсказаны подвиги Сиды.

Въ источникахъ для біографіи Сиды, слѣдовательно, нѣтъ недостатка. Но Масдеу и писатели сходныхъ съ нимъ мнѣній основываютъ свои сомнѣнія на отсутствіи свидѣтельствъ, современныхъ Сидѣ. Дѣй-

отвѣтительно, всѣ памятники, нами изчисленные, принадлежать позднѣйшему времени. Испанскія лѣтописи, современныя Сиду, не упоминаютъ о немъ. Но можно ли изъ этого заключить, что самое существованіе кастильскаго героя есть фактъ недоказанный? Положимъ, что молчаніе современниковъ о такомъ лицѣ, какъ Родригъ Діацъ, въ самомъ дѣлѣ странно; но развѣ всѣ лѣтописи того времени дошли до насъ? Г. Дози приводитъ между прочимъ краткую лѣтопись Петра, епископа леонскаго, излагающую исторію царствованія Альфонса VI-го и содержащую въ себѣ нѣсколько извѣстій о Сидѣ. Петръ леонскій былъ современникъ Сиды, и его словъ достаточно для опроверженія сомнѣній Масдеу и другихъ скептиковъ. Лѣтопись епископа Петра потеряна, но отрывки изъ нея сохранились въ сочиненіи Сандовала «*Cinco Reyes*», напечатаннаго въ 1615 году. Сверхъ того, критики, разбиравшіе преданія о Сидѣ, опустили изъ виду существованіе другихъ памятниковъ, неоспоримо доказывающихъ историческое существованіе самого героя. Такъ, напримѣръ, въ Бургосѣ находится подлинный актъ брачнаго договора между Родригомъ Діацомъ и Хименою, дочерью Діега, графа овіедскаго. Актъ этотъ, писанный готическими буквами на пергаментѣ, составленъ 19 іюля 1074 года. Имя Родрига Діаца встрѣчается также въ нѣсколькихъ грамотахъ, принадлежащихъ второй половинѣ XI-го столѣтія. Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ его смерти о немъ ужъ говорятъ лѣтописи южной Франціи; около того же времени онъ ужъ успѣлъ сдѣлаться героемъ народной поэзіи, которая конечно украсила дѣйствительность, но не могла однако создать ее изъ ничего. Въ виду такихъ данныхъ всякій скептицизмъ долженъ былъ бы умолкнуть. Г. Дози наноситъ ему рѣшительный ударъ. Онъ нашелъ въ готской библіотекѣ сочиненіе Ибнъ-Бассама о поэтахъ, жившихъ въ Испаніи въ V-мъ столѣтіи гижры. Эта рукопись содержитъ въ себѣ между прочимъ подробное описаніе покоренія Валенціи Сидомъ, составленное въ 1109 году, черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ паденія Валенціи и черезъ десять послѣ смерти Сиды. Это древнѣйшее лѣтописное свидѣтельство о Кампеадорѣ полагаетъ конецъ всѣмъ спорамъ. Оно носитъ на себѣ печать еще не охладѣвшей ненависти къ христіанскому вождю. Слѣдуя указаніямъ г. Дози, мы сообщимъ нашимъ читателямъ краткій очеркъ дѣйствительной, отрѣшенной отъ поэтическихъ прикрасъ жизни Сиды; потомъ мы рассмотримъ тѣ измѣненія, которымъ подвергся его об-

разъ въ теченіе вѣковъ въ памятникахъ, созданныхъ народною фантазією. Руководителемъ нашимъ будетъ постоянно г. Дози, у котораго отдѣлъ о Сидѣ обработанъ съ необыкновеннымъ талантомъ и полнымъ знаніемъ предмета.

Имя Родрига Діаца встрѣчается въ первый разъ въ грамотѣ Фердинанда 1-го отъ 1064 года. Годъ его рожденія неизвѣстенъ. Отца онъ лишился еще въ дѣтствѣ своемъ. Когда, по смерти Фердинанда I-го, владѣнія его перешли къ дѣтямъ, Родригъ остался при дворѣ старшаго сына, Санхо кастильскаго, и повидавшему уже игралъ значительную роль. Междоусобія Санхо съ братьями и сестрами дали Родригу, которому король ввѣрилъ начальство надъ всѣмъ своимъ войскомъ, возможность обнаружить тѣ великія свойства, которыми онъ въ послѣдствіи прославился. Въ 1071 году Санхо и братъ его Альфонсъ, король леонскій, условились кончить споръ свой судомъ Божіимъ, то есть битвою. Побѣжденный былъ обязанъ уступить своимъ владѣніямъ побѣдителю. Сраженіе произошло у деревни Гольпехары. Кастильцы были разбиты. Альфонсъ, увѣренный въ точномъ исполненіи условій, запретилъ своимъ воинамъ преслѣдовать бѣглецовъ и не хотѣлъ проливать крови будущихъ подданныхъ. Но Родригъ уговорилъ Санхо нарушить условіе. «Враги наши отдыхаютъ послѣ побѣды (сказалъ онъ ему ночью): если мы на разсвѣтѣ нападемъ на нихъ снова, то одолѣемъ въ свою очередь». Санхо принялъ не совсѣмъ честный совѣтъ и съ остатками разбитаго войска напалъ рано утромъ на брата. Застагнутые въ распахъ Леонцы разсѣялись; самъ Альфонсъ попался въ плѣнъ. Вскорѣ потомъ донъ Санхо погубилъ при осадѣ города Заморы, который онъ хотѣлъ отнять у сестры своей Уррани. Всѣ его владѣнія перешли по наслѣдству къ брату его Альфонсу VI-му, который предварительно долженъ былъ подвергнуться унижительному обряду и присягнуть въ томъ, что онъ не принималъ участія въ смерти убитаго предательскимъ образомъ брата. Присягу эту принялъ Родригъ Діацъ.

Понятно, что Альфонсъ не могъ любить надменнаго вассала, который былъ причиной его плѣна и свидѣтелемъ его униженія. Это не помѣшало впрочемъ Родригу жениться на близкой родственницѣ короля, Хименѣ, дочери графа овіедскаго. Около 1081 года Родригъ былъ изгнанъ изъ владѣній Альфонса VI-го. Мы не знаемъ, что послужило поводомъ къ этому изгнанію, но съ него начинается та

часть жизни Сиды, въ теченіе которой онъ сдѣлался любимцемъ испанскаго народа.

Слѣдующіе за тѣмъ годы Сидъ провелъ большею частію въ службѣ князя Юсуфа-Аль-Мутамина сарагосскаго, изъ рода Бену-худовъ. Вотъ почему названный нами выше арабскій писатель говорить о Сидѣ, что онъ обязанъ былъ своей славой Бену-худамъ. Родригъ не только принималъ участіе въ расприхъ мухаммеданскихъ династовъ, но онъ помогалъ имъ противъ христіанскихъ владѣтелей, именно противъ Санхо Рамирица, короля аррагонскаго и наварскаго и противъ Раймунда Беренгара, графа барцелонскаго. У Родрига была своя собственная дружина, въ родѣ итальянскихъ кондотъ. Самъ онъ былъ не что иное, какъ сильный кондотьеръ, мало заботившійся о соблюденіи уставовъ рыцарской чести. Не онъ одинъ жилъ такимъ образомъ въ тогдашней Испаніи; знаменитый родственникъ и сподвижникъ его Альваро Фанецъ служилъ съ наемною дружиною арабскому князю, которому принадлежала Валенція. Дружина эта состояла, по словамъ лѣтописи, изъ бродягъ всякаго рода. Альваро Фанецъ не обращалъ вниманія на различіе вѣръ; онъ принималъ въ ряды свои мухаммеданъ и христіанъ безъ разбора. Зато войны его приобрѣли незавидную извѣстность. Они грабили, жгли селенія и убивали жителей несчастныхъ мѣстностей, черезъ которыя лежалъ ихъ путь. Плѣнниковъ своихъ они часто продавали въ рабство за одинъ хлѣбъ, кружку вина или оунтъ рыбы. Плѣнники, которыхъ нельзя было продать, подвергались несравненно худшей участи; имъ рѣзали языки, выкалывали глаза и травили ихъ приученными къ этому дѣлу собаками. Г. Дозм нашелъ въ источникахъ подробности до того отвратительныя, что не рѣшился сообщить ихъ своимъ читателямъ. Къ сожалѣнію, народный герой испанской повѣи не отличался отъ современниковъ мягкостію нрава, а дружина его ни въ чемъ не уступала дружинѣ Альваро Фанца. Весьма замѣчательно въ этомъ отношеніи находящееся въ лѣтописи о Сидѣ (*Gesta*) письмо Беренгара барцелонскаго. Письмо это, въ которомъ барцелонскій графъ обвиняетъ Сиду въ томъ, что онъ полагается горамъ и хищнымъ птицамъ, а не истинному Богу, оканчивается слѣдующими словами: «Господь отмститъ вамъ за разрушенные вашимъ насиліемъ и поруганные храмы его».

Счастіе измѣнило Беренгару въ войнѣ съ Сидомъ, который разбилъ и взялъ его въ плѣнъ. Мы переведемъ съ перевода г-на Дозм то мѣсто

поэмы о Сидѣ, въ которомъ описывается освобожденіе барселонскаго графа изъ плѣна. Оно даетъ поразительно вѣрное понятіе о грубой и оригинальной эпохѣ, къ которой принадлежатъ эти событія.

«У Сиды моего, дона Родрига, идетъ большая стряпня. Графу донъ Реймонду (Беренгару) нѣтъ до этого дѣла; ему приносятъ яства и готовятъ ихъ передъ нимъ, а онъ не хочетъ ѣсть. Онъ смѣется надъ всѣми кушаньями. «Я не съѣмъ ни одного куса за всѣ богатства цѣлой Испаніи. Пусть погибнетъ тѣло мое и пропадетъ душа моя, когда такіе оборванцы (*mal calrados*) побѣдили меня въ битвѣ». Послушайте, что говоритъ теперь мой Сидъ Рюи Діацъ: «Отвѣдайте, графъ, этого хлѣба, выпейте вина; если вы сдѣлаете то, о чемъ я прошу, вы не будете болѣе плѣнникомъ; если нѣтъ, вамъ не видать никогда земли христіанской». Графъ донъ Реймондъ отвѣчаетъ: «Ѣшьте, Родригъ, и предавайтесь радости, а я уморю себя, потому что я не хочу ѣсть». До третьяго дня они не могли уговорить его; пока они дѣлили богатую добычу, они не могли убѣдить его проглотить кусокъ хлѣба. Мой Сидъ сказалъ: «Съѣшьте что-нибудь, графъ; если вы не станете ѣсть, вамъ не видать болѣе христіанъ; но если вы съѣдите вдоволь для меня, я освобожу васъ и еще двухъ рыцарей и отпущу васъ домой». Когда графъ услышалъ это, онъ сталъ повеселѣе. «Сидъ, если вы сдѣлаете, что обѣщаете, я буду удивляться вамъ до конца жизни». — «Ѣшьте же, графъ, а послѣ обѣда я отпущу васъ и двухъ другихъ. Но знайте, что изъ всего того, что вы потеряли, а я добылъ на полѣ битвы, я не отдамъ вамъ ни одной фальшивой денежки; я ничего не отдамъ вамъ изъ всего потеряннаго вами, потому что оно мнѣ нужно для моихъ вассаловъ, которые служатъ при мнѣ и терпятъ нужду; я ничего не дамъ вамъ. Я беру у васъ и у другихъ и плачу вассаламъ». Графъ радуется; онъ требуетъ воды, чтобы умыть себѣ руки, и ему подають воду, подають тотчасъ. Графъ собирается кушать виѣстѣ съ рыцарями, которыхъ Сидъ отпускаетъ съ ними. Боже мой, съ какою охотою принимается онъ за это дѣло! Напротивъ его сидитъ тотъ, кто родился въ благопріятный часъ. «Если вы мало станете ѣсть, графъ, не вдоволь для меня, мы останемся здѣсь, мы не повинемъ другъ друга». Тогда графъ сказалъ: «отъ всей души и съ большой охотой». Онъ обѣдаетъ проворно съ двумя рыцарями; мой Сидъ на него смотритъ и радуется тому, что графъ донъ Реймондъ такъ хорошо дѣйствуетъ руками. «Если позволите, мой Сидъ, мы готовы

въ дорогу. Прикажите, чтобы намъ подали коней, и мы поѣдемъ тотчасъ. Съ того дня, какъ я сталъ графомъ, я не ѣлъ съ такой охотой. Не забуду удовольствія, которое испыталъ теперь». Имъ подали трехъ отлично осѣдланныхъ коней, хорошее платье, шубы и плащи. Графъ донъ Реймондъ скачетъ среди двухъ другихъ рыцарей. Кастильянецъ провожаетъ ихъ до крайней черты стана. Вы ѣдете, графъ, на полную свободу. Благодарю васъ за то, что вы мнѣ оставляете; когда вамъ захочется отомстить мнѣ, и вы станете искать меня, вы меня легко найдете; если же вы не прикажете меня искать и оставите меня въ покоѣ, у васъ будетъ въ барышахъ кое-что изъ вашего или изъ моего добра». — «Веселитесь, мой Сидъ, будьте здоровы и невредимы; я расплатился съ вами за этотъ годъ; никому не придетъ въ голову искать васъ». Графъ пришпорилъ коня и пустился въ путь; дорогой онъ поворачивалъ голову и посматривалъ назадъ: онъ боялся, чтобы Сидъ не раскаялся. За всѣ сокровища міра не поступилъ бы такъ безукоризненный рыцарь: онъ никогда не совершилъ безчестнаго дѣла».

Видно графъ барселонскій былъ другаго мнѣнія. Есть причины думать, что характеръ его побѣдителя былъ ему извѣстенъ лучше, чѣмъ жившему цѣлымъ столѣтіемъ позже поэту. Суровая простота и драматическое движеніе, составляющія принадлежность приведеннаго нами отрывка изъ поэмы о Сидѣ, по справедливости обратили на себя вниманіе г-на Дози. Намъ однако кажется, что онъ не замѣтилъ весьма характеристической черты. Родригъ готовъ выпустить на волю пѣннаго графа, но изъ взятой въ битвѣ добычи онъ не уступилъ ничего, *ни даже фальшивой денежки*. Съ особенною энергіею и нѣсколько разъ повторяетъ онъ эти слова. Таковы были феодальные герои XI столѣтія не въ одной Испаніи, но во всей западной Европѣ. Рыцарскія понятія только-что начинали развиваться и еще не успѣли сгладить предшествовавшей грубости феодальныхъ нравовъ. Сидъ не скрываетъ своей любви къ чужому добру. Онъ совершаетъ часть своихъ подвиговъ ради добычи и денежныхъ выгодъ. Онъ ведетъ настоящую торговлю съ мухаммеданскими князьями: одни покупаютъ у него его услуги, другіе — просто миръ. Владѣлецъ альбарацинскій платилъ Сиду ежегодно 10,000 динаровъ; столько же получалъ онъ изъ Альпуенты, 6000 изъ Мурвiedро, 6000 изъ Сегорбіи, 4000 изъ Херики, 3000 изъ Альменары, 12,000 изъ Валенціи, пока не овладѣлъ со всѣмъ послѣднимъ городомъ. Это изчисленіе еще неполно. Въ книгѣ

г. Доли можно найти много подробностей, показывающих, какіе огромные доходы бралъ Родригъ съ меча своего.

Въ промежуткахъ между непрерывными войнами, въ которыхъ принималъ корыстное участіе, изгнанный Сидъ служилъ и королю своему, Альфонсу VI кастильскому; но ему долго не удавалось смягчить гнѣвъ короля. Въ 1092 году Сидъ ходилъ виѣсть съ Альфонсомъ на Альморавидовъ, въ южную Испанію. Въ виду непріятеля, превосходнаго числомъ, Альфонсъ разбилъ укрѣпленный лагерь на горѣ: Сидъ сталъ передъ нимъ внизу, на равнинѣ, выражая такимъ образомъ намѣреніе прикрыть своей дружиной королевское войско. Альфонсъ былъ глубоко оскорбленъ высокомѣріемъ вассала и осыпалъ его упреками. Для избѣжанія еще худшихъ послѣдствій, Сидъ поспѣшилъ удалиться и ушелъ ночью къ Валенціи, давно составлявшей цѣль его желаній.

Ослабленная внутренними смутами Валенція со всѣхъ сторонъ была окружена врагами. Сосѣдніе князья, христіане и мухаммедане равно старались овладѣть богатымъ городомъ. По смерти послѣдняго государя, царствовавшего въ Валенціи, городомъ правилъ совѣтъ, составленный изъ самыхъ значительныхъ по положенію своему жителей. Это было нѣчто въ родѣ аристократической республики. Во главѣ совѣта стоялъ Ибн-Джахафъ, человекъ безъ дарованій, но властолюбивый, искавшій себѣ опоры извнѣ. Онъ сносился съ Альморавидами и съ Сидомъ, въ надеждѣ современемъ противопоставить ихъ другъ другу. Г. Доли очень обстоятельно излагаетъ исторію Валенціи во второй половинѣ XI столѣтія. Мы заимствуемъ изъ его изслѣдованій только тѣ факты, которые относятся непосредственно къ Сиду. Лѣтомъ 1093 года Сидъ обложилъ Валенцію. Осада, подробности которой сохраниены намъ арабскими писателями, продолжалась около года. Жители, напрасно рассчитывавшіе на помощь своихъ единовѣрцевъ, были доведены до послѣдней крайности. Они толпами выходили изъ города и предавали себя произволу Сидовыхъ наемниковъ, дабы избѣжать голодной смерти. Желая ускорить паденіе Валенціи, Родригъ запретилъ пускать въ лагерь свой этихъ выходцевъ; захваченныхъ имъ въ плѣнъ Мавровъ онъ жегъ на кострахъ и травилъ живыхъ собаками. 15-го іюня 1094 года городъ сдался. Сначала Сидъ очень благосклонно обходился съ побѣжденными и заслужилъ ихъ признательность. По его приказанію, были задѣланы всѣ обращенныя въ городу

окна крѣпостныхъ башенъ, дабы нескромныя взгляды не могли проникать во внутренность мухаммеданскихъ домовъ. Онъ также приказалъ христіанамъ кланяться Маврамъ и уступать послѣднимъ дорогу при встрѣчѣ съ ними на улицѣ. Но кротость эта продолжалась недолго. При описаніи жестокостей, совершенныхъ Сидомъ въ Валенціи, авторъ разбираемаго нами сочиненія слишкомъ полагается на пристрастныя свидѣтельства арабскихъ источниковъ. Во всякомъ случаѣ, Родригъ былъ суровый властелинъ. Желая овладѣть богатствами Ибн-Джахаа, онъ предалъ его пыткамъ и потомъ казнилъ за утайку нѣкоторыхъ драгоценностей. Ибн-Джахааъ былъ сожженъ живой вмѣстѣ съ семнадцатью другими почетными Маврами. Въ числѣ ихъ погибъ, по предположенію г. Дози, Абу-Джафаръ-аль-Бати, замѣчательный писатель, сочиненіемъ котораго объ осадѣ Валенціи Сидомъ воспользовался для своей хроники Альфонсъ X. Родригъ умеръ въ своихъ новыхъ владѣніяхъ въ 1098 году. Черезъ четыре года послѣ его смерти христіане принуждены были снова покинуть Валенцію и уступили ее Альморавидамъ. У Сида осталось трое дѣтей: сынъ и двѣ дочери. Сынъ былъ убитъ въ войнѣ съ Маврами. Потомки его существовали еще въ XIV столѣтіи и жили въ городѣ Паленціи. Старшая дочь Сида, Христина, вышла за мужъ за дону Рамиро, инфанта наварскаго; вторая, Марія, была супругою Раймонда III, графа барселонскаго.

Изъ этого краткаго, но по достовѣрнымъ источникамъ составленнаго очерка можно видѣть, что историческій Сидъ во многомъ отличается отъ того Сида, о которомъ поютъ испанскіе романсы. Г. Дози показалъ впрочемъ, что въ поэтическихъ памятникахъ средневѣковой Испаніи образъ кастильскаго героя подвергся послѣдовательнымъ измѣненіямъ, соответствующимъ перемѣнамъ, которыя произошли въ политическомъ бытѣ и образѣ мыслей испанскаго народа. Ослушникъ, наказанный гнѣвомъ Альфонса VI, нарушитель договоровъ, наемный слуга арабскихъ князей, жестокой властитель Валенціи, обращается постепенно въ томнаго любовника Химены и представителя самыхъ утонченныхъ понятій о рыцарской чести и вѣрности. Приступая къ вопросу о древности отдѣльныхъ поэтическихъ памятниковъ, которыхъ героемъ является Сидъ, г. Дози отрицаетъ совершенно вліяніе Арабовъ на испанскую поэзію, о которомъ такъ много толковали другіе ученые. Извѣстно, что Конде приписывалъ Арабамъ самую форму

романса; Гаммеръ нашелъ у нихъ первыя ottave rime; Фориаль посвятилъ цѣлую главу своего знаменитаго сочиненія о провансальской поэзіи изслѣдованію отношеній, существовавшихъ между арабскою и провансальскою литературами. Ученый знатокъ романскихъ литературъ, Фердинандъ Вольфъ давно выразилъ сомнѣніе въ дѣйствительности арабскихъ вліяній на поэзію южныхъ народовъ Европы. Въ сожалѣнію, превосходные труды Вольфа не пользуются должною извѣстностію и не всѣмъ доступны, потому что онъ печаталъ ихъ статьями въ періодическомъ изданіи (Вѣнскихъ Лѣтописяхъ) и не издавалъ отдѣльно. Вотъ что говоритъ г. Дози:

«Арабо-испанская поэзія—классическая, потому что она подражала древнимъ образцамъ, была исполнена образовъ, заимствованныхъ изъ жизни въ пустынѣ, непонятныхъ для массы народа и еще въ болѣе-шей степени для иностранцевъ. Языкъ поэтической былъ языкъ мертвый; сами Арабы понимали его и писали на немъ только вслѣдствіе долгаго и основательнаго изученія древнихъ поэмъ, какъ напримѣръ Моаллакъ, Гамазы, Дивана шести поэтовъ, комментаторовъ и старыхъ лексикографовъ. Иногда даже поэты ошибались въ употребленіи нѣкоторыхъ устарѣвшихъ словъ. Эта родившаяся во дворцахъ поэзія обращалась не къ народу, а къ людямъ образованнымъ, вельможамъ и князьямъ. Могла ли поэзія, столь ученая, доставлять образцы смиреннымъ и невѣжественнымъ кастильскимъ жонглерамъ? Что касается до благородныхъ трубадуровъ Прованса, то прекрасныя дамы, пиръ, турниры и война не оставляли имъ досуга, необходимаго для многолѣтняго изученія арабскихъ стихотвореній. Я сказалъ: многолѣтняго, и не беру назадъ своего выраженія. Даже въ настоящее время можно найти много оріенталистовъ, вполне понимающихъ обыкновенный арабскій языкъ историковъ, но ошибающихся почти на каждомъ шагѣ, когда дѣло идетъ о переводѣ стихотвореній. Языкъ поэтовъ требуетъ особаго изученія. Тотъ, кто хочетъ свободно читать арабскихъ поэтовъ, долженъ посвятить на это цѣлые годы. Языкъ поэзіи отличается, конечно, у всѣхъ народовъ отъ языка прозы; но нигдѣ это различіе не обозначилось такъ рѣзко, какъ у Арабовъ».

Къ подтвержденію мнѣнія г. Дози служитъ отсутствіе повѣствовательныхъ произведеній у испанскихъ Арабовъ, у которыхъ почти исключительно процвѣтала лирика. Нашему автору извѣстны только два стихотворенія такого рода, не имѣющія впрочемъ ничего общаго

съ романсами. У Арабовъ нѣтъ вовсе романсовъ, и предположеніе, что мавританскіе романсы, «*gomas moiscos*», переведены на испанскій съ арабскаго, не заслуживаетъ никакого вѣроятія. Эти вычурныя произведенія принадлежатъ XVI и XVII столѣтіямъ. Замѣтимъ впрочемъ, что въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ къ нѣмецкому переводу «Исторіи испанской литературы» Тикнора находятся любопытныя указанія на существованіе у испанскихъ Мавровъ чего-то въ родѣ народной поэзіи. До сихъ поръ, на сѣверномъ берегу Африки, тангерскіе и тетуанскіе Мавры поютъ пѣсни, содержащія въ себѣ брань на жителей Кордовы и Гранады и другіе намеки изъ временъ мухаммеданскаго владычества надъ Пиренейскимъ полуостровомъ. Лейденскому профессору были также, повидимому, неизвѣстны многіе образцы повѣствовательной поэзіи у Арабовъ, о которыхъ говорится въ вышеупомянутыхъ примѣчаніяхъ. (Томъ II, стр. 680).

Пороки Сиды были принадлежностію цѣлой нации, а не одного лица; въ глазахъ современниковъ они были великими качествами. Непокорный вассалъ высказывалъ громко и заявлялъ дѣлами образъ мыслей всего феодальнаго сословія. Надобно сверхъ того сказать, что кастильское дворянство, далеко уступавшее въ силѣ и значеніи аррагонскому и французскому, постоянно стремилось къ такому же положенію въ государствѣ. Тѣмъ большее сочувствіе внушалъ ему строптивый Родригъ, котораго вся жизнь прошла въ расприхъ съ Альфонсомъ VI. Стихотворная хроника и древнѣйшіе романсы съ особенною любовію указываютъ на эту сторону въ характерѣ Сиды. Не заботясь объ исторической точности, они приписываютъ ему всѣ великія дѣла Фердинанда I, хотя настоящая дѣятельность Сиды начинается уже при сыновьяхъ этого короля. Когда (говоритъ стихотворная хроника) императоръ германскій потребовалъ отъ Фердинанда присяги въ вѣрности, послѣдній не зналъ, что дѣлать, и горько жаловался на судьбу свою. Жалобъ этихъ никто не слушалъ. Наконецъ онъ рѣшился послать за Родригомъ, который отвѣчалъ должнымъ образомъ на требованія германскаго императора и потомъ разбилъ соединенныя силы всѣхъ европейскихъ народовъ, грозившія его королю. Во время переговоровъ о мирѣ, Фердинандъ отправился съ Родригомъ, по словамъ тойже хроники, въ непріятельскій лагерь, гдѣ никто не могъ отличить короля отъ вассала. Фердинандъ предлагаетъ наконецъ Сиду престолъ свой, отъ котораго послѣдній отказывается.

Во всемъ этомъ разсказѣ нѣтъ ни одного истиннаго событія; тѣмъ менѣе онъ не лишенъ занимательности. Изъ него можно, съ одной стороны, видѣть древнѣйшее воззрѣніе на Сидъ, съ другой — особенное, можно сказать, ей исключительно принадлежащее свойство древней испанской поэзіи. Въ ней мало лирическихъ элементовъ; нѣтъ ничего мечтательнаго, она заимствуетъ свое содержаніе изъ сферы дѣйствительной, изъ исторіи. Но здѣсь воображеніе поэтовъ создаетъ, въ угоду народной гордости, небывалыя событія и не полагаетъ никакихъ границъ своимъ правамъ. Оно по своему передѣлываетъ исторію. Черезъ столѣтіе послѣ смерти Фердинанда I, его эпоха уже была совершенно преобразена народными поэтами. Ему была предоставлена отчасти та же роль, какую Карлъ Великій играетъ въ романахъ каролингскаго цикла. Сидъ замѣняетъ Роланда и Оливьера.

Мы видѣли отношенія Сидъ къ королю. Старинный романсъ поетъ также объ его поступкахъ съ папою.

Разсказъ, содержащійся въ этомъ романсѣ, принадлежитъ къ той же сфере, къ которой относятся баснословныя войны Фердинанда I, его побѣда надъ германскими императоромъ и взятіе Кастильцами Парижа. Сидъ никогда не былъ въ Римѣ. Свиданіе его съ папою — дѣло народнаго воображенія, которое приводило своего любимца въ соприкосновеніе со всѣми властями того времени. Замѣтимъ впрочемъ, что Сидъ не былъ исключительно представителемъ одного феодальнаго сословія: низшіе классы народа также присвоивали его себѣ. По нѣкоторымъ преданіямъ, мать Сидъ была простая поселянка; по другимъ, отецъ его былъ мельникъ. Зятья его, инфанты каріонскіе, жаловались, по свидѣтельству романа, на то, что имъ, сыновьямъ королей, родственникамъ императоровъ, пришлось жениться на дочеряхъ пахаря. Такимъ образомъ Сидъ принадлежитъ по рожденію двумъ сословіямъ, къ которымъ преимущественно обращалась народная поэзія. Поэты того времени, по вѣрному замѣчанію Дози, жонглеры, переходили изъ замка въ замокъ, изъ деревни въ деревню и пѣли тамъ свои произведенія. Повидимому они мало посѣщали города, потому что горожане, вѣроятно слишкомъ занятые матеріальными интересами, рѣдко являются въ поэмахъ и романахъ. Жонглеры говорятъ только о дворянахъ, да о крестьянствѣ — сословіяхъ, которыя, по положенію своему въ Кастиліи, были тѣсно между собою связаны и за-одно поддерживали феодальныя начала. Отношенія ка-

стильскихъ городовъ были совѣмъ другія: пользуясь значительными муниципальными льготами, они очень рѣдко вступали въ споръ съ монархическою властію и доставили ей въ эпоху Фердинанда и Изабеллы, своими ополченіями или германдадой, рѣшительный перевѣсъ надъ феодальнымъ дворянствомъ.

Возьмемъ теперь другую сторону Сиды, также смягченную въ послѣдствіи. Всякому образованному читателю извѣстно, какимъ страстнымъ и почтительнымъ любовникомъ является Сидъ въ романахъ позднѣйшаго происхожденія. Стихотворная хроника представляетъ его отношенія къ Хименѣ совѣмъ въ другомъ видѣ. Родригъ женился на ней противъ собственной воли, въ угоду королю, желавшему положить конецъ междоусобіямъ, которыхъ театромъ была Кастилія. Бракъ былъ, слѣдовательно, чисто политическій. Характеръ самой Химены не отличался въ началѣ особенною женственностію. Она отправляется ко двору короля Фердинанда съ жалобою на Родрига, убившаго ея отца и державшаго въ плѣну ея братьевъ. Король объясняетъ ей смутное положеніе государства и трудность наказать ея обидчика. Когда Химена Гомецъ услышала эти слова, «ради Бога, государь», сказала она, «не сердитесь на меня за то, что я предложу вамъ. Я вамъ покажу, какъ можно успокоить Кастилію и другія государства ваши. Выдайте меня замужъ за Родрига, за того, кто убилъ отца моего».

Мы совершенно согласны съ слѣдующими замѣчаніями г. Дози. Химена предлагаетъ свою руку Родригу не въ слѣдствіе пламенной страсти, а изъ чувства долга. Она не любитъ Родрига, но жертвуетъ собою, ибо надѣется отвратить такимъ образомъ бѣдствія, угрожающія Кастиліи. Въ одномъ изъ древнѣйшихъ романсовъ проглядываетъ впрочемъ личное чувство женщины, неясная надежда на счастье. «Тотъ, кто надѣлалъ мнѣ такъ много зла, окажетъ мнѣ быть можетъ и добро», говоритъ она. Родригъ сначала отвѣчаетъ отрицательно на предложеніе Фердинанда вступить въ бракъ съ Хименою, но потомъ женится и живетъ съ нею счастливо. Чувство рыцарской любви къ женщинѣ и почтительное обращеніе съ нею принадлежатъ, наравнѣ съ чувствомъ рыцарской вѣрности государю, къ позднѣйшимъ явленіямъ средневѣковой испанской жизни. XI-му вѣку они были почти неизвѣстны. Женщина въ тогдашней Испаніи была вѣрною подругою и отголоскомъ мѣнѣй мужа, а не идоломъ, принимающимъ поклоне-

ніе обожателей. Въ извѣстномъ сочиненіи принца донъ Хуана Эммануила, въ «Графѣ Луканорѣ», находится весьма любопытный рассказъ объ Альварѣ Фанецѣ и его супругѣ. Одинъ изъ родственниковъ Альвара замѣтилъ ему, что онъ слишкомъ подчиняется своей женѣ, донѣ Васкуньянѣ. Донъ Альваръ обѣщалъ ему скорый отвѣтъ и черезъ нѣсколько дней выѣхалъ съ нимъ и женою на прогулку. Рыцари ѣхали впереди, дама слѣдовала за ними. На дорогѣ имъ встрѣтилось стадо коровъ, и донъ Альваръ сказалъ своему родственнику: «посмотрите, братъ мой, какія у насъ здѣсь прекрасныя лошади». — «Какъ, лошади? вѣдь это коровы!» — «Я боюсь не сошли ли вы съ ума, братъ мой. Это настоящія лошади». Рѣшеніе спора предоставлено было подѣлывавшей къ тому времени донѣ Васкуньянѣ. Сначала ей самой показалось, что она видитъ коровъ, но узнавъ мнѣніе мужа, тотчасъ съ нимъ согласилась, ибо была увѣрена, что онъ никогда не ошибается. Нѣсколько разъ во время прогулки повторилъ донъ Альваро свой опытъ съ однимъ и тѣмъ же успѣхомъ, и тѣмъ доказалъ бѣдному родственнику, который начиналъ сомнѣваться въ свидѣтельствѣ собственныхъ глазъ, неосновательность его предположеній. Отсюда произошла испанская поговорка: когда мужъ говоритъ, что ручей течетъ обратно къ источнику, добрая жена должна ему вѣрить и съ нимъ соглашаться. Въ древнѣйшихъ памятникахъ поэзіи Химена походить на дону Васкуньяну. Особенно въ поэмѣ о Сидѣ хорошо обрисованы ея покорность и безграничная преданность волѣ супруга. Отъ нея вѣетъ нравственной чистотой, удаляющей возможность всякаго сравненія съ героинями бретанскаго цикла, которыя безъ зазрѣнія совѣсти отдають руку убійцѣ отца или супруга, уступая голосу любви. Для нихъ не существуетъ понятій о долгѣ и нравственныхъ приличіяхъ. Г. Дози полагаетъ, что романы бретанскаго цикла не имѣли успѣха въ Испаніи по причинѣ господствующаго въ нихъ воззрѣнія на женщинъ.

Къ числу самыхъ характеристическихъ эпизодовъ поэтической біографіи Сиды принадлежитъ сватовство и женитьба инфантовъ коріонскихъ на его дочеряхъ. Сватомъ былъ самъ король Альфонсъ VI. Нехотя согласился Сидъ исполнить волю короля и выдать дочерей за инфантовъ.

«Сидъ мой жилъ въ Валенціи со всѣми вассалами своими; при немъ находились оба зятя его, инфанты коріонскіе. Онъ лежалъ на одрѣ

ножю; Кампеадоръ спалъ. Тогда, знайте это, случилось очень нехорошее происшествіе. Левъ сорвался съ цѣпи, которою онъ былъ прикованъ, и вышелъ изъ кѣтки. Тѣ, которые стояли на дворѣ, исполнены страха; спутники Кампеадора обернули руки, вмѣсто щитовъ, плащами: они окружаютъ кровать и не хотятъ покинуть своего господина. Фернандъ Гонзалесъ ¹⁾ не зналъ куда спрятаться. Онъ не нашелъ двери ни въ комнату, ни въ башню; страхъ его былъ такъ великъ, что онъ забился подъ кровать. Діего Гонзалесъ выскочилъ въ дверь, крича: «никогда не видать мнѣ болѣе Коріона!» Испуганный, онъ спрятался за давящую (винограда) и вымаралъ свой плащъ и панцырь. Тогда проснулся тотъ, кто родился въ благоприятный часъ. Онъ видитъ своихъ храбрыхъ воиновъ около кровати своей. «Что случилось съ вами, товарищи, чего хотите вы?» — «Ахъ, многоуважаемый господинъ, левъ насъ засталъ въ распλοхъ». Но Сидъ оперся на локоть и всталъ. Накинувъ плащъ на плечи, онъ прямо пошелъ ко льву. Когда левъ завидѣлъ его, ему стало стыдно передъ Сидомъ: онъ склонилъ голову. Мой Сидъ, донъ Родригъ, взявъ его за гриву, отвелъ въ кѣтку и занеръ. Всѣ бывшіе тамъ удивлялись; оставивъ дворъ, они возвратились потомъ въ палаты. Сидъ позвалъ зятьевъ своихъ, но ихъ не могли отыскать; ихъ зовутъ, но они не откликаются; наконецъ ихъ нашли, и они явились. Оба были очень блѣдны. Никогда не придется вамъ слышать такихъ насмѣшекъ, какія говорились въ то время. Мой Сидъ Кампеадоръ не позволялъ болѣе смѣяться надъ зятьями, но инфанты коріонскіе считали себя жестоко оскорбленными; они пришли въ бѣшенство отъ того, что съ ними случилось».

Вскорѣ послѣ приключенія со львомъ, Родригъ одержалъ большую побѣду надъ Маврами. Инфанты не показали особеннаго мужества въ битвѣ, однако они получили на свою долю хорошую часть добычи. Тогда они рѣшились воротиться домой съ супругами своими. Родригъ согласился ихъ отпустить и далъ имъ въ провозатые племянника своего Фелеца Муніоса. При самомъ началѣ путешествія коріонскіе инфанты обнаружили вполне свое коварство: они хотѣли убить и ограбить богатаго Мавра, Сидова друга, у котораго нашли гостепріимный пріемъ. Но у нихъ были еще худшіе замыслы, которые они намѣрены

¹⁾ Одинъ изъ инфантовъ. Его не должно смѣшивать съ Фернандомъ Гонзалесъ, который сдѣлалъ героемъ отдѣльнаго цикла романсовъ.

были привести въ исполненіе въ дремучемъ лѣсу. Здѣсь остановились на ночлегъ инфанты. На разсвѣтѣ они отправили впередъ свою свиту и остались наединѣ съ своими супругами. Въ надеждѣ на безнаказанность, вѣроломные рыцари высказали дочерямъ Сиды свою ненависть и желаніе отомстятъ за обиды, нанесенныя имъ въ Валенціи. Бѣдныя жены умоляютъ инфантовъ отрубить имъ головы знаменитыми мечами Коладою и Тизономъ, которые Сидъ далъ зятьямъ, снаряжая ихъ въ дорогу. Предатели не слушаютъ моленій и до изнеможенія бьютъ женъ своихъ шпорами и ремнями. Когда жертвы ихъ жестокости перестали уже кричать отъ боли, инфанты оставили ихъ лѣснымъ звѣрямъ и хищнымъ птицамъ, а сами пустились въ дальнѣйшій путь. Но вѣрный Фелецъ Муніосъ видѣлъ издали поступокъ инфантовъ и во-время явился на помощь двоюроднымъ сестрамъ. Онъ приселъ ихъ въ чувство, наполнилъ холодной водой, и посадивъ на своего коня, вывелъ изъ лѣса. Когда Сидъ узналъ о томъ, что случилось, «онъ долго думалъ и молчалъ. Потомъ онъ поднялъ руку и коснулся ею бороды своей. Хвала Христу, владыкѣ міра! Инфанты коріонскіе оказали имъ большую честь. Клянусь этою бородою, до которой никто не дотрогивался, инфанты недолго будутъ радоваться своему дѣлу. Я съумѣю выдать дочерей моихъ замужъ».

Сидъ дѣйствительно отомстилъ зятьямъ своимъ; они принуждены были отдать назадъ богатое приданое, мечи Коладу и Тизона, и всенародно сознаться въ безчестномъ поступкѣ. Дочери Сиды вышли вторично замужъ за инфантовъ наварскаго и аррагонскаго. Г. Доза полагаетъ, что жонглеръ, которому мы обязаны поэмою о Сидѣ, руководился въ этомъ эпизодѣ личною ненавистію къ двумъ знатымъ фамиліямъ Гомесъ и коріонскихъ инфантовъ. Трудно доказать вѣрность этого предположенія. Для насъ важнѣе всего черты жестокихъ феодальныхъ нравовъ, которыхъ представителями явились коріонскіе инфанты. Прибавимъ сверхъ того, что въ поэмѣ о Сидѣ нравы и обычаи настоящіе выставлены не такъ рѣзко и сурово, какъ въ стихотворной хроникѣ, которая очевидно ближе къ народному преданію.

Мы привели выше нѣсколько историческихъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ видно, что Родригъ не всегда строго держалъ данное слово. Конечно, въ этомъ отношеніи онъ такъ же отступаетъ, какъ и во многихъ другихъ, отъ правилъ рыцарской чести. Но современники едвали ставили ему въ укоръ эту черту, о которой не безъ удоволь-

ствія упоминають поѣтическіе памятники. Когда изгнанный Сидъ выѣзжалъ изъ Бургоса (разсказываетъ поема о немъ), ему понадобились деньги. Онъ велѣлъ набить пескомъ два большіе сундука и обманулъ двухъ бургосскихъ Евреевъ, которымъ заложилъ эти ящики за 600 марокъ. Евреи повѣрили ему на слово, приняли песокъ вмѣсто обѣщанныхъ драгоценностей и обязались не открывать сундуковъ въ теченіе цѣлаго года. Позднѣйшій поэтъ, излагая этотъ случай, прибавляетъ, что въ этихъ ящикахъ хранилось «злато Сидова слова». У жонглера XIII столѣтія вовсе нѣтъ такихъ понятій. Онъ просто разсказываетъ происшествіе, въ которомъ по его мнѣнію, обнаруживались умъ и хитрость кастильскаго героя. Вообще честность и правдолюбіе не считались на Пиренейскомъ полуостровѣ, въ эпоху Сиды, необходимыми принадлежностями феодалнаго воина. Здѣсь видно вліяніе мухаммеданскихъ нравовъ. «Воевать, значитъ обманывать», сказалъ Мухаммедъ. Когда Родригъ жилъ въ Валенціи, онъ, по словамъ Ибн-Бассана, заставлялъ себѣ читать сказанія о подвигахъ Арабовъ. Никто изъ мухаммеданскихъ вождей не возбуждалъ въ немъ такого восторга и не внушалъ къ себѣ такого участія, какъ Аль-Мохалабъ, прозванный лжецомъ. Къ этому Мохалабу обратился современный арабскій поэтъ съ слѣдующимъ стихомъ: «Ты былъ бы благороднѣйшій изъ витязей, еслибъ ты имѣлъ привычку говорить правду». Упрекъ поэта не помрачилъ, повидимому, чести арабскаго героя. Г. Дози приводитъ о немъ другое, болѣе положительное и согласное съ идеями той эпохи свидѣтельство: «Аль-Мохалабъ былъ ученый знатокъ корана; ему извѣстны были слова пророка, сказавшаго, что всякая ложь будетъ сочтена за таковую, за исключеніемъ трехъ случаевъ: лжи, сказанной для примиренія двухъ ссорящихся; лжи мужа, обѣщающаго что-нибудь женѣ своей, и лжи воина произносящаго угрозы предъ битвою».

Во всеобщей хроникѣ Альфонса X характеръ Сиды является намъ уже нѣсколько смягченнымъ. Король-лѣтописецъ не могъ питать сочувствія къ мятежному вассалу и охотно приводитъ заимствованныя имъ изъ арабскихъ источниковъ показанія о жестокости Сиды. Зато онъ изображаетъ его отношенія къ Альфонсу VI въ лучшемъ и болѣе приличномъ настоящему рыцарству видѣ, чѣмъ стихотворная хроника и даже поема. По мѣрѣ укрѣпленія въ Испаніи монархическихъ понятій и рыцарскихъ идей, составители романсовъ болѣе и болѣе стира-

ють суровыя черты настоящаго Сидѣ и приближають его къ своей эпохѣ. Эти романсы вытѣснили изъ народнаго употребленія другіе, болѣе древніе памятники поэзіи, въ которыхъ дѣйствительность отражалась чище и вѣрнѣе. Можно сказать, что исторія и поэзія дѣйствовали въ этомъ случаѣ за-одно. Историческія компіляціи XVI и XVII столѣтій, уоминающія о Сидѣ, возникли подъ вліяніемъ идей, совершенно чуждыхъ XI вѣку. Даже Филиппъ II увлекся общимъ направленіемъ и питалъ глубокое уваженіе къ памяти представителя строптивой аристократіи, которая такъ долго задерживала въ Испаніи прочное укрѣпленіе монархическаго начала.

Оканчивая обзоръ прекрасной книги г. Дози, мы подѣлилися съ нашими читателями пріятнымъ извѣстіемъ о его намѣреніи издать полную исторію средневѣковой Испаніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что изъ современныхъ ученыхъ никто не можетъ выполнить эту задачу съ такимъ успѣхомъ, какъ онъ. Да будетъ намъ позволено выразить еще одно желаніе. Русская литература крайне бѣдна переводами произведеній средневѣковой поэзіи. Поэма о Сидѣ принадлежитъ къ числу первокласныхъ памятниковъ этой поэзіи и способна возбудить участіе всякаго образованнаго читателя. Простотою формы, занимательностію содержанія она несравненно выше рыцарскихъ романовъ XII и XIII столѣтій, написанныхъ въ остальной Европѣ: это чисто эпическое произведеніе. Неужели никто изъ нашихъ молодыхъ поэтовъ и ученыхъ не возьметъ на себя труда подарить насъ переводомъ замѣчательнаго памятника, изъ котораго лучше, чѣмъ изъ многотомныхъ разсужденій, можно понять жизнь Пиренейскаго полуострова въ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ періодовъ его исторіи?

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВО ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ

въ 1847 году ¹⁾).

I.

Литературная производительность Европы находится въ постоянномъ возрастаніи. Въ одномъ 1846 году вышло навѣрно болѣе книгъ, чѣмъ въ теченіи первыхъ ста лѣтъ, прошедшихъ послѣ Гуттенбергова изобрѣтенія. Но можно ли вѣнчать западнымъ литературамъ въ достоинство такое богатство явленій? Что вызвало его: дѣйствительныя требованія науки и жизни, или болѣзнь дряхлѣющаго и празднаго общества, какъ говорятъ многіе? Они оправдываютъ строгость приговора сравненіемъ римскаго общества временъ имперіи съ настоящимъ европейскимъ. Для обоихъ наступила пора усталости послѣ страстнаго напряженія силъ. Новое поколѣніе холодно смотритъ на цѣли, достиженіе которыхъ составляло жизненную задачу отцовъ, но до сихъ поръ ему не удалось уяснить своихъ собственныхъ, болѣе достойныхъ цѣлей. Господствующій образъ мыслей отнялъ много побужденій, господствующій порядокъ вещей много средствъ къ дѣятельности. Положеніе не нормальное, не удовлетворяющее самымъ законнымъ потребностямъ отдѣльныхъ лицъ и народовъ. Римлянинъ искалъ въ спорахъ риториковъ, въ бойняхъ цирка, вознагражденія за отнятыя у него преданія форума, за другія битвы, въ которыхъ и онъ могъ бы не

¹⁾ Эта статья, равно какъ и слѣдующая за нею, напечатаны въ Современникѣ 1847 и 1848 года.

краснѣя явиться ратникомъ. Человѣкъ нашего времени старается найти въ книгѣ то, чего не даетъ ему дѣйствительность: движеніе, захватывающіе вниманіе вопросы. Онъ хочетъ умственнымъ напряженіемъ замѣнить недостатокъ положительной дѣятельности. Странное явленіе! Жизнь наводитъ на душу сонъ; разгонять его должна литература, которая есть не что иное, какъ искусственное отраженіе жизни. Исторія сдѣлалась для насъ тѣмъ, чѣмъ былъ нѣкогда для Римлянъ циркъ: бойцами являются прошедшія поколѣнія, зрителями — томимые скукою, праздные Европейцы XIX вѣка. Справедливо ли это мнѣніе и историческая аналогія, на которой оно отчасти основано? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ должны служить отчеты о движеніи исторической литературы во Франціи и въ Германіи, которые отнынѣ будутъ постоянно помѣщаться въ «Современникѣ».

Быть можетъ, такое обѣщаніе покажется слишкомъ гордымъ. Не одна исторія обращаетъ на себя вниманіе читателей и усилія ученыхъ, слѣдовательно, она не можетъ быть полною представительницею умственной жизни западныхъ народовъ. Любопытности отырылась огромная область естественныхъ наукъ съ ея неистощимыми богатствами и неожиданными откровеніями. Можно сказать, что ни одна отрасль человѣческаго знанія не возбуждаетъ теперь большаго участія, ни одна не обѣщаетъ такихъ наградъ за трудъ ей посвященный. Только ограниченность или невѣжество могутъ равнодушно смотрѣть на великіе успѣхи химіи и физиологіи. Кромѣ возможности безконечныхъ улучшеній во внѣшнемъ бытѣ обществъ, дѣло идетъ о рѣшеніи вопросовъ, нерѣшимыхъ во всякой другой сферѣ. Для историка, напримеръ, различіе породъ человѣческихъ существуетъ какъ нѣчто данное природою, роковое, необъяснимое ни въ причинахъ, ни въ слѣдствіяхъ. Можно догадываться, что это различіе находится въ тѣсной связи съ началомъ національностей, что оно, какъ тайный дѣятель, участвуетъ въ безконечномъ множествѣ явленій; но одна физиологія въ состояніи въ этомъ случаѣ перевести отъ догадки къ уразумѣнію самаго закона. Во многихъ недавно вышедшихъ учебныхъ книгахъ исторіи уже находятся предварительныя свѣдѣнія о переворотахъ и состояніи самой планеты нашей, съ указаніемъ на новыя открытія геологіи и т. д. Число идей, выработанныхъ въ сферѣ естествознанія и различными путями проникающихъ въ другія науки, безпрестанно увеличивается. Но нельзя въ то же время не замѣтить опаснаго за-

блужденія тѣхъ немалочисленныхъ защитниковъ естествовѣдѣнія, которые видятъ въ немъ вѣнецъ современной образованности и хотятъ дать ему первое мѣсто въ воспитаніи, съ рѣшительнымъ перевѣсомъ надъ науками историческаго и филологическаго содержанія. Здѣсь говорится не о специалистахъ, которые отстаиваютъ свой предметъ потому только, что не знаютъ ничего другаго, а о людяхъ мыслящихъ и многосторонно образованныхъ, но увѣченныхъ складомъ ума болѣе мечтательнымъ, чѣмъ точнымъ. Ослабленные блестящими успѣхами естественныхъ наукъ, они не замѣчаютъ, что эти успѣхи въ связи съ общимъ движеніемъ, совершающимся въ сферѣ знанія. Незнакомые съ великими завоеваніями исторіи и филологіи, съ новою критикою, которая на основаніи точныхъ и вѣрныхъ законовъ дѣйствуетъ съ математическою строгостію, они упустили изъ виду даже тѣ богатые заимствованія, которыя гонимыя ими науки сдѣлали изъ области естествознанія. Но этотъ споръ имѣетъ не одно теоретическое значеніе; онъ касается высшихъ вопросовъ нравственныхъ и общественныхъ. Отъ его рѣшенія зависитъ воспитаніе и, слѣдовательно, участь будущихъ поколѣній. Сильнѣе думать, что побѣда останется не на сторонѣ такъ называемыхъ реалистовъ. Старая распря человѣка съ природою почти кончена: природа уступаетъ ему свои тайны и свои силы. Понятна вся важность этой побѣды. Ея слѣдствія должны обнаружиться не въ одномъ обогащеніи науки или внѣшнемъ благосостояніи народовъ, а въ болѣе ясномъ взглядѣ на самую жизнь. Но нравственныя потребности человѣка еще не удовлетворены такимъ торжествомъ. Природа противникъ ему не равносильный: ея сопротивленіе страдательное. Она есть только подножіе исторіи, въ которой совершается главный подвигъ человѣка, гдѣ онъ самъ является водчимъ и матеріаломъ. Въ пѣсняхъ скандинавской Эдды сохранился глубокий мифъ о Торѣ и Бальдерѣ. Торъ — олицетвореніе природы, самый сильный изъ боговъ; но онъ бессмысленно добродушенъ и бессмысленно жестокъ, его сила служить другимъ, а не ему. Иное значеніе дано Бальдеру, представителю нравственной, т. е. исторической жизни. Онъ носитъ названіе бога ярови и слезъ; но онъ разуменъ и прекрасенъ: около него вращается судьба скандинавскихъ боговъ. Его гибель влечетъ за собою ихъ паденіе. Такъ опредѣляя поэтическій смыслъ древнихъ поколѣній вопросъ, занимающій мыслителей XIX вѣка.

Исторія по самому содержанію своему должна болѣе другихъ наукъ принимать въ себя современные идеи. Мы не можемъ смотрѣть на прошедшее иначе, какъ съ точки зрѣнія настоящаго. Въ судьбѣ отцовъ мы ищемъ преимущественно объясненія собственной. Каждое поколѣніе приступаетъ къ исторіи съ своими вопросами: въ разнообразіи историческихъ школъ и направленій высказываются задушевные мысли и заботы вѣка. Вотъ на какомъ основаніи обзоръ исторической литературы можетъ быть отчетомъ о движеніи общественнаго мнѣнія въ западной Европѣ.

Histoire des races maudites de la France et de l'Espagne, par Francisque Michel, Paris, 1847. (Исторія проклятыхъ породъ, Франциска Мишеля).

Францискъ Мишель давно извѣстенъ своими изданіями памятниковъ древней французской литературы. Въ исторіи «проклятыхъ породъ» онъ посвятилъ свои изслѣдованія одному изъ самыхъ странныхъ и темныхъ историческихъ вопросовъ. Книга его составлена съ величайшею добросовѣстностію. Не довольствуясь изученіемъ существующихъ уже сочиненій объ избранномъ имъ предметѣ, авторъ посѣтилъ большую часть мѣстностей, гдѣ живутъ или жили каготы и другіе отверженцы, собралъ изустныя преданія, народныя пѣсни и повѣрилъ ихъ свидѣтельствами архивовъ.

Исторія проклятыхъ породъ, говоритъ онъ, могла бы служить лучшимъ доказательствомъ неодолимаго владычества предразсудковъ и безсилія закона надъ нравами, которые онъ осуждаетъ. Понятно, почему Евреи, потомки распявшихъ Христа, стали предметомъ ненависти и презрѣнія для христіанъ; сношенія съ ними почти всегда обращались въ невыгодъ послѣднихъ; услуги ими оказанныя забывались, а тяжкія условія оставались въ памяти; самый родъ занятій и невольное смиреніе Евреевъ не могли возвысить ихъ во мнѣніи племенъ земледѣльческихъ и воинственныхъ. Еще понятнѣе причины народной вражды къ цыганамъ, племени безъ вѣры и безъ законовъ, живущему воровствомъ и обманомъ. Но каготы, чуетасы, вакеросы и т. д. ни въ чемъ не сходны съ Евреями и цыганами; ихъ вѣра таже,

что у них сосѣдей; они жили честными и полезными промыслами. Гдѣ же основаніе ненависти и отвращенія, которыхъ они постоянно были предметомъ?

Самая замѣчательная и многочисленная изъ проклятыхъ породъ — каготы. Подъ разными именами разсѣяны они въ западной и южной Франціи: въ нижней Наваррѣ, въ землѣ Басковъ, въ Беарнѣ, Гвиеннѣ, нижнемъ Пуату, Бретани и Монтѣ. Испанскіе каготы или аготы живутъ большею частью въ верхней Наваррѣ и въ Бостанской долинѣ. Въ Бискаіѣ ихъ нѣтъ вовсе. Но въ сосѣдней Гвипускоѣ юнты не разъ принимали противъ нихъ жестокия мѣры. Происхожденіе каготовъ, уже загадочное въ концѣ Средняго вѣка, становится темнѣе день ото дня. Вопросъ этотъ подалъ поводъ къ предположеніямъ болѣе или менѣе вѣроятнымъ и остроумнымъ; но достовѣрно то, что эти люди, униженные общественнымъ мнѣніемъ, носили на себѣ какую-то печать проклятія и были повсюду гонимы какъ прокаженные, которыхъ видъ и прикосновеніе наводили страхъ. Ихъ не называли по имени; а просто каготами или христіянами. Ихъ хижины строились подъ сѣнію колоколенъ и башенъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревень, въ которыя имъ разрѣшенъ былъ входъ только въ качествѣ кровельщиковъ и плотниковъ и для слушанія божественной службы. Въ церкви имъ назначена была особенная, небольшая дверь для входа и выхода; святую воду имъ подавали также изъ особенной кропильницы или на цалкѣ. У нихъ было свое мѣсто въ храмѣ, гдѣ они стояли отдѣленные отъ прочихъ вѣрующихъ. Даже надъ прахомъ ихъ тяготѣло отверженіе; на кладбищахъ ихъ могилы заботливо отдѣлялись отъ тѣхъ, гдѣ опочивали люди чистой породы. Мысль, что въ каготахъ нѣтъ ничего человѣческаго, до того укоренилась въ народѣ, что нищій отецъ могъ позволить дочери просить подаянія и ни за что не далъ бы согласія на бракъ съ каготомъ. Предразсудокъ перешелъ отъ народа въ высшіе классы общества: церковь и государство согласно устраняли отъ всякихъ должностей жертвы этого предразсудка; гоненіе дошло до того, что указаны были особые источники, гдѣ имъ было позволено черпать воду: у Пиренеевъ почти нѣтъ деревни, гдѣ бы не было *колодца каготовъ*. Не мудрено, что на нихъ падали самыя оскорбительныя клеветы и подозрѣнія. Ихъ обвиняли въ чародѣйствѣ. Народныя пѣсни ругались надъ ихъ семейными радостями и печальми. Съ XVII вѣка правительство на ихъ сторонѣ, но законы

оказались бессильными противъ обычая. Даже 1789 годъ не оправдалъ надеждъ несчастнаго племени: юридическіе памятники ихъ уничтоженія исчезли, но остались унижительныя для многихъ семейскія преданія объ ихъ презрѣнныхъ предкахъ. Не только въ Испаніи, но и во Франціи не мало темныхъ угловъ, куда не проникало еще просвѣщеніе, и гдѣ историческія предубѣжденія сохранили всю страшную силу свою. Разпросы Г. Мишеля часто подвергали его непріятности прослыть за кагота. «Было бы еще хуже, если бы я обратился прямо къ этимъ несчастнымъ, говоритъ онъ: а теперь, какъ за столѣтъ, иностранецъ, говорящій съ ними, внушаетъ подозрѣніе и недоувѣріе къ себѣ». За нѣсколько лѣтъ до революціи, въ окрестностяхъ Бордо солдатъ отрубилъ богатому каготу руку за то только, что онъ осмѣлился взять святой воды изъ общей кропильницы. Подобныя поступки теперь невозможны. Но въ Ше (*Cheust*), въ департаментѣ верхнихъ Пиренеевъ, разошлась въ 1841 г. свадьба очень выгодная для обѣихъ сторонъ, потому что женихъ принадлежалъ къ «проклятой породѣ». Авторъ приводитъ нѣсколько подобныхъ случаевъ. Въ муниципальныя должности каготы почти никогда не избираются, хотя многіе изъ нихъ по богатству и образованію принадлежать къ самымъ почетнымъ гражданамъ. Въ 1843 г. была рѣшена замѣчательная тяжба двухъ наварскихъ каготовъ (мужа и жены), требовавшихъ равнаго съ прочими жителями Арискуна участія въ церковныхъ обрядахъ и церемоніяхъ. Епископъ колагорскій, къ которому дѣло дошло по аппеляціи, произнесъ приговоръ въ пользу истцовъ, къ крайнему неудовольствію общины, отстаивавшей права чистой крови.

Первое свидѣтельство существованія каготовъ въ южной Франціи находится въ дарственной грамотѣ лукскому аббатству, составленной около 1000 года. Этимъ актомъ уступлены были монастырю мельничная плотина и домъ христіанина Доната. Подъ этимъ именемъ являются они въ древнѣйшихъ памятникахъ. Въ городскихъ и областныхъ уставахъ XIV вѣка уже опредѣлены юридическія отношенія христіанъ. Беарискій обычай 1303 года требуетъ въ уголовныхъ дѣлахъ, при совершенномъ отсутствіи доказательствъ, свидѣтельства 7 человѣкъ или 30 каготовъ. Но другая позднѣйшая статья того же обычая освобождаетъ ихъ жилища, на равнѣ съ церквами и больницами, отъ всякихъ повинностей и податей. Городовое право города Мармандъ (въ департаментѣ Лота и Гароны) содержитъ болѣе жесто-

кія опредѣленія. Каготамъ запрещено входить въ городъ безъ красной нашивки на платьѣ и безъ обуви; при встрѣчѣ съ прохожими они должны останавливаться поодаль, на краю дороги; только по пошестьникамъ дано имъ право кунли на рынкѣ; входъ въ питейные дома имъ возбраняется, равно какъ продажа всякихъ съѣстныхъ припасовъ. Въ случаѣ жажды они могутъ черпать воду только изъ своего, имъ отведеннаго колодца. За каждое нарушеніе устава положена большая денежная пеня. Эти статьи мармандскаго муниципальнаго права были приняты многими городами южной Франціи. Мы находимъ ихъ въ постановленіи, изданномъ бордосскимъ магистратомъ въ 1573 году. Въ денежной пени прибавлено тѣлесное наказаніе. Около того же времени ремесленные цехи города Бордо положили непремѣннымъ условіемъ при принятіи новыхъ мастеровъ и рабочихъ чистоту крови. Въ Сизѣ имъ не дозволялось держать скота, крохъ одной свиньи для пищи и одного осла или лошади для перевоза вещей. Брачные союзы они могли заключать только между собой. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ каготамъ подѣ опасеніемъ наказанія плетью запрещалась работа на мельницахъ, всякое прикосновеніе къ муку назначенной въ продажу и участіе въ пляскахъ народныхъ. Самыя льготы имъ данныя были унижательны, ибо устранили ихъ отъ всякой общественной дѣятельности. Такимъ образомъ они были избавлены отъ военной службы, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишены права носить оружіе; къ должностямъ они не допускались; освобожденіе отъ податей ставило ихъ на ряду съ пропавшими, а не съ высшими сословіями, хотя печальныя права его племени дали одному каготу поводъ къ замѣчанію, что французскіе дворяне и каготы одно и тоже. Большая часть изъ нихъ занималась ремесломъ кровельщиковъ и плотниковъ: бретанскіе каготы или *Saqumex* были веревочники.

Въ началѣ XVI вѣка наварскіе каготы принесли папѣ Льву жалобу на мѣстное духовенство, которое не допускало ихъ на равнѣ съ другими христіянами къ участію въ таинствахъ и торжествахъ церковныхъ, подѣ тѣмъ предлогомъ, что ихъ предки помогали графу Тулузскому, возставшему противъ римской церкви. Папа немедленно издалъ буллу, въ которой запрещалъ отличать каготовъ отъ остальныхъ католиковъ; но несмотря на его приказаніе и содѣйствіе свѣтскихъ властей, воля его не была приведена въ исполненіе. Одинъ изъ сановниковъ королевскаго совѣта въ Наваррѣ протестовалъ про-

тивъ папскаго рѣшенія на томъ основаніи, что каготы происходятъ не отъ еретиковъ, бывшихъ союзниками графа Тулузскаго, а отъ слуги пророка Елисея, Гіезія, наказаннаго проказою за корыстолюбіе свое. Проклятіе, произнесенное надъ Гіезіемъ, перешло и на потомство его: каготы, по словамъ ихъ противника, заражены проказою; трава сохнетъ подъ ихъ ногами; плоды, къ которымъ они прикасаются руками, немедленно портятся; тѣло ихъ издаетъ зловещественный запахъ и т. д. Эти недѣльные обвиненія, сколько замѣтно, не имѣли вліянія на мѣры правительства, но нашли большое сочувствіе и опору въ народѣ, чему доказательствомъ служить приведенная выше тяжба, рѣшенная епископомъ калагорскимъ. Положеніе гвинуской-скихъ каготовъ было еще хуже, чѣмъ въ Наваррѣ, потому что областныя юнты раздѣляли относительно ихъ всѣ предубѣжденія невѣжественной толпы. Изъ всего сказаннаго очевидно, что главный источникъ ненависти къ каготамъ заключается въ предположеніи, что они одержимы какою-то наследственною и заразительною болѣзнію. Ихъ отличительными признаками полагали отсутствіе ушной мочки, густые волосы на ушахъ и непріятный запахъ. Слѣдующій разсказъ, сообщаемый Г. Мишелемъ, показываетъ, что уже въ XVI вѣкѣ многіе стояли выше народнаго предразсудка. Генрихъ IV въ молодости былъ влюбленъ въ одну дѣвушку изъ селенія Билеръ. Она призналась ему со слезами, что не смѣетъ отвѣчать его страсти, потому что принадлежитъ къ проказному племени. — «Я самъ такой же», отвѣчалъ будущій король французской, и не прекратилъ своихъ исканій.

Въ царствованіе Генриха IV, тулузскій парламентъ сдѣлалъ благородную попытку примирить каготовъ съ обществомъ, которое ихъ такъ безжалостно и бессмысленно преслѣдовало. Въ 1606 году парламентъ поручилъ комиссіи, составленной изъ докторовъ медицины и хирурговъ, произвести слѣдствіе и донести ему, дѣйствительно ли справедливо общее мнѣніе о болѣзняхъ каготовъ? Двадцать двѣ особы этой породы, разнаго пола и возраста, подверглись медицинскому осмотру и кровопусканію. Комиссія единогласно заключила, что освидѣтельствованныя ею лица пользуются полнымъ здоровьемъ, не носятъ никакихъ признаковъ заразныхъ или другихъ болѣзней и не могутъ законнымъ образомъ быть лишены участія въ гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ. Но ненависть, перешедшая въ обычай, не слушала словъ науки. 66 лѣтъ спустя провинціальныя чины

французской Наварры предписали точное исполненіе всѣхъ прежнихъ, направленныхъ противъ каготовъ мѣръ.

Зато наука явилась ихъ вѣрнымъ и дѣятельнымъ ходатаемъ. Основываясь на приговорахъ медицины и на общихъ началахъ права, французскіе юристы боролись съ жестокимъ обычаемъ. Эвень (*Hevin*), знаменитый бретаньскій адвокатъ, подалъ примѣръ. Въ теченіи XVII вѣка парламенты тулузскій, реннскій и наварскій (въ По) издали нѣсколько постановленій въ пользу каготовъ. Епископъ тарбскій, умершій въ 1768 году, посвятилъ въ священство многихъ лицъ проклятой породы. Дотолѣ церковь давала имъ только разрѣшенія на браки въ запрещенныхъ степеняхъ родства. Литература не могла не принять участія въ такомъ вопросѣ. Можно угадать, на чьей сторонѣ стала философія XVIII вѣка. Въ 1786 году Испанецъ Лардисабаль издалъ небольшое сочиненіе о проклятыхъ породахъ Пиренейскаго полуострова, съ цѣлю обратить на нихъ большее вниманіе правительства. Онъ говоритъ, что единственная вина ихъ заключается въ происхожденіи отъ Мавровъ или Евреевъ, но что, по всей вѣроятности, они обратились къ христіанству прежде, чѣмъ большая часть ихъ гонителей. Въ путешествіи по Пиренеямъ Рамона встрѣчаются такія же идеи, хотя авторъ очевидно плохо былъ знакомъ съ предметомъ. Онъ смѣшиваетъ зобатыхъ (*goitreux*) съ каготами. Въ такое же заблужденіе впалъ Драле, хотя его книга безконечно выше книги Рамона. Самое полное и отчетливое изслѣдованіе о каготахъ принадлежитъ натуралисту Паласу. Ф. Мишель много имъ пользовался. Вотъ его главные положенія: каготы не подвержены никакой особенной болѣзни и не отличаются отъ прочихъ жителей края ни нравами, ни сложеніемъ. Отсутствие ушной мочки отнюдь не составляетъ отличительнаго признака этой касты. Этотъ недостатокъ встрѣчается у людей чистой крови, которые потому только иногда слымутъ за каготовъ.

Теперь неоспоримо доказано, что каготовъ не должно смѣшивать ни съ прокаженными Средняго вѣка, ни съ зобатыми, ни съ кретинами. Они составляютъ здоровое, большею частію красивое, трудолюбивое и умное племя. Но злобный предрассудокъ еще удержался, хотя не въ прежней силѣ, во многихъ мѣстностяхъ. Не сохранила ли неутомимая память народа какого-нибудь преданія о древней винѣ проклятаго племени? Но ни въ пѣсняхъ, ни въ пословицахъ, ни въ разсказахъ стариковъ г. Мишель не нашелъ слѣдовъ опредѣленнаго пре-

данія. Въ нихъ однообразно повторяются обвиненія, которыхъ нелѣпость доказана выше. Ученые, которые занимались вопросомъ о каготахъ, производятъ ихъ отъ Арабовъ, отъ Готовъ, отъ Альбигойцевъ и т. д. Ни одно изъ этихъ предположеній не оправдано достаточными доводами. Г. Мишель полагалъ, что каготы потомки тѣхъ жителей Пиренейскаго полуострова, которые при Карлѣ Великомъ переселились въ южную Францію, уходя отъ маврскаго владычества. Льготы, данныя имъ правительствомъ, и національныя особенности вызвали зависть и вражду ихъ галло-римскихъ сосѣдей, которые воспользовались упадкомъ каролингскихъ учреждений и подчинили пришельцевъ игу болѣе тяжкому, чѣмъ было арабское. Сверхъ того, на нихъ пало подозрѣніе въ аріанской ереси, которой держались ихъ предки Вестготы. Можетъ быть они принесли съ собою новую ересь, распространенную въ Испаніи Элипандомъ и Феликсомъ Ургельскимъ. Отсюда произошло вѣроятно мнѣніе объ ихъ наслѣдственной проказѣ, потому что эта болѣзнь считалась въ Средніе вѣка наказаніемъ за всякое отпаденіе отъ чистоты вѣры. Г. Мишель защищаетъ свою гипотезу съ большою ученостію и остроуміемъ, но едва ли съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ его предшественники. Откуда же взялись испанскіе каготы? Вопросъ остается нерѣшеннымъ.

Филологическія изслѣдованія о происхожденіи различныхъ названій, подъ которыми жили въ разныхъ областяхъ Франціи несчастные отверженцы, очень любопытны, хотя, что неизбѣжно въ этой сферѣ, содержатъ въ себѣ много произвольнаго. Совсе неудовлетворительно объяснено названіе христіанъ, данное каготамъ.

Изъ другихъ проклятыхъ породъ Франціи, колиберты нижняго Пуату, по мнѣнію Г. Мишеля, также происходятъ отъ испанскихъ выходцевъ. Мараны, нѣкогда жившіе въ Оверни потомки Евреевъ и Мавровъ, исчезли, равно какъ узелеры бульонскаго герцогства. Но еще осталось нѣсколько общинъ недоказаннаго, очевидно чуждаго происхожденія въ энскомъ департаментѣ, близъ Шалона на Марнѣ и т. д.

Исторія майоркскихъ чуетасовъ столь же печальна, какъ и исторія каготовъ, но гораздо яснѣе. Это обратившіеся къ христіанству потомки испанскихъ Евреевъ. Обращеніе ихъ относится, кажется, къ 1435 году, но въ теченіи слѣдующихъ столѣтій они были постоянными жертвами инквизиціи и народнаго предубѣжденія. Въ 1679 году они подвергались особенно сильному гоненію. Многіе погибли на ко-

стрѣ за преданность закону Моисееву; у остальныхъ было конфисковано имѣніе. Доведенные до крайности, чуетасы рѣшилися массою бѣжать изъ Майорки и наняли уже одно англійское судно. Намѣреніе ихъ было открыто въ 1691 году; костры зажглись снова, и все имущество несчастныхъ, уцѣлѣвшее отъ первой конфискаціи или прибрѣтенное въ 12-лѣтній промежутокъ, отобрано въ пользу казны и инквизиціи. Въ 1782 году на островѣ Майоркѣ находилось еще болѣе 300 семействъ отверженной породы; они несли всѣ повинности, но не участвовали ни въ какихъ правахъ гражданскихъ. Они занимались торговлею и металлическими издѣліями. Въ другіе цехи ихъ не допускали. Вакеросы живутъ въ горахъ Астуріи; происхожденіе ихъ неизвѣстно, но ихъ отдѣляетъ отъ остальнаго населенія взаимная ненависть и недовѣріе. Селенія вакеросовъ называются «брана» и состоятъ изъ небольшого числа весьма бѣдныхъ хижинокъ, въ которыхъ въ случаѣ нужды находятъ убѣжище и скотъ. Скотоводство составляетъ ихъ главный, почти исключительный промыселъ. Въ маѣ они покидаютъ свои хижины и цѣлыми семействами, со всѣмъ имуществомъ своимъ, уходятъ искать пастбищъ на высшихъ горахъ Астуріи и Леона. Оттуда они спускаются обратно въ сентябрѣ. Подобно каготамъ они занимаютъ особое мѣсто въ церкви, подалѣе отъ алтаря. Впрочемъ, они счастливы своимъ невѣжествомъ, простотою нравовъ и отсутствіемъ потребностей. До сихъ поръ они не дѣлали попытокъ къ измѣненію своихъ общественныхъ отношеній.

Большую половину второго тома «Исторіи проклятыхъ породъ» занимаютъ приложенія, между прочимъ народныя пѣсни. Онѣ бѣдны поэзіею и однообразны содержаніемъ, но въ нихъ страшно звучитъ застарѣлая злоба народной массы. Нѣкоторыя пѣсни упрекаютъ каготовъ въ происхожденіи отъ Гіезія, проклинаемаго раба Елисеева. Мы видѣли, что это мнѣніе было высказано въ XVI вѣкѣ въ Наваррѣ, по поводу буллы папы Льва X. Такое преданіе не могло образоваться въ народѣ, а перешло къ нему отъ ученыхъ враговъ каготовъ. Въ пѣсняхъ послѣднихъ много грусти и смиренія. Вотъ припѣвъ, который часто повторяется: «Не будемъ скорбѣть о томъ, что мы каготы; мы всѣ сыны общаго отца Адама и матери Еввы».

Изъ представленнаго краткаго обзора можно понять всю важность янги Г. Мишеля. Она принадлежитъ къ благороднымъ, нравственною мыслию согрѣтымъ явленіямъ исторической литературы. Но

оправдывая отверженные породы, снимая съ нихъ, во имя науки, незаслуженное проклятіе, авторъ приводитъ мыслящихъ читателей къ другимъ вопросамъ. Позволимъ себѣ въ заключеніе нѣсколько замѣчаній. Многочисленная партія подняла въ наше время знамя народныхъ преданій и величаетъ ихъ выраженіемъ общаго непогрѣшимаго разума. Такое уваженіе къ массѣ неубыточно. Довольствуясь созерцаніемъ собственной красоты, эта теорія не требуетъ подвига. Но въ основаніи своемъ она враждебна всякому развитію и общественному успѣху. Массы, какъ природа или какъ скандинавскій Торъ, бессмысленно жестоки и бессмысленно добродушны. Онѣ носятъ подъ тяжестію историческихъ и естественныхъ опредѣленій, отъ которыхъ освобождается мыслию только отдѣльная личность. Въ этомъ разложеніи массъ мыслию заключается процессъ исторіи. Ея задача — нравственная, просвѣщенная, независимая отъ роковыхъ опредѣленій личность и сообразное требованіямъ такой личности общество. Не прибѣгая къ мистическимъ толкованіямъ, пущеннымъ въ ходъ нѣмецкими романтиками и принятымъ на слово многими у насъ въ Россіи, мы знаемъ, какъ образуются народные преданія и понимаемъ ихъ значеніе. Смѣемъ однако сказать, что первыя представленія ребенка не должны опредѣлять дѣятельность зрѣлаго человѣка. У каждаго народа есть много прекрасныхъ, глубоко поэтическихъ преданій; но есть нѣчто выше ихъ: это *разумъ*, устранившій ихъ положительное вліяніе на жизнь и бережно слагающій ихъ въ великія сопроисхожденія человѣка — науку и поэзію.

Vorträge über römische Geschichte an der Universität zu Bonn gehalten von B. G. Niebuhr T. 1—2. Berlin, 1846—47 (Чтенія о римской исторіи, Нибура).

Die Gracchen und ihre nächsten Vorgänger, von K. W. Nitzsch, Berlin, 1847. (Исторія Гракховъ и ихъ ближайшихъ предшественниковъ, Нитча).

Семнадцать лѣтъ прошло послѣ смерти Нибура. Споры, вызванные его смѣлымъ построеніемъ римской исторіи, утихли. Нынѣ едва ли кто усомнится признать его величайшимъ критикомъ не только нашего, но всѣхъ временъ. Его мнѣнія и частные выводы могутъ быть

опровергаемы, но его способъ изслѣдованія принадлежитъ къ числу самыхъ блестящихъ и важныхъ приобретений науки XIX столѣтія. Наслѣдники Нибура приступили теперь къ изданію читанныхъ имъ въ бонскомъ университетѣ лекцій филологическаго и историческаго содержанія. Уже вышли первый томъ курса древней исторіи и два тома чтеній о римской исторіи. Эти нѣсколько запоздалыя явленія конечно не могутъ ничего прибавить къ славѣ знаменитаго ученаго, но они короче знакомятъ съ нимъ даже тѣхъ для кого его «Римская Исторія» была предметомъ постоянного изученія. Изустное преподаваніе Нибура отличалось особенною силою и простотою. Здѣсь преимущественно любилъ онъ пользоваться историческими аналогіями. Событія французской революціи служатъ ему комментариемъ къ переворотамъ римской республики; аристократіи средневѣковыхъ городовъ объясняютъ характеръ древняго патриціата. Иногда факты, для другихъ маловажныя, почти незамѣченныя, приводятъ его къ самымъ глубокомысленнымъ соображеніямъ. Такъ, напримѣръ, новыя отношенія собственности, возникшія въ герцогствѣ голштинскомъ вслѣдствіе уничтоженія крѣпостнаго состоянія, дали Нибуру ключъ къ уразумѣнію аграрныхъ законовъ. Никто изъ современниковъ, едва ли кто изъ предшественниковъ, обладалъ такою живостію взгляда, такимъ органическимъ пониманіемъ исторіи. Ему недоставало только формы, художественнаго элемента, для того, чтобы стать во главѣ историческихъ писателей. Критическое направленіе было въ немъ преобладающею силою. Зато какъ разчистилъ онъ дорогу, какъ облегчилъ трудъ для преемниковъ своихъ. Съ 1811 года, когда вышло первое изданіе его великаго творенія, въ Германіи не явилось ни одной замѣчательной книги по части римской исторіи, которая не носила бы на себѣ слѣдовъ его вліянія.

Къ числу такихъ принадлежитъ «Исторія Граховъ и ихъ ближайшихъ предшественниковъ» молодого кильскаго преподавателя Нитча. Съ обширною филологическою ученостію авторъ соединяетъ политико-экономическія свѣдѣнія, которыхъ недостатокъ такъ замѣтенъ въ большей части изслѣдователей древности. Подобно Нибуру, онъ часто обращается къ современности и ею объясняетъ минувшее. Онъ опредѣляетъ свою точку зрѣнія слѣдующими прекрасными словами: «Древняя исторія есть основа и средоточіе всѣхъ такъ называемыхъ гуманитарныхъ наукъ. Эти науки, по моему мнѣнію, тогда только въ со-

стояніи будутъ отразить съ успѣхомъ напоръ отвсюду грозящаго матеріализма, когда изложеніе древней исторіи, равно удаленное отъ сухаго изчисленія фактовъ и риторическаго наеоса, покажетъ, что древній міръ былъ глубоко тревожимъ тѣми же жизненными вопросами, которые нынѣ неотступно занимаютъ каждого благороднаго челоуѣка». Въ сожалѣнію, эти слова едвали найдутъ большое сочувствіе въ массахъ филологовъ.

Настоящее положеніе и будущность бѣдныхъ классовъ обращаютъ на себя преимущественное вниманіе государственныхъ людей и мыслителей западной Европы, гдѣ пролетаріатъ дѣйствительно получилъ огромное значеніе. Но защитники старины, которые въ этомъ явленіи видятъ нѣчто доселѣ небывалое, исключительно нашему времени принадлежащее и его обвиняющее, находятся въ странномъ, быть можетъ, добровольномъ заблужденіи. На тѣхъ путяхъ развитія, которыми шли всѣ историческія общества, за исключеніемъ патріархальныхъ государствъ Востока, нельзя было избѣжать пролетаріата. На Востокѣ этотъ вопросъ не могъ подняться вслѣдствіе особенныхъ историческихъ и нравственныхъ причинъ. Народные обычаи и религія создали тамъ многочисленный классъ беззаботныхъ нищихъ. Самое скудное подаваніе удовлетворяетъ ихъ потребностямъ, не оскорбляя ихъ притупленнаго лѣнью и привычкою чувства. Сверхъ того, тамъ существуетъ рабство въ простѣйшей, патріархальной формѣ. Эти два класса людей содержатъ въ себѣ ту часть азіятскаго народонаселенія, которое соотвѣтствуетъ европейскимъ пролетаріямъ. Въ книгѣ г. Нитча находится вѣрное и подробное изложеніе усилій, употребленныхъ государственными мужами римской республики къ излеченію этой язвы. Имъ были невѣдомы основныя начала политической экономіи. Безъ помощи ея путеводныхъ теорій, смѣлые Римляне шли на бой съ общественнымъ зломъ, такъ какъ они ходили на враговъ республики, вѣруя въ ея неизмѣнное счастье и въ собственную силу. Но эта увѣренность продолжалась недолго. Самые великіе умы, самые благородные сердца древняго Рима, Фламиніи, Сципіоны, Катонъ, Гракхи, изнемогли въ спорѣ съ неотвратимымъ ходомъ событій. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, исторія аграрныхъ законовъ получаетъ свой настоящій, можно сказать, трагическій характеръ.

Приведемъ заимствованныя изъ «Чтеній о римской исторіи» слова Нибура, которому принадлежитъ честь рѣшительныхъ, почти окон-

чательныхъ изслѣдованій объ этомъ предметѣ. Читатели получаютъ, сверхъ того, образецъ его преподаванія.

«Право аграрное тѣмъ для меня важнѣе, что оно впервые привело меня къ критическимъ изслѣдованіямъ о римской исторіи. До тѣхъ поръ я болѣе занимался греческою древностію. Читая въ молодости сравнительныя жизнеописанія Плутарха и Аппіана, я никакъ не могъ понять аграрнаго закона. Можно было бы подумать, что въ немъ заключается нарушеніе собственности, ограниченіе ея извѣстною мѣрою. Каждому землевладѣльцу оставляется только 500 югеровъ земли, остальное отбирается для приращенія плебейскаго имущества, на счетъ патриціевъ. Такое грубое понятіе о правѣ вызвало однако похвалы Маніавеля, который жилъ въ эпоху политическихъ переворотовъ и потому оправдывалъ средства цѣлю, и Монтескьё, считавшаго возвращеніе минувшаго невозможнымъ.... Первый, кому пришла мысль объ *ager publicus* (общественномъ полѣ), былъ Гейне, написавшій разсужденіе по поводу революціонныхъ конфискацій; но вопросъ, что такое *ager publicus*, остался безъ отвѣта. Гейне часто понималъ истину вообще, но рѣдко доводилъ мысль свою до ясности.... Я нашелъ на этотъ предметъ случайно. Въ мое время въ Голштиніи было уничтожено крѣпостное состояніе. У крестьянъ отобраны были при этомъ случаи земли, которыя до тѣхъ поръ переходили отъ отца къ сыну, и обращены въ мызы. Ихъ самихъ переселили на меньшіе и худшіе участки. Дѣло было ужасное. Не только противъ крѣпостныхъ, но даже противъ свободныхъ употреблялось насиліе. Возмущенный несправедливостію, я пришелъ къ вопросу: на основаніе какого права она совершилась? Это повело меня къ изслѣдованіямъ о владѣніи у различныхъ народовъ и дало нить къ римскому аграрному праву. По общимъ понятіямъ италійскихъ племенъ, земля и право гражданства нераздѣльны, всякая поземельная собственность исходить отъ государства.... Читая у Аппіана или у Плутарха, что *ager publicus* частію отводился подъ колоніи, частію оставался государственною собственностію, отдавался въ наемъ, поступалъ въ продажу, можно спросить: откуда же происходили затрудненія? Республикѣ стоило опредѣлить законъ сколько земли можно имѣть отдѣльному лицу, и дурныя послѣдствія были бы отвращены. Но дѣло въ томъ, что Аппіанъ и Плутархъ не поняли двусмысленнаго выраженія ихъ предшественника Посидонія, написавшаго исторію Гракховъ. Рѣчь идетъ не о настоя-

щей отдаче въ насѣ участвова земли, а о взиманіи съ нихъ подати, т. е. десятины съ хлѣба, пятинны съ древесныхъ плодовъ, скота и т. д. Еслибы государство получало этотъ сборъ самими произведеніями, то оно должно было бы строить большіе магазины для хлѣба, содержать пастбища для скота, и доходъ измѣнялся бы по годамъ. Поэтому принята была другая система: сборъ отдавался на откупъ *публиканамъ* (откупщикамъ). Римскія государственныя формы и гражданское право представляютъ часто аналогіи съ греческими, но аграрное право принадлежитъ исключительно Римлянамъ... Согласно съ римскими юридическими представленіями, государство допускало каждаго кверита къ пользованію частію завоеванной земли. Сначала это право было у однихъ патриціевъ, какъ древнѣйшихъ гражданъ. Они могли брать любые участки. Это называлось *occupatio agri publici*. Обыкновенно раздавались опустошенныя войною земли на непріятельской границѣ: охотниковъ, слѣдовательно, не могло быть много. Обязанность платить десятину и пятину наступала тотчасъ. Этотъ сборъ отдавался на откупъ, чего до сихъ поръ не понимали.... Законъ обезпечивалъ права такихъ владѣльцевъ противъ всякаго третьяго лица, но государство могло каждый часъ предъявить свои требованія и удалить владѣльца, сказавъ: я хочу основать здѣсь колонію или раздать земли поголовно. Въ такомъ случаѣ споръ былъ невозможенъ, потому что нельзя было сослаться ни на давность, ни на другое право.... Вотъ въ чемъ заключается великое различіе между собственностію и владѣніемъ». (Т. I. стр. 252—257).

Раннее распространеніе общественныхъ полей чрезъ завоеваніе обратилось преимущественно въ пользу аристократіи, которая исключительно допускалась къ владѣнію ими. Такое явленіе должно было имѣть слѣдствіемъ совершенное измѣненіе сельскаго хозяйства во всѣхъ частяхъ Италіи, подвластныхъ Риму. Плиній говоритъ, что итальянская пшеница, весьма уважаемая въ Греціи во времена Софокла, значительно упала въ цѣнѣ и достоинствѣ около 150 лѣтъ спустя, т. е. при Александрѣ Великомъ. Несмотря на скудные извѣстія источниковъ, нетрудно объяснить это пониженіе общими упадкомъ земледѣлія въ Италіи. Скотоводство представляло несравненно болѣе выгодъ владѣльцамъ общественнаго поля: оно требовало мѣньшаго числа рукъ, при относительно высокой задѣльной платѣ и недостаткѣ рабовъ, которыхъ число усилилось только послѣ 2-й уничто-

ской войны. Притомъ, мѣстныя условія были чрезвычайно благоприятны: римскій хозяинъ не заботился ни о помѣщеніи, ни о зимнемъ продовольствіи своихъ стадъ; онъ могъ круглый годъ держать ихъ на подножномъ кормѣ и подъ открытымъ небомъ: лѣтомъ — въ горахъ, гдѣ лежали обширныя пастбища, отнятыя у Самнитовъ и другихъ горныхъ племенъ, зимою — на теплыхъ приморскихъ равнинахъ. Въ противоположности къ этимъ владѣніямъ находились мелкія участки, составлявшіе родовую собственность плебеевъ. Здѣсь также сѣялось немного хлѣба; винодѣліе и садоводство составляли главный, хотя скудный, источникъ доходовъ. Но съ каждымъ поколѣніемъ эти семейства, чьихъ родоначальники получили отъ республики по 7 югеровъ земли, должны были приближаться къ болѣе бѣдности, тѣмъ болѣе, что на нихъ тяготѣли важнѣйшія повинности. До конца самнитскихъ войнъ государство помогало имъ частою раздачею новыхъ участковъ. Непрерывное возрастаніе общественныхъ полей и неотчуждаемое право ими располагать давало римской республикѣ постоянное средство къ уравниванію отношеній собственности между низшими классами. Эта мѣра, которая составила бы эпоху въ исторіи другихъ народовъ, повторялась здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, но послѣ покоренія Самнитовъ ея исполненіе сдѣлалось очень труднымъ, вслѣдствіе сопротивленія высшихъ классовъ. Причины такого сопротивленія понять не трудно. Богатые владѣльцы не могли добровольно уступить пастбищъ, которыя имъ достались по наслѣдству и приносили болѣе прибыли, чѣмъ когда-либо. По окончаніи 1-й пунической войны Римъ сталъ морскою и торговою державой. Его произведеніямъ открылись новые рынки и пути для сбыта. Всѣ выгоды новой торговли шли въ руки капиталистовъ, т. е. аристократіи, захватившей общественное поле, и публикановъ, которымъ отдавался на откупъ сборъ десятины и пятинны. Отказаться отъ этого, съ такимъ напряженіемъ силъ завоеваннаго положенія въ пользу плебеевъ, возвратиться къ простотѣ древняго италійскаго быта было невозможно. Надобно было только спасти сельское народонаселеніе отъ конечнаго разоренія, которое ему грозило при исключительномъ значеніи капиталистовъ. Съ такою мыслию предложилъ трибунъ К. Фламиній раздѣлъ земель, отнятыхъ у Галловъ въ Пиценумѣ. Онѣ принадлежали къ недавнимъ приобрѣтеніямъ республики. Фламиній надѣялся помочь плебеямъ, не потревоживъ владѣльцевъ давно заня-

тыхъ участковъ общественнаго поля. Тѣмъ не менѣе предложеніе его встрѣтило сильное противорѣчіе. Въ сенатѣ, относительно провинцій, господствовало другое мнѣніе, основанное на свойствѣ римскаго налога *tributum*. Теперь неоспоримо доказано, что *tributum* былъ не что иное, какъ государственный заемъ, который взыскивался съ внесенной въ цензъ собственности римскихъ гражданъ только въ случаѣ необходимости и возвращался изъ казны республики (*aerarium*) при первой возможности. Такого рода сборъ не могъ приносить большой пользы государству и былъ крайне тягостенъ для плебеевъ, на которыхъ почти исключительно лежалъ, потому что общественныя поля, которыя составляли главный источникъ богатства аристократіи, не поступали въ цензъ, а платили десятину и т. д. Вотъ почему сенатъ не хотѣлъ допустить плебейской собственности въ провинціяхъ, которыхъ завоеванная почва обращена была въ *ager publicus*, обложенный разнородными и прибыльными казнѣ повинностями. Мѣра, предложенная Фламиніемъ, не имѣла тѣхъ послѣдствій, какихъ онъ отъ нея ждалъ. При выходѣ Аннибала изъ Италіи состояніе сельскаго народонаселенія было хуже, чѣмъ когда-либо: на него обрушились всѣ тягости войны: служба въ легіонахъ и *tributum*, на скорое возвращеніе котораго правительствомъ мало было надеждъ. Усадьбы ихъ были выжжены непріателемъ, поля опустошены. Зато *ager publicus* значительно увеличился: къ нему присоединились всѣ конфискованныя у невѣрныхъ союзниковъ земли.

Планъ Публиція Сципіона Африканскаго былъ гораздо сложнѣе и обширнѣе, чѣмъ Фламиніевъ. Побѣдитель Аннибала былъ государственный мужъ въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова. Частію своего превосходства онъ былъ обязанъ своей высокой образованности, знанію политическихъ учрежденій Греціи. Извѣстно, что онъ стоялъ во главѣ цѣлаго направленія многочисленной партіи, которая, отрѣшаясь отъ древнихъ преданій, надѣялась оживить дряхлѣвшую республику святыми элементами.

Несмотря на блескъ недавнихъ побѣдъ и завоеваній, политическій составъ римской республики представлялъ неутѣшительное зрѣлище. Владычество находилось въ рукахъ аристократіи сенатскихъ фамилій, существенно отличной отъ стараго патриціата, дѣятельной, богатой и своекорыстной. Сословіе плебеевъ, вынесшее на своихъ плечахъ государство изъ всѣхъ опасностей, которыя его вастигали, разлага-

лось. Мѣсто его заступалъ многочисленный классъ пролетаріевъ: гражданъ, которые, по недостатку внесенной въ цензъ собственности, не несли военной службы, не платили трибута и жили задѣльною платою за сельскія и городскія работы. Имъ было очевидно лучше, чѣмъ настоящимъ плебеямъ. За тѣмъ слѣдовали италійскіе союзники въ іерархическомъ порядкѣ отношеній, болѣе или менѣе приближавшихъ ихъ къ правамъ римскаго гражданства. Вопросъ объ окончательномъ устройствѣ провинцій еще не былъ рѣшенъ, хотя точка зрѣнія на него совершенно намѣнилась. Собравъ разбѣянные въ источникахъ свидѣтельства, Г. Нитчъ удачно возстановилъ планъ замскаго героя. Цѣль Сципіона была демократическая реформа; средства — облегченіе военной службы, отиѣна трибута, увеличеніе числа гражданъ и болѣе равное раздѣленіе повинностей. Начнемъ съ провинцій и государствъ, признавшихъ надъ собою верховное владычество Рима. Сципіонъ настаивалъ на сохраненіи ихъ мѣстныхъ учреждений и обычаевъ. Полагая оставить имъ какъ можно большую внутреннюю независимость, онъ считалъ удобнымъ вывести изъ нихъ легіоны. Признательность къ республикѣ и опасеніе заслужить ея гнѣвъ достаточно ручались за ихъ покорность. Не одно уменьшеніе арміи было бы слѣдствіемъ такой политики. Доходы съ провинцій могли покрыть долги и издержки правительства и ставили его въ возможность не только навсегда отиѣнить *tributum*, но усилить жалованье.

Нѣсколько союзныхъ городовъ получили право полного римскаго гражданства. Самую замѣчательною въ этомъ отношеніи мѣрою Сципіоновой партіи былъ законъ, принятый по предложенію трибуна Теренція Кулеона. Вслѣдствіе этого закона всѣ Римляне, рожденные отъ свободныхъ родителей, поступили въ число гражданъ. Цензъ Сервія Туллія, давно измѣненный, окончательно потерялъ значеніе. Пролетаріи въ обширнѣйшемъ значеніи, дѣти вольноотпущенниковъ, педенщани и т. д. получили голосъ въ народныхъ собраніяхъ, распределены были по трибамъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ подчинены обязанности служить въ легіонахъ, или во флотѣ, смотря по состоянію. Положеніе плебеевъ улучшилось, но къ ущербу ихъ политическаго вліянія. Новые граждане переселили ихъ въ народныхъ собраніяхъ своимъ числомъ. Перевѣсъ этотъ скоро обнаружился въ гоненіи на виновника реформы. Пролетаріи не столько радовались прибрѣтеннымъ правамъ, сколько жалѣли объ уtratѣ льготы. Обвиненный въ похищеніи

денегъ, принадлежащихъ республикѣ, облаченный Катонъ (употребивъ выраженіе римскаго историка), который тогда стоялъ на сторонѣ аристократіи, Сципіонъ понесъ въ добровольное изгнаніе горькую мысль неудавшагося подвига. «У насъ много — говоритъ Нитчъ (стр. 131) — древнихъ бюстовъ Сципіона. Величавая, изящная голова въ лучшей порѣ славы и лѣтъ. Наслажденіе и заботы лишили его густыхъ кудрей, которыя такъ шли къ нему въ молодости; рубецъ отъ раны, полученной въ первой битвѣ, при Тицино, еще видѣнъ. Но отъ всѣхъ другихъ отличается базальтовый бюстъ, находящійся въ казино Роспильози, въ Римѣ. Уста и чело не носятъ того яснаго, спокойнаго выраженія, какое на другихъ изображеніяхъ; его мѣсто заступила глубокая, твердая скорбь. Онъ углубленъ въ себя, какъ разбитый полководецъ, котораго взглядъ безъ стыда обращается назадъ и безъ надежды впередъ. Такимъ вѣроятно видали его въ Ливтернумѣ, въ послѣдніе два года его жизни. Онъ умеръ въ одинъ годъ съ Аннибаломъ и Филопеменомъ.

Противъ Сципіоновой партіи дѣйствовали не одни новые граждане. Позади нихъ стояла другая, быть можетъ, болѣе опасная оппозиція аристократіи и капиталистовъ. Реформа лишала ихъ значительныхъ средствъ и силъ. До сихъ поръ обязанности военной службы и народныя собранія не отвлекали пролетарія отъ работы на богатаго господина. Слѣдствіемъ реформы было возвышеніе задѣльной платы и болѣе, чѣмъ прежде ощутительный недостатокъ рукъ для работы. По малочисленности своей, рабы еще не могли замѣнить вольныхъ поденщиковъ. Противники Сципіона надѣялись воспользоваться его неудачею, если не для полного возстановленія измѣненнаго порядка, по крайней мѣрѣ для утвержденія своего вліянія на новыхъ основахъ. Но здѣсь они встрѣтили неожиданное противодѣйствіе. Дѣятельность Катона во время его цензуры представляетъ поразительныя аналогіи съ послѣднимъ министерствомъ величайшаго государственнаго мужа современной Европы, сира Р. Пилля. Подобно ему, римскій цензоръ состарѣлся въ рядахъ консервативной партіи. Упрямый защитникъ старины, онъ преслѣдовалъ дѣломъ и словомъ всякое нововведеніе: греческую образованность и политическое преобразованіе, задуманное Сципіономъ. Подобно Пиллю, онъ умѣлъ отречься отъ прежнихъ союзниковъ и мнѣній во имя инаго убѣжденія, въ немъ постепенно созрѣвшаго. Достигнувъ цензуры, Катонъ сталъ въ главѣ край-

ней демократіи, т. е. новыхъ гражданъ, призванныхъ въ трибы Сципіономъ, и повелъ къ концу дѣло, начатое послѣднимъ. Происшедшая въ немъ перемѣна обнаружилась тотчасъ: онъ значительно поднялъ откупную плату за сборъ десятины и понизилъ ее за подряды къ общественнымъ работамъ. Эта мѣра, тяжкая для откупщиковъ, была только преддверіемъ къ другимъ, болѣе рѣшительнымъ. Мы показали выше, что такое былъ римскій *tributum*. Занимая, по неопредѣленному сроку уплаты, средину между налогомъ и займомъ, трибутъ лежалъ почти исключительно на поземельной собственности плебеевъ. Катонъ сдѣлалъ покушеніе перенести его съ земли на капиталъ. Онъ внесъ въ списки ценза важнѣйшіе предметы роскоши по оцѣнкѣ, въдесятеро превышавшей настоящую, и обложилъ эту сумму тройнымъ трибутомъ, т. е. тремя ассами съ тысячи. Способъ, обличающій съ одной стороны мизантропство финансовыхъ понятій и самовластіе республиканскихъ сановниковъ, съ другой — неукротимую энергію Катона. Его не остановилъ страхъ многочисленныхъ ненавистей, вызванныхъ его распоряженіями. Онъ преслѣдовали его до могилы. Пятьдесятъ обвиненій выдержалъ онъ въ теченіе жизни своей: ему было 83 года, когда онъ въ послѣдній разъ долженъ былъ оправдываться передъ народомъ. Лишенная всякой поэзіи, личность стараго цензора не въ правѣ на то сочувствіе, какое внушаетъ Сципіонъ; уваженіе къ нему Нибура едвали не чрезмѣрно, но его нельзя не признать однимъ изъ самыхъ великихъ людей республики и самыхъ замѣчательныхъ представителей древняго римскаго характера.

Книга Катона о земледѣліи служила богатымъ источникомъ Г. Нитчу. Ей обязанъ онъ главными чертами прекрасно составленнаго описанія сельскаго хозяйства въ Италіи въ концѣ VI вѣка отъ построенія города.

Сочиненіе это посвящено Л. Манлію, о помѣстьѣ котораго авторъ сообщаетъ слѣдующія подробности. Оно заключало въ себѣ 340 югеровъ и состояло изъ двухъ отдѣльныхъ дачъ: 100 югеровъ ¹⁾ виноградника и 240 оливковой плантаціи. При каждой дачѣ были прикащики и прикащица (*villicus* и *villica*). Сверхъ того, къ винограднику было приставлено 8, къ оливковымъ деревьямъ 11 рабовъ. Для уборки винограда и выдѣлки масла нанимались по контракту свободные

¹⁾ Jugerum — римская мѣра въ 240 квадратныхъ сажень.

работники. Засѣянные хлѣбомъ поля лежали отдѣльно и вѣроятно не были значительны. Съ тѣхъ поръ, какъ вывозъ хлѣба изъ Италіи былъ запрещенъ, а ввозъ изъ Сициліи, Сардиніи и т. д. не только удовлетворялъ, но часто превышалъ потребность, его почти перестали сѣять, особенно въ южной части полуострова. Жнецамъ платился за работу мѣтый, иногда девятый снопъ. Вообще, по вычисленіямъ Нитча, первоначальный плебейскій участокъ, т. е. 7 югеровъ, могъ прокормить цѣлое семейство, тѣмъ болѣе, что не требовалъ большаго числа рукъ для обработки. Но служба въ легионахъ и трибуть разорили мелкихъ собственниковъ. Катонъ думалъ создать новое сельское населеніе изъ прежнихъ работниковъ и поденщиковъ. Съ этой цѣлю основаны были многія колоніи въ равнинѣ, образуемой рѣкою По, и на самомъ полуостровѣ. Но его мысль не осуществилась, потому что отведенные участки были малы, а новые хозяева неопытны въ своемъ дѣлѣ. Большинство бѣдныхъ предпочитало работу по найму обработкѣ собственнаго поля, болѣе сложной и требовавшей капитала. Условія найма были различны. *Politor* получалъ 5-й или 9-й снопъ при жатвѣ; *partiarius* не довольствовался такою платою: господинъ давалъ ему рабочій скотъ, нужныя орудія и половину произведеній. Ихъ положеніе напоминаетъ нашихъ половниковъ. Наконецъ, колонны платили деньгами за небольшія помѣстья, которыя они брали на аренду. Но и эти отношенія продолжались недолго. По окончаніи македонской войны Павелъ Эмилий привелъ на римскій рынокъ 150000 рабовъ; младшій Сципіонъ продалъ 56000 Карфагенцевъ. Мятежныя племена Сардиніи и Испаніи заплатили такую же дань. Островъ Делось сталъ складочнымъ мѣстомъ для торговли невольниками, которые привозились съ Востока. Римскіе вельможи выписывали оттуда себѣ поваровъ, дѣтямъ — греческихъ наставниковъ, женамъ — искусныхъ рабынь. Не говоримъ о нравственномъ вліяніи этой разноплеменной массы, которая наводнила Италію и принесла на ея почву утонченный развратъ перерѣзанныхъ обществъ и звѣрскія страсти дикарей, нетронутыхъ просвѣщеніемъ. Надзоръ за стадами и уборка луговъ не требовали особеннаго умѣнья, а скудное содержаніе раба, *instrumentum vocale*, какъ его называетъ Варронъ, обходилось дешевле заработной платы. Свободный поденщикъ уступилъ мѣсто купленному сопернику. У него осталось одно, дотолѣ мало принесшее ему пользы, право участія въ народномъ собраніи: теперь настала

для него пора подать голосъ за самого себя, потребовать въ завоеванномъ его отцами мірѣ собственной доли, т. е. куска хлѣба.

Сочиненіе г. Нитча раздѣлено на 4 книги. Двѣ послѣднія содержатъ въ себѣ исторію Гракховъ. Политическая дѣятельность знаменитыхъ братьевъ еще никогда не была предметомъ такого основательнаго и дѣльнаго изслѣдованія. Но можно бы пожелать болѣе яснаго и живаго изложенія. Короткій и простой рассказъ Нибура сильнѣе характеризуетъ событія. Мы познакоимъ съ нимъ нашихъ читателей. Предварительно укажемъ на очень любопытную часть Нитчева труда.

Въ 9 й главѣ III книги очень вѣрно показано отношеніе историка Полибія къ новымъ направленіямъ римской демократіи. Налагая демократическую теорію происхожденія всѣхъ властей отъ народа, Полибій былъ органомъ многочисленной партіи, во главѣ которой стоялъ младшій Сципіонъ. Позволимъ себѣ, впрочемъ, одно замѣчаніе. Не далъ ли авторъ «Исторіи Гракховъ» Сципіону слишкомъ консервативнаго характера? Свидѣтельство Аппіана (*Bel. civ. I, 13 — 19*) намекаетъ на далекіе, честолюбивые виды. Цицеронъ не безъ причины (*de repub. I, 35, 38*) влагаетъ въ уста разрушителю Кареагена похвалу ограниченной монархіи. Любимое чтеніе его составляла Киропедія Ксенофонта, апологія монархической формы правленія. Его неопредѣленное положеніе въ сенатѣ въ послѣдній годъ жизни, презрительный, на форумѣ высказанный отзывъ о городскихъ плебейхъ (*plebs urbana*), отношеніе къ нему итальянскихъ союзниковъ, которые признавали его своимъ покровителемъ и вождемъ, наконецъ таинственная кончина, — все это ведетъ къ предположеніямъ, едва ли согласнымъ съ мнѣніемъ Г. Нитча.

Говоря о сосредоточеніи поземельной собственности въ немногихъ рукахъ, какъ о явленіи общемъ древней и новой Италіи, Нибуръ приводитъ примѣръ Тиволи, гдѣ по кадастру XV вѣка считалось въ пятьдесятъ, а въ концѣ XVIII вѣка въ пять разъ болѣе землевладѣльцевъ, чѣмъ теперь. Въ Зонинно 4000 жителей; изъ нихъ шесть человекъ владѣютъ всѣми землями около города, остальные живутъ милостынею и воровствомъ (Чтенія о Р. И. II, 272). Когда старшій изъ Гракховъ выступилъ на политическое поприще, почти всѣ плебейскія земли были скуплены аристократами и обрабатывались рабами. Аграрный законъ Лицинія, по которому запрещено было одно-

му гражданину имѣть во владѣніи болѣе 500 югеровъ общественнаго поля и предписывалось содержать на каждомъ такомъ участкѣ известное число свободныхъ работниковъ, былъ обойденъ со всѣхъ сторонъ. Закованные въ желѣзо невольники работали на поляхъ, свободные поселяне просили подаянія; низшіе классы городского населенія превращались въ настоящую чернь. Всѣ видѣли и понимали зло, но ни у кого не было мужества для борьбы съ нимъ. По ясному смыслу закона государство было въ правѣ отобрать общественныя поля для раздачи пролетаріямъ. Но прежніе владѣльцы, въ свою очередь, могли указать на вѣка, прошедшіе съ тѣхъ поръ, когда ихъ дѣды заняли пустыя, никому ненужныя земли, на капиталы, которыхъ стоило устройство хозяйства, и т. д. Вопросъ шелъ о совершенномъ переворотѣ въ отношеніяхъ собственности.

«Намѣреніе Т. Гракха были совершенно чисты. Даже ослѣпленные духомъ партіи противники, самъ Цицеронъ, котораго благородное сердце всегда беретъ верхъ, когда онъ прямо смотритъ на вещи, называютъ его святымъ мужемъ (*sanctissimus homo*). Не надобно представлять государственныхъ людей древности въ слишкомъ поэтическомъ видѣ; они должны были дѣйствовать съ такими же расчетами, какъ и въ наше время. Тиберій понималъ, что Риму угрожаетъ гибель и предложилъ новый, окончательный раздѣлъ общественныхъ земель въ Италіи. Зная, что буквальное исполненіе Лициніева закона было бы въ высшей степени несправедливо, онъ разрѣшилъ каждому изъ прежнихъ владѣльцевъ удержать 500 югеровъ себѣ и по 250 для двухъ сыновей въ полную собственность. За постройки и заведенія назначалось вознагражденіе по оцѣнкѣ. Слѣдовательно, онъ не нарушалъ собственности, а возводилъ владѣніе въ степень неприкосновенной собственности. Онъ упустилъ изъ виду одно обстоятельство. Многіе приобрѣли владѣніе куплею или другою денежною сдѣлкою. Отъ нихъ нельзя было требовать пожертвованія капиталомъ. Государству слѣдовало бы удовлетворить ихъ. 500 югеровъ составляютъ и теперь значительное состояніе въ Италіи. Я бы не желалъ большаго. Въ хорошемъ мѣстѣ они могутъ дать на арендѣ до 5,000 талеровъ годоваго дохода (около 5,000 рублей сер.)... На сторонѣ Гракха было много знатныхъ лицъ, которыя обладали такими же богатствами, какъ Сципіоны, однако предпочитали общее благо своей выгодѣ... Въ римской исторіи встрѣчаются наследственные

убѣжденія и характеры, которые выше политическихъ мнѣній. Со-
страданіе и любовь къ страждущимъ были семейнымъ свойствомъ
Гракховъ; мы видимъ его въ трехъ поколѣніяхъ, исторически извѣст-
ныхъ: въ Т. Гракхѣ, во время второй пунической войны, въ цензорѣ
Т. Гракхѣ и въ обоихъ несчастныхъ братьяхъ (сыновьяхъ цензора),
Тиберіи и Каѣ. Этотъ характеръ былъ всегда рѣдокъ въ Римѣ, по-
тому онъ совсѣмъ исчезъ. Но въ свободныхъ государствахъ такая
наслѣдственность обыкновенное явленіе. Политическое направленіе
человѣка опредѣляется напередъ семействомъ, въ которомъ онъ ро-
дился: въ Англіи можно навѣрно сказать, какой партіи принадлежить
членъ фамиліи Русселя. (Чтеніе о рим. ист. т. II, стр. 274—278).

Предложеніе Тиберія было принято, не смотря на ожесточенное
сопротивленіе олигарховъ, за которыхъ стояли итальянскіе союз-
ники, опасавшіеся вредныхъ для себя слѣдствій новаго аграрнаго
закона. У нихъ были также значительные участки общественнаго
поля, которыхъ они могли лишиться при раздѣлѣ, порученномъ осо-
бымъ сановникамъ, триумвирамъ *agrorum dividendorum*. Но Гракхъ
заплатилъ жизни за смѣлое покушеніе. Ему еще не было 30 лѣтъ
отъ роду.

Замѣчательно, что одолѣвшіе олигархи не отиѣнили должности
триумвировъ и допустили избрать преемника Тиберію. Впрочемъ,
дѣятельность сановниковъ была весьма ограничена: надобно было
приступить къ разбору разныхъ правъ на владѣніе, а владѣльцы не
являлись и не представляли актовъ. Консулу Тудитану поручено
было для приличія рѣшить спорные пункты: онъ ушелъ въ походъ,
отложивъ это дѣло до другаго времени. По смерти Ап. Клавдія (те-
стя Тиберія и триумвира), его мѣсто занялъ Папірій Карбонъ, недо-
стойный послѣдователь Гракха, шедшій тойже дорогой, но съ злыми
замыслами. Въ этомъ заключается бѣдствіе революцій: ходъ событій
увлекаетъ за собою лучшихъ людей; возможность устранить отъ себя
вліяніе событій дана только желѣзной волѣ, ни предъ чѣмъ не робъ-
ющей, ничего не уважающей. Одинъ замѣчательный человѣкъ, кото-
рый прошелъ чрезъ всѣ ужасы революціи, но не запятналъ рукъ,
сказалъ мнѣ: страшно вспомнить о революціи, въ которой самъ при-
нималъ дѣятельное участіе. Пойдешь на приступъ съ самыми благо-
родными, на проломъ останешься съ мерзавцами. Не забывайте этого
урока. Впрочемъ, намъ на нѣсколько вѣковъ нечего бояться рево-

люціи ¹⁾). Мы дошли до такой эпохи римской истории, где промышленности уже не могут быть объяснены государственными формами; надобно прибѣгнуть къ психологической оцѣнкѣ людей, изучить личность тѣхъ, которые дѣлили между собой останки умершаго государства. Карбонъ былъ очень умный, но озлобленный человекъ. Въ мирныя времена онъ сохранилъ бы, быть можетъ, прекрасную душу; при окружающихъ его обстоятельствахъ онъ дошелъ до крайней степени порока и низости».

Г. Нитчъ несправедливъ къ К. Гракху, ставя его ниже старшаго брата. Его собственныя изслѣдованія доказываютъ противное. У Кая было болѣе страстей, быть можетъ болѣе личныхъ побужденій, чѣмъ у Тиберія, но онъ въ высшей степени обладалъ всѣми дарами государственнаго мужа и оратора. Такимъ считали его всѣ древніе. Его планъ реформы обширнѣе и дальновиднѣе, чѣмъ всѣ предъидущіе. Онъ не думалъ, что республику и плебеевъ можно спасти однимъ раздѣломъ полей. Цѣлый рядъ предложеній, изъ которыхъ многія намъ только отрывочно извѣстны, обличаетъ стройную, глубоко обдуманную систему. Закономъ о раздачѣ хлѣба (*lex frumentaria*) была въ самомъ дѣлѣ облегчена участь городскихъ пролетаріевъ. Бѣдный гражданинъ получилъ право на ежемѣсячное полученіе изъ государственныхъ магазиновъ извѣстнаго количества пшеницы за четвертую часть обыкновенной цѣны. По цѣлѣ своей и по лежащей въ основаніи мысли, *lex frumentaria* представляетъ сходство съ англійскимъ налогомъ для бѣдныхъ. При такихъ политическихъ учрежденіяхъ, каковы англійскія или римскія, личность самаго убогаго гражданина получаетъ большое значеніе. Государство не можетъ оставить ее безъ призрачія, не утративъ части собственного достоинства. Въ связи съ этимъ закономъ былъ другой — о вооруженіи легионеровъ на счетъ республики. Римскій воинъ получалъ возможность жить жалованьемъ и содержать семейство помощію ежемѣсячныхъ выдачъ хлѣба. Сѣть великолѣпныхъ, базальтомъ вымощенныхъ до-

¹⁾ Черезъ полтора года послѣ этой лентіи настали іюльскіе дни. Извѣстно, что одною изъ причинъ Нибуровой смерти было потрясеніе, произведенное въ немъ неожиданнымъ переворотомъ. Въ Германіи нашлись люди, которые не устыдились осѣять послѣдніе, скорбные дни великаго историка. Для насъ есть что-то великое и святое въ его кончинѣ. Нибуру нечего было бояться за себя. Онъ умеръ жертвою страстнаго участія, какое принималъ въ событіяхъ древняго и новаго міра.

рогъ связала Италію. Это предпріятіе доставило Гракху равную признательность богатыхъ торговцевъ и рабочаго класса. При конечномъ раздѣлѣ общественныхъ полей государство теряло значительный доходъ, т. е. сборъ десятины; триумвиры замѣнили его постояннымъ налогомъ со всей поземельной собственности, существенно отличнымъ отъ трибута. Союзники примирились съ реформою. Около сорока колоній и всѣ латинскіе города получили обѣщаніе полныхъ правъ гражданства. Остальныя племена Италіи, отъ Луканіи до Анконы, должны были вступить въ прежнія отношенія Латинцевъ, съ правомъ участія въ народныхъ собраніяхъ. Это былъ послѣдній шагъ къ гражданству. Цѣлая Италія — говоритъ Нибуръ — должна была войти въ составъ республики, до тѣхъ поръ заключавшейся въ одномъ Римѣ. Но мысль Гракха шагнула за предѣлы роднаго полуострова. Пристрастные приговоры сената отняли у провинцій всякую надежду найти защиту противъ самоуправства проконсуловъ, и триста судей изъ сословія всадниковъ заступили мѣсто устраненныхъ сенаторовъ. Невыгоды этой перемѣны обнаружились въ послѣдствіи. Въ началѣ она принесла неоспоримую пользу.

Не трудно оцѣнить всю важность этихъ начинаній. Они обѣщали римскому міру свѣжую, быть можетъ долгую жизнь, но имъ не суждено было исполниться. Гибелью послѣдняго изъ Гракховъ и его греческихъ и римскихъ друзей замкнулся рядъ великодушныхъ попытокъ облегчить страданія древняго пролетарія. Но опозоренный неудачею подвигъ Тиберія и Кая долго не нашелъ справедливыхъ цѣнителей. Ни похвалы, ни осужденія не были основаны на ясномъ пониманіи вопроса. Исслѣдованія Нибура объ общественномъ полѣ доказали впервые, что аграрные законы не имѣли цѣлію наглого нарушенія правъ собственности. Его воззрѣніе нынѣ сдѣлалось господствующимъ не только между европейскими учеными, но и по ту сторону Атлантическаго океана. Знаменитый историкъ съ явнымъ удовольствіемъ говорилъ своимъ слушателямъ объ отзывахъ американской критики. Эти отзывы тѣмъ любопытнѣе, что въ Соединенныхъ Штатахъ совершаются теперь происшествія, которыя могутъ пролить много свѣта на римскіе споры о владѣніи.

Занимаемъ нѣсколько подробностей изъ статьи Видаля *«de l'agrarisme aux Etats-Unis»*, помѣщенной въ *Revue indépendante*, 25 апрѣля, 1846 года. Общественныя земли, принадлежащія амери-

канскому союзу, составляют тысячу четыреста миллионъ акровъ, т. е. пространство въ десять разъ превышающее цѣлую Францію. Конгрессъ опредѣлилъ, по окончаніи послѣдней войны съ Англіею, продать часть этихъ несмѣтныхъ владѣній для покрытія военныхъ издержекъ. Издержки давно уплачены, а земли продолжаютъ продаваться по самой дешевой цѣнѣ. Но бѣднымъ людямъ нѣтъ къ нимъ доступа. Образовались общества капиталистовъ, съ которыми нельзя бороться отдѣльнымъ лицамъ. Денежныя средства этихъ обществъ даютъ имъ возможность приобрести въ огромномъ количествѣ лучшія земли. Съ этою цѣлю они рассылаютъ всюду своихъ агентовъ. Хозяйственное обзаведеніе новыхъ мѣстъ, столь разорительное для небогатаго Американца, покупающаго на послѣдніе деньги сотню или двѣ акровъ, имъ обходится гораздо дешевле. Мелкіе владѣльцы принуждены продавать свои участки и работать на богатыхъ. Въ 1832 году президентъ Джексонъ безуспѣшно предлагалъ конгрессу принять мѣры противъ этого зла. Вскорѣ потомъ начались народныя движенія, которыя привели къ образованію аграрнаго союза (*agrarian league*) въ Нью-Йоркѣ, 8 мая 1844 года. Въ рѣчи, сказанной при этомъ случаѣ г. Макенди, слышится отголосокъ римскихъ трибуновъ. Имя Гракховъ явилось на знаменіи новой партіи, которой президентъ Полькъ отчасти обязанъ своимъ избраніемъ. *The spirit of the Gracchi is rekindled in the West*, говорятъ члены аграрнаго союза. Вотъ ихъ основныя положенія. Существующая собственность остается неприкосновенной. Продажа государственныхъ земель должна быть прекращена, и земли раздѣлены на участки въ 160 акровъ. Эти участки составляютъ неотчуждаемую собственность государства, которое раздаетъ ихъ во владѣніе съ извѣстными повинностями. Каждый отецъ семейства имѣетъ право на полученіе 160 акровъ, но съ условіемъ обрабатывать ихъ самому или черезъ дѣтей своихъ. Никто не можетъ владѣть двумя участками. Цѣли союза высказаны ясно. Такииъ образомъ, чрезъ двѣ тысячи лѣтъ, за предѣлами древняго міра, поднялись вопросы, надъ рѣшеніемъ которыхъ потратили столько силъ Фламиніи, Циціоны, Катонъ и Гракхи.

II.

Geschichte der Denk und Glaubensfreiheit im ersten Jahrhundert der Kaiserherrschaft und des Christenthums von Ad. Schmidt. Berlin, 1847. (Исторія свободы исповѣданій и мысли въ первое столѣтіе имперіи и христіанства. Ад. Шмидта).

Обращаясь съ любовію къ болѣе счастливымъ и менѣе сложнымъ эпохамъ греко римской древности, ученые прошлаго столѣтія мало сдѣлали для временъ имперіи. Исключеніе составляютъ сухіе, но обширные и добросовѣстные труды Тильмана (первое изданіе «*Histoire des Empereurs etc.*» вышло въ 1700 году) и великое твореніе Гиббона, который многимъ обязанъ Тильману. Но съ нѣкотораго времени эта эпоха стала обращать на себя особенное вниманіе не только историковъ, но всѣхъ мыслящихъ читателей. Шлоссеръ посвятилъ ей большую и лучшую часть своей древней исторіи. Изъ многочисленныхъ монографій, вызванныхъ такимъ направленіемъ, книга графа Шампаньи «Римскіе цезари» извѣстна русской публикѣ. Она обязана своимъ успѣхомъ болѣе удачному выбору содержанія, чѣмъ внутреннему достоинству. Шампаньи диллетантъ. Его знаніе источниковъ поверхностно и неполно, самое воззрѣніе на предметъ неопредѣленно и часто невѣрно. Но онъ живо понялъ нѣкоторыя аналогіи и поставилъ послѣднія судьбы древняго міра какъ *memento mori* современнымъ обществамъ западной Европы. Съ подобной цѣлію написано сочиненіе г. Шмидта, издателя выходящаго въ Берлинѣ Историческаго журнала. «Исторія свободы мыслей и исповѣданій» конечно займетъ въ наукѣ мѣсто выше «Римскихъ цезарей», но найдетъ гораздо менѣе читателей. Такова обыкновенная и болѣею частью заслуженная участь нѣмецкихъ книгъ. Не смотря на постоянное изученіе древнихъ образцовъ, нѣмецкіе ученые не умѣли перенять у нихъ тайны изящнаго и живаго изложенія. Отъ этого имъ часто случается говорить о вѣчныхъ красотахъ греческаго искусства языкомъ, который можетъ заставить усомниться во вліяніи этого искусства на вкусъ его поклонниковъ. Забавно то, что многіе приписываютъ это рѣшительное неумѣнье управиться съ формою врожденной германскому племени основательности (*Gründlichkeit*).

Въ цѣлой исторіи человѣчества едвали найдется отдѣлъ въ такой степени поучительный и вынуждающій къ раздумью, какъ послѣднія столѣтія римскаго міра. Республиканскія формы пали, но заступившая ихъ мѣсто монархія должна бороться со всѣми живыми силами общества. Ей были равно враждебны его воспоминанія и его надежды. Религіозныя вѣрованія народовъ разрушены наукою, но наука въ свою очередь отвѣчаетъ горестнымъ признаніемъ собственнаго безсилія на жаркія требованія умовъ, измученныхъ сомнѣніемъ и отрицаніемъ. Повсемѣстно распространенная образованность перестала быть благомъ. Формы ея изящны, но содержаніе испорчено. Явились неслыханные, чудовищные виды порока и въ связи съ ними цѣлое литературное направленіе. Безумный систематическій развратъ маркиза де Сада явленіе не новое въ исторіи. А между тѣмъ это разрушавшееся, больное общество, относительно вѣшнихъ средствъ развитія, немногимъ уступало нашему. Книга г. Шмидта содержитъ въ себѣ значительное число фактовъ, подтверждающихъ высказанную нами мысль. Впрочемъ выводы нѣмецкаго ученаго не всегда вѣрны: иногда онъ очевидно увлекается желаніемъ показать не только сходство, но даже преимущество древней образованности надъ новою, тамъ, гдѣ такого преимущества не могло быть, по очень понятнымъ причинамъ.

Гордась по праву выгодами, какія доставляетъ книгопечатаніе, большая часть новыхъ ученыхъ составили себѣ слишкомъ ограниченное понятіе о средствахъ къ распространенію литературныхъ произведеній, бывшихъ въ употребленіи у древнихъ. Быть можетъ нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей извѣстны любопытныя изысканія объ этомъ предметѣ, находящіяся въ книгѣ, изданной Жеро подъ названіемъ: *Essai sur les livres dans l'antiquité, particulièrement chez les Romains*. Къ матеріаламъ, собраннымъ его французскимъ предшественникомъ, Г. Шмидтъ прибавилъ нѣсколько новыхъ и важныхъ указаній. Онъ справедливо замѣчаетъ, что рѣдкость и дороговизна рукописей въ Средніе вѣки подали поводъ къ ложному заключенію, что тоже самое было у Грековъ и Римлянъ. Надобно вспомнить, что въ Средніе вѣки перепискою книгъ занимались почти исключительно монахи, между которыми число грамотныхъ и способныхъ къ такой работѣ было очень незначительно. Рукописи большею частію оставались въ монастыряхъ: немногія, поступавшія въ продажу, совер-

шени удовлетворяли бѣднымъ потребностямъ общества, занятого всемъ не литературными интересами. Но у древнихъ, особенно у Римлянъ, все находящіяся въ связи съ литературою отрасли промышленности достигли высокаго развитія. Отсутствіе типографскаго станка замѣнялось грамотнымъ работою — машиною древняго міра. У каждаго богатаго Римлянина были крѣпостные библіотекари, чтецы, переписчики, которые нерѣдко превосходили учестію своихъ господъ. Даже женщины высшихъ сословій держали при себѣ образованныхъ рабынь, которыя читали имъ вслухъ греческихъ и латинскихъ писателей. Автору новой книги стоило только послать рукопись по своимъ знакомымъ: немедленно являлись многочисленные списки, которые разносили въ болѣе обширные круги извѣстность произведенія. У Помпонія Аттина, друга Цицеронова, было огромное заведеніе въ родѣ типографіи и книжной лавки. Множество невольниковъ занимались исключительно перепискою важнѣйшихъ новыхъ и древнихъ сочиненій; другіе заготавливали переплеты и матеріалы для письма. Такимъ образомъ Аттікъ издалъ Академическія изслѣдованія, Ораторы, письма и часть рѣчей Цицерона. Намъ извѣстно между прочимъ, что рѣчь за Лигарія была распродана съ большою выгодною. Впрочемъ, цвѣтущее состояніе книжной торговли въ Римѣ и провинціяхъ совпадаетъ съ началомъ имперіи. Г. Шмидтъ приводитъ (стр. 123) цѣлый рядъ знаменитыхъ книгопродавцевъ I столѣтія по Р. Х. Устройство магазиновъ очень походило на теперешнее. Заманчивыя, снаружи прибитыя объявленія о новыхъ книгахъ возбуждали любопытство прохожихъ; внутри, въ такъ называемыхъ гнѣздахъ, стояли болѣе или менѣе изящно переплетенныя книги. Но въ эти магазины приходили не одни покупатели. Сюда собиралось образованное общество для разговоровъ о литературныхъ и другихъ новостяхъ. Дѣятельность тогдашняго книгопродавца была сложнѣе, чѣмъ въ наше время, потому что у него обыкновенно выдѣлывался самый товаръ, т. е. переписывались рукописи. Этимъ дѣломъ занимались невольники и наемные работники. Скорость труда и великое число экземпляровъ, поставшихъ въ продажу, можно объяснить только употребленіемъ стенографическихъ сокращеній и обычаемъ диктовать съ одной рукописи цѣлымъ десяткамъ писцовъ. Плиній младшій рассказываетъ, что Регулъ издалъ сочиненіе, написанное имъ по случаю смерти сына, въ числѣ 1000 экземпляровъ; Цицероновы рѣчи расходились немедленно

въ Римѣ и провинціяхъ, и т. д. У Марціала находятся любопытныя подробности о форматѣ книгъ, подтверждающія сказанное выше объ употребленіи стенографическихъ сокращеній. Можно было нѣтъ цѣлаго Гомера, Виргилія, даже Ливія въ одномъ томѣ. Слѣдовательно у древнихъ были также сжатые изданія (*éditions compactes*). Каллиграфія производила иногда игрушки въ родѣ нашихъ миниатюрныхъ альманаховъ. Примѣромъ могутъ служить полные списки Илиады и Одиссеи, которые укладывались въ орѣховой скорлупѣ.

Литературная собственность не находила обезпеченій ни въ понятіяхъ общества, ни въ законахъ. Весьма немногіе изъ писателей получали плату за свои труды. Большая часть довольствовалась дѣйствительною или мнимою славой. Публика предпочитала новыя книги старымъ, и книгопродавцы старались наперерывъ угодить ея требованіямъ, приобретаая посредствомъ просьбъ, лести, иногда денегъ сочиненія любимыхъ поетовъ или прозаиковъ. Первые списки обыкновенно расходились въ столицѣ, остальные шли въ провинціи. Къ числу главныхъ статей сбыта принадлежали учебники. Несмотря на чрезвычайно низкія цѣны книгъ, книгопродавцы получали значительныя барыши, но писатели жаловались, напр. Марціалъ: «Подъ знаменами Марса, въ снѣгахъ гетскихъ, суровый центуріонъ перелистываетъ мою книгу. Британія поетъ мои пѣсни. Но что пользы? Слава не отзывается въ моемъ кошельѣ». XI. 4.

Появленію сочиненія въ продажѣ почти всегда предшествовала болѣе или менѣе лестная молва о немъ, вслѣдствіе возникшаго при Августѣ обычая публичныхъ чтеній. Почти каждый авторъ заранѣе подвергалъ свое произведеніе суду будущихъ читателей. Онъ приглашалъ къ себѣ нарочными объявленіями не только знакомыхъ своихъ, но и всѣхъ желающихъ; въ случаѣ недостатка мѣста слушатели собирались къ богатому покровителю литературы или въ какое-нибудь общественное зданіе. Такія чтенія возбуждали иногда въ высшей степени любопытство публики, даже получали политическое значеніе. Но въ началѣ II вѣка Плиній младшій уже жаловался на разсѣянность и невниманіе посѣтителей, на ихъ невѣжливую привычку уходить украдкой во время самаго чтенія и возвращаться по окончаніи. Последняя черта нравовъ принадлежитъ не къ одному второму вѣку. Многіе изъ нашихъ читателей вѣроятно не разъ съ удовольствіемъ совершали тотъ грѣхъ, въ которомъ авторъ панегирика Траяну обви-

няетъ своихъ современниковъ. Дѣятельность книгопродавцевъ, огромныя общественныя и частныя библіотеки, наконецъ, публичныя чтенія служили вѣтшими проводниками идей, проходившихъ во всѣ слои римскаго общества.

Заглавіе, данное Г. Шмидтомъ своимъ изслѣдованіямъ, не точно опредѣляетъ ихъ содержаніе. Его прямая цѣль — показать предсмертную борьбу древняго міра съ собственною наукою и мыслию. Мы не слѣдуемъ за нимъ въ изложеніи (не представляющемъ ничего новаго) главныхъ философическихъ системъ, въ которыхъ выразилось отрицаніе многобожія и связаннаго съ нимъ языческаго государства.

Собственно это явленіе было продолженіемъ процесса, начавшагося въ Греціи, гдѣ народныя вѣрованія и общественныя формы давно уже были разъединены умозрѣніемъ. Политическій характеръ римской религіи наложилъ на нее необходимость участвовать во всѣхъ переворотахъ, которые совершались въ государствѣ. Событія форума отзывались въ храмѣ. Въ эпоху паденія республиканскихъ учреждений вожди римскихъ партій перестали вѣрить въ своихъ боговъ. Предъ цѣлымъ сенатомъ Катонъ обвинялъ первосвященника Цезаря въ непризнаніи загробной жизни. Авгуръ Цицеронъ доказывалъ невозможность предсказывать будущее и двусмысленно рѣшалъ вопросъ о существованіи боговъ. Такъ же думалъ другъ Цицерона, жрецъ Котта, явный приверженецъ скептической академіи. Но связанные своимъ положеніемъ и консервативною точкою зрѣнія, Цицеронъ и Котта смотрѣли на римскій политеизмъ какъ на нѣчто полезное для народа и отстаивали въ жизни то, отъ чего отрѣшались духовно. Это раздвоеніе досталось въ наслѣдство имперіи. Глава государства былъ въ то время первосвященникомъ, блюстителемъ древней религіи, среди новыхъ общественныхъ формъ. Въ стремленіи примирить эти начала онъ обоготворилъ самъ себя и заживо занялъ мѣсто въ сонмѣ небожителей. Конечно ни Августа, ни Тиберія нельзя было заподозрить въ искренней вѣрѣ въ собственное божество, но ложное положеніе заставило ихъ искать опоры въ самой колоссальной лжи, какаѣ была высказана отъ начала міра. Отношеніе философіи къ такому порядку вещей было опредѣлено. Ей нельзя было остановиться на скромномъ и осторожномъ отрицаніи Цицерона. Умѣренность въ этомъ случаѣ принимала характеръ лицемерной сдѣлки, жалкаго потвор-

ства. Отъ лица всѣхъ школъ своихъ — эпикуренство и стоицкое, пифагорейство и чистыхъ скептиковъ, философія бросила перчатку государству, такъ нагло ругавшемуся надъ истинною.

Передовое, самое опасное мѣсто въ этой битвѣ заняли стоики. Они опирались не на умозрѣніе, которое составляло слабую сторону, а на нравственное начало. Пользуемся случаемъ напомнить нашимъ читателямъ блестящую и вѣрную характеристику стоицизма, помѣщенную въ «Письмахъ объ изученіи природы» Искандера. «Ученіе стоицкое по преимуществу нравственное; оно прямо идетъ къ вопросамъ жизненнымъ, стремится дать совѣтъ, укрѣпить грудь противъ ударовъ судьбы, возбудить гордое сознаніе долга и заставить всѣмъ жертвовать ему; — что другое могли проповѣдывать люди мысли, передъ глазами которыхъ разыгрывался послѣдній, замыкающій актъ трагедіи, гдѣ гибнулъ цѣлый міръ и изъ-за видимыхъ развалинъ этого міра трудно было разсмотрѣть будущее, тихо и незамѣтно водворявшееся? — Передъ этимъ страшнымъ зрѣлищемъ агоніи, исполненной старческаго, безсильнаго разврата, истощенія, гадкой въ своемъ циническомъ раболѣпствіи, — философу оставалось скрестить руки на груди и мужественно стать протестомъ, своимъ неучастіемъ заклеить общество, громко обличить его позоръ, и когда нѣтъ надежды спасти его, употребить всѣ силы, чтобы спасти *нѣсколько лицъ*, оторвать ихъ отъ зараженной среды и пробудить нравственное чувство въ ихъ груди. Стоики обрекали себя на это. Но такое ученіе печально, угрюмо, «не жертвуетъ граціямъ», — оно учитъ умирать, учитъ цѣною головы подтверждать истину, быть непреклонно твердымъ въ несчастіяхъ, побуждать страданія, пренебрегать наслажденіями; — все это добродѣтели, но добродѣтели человѣка въ несчастномъ положеніи; все это слишкомъ мрачно, чтобы быть нормальнымъ... Римскій духъ, практическій, опредѣленный, рѣзкій и холодный, началъ тогда проникать всюду, началъ становиться всемірнымъ, господствующимъ дыханіемъ; на римской почвѣ стоики развились вполне; въ Греціи они были болѣе теоретики; здѣсь они отворяли себѣ жилы и приготовляли въ собственномъ саду костры. Въ нихъ именно преобладалъ римскій элементъ: умы сухо-энергическіе и озлобленные, груди твердыя, но наболѣвшія, люди практическіе, но чрезвычайно односторонніе и формальные, — правила ихъ просты, чисты, но въ своей абстрактной чистотѣ они, какъ кислородъ, не составляютъ здоровой среды дыха-

нія, именно потому что нѣтъ примѣся, которая бы смягчала рѣзкую чистоту ¹⁾).

Несмотря на бѣдность умозрительнаго содержанія, даже на презрѣніе къ наукѣ, взятой отдѣльно отъ жизни, стояли всѣми убѣжденіями и ученіями своими стояли въ рѣзкой противоположности къ политеизму и къ проникнутому его началами государству и оффиціальному обществу. Всякое явленіе изъ жизни этого общества вызывало ихъ упрекъ или насмѣшку. Добродѣтели древняго человѣка были по преимуществу гражданскія: источникомъ ихъ былъ патріотизмъ. Сенека противопоставляетъ идеѣ отечества другую, болѣе обширную идею человѣчества. «Я рожденъ не для уголка земли, говоритъ онъ, родина моя — міръ». Въ другомъ мѣстѣ: «Смѣшонъ человѣкъ съ его рубежами и границами. Житель Дакіи не долженъ переступать Истра; Стримонъ служить границею Фракіи; Эвратъ отдѣляетъ насъ отъ Паряня, Дунай отъ Сарматіи... Дайте муравью умъ человѣка, можетъ быть и онъ раздѣлитъ часть сада на сто провинцій». (Epist 47). Луканъ поетъ о святой любви ко вселенной (*zaseg orbis amor*). Языческое государство уважало только гражданскую личность. Рабъ долго считался вещію. Сенека признаетъ святость каждой человѣческой личности: *homo ges zasga*... «Каждый человѣкъ благороденъ, потому что происходитъ отъ Бога; если въ твоей родословной есть темная ступень, перешагни ее, стань выше. Подымись къ источнику благородства, къ тому, отъ кого мы всѣ произошли: мы всѣ сыны Бога». Въ этихъ выраженіяхъ звучитъ предчувствіе христіанства. Кровавыя зрѣлища римскаго цирка возбуждаютъ въ немъ тоже чувство, которое удалило отъ нихъ первыхъ христіанъ. Онъ обращается къ зрителямъ съ горькими словами: «Безъ гнѣва, безъ страха, ради забавы, вы предаете смерти человѣка и любуетесь его предсмертною тоскою. Вы скажете мнѣ, что это преступники, что они заслужили смерть. Согласенъ; но какое преступленіе совершили вы сами, за что приговорены быть зрителями казни?» Въ сочиненіяхъ Сенеки высказывается глубокая и неудовлетворенная религіозная потребность, приведшая его, подобно старшему Плинію, къ пантеизму. Противорѣчія, которыя у него такъ часто встрѣчаются, обличая недостатки строгой системы и неопредѣленное отношеніе къ прошедшему и будущему, рѣзко ха-

¹⁾ Письмо 4-е.

рактизируютъ переходное состояніе умовъ. Къ сожалѣнію, г. Шмидтъ недостаточно воспользовался этими матеріалами, особенно важными для возстановленія нравственной фizioноміи эпохи, которую онъ избралъ предметомъ своихъ изслѣдованій.

Но у Сенеки есть другая, нами еще не указанная сторона, которую онъ вполнѣ выражаетъ свое время. Это мрачная, до отчаянія доходящая скорбь, которая просится наружу изъ-подъ философскихъ сентенцій. Опутанный безвыходными антиноміями и сомнѣніями, глубоко оскорбленный дѣйствительностію, которой развращающее вліяніе отразилось на его собственной жизни, онъ смотритъ на смерть, какъ на успокоеніе отъ тревогъ бытія. «Она есть конецъ и разрѣшеніе печалей». Страданіе является у него нормальнымъ состояніемъ человѣка. «Да утѣшитъ тебя смерть», говоритъ онъ несчастному. «Взгляни на старыхъ ратниковъ. Они тверды подъ ножомъ врага, который касается ихъ ранъ и рѣжетъ ихъ члены... Будь же ратникомъ несчастія. Къ чему жалобы, вопли, приличное женамъ горе! Твои бѣдствія были безплодны, если ты не научился страдать». Онъ осуждаетъ страданіе какъ слабое, недостойное мудраго чувство и видитъ въ самоубійствѣ самое вѣрное ручательство свободы, хотя въ другомъ мѣстѣ осуждаетъ его съ нравственной точки зрѣнія.

Это трагическое воззрѣніе не принадлежитъ исключительно наставнику Нерона. Плиній старшій, который по образу мыслей принадлежитъ къ эллектикамъ, самой многочисленной изъ тогдашнихъ школъ, но нравственною стороною примыкалъ къ стоицизму, думалъ такъ же: «Изъ всѣхъ существъ самое гордое и жалкое есть человѣкъ. Онъ начинаетъ бытіе свое слезами, плачемъ... Одна половина его короткой жизни проходитъ во снѣ, изъ другой надобно выключить безсмысленное дѣтство и страдальческую старость. А между тѣмъ эта краткость существованія — лучшій изъ даровъ, полученныхъ нами отъ природы. Но человѣкъ дорожитъ бытіемъ. Его мучитъ жажда безсмертія. Онъ вѣритъ въ свою душу и въ другую жизнь. Онъ поклоняется мамамъ. Развѣ человѣку не суждено найти покоя? Неужели у него будетъ отнято высшее благо жизни, т. е. смерть, непредвидѣнная и скорая... Намъ отказано въ высочайшемъ счастіи небытія, за чѣмъ же лишать себя единственнаго возможнаго утѣшенія, надежды на возвратъ въ ничтожество?»... Онъ ставитъ въ недостатокъ богамъ безсмертіе, на которое они осуждены. При господствѣ такихъ мнѣній са-

моубійство сдѣлалось обыкновеннымъ поступкомъ. Къ нему приводило людей не отчаяніе, а тоска, равнодушіе къ жизни — *taedium vitae*, по выраженію Тацита. Знатный Римлянинъ, рѣшаясь на добровольную смерть, не скрывалъ своего намѣренія: онъ торжественно прощался съ друзьями и семействомъ и отворялъ себѣ въ ихъ присутствіи жилы. Бесѣда продолжалась до послѣдняго вздоха. Альбуцій Силь изложилъ на форумѣ передъ народомъ причины своей смерти и потомъ умиралъ себя голодомъ. Рѣдко кто противился исполненію такихъ намѣреній, потому что они были въ духѣ времени. Иногда самоубійству предшествовало совѣщаніе съ близкими людьми о пользѣ такого поступка. У Сенеки находимъ примѣръ Туллія Марцеллина. Тѣлесныя страданія заставили его желать смерти. Мнѣнія друзей были раздѣлены; одинъ изъ нихъ, принадлежавшій къ стоическому школѣ, сказалъ больному: «зачѣмъ придавать важность этому вопросу? Развѣ жизнь такое великое дѣло? Рабы и животныя также живутъ». Въ письмахъ младшаго Плинія много подобныхъ фактовъ, обозначающихъ страшное положеніе общества, котораго члены такъ легко отрѣшались отъ «сладкой привычки къ бытію». Приведемъ разсказъ о смерти Коррелія, замѣчательной во многихъ отношеніяхъ.

Коррелія привели къ его поступку требованія разума, въ которыхъ заключается необходимость мудраго. Впрочемъ у него было много побужденій къ жизни: чистѣйшая совѣсть, громкая слава, высокое положеніе; сверхъ того дочь, жена, внуки, сестры и, при такихъ заботахъ счастья, истинные друзья. Но онъ боролся съ недугомъ столь долгимъ и злымъ, что всѣ вычисленныя приманки бытія уступили наконецъ доводамъ смерти. На тридцать третьемъ году отъ рожденія (слышалъ я отъ него самого) его посѣтила подагра, наследованная отъ отца: подобно другимъ вещамъ, болѣзнь переходитъ по наследству. Въ лѣтахъ мужества онъ побѣждалъ зло воздержаніемъ и строгостію жизни; подъ старость, когда боли усилились, онъ противопоставилъ имъ душевную твердость. Однажды — это было при Доміціанѣ, — я посѣтилъ его въ загородномъ домѣ. Онъ терпѣлъ несказанныя муки, потому что болѣзнь не ограничилась ногами и перешла въ другія части тѣла. Рабы вышли изъ комнаты: у него былъ обычай высылать ихъ, когда пріѣзжалъ кто-либо изъ близкихъ друзей. Потомъ удалилась жена, впрочемъ способная сохранить всякую тайну. — Знаешь ли, сказалъ онъ мнѣ, озираясь кругомъ; почему я

выношу такіа страданія? Хочу пережить хищника ¹⁾ хотя однимъ днемъ. — Еслибы душѣ его было дано равносильное тѣло, онъ самъ исполнилъ бы свое желаніе. Однако какой-то богъ услышалъ его молитву; тогда, свободный и спокойный, разорвалъ онъ многочисленныя, но слабыя нити, которыя привязывали его къ жизни... Четыре дня онъ воздерживался отъ пищи...

Изъ словъ Плинія можно заключить, что Коррелій держался ученія Зенона; изнѣженные послѣдователи Эпикура умѣли умирать съ меньшимъ равнодушіемъ. На римской почвѣ эпикуреизмъ и стоицизмъ сошлись въ одномъ: въ глубокомъ презрѣніи къ дѣйствительности, въ затаенномъ на днѣ ученіи отчаянія. Вотъ чѣмъ объясняется рѣшительный перевѣсъ этихъ системъ надъ всѣми прочими. Непреклонное, безотрадное исполненіе отвлеченнаго долга и упоеніе оргіи, необузданный разгулъ чувственнаго наслажденія служили равно выходомъ изъ среды, въ которой задыхались лучшіе изъ Римлянъ. Подъ женоподобными формами, подъ невольною праздностію молодой аристократіи часто скрывались могучія страсти и глубокія скорби. Въ «Исторіи свободы исповѣданій и мысли» находятся біографическіе очерки стоиковъ Музонія Руфа и Пета Тразеи, цинника Димитрія и пиеагорейца Аполонія Тианскаго, характеризующіе отношеніе ихъ школъ къ обществу. Жаль, что Г. Шмидтъ не упомянулъ о представителяхъ эпикуреизма, который числомъ послѣдователей и внутреннимъ значеніемъ далеко превосходилъ тогдашнихъ цинниковъ и пиеагорейцевъ. Ему стоило только перевести двѣ превосходныя главы, въ которыхъ Тацитъ (*annal.* XVI. 18—20) рассказываетъ судьбу извѣстнаго друга Нерона, Гаія Петронія.

«Петроній посвящалъ день сну, ночь дѣламъ и веселью; изнѣженностію своею онъ пріобрѣлъ славу, которой другіе достигаютъ трудами. Его не считали простымъ развратникомъ или мотомъ, какъ другихъ, расточающихъ свое имѣніе, а художникомъ въ дѣлѣ наслажденія. Чѣмъ вольнѣе были его рѣчи и поступки, чѣмъ менѣе онъ ихъ повидимому обдумывалъ, тѣмъ болѣе они нравились своею простотою. Будучи проконсуломъ въ Виеннѣ и консуломъ, онъ обнаружилъ силу и способность къ дѣламъ. Потомъ онъ снова предался разврату, быть можетъ, наружному. Неронъ принялъ его въ число немногихъ друзей

¹⁾ Т. е. Домиціана.

своихъ и призналъ судьей изящнаго (*elegantiae arbiter*): только одобренное Петроніемъ казалось ему пріятнымъ и могло ему нравиться. Отсюда зависть Тигеллина къ сопернику, превосходившему его въ наукѣ наслажденій. Онъ обратился къ самой сильной изъ наклонностей Нерона — къ его жестокости. Петроній былъ обвиненъ въ дружбѣ съ Сцевиномъ. Подкупленный рабъ явился съ доносомъ; средства къ защитѣ были отняты, большая часть слугъ заключена въ оковы. Въ это время цезарь отправился въ Кампанію; Петроній ѣхалъ съ нимъ до Кумъ, гдѣ его задержали. Онъ не захотѣлъ жить между страхомъ и надеждою. Впрочемъ, онъ не спѣшилъ разстаться съ жизнью, но перерѣзалъ себѣ жилы такъ, что могъ по произволу перевязывать ихъ и снова отягивать. Съ друзьями бесѣдовалъ шутивно, не заботясь о славѣ, которую могла ему доставить его твердость. Они говорили ему не о безсмертіи души и не объ ученіяхъ мудрецовъ, а читали легкія стихотворенія. Нѣкоторыхъ изъ рабовъ своихъ онъ одарилъ, другихъ велѣлъ наказывать. Онъ ѣлъ, спалъ по обыкновенію, и невольную смерть его можно было бы принять за случайную. Даже въ завѣщаніи своемъ онъ не льстилъ (какъ большая часть погибающихъ) ни Нерону, ни Тигеллину и никому другому изъ властителей, но описалъ пороки цезаря и новоизобрѣтенные разнообразные виды разврата, называя по имени опозоренныхъ мужей и женщинъ. Рукопись эту онъ запечаталъ и отправилъ къ Нерону, потомъ сломалъ перстень, на которомъ находилась печать, чтобы никого не ввести въ опасность...

Въ исторіи греко-римскаго пантеизма можно различить двѣ главныя эпохи развитія — непосредственно-религіозную и сознательную, научную. Благоговѣйное поклоненіе отдѣльнымъ силамъ и явленіямъ природы, выраженнымъ символами, въ которыхъ поэтическая вѣра народа не отдѣляла содержанія отъ формы, предшествовало признанію природы, какъ всеміщущей, всеобъемлющей, единой и нераздѣльной жизни. Произволъ небожителей уступилъ мѣсто вѣчнымъ законамъ естества. Холодное дуновеніе науки обратило прекрасные символы въ простыя аллегоріи. Рационализмъ былъ послѣднимъ словомъ философскихъ школъ I столѣтія по Р. Х. Только новые пиагорейцы пытались подложить падавшему многобожію мистическую основу, оправдать его философіею религіи, составленною подъ явнымъ вліяніемъ Платонова идеализма. Главнымъ поборникомъ этой языче-

ской мистики является въ жизни и ученіяхъ своихъ Аполоній Тианскій — загадочное, двусмысленное лице, съ притязаніями на роль пророка и реформатора. Направленіе такого рода могло найти сочувствіе только въ самомъ тѣсномъ кругу. Низшимъ классамъ народа былъ непонятенъ таинственный, полупророческій, полуученый языкъ Аполонія и его приверженцевъ. Рѣзкій рационализмъ образованныхъ классовъ дѣлалъ для нихъ невозможнымъ всякій возвратъ или примиреніе съ древними вѣрованіями. Онъ опирался не на одни доводы философіи, но на свидѣтельство другихъ наукъ, напр. на историческую критику, приложенную къ религіознымъ мѣамъ. За три столѣтія до Р. Х. Грекъ Эвemerъ написалъ «священную исторію». Въ основаніе своего сочиненія онъ положилъ мысль, что греческіе боги были не что иное, какъ люди, обоготворенные вслѣдствіе своихъ великихъ дѣлъ, обмана жрецовъ или невѣжества черни. Содержаніе мѣовъ и преданій было подвержено строгой и ѣдкой критикѣ. Въ подтвержденіе собственныхъ мнѣній Эвemerъ приводилъ свидѣтельство памятниковъ всякаго рода. Впрочемъ, онъ отрицалъ не существованіе боговъ вообще, а греческую мѣологію. Книга его, написанная съ большимъ умѣньемъ и знаніемъ, приобрѣла огромный успѣхъ. Современникъ второй пунической войны, Энній перевелъ ее на латинскій языкъ и пересадила эвemerизмъ на итальянскую почву. Сѣмя, какъ мы видѣли, принялось хорошо и принесло плодъ. Большинство, всегда чуждающееся умозрѣній, легко и охотно приняло выводы, добытые положительнымъ путемъ историческаго изслѣдованія, не догадываясь, что историческая критика коснулась этихъ вопросовъ и рѣшила ихъ именно такъ, а не иначе, потому только, что была подъ вліяніемъ философіи. Въ первое столѣтіе христіанства римскій политеизмъ уже сталъ на степень исключительно оффиціальной религіи. Его поддерживало правительство изъ расчетовъ, народъ — по привычкѣ, но духовныя потребности челоука перестали находить въ немъ удовлетвореніе. Всѣмъ извѣстно, какою смѣсью невѣрія и суевѣрій запечатлѣны послѣдніе вѣка язычества. Доказательствомъ общаго равнодушія служатъ опустѣлыя храмы. Въ Римѣ ихъ посѣщали высшія сословія изъ приличія, въ провинціяхъ не было и этого. «Паукъ заткалъ свою сѣтью внутренность храма, дурная трава обилась около покинутыхъ боговъ», поетъ Проперцій. Мистическое направленіе новыхъ пнеагорейцевъ, жестокій санатизмъ немногочисленныхъ языческихъ пѣти-

стовъ, ихъ возгласы противъ современнаго движенія, ихъ доносы правительству, ихъ гоненіе на философію не опровергаютъ вышесказаннаго. Эти явленія рѣзче другихъ обличали ветхость рушившейся религіозной системы, были ея предсмертными судорогами. Казни христіанскихъ мучениковъ, свирѣпое участіе, съ которымъ народъ смотрѣлъ на эти кровавыя зрѣлища, ввели въ заблужденіе многихъ. Но источникомъ такихъ преслѣдованій рѣдко бываетъ фанатизмъ. Правительство наказывало политическое невѣріе, не склонявшее колѣнъ предъ обоготвореннымъ цезаремъ. Одичавшая на скамьяхъ цирка толпа съ радостію принимала новыя жертвы, брошенныя ей въ забаву. Она ругалась не надъ ученіемъ, ей непонятнымъ и невѣдомымъ, а надъ нравственностію христіанъ, такъ несходной съ античною. По подобной причинѣ, люди, принадлежавшіе къ тѣмъ философскимъ школамъ, которыхъ споръ съ духомъ и формами древней жизни начался задолго до христіанства, явились не только спокойными зрителями смерти мучениковъ, но ихъ строгими судьями. Неустрашимые теоретики, они оробѣли предъ практической задачей общественной реформы, основанной на началахъ, взятыхъ не изъ науки, хотя въ сущности эти начала не противорѣчили наукѣ. Они не поняли лучшихъ идей своихъ въ переходѣ на простой языкъ нравственно-религіознаго убѣжденія; встрѣтившись неожиданно на собственномъ пути съ христіанствомъ, они боязливо отступили назадъ и стали защитниками порядка вещей, надъ разрушеніемъ котораго до тѣхъ поръ трудились съ такимъ усердіемъ и успѣхомъ. Впрочемъ никто, знакомый съ исторіей человѣческой мысли, не станетъ винить этихъ стоиковъ, скептиковъ, эпикурейцевъ за ихъ непослѣдовательность. Ихъ призваніемъ была критика, ихъ дѣло было понять прошедшее—не болѣе. Они стояли, какъ врачи, у одра больного общества, внимательно слѣдили за ходомъ неисцѣлимаго недуга, сознавали опасность, не таили ея отъ другихъ, но не рѣшались на послѣднее признаніе, не находили въ себѣ смѣлости сказать, что смерть неизбежна. Большой былъ имъ слишкомъ близокъ; они съ нимъ родились, выросли; возможность его кончины являлась имъ чѣмъ-то чудовищно-страннымъ. Выраженіе, которое Фридрихъ Шлегель употребилъ, говоря объ исторіи, можно справедливо отнести и къ философіи: она есть пророкъ, обращенный къ минувшему. Она идетъ за исторією, какъ сознаніе за поступкомъ. Изъ волнующейся дѣйствительности она принимаетъ въ себя только

идеи совершившихся событий, ихъ духовный отсѣдокъ, *die Mutter* (матерей) явленій, о которыхъ Мефистофель говоритъ Фаусту.... На рубежѣ между замыкающимся и возникающимъ періодами историческаго развитія философія становится двуликимъ Янусомъ. Но выраженіе этихъ двухъ лицъ неодинаково: обращенное вспять, къ былому, спокойно и строго; недвижныя черты утратили возможность отражать летучія впечатлѣнія бытія: видно, что тревога явленій утихла, что расчетъ съ жизнью конченъ, что она отвѣтила на предложенные ей вопросы. Не такъ смотритъ въ даль ликъ, устремленный къ будущему: беспокойная мысль бродитъ на челѣ; въ очахъ видно юношеское чаяніе, нетерпѣливыя требованія. Но это чаяніе неясно, требованіе неопредѣленно.—Отрицая настоящее, философія оправдываетъ наступающее время, хотя она не сознаетъ его, и рано или поздно разлагаетъ его такъ же, какъ разложила его предшественниковъ.

Не натягивая, подобно Г. Шмидту, несуществующихъ аналогій, можно понять всю важность эпохи, имъ разбираемой, для объясненія законовъ историческаго развитія вообще. Увлеченный частными сближеніями, нѣмецкій ученый глядѣлъ на свой предметъ не съ этой единственно вѣрной и достойной нынѣшней науки точки зрѣнія. Прогрессивное движеніе человечества перестало быть вопросомъ для большинства мыслящихъ людей нашего вѣка, но излучистый ходъ этого движенія, его виѣшняя неправильность вызываютъ со стороны его упрямыхъ отрицателей нѣкоторыя возраженія, не лишенныя правдоподобія. Ихъ теорія опирается преимущественно на двойственномъ характерѣ прогресса, который, если его разсматривать только съ одной стороны, всегда является порчею чего-нибудь существующаго, извѣстнаго въ пользу еще не существующаго, не вызваннаго, къ жизни. Такое постепенное искаженіе формы, осужденной на смерть, можетъ продолжаться долго и быть тѣмъ оскорбительнѣе, чѣмъ прекраснѣе она была въ порѣ своей зрѣлости, чѣмъ неопредѣленнѣе выступаютъ наружу очертанія новой, не сложившейся формы. Но ссылка на это явленіе, много разъ повторившееся въ судьбѣ цѣлаго человечества и каждаго отдѣльнаго историческаго народа, обнаруживаетъ въ защитникахъ теоріи попятнаго движенія односторонность взгляда или, что часто бываетъ, недобросовѣстную, добровольную слѣпоту.

Пережѣна, происшедшая въ семейныхъ отношеніяхъ римскаго гражданина послѣ паденія республики, можетъ служить къ поясненію и

оправданію нашихъ мыслей. Древнее семейство существовало не для себя, а для государства и его цѣлей. Отсюда жестокость юридическихъ опредѣленій. Римскій законъ обрекалъ дѣтей на рабство до смерти отца и отдавалъ женщину подъ вѣчную опеку. Изъ-подъ власти родительской она переходила подъ власть мужа. Со смертію отца дѣти становились свободны, но ея положеніе не измѣнялось: законъ не признавалъ ея совершеннолѣтнею и назначалъ ей новаго опекуна, въ лицѣ сына или родственника. Ея призваніе было родить и воспитать новыхъ гражданъ, сохранять собственность супруга отъ расхищенія, снять съ него ярмо хозяйственныхъ заботъ, несовмѣстное съ полнымъ служеніемъ отечеству. Уклоненіе отъ однообразнаго долга влекло за собою наказаніе, опредѣленное совѣтомъ родственниковъ, безславный разводъ, иногда смерть. *Domi mansit, lanam fecit* (сидѣла дома, прядла шерсть): въ этихъ словахъ заключалась высшая похвала римской матронѣ. Вторичный бракъ вѣнялся ей въ проступокъ. Зато общество награждало ее внѣшнимъ почетомъ. Она не уступала дороги консулу, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ; дикторъ, разгонявшій толпу, не смѣлъ коснуться ея длинной одежды; оскорбленіе ея слуха нечистымъ словомъ, взгляда—непристойнымъ движеніемъ, подлежало наказанію. Когда вѣчному городу грозила опасность, сенатъ обращался къ молитвамъ матронъ, которымъ приписывалась особенная сила. Наложенный ими на себя трауръ считался послѣднимъ высшимъ воздаяніемъ заслугамъ умершаго гражданина. Самая строгость закона свидѣтельствовала о ихъ достоинствѣ: снисходительный къ пороку вольноотпущенницы и иностранки, онъ былъ неумолимъ къ проступкамъ супруги квири́та. Женское цѣломудріе было такимъ образомъ поставлено въ числѣ исключительно національныхъ, аристократическихъ добродѣтелей. Но еще задолго до совершеннаго паденія республиканскихъ учрежденій семейный бытъ Рима уступилъ напору идей, разрушительно проникавшихъ въ жизнь. Подъ тройнымъ вліяніемъ ослабѣвшей нравственности, философскихъ ученій и согласныхъ съ этими ученіями юристовъ, положеніе женщины измѣнилось. Она допущена была къ пользованію правами, до тѣхъ поръ предоставленными одному мужчине, къ наслажденіямъ, прежде ей строго запрещеннымъ. Императоръ Клавдій довершилъ ея освобожденіе снятіемъ вѣчной опеки. Цѣль усилій, благородныхъ по характеру, разумныхъ по мысли, великихъ по результатамъ, была достиг-

нута, потому что они готовили будущую супругу и мать христіанскаго семейства. Но какъ выразился этотъ успѣхъ въ нравахъ общества, среди котораго совершился? Отсылаемъ читателей къ 6-й сатирѣ Ювенала, къ разсказамъ Тацита, къ жалобамъ Сенеки, къ циническимъ отрывкамъ Петронія. Одностороннія опредѣленія римскаго семейства понемногу исчезли, но съ ними вѣсть рушилось самое семейство. *Mulier multarum nuptiarum* заступила мѣсто жены *vivirae*. Пользуясь свободою развода, она переходила отъ одного брака къ другому и означала прошедшіе годы именами не консуловъ, а минувшихъ ею супруговъ. Скоро ей показался недостаточнымъ такой законъ допущенный развратъ. Въ позорномъ спискѣ оцѣли явились знаменитыя имена римской аристократіи. Небывалыя гости удивили своимъ присутствіемъ нечистое населеніе лупанаровъ. При Неронѣ жены сенаторовъ добровольно сходили на арену цирка, и толпа рукоплескала ихъ ловкости, ихъ отвагѣ. У Сенеки (*de Ben.* 1, 9. 111, 16) сохранился отголосокъ ихъ толковъ, выдержки изъ нравственной теоріи, которую онѣ прилагали къ жизни. Мужъ, требовавшій соблюденія вѣстныхъ приличій, назывался неучемъ, невеждою, провинціаломъ. На молодаго человѣка, которому не удалось увести чужую жену, прославиться гласною интригою, смотрѣли съ презрѣніемъ. Связь съ однимъ любовникомъ считалась на равнѣ съ бракомъ. Понятно все негодованіе, вся горечь сожалѣній о минувшемъ, какую подобныя явленія возбуждали въ благородныхъ и мыслящихъ современникахъ. У нихъ не было, какъ у насъ, пояснительныхъ историческихъ опытовъ. Поставленные зрителями одного изъ тѣхъ страшныхъ переломовъ, которые мы называемъ переходными эпохами, они могли видѣть только одну, къ нимъ обращенную сторону событія и не поняли его. Освобожденіе женщины изъ-подъ гнета юридическаго семейства, гдѣ ея душевныя требованія не находили никакого признанія, было разумно и необходимо для существованія другаго нравственно-религіознаго семейства; но оно совершилось сначала, какъ отрицаніе и порча прежняго порядка, а не какъ непосредственное возникновеніе новаго.

Философскія системы рѣдко бывають предметомъ непосредственнаго изученія для такъ называемой образованной публики. Она неохотно слѣдитъ за діалектическимъ ходомъ чистой мысли и принимаетъ конечные выводы этого развитія чрезъ посредство литературныхъ про-

изведній, которыхъ чтеніе не требуетъ сильнаго умственнаго напряженія. Г. Шиндтъ посвятилъ цѣлую главу своей книги римской беллетристикѣ, какъ посредницѣ между философіей и общественнымъ сознаніемъ. Но онъ разсматриваетъ только поэтовъ, преимущественно лириковъ и сатириковъ. На историческую литературу, на положительныя науки въ ихъ связи съ господствовавшимъ, матеріальнымъ направленіемъ вѣка онъ не обращаетъ вниманія. А въ этихъ сферахъ быть можетъ звучнѣе, чѣмъ въ поэзіи, отзывалась современность.

Переписка младшаго Плинія съ друзьями представляетъ живое изображеніе литературнаго быта въ Римѣ, въ исходѣ 1-го и въ началѣ II-го вѣка по Р. Х. Стоить сравнить этотъ памятникъ съ другимъ однороднымъ, но болѣе древнимъ, съ перепискою Цицерона, чтобы оцѣнить перемѣну, которая произошла въ жизни и въ понятіяхъ римскаго общества въ теченіе полутора вѣка, отдѣляющихъ Траянова друга отъ послѣдняго оратора республики. Письма Цицерона и его современниковъ отличаются особенною простотою: высокая образованность переписывающихся лицъ, ихъ участіе въ вопросахъ науки и искусства очевидны, но не трудно замѣтить, что это люди по преимуществу практическіе. Имъ некогда обтачивать фразы; однако языкъ какъ будто послушенъ ихъ волѣ и передаетъ съ изумительною точностію отѣнки мысли, всегда отчетливой и ясной. Чтеніе этихъ страницъ, набросанныхъ въ короткія минуты досуга людьми, почти не выходившими изъ страшной битвы, въ которой рѣшилась судьба древняго міра, въ высшей степени увлекательно. Здѣсь вся исторія, всѣ страсти великой эпохи.

Въ письмахъ Плинія и его пріятелей мы находимъ совсѣмъ иное содержаніе и иную форму. Видно, что они писаны съ мыслию о будущихъ критикахъ, съ притязаніями на литературное достоинство. Записка въ нѣсколько строкъ, содержащая въ себѣ упреки въ долгомъ молчаніи, или изъявленіе благодарности за присылку дроздовъ, носитъ печать тщательной отдѣлки. За исключеніемъ официальной переписки съ Траяномъ, въ этомъ сборникѣ почти не говорится о политическихъ событіяхъ; зато извѣстія ученныя и взятые изъ частной жизни многочисленны и любопытны. Они вводятъ читателя въ тотъ кругъ, къ которому принадлежалъ Плиній. Онъ состоялъ изъ лучшихъ членовъ римской аристократіи, въ которыхъ воспитаніе, богатство, досугъ развили потребность умственныхъ наслажденій. Въ тео-

рин они были болѣею частію эллистины, въ жизни — стоики или эпикурейцы, смотря по личному настроенію. Они ставили науку и искусство выше практической дѣятельности, отъ которой впрочемъ не отрекались, но въ сужденіяхъ и трудахъ своихъ ближе подходили къ дилетантамъ, чѣмъ къ настоящимъ ученымъ и художникамъ. Лучшимъ представителемъ этого круга можетъ служить самъ Плиній. Онъ былъ человекъ даровитый, многосторонно образованный, благородный, съ горячею любовью къ истинѣ и добру. Въ его дѣятельности есть сторона новая, незнакомая республиканскому періоду, которую можно по праву назвать филантропическою. Онъ заботится о благѣ бѣдныхъ классовъ, заводитъ школы, проповѣдуетъ кроткое обращеніе съ рабами, съ негодованіемъ смотритъ на игры цирка. Траянъ возвелъ его въ высшія государственныя должности; онъ служилъ съ честію и не безъ пользы, но заботился столько же, если не болѣе, о выправкѣ своихъ сочиненій. Литераторъ не рѣдко бралъ верхъ надъ сановникомъ. При всемъ томъ Плиній очень посредственный писатель, не столько по таланту, сколько по направленію и по бѣдности того содержанія, которое дается самою жизнію. Отсюда происходитъ его заботливость о формѣ, какъ о формѣ, которая должна прикрыть внутреннюю пустоту. Изъ всѣхъ друзей Плинія одному Тациту дано было такое богатство собственныхъ силъ, такая глубина гражданской скорби, что онъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы съ вліяніемъ среды его окружавшей. Другимъ такая побѣда была невозможна. Но прочтите ихъ письма, ихъ отзывы о своемъ вѣкѣ: васъ поразитъ увѣренность, съ какою они ставятъ его, относительно умственного развитія, выше всѣхъ предъидущихъ. Ихъ вводило въ заблужденіе внѣшнее распространеніе просвѣщенія, масса идей, находившихся въ общественномъ оборотѣ, наконецъ количество произведеній, ежедневно поступававшихъ на литературный рынокъ.

У всѣхъ этихъ явленій была другая темная сторона, отъ которой отворачивались оптимисты I-го столѣтія. Но часто въ ихъ собственномъ кругѣ являлись страшныя лица съ циническою улыбкою на губахъ, съ выраженіемъ ненависти и презрѣнія во взорѣ — тѣ знаменитые обвинители (*delatores*), которыхъ краснорѣчіе стоило жизни лучшимъ гражданамъ Рима. Болѣею частію это были люди знаменитаго рода, съ замѣчательными талантами, знакомые со всѣми направленіями современной науки и жизни. Они совершали свое дѣло все-

народно. Въ полномъ присутствіи сената они произносили великолѣпныя обвинительныя рѣчи, которыхъ обыкновенною темою было неуваженіе къ религіи, оскорбленіе нравственности, отсутствіе патриотизма, и потомъ возвращались снова къ привычкамъ образованнаго, аристократическаго общества: бесѣдовали о поэзіи и философіи, посѣщали публичныя чтенія и разыгрывали роль меценатовъ относительно бѣдныхъ писателей.

Перейдемъ къ поэзіи и беллетристикѣ. Посмотримъ, какія религіозныя, нравственныя, гражданскія идеи проводили онѣ въ среду читателей, которые черпали свое образованіе изъ этихъ источниковъ. Мы видѣли упадокъ вѣрованій въ народѣ; но человекъ не можетъ обойтись безъ понятій или представленій о какой нибудь верховной силѣ, о законѣ бытія. Умы положительные находили разрѣшеніе этихъ вопросовъ въ теоріяхъ Лукреція. Его знаменитая поэма познакомила римскую публику съ философіей природы, съ тѣмъ ученымъ пантеизмомъ, о которомъ мы говорили выше. Успѣшное воздѣлываніе естественныхъ наукъ въ Александріи содѣйствовало этому направленію, которое не безъ основанія казалось уцѣлѣвшимъ ревнителямъ язычества — явнымъ безбожіемъ. Другіе, напримѣръ Ювеналъ, ставили на мѣсто природы разумъ; но разумъ взятый какъ законъ явленій, а не какъ нѣчто внѣ ихъ существующее. Остальные склоняли главу предъ владычествомъ слѣпаго, неизбежнаго, неразумнаго рока, или просто повторяли слова Горация: *nulla mihi religio est* (у меня нѣтъ никакой религіи).

Религіозный индифферентизмъ римскихъ лириковъ, ихъ равнодушіе къ вопросамъ нравственно-политическимъ, служеніе цѣлямъ исключительно литературнымъ, вызвали справедливый, но строгій приговоръ Г. Шмидта, съ которымъ впрочемъ едва ли будутъ согласны филологи. Приводимъ его мнѣніе о Горациі: «Онъ принадлежалъ къ той бездушнѣй и легкомысленной школѣ, которая не хотѣла знать ни боговъ, ни философіи, и предавалась одному наслажденію. Поэтому онъ сознается въ своемъ невѣріи, въ равнодушіи къ священнымъ торжествамъ, поэтому онъ считаетъ загробную жизнь баснею и смѣется надъ философами, стоиками и эпикурейцами равно. Жизнь и поэзія его были посвящены чувственному упоенію, любви и вину. Жизнь коротка, лови минутныя наслажденія, избѣгай заботъ и дѣлъ, не думай о завтрашнемъ днѣ, — таковы были начала, на основаніи кото-

рыхъ онъ жилъ и писалъ. Онъ ихъ заимствовалъ изъ испорченнаго эпикуреизма, хотя смѣялся надъ нимъ. Общій характеръ его стихотвореній опредѣленъ имъ самимъ: *jocos, venere, convivia, ludum*.... (шутки, любовь, пиры, забавы). Безприниѣрное самолюбіе и бѣдность заставили его льстить наклонностямъ двора; ни одинъ поэтъ не грѣлся съ такою радостію на солнцѣ придворныхъ милостей и не любовался въ такой степени собственною славой, дѣйствіемъ своихъ произведеній... — Вырывающіяся у него правоучительныя наставленія, жалобы на упадокъ вѣрованій въ народѣ, похвалы епикосеіи, болѣе въ смыслѣ практической мудрости, не облачаютъ другаго направленія, а только способность увлеченія, отсутствіе твердаго взгляда на жизнь, наконецъ желаніе угодить Августу, который, какъ извѣстно, по утвержденіи своей власти, много заботился объ исправленіи нравовъ въ Римѣ.

Еще далѣе пошли Тибуллъ и въ особенности Проперцій. Последняго можно назвать поклонникомъ и жрецомъ плоти. У него нѣтъ другаго божества, нѣтъ другаго служенія. Онъ молить для человѣчества только одного: вѣчнаго мира, чтобы оно могло вполнѣ предаться чувственнымъ влеченіямъ и найти блаженство въ сладострастіи. Умалчиваемъ о тѣхъ (большую частію переведенныхъ съ греческаго) сочиненіяхъ, которыя тайкомъ читались римскими женами и юношами и вводили ихъ во всѣ тайны систематическаго разврата. Не трудно составить себѣ понятіе о томъ обществѣ, къ потребностямъ котораго принаровлена была такая поэзія. Оно гордилось своимъ просвѣщеніемъ, ясностію и вѣрностію воззрѣній, забавляясь мнимымъ отсутствіемъ предразсудковъ, и не замѣчало, что оно купило эти блага утратою тѣхъ идеаловъ, безъ которыхъ жизнь народовъ и отдѣльныхъ лицъ лишена всякаго достоинства и значенія. Отрекшись во имя епикосеіи отъ боговъ, оно не умѣло сохранить благороднаго уваженія къ погнугымъ поэтическимъ вѣрованіямъ собственной юности, преслѣдовало ихъ циническимъ смѣхомъ и въ тоже время ругалось надъ епикосеіею во имя здраваго смысла, т. е. самаго грубаго матеріализма. Персій вложилъ въ уста старому центуріону исповѣдь большей части своихъ современниковъ: «Мнѣ достаточно собственной епикосеіи; я не хочу походить на какого-нибудь Архезилая или Солона.... пускай они обдумываютъ собственные слова или большыя бредни какого-нибудь изъ древнихъ, въ родѣ: ничто не можетъ произойти изъ ни-

чего, ничто не возвращается въ ничто. Стоитъ ли изъ этого блѣднѣть или отказываться отъ обѣда?»

Не на всѣхъ произведеніяхъ поэзіи I-го вѣка имперіи лежалъ такой характеръ. Музами римской сатиры были ненависть и иронія. Ея свирѣпый хохотъ странно врѣзывался въ хоръ изнѣженныхъ голосовъ, которые пѣли послѣднія пѣсни древняго міра. Но враждуя съ настоящимъ, римскіе сатирики были причастны ему. Въ наше время никто не дастъ въ руки незрѣлому юношѣ или женщинѣ сатиру Ювенала, не говоря уже о Марціалѣ или Петроніи, которыхъ насмѣшка надъ порокомъ обличаетъ короткое знакомство съ нимъ. Это не свобода греческаго искусства, чуждаго условныхъ приличій и потому не краснѣвшаго передъ настоящими названіями вещей, а съ любовью набросанныя изображенія сценъ, почти непонятныхъ нашему воображенію. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ Петроній, талантъ первостепенный, не подавленный, но развращенный вліяніемъ нечистой эпохи, которую онъ понималъ можетъ быть глубже и вѣрнѣе, нежели кто-либо изъ тогдашнихъ писателей.

Г. Шмидтъ былъ въ правѣ умолчать о драмѣ. Она перешла въ пьесы съ великолѣпнымъ спектаклемъ и балетъ, особенно любимый публикою, искавшей только поразительныхъ эффектовъ и чувственаго раздраженія. Машинистъ смѣнилъ поэта, пантомимъ — художника-актера.

Впрочемъ, антиноміи тогдашней жизни нигдѣ не выступали такъ ярко наружу, какъ въ системахъ воспитанія. Древняя школа не знала тѣхъ отношеній зависимости отъ государства и церкви, въ какія поставлена новая. Правительство предоставляло дѣло воспитанія частному произволу родителей съ одной стороны, грамматиковъ и риторовъ — съ другой. Не понимая всей важности вопроса, оно добровольно отказывалось отъ всякаго вліянія и надзора за многочисленными заведеніями, изъ которыхъ исходила образованность, разлитая въ общества. Ихъ было три рода: школы грамматиковъ, риторовъ, философскихъ. Подъ руководствомъ грамматиковъ дѣти обоего пола получали, за весьма дешевую плату, первоначальное образованіе. Ихъ учили греческому и родному языку. Способъ преподаванія заключался въ чтеніи и объясненіи классическихъ писателей и въ письменныхъ упражненіяхъ, то есть въ составленіи сентенцій, хрій и этологій. Въ школѣ ритора довершалось воспитаніе юноши, назначавшаго себя

къ государственной или вообще практической дѣятельности. Преподаваніе философовъ относилось только къ личнымъ потребностямъ вышшаго знанія и развитія. Здѣсь являлись учениками не одни молодые люди, а лучшіе представители зрѣлаго поколѣнія.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ равнодушнаго отношенія, въ какомъ правительство стояло къ воспитанію, было отчужденіе послѣдняго не только отъ цѣлей, которыя преслѣдовало государство, но отъ современной жизни вообще. Римскому педагогу предстояла неразрѣшимая задача: онъ долженъ былъ или лицефрить предъ своимъ воспитанникомъ, внушая ему уваженіе къ религіознымъ и политическимъ формамъ, которыми самъ отказывалъ въ признаніи, или, дѣйствуя откровенно, знакомить его съ всестороннимъ отрицаніемъ въ тѣ годы, когда душа неотступно требуетъ положительной истины, вѣрованій и убѣжденій. Исхода не было. Школа, частію сознательно, частію вслѣдствіе внѣшней необходимости, разошлась съ жизнію. Обратившись спиной къ настоящему, грамматики и риторы заботились преимущественно о передачѣ ученикамъ своимъ тѣхъ знаній, о развитіи въ нихъ тѣхъ способностей, которыя были необходимы гражданину времени республики и почти бесполезны подданному цезарей. Сюда особенно принадлежало краснорѣчіе, на которое болѣе всего обращалось вниманіе. Результатомъ была не одна трата времени и силъ, а нѣчто худшее—ложное направленіе, нравственная порча, всегдашній выводъ лжи. Ораторскіе таланты юношей, посѣщавшихъ школы раторовъ, упражнялись надъ темами, взятыми не изъ современности или дѣйствительности вообще, а изъ порядка вещей невозвратно прошедшаго или изъ міра вымышленныхъ отношеній. Ихъ заставляли разбирать небывалые юридическіе случаи на основаніи небывалыхъ законовъ, говорить рѣчи отъ лица Агамемнона, разсуждающаго о томъ, долженъ ли онъ принести въ жертву Ифигенію, или нѣтъ, — Александра, колеблющагося вступить въ Вавилонъ, — еще чаще отъ лица и въ смыслѣ героевъ республиканской древности. Отецъ Сенеки философа, знаменитый своими успѣхами риторъ Маркъ-Энній Сенека оставилъ намъ два сборника такихъ упражненій (*Libri controversiarum* и *Liber suavoriarum*).

Въ XI главѣ «Исторія исповѣданій» собрано много любопытныхъ указаній, къ которымъ отсылаемъ нашихъ читателей. Это одна изъ лучшихъ частей всего сочиненія.

Понятно, какъ долженъ былъ смотрѣть на настоящую жизнь молодой человѣкъ, прошедшій чрезъ школы грамматиковъ и риторовъ. Не приготовленный къ ней соотвѣтственнымъ ея требованіямъ воспитаніемъ, онъ слагалъ на нее вину своихъ неудачъ и рано становился въ густые ряды недовольныхъ и праздныхъ членовъ общества. Исключеніе составляли немногіе, пробившіе себѣ дорогу высшими способностями, практическимъ смысломъ, взявшимъ верхъ надъ вліяніемъ школы стеченіемъ особенно счастливыхъ обстоятельствъ или сильными пороками. Но эти частные успѣхи, эти изытія изъ общаго правила ислушали массу полубразованныхъ родителей, смотрѣвшихъ на науку, какъ на самую надежную проводницу къ богатству и почестямъ. Истинное, чисто человѣческое значеніе образованности разумѣется не входило въ расчеты такого рода. У Петронія есть страница, живо характеризующая утилитарное направленіе римскихъ отцовъ. Одинъ изъ гостей Тримолхіона, узнавъ между прочими собесѣдниками ратора Агамемпона, обращается къ нему: «на дняхъ я какъ-нибудь уговорю тебя пріѣхать къ намъ въ деревню заглянуть въ нашу хижину; найдемъ, что съѣсть: цыпленка, яицъ. Урожай отъ непогоды неравный, однако голодны не будемъ. У меня подрастаетъ тебѣ ученикъ, сынъ мой Цикаро. Онъ уже знаетъ, что стоитъ ассъ¹⁾; если живъ будетъ, онъ не отойдетъ отъ тебя. Ужъ теперь, когда свободенъ, не сводить глазъ съ письменной доски. Отличныя способности и сердце предоброе, только до птицъ охотникъ. Это его болѣзнь. Я у него задушилъ трехъ щегленковъ и сказалъ, что ихъ ласточка съѣла, а онъ отыскалъ новыхъ, ручныхъ. Въ живописи большая наклонность. Впрочемъ греческій языкъ бросилъ, за латинскій принимается не дурно, хотя его учитель очень занятъ собою. Но на мѣстѣ усидѣть не можетъ; придетъ, попроситъ у меня книгъ, а работать не хочетъ. Есть у него другой учитель; онъ не ученъ, но усерденъ, учитъ даже тому, чего самъ не знаетъ. Приходитъ по праздникамъ и доволенъ всѣмъ, что ему дашь. Я купилъ мальчику кой какія юридическія книги, потому что хочу для домашняго употребленія, чтобы онъ не много познакомился съ законами (это дѣло хлѣбное). Литературы онъ набрался довольно. Если заупрямится, я рѣшился отдать его въ обученіе хорошему ремеслу, хоть къ цирюльнику, уличному глашатаю или къ

¹⁾ Ассъ — римская монета.

стрипчему. Этого добра не отнять у него никто, кромѣ смерти. Я ему толкую ежедневно: сынъ мой, повѣрь, ты учишься для собственной пользы. Посмотри на стряпчаго Филерона: еслибы онъ не учился, пришлось бы ему зубы на полку положить. Еще очень, очень недавно былъ онъ простымъ носильщикомъ, а теперь не уступаетъ самому Норбану. Наука сокровище; знаніе не уморить съ голоду».

Приведемъ другой отрывокъ изъ того же писателя. Здѣсь высказалъ онъ собственное мнѣніе о состояніи краснорѣчія и воспитанія въ Римѣ.

«Я думаю, что глупость юношей, учащихся въ школахъ, происходитъ оттого, что имъ не приходится ни видѣть, ни слышать того, что дѣлается въ обыкновенной жизни. Имъ являются разбойники, стоящіе на берегу моря, съ готовыми оковами; тираны, издающіе законы, предписывающіе дѣтямъ рубить головы отцовъ; приговоры оракуловъ, требующихъ для прекращенія язвы смерти трехъ или болѣе дѣвъ. Все это облекается въ медовыя, посыпанныя пряностями рѣчи.... Высокое, если можно выразиться, цѣломудренное краснорѣчіе не терпитъ румянъ и напыщенности: оно довольствуется естественною красотою. Недавно перешло изъ Азіи въ Аѳины надутое и чрезмѣрное многословіе; какъ гибельное свѣтило, отравило оно своимъ вліяніемъ умы юношей, стремившихся къ великому. Испорченная рѣчь остановилась и умолкла. Кому въ послѣдствіи удалось достигнуть верховной славы Фукидида или Гиперида? Тоже совершилось въ поэзіи. Она утратила блескъ здоровья. Пронитанное ядомъ искусство умираетъ, не доживъ до старости. Таковъ же конецъ живописи, съ тѣхъ поръ какъ египетская отвѣга изобрѣла средства къ упрощенію великаго художника». На это отвѣчаетъ риторъ Агамемнонъ: «Молодой человѣкъ, такъ какъ слова твои не отзывающія общимъ мнѣніемъ, и ты, что нынѣ очень рѣдко, дорожишь здравымъ смысломъ, я сообщу тебѣ тайну искусства. Не вини наставниковъ: они должны уступить общему безумію. Еслибы ихъ преподаваніе не находило одобренія слушающихъ юношей, имъ пришлось бы, какъ говорить Цицеронъ, остаться однимъ въ пустыхъ школахъ. Ловкіе льстецы, гоняясь за объѣдами богатыхъ людей, обдумываютъ прежде всего пріятныя слушателямъ рѣчи: риторъ долженъ дѣйствовать также,—или какъ рыбакъ, который сагаетъ на крючокъ любимую рыбами приманку. Иначе онъ просидитъ безъ надежды на скалѣ своей. Ктожъ виноватъ? Одни родители, кото-

рые не хотят дать дѣтямъ воспитанія, основаннаго на строгихъ началахъ. Они жертвуютъ всѣми надеждами своими честолюбію; спѣша достигнуть желанной цѣли, они гонятъ на форумъ умы еще незрѣлые, и признавая превосходство краснорѣчія надъ всѣмъ прочимъ, требуютъ его отъ мальчиковъ, только что вышедшихъ изъ пеленокъ. Замѣчательно, что Петроній вложилъ эти слова, обличающія такое полное сознаніе зла, въ уста героев своей грязной повѣсти. Сочетаніе ясной теоріи, вѣрнаго взгляда на жизнь и на искусство съ страшнымъ нравственнымъ развратомъ глубоко характеризуетъ большую эпоху. Къ этимъ выпискамъ изъ Петронія можно было бы прибавить жалобы Тацита (*de orat.* 28, 29) и Квинтилиана (1. 2.) на упадокъ домашняго воспитанія. Онъ обнаружился въ одно время съ упадкомъ древняго семейства. Освобожденной матронѣ не было времени смотрѣть за дѣтьми: она сложила съ себя эту обязанность. Прежде, говорить Тацитъ, дѣти римскихъ гражданъ росли не въ комнатѣ купленной кормилицы, а подъ глазами цѣломудренной матери. Такъ Корнелія воспитывала Гракховъ, Ація — Августа. Въ наше время ребенка поручаютъ греческой рабынѣ и одному или двумъ рабамъ мужескаго пола. Нелѣпые рассказы этихъ наставниковъ составляютъ первую пищу юныхъ умовъ.

Императоръ Веспасіанъ первый понялъ связь между школою и государствомъ и назначилъ жалованье учителямъ. Этимъ онъ улучшилъ ихъ положеніе, но не излечилъ главнаго недуга. Отнявъ у науки независимость, которою она до него пользовалась, онъ не могъ дать преподаванію ни новаго содержанія, ни новой методы.

Мы подробно разсмотрѣли замѣчательную книгу Г. Шмидта. Ея достоинства неоспоримы; но кромѣ указанныхъ недостатковъ есть одинъ, налагающій на все сочиненіе печать односторонняго, неполнаго воззрѣнія. Слово христіанство находится въ заглавіи книги, но авторъ не показалъ, въ какое отношеніе стала истина Евангелія къ разлагавшейся языческой жизни. Въ исторіи послѣднее, обличительное слово умирающаго порядка вещей выговаривается не имъ самимъ, а новымъ, замѣняющимъ его порядкомъ. Чтобы понять римское общество временъ имперіи, надобно поставить его лицомъ къ лицу съ христіанствомъ, надобно заставить его повторить скорбный вопросъ Пилата Спасителю: что есть истина?

РЕФОРМА ВЪ АНГЛІИ ?

HISTOIRE DE HENRI VIII ET DU SCHISME D'ANGLETERRE, PAR M. AUDIN. PARIS, 1847. 2 VOLS. (ИСТОРІЯ ГЕНРИХА VIII И ОТПАДЕНІЕ АНГЛІИ ОТЪ РИМСКАГО КАТОЛИЦИЗМА, СОЧ. Г. ОДЕНА. ПАРИЖЪ 1847. ДВА ТОМА.

Несмотря на блестящіе успѣхи, совершенные въ теченіи нашего столѣтія историческими науками, никогда, быть можетъ, практическая польза изученія исторіи не подвергалась такимъ сомнѣніямъ, какъ въ настоящее время. Вызванный педантскими притязаніями Іоанна Мюллера и его школы парадоксъ Гегеля, сказавшаго, что исторія никогда никого ничему не научила, нашелъ большое сочувствіе, особенно въ той части публики, которая радуется всякому оправданію своей умственной лѣни. Авторитетъ великаго мыслителя снялъ съ нея окончательно обязанность тратить время на изученіе безплодной въ приложеніи науки. Съ другой стороны, быстрая смена событій, число явленій, такъ неожиданно и рѣзко измѣнившихъ характеръ европейскихъ обществъ, ввели въ раздумье многихъ мыслящихъ и положительныхъ людей. Неразрѣшимую и грозною задачею сталъ предъ ними вопросъ о связи прошедшаго съ настоящимъ въ эпоху ожесточенныхъ нападокъ на историческое преданіе. Исполненные довѣрія къ опытамъ собственной жизни, они усомнились въ возможности извлечь пользу изъ вѣковыхъ опытовъ цѣлаго человечества. Э. Жирарденъ сказалъ прямо, что теперь хорошо устроенная фабрика можетъ быть поучительнѣе для народа, чѣмъ вся его исторія. И этотъ грубый до цинизма, обличающій рѣдкую ограниченность пониманія и чувства отзывъ, былъ однако многими принятъ съ одобреніемъ! А

¹⁾ Намечтала въ Современникѣ 1847 года.

между тѣмъ весьма немногія событія отиѣчены характеромъ совершенно новыхъ, небывалыхъ явленій; для бѣльшей части существуютъ поучительныя историческія аналогіи. Въ способности схватывать эти аналогіи, не останавливаясь на одномъ формальномъ сходствѣ, въ умѣннѣ узнавать подъ измѣнчивою оболочкою текущихъ происшествій сглаженныя черты прошедшаго заключается, по нашему мнѣнію, высшій признакъ живаго историческаго чувства, которое, въ свою очередь, есть высшій плодъ науки.

Давно ли успѣхи католицизма въ Англіи, прѣзвѣзмъ и однородныя движенія обращали на себя напряженное вниманіе не только приверженцевъ англійской государственной церкви, но всѣхъ протестантовъ вообще? Нѣмецкіе богословы усердно собирали ученые пособія въ пользу своимъ англиканскимъ собратамъ. Надобно было общими силами отстанывать дѣло реформаціи противъ стараго врага, въ расплохъ на него нагрянувшаго. Въ Римѣ проснулись надежды, дремавшія съ паденія Стюартовъ. Теперь успокоились опасенія и охладѣли надежды. Главнымъ результатомъ католическаго движенія осталась богатая литература историческихъ и богословскихъ сочиненій, написанныхъ съ явною полемическою цѣлію. На читателя, знакомаго съ англійскою стариною, отъ этихъ книгъ и брошюръ, напечатанныхъ немного лѣтъ тому назадъ, по поводу современнаго вопроса, вѣетъ чѣмъ-то ветхимъ, давно слышаннымъ. Это старый споръ, рѣшенный въ 1688 году англійскимъ народомъ. Мы уже слышали эти рѣчи въ XVII столѣтіи, но тогда онѣ раздавались громче, въ нихъ звучало болюе силы и болюе вѣры; тогда онѣ сманили въ изгнаніе цѣлый царственный родъ. Подогрѣтое, нерѣшительное ученіе прѣзентовъ не въ состояніи побудить къ великимъ жертвамъ и дѣламъ. Его минутный успѣхъ объясняется только двойственнымъ характеромъ англиканской церкви, страннаго полуготическаго, полуповаго зданія. Своенравный зодчій не заботился о единствѣ своего зданія. Зато католицизмъ какъ привидѣніе бродитъ въ уцѣлѣвшихъ остаткахъ храма, нѣкогда ему одному посвященнаго.

Вся ученая дѣятельность аббата Одена, писателя, уже пріобрѣтшаго довольно большую извѣстность, носить на себѣ отпечатокъ движеній, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Она очевидно вызвана свѣжими надеждами католической партіи, не унывающей послѣ трехлѣтнихъ неудачъ. «Исторію Генриха VIII» замыкается рядъ моногра-

ей, посвященных г. Одену эпохъ реформаціи. Направленіе автора извѣстно изъ изданныхъ имъ жизнеописаній папы Льва X, Лютера и Кальвина. Его послѣднее сочиненіе написано въ томъ же духѣ, съ цѣлію показать, что главной виною религіознаго переворота въ Англіи была страсть, которую поддерживали запуганные сановники и раболопный парламентъ. Великое событіе вставлено въ раму мелкой, безнравственной интриги. Мысль, какъ увидимъ, невѣрная и не новая. Вообще французскій историкъ Генриха VIII не отличается самостоятельностью своихъ воззрѣній или частныхъ изслѣдованій. При неоспоримой начитанности, онъ охотно беретъ готовое у своихъ предшественниковъ, смотрѣвшихъ на предметъ съ тойже или сходной точки зрѣнія. Его многочисленныя ссылки на протестантскихъ писателей могутъ показаться доказательствомъ свободнаго отъ всякихъ предубѣжденій изученія источниковъ, но нетрудно замѣтить, что эти ссылки составляютъ только внѣшнюю обстановку сочиненія, и что постоянными руководителями Г. Одена были пристрастные заступники папизма: кардиналъ Поль, Сандерсъ, Лингардъ и другіе. Онъ стоитъ на ихъ плечахъ. За нимъ остается одно достоинство полноты. Его книга, богатая подробностями, популярно написанная, есть самый подробный обвинительный актъ противъ начинателей англійской церковной реформы. Она не можетъ пройти незамѣченной, не обнаружить вліянія. Прибавимъ, что вмѣсто предисловія напечатано исполненное похвалъ сочинителю письмо аббата Сибура, одного изъ самыхъ значительныхъ членовъ высшаго французскаго духовенства, того самаго, который занялъ мѣсто падшаго на іюньскихъ баррикадахъ парижскаго архіепископа.

Изъ трехъ юношей, которые въ первомъ двадцатилѣтіи XVI вѣка вступили на главные престолы западной Европы, Генриху VIII предстояла, по всѣмъ вѣроятностямъ, самая блестящая будущность. Ему было только осмнадцать лѣтъ, когда, при радостныхъ надеждахъ цѣлой Англіи, началъ онъ свое царствованіе. Великая эпоха, ознаменованная итальянскими войнами, возрожденіемъ наукъ и реформаціею, призывала къ великимъ подвигамъ. У молодого, славолюбнаго короля были всѣ условія удачі: умъ, образованность, смѣлость. Во внѣшнихъ средствахъ не было недостатка. Генрихъ VII завѣщалъ сыну крѣпкое, покорное государство и богатую казну, о которой ходили самые преувеличенные слухи.

Есть какое-то, можно сказать семейное сходство между государями западной Европы, стоящими на рубежѣ средняго и новаго времени. При всемъ различіи личныхъ дарованій и свойствъ, въ Лудовикѣ XI, Фердинандѣ Католикѣ, Генрихѣ VII, современныхъ имъ итальянскихъ князьяхъ, нельзя не узнать дѣтей одной могучей и оригинальной эпохи. На всѣхъ лицахъ есть общая черта холодной ироніи, изъ-за которой проглядываетъ внутренняя тревога, беспокойная жажда дѣятельности. У всѣхъ нихъ было одинаковое невыгодное расположеніе къ феодальному обществу и нетерпѣливое желаніе замѣнить его другимъ, еще не ясно сознаннымъ порядкомъ вещей. Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Современника мы будемъ имѣть случай развить эту мысль подробнѣе по поводу Лудовика XI, котораго пора перестать считать за эксцентрическое, въ отдѣльности отъ другихъ стоящее лицо. Мы увидимъ, что даже въ мелкихъ особенностяхъ своихъ Лудовикъ XI былъ самымъ полнымъ типическимъ представителемъ переходной эпохи XV вѣка. Доказательствомъ служить примѣръ Генриха VII. На англійской престолѣ возвела его босвортская побѣда, которую онъ одержалъ надъ Ричардомъ III. Трудно было удержаться на шаткомъ тронѣ, за который шла кровавая распря двухъ Розъ. Со всѣхъ сторонъ подымались новыя притязанія, для которыхъ существовали ручательства успѣха въ воинственныхъ, беспокойныхъ наклонностяхъ поколѣнія, выросшаго и возмущавшаго среди междоусобій. Одичалый въ этихъ смутахъ народъ привыкъ къ насильственнымъ смѣнамъ властей и повиновался имъ только до первой неудачи. Но Генрихъ умѣлъ воспользоваться благоприятнымъ для утвержденія прочнаго правительства условіемъ, какое онъ нашелъ при вступленіи на престолъ: общою усталостію, требованіемъ порядка и покоя, всегдашнимъ слѣдствіемъ долгихъ гражданскихъ тревогъ. Удовлетворяя этому требованію, онъ могъ останавливать и измѣнять дѣйствіе учреждений, развившихся въ пользу всѣхъ сословій англійскаго народа изъ хартии, вынужденной мятежными баронами у Іоанна Безземельнаго. Съ 1485 года парламентъ собирается рѣдко, болѣею частію только для выслушанія и утвержденія своимъ согласіемъ монаршей воли. Суды присяжныхъ утратили свою независимость, право собственности — свою неприкосновенность. Денежныя нужды часто ставили предшественниковъ Генриха въ самое затруднительное отношеніе къ нижней камерѣ, составленной изъ представителей городовъ и графствъ,

т. е. тѣхъ классовъ, которые носли всю тягость тогдашнихъ налоговъ. Генрихъ избѣгалъ этихъ опасныхъ столкновеній. Онъ замѣнялъ сколько могъ обыкновенные подати и налоги такъ называемыми добровольными приношеніями подданныхъ и доходами съ конфискованныхъ или обложенныхъ судебными пенями и тѣнѣй. Для этого нарочно были разосланы во всѣ области Англіи преданные правительству юристы. На основаніи давно вышедшихъ изъ употребленія, или произвольно ими истолкованныхъ законовъ, они подымали безчисленные иски отъ казны противъ частныхъ лицъ. Обвиненіе въ государственной измѣнѣ стало простою финансовою мѣрою, которой исполненіе было ввѣрено Звѣздной Камерѣ. Противъ ея напередъ готовыхъ приговоровъ не могли служить защитой ни невинность, ни высокое положеніе, ни даже несомнѣнныя заслуги подсудимаго. Сэръ Вильямъ Стенли, спаситель короля при Босвортѣ, умеръ на эшафотѣ. Его главная вина состояла, по мнѣнію современниковъ, въ огромномъ богатствѣ. Впрочемъ, въ болѣе части случаевъ, можно было откупиться отъ наказанія. Аббатъ Оденъ занимствовалъ у англійскихъ историковъ любопытныя свидѣтельства этой торговли правосудіемъ. Приведемъ нѣсколько образцовъ.

Эмсонъ (онъ и Додли были главными агентами въ подобныхъ дѣлахъ) доноситъ, что Н. заплатилъ пять марокъ за обѣщанное ему помилованіе, съ условіемъ однако, что деньги эти будутъ ему возвращены въ случаѣ отказа. Въмѣсто денегъ велѣно было отдать что-нибудь другое, въ ту же цѣну. Нѣкто Каррель, обвиненный вмѣстѣ съ сыномъ своимъ въ преступленіи намъ неизвѣстномъ, сознался въ справедливости обвиненія и предложилъ 1000 фунтовъ за прощеніе. На это согласились, даже съ разсрочкой въ платежѣ условленной суммы. Каррель внесъ 100 фунтовъ немедленно, а въ остальныхъ 900 далъ росписку. Заключенный въ темницѣ графъ Дерби просилъ о пощадѣ. Помилованіе дано ему за 6000 фунтовъ. Подобныхъ актовъ хранится много въ англійскихъ архивахъ.

Побѣдитель Ричарда не уступалъ послѣднему. въ суровости, но не любилъ безполезнаго кровопролитія. Онъ на смертномъ одрѣ завѣщалъ преемнику казнь Суеволека, но побѣдивъ самозванца Симнея, онъ обманулъ ожиданія лондонскихъ зрителей, привыкшихъ къ кровавымъ зрѣлищамъ. Въмѣсто ведомаго на казнь преступника, они увидѣли въ свѣтѣ возвратившагося послѣ побѣды надъ Симнеемъ короля — по-

ваго поваренка. Генрихъ опредѣлилъ въ эту должность молодого противника, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ грозившаго опасности его престолу и жизни. Несмотря на удачу всѣхъ своихъ военныхъ предпріятій, на свое рѣшительное мужество, Генрихъ не искушался приманкою бранной славы и заботливо уклонялся отъ войны. Его холодному, расчетливому уму были равно противны духъ и формы рыцарства, вообще вся поэтическая сторона средневѣковой жизни. Онъ правилъ Англію какъ осторожный хозяинъ, преслѣдуя однѣ практическія, ясно опредѣленные цѣли, независимо отъ теоретической важности совершаемаго имъ дѣла, т. е. сокрушенія феодалнаго государства. Онъ не имѣлъ любви народа и былъ нелюбимъ, хотя низшимъ классамъ было при немъ лучше, нежели при его блестящихъ предшественникахъ. За то ему удалось то, чего не могли сдѣлать ни Генрихъ V, ни Эдуардъ VI, ни одаренный дивными силами ума и воли Ричардъ III; онъ утвердилъ на престолѣ свою династію и упрочилъ за Тюдорами одинъ изъ самыхъ славныхъ вѣковъ англійской исторіи.

Нерасположеніе народа къ отцу обратилось въ пользу сына. Оно составляло часть, быть можетъ не самую маловажную, оставленнаго наслѣдства. *Old merry England* съ любовію встрѣтила прекраснаго юношу, сравнивая его съ суровымъ покойникомъ, который въ теченіи 24 лѣтъ отучалъ ее отъ привычекъ прежней привольной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, природа богато надѣлила Генриха VIII всѣми качествами, которыхъ отсутствіе было такъ поразительно въ его отцѣ, и которыя между тѣмъ болѣе всего бросаются въ глаза и дѣйствуютъ на воображеніе. Новый король представлялъ совершенный типъ англосаксонской красоты. Онъ былъ ловокъ во всѣхъ рыцарскихъ упражненіяхъ, привѣтливъ и щедръ до расточительности. Черезъ десять лѣтъ послѣ вступленія его на престолъ, Джюстиніани, посолъ венеціанской республики въ Лондонѣ, доносилъ своему правительству: «Его величеству теперь двадцать девять лѣтъ. Прекраснѣ наружности не могла создать природа. Онъ красивѣе всѣхъ христіанскихъ государей нашего времени, гораздо красивѣе французскаго короля (Франца I). Тѣло его отличается необыкновенною бѣлизною, всѣ члены — совершенною правильностію и соразмѣрностію. Онъ отличный музыкантъ и компонистъ, превосходный ѣздокъ и борецъ; сверхъ того, онъ обладаетъ основательнымъ знаніемъ языковъ латинскаго, фран-

цузскаго и испанскаго. Онъ страстно любитъ охоту и всякій разъ загоняетъ до усталости 8 или 10 лошадей. Игра въ мячъ также доставляетъ ему большое удовольствіе. Нельзя себѣ представить ничего прекраснѣе англійскаго короля, когда онъ, сбросивъ верхнее платье, предается этой игрѣ. Доступъ къ нему не труденъ; вообще онъ ласковъ и не оскорбляетъ никого. Часто говоритъ онъ мнѣ: «я бы желалъ, чтобы всѣ были довольны своимъ положеніемъ такъ, какъ мы довольны нашими островами». — Извѣстно, какое вліяніе имѣли на мнѣнія XVI вѣка гуманисты, представители новой науки, основанной на изученіи классической древности. Они составляли партію, шедшую во главѣ умственнаго движенія эпохи и сильную не только превосходствомъ знаній или талантовъ, но сверхъ того числомъ и общественнымъ значеніемъ ея членовъ. Въ рядахъ этой дружины стояли простыми ратниками лучшіе люди западной Европы. Генрихъ VIII былъ воспитанъ въ ихъ идеяхъ, подъ ихъ надзоромъ. На одиннадцатомъ году отъ рожденія онъ уже переписывался съ главою гуманистовъ, Эразмомъ, и жадно читалъ его сочиненія. Нетрудно себѣ представить, съ какими надеждами они ждали его царствованія. Тотчасъ по смерти Генриха VII, лордъ Монтжой, ученикъ и покровитель Эразма, написалъ къ своему учителю: «я увѣренъ, что вѣсть о вступленіи на престолъ нашего Генриха VIII, или, лучше сказать, Октавіа (игра словъ: *Octavus seu potius Octavius*), разгонитъ всѣ твои заботы. О, мой Эразмъ, еслибы ты былъ свидѣтелемъ радости, которою всѣ здѣсь исполнены, общаго восторга и общихъ желаній долгой жизни королю, ты конечно не могъ бы удержать сладкихъ слезъ! Кажется, само небо улыбается, земля радостно трепещетъ.... Нашъ король не ищетъ ни золота, ни драгоценныхъ камней, ни металловъ; онъ жаждетъ только вѣчной славы и доблестныхъ дѣлъ». Эразмъ немедленно прибылъ въ Англію, былъ принятъ съ великими почестями, и въ письмахъ своихъ къ нѣмецкимъ и итальянскимъ друзьямъ осыпаетъ похвалами молодого монарха, какъ знатока и благоразумнаго покровителя науки. Десять лѣтъ спустя, переселившись въ Нидерланды, онъ еще поздравлялъ юношей съ наступленіемъ золотого вѣка въ Англіи. Отношенія Генриха къ гуманистамъ, вліяніе этихъ отношеній на него лично и на исторію англійской церковной реформы вообще не были до сихъ поръ надлежащимъ образомъ оцѣнены. Въ книгѣ Г. Одена есть нѣсколько страницъ объ англійскихъ гуманистахъ, но его сужденія о

нихъ поверхностны и вовсе не опредѣляютъ ихъ значенія, хотя одна переписка Эразма могла бы доставить ему содержаніе превосходной главы о литературной и ученой жизни въ Англіи въ первой половинѣ Генрихова правленія. Кромѣ Эразма, въ этой жизни принимали особенно значительное участіе архіепископъ кентербурійскій Варгамъ, епископы Фишеръ, Фоксъ, Стоксли, Тонсталь, лордъ Монтжой, Песъ, Скельтонъ — учитель короля, врачъ Линаркъ, Колетъ — основатель знаменитой школы при храмѣ св. Павла, и авторъ «Утопіи», будущій канцлеръ Моръ. Всѣ они были не только глубоко ученые, но образованные, остроумные люди, которымъ происхожденіе или личныя достоинства открывали доступъ ко двору. Генрихъ часто и охотно вѣтшивался въ бесѣды этого блестящаго круга и горячо принималъ къ сердцу его интересы. Когда въ англійскихъ университетахъ началась распря между *греками*, т. е. поклонниками философіи и древнихъ, и *троями*, защитниками схоластики, возводившими на своихъ противниковъ обвиненіе въ ереси, Генрихъ сталъ крѣпко за первыхъ и поддержалъ ихъ своею властію. Гуманисты воспользовались его покровительствомъ. Не только въ своихъ сочиненіяхъ и лекціяхъ, но съ церковной кафедрой осыпали они неумѣстными, хотя заслуженными насмѣшками невѣжественныхъ троянъ. Въ перепискѣ Эразма очень забавно разсказаны нѣкоторые эпизоды этой войны, въ которой онъ игралъ главную роль. Непримиимый врагъ Генриха, кардиналъ Поля, котораго пристрастныя, озлобленныя сочиненія служили главнымъ источникомъ позднѣйшимъ порицателямъ англійской церковной реформы и ея виновниковъ, отзывается о первой порѣ Генрихова царствованія слѣдующимъ образомъ: «тогда онъ жилъ не для своего, а для общаго счастья. Какихъ надеждъ не подавали высокія добродѣтели, ярко въ немъ блиставшія — благочестіе, справедливость, кротость, щедрость и благоразуміе! Ко всему этому природа присоединила какую-то простодушную скромность, бывшую великимъ украшеніемъ его тогдашняго возраста и залогомъ его достоинства и счастья въ будущемъ». Замѣтимъ, что эта прекрасная пора продолжалась около двадцати лѣтъ.

Откуда же произошла рѣзкая переимѣна? Чтѣ измѣнило великодушнаго, изящнаго монарха, на котораго по выраженію врага, кардинала Поля, съ любовью и надеждой обращены были взоры не однихъ подданныхъ, а всѣхъ образованныхъ и благородныхъ людей Европы, въ

суроваго и недовѣрчиваго правителя, какимъ мы его видимъ послѣ дѣла о разводѣ съ Екатериною аррагонскою?

Историки XVIII столѣтія любили объяснять великія событія мелкими причинами. Въ такихъ сближеніяхъ высказывалось не одно остроуміе писателей, но задушевная мысль вѣка, не вѣрившаго въ органическую жизнь человѣчества, подчинявшаго его судьбу своему нравственному вліянію личной воли и личныхъ страстей. Исходя изъ этого начала, нетрудно было придти къ убѣжденію, что въ исторіи, преданной господству случая, нѣтъ ничего несбыточнаго, что для цѣлыхъ народовъ возможны *salto mortali* — скачки изъ одного порядка вещей въ другой, отдѣленный отъ него длиннымъ рядомъ ступеней развитія. Наше время перестало вѣрить въ безсмысленное владычество случая. Новая наука, философія исторіи, поставила на его мѣсто законъ, или, лучше сказать, необходимость. Вмѣстѣ съ случаемъ утратила большую часть своего значенія въ исторіи отдѣльная личность. Наука предоставила ей только честь или позоръ быть орудіемъ стоящихъ на очереди къ исполненію историческихъ идей. Разсматриваемыя съ этой точки зрѣнія событія получили иной, болѣе строгій и величавый характеръ: они явились не результатомъ человѣческаго произвола, а неизбѣжнымъ, роковымъ выводомъ прошедшаго, началомъ, напередъ опредѣляющимъ будущее.... Мы не станемъ отрицать достоинствъ новаго воззрѣнія, конечно болѣе разумнаго, чѣмъ предшествовавшее ему, но не можемъ не замѣтить, что оно такъ же сухо и односторонно. Жизнь человѣчества подчинена тѣмъ же законамъ, какимъ подчинена жизнь всей природы, но законъ не одинаково осуществляется въ этихъ двухъ сферахъ. Явленія природы совершаются гораздо однообразнѣе и правильнѣе, чѣмъ явленія исторіи. Растеніе цвѣтетъ и даетъ плодъ въ данную, намъ заранѣе извѣстную пору, животное не можетъ ни растянуть, ни сократить возрастовъ своей жизни. Такого правильнаго, опредѣленнаго развитія нѣтъ въ исторіи. Ей данъ законъ, котораго исполненіе неизбѣжно, но срокъ исполненія не сказанъ — десять лѣтъ, или десять вѣковъ, все равно. Законъ стоитъ какъ цѣль, къ которой неудержимо идетъ человѣчество; но ему нѣтъ дѣла до того, какою дорогою оно идетъ, и много ли потратить времени на пути. Здѣсь-то вступаетъ во всѣ права свои отдѣльная личность. Здѣсь лице выступаетъ не какъ орудіе, а самостоятельно, борникомъ или противникомъ историческаго закона, и принимаетъ на

себя по праву ответственность за цѣлые ряды имъ вызванныхъ, или задержанныхъ событій. Вотъ почему его характеръ, страсти, внутреннее развитіе, становятся для мыслящаго историка важнымъ и глубоко занимательнымъ предметомъ изученія. Къ сожалѣнію, историки нашего времени слишкомъ мало обращаютъ вниманія на психологическій элементъ въ своей наукѣ. Сколько намъ извѣстно, одинъ только Макинтошъ заглянулъ глубоко въ душу Генриха VIII и вѣрно обозначилъ главную причину его поступковъ послѣ несчастнаго развода.

Судьба долго благопріятствовала Генриху. Общественное мнѣніе вѣнчало ему въ готовую заслугу надежды, которыя на него возлагались, и стеченіе благопріятныхъ ему обстоятельствъ. Въ самомъ дѣлѣ, при тогдашнемъ положеніи Европы, Англія должна была, независимо отъ личныхъ свойствъ своего короля, играть блестящую роль державы, отъ вѣшательства которой зависѣло рѣшеніе великой борьбы между Франціею и Австрійскимъ домомъ. Обѣ стороны помогали союзу съ нею и не скупились на лестъ Генриху, на подарки и обѣщанія его любимцамъ. Разсказъ объ участіи Англіи въ итальянскихъ войнахъ занимаетъ у г. Одена значительную часть перваго тома, но рѣшительно ничего не прибавляетъ къ суммѣ нашихъ историческихъ свѣдѣній. Авторъ даже не вполне воспользовался всѣми извѣстными сочиненіями теперешнихъ нѣмецкихъ ученыхъ о первой половинѣ XVI вѣка. Несмотря на свои исключительныя занятія эпохою реформациі, онъ произноситъ странные приговоры надъ людьми и событіями того времени. Онъ называетъ, напримѣръ, императора Максимилиана самымъ могущественнымъ и искуснымъ изъ преемниковъ Карла Великаго. Достаточно поверхностнаго знанія нѣмецкой исторіи, чтобы оцѣнить всю невѣрность этихъ эпитетовъ. Максимилианъ былъ, безспорно, чрезвычайно даровитый, но безпокойный, нерѣдко легкомысленный государь. Изъ безчисленнаго множества своихъ болѣею частію несбыточныхъ, фантастическихъ замысловъ ему удалось осуществитъ весьма немногіе. Обыкновенною причиною его неудачъ была, сверхъ опрометчивости, крайняя бѣдность въ средствахъ всякаго рода. Вспомнимъ жалкія развязки его походовъ въ Италію, его намѣреніе искать папскаго престола и т. д. Въ 1513 году онъ великодушными обѣщаніями убѣдилъ Генриха VII сдѣлать высадку въ сѣверной Франціи и привелъ ему въ помощь нѣсколько сотенъ всадниковъ. Во все продолженіе этой кампаніи онъ, въ буквальный смыслъ слова, дѣй-

ствовалъ на счетъ своего союзника. У него не было ни денегъ, ни войскъ. Средства къ войнѣ давалъ ему Генрихъ, показавшій въ это время много рыцарской отваги. Но гораздо важнѣе дѣйствій Генриха во Франціи была выигранная въ его отсутствіе графомъ Соррей битва при Флоденѣ, въ которой погибъ цвѣтъ шотландскаго дворянства и самъ король Іаковъ IV. Вся честь этихъ успѣховъ досталась молодому королю, отвѣтственность за неудачи пала на его министровъ и совѣтниковъ, особенно на Вольсея. Кардинальская шляпа, кажется, скрыла отъ г. Одена значительную часть пороковъ этого временщика, торговавшего силами Англіи и своимъ вліяніемъ на короля. Вольсей не былъ государственный человекъ въ настоящемъ значеніи этого слова. Гибкость характера и смѣтливый умъ, умѣвшій рано разгадать Генриховы слабости и къ нимъ приноровиться, были главными причинами его быстрого повышенія. Но не довольствуясь блестящимъ положеніемъ, которое заставляло такихъ государей, какъ Карлъ V и Францискъ I, искать его благосклонности, сынъ ипсвичскаго мясника не таилъ своихъ видовъ на панскую тиару. Этой цѣли подчинялъ онъ политику государства, которымъ правилъ. Англія была постоянно на сторонѣ того, кто могъ располагать наибольшимъ числомъ голосовъ въ конклавѣ. А между тѣмъ Генрихъ покровительствовалъ наукѣ, богѣ и болѣе предавался своей страсти къ наслажденіямъ всякаго рода и простодушно считалъ себя рѣшителемъ судебъ Европы, а кардинала Вольсея — покорнымъ исполнителемъ своей воли. Надобно впрочемъ отдать справедливость искусству, съ какимъ кардиналъ поддерживалъ эти самолюбивыя мечты и выискивалъ средства къ ихъ удовлетворенію. Когда къ политическимъ смутамъ тогдашней Европы присоединился религіозный вопросъ реформациі, и на смѣлое слово Лютера отвсюду раздались отголоски, Генрихъ VIII, по совѣту Вольсея, подалъ также свое мнѣніе, не какъ монархъ, а какъ ученый богословъ. Поводомъ было извѣстное сочиненіе Лютера о «Вавилонскомъ плѣненіи». Генрихъ, который при жизни своего старшаго брата готовился занять мѣсто примаса Англіи, кентерберійскаго архіепископа, занимался въ ранней молодости богословіемъ и прилежно изучалъ сочиненія Тома Аквинскаго, на котораго, какъ на верховный авторитетъ, опирались заступники западной церкви и средневѣковой науки. Рѣзкіе отзывы нѣмецкаго реформатора объ этомъ писателѣ оскорбили его царственного ученика. Генрихъ ожидалъ легкаго успѣха. Онъ ду-

малъ, что ему, посреднику между сильнѣйшими державами Европы, нетрудно рѣшить споръ между папою и Лютеромъ. Въ 1521 году онъ отправилъ къ папѣ Льву X книгу, напечатанную имъ въ защиту седьми таинствъ (*Adsertio septem sacramentorum*). Многие не хотѣли вѣрить, что эта книга написана самимъ королемъ, и приписывали ее разнымъ лицамъ: доктору Ли, Мору, Фишеру, наконецъ Эразму. Сомнѣнія эти, кажется, не основательны. Генрихъ не присвоилъ себѣ чужаго труда, хотъ прибѣгалъ, безъ сомнѣнія, къ совѣту и пособію ученыхъ друзей своихъ. Моръ совѣтовалъ ему между прочимъ осторожнѣе говорить объ объемѣ папской власти и не терять изъ виду возможности непріязненныхъ столкновѣній въ будущемъ. Король отвѣчалъ ему, что о папской власти нельзя сказать ничего лишняго, что онъ считаетъ ее источникомъ своего собственнаго могущества. Такъ далеко завлекла его полемика противъ виттенбергскаго реформатора. Имя автора ручалось за успѣхъ книги. Эразмъ и его многочисленные поклонники поставили ее на ряду съ твореніями блаженнаго Августина. Левъ X награждалъ державнаго богослова титуломъ заступника вѣры (*defensor fidei*) и обѣщалъ отпущеніе грѣховъ на десять лѣтъ каждому читателю «Защиты седьми таинствъ». Другой пользы не могла впрочемъ принести книга, бѣдная содержаніемъ, исполненная сильныхъ порицаній противъ Лютера. Генрихъ называетъ его адскимъ волкомъ, гнилымъ сердцемъ, членомъ дьявола и приглашаетъ нѣмецкихъ князей приступить съ огнемъ и мечемъ къ немедленному истребленію ереси. Вольсей подкрѣпилъ эти увѣщанія дѣломъ. 12 мая 1521 г. сочиненія Лютера были торжественно сожжены на одной изъ лондонскихъ площадей, въ присутствіи императорскаго посла, при огромномъ стеченіи народа. Но Генрихъ обманулся, рассчитывая на страхъ своего противника. Отвѣтъ, вызванный его нападеніемъ, встревожилъ даже друзей Лютера, привыкшихъ къ его жесткому слову. «Многіе думаютъ — говорятъ онъ — что не самъ король Генрихъ составилъ эту книгу. Мнѣ все равно, кто бы ни написалъ ее... Этотъ отвѣтъ нанесъ глубокую рану самолюбію Генриха и имѣлъ значительное вліяніе на его отношенія къ реформациі. Впервые пришлось ему, любимцу гуманистовъ, изнѣженному изящной лестию Эразма, слышать такую горькую рѣчь. Впечатлѣніе было тяжело. Самъ Лютеръ понялъ въ послѣдствіи свою ошибку и хотѣлъ поправить ее почтительнымъ письмомъ, смиренною просьбою забыть о прошедшемъ. Генрихъ не

могъ забыть. Онъ жаловался саксонскому курьеру и другимъ князьямъ на наглость Лютера. Жалобы остались безъ удовлетворенія. Тогда онъ ярѣе примкнулъ къ папѣ и католицизму. Когда мятежныя войска императора, приведенныя конетаблемъ Бурбономъ къ стѣнамъ Рима, разграбили вѣчный городъ и грозили Клименту VII, Генрихъ показалъ ему горячее, дѣятельное участіе. Мысль о возможности разрыва не приходила ему въ голову, а судьба, или, что все равно, собственные страсти и общее настроеніе умовъ неудержно вели его къ этому разрыву. Нуженъ былъ только поводъ. Поводъ явился въ формѣ женщины, въ лицѣ Анны Болейнъ, напомнившей Генриху, что бракъ его съ Екатериной аррагонской незаконенъ... ¹⁾.

¹⁾ Обещанное продолженіе этой статьи, въ которой авторъ намѣренъ былъ разсказать переходъ Генриха изъ реформъ, изъ крайнему соматизму не состоялось. *Ред.*

НАЧАЛО ПРУССКАГО ГОСУДАРСТВА ¹⁾.

1. GESCHICHTE DES PREUSSISCHEN STAATS, VON G. A. STENZEL. Т. 1—3.
HAMBURG. 1830—1841.
 2. GESCHICHTE DEUTSCHLANDS VON 1806—1830, VON FR. BÜLAU.
HAMBURG. 1842.
-

Объ названныя здѣсь книги принадлежать къ извѣстному собранію сочиненій объ исторіи отдѣльныхъ европейскихъ государствъ, которое издавалось книгопродавцемъ Пертесомъ, подъ надзоромъ Герена и Укерта. Одинъ изъ редакторовъ умеръ, но имя его осталось на заглавномъ листѣ. Двадцать лѣтъ тому назадъ Геренъ, еще стоявшій въ числѣ героевъ германской науки, позволилъ Пертесу назвать его редакторомъ сборника, въ которомъ онъ впрочемъ не принималъ дѣятельнаго участія: славное имя ручалось за успѣхъ предпріятія. Теперь признательный книгопродавецъ нашелъ средство отплатить бывшему патрону. «Исторія европейскихъ государствъ, изданная Гереномъ и Укертомъ», надолго упрочитъ извѣстность редакторовъ, чѣмъ ихъ собственныя, старѣющія и далеко обойденныя новою наукою, изслѣдованія.

Въ самомъ дѣлѣ, въ числѣ сочиненій, вошедшихъ доселѣ въ составъ «Исторіи европейскихъ государствъ», находятся превосходные труды, занимающіе первыя мѣста въ исторической литературѣ Германіи. Достаточно будетъ назвать исторію Италиі Лео, Даніи—Дальмана, Швеціи—Гейера, Англіи—Лапенберга, Польши—Репеля. Не равняясь въ учености достоинствъ съ названными, Исторія Пруссіи

¹⁾ Статья эта была напечатана въ Москвитинѣхъ 1843 года.

Штенцеля и Германія съ 1806—1830 Бюлау по современной важности содержанія имѣютъ полное право на вниманіе читающей публики. Вслѣдствіе причинъ, очень понятныхъ, мы соединили обзоръ обоихъ сочиненій въ одной статьѣ. Съ половины прошлаго столѣтія судьбы Германіи преимущественно опредѣлены судьбою Пруссіи.

Первый, вышедшій въ 1830 году, томъ Штенцеля далеко не оправдалъ общихъ ожиданій. Авторъ очевидно работалъ не по источникамъ, а бралъ готовый матеріалъ у своихъ предшественниковъ. Почти половину тома занимаетъ ненужный разсказъ о Тридцатилѣтней войнѣ, въ которомъ, въ добавокъ, нѣтъ ничего новаго; но отвѣтственность за недостатки книги не должна падать исключительно на Штенцеля, котораго превосходная монографія объ «Императорахъ Франконскаго дома» еще прежде поставила на ряду съ первоклассными нѣмецкими историками. Написать исторію Пруссіи до 1640 года невозможно, потому что такое сочиненіе противъ воли автора должно принять форму отдѣльныхъ статей. До 1640 г. прусскаго государства не было; существовали разбросанныя отъ Нѣмана до Рейна владѣнія Гогенцоллернскаго дома, соединенныя подъ общимъ правителемъ случайно стію брачныхъ союзовъ, наслѣдствъ и дипломатическихъ сдѣлокъ, но чуждыя и внутренняго народнаго единства, и вѣншей политической связи общихъ выгодъ. Чтѣ было общаго между подданными маркграфа бранденбургскаго и герцога прусскаго? Одни принадлежали къ системѣ нѣмецкой имперіи, другіе горю стояли за связь свою съ Польшею. У каждой области были свои права, свои особенности, свои частныя отношенія къ общему государю. Самое время соединенія болъшей части гогенцоллернскихъ земель способствовало къ удержанію ихъ въ состояніи обособленія и противоположности. Реформація, уничтоживъ единство, которымъ католицизмъ связывалъ Европу Среднихъ вѣковъ, вывела на поприще новыя религіозно-политическіе интересы. Въ XVI столѣтіи эти интересы, не ясно сознаные, часто представляютъ странныя противорѣчія. Исторія государей Гогенцоллернскаго дома богата примѣрами противорѣчій такого рода. Въ 1539 году бранденбургскій курфирстъ Іоакимъ II перешелъ къ лютеранской церкви и чрезъ восемь лѣтъ сталъ на сторонѣ Карла V, въ борьбѣ послѣдняго съ нѣмецкими протестантами, когда эта борьба приняла политическій характеръ. Ревностный приверженецъ новаго религіознаго начала, курфирстъ старался о сохраненіи старыхъ формъ жизни,

неспособныхъ сдержать въ себѣ этого начала. Онъ отложился только отъ католическаго догмата, а не отъ стариннаго быта, провинцiальнаго и условленнаго католицизмомъ. Между приверженцами обоихъ главныхъ протестантскихъ исповѣданiй существовала глубокая ненависть, которую напрасно старался уничтожить въ своихъ владѣнiяхъ курфирстъ Іоаннъ Сигизмундъ, который наконецъ самъ перешелъ на сторону кальвинистовъ, къ великому соблазну большей части своихъ подданныхъ. По этому случаю въ Берлинѣ поднялся народный мятежъ, а прусскіе Чины имѣли наглость объявить нарушителемъ общественного спокойствiя каждаго, кто не принадлежалъ къ лютеранской или католической церкви. При сынѣ Іоанна Сигизмунда, Георгѣ Вильгельмѣ, началась тридцатилѣтняя война. Время было строгое: оно требовало отъ каждаго рѣшительнаго отвѣта на свои вопросы. Надобно было сказать твердое да или нѣтъ, стать подъ то или другое знамя. Гогенцоллернскія земли распались на два враждебные стана: бренбургскіе и прусскіе лютеране явно радовались неудачамъ богемскихъ кальвинистовъ; на Рейнѣ преобладали ревностное реформатское убѣжденіе и искренняя преданность общему дѣлу протестантизма. Курфирстъ не сумѣлъ занять твердаго, опредѣленнаго началами положенія. Лично онъ былъ усердный протестантъ, но когда рѣшеніе современной задачи было предоставлено мечу, онъ сталъ робкимъ ратникомъ подъ знамя католическаго императора. Дома, у себя въ государствѣ, онъ радѣлъ о пользахъ протестантизма; во внѣшней политикѣ онъ былъ его врагомъ. Онъ думалъ, что можно согласить два враждебныя начала, раздѣливъ ихъ, отрѣзавъ каждому свой участокъ. А между тѣмъ ненавистный ему родственникъ, великій Густавъ Адольфъ говорилъ: «не ходите среднею дорогою, если хотите уберечь себя и государство. Спасеніе въ крайностяхъ» ¹⁾. Курфирстъ не послушалъ. До конца жизни игралъ онъ безславную, нейтральную роль и выпилъ до дна чашу унижительнаго наказанія. Его владѣнiя были разоряемы съ обѣихъ сторонъ. Ни протестанты, ни католики не вѣрили ему. Въ 1640 году онъ умеръ, оставивъ государство въ самомъ жалкомъ положеніи: часть провинцій была занята Шведами, другая имперцами. Сверхъ того надлежало давать войска императору, деньги Шведамъ, терпѣть оскорбленіе отъ обоихъ. Несвязанныя части государства гото-

¹⁾ Слова Густава Адольфа.

вы были разложиться при первомъ сильномъ ударѣ. Тогда принялъ правленіе Фридрихъ Вильгельмъ, въ послѣдствіи великій курфирстъ. Весь второй томъ Штенцелева сочиненія посвященъ царствованію Фридриха Вильгельма. Этотъ томъ далеко превосходитъ первый. Самый предметъ помогая Штенцелю, который въ этотъ разъ удовлетворилъ справедливымъ требованіямъ.

Изъ сказаннаго выше легко представить, въ какомъ трудномъ положеніи находился молодой курфирстъ по смерти отца. Его земли пострадали во время войны болѣе, чѣмъ земли князей, принимавшихъ дѣятельное участіе въ борьбѣ. Одна Пруссія спаслась отъ общаго разоренія. Но эта провинція, въ послѣдствіи давшая свое имя всему государству, въ то время мало содѣйствовала къ приращенію могущества Гогенцоллернскаго дома. Курфирстъ, въ качествѣ прусскаго герцога, былъ вассаломъ Польши, и Чины прусскіе, пользуясь этимъ отношеніемъ, упрямо ограничивали власть своихъ государей. Безпрерывныя апелляціи къ польскому королю на каждомъ шагѣ останавливали герцога. Тогдашнее прусское дворянство мало разнилось отъ польской шляхты и подобно ей своевольничало на сеймахъ; а въ городахъ, во главѣ которыхъ стоялъ Кенигсбергъ, господствовалъ строптивый духъ средневѣковыхъ общинъ. По силѣ старыхъ земскихъ привилегій, за соблюденіе которыхъ ручалась Польша, герцогъ не могъ ни держать въ Пруссіи войскъ, набранныхъ въ другихъ его областяхъ, ни брать налоговъ безъ воли непокорныхъ сеймовъ, ни опредѣлять чиновниковъ не-Прусаковъ; наконецъ, его собственное вѣроисповѣданіе, кальвинизмъ, не было терпимо въ бывшихъ орденскихъ земляхъ и подвергалось жестокимъ, обиднымъ для властителя гоненіямъ соединенныхъ лютеранъ и католиковъ; словомъ, герцогъ, вслѣдствіе ленныхъ отношеній своихъ, стоялъ немногимъ выше обыкновеннаго богатаго магната. Предки Фридриха Вильгельма даже добивались чести польскаго индигената и принятія ихъ въ число государственныхъ Чиновъ тогда еще сильнаго королевства. Въ другихъ гогенцоллернскихъ владѣніяхъ существовали также свои, хотя не такъ сильныя и надежно огражденные, какъ въ Пруссіи, мѣстныя права, вынесенныя еще изъ Среднихъ вѣковъ и стѣснявшія всякое развитіе и не односторонне-провинціальное направленіе центральной власти. Не время, когда эти права были священнымъ содержаніемъ и выраженіемъ полной народной жизни, уже прошло невозвратно. Въ XVII столѣтіи они держа-

лись какъ историческіе наросты, увѣчившіе и дробившіе государство на безконечное множество частныхъ, одна другой противоположныхъ цѣлей. Какъ карантинны стояли они между землями и сословіями и останавливали свободное движеніе жизни, возникшей послѣ реформациі.

Такимъ образомъ великій курфирстъ получилъ въ наслѣдство отъ отца 'разоренныя войною и голодомъ владѣнія, власть, униженную безсмысленными ограниченіями, и позорныя внѣшнія отношенія. Черезъ сорокъ восемь лѣтъ онъ завѣщалъ сыну новое государство, отринувшее всѣ условія государства Среднихъ вѣковъ, основанное не на природномъ началѣ національности, а на сознательномъ единствѣ разумныхъ направленій. Онъ понялъ политическое значеніе реформациі, непрочность шведскаго могущества, доселѣ главнаго оплота противъ католической реакціи, и смѣло сталъ во главѣ протестантовъ. Съ меньшею быть-можетъ чистотой нравственныхъ побужденій; но съ равнымъ дарованіемъ и съ большею осторожностію занялъ онъ мѣсто дяди своего, Густава Адольфа. Участь нѣмецкой имперіи была рѣшена образованіемъ нѣмецкой державы, которая приняла въ себя всѣ стихіи новаго времени и по возможности отвѣчала на всѣ его требованія. Германія раздвоилась на двѣ системы: Австрія осталась на сторонѣ католицизма и условленныхъ имъ формъ жизни, Пруссія взяла себѣ на часть развитіе и движеніе впередъ, котораго конецъ еще не видѣнъ. Гдѣ и какъ остановить она свой блистательный бѣгъ — этого не въ состояніи сказать настоящее и едва ли скажетъ будущее поколѣніе. Антагонизмъ религіозныхъ вѣрованій утратилъ теперь свою силу, но Пруссія, вѣрная принятому въ XVII столѣтіи направленію, продолжаетъ развивать протестантское начало въ науцѣ и въ жизни. Съ Фридриха Вильгельма, начинается внутренній процессъ, которымъ уничтоженъ въ гогенцоллернскихъ земляхъ провинціализмъ, и создана искусственная, но сильная народность, сознающая себя не въ общемъ происхожденіи отъ какого-нибудь Прусска, а въ единствѣ государственной цѣли.

Многихъ лѣтъ и трудовъ стоила Фридриху Вильгельму закладка зданія, которое довелъ до кровави правнуковъ его. Прежде всего надлежало сгладить упрямые особенности мѣстныхъ и частныхъ правъ, безъ чего невозможно было существованіе новаго государства. Только по совершеніи этого подвига могъ курфирстъ надѣяться на успѣ-

шное окончаніе другаго, то есть на удержаніе за собою мѣста, которое онъ такъ отважно и самонадѣянно занялъ въ политической системѣ Европы. Въ преслѣдованіи этихъ двухъ главныхъ направленій заключается глубокая занимательность и важность исторіи бранденбургскихъ владѣній отъ 1640 до 1688. Штенцель понялъ это и посвятилъ, какъ сказано выше, этому времени цѣлый томъ. Большею частію употребленнаго имъ матеріала обязанъ онъ старой, но превосходной книгѣ Самуила Пуєндорфа: *De rebus gestis Friderici Wilhelmi magni electoris Brandenburgensis commentariolorum libri XIX. Berol. 1694.* Пуєндорфу были открыты государственные архивы, вскорѣ послѣ смерти великаго курфюрста, его сыномъ, и ученый изслѣдователь умѣлъ соединить съ терпѣливымъ трудолюбіемъ смѣлость изложенія, замѣчательную и по соображенію обстоятельствъ, при которыхъ онъ писалъ, и по времени, когда вышло сочиненіе. Штенцелю оставалось только разобрать, привести въ порядокъ его извѣстія и дополнить ихъ, особливо для внутренней исторіи, другими данными.

Первымъ поводомъ къ непріязненному столкновенію Фридриха Вильгельма съ областными правами и сословіями были его денежные требованія. Эти требованія были дѣйствительно чрезмѣрны: они надолго истощили вещественное благосостояніе народонаселенія и извинялись только необходимостію. Наиболѣе сопротивленія встрѣтилъ курфюрстъ, разумѣется, въ Пруссіи, гдѣ сеймы постоянно протестовали противъ каждаго новаго налога, имѣя въ виду исключительное положеніе собственной провинціи и отрицая всякую общность интересовъ съ остальными бранденбургскими владѣніями. Въ упрямомъ эгоизмѣ своемъ прусскія сословія ссылались на обычай предковъ, на грамоты, данныя имъ прежними правителями, на всѣ оплоты, которыми ограждаетъ свое преходящее существованіе формальное историческое право. У великаго курфюрста не было ничего такого: не на ветхихъ грамотахъ, не на примѣрахъ отцовъ основалъ онъ свои притязанія. Новое, неодолимое, жестокое время вело тяжбу съ стариною, и курфюрстъ явился его полномочнымъ ходатаемъ. Онъ выигралъ формально неправую тяжбу и не искалъ юридическаго оправданія для своего дѣла. Въ послѣдствіи, совершенное имъ дѣло оправдало его. Для противниковъ, для современниковъ вообще, онъ могъ и долженъ былъ казаться самоуправнымъ эгоистомъ, но содержаніемъ его эго-

изма были идеи, которые легли въ основаніе прусскаго государства. До 1657 года отношенія къ Польшѣ заставляли Фридриха Вильгельма поступать очень осторожно и уклончиво въ герцогствѣ. Въ этомъ году велаускій и бромбергскій договоры сняли съ него иго ленной зависимости отъ Польши и дали ему возможность дѣйствовать рѣшительнѣе. Изъ польскаго вассала онъ сталъ настоящимъ государемъ. Но это новое положеніе не тотчасъ и не безъ тяжелой борьбы было признано непривычными подданными. Пруссаки не хотѣли дать новой присяги, измѣнявшей ихъ обычныя отношенія къ Герцогу. Начальниками оппозиціи были два замѣчательные человека: полковникъ Христіанъ Калькштейнъ, отъ дворянства, и кенигсбергскій бюргермейстеръ Іеронимъ Роде, отъ городовъ. На сеймѣ 1661 года оппозиція высказала вполне свое направленіе: она не хотѣла разрывать связей Пруссіи съ Польшею и отправила депутацію въ Варшаву къ королю Іоанну Казимиру съ просьбою о заступничествѣ, съ обѣщаніемъ присоединить совершенно къ его королевству бывшія орденскія земли, въ случаѣ если онъ согласится на требованія депутатовъ и дастъ войско для вооруженнаго сопротивленія курфирсту. Къ счастью для послѣдняго, при польскомъ дворѣ были сильныя партіи, а король былъ слабъ. Коронный гетманъ Любомирскій, подкупленный Фридрихомъ Вильгельмомъ, держалъ горячо его сторону. Курфирстъ съ своей стороны не терялъ времени, не жалѣлъ ни денегъ, ни обѣщаній и дѣйствовалъ съ грозною рѣшительностію. Часть членовъ сейма не устояла противъ его искушеній и стала за него. Въ рядахъ оппозиціи господствовало несогласіе: дворянство ссорилось между собою и съ городами. Несмотря на все это, жители Кенигсберга дошли до того, что подняли оружіе и готовы были вступить въ бой съ стоявшимъ у нихъ гарнизономъ. Курфирстъ прибылъ лично въ непокорный городъ и потребовалъ выдачи ему Іеронима Роде, котораго онъ, не безъ основанія, почиталъ зачинщикомъ кенигсбергскихъ смутъ. За отказомъ жителей послѣдовало неудачное покушеніе взять бюргермейстера силою. Наконецъ, 30-го октября 1662 года, курфирстъ, подъ предлогомъ совѣщанія, созвалъ гражданъ въ ратушу; между тѣмъ полковникъ Гилле съ сотнею всадниковъ и обозомъ выступилъ изъ замка и пошелъ къ городскимъ воротамъ. Вдругъ онъ свернулъ въ сторону, заперъ своими телѣгами улицу, гдѣ жилъ Роде, нисколько не подозрѣвавшій опасности, и взялъ его подъ стражу. Пока всад-

ники удерживали сѣжавшійся народъ, арестанта успѣли отвести въ замокъ, изъ оконъ котораго курфюрстъ и князя Ангальтъ-Дессау и Радзивилъ смотрѣли на то, что происходило. Три тысячи солдатъ съ зараженными и направленными противъ города пушками выстроились на дворцовой площади. На зѣнитъ было поднято кровавое знамя. Послѣ нѣсколькихъ тяжелыхъ дней городъ покорился. Роде, для суда надъ которымъ была наряжена особая комиссія, былъ уличенъ въ государственной измѣнѣ, хотя собственная совѣсть и общее мнѣніе оправдывали его. «Innocens et magnanimus vir», по выраженію умнаго и благороднаго современника, Поляка Залускаго. Шестнадцать лѣтъ провелъ онъ въ крѣпости, не измѣнивъ глубокому убѣжденію. Курфюрстъ не могъ не оцѣнить и не уважать его. Онъ предложилъ ему свободу, съ тѣмъ только, чтобы онъ попросилъ милости. Бывшій кенигсбергскій бюргермейстеръ отвѣчалъ, что онъ долженъ быть освобожденъ по праву и не нуждается въ милосердіи. Онъ умеръ въ своемъ заточеніи, въ 1678 году. Ровно черезъ два года послѣ описанныхъ событій, Чины герцогства присагнули Фридриху Вильгельму на полное подданство, но воспоминанія о прежнемъ и надежды на будущее, въ которомъ прусскіе патріоты безумно надѣялись воскресить невоскресающее, не угасли. Эти воспоминанія и надежды поддерживались Поляками, ненавидѣвшими курфюрста за его дѣйствія во время шведской войны, и Калькштейномъ, который наконецъ бѣжалъ въ Варшаву и дѣйствовалъ оттуда.

Участь послѣдняго составляетъ любопытный эпизодъ тогдашней исторіи. Полковникъ Христіанъ Калькштейнъ и отецъ его, генералъ-лейтенантъ Альбрехтъ Калькштейнъ, пользовались особенною милостію Фридриха Вильгельма до самаго начала его споровъ съ прусскими Чинами. Знатность рода, богатство, заслуги и рѣдкія дарованія, соединенныя съ необыкновенной силою воли, давали имъ полное право на высшія мѣста въ государствѣ. Еще во время шведской войны молодой Калькштейнъ былъ начальникомъ коннаго полка, даннаго ему курфюрстомъ. Черезъ годъ отношенія ихъ измѣнились. Оба Калькштейны стали во главѣ дворянской оппозиціи на сеймахъ и рѣзко высказали свои убѣжденія. Отецъ умеръ до рѣшенія борьбы за старое право; сынъ, грозившій въ запальчивости покушеніемъ на жизнь Фридриха Вильгельма, былъ приговоренъ къ смерти и помилованъ только по ходатайству супруги курфюрста. Свобода и мнѣніе

были возвращены ему послѣ годичнаго заточенія; но онъ не могъ остаться празднымъ свидѣлемъ перемѣнъ, которыя совершались въ его родинѣ. Въ мартѣ 1670 года онъ является въ Варшавѣ, при дворѣ новаго короля Михаила, гдѣ уже находился сынъ Роде. Не одна личная опасность привела ихъ въ Польшу: они принесли туда съ собою задушевную мысль о восстановленіи старины и непримиримую вражду къ своему герцогу. Въ особенности былъ опасенъ Калькштейнъ, человекъ въ высшей степени даровитый, смѣлый и съ обширными связями въ королевствѣ и въ герцогствѣ. Курфирстъ требовалъ отъ короля Михаила выдачи мятежнаго подданнаго. Разсказъ Штенцеля объ этихъ переговорахъ и о трагическомъ концѣ Калькштейновыхъ усилій основанъ на официальныхъ актахъ и хорошо характеризуетъ съ одной стороны — дѣйствующія личности, съ другой — печальное состояніе тогдашней Польши. Фридрихъ Вильгельмъ, какъ сказано выше, требовалъ чрезъ своего резидента въ Варшавѣ, Бранта, выдачи Калькштейна.

«Король устранилъ это требованіе подъ предлогомъ, что Калькштейнъ прибылъ въ Варшаву только для принятія польскаго полка, ему прежде даннаго. Ожесточенный Калькштейнъ съ своей стороны дурно отзывался о курфирствѣ, хлопоталъ объ уничтоженіи бромбергскаго договора и хвалился тѣмъ, что заставить курфирста снова признать Пруссію польскимъ леномъ. Онъ могъ при этомъ положиться на содѣйствіе многихъ Поляковъ, которые, вслѣдствіе событій шведской войны, ненавидѣли Фридриха Вильгельма. Послѣдній написалъ собственноручно къ королю и повторилъ требованіе о выдачѣ ему Калькштейна, какъ нарушившаго присягу измѣнника. Прусское правитель-ство выслало въ то же время резиденту Бранту копію съ дѣла, которое производилось противъ Калькштейна, для того чтобы его преступленія были извѣстны королю и сенаторамъ. Вторичный отказъ короля усилилъ заносчивость Калькштейна и Роде... Удаленный на нѣсколько времени отъ двора по настояніямъ прусскаго резидента Калькштейнъ возвратился въ Варшаву къ открытію сейма. Онъ, казалось, успокоился, просилъ Бранта ходатайствовать за него предъ курфирстомъ и обѣщалъ ничего не предпринимать съ своей стороны. Черезъ нѣсколько дней онъ подалъ королю и сейму, отъ имени прусскихъ Чиновъ, двѣ грамоты, въ которыхъ Чины просили, самымъ обиднымъ для курфирста языкомъ, объ освобожденіи ихъ отъ тяготѣвшаго надъ

ними ига. Сеймовой маршалъ прочелъ публично эти грамоты и вмѣстѣ съ ними рѣчь Калькштейна, исполненную колкихъ выходокъ противъ курфирста. Вслѣдъ за тѣмъ Брантъ подалъ ѣхавшему въ сенатъ королю ноту, въ которой требовалъ, чтобы Калькштейна допросили, отъ кого онъ получилъ полномочіе на подачу прусскихъ грамотъ. Въ случаѣ, если бы такого полномочія не оказалось, резидентъ обвинялъ Калькштейна въ подлогѣ и измѣнѣ, и полагалъ необходимою выдачу его курфирсту для заслуженной казни. Коронный референдарій собирався по приказанію короля прочесть на сеймѣ Брантову ноту, но Калькштейнъ, настроенный вице-канцлеромъ, взошелъ на ступени трона, вырвалъ бумагу изъ рукъ референдарія, стоявшаго подлѣ самого короля, и потомъ сошелъ спокойно внизъ. Референдарій закричалъ своему секретарю, чтобы онъ далъ пощечину полковнику; секретарь не рѣшился этого сдѣлать. Между тѣмъ Калькштейнъ прочелъ Брантову ноту, и передалъ ее вице-канцлеру, который, прочитавъ въ свою очередь, сказалъ, что рѣшеніе дѣла принадлежитъ не сейму, а обыкновенному польскому суду, который разберетъ споръ между курфирстомъ и его подданными.

Переходъ Калькштейна къ католицизму доставилъ ему новое и могущественное покровительство польскаго духовенства. Встревоженный курфирстъ уполномочилъ своего резидента въ Варшавѣ на крайнія мѣры, для исполненія которыхъ къ нему былъ тайно присланъ конный отрядъ, подъ начальствомъ капитана Монгомери. Нѣсколько подкупленныхъ Поляковъ знали обо всемъ и обѣщали помочь въ случаѣ нужды. Неосторожный Калькштейнъ сдѣлался жертвою насилія, котораго возможность объясняется только тогдашнимъ положеніемъ Польши и общимъ характеромъ дипломатовъ 17-го вѣка, вовсе не разборчивыхъ въ выборѣ средствъ. Брантъ зазвалъ къ себѣ Калькштейна и среди бѣлаго дня, велѣлъ скрытымъ у него солдатамъ связать несчастнаго гостя, завернуть его въ коверъ и вынести въ приготовленный закрытый экипажъ. За городомъ плѣнника посадили на лошадь и такимъ образомъ доставили въ Пруссію. Послѣ четырехдневныхъ напрасныхъ поисковъ, участь полковника открылась, и общее негодованіе поднялось противъ Фридриха Вильгельма и его агентовъ. Король былъ лично оскорбленъ; вице-канцлеръ и Литовскій гетманъ Пацъ, поддерживаемые сильною партією, требовали войны и взятія подъ стражу Бранта. Послѣдній долженъ былъ бѣжать

изъ Варшавы. Но начатыя по этому случаю переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ: курфирстъ далъ остыть жару своихъ враговъ, сдѣлалъ нѣсколько наружныхъ уступокъ и настоялъ на своихъ требованіяхъ. Для удовлетворенія помьскихъ жалобъ, Брантъ и его сообщники были преданы суду и приговорены къ строгимъ наказаніямъ. Судьи и подсудимые были, впрочемъ, увѣрены что они играютъ роли въ комедіи заранѣе обдуманной, и были равно спокойны насчетъ развязки. Брантъ провелъ два года въ праздности, потомъ возвратился ко двору, гдѣ его ожидали почести и великолѣпныя награды за оказанную имъ услугу. Онъ постоянно пользовался довѣріемъ курфирста, и занималъ въ послѣдствіи очень важныя мѣста.

Не такъ судили Калькштейна. Его привезли въ Мемель, и комиссія, составленная изъ членовъ, которыхъ мнѣнія заранѣе опредѣляли участь подсудимаго, произнесла смертный приговоръ. Курфирстъ подтвердилъ его. Калькштейнъ умеръ спокойно, даже весело. Онъ только просилъ разгнѣваннаго государя не оставить милостью бѣдную вдову и сиротъ, невинныхъ въ преступленіяхъ отца и мужа. Штенцель сообщилъ о его послѣднихъ минутахъ нѣсколько любопытныхъ подробностей, взятыхъ изъ современнаго, не напечатаннаго свидѣтельства. Борьба кончилась этой кровавой развязкой. Роде и Кальштейнъ пали жертвами искреннихъ, но одностороннихъ и ограниченныхъ убѣжденій. Не собственная вина, а несчастное дѣло, за которое они стояли, обрекло ихъ на гибель. Ихъ вина заключалась только въ превосходствѣ дарованій и въ силѣ убѣжденій, не допускавшихъ никакихъ уступокъ, никакихъ сдѣлокъ съ современностію. Они одни стояли гнѣва и казни. Когда ихъ голоса умоляли, Пруссія вошла гибкимъ и послушнымъ членомъ въ организмъ новаго государства. Современники жестоко порицали Фридриха Вильгельма; потомство молча оправдало его, хотя оно не могло отказать въ участіи падшимъ защитникамъ старины. Вопросъ этотъ разрѣшается просто и ясно. Въ случаѣ, еслибы курфирстъ проигралъ свое дѣло, еслибы побѣда перешла на сторону его противниковъ—Прусскаго государства не было бы.

Несравненно легче достигъ Фридрихъ Вильгельмъ своей цѣли въ остальныхъ Гогенцоллернскихъ земляхъ. Только въ Пруссіи борьба центральной власти съ мѣстными и сословными особенностями приняла трагическій характеръ. Въ другихъ областяхъ устарѣлая, истлѣвшія учрежденія не выдержали первыхъ ударовъ, и развалились.

Главный трудъ состоялъ теперь въ разчищеніи этихъ развалинъ, которыхъ нестройныя груды продолжали стѣснять свободное развитіе новыхъ жизненныхъ формъ. Къ концу своего царствованія великій курфирстъ могъ сказать еще съ большимъ, быть можетъ, чѣмъ Людовикъ XIV, правоту: *l'état c'est moi*. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ тогда монархъ, государь въ томъ полномъ смыслѣ, который исторія дала этому слову. Онъ далъ своему народу единство: остальное совершилось само собою.

Государство было признано внутри; враждебные элементы его умѣнены; но надобно было доставить ему признаніе и уваженіе извнѣ. Надобно было приучить Европу къ мысли о новой и сильной державѣ, между тѣмъ какъ самое существованіе этой державы было еще только замысломъ основателя. Смѣлостью предпріятій, ловкостью и удачею исполненій курфирстъ достигъ и этой цѣли. Общественное мнѣніе предположило, что у него гораздо болѣе силъ, чѣмъ ихъ было въ самомъ дѣлѣ, и въ свою очередь сдѣлалось однимъ изъ средствъ его могущества. Исторія сношеній великаго курфирста съ иностранными государствами превосходно обработана Штенцелемъ, и составляетъ лучшую часть его книги. Здѣсь вполне высказывается характеръ Фридриха Вильгельма, составленный изъ самыхъ противоположныхъ качествъ—изъ хитрости, соображающей для собственной пользы малѣйшія политическія обстоятельства, осторожности, часто принимающей видъ робости, и смѣлости, готовой на дѣла, трудность которыхъ остановила бы государей съ гораздо болѣе большими способами исполненія.

Еще во время вестфальскихъ переговоровъ обнаружилъ онъ этотъ характеръ. Онъ требовалъ чрезъ своихъ дипломатовъ въ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ такихъ вознагражденій за утраты, понесенныя отцомъ и имъ во время войны, которыхъ несоразмѣрность равно возбудила негодованіе въ представителяхъ Австріи, Швеціи, Франціи и Нѣмецкихъ княжествъ. Въ 1646 году, воевавшія стороны готовы были соединиться противъ него и принудить его силою къ болѣе справедливымъ условіямъ. Курфирстъ уступилъ, но при заключеніи мира онъ сумѣлъ удержать за собою почти все, чего требовалъ, хотя въ послѣдствіи не переставалъ жаловаться на то, что съ нимъ беззаконно поступили. Другіе нѣмецкіе князья были въ самомъ дѣлѣ обижены, и гораздо менѣе роптали на свою участь.

Вестфальскій миръ не надолго успокоилъ Европу. Швеція нуждалась въ войнѣ, потому что война была условіемъ ея искусственнаго, не изъ естественныхъ силъ народа вышедшаго величія. Въ 1654 проемникъ Христіны, Карлъ X, уже былъ готовъ напасть на Польшу, которая по внутреннему состоянію представляла самое удобное поприще для подвиговъ и завоеваній. Графъ Шлиппенбахъ былъ отправленъ Карломъ X къ курфирсту съ предложеніемъ союза. Шведы предлагали Фридриху Вильгельму часть будущихъ, но вѣрныхъ завоеваній въ Польшѣ, за что онъ, съ своей стороны, долженъ былъ уступить имъ прусскія гавани. Важность и неосторожность подобной уступки была очевидна. На возраженія курфирста относительно справедливости предлагаемой сдѣлки, Шлиппенбахъ далъ характеристическій для дипломатіи 17-го столѣтія отвѣтъ. Положеніе Фридриха Вильгельма было самое затруднительное. Онъ не могъ остаться нейтральнымъ, а дѣятельное участіе въ предстоявшей войнѣ могло быть гибельнымъ для него. Ему угрожала равная опасность въ случаѣ побѣды Шведовъ и Поляковъ. Польша не простила бы ему нарушенія ленной присяги. Средства къ отмщенію были у нея въ рукахъ: ей стоило только вмѣшаться въ прусскія дѣла. Съ другой стороны, утвержденіе шведскаго могущества по сю сторону Балтійскаго моря обрекало бранденбургскихъ князей на второстепенное политическое положеніе, и могло имѣть еще худшія послѣдствія. Карлъ X былъ безпокойный, опасный сосѣдъ. Между тѣмъ носились слухи, что Польша собирается отвратить отъ себя близкую грозу, уступивъ Карлу X свои права на Пруссію; что она даже готова помочь ему силою въ случаѣ войны съ курфирстомъ. Курфирстъ не долго колебался. Онъ заключилъ въ одно и тоже время два союза: одинъ со Швеціею противъ Польши, другой съ Голландіею противъ Швеціи. Война продолжалась пять лѣтъ, и не менѣе пяти разъ переходилъ Фридрихъ Вильгельмъ отъ одной стороны къ другой. И всякій переходъ его былъ ознаменованъ новыми выгодами и приобрѣтеніями. Рѣшеніе борьбы находилось въ концѣ въ его рукахъ. Казалось, что Швеція и Польша наперерывъ старались усилить его, что только для этого вели онѣ войну между собою. Карлъ предлагалъ ему, цѣною союза, титулъ короля и значительную часть Польши; Іоаннъ Казиміръ освобождалъ его отъ ленной зависимости. Уже тогда возникла мысль о раздѣлѣ Польскаго королевства: участниками въ предлагаемомъ раздѣлѣ были Царь Алексѣй Михай-

ловичъ, императоръ, Швеція и Бранденбургъ. Курфирстъ прежде другихъ отступился отъ этой мысли: онъ сталъ въ ряду самостоятельныхъ государей, и предпочиталъ сосѣдство съ ослабленной и униженной Польшей всякому другому. Такимъ образомъ война, которой начало грозило бѣдами курфирсту, принесла пользу ему одному. Вотъ почему онъ такъ долго и упорно уклонялся отъ мира, который возвратилъ бы его къ обыкновеннымъ отношеніямъ. Онъ былъ вѣренъ своей цѣли, и не много заботился о нравственномъ значеніи поступковъ. Самъ никому не вѣрилъ, да и ему не многіе вѣрили: таковъ былъ вѣкъ. У него былъ одинъ только твердый и искренній союзникъ, король датскій, соединившій открыто свою судьбу съ мятежною судьбою курфирста; но когда послѣднему представился удобный случай, онъ заключилъ отдѣльный миръ. За то копенгагенская чернь едва не убила бранденбургскаго посла.

Небольшая, но превосходно устроенная и всегда готовая къ бою армія давала Фридриху Вильгельму постоянный перевѣсъ надъ прочими, менѣе сильными и дѣятельными, нѣмецкими князьями. Ни въ одно столѣтіе новой европейской исторіи не было столько войнъ, сколько въ XVII. Военная сила стала главною основою политическаго значенія. Такимъ образомъ, Швеція, безъ внутреннихъ условій могущества, стала во главѣ сѣверовосточной Европы, потому только, что у нея со временъ Густава Адольфа было всегда готово отличное войско. Издержки на содержаніе этого войска далеко превышали средства шведскаго народа, но оно само вырабатывало себѣ нужное, съ избыткомъ, въ непрерывныхъ браняхъ. Примѣръ Швеціи нашелъ подражателей. Собственно это было явленіе уже не новое. Еще въ Средніе вѣка итальянскіе кондотьеры, нѣмецкіе ландкнехты и Швейцарцы вели войну ради выгоды, которая она доставляетъ. Въ службѣ каждаго государя были толпы вооруженныхъ наемниковъ, которыхъ онъ довѣрялъ болѣе, чѣмъ своему рыцарству и земскому ополченію. Они были опытнѣе въ своемъ дѣлѣ и надежнѣе. Нерѣдко начальники такихъ вольныхъ дружинъ играли важную роль въ политическихъ переворотахъ. Стоить вспомнить Сюрпу миланскаго и нѣмецкаго рыцаря Франца фонъ Зикингенъ, который при началѣ реформациіи едва не далъ новой формы всей нѣмецкой жизни. Французскія междоусобія XVI вѣка и тридцатилѣтняя война не дали исчезнуть обычаю и провели его въ новую исторію. Графъ Мансфельдъ, Христи-

анъ Брауншвейгскій, Валленштейнъ и Бернгардъ Веймарскій были кондотьеры, но въ огромномъ размѣрѣ. Во второй половинѣ XVII столѣтія система военныхъ наймовъ получила новое развитіе. Мелкіе нѣмецкіе князья стали держать довольно значительныя арміи, которыми они, въ настоящемъ смыслѣ слова, торговали. Они продавали свои полки Франціи, Австріи, Нидерландамъ—не заботясь о вопросѣ, который рѣшался оружіемъ. Замѣчательныѣ другихъ былъ Бернгардъ фонъ-Галенъ, епископъ мюнстерскій. Несмотря на тѣсныя предѣлы его владѣній, у него было подъ ружьемъ 20,000 человекъ. При дворѣ воинственнаго прелата не прекращались дипломатическіе прошения, обыкновенная принадлежность дворовъ гораздо большихъ государствъ. Союзъ съ нимъ былъ предметомъ исканій императора, Лудовика XIV и Голландіи. Епископъ бралъ деньги со всѣхъ. Впрочемъ, въ началѣ слѣдующаго столѣтія, нашолся нѣмецкій государь, который превзошелъ Бернгарда въ этомъ отношеніи. Курфюрстъ саксонскій и король польскій Августъ, во время войны за испанское наслѣдство, продавалъ саксонскіе полки кому угодно, и самъ получалъ жалованье за солдатъ, между тѣмъ какъ его собственныя земли разорялись Шведами. Въ этомъ отношеніи Фридрихъ Вильгельмъ былъ гораздо чище другихъ князей. При всей измѣнчивости своей политики, онъ никогда не прибѣгалъ къ подобнымъ средствамъ, никогда не былъ наемнымъ слугою чужихъ интересовъ, и подданные его дрались только за честь и выгоды собственной земли.

Самую блестящую эпоху въ политической дѣятельности Фридриха Вильгельма составляетъ промежутокъ 1671—1679 г. Въ это время онъ сталъ безконечно выше всѣхъ современныхъ ему государей не по однимъ дарованіямъ и удачамъ, но по благородному и твердому положенію, которое онъ занялъ относительно всемогущей Франціи. Война 1668 года обнаружила съ одной стороны грозныя Европѣ планы Лудовика XIV, съ другой важное значеніе Голландской республики, указавшей предѣлы завоеваній королевскихъ армій. Лудовикъ не могъ забыть обиды, и понималъ, что конечное ослабленіе Голландіи есть необходимое условіе его собственнаго могущества. Къ этой цѣли были направлены всѣ движенія французской дипломатіи. Въ 1671 намѣренія Лудовика уже не были тайною, и уснѣхъ ихъ почти обезпеченъ. Большая часть нѣмецкихъ князей была на сторонѣ Франціи, которой вліяніе въ Германіи далеко превышало императорское; Англія явно гото-

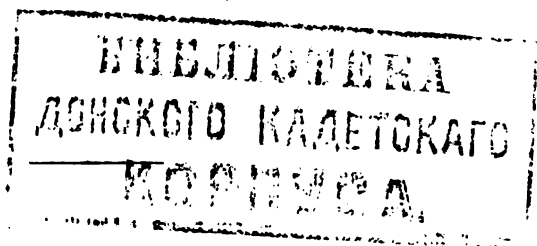
вилаась помогать врагамъ республики; подкупленный австрійскій министр Лобковичъ убѣдилъ императора Леопольда подписать договоръ, который обязывалъ его къ соблюденію строгаго нейтралитета; Швеція за 600,000 талеровъ ежегодныхъ субсидій обѣщала немедленно занять владѣнія членовъ германскаго союза, которыхъ помощь могла бы принести пользу обреченнымъ гибели Штатамъ. Можно навѣрно сказать, что въ цѣлой Европѣ не было ни одного министра иностранныхъ дѣлъ, не бравшаго денегъ отъ французскаго правительства. Этого мало — не только мелкіе нѣмецкіе князья, но сильные властители, какъ Карлъ II въ Англіи и нѣкоторые изъ курфирстовъ, получали лично пенсіоны отъ Лудовика XIV, и стояли къ нему въ отношеніи самой унижительно-зависимости. Еще за нѣсколько лѣтъ до начала войны съ Голландією, писалъ въ донесеніи къ своему правительству знаменитый англійскій дипломатъ Уильямъ Темплъ: «Мы должны обратить вниманіе не столько на настоящее великое могущество Франціи, сколько на силу ума и гений, съ какими нынѣшній король и его министры ведутъ дѣла свои. Изъ писемъ французскихъ пословъ, перехваченныхъ или купленныхъ маркизомъ Кастель-Родриго (правителемъ Испанскихъ Нидерландовъ), ясно, что отъ Италіи и Португаліи до Польши, въ цѣломъ христіанскомъ мірѣ, нѣтъ уголка или не замѣченнаго и не вошедшаго въ составъ ихъ политическихъ соображеній». На основаніи матеріаловъ, обнародованныхъ въ послѣдніе годы Капэнгомъ, Минье и другими французскими учеными, можно было бы составить очень любопытную смѣту суммъ, употребленныхъ Лудовикомъ XIV на подкупы, составлявшіе одно изъ главныхъ средствъ его политики.

Среди общаго паденія устоялъ одинъ бранденбургскій курфирстъ. Онъ тотчасъ предложилъ помощь свою Нидерландскимъ Штатамъ, несмотря на непріязнь, которая существовала между нимъ и тогдашнимъ правительствомъ республики. Въ то же время онъ старался открыть глаза нѣмецкимъ князьямъ и указать имъ всю важность предстоявшаго вопроса, и опасность, грозившую Германіи. Его не послушали, такъ какъ отецъ его не послушалъ Густава Адольфа. Императоръ, обманутый продажными совѣтниками, наружно уступилъ угрозамъ курфирста, который объявлялъ, что въ случаѣ, если Австрія не выставитъ войска противъ Французовъ, онъ рѣшительно перейдетъ на сторону Лудовика XIV и подѣлится съ нимъ неизбежными завоеваніями въ Нидерландахъ и Германіи. Подобныя предложенія со стороны

Франціи были имъ уже не разъ отвергнуты. Австрійскій отрядъ двинулся, дѣйствительно, къ берегамъ Рейна, но генералы получили тайное приказаніе избѣгать всякаго дѣла. Положеніе Фридриха Вильгельма стало еще хуже. Онъ одинъ стоялъ съ полнымъ сознаніемъ за свободу Германіи и Европы, но борьба была не по силамъ молодому государству. Голландія не платила обѣщанныхъ субсидій и вела отдѣльные переговоры; Польша и Швеція грозили войною; Рейнскіе князья настоятельно требовали денежныхъ вознагражденій за убытки, причиненные имъ присутствіемъ бранденбургскихъ войскъ въ ихъ земляхъ, между тѣмъ какъ часть собственныхъ владѣній курфюрста находилась въ рукахъ Французовъ, разорявшихъ ихъ по произволу. Послѣдующія событія извѣстны. Высокій принцъ Фридриха Вильгельма далъ наконецъ общее направленіе европейскимъ интересамъ; планы Лудовика удались только въ половину, и Швеція, вызванная имъ на театръ войны, проиграла Фербеллинское сраженіе. Эта битва, въ которой съ обѣихъ сторонъ было не болѣе 20,000 человекъ, принадлежитъ къ великимъ событіямъ Новой исторіи. Шведы утратили славу непобѣдимости, главное условіе ихъ могущества, и на цѣлую четверть вѣка, до походовъ Карла XII, были отрѣшены отъ незаконнаго вліянія на дѣла Европы; наслѣдниками ихъ военной славы были фербеллинскіе побѣдители: Фридрихъ Вильгельмъ и его армія. О впечатлѣніи, произведенномъ этою побѣдою, можно судить по опасеніямъ Вѣнскаго двора, чтобы при Балтійскомъ морѣ не возникло новое Вандальское царство: *«saesari haud placere regnum Vandalicum ad mare Balticum exurgere»*, сказалъ открыто президентъ австрійскаго военнаго совѣта. Изъ подобныхъ опасеній произошли трудности, встрѣченныя курфюрстомъ при заключеніи мира. На этотъ разъ онъ не вышелъ изъ борьбы ничего, кромѣ славы. Несмотря на частыя сближенія съ Франціей, великій курфюрстъ остался вѣрнъ политическимъ идеямъ, которыя заставили его поднять оружіе въ 1672 году. Искусительныя предложенія Лудовика XIV, поколебавшія его ближайшихъ совѣтниковъ, изъ которыхъ многіе получали жалованье отъ французскаго короля, не соблазнили его. Онъ началъ оппозиціонное направленіе, котораго заключеніемъ была война за испанское наслѣдство, и по странному рѣшенію судьбы, въ самый годъ кончины Фридриха Вильгельма вступилъ на англійскій престолъ его племянникъ и продолжатель, Вильгельмъ III.

Не даромъ сказалъ Фридрихъ II, склоняясь предъ могучою дивнаго предка: *celui-ci a beaucoup fait*. Во всѣхъ направленіяхъ государственной дѣятельности указалъ онъ прямой путь своимъ преемникамъ, и ни одному изъ нихъ не удалось безнаказанно свернуть въ сторону. Есть одна мало оцѣненная часть дѣятельности великаго курюрста. Мы говоримъ объ его участіи въ умственномъ движеніи вѣка, о его уваженіи къ наукѣ, съ вольнымъ развитіемъ которой связаны отнынѣ слава и значеніе Прусскаго государства. Курюрстъ понялъ и оцѣнилъ эту новую силу, входившую въ жизнь народовъ образовательнымъ началомъ изъ затворничества, въ какомъ держали ее Средніе вѣка. Это пониманіе обнаружилось въ величавой, хотя фантастической формѣ, въ намѣреніи Фридриха Вильгельма основать всемірный университетъ. Мысль объ этомъ сообщилъ курюрсту Бенедиктъ Скинште, шведскій государственный совѣтникъ, ученый энтузіастъ, вѣроятно вовсе не ожидавшій найти покровителя въ государѣ, котораго извѣданный практическій умъ, повидимому, былъ чуждъ всякой мечтательности. Памятникомъ ихъ общихъ предположеній остался изданный на латинскомъ языкѣ 22-го апрѣля 1667 г. и подписанный курюрстомъ уставъ новаго университета. Въ началѣ наложена цѣль основателей—доставить ученымъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, безъ различія религіозныхъ и политическихъ убѣжденій, пріютъ, гдѣ каждому было бы возможно развивать науку независимо отъ вѣншихъ стѣснительныхъ вліяній. Ученые Евреи и Магометане допускаются также, но съ условіемъ не распространять своихъ вѣрованій. Городъ Тангермюнде, на Эльбѣ, предоставленъ въ полное распоряженіе ученой публикѣ, подвѣдомой одному курюрсту. Съ этою цѣлью городъ освобожденъ отъ всякихъ государственныхъ повинностей, и сверхъ того Фридрихъ Вильгельмъ собирался войти въ сношенія съ иностранными дворами, и просить ихъ о признаніи всемірнаго университета и объ обезпеченіи ему вѣчнаго нейтралитета среди войнъ, которыхъ перевороты могли остановить труды мирныхъ служителей науки. Несмотря на всѣ эти мѣры и на приготовленный капиталъ, европейскіе ученые не отозвались на приглашеніе государя, котораго средства еще далеко не равнялись съ его замыслами. Подробныя извѣстія объ этомъ любопытномъ предметѣ находятся въ книгѣ Эрмана: *Sur le projet d'une ville savante dans le Brandenbourg. Berlin, 1792.*

Третій томъ Штенцеля содержитъ въ себѣ царствованіе двухъ королей прусскихъ. Кому не извѣстны эти двѣ странныя, совершенно противоположныя историческія личности? Слабый, роскошный Фридрихъ I, и его суровый до жестокости сынъ—оба безсознательно ведшіе государство къ его великому назначенію. Вмѣстѣ съ землями великаго курфюрста наслѣдовали они созданную имъ систему. Каждый изъ нихъ понималъ ее односторонно, и развивалъ по своему; но основы протестантскаго государства были уже крѣпки, и односторонность правителей не могла поколебать ихъ. Въ слѣдующей книгѣ Москвитянина мы познакомимъ читателей съ окончательными результатами Штенцелевыхъ изслѣдованій и съ книгою Бюлау ¹⁾.

¹⁾ Это обѣщаніе къ сожалѣнію осталось неисполненнымъ. *Ред.*

**РУКОВОДСТВО КЪ ПОЗНАНІЮ СРЕДНЕЙ ИСТОРИИ ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕНИХЪ ЗАВЕДЕНІЙ, СОЧИНЕННОЕ Г. СМАРАГДОВЫМЪ. С. ПЕТЕРБУРГЪ,
1841.**

При настоящемъ состояніи русской ученой литературы, въ особенности по предмету Всеобщей исторіи, критика не имѣетъ права произносить строгихъ приговоровъ. Въ основаніе своихъ сужденій она болѣею частію должна брать не чистое отношеніе книги къ наукѣ, а условное отношеніе къ потребностямъ читающей или, лучше сказать, учащейся публики. Весьма немногія сочиненія имѣютъ у насъ значеніе самостоятельныхъ явленій: большая часть суть только учебныя пособія.

«Руководство къ познанію Средней Исторіи» не есть книга ученая въ настоящемъ смыслѣ: въ ней нѣтъ ни новыхъ самостоятельныхъ изслѣдованій, ни даже результатовъ большой начитанности; но она заключаетъ въ себѣ главныя условія, требуемыя отъ учебника: довольно богатый запасъ фактическихъ свѣдѣній, отчетливое расположеніе частей, облегчающее обзоръ цѣлаго, и хорошее изложеніе, совершенно соотвѣтствующее назначенію книги. Авторъ положилъ въ основаніе своего труда извѣстное сочиненіе нѣмецкаго историка Лео: *Lehrbuch der Geschichte des Mittelalters*. Halle. 1830, и воспользовался сверхъ того вторымъ томомъ его же Всеобщей исторіи (*Lehrbuch der Universalgeschichte*. Halle. 1836), въ которомъ заключается исторія среднихъ вѣковъ, не столь подробная, но исправленная результатами изслѣдованій, сдѣланныхъ въ промежуткѣ 1830—1836 г. Г. Смарагдовъ очень удачно сократилъ и слилъ эти двѣ книги въ одно цѣлое. Тѣ части его учебника, гдѣ онъ отступилъ отъ Лео, наименѣе удалась ему. Во всякомъ случаѣ, исторія г. Смарагова гораздо выше

всего, что у нас сдѣлано въ этомъ родѣ, и даже несравненно лучше изданной имъ въ прошломъ году Древней исторіи.

Мы укажемъ теперь на нѣкоторые бросившіеся намъ въ глаза недостатки, которые легко можно исправить при второмъ изданіи.

Передъ каждою отдѣльною статьею г. Смарагдовъ приводитъ литературу принадлежащихъ къ ней источниковъ и учебныхъ пособій. До сихъ поръ у насъ этого не дѣлали, къ большому вреду учителей и учащихся. Изчисленіе литературныхъ пособій къ изученію предмета должно составлять необходимую принадлежность хорошаго учебника. Разумѣется, что при этомъ надобно имѣть въ виду не полноту указаній, а отчетливость въ выборѣ, сообразуясь съ практическою цѣлію книги. «Руководство къ познанію Средней Исторіи» писано для среднихъ учебныхъ заведеній. Учителямъ этихъ заведеній необходимо знать лучшія, новѣйшія книги по ихъ предметамъ; такое знаніе можетъ принести большую пользу даже ученикамъ. Г. Смарагдовъ понималъ эту потребность, но не удовлетворилъ ей. Лео, писавшій для учебныхъ заведеній Германіи, которыхъ средства гораздо богаче нашихъ, ограничился въ своей Средней исторіи (въ Древней совсѣмъ другое дѣло: между источниками Средней и Древней исторіи огромная разница во всѣхъ отношеніяхъ) изчисленіемъ однихъ новѣйшихъ, представляющихъ науку въ современномъ видѣ и притомъ доступныхъ всѣмъ книгъ. Последнее условіе очень важно. Къ чему приводитъ въ учебникѣ, назначенномъ для гимназій, книги, которыя находятся въ весьма немногихъ большихъ библіотекахъ и читаются только людьми, посвятившими себя исключительно частнымъ изслѣдованіямъ по своей наукѣ? Это роскошь, вовсе не идущая къ книгѣ, имѣющей практическую учебную цѣль. Г. Смарагдовъ своимъ примѣромъ доказываетъ справедливость этихъ замѣчаній: несмотря на всю добросовѣстность труда своего, онъ впадаетъ въ самыя странныя заблужденія почти всякой разъ, когда ему приходится говорить объ источникахъ. Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ. На стр. 46 приводятся источники исторіи Остѣ-Готовъ и между прочимъ сказано, что Юрнандово сочиненіе *de Gothorum origine et rebus gestis* дошло до насъ въ сокращеніи, сдѣланномъ Кассіодоромъ. Совсѣмъ наоборотъ: Юрнандъ въ предисловіи своемъ говоритъ, что онъ сдѣлалъ извлеченіе изъ 12 книгъ, написанныхъ Кассіодоромъ объ исторіи Остѣ-Готовъ. Далѣе на стр. 51 находится еще болѣе важная ошибка: рядомъ съ

Павломъ Варнефридомъ въ числѣ лѣтописцевъ лангобардскихъ являются два ученые 17 столѣтія, Камиллъ Перегринъ и Фр. Христіусъ, котораго диссертация о происхожденіи Лангобардовъ названа здѣсь источникомъ. На стр. 132 Дюшенъ названъ продолжателемъ Букетова сборника, хотя онъ издалъ свое собраніе лѣтописей французскихъ за сто лѣтъ до Букета. Эти погрѣшности, которыхъ можно было бы считать и болѣе, произошли очевидно отъ того, что г. Смарагдовъ незнакомъ самъ съ литературою источниковъ, не имѣя подъ рукою драгоценныхъ собраній, которыя онъ приводитъ. Вому и какую пользу можетъ принести подобное вычисленіе источниковъ? Не лучше ли было бы указать на нѣсколько главныхъ лѣтописцевъ, какъ напр. Григорія Турскаго, Проконія, Беду, Павла Діакона, Луитпранда, Ламберта Ашафенбургскаго и Саксона Грамматика, какъ на представителей современной имъ образованности, и выпустить это множество бесполезныхъ заглавій, въ особенности предъ Византійскою исторіей. Вообще отдѣлъ литературы самый слабый въ книгѣ г. Смарагдова. За исключеніемъ сочиненій, приведенныхъ у Лео, ему мало извѣстны труды современныхъ европейскихъ историковъ. Отсюда произошли нѣкоторые другіе недостатки его руководства.

Такимъ образомъ, еслибы автору были извѣстны сочиненія Ферд. Мюллера и Цейсса о племенахъ германскихъ, онъ навѣрно иначе написалъ бы § 11 своей книги: о первобытной исторіи Германцевъ. На какомъ основаніи онъ дѣлитъ Германцевъ на Кимровъ и Суевовъ, намъ неизвѣстно. До сихъ поръ Кимры (которыхъ надобно отличать отъ Кимбровъ) обыкновенно причислялись къ племени кельтическому. Если брать въ основаніе этимологическіе выходы, то старая, оставленная нынѣ гипотеза, Мозера, что Германцы раздѣлялись по образу жизни на осѣдлыхъ (Саксовъ отъ *Sassen*) и блуждающихъ (Суевовъ отъ *schweiffen*), все еще должна взять перевѣсъ надъ мнѣніемъ г. Смарагдова. Въ § 14 читаемъ: «община (германская) имѣла во время мира начальника, который носилъ титулъ графа и избирался изъ важнѣйшихъ семействъ». Это несправедливо: графы суть главные члены дружины, они спутники, *comites* (*gravo, grafio, gerofo, socius*, см. Iak. Гримма *Deutsche Rechtsalterthümer*, стр. 752) кунига. Должность и названіе графовъ перешли отъ Франковъ къ подчиненнымъ имъ племенамъ. Отъ этой ошибки могъ бы предостеречь автора руководитель его Лео, который очень справедливо говоритъ: «гдѣ графы или *comites*

являются во главѣ народа въ качествѣ вождей ополченія и — что съ этимъ связано — въ качествѣ предсѣдателей суда, тамъ древнее общинное устройство уступало мѣсто дружинному». Объ Аттилѣ повторяется, § 26, выдуманная позднѣйшими венгерскими писателями, которые почитаютъ его своимъ землякомъ, басня, что онъ называлъ себя мечемъ Божиимъ, о чемъ не говоритъ ни одинъ изъ современныхъ и даже послѣ него жившихъ лѣтописцевъ. Такъ же неосновательно извѣстіе, § 182, о происхожденіи турнировъ, будто бы введенныхъ въ Германію королемъ Генрихомъ 1-мъ. У всѣхъ воинственныхъ народовъ бывають военныя игры; такія были безспорно у Германцевъ еще при Каролингахъ, и вѣроятно ранѣе; но настоящіе рыцарскіе турниры вошли въ употребленіе прежде всего во Франціи, только въ 12 столѣтіи. Здѣсь Лео ввелъ г. Смарагдова въ заблужденіе; онъ повторилъ выдумку Рикснера, который въ 1530 издалъ книгу о турнирахъ, исполненную вздорныхъ извѣстій. Опроверженіе находится у Дюканжа *Glossarium mediae et infimae latinitatis s. v. torneamenta*. Мы обращаемъ вниманіе на эти подробности, потому что отъ учебной книги можно и должно преимущественно требовать точности и вѣрности свѣдѣній. Подобныхъ недосмотровъ много въ книгѣ г. Смарагдова; но мы оставимъ ихъ, въ надеждѣ, что второе изданіе явится очищенное и исправленное по новымъ пособіямъ, которыми такъ богата теперь наука.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе: авторъ совершенно правъ, говоря, что Исторія Среднихъ вѣковъ носитъ характеръ борьбы, что это періодъ броженія силъ молодой Европы; но едва ли кто изъ занимавшихся основательно Исторіею Среднихъ вѣковъ согласится со слѣдующими словами: «съ одной стороны, въ папствѣ духовныя силы стремятся овладѣть тогдашнимъ міромъ, съ другой физическія силы рыцарства и ленной монархіи шагъ за шагомъ защищаютъ свое господство». Въ этомъ противоположеніи рыцарство и ленная монархія являются какъ бы представителями неразумной, стихійной силы. Но въ основаніи рыцарства и имперіи въ Среднихъ Вѣкахъ лежали также духовныя начала. По этому только борьба императорской власти съ папскою, совершаяся въ одно и тоже время въ области теорій и въ области политической дѣйствительности, получила такое всемірно-историческое значеніе и такой величавый характеръ.

**ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МУЖИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ ВЪ ЭПОХУ ЕЯ ВОЗРОЖДЕНІЯ.
ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ ИВАНА БАБСТА. МОСКВА. 1851 ГОДА ¹⁾.**

Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ наша литература обогатилась нѣсколькими замѣчательными произведеніями, посвященными классической древности. Этотъ отдѣлъ науки, на который у насъ долго не обращали надлежащаго вниманія, вошелъ теперь окончательно въ кругъ самостоятельныхъ занятій русскихъ ученыхъ. Доказательствомъ можетъ служить монографія г. Леонтьева «о Поклоненіи Зевсу», изданные имъ же «Пропилеи», наконецъ книга г. Бабста «Государственные мужи древней Греціи въ эпоху ея распаденія». Нельзя, при этомъ случаѣ, не помянуть признательнымъ словомъ незабвеннаго, такъ рано отнятаго у насъ смертію, профессора Крюкова. Его кратковременная академическая дѣятельность должна служить благороднымъ образцомъ и поощреніемъ для каждаго русскаго преподавателя. Покойный Крюковъ не успѣлъ совершить задуманныхъ имъ трудовъ, хотя въ его бумагахъ остались значительные, теперь безплодные матеріалы, по которымъ можно судить только объ объемѣ и разнообразіи его изслѣдованій; но лекціи, читанныя имъ въ продолженіе немногихъ годовъ, въ Московскомъ Университетѣ, пали богатыми сѣменами на плодотворную почву. Цѣлый рядъ даровитыхъ, уже пріобрѣтшихъ собственную извѣстность, учениковъ свидѣтельствуетъ о силѣ рано отшедшаго учителя.

Предвидимъ неизбѣжный, столь часто въ наше время повторяемый вопросъ о настоящемъ значеніи и пользѣ науки древностей. Противники классическихъ литературъ нападаютъ на нихъ съ разныхъ сто-

¹⁾ Напечатано въ 28 № Московск. Вѣдомостей 1851 г.

ронъ. Одна говорятъ, что поле этихъ изслѣдованій до такой степени воздѣлано или лучше сказать истощено, что новымъ труженикамъ остается только безплодная переработка стараго, отвлекающая ихъ силы отъ занятій болѣе полезныхъ. Другіе, не ограничиваясь такимъ отрицательнымъ обвиненіемъ, идутъ далѣе и утверждаютъ, что изученіе греко-римской древности отрываетъ умъ отъ дѣйствительности и вноситъ въ него понятія, принадлежащія чуждому намъ, по своимъ направленіямъ, міру. Замѣтимъ, впрочемъ, что между порицателями классической древности, рѣдко встрѣчаются люди основательно съ нею знакомые и способные произнести самостоятельный приговоръ въ спорѣ, отъ котораго зависитъ образованіе будущихъ поколѣній. — Нѣтъ никакого сомнѣнія, что новый, христіанскій міръ отдѣленъ отъ языческаго огромнымъ разстояніемъ, которое измѣряется не одними вѣками. По ту сторону Евангелія остался быть естественнаго человѣка, носившаго въ себѣ самомъ источникъ неполнаго знанія и самонадѣянной силы. Созданные его воображеніемъ, призранные боги не могли ни спасти отъ разрушенія, ни пережить порядка вещей, ввѣрившаго имъ свое существованіе. Духовная жизнь и политическія формы Аѳинъ и Рима прошли невозвратно. Всякая попытка воскресить ихъ, была бы признакомъ историческаго безумія, которое можетъ овладѣвать лишь устарѣлыми, безсильными къ живому творчеству народами. Съ другой стороны, это замкнутое въ себѣ, вполне совершившееся время богато высокими и благородными назиданіями. Мы не считаемъ нужнымъ повторять здѣсь то, что уже много разъ было сказано о красотѣ античнаго искусства, наслажденіе которымъ само по себѣ можетъ быть достаточною цѣлью и оправданіемъ изученія древности. Умолчимъ также о наукѣ, которой представителями были Платонъ и Аристотель, неизчерпанные двадцатью двумя вѣками источники умозрительнаго вѣдѣнія. Проповѣдники иной высшей мудрости, отцы нашей Церкви, разрушая язычество, бережно вынимали изъ его развалинъ великія произведенія писателей, непросвѣщенныхъ христіанствомъ, но силою благородной мысли неослабно искавшихъ высшей истины. Не должно забывать, что мы обязаны Церкви сохраненіемъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ древнихъ литературъ. Почти такое же право имѣютъ на наше вниманіе политическія судьбы Греціи и Рима. Образованіе и упадокъ древнихъ гражданскихъ обществъ были не даромъ предметомъ постоянныхъ размышленій для

величайшихъ умовъ послѣдующихъ временъ. Они не искали въ прошломъ примѣровъ и формъ, неприменимыхъ къ настоящему, а напротивъ, укрѣпляли себя созерцаніемъ явленій, которыя раскрылись въ античномъ мірѣ, уже столь отдаленномъ, что онъ можетъ служить предметомъ совершенно спокойнаго изученія, свободнаго отъ всякихъ практическихъ увлеченій.

Г. Бабста избралъ предметомъ для своего прекраснаго разсужденія одну изъ самыхъ любопытныхъ эпохъ Греческой исторіи, именно время разложенія республиканскихъ формъ жизни и перехода къ монархіи. Предоставляя себѣ въ будущемъ болѣе подробный разборъ этой книги, мы желали бы предварительно обратить на трудъ г. Бабста вниманіе читателей Московскихъ вѣдомостей. Авторъ не довольствовался передачею собранныхъ имъ съ большимъ тщаніемъ и критикою свидѣтельствъ. Онъ согрѣлъ матеріалъ своимъ сочувствіемъ къ нему и живымъ изложеніемъ. Особенно хороши представленныя имъ характеристики государственныхъ мужей Греціи въ IV столѣтіи до Р. Х. Укажемъ для примѣра на страницы, посвященныя Ксенофону. Намъ не удавалось читать болѣе ясной и умной оцѣнки этого олимпоса-кондотьера. Дабы познакомить читателей съ способомъ изложенія г. Бабста, мы приведемъ его слова о Греческихъ наемникахъ.

«Наемники были необходимымъ слѣдствіемъ разложенія жизни греческой. Мы видѣли выше, какъ падали всѣ коренныя начала ея; изъ описанія внутренняго состоянія Аѣны и Спарты мы видѣли, какъ не было уже болѣе уваженія къ древнимъ обычаямъ; открыто надъ всѣмъ смѣялись, суды потеряли все значеніе, храмы не служили болѣе убѣжищемъ; отчизна потеряла для всѣхъ свою прелесть, потому что никто не считалъ себя безопаснымъ, и каждый боялся за свои убѣжденія; партіи преслѣдовали другъ друга съ ожесточеніемъ, и каждая побѣда сопровождалась изгнаніемъ или добровольнымъ удаленіемъ. Въмѣсто привязанности къ родинѣ видимъ мы озлобленіе и желаніе мести; одни скрывали свои капиталы, ибо опасались налоговъ; другіе бѣжали, потому что жить было нечѣмъ, и вотъ вся Греція наполнилась бѣглецами (δουδδες), которые, не видя ничего утѣшительнаго въ будущемъ, продавали свои услуги первому желающему. Имъ честнѣе казалось умереть съ мечемъ въ рукахъ, нежели гибнуть по наветамъ доносчиковъ. Таково происхожденіе греческихъ наемниковъ, — явленія, которому подобныя мы встрѣчаемъ не разъ въ ис-

торіи. Такъ образовались кондотьеры въ Италіи; то же самое было во время религіозныхъ войнъ въ періодъ реформаціи. Въ Греціи давно служили Аркадіане и Критяне наемниками, но это было вслѣдствіе географическаго положенія ихъ родины. Аркадіане были Швейцарцами древней Греціи. Гористое, бѣдное отечество заставляло ихъ съ раннихъ лѣтъ продавать свои услуги всѣмъ и каждому. Остальные государства Греціи не знали этого обыкновенія, и каждый Грекъ считалъ позорнымъ продавать свою кровь иноземцамъ, тѣмъ болѣе еще варварамъ. Во время войны пелопонезской, мы встрѣчаемъ уже наемниковъ, а въ послѣдніе ея годы этотъ обычай вполне укоренился. Ожесточеніе, съ которымъ боролись въ каждомъ почти городѣ враждебныя партіи, выслало много народу для пополненія рядовъ въ наемныхъ войскахъ; уже Фукидидъ говоритъ, что возвышеніе жалованья на одинъ оболъ можетъ переманить матросовъ на непріятельскій флотъ (Thucyd. 8, 45.). Какъ много было изгнанниковъ, видно изъ того, что Киръ младшій могъ легко набрать себѣ 13,000 греческихъ воиновъ. Въ полномъ разгарѣ являются наемники во время коринеской войны. «Съ этого времени», говоритъ Ксенофонтъ, «граждане составляютъ обыкновенно гарнизонъ, войну же ведутъ наемники (Xenoph. Hell. 4. 4.)». Кононъ нанялъ на персидское золото цѣлую толпу ихъ. Главнымъ сборнымъ мѣстомъ наемниковъ былъ въ это время Коринѣ (Ξενικόν ἐν Κορίνθῳ Schol. Aristoph. Plut. 173). Предводителями ихъ были Иеикратъ и Хабріи, создавшіе новую тактику, о которую сложилось старинное военное искусство греческое. Агезилай привелъ также наемниковъ изъ Азіи, которыми начальствовалъ Гериппидъ, и съ этого времени мы почти уже не видимъ войскъ изъ самихъ гражданъ, но всѣ войны ведутся наемниками, которыхъ можно было имѣть за весьма дешевую цѣну. «Гораздо болѣе воиновъ можно набрать, говоритъ Исократъ, между праздношатающимися, нежели между гражданами (Isocr. epist. 9)». «Наши предки, говоритъ онъ въ одной своей рѣчи (De pace, 16), собственной кровью освободили Грековъ; мы же не дерзаемъ сражаться для собственныхъ нашихъ выгодъ, а предоставляемъ все наемникамъ, готовымъ всякаго продать за деньги. Мы такъ ихъ высоко цѣнимъ, что не обращаемъ вниманія на жалобы, которыми ихъ осыпають, но напротивъ радуемся слыша объ нихъ что нибудь подобное; мы сами страдаемъ отъ бѣдности, а лишаемъ себя послѣдняго, чтобы заплатить наемникамъ;

этого не дѣлали не только предки наши мараэномахы, но даже и тѣ, которыхъ ненавидѣли наши союзники, потому что они все-таки сражались сами, мы же напротивъ и не думаемъ о битвахъ, а употребляемъ наемниковъ, какъ царь персидскій. Прежде брали въ гребцы чужестранцевъ и рабовъ, теперь же наоборотъ: аеинскій корабль пристаётъ къ берегу, чужестранцы идутъ съ оружіемъ на враговъ, а бывшіе владыки Гелленновъ сидятъ съ веслами въ рукахъ. Такъ жаловался Исократъ и всѣ лучшіе патріоты, но они не могли помочь горю. Наемники были такимъ же законнымъ явленіемъ, такимъ же результатомъ всей предыдущей жизни, какъ и многія другія черныя стороны описываемой нами эпохи. Когда старинный городской бытъ былъ подорванъ, то гражданину житья не было на родинѣ, и онъ шелъ искать на чужбинѣ добычи, а часто и хлѣба. Прежде бывало Греки, вытѣсняемые изъ родины политическими распрями или недостаткомъ, основывали на чужбинѣ колоніи, но теперь и этого не могло быть. Кому была радость запереться въ узкой городской жизни, когда личность высказывала столько новыхъ требованій? Передъ греческими наемниками открылась Азія со всѣми ея сокровищами, богатый Египетъ; ихъ вездѣ принимали радушно, ихъ ласкали ессалійскіе князья и великій царь персидскій. Не одно корыстолюбіе и желаніе добычи, не однѣ политическія невзгоды или притѣсненія были главными причинами, выславшими столько бойцевъ въ Азію: Греку нуженъ былъ наконецъ просторъ, а его онъ не находилъ на родинѣ, и шелъ попытать счастья на чужбинѣ.

«Наемниковъ обвиняютъ въ развратѣ, въ томъ, что они дерутся за свободу и противъ нея, за царя персидскаго и противъ него, что они ввели на родину чуждые дотолѣ пороки; все это справедливо, но какое же время разложенія старинныхъ формъ общественныхъ отличается строгою нравственностью? Толпы изгнанниковъ и наемниковъ доказали ясно, что время требуетъ иныхъ формъ, и служили лучшимъ протестомъ противъ старины. Много свѣжихъ силъ бродило въ Греціи, и онѣ были губительны для Греціи старой, но ихъ нужно было только направить на одно великое дѣло, и когда явилась такая личность, она доказала, что эти же самые наемники завоевали цѣлый Востокъ во имя греческой цивилизаціи. Александръ Македонскій многимъ обязанъ военачальникамъ, воспитаннымъ въ школѣ наемниковъ.

«Время наемниковъ — это эпоха въ исторіи военного искусства древняго міра, такъ же точно какъ 30-ти-лѣтняя война — эпоха въ военномъ дѣлѣ новаго времени. Наемники, подъ предводительствомъ Ификрата и другихъ знаменитыхъ вождей, были такъ отлично выучены и дисциплинированы, что могли въ случаѣ нужды драться безъ полководца. Примѣръ тому мы встрѣчаемъ у Ксенофонта. Послѣ вѣроломнаго умерщвленія полководцевъ, новые начальники выбираются изъ солдатъ. Кто приобрѣлъ себѣ извѣстность храбростью или силою, могъ всегда собрать легко подъ своимъ начальствомъ толпу удалцовъ, съ которыми отправлялся предлагать свои услуги первому желающему; а работы было вездѣ много. Кто достаточно нагребилъ, и въ состояніи былъ давать порядочное жалованье могъ всегда найти удалцовъ, готовыхъ идти съ нимъ на промыселъ. Ему стыдно только отправиться на мысъ Тенаронъ, гдѣ былъ знаменитый храмъ Посидона; тамъ всегда толпились праздные наемники, ожидавшіе прибыльнаго дѣла. Наборъ ихъ происходилъ часто очень страннымъ образомъ. Ксенофонтъ рассказываетъ, что въ числѣ 10,000 Грековъ былъ одинъ Оливеіецъ Эпистемъ, извѣстный своею храбростью воинъ. Онъ выбиралъ себѣ всегда самыхъ красивыхъ и самыхъ молодыхъ воиновъ, и во главѣ ихъ совершалъ чудеса храбрости (Anab. VII, 4.). Многіе изъ извѣстныхъ начальниковъ наемныхъ войскъ начинали свое поприще разбоями, такъ напр. Харидемъ, о которомъ будемъ говорить ниже. Вообще это сословіе не отличалось разборчивостью въ средствахъ добывать деньги. Главною цѣлью была добыча, а какъ она достается, до этого никому не было дѣла».

Такихъ мѣткихъ, объясняющихъ цѣлое историческое явленіе, мѣсть въ сочиненіи г. Бабста много. Но желаніе приблизить къ русскому читателю описываемыя событія и лица, заставляетъ автора иногда говорить языкомъ, по нашему мнѣнію, несовсѣмъ свойственнымъ содержанию его книги. Не измѣняя смысла событія, онъ въ разсказѣ своемъ употребляетъ иногда выраженія, какъ-то нейдущія къ греческому міру. Это, впрочемъ, единственный упрекъ, какой ему можно сдѣлать относительно формы, данной имъ своему замѣчательному труду. «Государственные мужи Греціи» обнаруживаютъ въ авторѣ рѣшительный историческій талантъ и даютъ намъ право поздравить русскую историческую литературу съ новымъ и даровитымъ дѣтелемъ.

**ИСТОРИЯ ВОЙНЫ РОССИИ СЪ ФРАНЦІЕЮ ВЪ ЦАРСТВОВАНІИ ИМПЕРАТОРА
ПАВЛА I-ГО ВЪ 1799 ГОДУ. СОСТАВЛЕНА ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОКАЗАНІЮ
ГОСУДАРЯ НИКОЛАЯ I-ГО. ПЯТЬ ТОМОВЪ. СОЧИНЕНІИ ПОЛКОВНИКА МИ-
ЛЮТИНА. СПБ. 1853 ¹⁾.**

Большей части Русскихъ читателей, вѣроятно, уже давно извѣстны первые три тома «Исторіи войны Россіи съ Франціею въ царство вавіе Императора Павла I-го». Вышедшими недавно IV и V томами достойнымъ образомъ заключается превосходный трудъ полковника Милютина. Его книга принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя необходимы каждому образованному Русскому, и займетъ, безъ сомнѣнія, весьма почетное мѣсто въ обще-европейской исторической литературѣ.

Въ ожиданіи подробнаго, уже приготовленнаго для Московскихъ Вѣдомостей отчета, мы поздравляемъ нашу публику съ важнымъ приобрѣтеніемъ и считаемъ не излишнимъ познать ее въ бѣгломъ обзорѣ съ содержаніемъ двухъ послѣднихъ томовъ книги г. Милютина. При этомъ мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ объ ея значеніи для новѣйшей исторіи вообще.

Дѣйствія русскихъ войскъ, отправленныхъ въ 1799 году Императоромъ Павломъ I-мъ противъ Франціи, составляютъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ эпизодовъ въ исторіи войнъ, вызванныхъ французскою революціею. Театромъ этихъ дѣйствій были Италія, Швейцарія и Голландія. Успѣхъ не вездѣ увѣнчалъ предпріятія русскихъ полководцевъ, но славы намъ досталось довольно. Отвѣтственность за неудачи должна большею частію пасть на тогдашнихъ союзниковъ Россіи, которыхъ своекорыстная политика, оплошность и нерѣшительность положили преждевременный конецъ подвигамъ Русскихъ ар-

¹⁾ Напечатано въ 61 № Московск. Вѣдомостей 1853 г.

мій. Несмотря на важность этихъ событій, въ нашей литературѣ не было до сихъ поръ ни одного удовлетворительнаго сочиненія о войнѣ 1799 года. Исторія руссiйско-австрiйской кампанiи, изданная въ 1825 году С. С. Фуксомъ, содержитъ въ себѣ только поверхностный обзоръ дѣйствiй Суворова, съ весьма любопытными, но не всегда точно переведенными съ оригиналовъ, и вообще небрежно напечатанными приложенiями. Авторъ, который, какъ извѣстно, находился во все продолженiе кампанiи при особѣ Суворова, завѣдывавъ его походною канцелярiею и велъ всю официальную переписку, былъ очевидно не въ состоянiи воспользоваться выгодами своего положенiя. Многочисленные сочиненiя, вышедшiя за границею о кампанiяхъ 1799 года, не могутъ, несмотря на относительныя достоинства свои и даже желанiе нѣкоторыхъ писателей представить безпристрастную оцѣнку событiй, удовлетворить требованiямъ исторической истины, потому что они составлены на основанiи одностороннихъ источниковъ, безъ всякаго знанiя обильныхъ матеріаловъ, хранящихся въ Россiи. Читатели найдутъ обстоятельное подтвержденiе нашихъ словъ въ краткомъ, но весьма отчетливо и добросовѣстно составленномъ указателѣ источниковъ и событiй, которыми пользовался г. Милютинъ для своей книги. Указатель этотъ приложенъ къ IV-му тому и самъ по себѣ заслуживаетъ благодарность всѣхъ занимающихся новѣйшею исторiею Европы. Изъ этого приложенiя не трудно составить себѣ понятiе объ отношенiи г. Милютина къ его предшественникамъ.

«Исторія войны Россiи съ Францiею» есть трудъ въ полномъ смыслѣ слова самостоятельный и оригинальный. Автору хорошо извѣстно все, что было писано до него объ его предметѣ, но онъ заимствуетъ свѣдѣнiя не изъ вторыхъ рукъ, а непосредственно изъ официальныхъ актовъ и другихъ памятниковъ, большею частiю еще не изданныхъ и хранящихся въ государственныхъ архивахъ и у частныхъ лицъ. Можно смѣло сказать, что книга, о которой здѣсь идетъ рѣчь, представляетъ въ первый разъ полное и правдивое изложенiе какъ военныхъ событiй, такъ и дипломатическихъ сношенiй, происходившихъ въ 1799 году. Приведенные полковникомъ Милютинымъ дипломатическіе акты и документы другаго рода проливаютъ яркiй и для большинства западныхъ историковъ, можетъ быть, неожиданный свѣтъ на дѣйствiя союза, образовавшагося противъ Францiи въ предпоследнiй годъ XVIII-го столѣтiя. Высокое пріемудрiе Императора Павла, ры-

царское безкорыстіе, съ какимъ онъ принялъ участіе въ борьбѣ, представляють странную противоположность съ образомъ дѣйствій другихъ союзниковъ. Въ 1799 году республиканской Франціи грозила несравненно болѣе большая опасность, чѣмъ въ 1792. Суворовъ не походилъ на герцога Брауншвейгскаго. Читатели узнають изъ книги г. Милютина обстоятельства, остановившія побѣдное шествіе великаго полководца и не позволившія ему прибавить къ длинному ряду прежнихъ подвиговъ новые, еще болѣе громкіе и уже зрѣло обдуманые и приготовленные къ исполненію.

Г. Милютинъ пользовался сокровищами открытыхъ ему по волѣ Госудѣря Императора государственныхъ архивовъ не только какъ трудолюбивый и добросовѣстный собиратель, но какъ истинный историкъ, умѣющій извлекать изъ массы разнородныхъ матеріаловъ ихъ внутренній смыслъ и сущность. Приложенія къ «Исторіи войны Россіи съ Франціею», занимающія цѣлую половину книги, составляютъ сами по себѣ драгоценный подарокъ исторіи, но, повторяемъ, не въ этомъ одномъ заключается заслуга г. Милютина. Его собственное изложеніе событій отличается необыкновенною ясностію и спокойствіемъ взгляда, не отуманеннаго никакими предубѣжденіями, и тою благородною простотою, которая, по нашему мнѣнію, составляетъ необходимую принадлежность всякаго значительнаго историческаго творенія. Намъ рѣдко случалось читать книгу, въ такой степени поучительную и увлекательную, а между тѣмъ авторъ очевидно не заботился о сообщеніи своей книгѣ того рода занимательности, котораго болѣе всего требуетъ публика, читающая историческія сочиненія. Онъ оставилъ въ сторонѣ анекдотическую часть, столь рѣзко выдающуюся впередъ въ жизни Суворова, сдѣлавшагося еще при жизни героемъ преданій, ходившихъ не только въ простомъ народѣ, но и въ высшихъ классахъ русскаго и всего европейскаго общества. За то немногія характеристическія черты, мастерски вставленныя полковникомъ Милютинымъ въ его рассказъ, тѣмъ сильнѣе поражаютъ читателя.

Четвертый томъ «Исторіи войны Россіи съ Франціею» содержитъ въ себѣ изложеніе военныхъ дѣйствій нашихъ въ Швейцаріи и оканчивается рѣшительнымъ разрывомъ между австрійскимъ и русскимъ дворами. Каждому изъ насъ случалось слышать рассказы стариковъ и читать отдѣльные эпизоды изъ чудеснаго похода, совершеннаго въ Швейцаріи русскими войсками, по выходѣ ихъ изъ Италіи. Въ самой Швей-

царіи, подвиги нашихъ соотечественниковъ оставили неизгладимое впечатлѣніе въ памяти жителей. Непривычные къ горной природѣ солдаты взбирались въ виду смѣлаго и предприимчиваго непріятеля на вершины Альповъ по тропинкамъ, пробитымъ только одними охотниками. Мы не можемъ не привести нѣсколькихъ страницъ, заимствованныхъ нами изъ главы 58-й, носящей названіе: «С. Готардъ»:

«Со стороны Италіи позиція на С. Готардъ была почти недоступна: только узкая тропинка, едва проходимая для вьюковъ, извиристо поднималась отъ Айроло по крутому свѣсу горы; нѣсколько разъ пересѣкая горные потоки Соречія и Тремола, она спускалась въ глубокія и тѣсныя ихъ ложбины и снова взбиралась на гору. Трудный этотъ путь становился даже весьма опаснымъ во время грозы и бури, или въ зимнія вьюги; нерѣдко одиночные путники погибали отъ стужи и утомленія, прежде чѣмъ достигали вершины горы. Здѣсь, на высотѣ 6800 футовъ надъ уровнемъ океана, находился страннопріимный домъ—Госписъ (Nospice, Ospizio), въ которомъ жили нѣсколько капуциновъ: эти благочестивые отшельники давали убѣжище утомленнымъ путникамъ, подавали помощь погибавшимъ, приносили полузамерзшихъ въ обитель и, отогрѣвая ихъ, многимъ несчастнымъ спасали жизнь. Таковъ былъ путь, по которому Суворовъ велъ въ Швейцарію свою малочисленную армію... Обходное движеніе князя Багратіона и Барановскаго къ верховьямъ рѣчки Соречія заставило республиканцевъ начать отступленіе. Однакожъ они держались еще шагъ за шагомъ, останавливались на выгодныхъ позиціяхъ и наконецъ поднялись на самую вершину горы. Здѣсь предстояло русскимъ войскамъ одолѣть самое упорное сопротивленіе непріятеля и самыя ужасныя преграды мѣстности. Бригада Гюдена, уже подкрѣпленная ближайшими войсками Луазона, заняла сильную позицію впереди Госписа. Какъ ни была недоступна эта позиція съ фронта, однакожъ войска Фёрстера и Швейковскаго отважно пошли на приступъ. Французы встрѣтили ихъ убійственнымъ огнемъ: укрываясь за утесами и каменьями, республиканцы цѣлили какъ изъ бойницъ. Первый приступъ былъ отбитъ съ сильнымъ потеремъ; но войска русскія ничего не считали невозможнымъ; одушевленные присутствіемъ Суворова и Великаго Князя Константина Павловича, они снова взбираются на скалы, уже облитыя кровью. И снова отбиты. Потери были еще сильнѣе прежняго: уже до 1200 человекъ выбыло изъ строя. Однакожъ упрямый Суворовъ оставался непреклоннымъ и рѣшился во

что бы ни стало выбить непріятеля изъ сильной позиціи. Видя упорное сопротивленіе Французовъ на С. Готардѣ, фельдмаршалъ опасался за колонну Розенберга, о которой не имѣлъ еще никакихъ извѣстій. Время было дорого: день уже приближался къ вечеру, а князь Багратионъ все еще взбирался на крутыя ребра С. Готарда. Солдаты наши, непривычные къ горамъ, съ неимовѣрными усиліями карабкались со скалы на скалу, то подсаживая другъ друга то упираясь штыками. Даже и привычные охотники швейцарскіе никогда не ступали на эти недосигаемыя выси. Войска были утомлены до крайности, гора казалась имъ безконечною; вершина ея какъ будто безпрестанно все росла передъ ихъ глазами. По временамъ облака, обхвативъ всю колонну густымъ туманомъ, совсѣмъ скрывали ее изъ виду. Было уже 4 часа пополудни, когда Суворовъ въ третій разъ повелъ атаку на С. Готардъ. Въ то же время и князь Багратионъ появился наконецъ на снѣжной вершинѣ, противъ лѣваго фланга непріятеля. Французы, не ждавшіе никакаго нападенія съ той стороны, покинули немедленно свою позицію и начали поспѣшно отступать къ деревнѣ Госпиталь. Русскіе заняли С. Готардъ. Утомленные до изнеможенія войска стягивались мало по малу на вершину горы. Между тѣмъ самъ фельдмаршалъ подъѣхалъ къ Госпису. Здѣсь, у входа въ обитель, встрѣтила его капуцины. Настоятель (пріоръ), 70-лѣтній старикъ, бѣлый какъ лунь, пригласилъ полководца войти въ комнату, гдѣ приготовленъ былъ скромный завтракъ. «Нѣтъ святой отецъ»,—сказалъ ему Суворовъ,—«какъ ни голодны мы, но прежде всего должны помолиться Богу; отслужите намъ молебенъ, а за тѣмъ и въ трапезу.... Усердно молился русскій полководецъ на вершинѣ С. Готарда. Послѣ молебствія вошелъ онъ въ домъ съ нѣсколькими изъ своихъ приближенныхъ; капуцины угощали русскихъ картофелемъ и горохомъ. Суворовъ былъ веселъ, разговаривалъ съ настоятелемъ на разныхъ языкахъ; хвалилъ христіанскіе подвиги отшельниковъ и благодарилъ ихъ за гостепріимство. Образованный монахъ дивился разнообразнымъ знаніямъ и начитанности русскаго генерала. Они разстались весьма довольные другъ другомъ: Суворовъ, напутствуемый благословеніями капуциновъ, отправился къ войскамъ».

Слѣдующая 59-я глава содержитъ въ себѣ описаніе дѣйствій Суворова отъ перехода русскихъ войскъ чрезъ Урнерское подземелье и атаки Чертова моста до вступленія ихъ въ Муттенскую долину. Нигдѣ и никогда, быть можетъ, не обнаружались геній и отвага без-

смертнаго полководца, какъ въ эти два дня (15-го и 16-го сентября), при сопряженномъ съ трудностями всякаго рода переходѣ отъ Альторфа до Муттена, на разстояніи всего 16 верстъ. Но подъятыя труды и устраненныя препятствія не привели Суворова къ задуманной цѣли. Несчастное Цюрихское дѣло разстроило всѣ его планы. Въ сочиненіи г. Милютина дѣло это изложено со всѣми его печальными, но не безславными для насъ подробностями. Результаты извѣстны. Послѣ пораженія Корсакова подъ Цюрихомъ и тѣхъ поступковъ, которыми австрійское правительство вызвало справедливое недовѣріе и негодованіе Императора Павла, Суворову нельзя и не за чѣмъ было долѣе оставаться въ Швейцаріи.

«Хотя цѣль похода, говорить г. Милютинъ, и не была достигнута, хотя союзники принуждены покинуть всю Швейцарію, однакоже неудачная эта кампанія принесла Русскому войску болѣе чести, чѣмъ самая блистательная побѣда. Нѣсколько тысячъ Русскихъ, заброшенныхъ въ самую недоступную часть Альповъ, въ продолженіе 16-ти дней боролись непрерывно со всѣми препятствіями суровой природы, переносили тяжкія лишенія, голодъ, непогоду, и несмотря на изнуреніе, геройски дрались вездѣ, гдѣ только встрѣчались съ непріателемъ. Чрезвычайныя затрудненія, свойственныя вообще горной странѣ, особенно въ позднее время года, должны были бы казаться неодолимыми для русскаго солдата, привыкшаго къ простору родимыхъ равнинъ, къ раздолью необозримыхъ степей. Однакоже грозные великаны Альповъ, съ своими снѣжными вершинами, съ отвѣсными ребрами, съ мрачными ущельями, нисколько не испугали нашихъ войскъ. Снѣго проходили они съ артиллерією и выюгами тамъ, гдѣ ступали до нихъ только привычные охотники. Въ одномъ мѣстѣ на пути русской арміи попалась надпись на скалѣ: «Здѣсь прошлеъ пустынный».... Сколько разъ случалось русскимъ войскамъ взбираться на снѣговые хребты! Сколько разъ, дрожа отъ стужи, перебирались они въ бродъ, выше колѣна въ водѣ, чрезъ быстрые горные потоки. Промоченные до костей страшнымъ ливнемъ, они вдругъ были застигаемы снѣгомъ, вьюгой, метелью; мокрая одежда покрывалась ледяною корой. Съ трудомъ добравшіеся наконецъ до вершины горъ, солдаты ночевали на снѣгу или на голыхъ скалахъ и не имѣли ни одного прута, чтобы отогрѣть остоженѣлые члены. По нѣскольку дней оставаясь безъ провіанта, братски дѣлились они между собою

ничтожными крохами, которые находили въ ранцахъ убитыхъ Французовъ, и даже приносили добродушно начальникамъ часть добычи своей. Офицеры и генералы сами были не въ лучшемъ положеніи: лишившись своихъ въюговъ, они не имѣли ни пищи, ни обуви, ни теплой одежды; солдаты кое-какъ на ночлегахъ чинили своимъ офицерамъ остатки сапоговъ. При самомъ бѣдственномъ положеніи русскихъ войскъ, никогда не слышалось ни ропота, ни жалобъ. Не весело было на душѣ; подъ часъ ворчали солдаты на погоду, на горы, на голодъ, но унынія не знали; не заботились вовсе о томъ, что окружены непріателемъ, не боялись нисколько встрѣчи съ Французами. Напротивъ того, Русскіе только и желали скорѣе сразиться съ противникомъ, чтобы выдти наконецъ изъ тяжкаго положенія. Въ успѣхѣ боя никто не сомнѣвался, несмотря на всю несоразмѣрность въ силахъ, несмотря на всѣ преимущества на сторонѣ непріателя. Французы имѣли въ горной войнѣ гораздо болѣе навыка и сноровки, чѣмъ Русскіе; умѣли искусно пользоваться мѣстностію; стрѣляли мѣтко; имѣли хорошую артиллерію. За то Русскіе брали отвагою и штыками; вездѣ, гдѣ только могли, бросались прямо въ рукопашную схватку, и на голодный желудокъ, молодецки расправлялись съ противникомъ. Самъ Суворовъ переносилъ съ изумительною твердостію всѣ труды физическіе и страданія нравственныя. То подъ дождемъ проливнымъ, то въ мятель и въюгу, 70-лѣтній полководецъ ѣхалъ бодро на казачей лошади, въ обыкновенной своей легкой одеждѣ. Можно представить себѣ, какъ должно было тревожить фельдмаршала опасное положеніе его арміи. По свидѣтельству нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ его, были минуты, когда онъ даже отчаявался спасти свое войско; однакожъ и тутъ сохранилъ всю свою слау душевную и твердую рѣшимость спасти по крайней мѣрѣ честь русскаго оружія. — «Не дамъ костей своихъ врагамъ», — говорилъ онъ: — «умру здѣсь, и пусть на могилѣ моей будетъ надпись: Суворовъ, жертва измѣны, но не трусости».... Передъ войсками фельдмаршалъ старался неизмѣнно сохранять наружность спокойную. Въ числѣ весьма извѣстныхъ анекдотовъ о Суворовѣ, рассказываютъ, будто бы въ Муттенской долинѣ, находясь совершенно въ безвыходномъ положеніи, полководецъ нашъ, чтобы скрыть тревожное состояніе души своей, велѣлъ подать шкатулку, въ которой всегда возилъ съ собою всѣ свои ордена и другіе знаки монаршихъ милостей; медлен-

но раскладывалъ передъ собою всё эти украшенія, любовался ими и приговаривалъ: «вотъ это за Очаковъ! это за Прагу!»... и такъ далѣе. Однажды на походѣ, когда колонна съ необыкновенными трудами пробиралась по недоступнымъ горамъ, солдаты, въ присутствіи самого Суворова, начали было ворчать: «Старикъ нашъ выжилъ изъ ума; Богъ вѣсть куда завелъ насъ!»... Слыша это собственными ушами, фельдмаршалъ обратился къ своей свитѣ и громко сказалъ: «Какъ они хвалятъ меня! Помилуй Богъ! такъ точно они хвалили въ Турчинѣ и Польшѣ». Въ другой разъ, также на походѣ, замѣтивъ, что солдаты выбились изъ силъ и начинали унывать, Суворовъ во всю силу затянулъ пѣсню: «Что дѣвушкѣ сдѣлалось? что красной случилось?....» Общій хохотъ раздался въ колоннѣ, и солдаты ободрились. На ночлегахъ и привалахъ Суворовъ иногда подходилъ къ солдатскому кружку, вѣшивался въ разговоры, по обыкновенію шутилъ, смѣшилъ разными поговорами. Появленіе стараго вождя еще имѣло дивное вліяніе на войско. Суворовъ умѣлъ оживить его въ обстоятельствахъ самыхъ безотрадныхъ. Указывая впереди высокія горы или неприступную позицію непріятельскую, фельдмаршалъ только твердилъ о побѣдѣ, о славѣ, о милости царской; по прежнему называлъ солдатъ: «чудо-богатыри», «чада Павловы», — и по прежнему отвѣчали ему восторженные клики: «рады стараться, отецъ нашъ! веди, всюду пойдемъ за тобою!»...

Остальная часть IV тома посвящена послѣднимъ дѣйствіямъ русскихъ войскъ на театрѣ войны и удаленію Суворова съ этого театра. Главное мѣсто въ этомъ отдѣлѣ занимаютъ сношенія Россіи съ другими членами образовавшагося противъ Франціи союза. Читатели найдутъ здѣсь чрезвычайно много новаго и въ высокой степени занимательнаго. Мы укажемъ для примѣра на сардинскія дѣла, въ которыхъ такъ рѣзко обнаружилась съ одной стороны великодушная политика Императора Павла, съ другой — корыстные виды тогдашняго австрійскаго правительства.

Въ V томѣ разсказана несчастная участь англо-русской экспедиціи въ Голландію, гдѣ Германа постигла та же судьба, какую Корсаковъ испыталъ въ Швейцаріи. И въ этомъ случаѣ мы въ правѣ сказать, не навлекая на себя упрека въ патріотическомъ пристрастіи, что виною неудачи были отчасти слишкомъ медленные дѣйствія нашихъ союзниковъ. Исторія этого похода, сколько намъ извѣстно, въ первый

разъ является на русскомъ языкѣ. Авторъ «Исторіи войны Россіи съ Франціею» представляетъ самый ясный и отчетливый выводъ изъ сочиненій иностранныхъ писателей, свѣренныхъ и дополненныхъ имъ при пособіи богатыхъ и еще неизданныхъ матеріаловъ, которыми онъ располагалъ. Неудачная экспедиція не осталась однако безъ выгодъ для Англичанъ, которые овладѣли значительною частію батавскаго флота. Черезъ это они въ сущности достигли своей главной цѣли. Всѣ невыгоды и главный уронъ понесли Русскіе. Изъ 17,000 человекъ, отправленныхъ изъ Ревеля въ августѣ 1799 года, къ январю 1800 осталось на лицѣ только 10,539 человекъ, въ томъ числѣ 3,308 больныхъ. Весьма любопытенъ, по новости подробностей и ясному взгляду на цѣлое, рассказъ о послѣднихъ дѣйствіяхъ Австрійцевъ противъ Французовъ въ Италіи, и объ участіи, какое принимали въ этихъ дѣйствіяхъ русскія войска, находившіяся на эскадрѣ армірала Ушакова. Особеннаго вниманія заслуживаетъ глава, въ которой рассказана осада Анконы. Едвали гдѣ раскрылись такъ явно непріязненные намъ виды нашихъ союзниковъ. За тѣмъ слѣдуетъ основанное на официальныхъ актахъ изложеніе политическаго состоянія Европы въ промежутокъ отъ конца кампаніи 1799 г. до восстановленія общаго мира въ 1801 году. Послѣдніе дни Суворова и его кончина описаны въ особой главѣ.

Къ сочиненію г. Милютина приложены многочисленные планы и карты, необходимыя не для однихъ только военныхъ читателей. Изъ бѣлаго очерка, нами представленнаго, читатели могутъ составить себѣ понятіе о богатствѣ содержанія двухъ послѣднихъ томовъ сочиненія, которое, по всей вѣроятности, не замедлитъ обратить на себя вниманіе ученыхъ западной Европы. Автору можно спокойно ждать ихъ приговора, ибо онъ является передъ ними съ трудомъ новымъ и оригинальнымъ, значительно раздвигающимъ кругъ нашихъ знаній о великихъ событіяхъ, происходившихъ въ Европѣ въ концѣ прошлаго вѣка. Исправляя ошибочныя мнѣнія, пущенныя въ ходъ иностранными писателями, вслѣдствіе явнаго недоброжелательства къ Россіи или по невѣдѣнію, полковникъ Милютинъ сохраняетъ вездѣ высокое безпристрастіе, воздающее по заслугамъ и врагамъ и союзникамъ. Книга его можетъ вызвать возраженія, но никто не станетъ у ней оспаривать значенія первокласнаго историческаго труда.

ПИСЬМО ИЗЪ МОСКВЫ ¹⁾.

Въ «Московскомъ Сборникѣ» 1847 года напечатана статья г. Хомякова «О возможности Русской художественной школы». Оставляя другимъ разборъ самой статьи, замѣчательной именемъ автора и странностію, не впервые впрочемъ, высказанныхъ мнѣній, я считаю нужнымъ, обратить вниманіе читателей только на выноску, находящуюся на стр. 327—28. Дѣло идетъ о критикѣ изданнаго покойнымъ Валуевымъ «Сборника историческихъ и статистическихъ свѣдѣній», напечатанной въ іюльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» прошлаго года. Можетъ быть, нѣкоторые изъ читателей еще памятно содержаніе этой статьи, которой нельзя не отнести къ числу замѣчательныхъ явленій нашей журнальной литературы. Прекрасныя особенности изложенія и взгляда даютъ право узнать въ безыменномъ рецензентѣ молодого ученаго, уже извѣстнаго дѣльными изслѣдованіями по исторіи русскаго права и древней Руси вообще. Но критика «Отечественныхъ Записокъ» не понравилась г. Хомякову. Приводитъ его приговоръ вполне: «Этотъ рецензентъ, повидимому, очень добродушно увѣряетъ меня, что Гунны не могли подвинуть Бургундовъ на западъ, потому что Бургунды жили давно уже на Рейнѣ. Ему неизвестно, что въ началѣ V вѣка часть Бургундовъ жила еще на верховьяхъ Дуная у Римскаго вала, и что отдѣленіе Бургундовъ прибалтійскихъ было увлечено общимъ движеніемъ племенъ даже въ Гиппанию. Ему также, повидимому, совсѣмъ неизвѣстны критическіе

¹⁾ Помѣщено въ Отечеств. Запискахъ 1847 года.

«труды Нѣмцевъ объ сагахъ и старыхъ пѣсняхъ Германіи. Тамъ могъ бы онъ сколько-нибудь узнать про отношенія Гунновъ къ Бургундамъ. Рецензентъ увѣрять публику, что я подшучиваю надъ немъ, говоря о развратѣ Франковъ: видно, онъ много читалъ писателей IV и V столѣтій. Что сказать о такой учености? мой деревенскій сосѣдъ называетъ ее первокласной въ такомъ смыслѣ, что она годна только для 1-го класса Гимназій, а и такіе рецензенты ратуютъ за просвѣщеніе на западный ладъ! Впрочемъ, можетъ быть, г. критикъ пожелаетъ когда-нибудь узнать что-нибудь о тѣхъ вещахъ, о которыхъ онъ писалъ, ничего объ нихъ не зная: напримѣръ, что-нибудь объ исторіи Бургундовъ, о томъ какъ они сражались съ Гепидами на нижнемъ Дунаѣ, какъ бѣжали на западъ и поселились около верховьевъ Майна, гдѣ жили при Валентиніанѣ; какъ потомъ въ началѣ VI вѣка (!!!) подались на самые берега Рейна влѣдъ за народами, бѣгущими отъ Гунновъ (Аланами, Свевами, Вандалами); какъ потомъ были на берегахъ Рейна разбиты Гуннами и потерявъ царя своего Гундихара, бѣжали подъ предводительствомъ новаго царя Гундіаха (отца Гундебальдова) на юго-западъ, прося убѣжища и покровительства у Римлянъ, и др. На этотъ случай я могу рекомендовать ему на память (такъ какъ книгъ при мнѣ нѣтъ) Тюрка: Розыски въ области исторіи, тетрадь 2; Цейсса: Нѣмцы, и Миллера: Нѣмецкія племена и ихъ князья. Со временемъ можно будетъ дойти и до древнихъ памятниковъ, западныхъ или византійскихъ. Полагая, что я такимъ образомъ уже получилъ нѣкоторыя права на благодарность моего рецензента, осмѣливаюсь прибавить маленькій совѣтъ. Если онъ когда-нибудь вздумаетъ опять на меня нападать, ему выгоднѣе будетъ стрѣлять въ меня изъ непроходимой чащи пустыхъ словъ и теорій, чѣмъ отваживаться на открытое поле историческихъ фактовъ».

Можно позволить себѣ надежду, что въ будущей наукѣ, которую намъ общаетъ г. Хомяковъ, критика будетъ говорить съ большимъ смиреніемъ и съ меньшею заносчивостью. Гордость порокъ западный... Но обратимся къ содержанію и рассмотримъ порознь обвиненія г. Хомякова.

Во первыхъ, Бургунды, въ которыхъ принимаетъ такое теплое участіе авторъ статьи «О возможности Русской художественной школы», жили въ началѣ V вѣка не на Дунаѣ, а на Майнѣ, откуда еще въ исходѣ III вѣка они дѣлали набѣги на Галлію (см. Панегирикъ Ма-

мертина императору Максиміану, 1. 5). Во второй половинѣ IV-го столѣтія, здѣсь имѣли съ ними дѣло Юліанъ и Валентиніанъ I-й, что извѣстно и г. Хомякову (см. Амміана Марцелина 18, 2; 28, 5). Въ 412 году они заняли Майнцъ, а въ слѣдующемъ году часть Прирейнской Галліи (см. Хронику Проспера Аквитанскаго ad а. 413: *Burgundiones partem Galliae propinquantem Rheno obtinuerunt*). То же самое и почти тѣми же словами въ лѣтописи Кассіодора подъ тѣмъ же годомъ. Но гдѣ свидѣтельство о части Бургундовъ, жившей будто бы на Дунаѣ? Гдѣ вычиталъ г. Хомяковъ, что отдѣленіе прибалтійскихъ Бургундовъ было увлечено даже въ Испанію? Орозій говорить, конечно, о Стиликонѣ, что онъ: *Alanorum, Suevorum, Vandalorum (gentes) ipsoque simul motu impulsorum Burgundionum... suscitavit* (7. 38). Но дѣло идетъ очевидно о тѣхъ Бургундахъ, которые давно жили у Римскаго-вала и при этомъ случаѣ принуждены были податься передъ массою племенъ, шедшихъ на западъ. Какъ ни великъ авторитетъ г. Хомякова, мы осмѣлимся ему противопоставить тѣхъ самыхъ писателей, на которыхъ онъ такъ гордо указалъ своему противнику (см. Цейса, стр. 468 и Ферд. Мюллера, т. I, стр. 339—40). Они говорятъ совсѣмъ не то, что г. Хомяковъ. Тюрка у меня нѣтъ, но по ссылкамъ на него у Мюллера можно заключать, что и онъ не надежный союзникъ нашему ученому. Къ нѣмецкимъ изслѣдованіямъ прибавимъ славянское свидѣтельство Шафарика, которому, кажется, можно повѣрить. Вотъ его слова: «Съ этого времени (съ 277 года) имя Бургундовъ не упоминается ни на Одерѣ, ни на Дунаѣ, но тѣмъ чаще встрѣчаемъ его у Некара, а съ 407 года въ Галліи. Откуда же они пришли къ Аллеманамъ, а потомъ въ Галлію, прямо ли изъ древнихъ жилищъ своихъ на Вартѣ, или съ Дуная — это загадка, которой рѣшеніе я предоставляю другимъ». (Slow. Starozitnosti, стр. 341). Г. Хомяковъ смѣялся Шафарика: подобно древнему Эдипу, онъ рѣшаетъ всѣ загадки. Но извѣстно ли ему, что многіе ученые сомнѣваются даже въ тожествѣ сѣверныхъ и южныхъ Бургундовъ?...

Обвиненіе рецензента «Отеч. Записокъ» въ незнаніи критическихъ трудовъ о сагахъ и пѣсняхъ нѣмецкихъ едвали у мѣста. Здѣсь можетъ быть рѣчь только о циклѣ Нибелунговъ. Но вопросъ объ отношеніи этихъ пѣсней къ исторіи, объ ихъ историческомъ содержаніи, не рѣшенъ величайшими учеными Германіи. Ссылаюсь на *Deutsche Heldensage* Вильгельма Гримма, въ особенности на стр. 13 и 70, по-

томъ на труды Лахмана. Впрочемъ, жаль что г. Хомяковъ не заглянулъ самъ въ пѣсни Нибелунговъ. Онъ нашелъ бы въ самомъ началѣ, т. е. въ первомъ стихѣ 6-й строфы, что бургундскіе куниги жили: *Ze Wormse bi dem Rine*, т. е. въ Вормсѣ на Рейнѣ. Предоставляя рецензенту «Отеч. Записокъ» лично отстаивать свое дѣло, не могу, однако, не замѣтить, что, даже при такомъ глубокомъ знаніи исторіи Бургундіи, какое обнаружилъ г. Хомяковъ, рецензентъ имѣлъ бы полное право не говорить о томъ, какъ Бургунды сражались съ Гепидами, потому что у него была въ виду не исторія этого племени, а разборъ семи страницъ написанныхъ *de rebus omnibus et quibusdam aliis* (обо всемъ, да еще кое-о-чемъ): Да и что сказать о войнахъ Гепидовъ съ Бургундами, когда единственное свидѣтельство объ этомъ находится у Иорнанда (гл. 47) и состоитъ только изъ слѣдующихъ словъ: «*Gepidarum rex Fastida... Burgundiones paene usque ad internecionem delevit*». Можно подумать, что ученый авторъ не читалъ или забылъ эти мѣста! Далѣе, онъ сообщаетъ читателямъ, что Бургунды въ началѣ VI вѣка явились на Рейнѣ съ другими народами, бѣжавшими отъ Гунновъ, что потомъ были сами разбиты Гуннами и ушли на юго-западъ, прося убѣжища у Римлянъ. Здѣсь странно смѣшаны и годы, или, лучше сказать, столѣтія, и факты. Мы уже видѣли, когда именно Бургунды перешли за Рейнъ; въ 435—36 они потерпѣли сильное пораженіе отъ римскаго полководца Аэція, котораго войско преимущественно состояло изъ наемныхъ Гунновъ, а въ 443 году получили отъ императора земли, лежащія на западномъ склонѣ Альповъ. *Sabandia Burgundionum reliquiis datur...* (Tironis Chronic. ad an. 443. Ср. Цейса стр. 470). Эти мѣста остались за ними и послѣ роковаго для нихъ нашествія Аттілы, до самаго конца политическаго существованія Бургундскаго государства, слѣдовательно, они не бѣжали на юго-западъ. Въ эпоху разложенія имперіи, они присвоили себѣ силой Римскую Долину. Теперь предложимъ иной вопросъ: какъ могли Гунны разбить Бургундовъ въ VI вѣкѣ, когда съ половины V-го, т. е. по смерти Аттілы и междоусобій его сыновей, нѣтъ болѣе Гуннскаго царства? — На кого же падеть упрекъ въ незнаніи? Кому слѣдуетъ учиться? Здѣсь дѣло идетъ уже не о византійскихъ или западныхъ источникахъ, которые г. Хомяковъ общаетъ со временемъ показать своему критику, а о тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя можно почерпнуть изъ книгъ покойнаго профессора Кайданова...

Во вторыхъ, писатели IV и V столѣтій не много сообщили бы рецензенту «Отеч. Записокъ» извѣстій о развратѣ Франковъ, за который такъ упорно держится г. Хомяковъ. Эти писатели весьма бѣдны свѣдѣніями о внутреннемъ бытѣ франкскаго племени. Григорій Турскій, Прокопій, другіе важные источники въ этомъ отношеніи — всё принадлежать къ VI вѣку... Трудно, впрочемъ, понять такое озлобленіе противъ цѣлыхъ племенъ. Найдется ли хотя одинъ народъ, который въ продолженіе своего историческаго существованія былъ постоянно нравственъ или пороченъ? У каждого есть свой характеръ, своя духовная особенность, которая никогда не стѣсняется, но развратъ народный есть всегда слѣдствіе данныхъ временныхъ обстоятельствъ, переходящихъ вліяній, и потому самъ бываетъ переходящимъ явленіемъ, не болѣе.

Зачѣмъ же было подымать такой громкій вѣсчъ? Къ чему было пугать робкихъ своею силою на открытомъ полѣ историческихъ фактовъ? Это поле скользкое, и какъ ни вѣрнопъ на ногахъ авторъ статьи «Московского Сборника», онъ можетъ оступиться.

У г. Хомякова есть безусловные противники. Согласиться съ ними невозможно. Его обширной образованности, его многостороннимъ дарованіемъ нельзя отказать въ признаніи. Но, являясь органомъ новаго мнѣнія въ обществѣ, новой школы въ наукѣ, осуждая такъ строго ограниченность западной мысли и поверхностность согласившихся съ нею въ Россіи; онъ долженъ былъ поддержать достоинство своихъ убѣжденій уваженіемъ къ истинѣ и добросовѣстностью трудовъ. Русской, да и всякой другой публикѣ мало дѣла до Бургундовъ; она никого не обязываетъ говорить ей объ ихъ исторіи, но никому не даетъ права себя морочить. Вопросъ этотъ касается собственно до однихъ ученыхъ въ узкомъ смыслѣ слова; онъ требуетъ мелкихъ розысканій, справокъ и т. д. — а г. Хомяковъ перенесъ его въ сферу легкой литературы! Вмѣсто дѣльныхъ опроверженій, онъ бросилъ въ своего рецензента нѣсколько колкостей, подаривъ ихъ, по ученой привычкѣ, ссылками на три книги, которыхъ, по собственнымъ словамъ, у него не было подъ рукою, да на деревенскаго сосѣда, своеобразно раздѣляющаго ученость на классы. Неужели новая наука, во имя которой говоритъ г. Хомяковъ и другіе, раздѣляющіе его образъ мыслей, останется при такихъ начаткахъ? Общанія ея мы слышали давно, такъ давно, что они перестали для насъ быть надеждами и пре-

вратились въ воспоминанія. Гдѣ жь исполненія? гдѣ великіе, на почвѣ исключительной національности совершенные труды, предъ которыми могли бы сознать свое заблужденіе люди, такъ же глубоко любящіе Россію, слѣдовательно, дорожащіе самостоятельностью русской мысли, но не ставящіе ее во враждебную противоположность съ общечеловѣческою и не приписывающіе ей особенныхъ законовъ развитія? Изъ всѣхъ свойствъ молодости, новая наука обнаружила, преимущественно чрезъ г. Хомякова, одну только самонадѣянность. Во всѣхъ остальныхъ она дѣйствуетъ осторожно, довольствуется общими формулами, неохотно вдается въ опасность частныхъ розысканій и рѣдко выходитъ на открытое поле историческихъ фактовъ, на которыхъ, до сихъ поръ — употребимъ выраженіе Великаго Петра, — она «въ авантажѣ не обрѣталась».

Москва.

25 марта, 1847.

ВОЗРАЖЕНІЕ НА СТАТЬЮ Г. ГРАНОВСКАГО ¹⁾.

Въ статьѣ, служащей введеніемъ къ Сборнику Историческихъ и Статистическихъ Свѣдѣній, изданному покойнымъ Валуевымъ, я назвалъ Бургундовъ въ числѣ народовъ, брошенныхъ на Западъ великою бурею гуннскаго нашествія. Безъименный критикъ въ Отечественныхъ Запискахъ объявилъ съ добродушною насмѣшкою, что я ошибся, потому-де, что Бургунды уже жили издавна (значить до гуннской эпохи) на берегахъ Рейна. Такое странное возраженіе заставило меня оподозрѣть критика въ совершенномъ незнаніи дѣла, о которомъ онъ писалъ. Теперь въ Отечественныхъ Запискахъ явилось письмо, подписанное г-мъ Грановскимъ съ доказательствами въ пользу моего критика, и я прибавилъ бы, противъ меня, да нельзя потому, что онъ дѣйствительно противъ моего короткаго разсказа объ исторіи Бургундовъ не сказалъ ни полслова.

Первый и главный вопросъ: было ли движеніе Бургундовъ изъ Германіи въ область, получившую отъ нихъ свое имя, слѣдствіемъ гуннскаго нашествія? Отвѣтъ будетъ ясенъ изъ всего хода происшествій тогдашняго времени.

Я сказалъ, что Бургунды (также какъ Аланы, Вандалы, Готы и проч.) были отодвинуты на Западъ натискомъ Гунновъ. Сказалъ ли г-нъ Грановскій противное? Нѣтъ: онъ, кажется, этого и не думаетъ. Миллеръ, съ которымъ онъ справлялся, говоритъ ясно объ ихъ по-

¹⁾ Для полнаго уясненія положенія, начатой въ предыдущей статьѣ, здѣсь помѣщается, съ согласія почтеннаго А. С. Хомякова, оба его возраженія Т. Н. Грановскому. *Ред.*

слѣднемъ переселеніи: «Die neuen durch die Hunnen veranlassten Völkerbewegungen führten die Burgunder ihrer spätern Heimath zu». Ни одинъ добросовѣстный ученый въ Германіи не сомнѣвается въ этой истинѣ, и дѣйствительно, утверждать независимость бургундскаго переселенія отъ гуннскаго натиска было бы также разумно, какъ считать походъ баварскаго корпуса въ Россію въ 1812 году независимымъ отъ похода Наполеонова. За то г-нъ Грановскій и не говоритъ этого! онъ просто ведетъ малую войну безъ всякой цѣли.

Онъ замѣтилъ, напримѣръ, что у меня нашествіе Гунновъ на Галлію помѣщено въ VI вѣкѣ, а оно было въ V-мъ. Въ этомъ онъ правъ. Онъ еще замѣтилъ, что Бургунды жили на нижнемъ Дунаѣ не въ V-мъ вѣкѣ, какъ у меня напечатано, а въ III-мъ: ибо въ IV-мъ они уже жили на верховьяхъ Майна, куда Валентиніанъ посылалъ къ нимъ пословъ, что и я сказалъ въ примѣчаніи своемъ. Кажется, уже изъ моихъ словъ можно было догадаться, что въ означенія столѣтій вкралась опечатка, потому что трудно вообразить, чтобы я сказалъ: «Бургунды бѣжали въ V вѣкѣ съ низовьевъ Дуная къ верховьямъ Майна, гдѣ и жили при Валентиніанѣ въ IV-мъ». Также нѣсколько трудно повѣрить, чтобы я дѣйствительно полагалъ нашествіе Гунновъ на Галлію въ VI вѣкѣ. Вѣроятно, въ книгахъ, которыя дали мнѣ имена царей и подробности объ исторіи сравнительно незначительнаго племени Бургундовъ, были и кое-какія хронологическія показанія. Съ своей стороны я могу сказать, что еслибы мнѣ встрѣтились такія двѣ ошибки въ статьѣ г-на Грановскаго, я догадался бы, что это опечатки. А кто знаетъ? если бы я взялся защищать неправо дѣло, и я бы впалъ, можетъ быть, въ искушеніе. Человѣкъ слабъ ¹⁾. Впрочемъ, будь это ошибки или опечатки, такъ какъ онѣ нисколько не измѣняютъ отношеній Бургундовъ къ Гуннамъ, можно ихъ оставить въ сторонѣ и перейти къ другимъ нападеніямъ г-на Грановскаго. По случаю войны Гепидовъ съ Бургундами на Дунаѣ, онъ говоритъ, что единственное свидѣтельство объ ней находится въ Иорнандѣ: онъ могъ бы прибавить, что это свидѣтельство подтверждается словами древнѣйшаго свидѣтеля и современника, Мамертина: Gothi

¹⁾ Въ Московскомъ же Сборникѣ, въ статьѣ г-на Рогожина, сказано: что Славяне извѣстны Исторіи въ теченіе 150 вѣковъ (вмѣсто 15-ти). Прошу г-да критиковъ обратить вниманіе на такую страшную ошибку.

Burgundias penitus exscindunt, гдѣ общее имя Готеевъ замѣняетъ частное имя Гепидовъ; да что жъ изъ этого? менѣ ли вѣренъ былъ бы мой рассказъ, еслибъ Юрнандъ былъ единственнымъ свидѣтелемъ? — Еще замѣчаетъ г-нъ Грановскій, что я напрасно привожу Нибелунги, потому что въ нихъ обозначено уже житіе Бургундовъ на Рейнѣ. Правда; но изъ этого слѣдуетъ ли, чтобы въ нихъ не было упомянуто объ ударѣ, который былъ нанесенъ Гуннами и отбросилъ Бургундовъ съ береговъ среднего Рейна на юго-западъ? А въ этомъ все дѣло. Къ тому жъ я прибавлю, что, кромѣ Нибелунговъ, были мѣстныя преданія о гибели Бургундовъ въ Вормсѣ и отдѣльныя саги (наковы: Вольсунга сага или Валькина сага и другія), принадлежащія къ циклу Нибелунговъ, но не входящія въ составъ поэмы. Эти саги собраны и отчасти разобраны учеными Нѣмцами, и слѣд. я имѣлъ право упомянуть объ нихъ отдѣльно отъ самой пѣсни Нибелунговъ ¹⁾. Наконецъ г-нъ Грановскій упоминаетъ еще о сомнѣніи нашего Шаффарика, на счетъ пути, по которому Бургунды пришли на верховья Майна съ береговъ Балтики, и о томъ, что есть даже ученые Нѣмцы, которые сомнѣваются въ тождествѣ сѣверныхъ и южныхъ Бургундовъ, что совсѣмъ къ дѣлу не идетъ, и только.

Постараемся рассмотреть вкратцѣ исторію Бургундовъ, и тогда дѣло будетъ пояснѣе.

Въ 1-мъ вѣкѣ по Р. Х. является имя Бургундовъ на сѣверовостокѣ Германіи, рядомъ съ именами племенъ готескихъ и отчасти свевскихъ. Оно, очевидно, принадлежало семьѣ или дружинѣ довольно значительной: ибо оставило слѣды до нашего времени (островъ Борнгольмъ). Въ III вѣкѣ уже помина объ немъ нѣтъ на сѣверѣ, но за то оно является на берегахъ Чернаго моря и при низовьяхъ Дуная ²⁾. Само по себѣ, такое перемѣщеніе имени указывало бы съ большею вѣроятностію на перемѣщеніе самой дружины или, покрайней мѣрѣ, значительной части этой дружины; но вѣроятность обращается въ доказа-

¹⁾ Замѣчательно, что изъ нихъ нѣкоторые были извѣстны изстари въ Новгородѣ: объ Дитрихѣ Верискомѣ упоминается въ Новгородской лѣтописи. Не знаю, было ли это до сихъ поръ замѣчено.

²⁾ Многие писатели даютъ нѣтъ настоящее имя ихъ. Зосимъ называетъ ихъ Уругундами, очевидно томе, что Бургунды. Это, кромѣ вѣроятности внѣшней, подтверждается тѣмъ внутреннимъ доказательствомъ, что о Бургундахъ упоминается кавъ о готскихъ, слѣд. издавна приморскихъ жителяхъ.

тельство неоспоримое тѣмъ обстоятельствомъ, что имя Бургундовъ подвигается на юго-западъ не одно, а вмѣстѣ съ именами почти всѣхъ племенъ прибалтійскихъ, или сѣверовосточной Германіи, т. е. Ванда-ловъ, Готевъ и Свевовъ. Для разумной критики историческій фактъ переселенія не подлежитъ сомнѣнію. Бургунды въ эту эпоху повинуются общему закону движенія свево-готескихъ семей на востокъ и юговостокъ. Во 2-й половинѣ 3-го вѣка (около 270 г.), вслѣдствіе одного изъ тѣхъ междоусобій, которыми волновалась вся эта масса завоевательныхъ дружинъ, Бургунды, на голову разбитые Гепидами, исчезаютъ съ низовьевъ Дуная и являются (около 275 годовъ) на верховьяхъ Майна, въ сосѣдствѣ Аллемановъ. Внѣшними доказательствами тождества при-майнскихъ Бургундовъ съ при-эвксинскими (тѣми же при-балтійскими) служатъ: 1) тождество имени, 2) синхронизмъ исчезанія этого имени въ одной мѣстности и появленія его въ другой и 3) неоспоримое свидѣтельство Мамертина, сказавшаго: Готы уничтожаютъ Бургундовъ; за Бургундовъ вступаются Алеманны (*Rugum pro victis argmantur Alamanni*). Къ внѣшнимъ доказательствамъ, которыя сами по себѣ неоспоримы, присоединяется внутреннее: сродство нравовъ и обычаевъ между Готами и исторически извѣстными Бургундами. Это сродство, непримиримое съ предположеніемъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ о туземности Бургундовъ въ примайнской области, признано всѣми истинно добросовѣстными критиками, и можетъ быть еще доказано двумя обстоятельствами, слышкомъ мало замѣченными: 1-е то, что истинный цингъ Нибелунговъ принадлежитъ вполне свево-готескимъ семьямъ и нисколько не принимаетъ въ себя иноплеменныхъ (напр. Алеманновъ, или Франковъ, или Саксовъ), а въ немъ главное мѣсто занимаютъ Бургунды; 2-е обстоятельство то, что Бургунды (по свидѣтельству Григорія Турскаго и другихъ) отчасти приняли аrianство, принесенное Готами съ востока: — это явленіе, непонятное въ Западной Европѣ, объясняется только племеннымъ сродствомъ по одному изъ законовъ здоровой критики, прекрасно изложенному нашимъ покойнымъ Венелинымъ. Итакъ тождество придунайскихъ и примайнскихъ Бургундовъ есть опять фактъ несомнѣнный. Былъ ли сверхъ того новый приливъ остатковъ бургундской дружины съ береговъ Одера и Варты, на это нѣтъ достаточнаго указанія: приняли ли Бургунды въ себя примѣсь туземную, т. е. романизированныхъ Германцевъ примайнскихъ — это

болѣе чѣмъ вѣроятно не только по сказаніямъ современниковъ, но и по промышленному и ремесленному характеру, отличавшему Бургундовъ въ первое время ихъ жительства въ Галліи. Впрочемъ, это дѣло постороннее ¹⁾. Болѣе ста лѣтъ жили Бургунды на верховьяхъ Майна, занимаясь хлѣбопашествомъ, ссорясь иногда съ сосѣдями, но не порываясь пробиться ни черезъ римскую границу на югъ, ни черезъ сплошное населеніе Франковъ и Алеманновъ на западъ. Такъ проходитъ все 4-е столѣтіе. Между тѣмъ море гуннскаго царства разливается все шире и шире на востокъ Европы, гоня передъ собою или поглащая Германцевъ. Бѣглые Германцы, лишенные жилищъ и рабовъ (которые имъ были едва ли не нужнѣе самихъ жилищъ), сперва просятъ униженно убѣжища въ Имперіи, потомъ идутъ на нее войною. Двѣ ужасныя бури готовятся на Римъ: одна — бѣглые Вестготы, подъ предводительствомъ Алариха; другая — смѣсь разныхъ бѣглецовъ: Вандаловъ, Свевовъ, Алановъ (не германскихъ) и множество другихъ подъ начальствомъ Радагайса. Все это очевидно въ прямой зависимости отъ Гунновъ. Около того же времени переходятъ Бургунды на Рейнъ. Былъ ли этотъ переходъ независимъ отъ перемѣнъ въ восточной Европѣ? Должно замѣтить, что немедленно послѣ гуннской эпохи, верховья Майна и области на сѣверъ и на югъ отъ нихъ представляются уже жилищемъ Тюринговъ, подручников гуннскихъ въ Тюрингін, Словянъ-союзниковъ и несомнѣнно братьевъ Гунновъ на Редницѣ (см. Миллера, Нѣмецкія племена, томъ I. стр. 401 и 402), а на югѣ покорныхъ Гуннамъ Свевовъ и вскорѣ потомъ Байеровъ, въ которыхъ еще недавно Нейманъ призналъ при-днѣпровскихъ Баньровъ, также гуннскихъ подручниковъ. Въ этомъ переселеніи ясно видна причина бѣгства Бургундовъ на западъ къ Рейну; но положимъ,

¹⁾ Имѣя наметку, эта эпоха исторіи Бургундовъ и отношенія ихъ къ Алеманнамъ объясняются слѣдующимъ образомъ: Алеманны, завоевавъ часть Ретін и области, принадлежавшія въ Римскому вѣку, приняли въ себя сильную примѣсь Рѣмлянъ и романизированныхъ Германцевъ и Ретійцевъ (оттого множество латинскихъ именъ у этого дикаго народа). Когда же Алеманны дали убѣжище Бургундамъ, бѣгущимъ отъ Гепидовъ, полу-римская стихія отдѣлилась отъ савръныхъ Алеманновъ и присоединилась къ болѣе кроткимъ Готамъ-бургундамъ. При такомъ предположеніи понятны усиленіе Бургундовъ, раздоры ихъ съ Алеманнами, не-готическая и даже не-германская примѣсь въ племена готескомъ; напр. имя предковъ Силистимъ, котораго корень не похожъ на тевтонскій, и едва ли не въ сродствѣ съ словомъ *Senis* или *Senex*, и *Гендимосъ*, король, которое также едва ли германское слово, и многое другое. Впрочемъ, это только догадка, которую считаю вѣроятною.

что одинъ изъ моихъ критиковъ не зналъ этого, а другой не замѣтилъ. Какой же былъ поводъ къ переселенію Бургундовъ на западъ отъ верховьевъ Майна къ среднему Рейну? Буря бѣглецовъ, собравшихся въ Германіи подъ предводительствомъ Радагайса, готова была обрушиться на Италію. Стиликонъ призвалъ на помощь Гунновъ: они явились съ князькомъ своимъ Ульдиномъ. Радагайсъ погибъ, и его сподвижники, уже разъ выгнанные Гуннами изъ родины, и ими же отогнанные отъ Италіи, побѣжали искать жилищъ на западъ за Рейномъ. Они-то (Свевы, Вандалы, Аланы и друг.) увлекли съ собою Бургундовъ; они-то пробали не безъ великихъ успѣй франко-алеманнскую преграду, непреодолимую для Бургундовъ, и привели невольныхъ переселенцевъ (около 412 г.) на берега Рейна и устья Майна. Итакъ, Бургунды удалялись вмѣстѣ съ народами, бѣгущими отъ Гунновъ, а мѣсто ихъ занимали подручники и союзники Гунновъ. Было ли это переселеніе Бургундовъ на западъ независимо отъ Гунновъ? Кажется, тутъ сомнѣніе невозможно. Посмотримъ далѣе. Бургунды поселились на среднемъ Рейнѣ, по обѣимъ берегамъ его и около устьевъ Майна (см. Миллера, т. I, стр. 340). Оттуда въ 435 году пытались они прорваться въ сѣверовосточную Галлію, но были разбиты на голову Аэціемъ и его наемными Гуннами; потомъ часть ихъ попросила жилищъ у Римлянъ и была принята въ видѣ данниковъ въ при-альпійскую Сабодію (теперешнюю Савою: у г на Грановскаго, по опечаткѣ, Сабандіа), но масса народа оставалась на Рейнѣ и Майнѣ и дождалась Аттілы. Гроза германскаго міра налетѣла на нихъ въ 450 или 51 году и сокрушила ихъ силу. Съ тѣхъ поръ нѣтъ уже ихъ на устьяхъ Майна, ни на среднемъ Рейнѣ: они уже живутъ въ долинѣ Роны, какъ подручники Рима, и даже до береговъ Луары (около Нивернума). Бѣжали ли Бургунды на юго-западъ отъ Гунновъ? просили ли они убѣжища у Римлянъ, къ которымъ они поступили въ подручники? или все это движеніе на западъ, отъ верховьевъ Майна до Роны и Луары, было дѣйствіемъ собственнаго желанія? Дѣло слишкомъ ясно не только для меня и для читателей, но даже и для моихъ критиковъ. Первый мой критикъ далъ промахъ: въ этомъ промахѣ можно было предположить или незнаніе, или недобросовѣстную придиру. Я предположилъ незнаніе по тону его статьи: онъ не похожъ на тотъ тонъ, которымъ ученые говорятъ о другихъ людяхъ, добросовѣстно трудящихся для науки.

Перейдемъ къ другому вопросу. Въ своей статьѣ я называлъ Франковъ развратнымъ племенемъ. Критикъ Отеч. Записокъ объявлялъ это шуткой надъ публикой. Въ томъ же примѣчаніи, въ которомъ я указалъ на его незнаніе исторіи Бургундовъ, я прибавилъ, что ему виднѣно неизвѣстны свидѣтельства о Франкахъ писателей 4-го и 5-го вѣка. И за это нападаетъ на меня г-нъ Грановскій. «Объ этомъ развратѣ едвали что-нибудь можно найти въ писателяхъ того времени», говоритъ онъ. Я съ своей стороны ему скажу, что едвали онъ найдетъ хоть одного писателя, на котораго не могъ бы я сослаться. Франковъ, когда не говорятъ собственно объ ихъ мужествахъ и не называютъ *«graves cetegoz truces»* или *«omnium in bello ferocissimi»*, что можно считать за похвалу, постоянно называютъ *«gens mendax et dolosum»*, или *«gens perfidissima»*, или *«gens perjura»* (въ Панегирикѣ Анонима Константину), *«fallax Francia»* (Клавдіанъ, Пан. Гонорію) или *«gens infidelis»*, *«homines mendaces»* (Сальвианъ). Объ нихъ говоритъ тотъ же Сальвианъ: «Какъ попрекнешь ты Франка въ клятвенно-преступленіи, когда ему оно кажется не видомъ преступленія, а только оборотомъ рѣчи». Объ нихъ Вопискъ: «Франки его (т. е. Бонова) призвали, Франки же и предали; ибо у нихъ обычай давать обѣщаніе, потому нарушать обѣщаніе, а потому смѣяться надъ нимъ». Объ нихъ же другіе современники, которыхъ у меня теперь подъ рукою нѣтъ: «Франкъ любитъ давать клятву, потому что находитъ наслажденіе въ ея нарушеніи», или хваля ихъ гостепріимство, такъ же какъ Сальвианъ: «Франки гостепріимны, хотя никакой другою человѣческой добродѣтели не имѣютъ». Не явные ли это свидѣтельства въ глубочайшемъ нравственномъ развратѣ народа? Я бы могъ привести еще десятки другихъ цитатъ, но убѣжденъ, что г-нъ Грановскій знаетъ ихъ не хуже моего, и не хочу, чтобы читатели мои усомнились въ этомъ убѣжденіи. Нельзя сказать, чтобы тутъ выразилась особенная вражда римскихъ писателей; ибо Имперія страдала отъ многихъ народовъ болѣе, чѣмъ отъ Франковъ (напр. отъ Готевъ, Вандаловъ или Гунновъ), а ихъ хвалятъ, и не рѣдко. Довольно только вспомнить, какъ часто встрѣчаются похвалы честности и правдолюбію страшнѣйшимъ бичамъ Имперіи — Гуннамъ, Аварамъ и Славянамъ. Нельзя также сказать, чтобы выраженія о Франкахъ были пустыми фразами риторовъ. Ужасы эпохи меровеяской, извѣстные всѣмъ, и о которыхъ Миллеръ (т. 2, стр. 9) говоритъ, что едва ли имъ найдутся подобные

въ исторіи человѣческой, доказываютъ слишкомъ явно справедливость приведенной мною характеристики. Мнѣ кажется, лучше и полезнѣе было бы отыскать причину историческаго факта (что я и постарался сдѣлать въ статьѣ, поднявшей споръ, хотѣ г-ну Грановскому и не угодно было обратить на это вниманіе), чѣмъ опровергать неоспоримую истину и даже украшать это бесполезное опроверженіе красивыми фразами, общими мѣстами дурнопонятаго гуманизма, которыя не помѣшаютъ исторіи признать развращеннымъ народъ развращенный, точно такъ же, какъ географъ называетъ людоедами народъ, который ѣстъ человѣческое мясо.

Итакъ, кажется, я могу сказать безъ самоувѣренности и безъ гордости, что поле факта историческаго осталось за мною, или, по словамъ г-на Грановскаго, за новою наукою; но между нами я могу также сказать со всевозможнымъ смиреніемъ, что эта новая наука очень похожа на старую, только нѣсколько забытую своими защитниками.

Впрочемъ, такъ какъ я всегда готовъ отдавать справедливость г-ну Грановскому, я считаю себя въ правѣ прибавить, что его статья (за исключеніемъ содержанія, а отчасти и направленія) все-таки служитъ украшеніемъ Отечеству. Записокъ. Онъ замѣчаетъ очень справедливо дѣйствительныя опечатки въ хронологіи, и очень искусно нападаетъ на нихъ, какъ на ошибки, въ чемъ я готовъ ему уступить; онъ шутитъ очень остроумно надъ равнодушіемъ публики къ спорному вопросу, надъ новою наукою, которая, разумѣется, не равнодушна ни къ какому вопросу; надъ тѣмъ, что эта наука, по извѣстному слову «обуѣдается не въ авантажъ», хотѣ, разумѣется, не на сей разъ и проч. и проч. Вся статья можетъ быть прочтена съ удовольствіемъ.

ОТВѢТЪ Г-НУ ХОМЯКОВУ ¹⁾.

Въ письмѣ изъ Москвы, помѣщенномъ мною въ послѣдней книжкѣ Отечествен. Записокъ, сказано между прочимъ, что г. Хомяковъ напрасно переноситъ въ область легкой литературы вопросы, исключительно принадлежащіе наукѣ. Прочитавъ въ 86 № Московскаго Городскаго Листка отвѣтъ на мою статью, я готовъ взять назадъ сдѣланный мною упрекъ. Я понимаю теперь, что исторія бургундскаго племени, такъ, какъ ее рассказываетъ г. Хомяковъ, не принадлежитъ наукѣ. Споръ собственно конченъ. Я позволю себѣ только нѣсколько необходимыхъ примѣчаній.

Начну изъясненіемъ признательности г. Хомякову за его благосклонный отзывъ о 3-хъ страницахъ, помѣщенныхъ мною въ Отечествен. Запискахъ. Онъ говоритъ, что несмотря на недостатокъ содержанія и направленія, онѣ служатъ украшеніемъ Журналу, и что вообще могутъ быть прочтены съ удовольствіемъ. Прошу у читателей снисхожденія къ самолюбію, заставившему меня перепечатать эти строки. Я не могу не гордиться похвалою, даже умѣренной, изъ устъ столь знаменитаго ученаго. Прибавлю безъ лести, что статьи г. Хомякова доставляютъ также удовольствіе и, можетъ быть, еще большее его противникамъ, чѣмъ его друзьямъ.

Г. Хомяковъ находитъ, что я не сказалъ ни полслова противъ его короткаго разсказа объ исторіи Бургундовъ. Въ-такомъ случаѣ не для чего было писать возраженія, можно было довольствоваться молчимъ невольнымъ согласіемъ. Затѣмъ слѣдуютъ: взглядъ на причины переселенія народовъ, очеркъ исторіи Бургундовъ, и новыя доказательства разврата Франковъ.

¹⁾ Помѣщенъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1847 г.

Есть факты, которыхъ въ наше время никто не станетъ ни защищать, ни оспаривать: до такой степени они всѣмъ извѣстны, всѣмъ признаны. Къ такимъ принадлежитъ переселеніе народовъ и появленіе Гунновъ, бывшее ближайшею причиною этого великаго движенія. Рецензентъ «Сборника историческихъ и статистическихъ свѣдѣній» замѣтилъ г. Хомякову, что въ числѣ племенъ, выгнанныхъ монгольскими пришельцами изъ прежнихъ жилищъ въ восточной Европѣ, не могли быть Бургунды, съ которыми Гунны сошлись впервые на Рейнѣ. Г. Хомяковъ обвинилъ его въ невѣствѣ, на томъ основаніи, что Бургунды были вытѣснены съ верховьевъ Майна, уходившими отъ Гунновъ германскими дружинами. Но въ Исторіи болѣе чѣмъ гдѣ либо надобно различать причины прямыя отъ косвенныхъ, иначе можно придти къ страннымъ заключеніямъ. Объяснюсь примѣромъ. Реформѣ Петра Великаго, пересадившей на русскую почву европейскую науку, обязаны мы, между прочимъ, удовольствіемъ читать такія статьи, какова «о возможности Русской художественной школы». Но едва ли кому придется въ голову вѣнчать эту статью въ непосредственную заслугу самому Петру. Она есть конечно блестящій, но не предвидѣнный преобразователемъ результатъ его подвига. *Suus cuique*. Далѣе г. Хомяковъ говоритъ обо мнѣ: «Онъ замѣтилъ, что Бургунды жили на нижнемъ Дунаѣ не въ началѣ V-го вѣка, какъ у меня напечатано, а въ III-мъ, ибо въ IV они уже жили на верховьяхъ Майна, куда Валентиніанъ посылалъ къ нимъ пословъ, что я и сказалъ въ примѣчаніи своемъ. Кажется уже изъ словъ моихъ можно было догадаться, что въ означеніи столѣтій вкралась опечатка... Иной, прочитавъ эти строки, могъ бы подумать, что ученый авторъ не знаетъ содержанія статей, подписанныхъ его именемъ, потому что въ приведенномъ имъ мѣстѣ рѣчь идетъ не о нижнемъ, а о верхнемъ Дунаѣ: «Рецензентъ (От. Зап.) увѣряетъ меня, что Гунны не могли подвинуть Бургундовъ на западъ, потому де, что Бургунды жили давно уже на Рейнѣ. Ему неизвѣстно, что въ началѣ V-го вѣка часть Бургундовъ жила еще на верховьяхъ Дуная, у Римскаго вала». (Моск. Сборн. стр. 327). — Не придется ли корректору Моск. Гор. Листка испытать участь своего собрата по Сборнику и принять на себя отвѣтственность за эту опечатку? «Трудно повѣрить, продолжаетъ мой противникъ, чтобы я дѣйствительно полагалъ нашествіе Гунновъ въ Галлію въ VI вѣкѣ». Не совсѣмъ трудно тому, кто сколько-нибудь зна-

комъ съ историческимъ методомъ и точностію указаній г. Хомякова. Впрочемъ, допуская опечатку въ цифрѣ, можно предложить вопросъ: въ началѣ какого столѣтія жили Бургунды у верховьевъ Дуная? Въ началѣ III ихъ еще не было въ западной Европѣ, въ началѣ IV они живутъ на Майнѣ, отъ Дуная ихъ отдѣляютъ Ютунги. Въ началѣ V они являются на Рейнѣ. Г. Хомяковъ ссылается на сношенія съ Бургундами императора Валентиніана. Валентиніана котораго? ихъ было три. Знаемъ изъ Ам. Марцелина, что Валентиніанъ I, умершій въ 375 году, отправлялъ къ Бургундамъ пословъ; но при Валентиніанѣ III, царствовавшемъ въ V вѣкѣ (424 — 55), это племя поселилось въ Галліи и слѣдовательно вступило въ непрерывныя сношенія съ римскимъ правительствомъ. Вообще противникъ мой неохотно или неудачно употребляетъ цифры для точнаго опредѣленія лицъ и событій. Ему, какъ поэту, привычѣе въ сферѣ свободныхъ вымысловъ, не стѣсненныхъ мелкими условіями хронологіи и географіи. Такимъ образомъ, онъ замѣтилъ, что я ошибся, назвавъ лѣтопись Иорнанда единственнымъ источникомъ, въ которомъ упоминается о войнѣ Бургундовъ съ Гепидами. «Можно было бы прибавить, говоритъ онъ, свидѣтельство Мамертина: *Gothi Burgundias penitus exscindunt*, гдѣ общее имя Готеовъ замѣняетъ частное Гепидовъ». При такой смѣлости объясненій не трудно отвѣчать на самые загадочные вопросы исторіи. Съ сожалѣніемъ, г. Хомяковъ не потрудился прочесть до конца дважды приведенное имъ мѣсто изъ Мамертина, тутъ же упоминающаго о Гепидахъ: *gurgum pro victis armanantur Allemani* (въ нѣкоторыхъ рукописяхъ *Alani*) *itemque Thervingi pars alia Gothorum adjuncta manu Thaifalorum adversum Vandalos Gepidesque concurrunt*. Въ 17-й главѣ Иорнанда читаемъ также, что Фастидъ, кунигъ Гепидовъ, разбивъ Бургундовъ, напалъ на Готеовъ. Слѣдовательно, оба писателя отличаютъ Готеовъ отъ Гепидовъ и знаютъ, съ кѣмъ именно воевали Бургунды. Обвиненіе рецензента От. Записокъ въ незнаніи сагъ, до которыхъ тому рѣшительно не было дѣла, г. Хомяковъ оправдываетъ своимъ правомъ говорить объ этихъ сагахъ. Право неотъемлемое, на основаніи котораго въ статьѣ «о возможности Русской художественной школы» нѣтъ ничего о самомъ предметѣ, но встрѣчается много неожиданнаго, какъ-то: замѣчанія о бесполезной тратѣ барды въ октябрѣ, маѣ и іюнѣ, о гомеопатіи, объ укутываніи зимнихъ дорогъ, о пьюзеніи и т. д. Ближе къ дѣлу и полезнѣе было бы опредѣлить исто-

рическое содержаніе самыхъ сагъ или, по крайней мѣрѣ, сказать вкратцѣ, что извлекли изъ нихъ для исторіи нѣмецкіе критики. Попрошу о томъ, кстати ли я привелъ свидѣтельство Шасарика, пред-оставляю суду читателей.

Не считаю нужнымъ входить въ подробный разборъ краткой исторіи Бургундовъ. Мнѣніе свое объ ней я сказалъ выше. Прибавлю, что этотъ отдѣлъ статьи г. Хомякова можно раздѣлить на двѣ части: ненужную и невѣрную. Къ чему, напримѣръ, было доказывать, что Бургунды не всегда жили у верховьевъ Майна, а пришли сюда въ III вѣкѣ. Развѣ я утверждалъ противное? Къ чему было повторять всѣмъ извѣстный рассказъ о Радагайзѣ, говорить о Гуннскомъ князѣ Ульдинѣ и т. д.? Это безплодное расточеніе учености напоминаетъ неумѣніе пользоваться собственными средствами, въ которыхъ г. Хомяковъ упрекаетъ русскихъ винокуровъ на страницѣ 339 Московскаго Сборника. Укажу теперь на нѣсколько вкравшихся въ изложеніе ошибокъ, или, можетъ быть, опечатокъ. Происхожденіе имени Борнгольмъ отъ Бургундовъ фактъ еще несовсѣмъ доказанный. См. Цейса, 465. Г. Хомяковъ указываетъ на два обстоятельства, по его словамъ слишкомъ мало замѣченные. Во 1-хъ, на то, «что истинный цитль Нибелунговъ принадлежитъ вполнѣ своероднымъ семьямъ и нисколько не принимаетъ въ себя иноплеменныхъ, напримѣръ Аллемановъ или Франковъ»; во 2-хъ, на принятіе аріанства Бургундами отъ Готевъ, «явленіе непонятное для западной Европы и объясняемое только законами критики, изложенными покойнымъ Венелинымъ». На первое можно замѣтить, что Аллеманы не были иноплеменниками Свевамъ и состояли съ ними въ тѣсной родовой и политической связи. См. Eichhorn. D. Staats und Rechtsgeschichte 1. § 21. Gaupp. das alte Gesetz der Thüringer, 42 и т. д. Почему принятіе аріанства Бургундами отъ Готевъ не можетъ быть понятно западной Европѣ — отвѣчать трудно. Но если дѣло идетъ о родовыхъ связяхъ и вліяніяхъ между германскими племенами, я позволю себѣ обратить вниманіе моего противника на 1-й томъ Нѣмецкой исторіи Филиппа, гдѣ онъ найдетъ много новаго. Въ 443 году римское правительство уступило Бургундамъ нынѣшнюю Савою, тогда носившую названіе Сабавдіи (Sabaudia, Sauraudia), а не Сабодіи, какъ пишетъ г. Хомяковъ, искусственный французскимъ произношеніемъ. Наконецъ слова: «Гроза германскаго шіра налетѣла на нихъ (Бургундовъ) въ 450 или 451 году и сокрушила

ихъ силу. Съ тѣхъ поръ... они живутъ въ долинѣ Роны, какъ подручники Рима не совсѣмъ согласны съ исторіею. Бургундское государство пережило Западную Имперію и достигло высшаго могущества своего именно въ концѣ V-го вѣка, при кунигѣ Гундбальдѣ (470—516). Доказательства можно найти не только въ источникахъ, но и во всѣхъ новыхъ книгахъ, касавшихся этого предмета.

Остается вопросъ о Франкахъ. Я сказалъ, что писатели IV-го и V-го вѣковъ бѣдны извѣстіями о внутреннемъ бытѣ франкского племени и что главные источники въ этомъ отношеніи принадлежать къ VI-му. Приводя слова мол. г. Хомяковъ счелъ нужнымъ ихъ нѣсколько поправить, сообщить имъ другой смыслъ. Благодарю за услугу, но не могу ею воспользоваться. Корректоръ От. Зап. отнялъ у меня право оправдываться опечатками. Отношенія Франковъ къ имперіи начинаются съ III-го столѣтія, слѣдовательно римскіе писатели не могли не говорить объ нихъ. Но, повторяю, на внутренній бытъ племени они обратили мало вниманія и бѣдны извѣстіями о немъ. Что доказываютъ эпитеты, собранные ученымъ обвинителемъ Франковъ: *gens* *spendax*, *infidelis*, *perjura*, къ которымъ я могъ бы прибавить еще нѣсколько имъ не замѣченныхъ? Гдѣ приведены доказательства отличительной безнравственности Франковъ до VI-го столѣтія? Было время, когда Французы иначе не называли Англію какъ *perfid* Albion. Однако, какой историкъ рѣшится основать на этомъ выраженіи свои понятія о характерѣ англійскаго народа. Чѣмъ же выше риторы IV и V вѣка французскихъ журналистовъ временъ республики и имперіи? Значительная часть оскорбительныхъ для франкского племени эпитетовъ взята г. Хомяковымъ изъ панегириковъ, читаемыхъ галльскими риторамъ императорамъ. Въ панегирикахъ императору Константину чаще чѣмъ въ другихъ упоминается имя Франковъ. Посмотримъ, при какихъ случаяхъ. Пѣнные вожди Франковъ затравлены на Трирскомъ амфитеатрѣ въ угоду языческой черни (306). Риторъ привѣтствуетъ императора, еще непросвѣщеннаго истинною христіанства, оправдываетъ его дѣло и ругается надъ жертвами. «Ты не усомнился, говоритъ онъ, казнить ихъ страшными мучамя. Ты не убоишься неистощимой ненависти, вѣчнаго гнѣва оскорбленнаго народа. Гдѣ теперь ихъ дикая отвага, гдѣ коварное непостоянство?... Ихъ села выжжены, ихъ пѣнные юноши, неспособные по коварству быть настоящими воинами, по гордости рабами, выведены въ циркъ для приня-

тія казни. Числомъ своимъ они утопили разъяренныхъ звѣрей». Eumenii paneg. cap. 10 и 12. Въ другомъ панегирикѣ, сказанномъ послѣ новой побѣды надъ Франками, читаемъ почти то же: tantam captivorum multitudinem bestiis objicit, ut ingrati et perfidi non minus doloris ex ludibrio sui quam ex ipsa morte patiantur. Аноним. paneg. cap. 23. Ктожъ безнравственнѣе: умирающій въ циркѣ Франкъ, или ликующій при казни риторъ, вѣщающій жертвѣ въ коварство ея хотѣніе служить своимъ палачамъ? Значеніе панегириковъ IV и V вѣка опредѣлено критикомъ: это плохіе источники историческихъ свѣдѣній, но любопытные памятники развращенной эпохи. Не говорю о наглой лести, составляющей ихъ главное содержаніе. Злоупотребленіе слова, искаженіе самыхъ чистыхъ понятій, презрѣніе къ истинѣ едвали когда доходили до подобнаго цинизма. Впрочемъ, г. Хомякову вѣроятно такъ же извѣстенъ характеръ панегириковъ. Обратимся теперь къ другимъ свидѣтельствамъ, имъ приведеннымъ противъ Франковъ. Нельзя сказать, говоритъ онъ, чтобы тутъ выразилась особенная вражда римскихъ писателей, ибо Имперія страдала отъ многихъ народовъ болѣе чѣмъ отъ Франковъ (напр. отъ Готевъ, Вандаловъ или Гунновъ), а ихъ хвалятъ, и не рѣдко. Справедливо ли это? Увидимъ. Слова жалкаго компилятора Воиска не имѣютъ большой важности, — это плохой риторъ, пишущій исторію; но отзывъ Салвіана, писателя даровитаго и благороднаго, заслуживаетъ полнаго вниманія. Его приговоръ, конечно, можетъ рѣшить тяжбу между г. Хомяковымъ и мною. Привожу вполнѣ главныя мѣста, относящіеся къ спорному вопросу: «Готы коварны, но цѣломудренны; Аланы развратны, но не столь коварны; Франки лживы, но гостепріимны; Саксы свирѣпы, но заслуживаютъ уваженіе за чистоту нравовъ». De providentia lib. VII. «Саксы жестоки, Франки лживы, Гепиды безчеловѣчны, Гунны развратны: вся жизнь варваровъ порочна; но развѣ ихъ пороки можно судить наравнѣ съ нашими? развѣ развратъ Гунна или коварство Франка подлежатъ такому же суду, какъ развратъ и коварство христіанъ? Неужели наклонность къ пьянству Алемана, корыстолюбіе Алама можно сравнивать съ тѣми же пороками у христіанъ? Чтѣ удивительнаго въ томъ, что Гунны и Гепиды прабѣгаютъ къ обману, когда имъ неизвѣстна вина лживаго поступка? Какъ обвинить Франка въ вѣтвопреступленіи, когда оно ему кажется не видомъ преступленія, а оборотомъ рѣчи?» Ibid. Lib IV. Такъ понималъ, такъ оправ-

дывалъ вліяніємъ язычества и невѣжества пороки полудикихъ племенъ Массилійскій священникъ V-го столѣтія. Читатели, надѣюсь, замѣтятъ различіе возрѣній, господствующихъ въ скорбныхъ твореніяхъ Салвіана и въ обвинительныхъ актахъ на цѣлые народы, остроумно составляемыхъ г. Хомяковымъ. Можетъ быть, прочитавъ вполнѣ приведенный мною отрывокъ, изъ котораго ему кажется были извѣстны только послѣднія строки, г. Хомяковъ упрекнетъ Салвіана въ дурно понятіи гуманизмъ. Зато другіе найдутъ въ 86 № М. Г. Л. не совсѣмъ неудачное подражаніе ритору, славившему зрѣлища Трирскаго аментаатра. Спрашиваю: гдѣ доказательства отличительной предъ другими племенами порочности Франковъ? Они не лучше, но и не хуже другихъ. Ссылаюсь на исторію Вандаловъ Виктора Витенскаго, на отзывы Ам. Марцелина и Юрнанда о Гуннахъ, Прокопія о Герулахъ, Григорія Турскаго о Готеахъ и т. д. Здѣсь можно найти богатый матеріалъ для составленія кондуитныхъ списковъ народамъ, принимавшимъ участіе въ великой эпохѣ переселенія. Характеръ Мервингской эпохи представляетъ особенное явленіе, котораго разборъ не можетъ быть предметомъ этой статьи. Въ тогдашнемъ развращеніи Франковъ не сомнѣвается никто. Для этого убѣжденія достаточно прочесть Тьерри. Но можно сказать съ полною увѣренностію, что всякое другое племя при подобныхъ условіяхъ испытало бы ту же участь. Вопросъ о гуманизмѣ мы оставимъ въ сторонѣ. Дѣло шло не объ немъ, а о легкомысленной игрѣ историческими фактами, о капризѣ, вошедшемъ въ область науки.

Споръ съ моей стороны конченъ. Кто изъ насъ правъ, за кѣмъ осталось поле историческихъ фактовъ, рѣшатъ читатели, знакомые съ дѣломъ или по крайней мѣрѣ заглянувшіе въ книги, на которыя указалъ г. Хомяковъ и я. Всякое преніе можно протянуть до бесконечности, отнявъ у него прямую цѣль, т. е. рѣшеніе спорнаго вопроса. Такого рода словесные турниры могутъ быть блистательны, но я не чувствую призванія ломать на нихъ копья. Охотно признаю превосходную ловкость моего противника въ умственной гимнастикѣ, готовъ любоваться его будущими подвигами, — но въ качествѣ зрителя, безъ всякаго желанія возобновить борьбу.

ОТВѢТЪ Г. ХОМЯКОВА НА ОТВѢТЪ Г. ГРАНОВСКАГО.

Г-нъ Грановскій на возраженіе мое, напечатанное въ Московскомъ Листкѣ, напечаталъ отвѣтъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

Отвѣтъ его дѣлится на двѣ части: возраженіе на вводный разсужденія или мнѣнія мои по вопросамъ историческимъ и возраженія на главные спорные пункты, именно: о движеніи Бургундовъ съ Мейна на Рону и о нравственности Франковъ. Разсмотримъ сначала первый.

Я сказалъ, что свидѣтельство Іорнанда объ изгнаніи Бургундовъ изъ области при-эвисинской Гепидами подтверждается Маммертиномъ, современникомъ самому происшествію, и привелъ слова Маммертина, гдѣ, по моему мнѣнію, Гепиды должны быть подразумѣваемы подъ общимъ именемъ Готеовъ. Г-нъ Грановскій удивляется смѣлости моей догадки и думаетъ, что при такой смѣлости всякій вопросъ историческій разрѣшался бы слишкомъ легко. Посмотримъ свидѣтельства Іорнанда и Маммертина.

Маммертинъ, поздравляя имперію съ раздоромъ ея враговъ, говоритъ: «Готы совершенно уничтожаютъ Бургундовъ: за Бургундовъ вступаются Алеманны; между тѣмъ Тервинги ¹⁾, *другая часть Готеовъ* ²⁾, съ помощію дружины Тайфасовъ, нападаетъ на Вандаловъ и Гепидовъ». Іорнандъ, рассказывая о подвигахъ Готеовъ, говоритъ: «Фастида, царь Гепидовъ, возбуждая свой народъ, расширилъ войной его грани, уничтожилъ почти совершенно Бургундовъ и покорилъ не

¹⁾ То есть Древаллы, прозванные Востъ-готеовъ, которое они приняли отъ Древалъ, у которыхъ они тогда барствоваали, вѣсть Остъ-готомъ приняли или Грѣтунговъ (т. е. Полянъ) отъ Полянъ при-дѣйствованныхъ.

²⁾ Другая часть Готеовъ, следовательно прежде не о всѣхъ Готеохъ рѣчь, также не о Востъ-готеохъ, которые отдѣлены самимъ писателемъ, и не о дальнихъ Остъ-готеохъ: ясно, что рѣчь была о Гепидахъ.

мало других племенъ; потомъ, несправедливо оскорбляя Готеовъ, нарушилъ союзъ единокровности». Далѣе находимъ, что Гепиды просили у Готеовъ земли и вызвали ихъ на бой, вслѣдствіе чего и были побѣждены царемъ Остроготомъ (очевидно вымышленнымъ), подъ властію котораго были и Вестъ-готы (Тервинги).

Во первыхъ: оба разсказа принадлежать къ одной и той же эпохѣ, сколько можно судить по сбивчивой хронологіи Іорнанда. Во вторыхъ: оба свидѣтельствуютъ о гибели Бургундовъ, вслѣдъ за которою произошли междоусобія въ племени готескомъ. Въ третьихъ: отдѣльные племена готескія называются общимъ именемъ Готеовъ (смотри Іорнанда «о послѣдованіи временъ»), а Гепиды принадлежали къ общему готескому союзу и по многимъ свидѣтельствамъ считались сначала главою его. Это видно и изъ имени Гаптъ, родоначальника Готеовъ и изъ того, что въ преданіяхъ Пруссіи Готы первоначально являлись подъ предводительствомъ Гаптовъ. Самъ Іорнандъ, вообще предпочитающій Вестъ и Остъ-готевъ Гепидамъ, указываетъ на то же, говоря: «Острогота пошелъ на бой противъ Гепидовъ, дабы они не слишкомъ превозносились» (ne nimii judicarentur). Итакъ, мы видимъ, что Готы, т. е. Гепиды, Вестъ и Остъ-готы составляли общій союзъ до той эпохи, когда Гепиды, возгордясь своей побѣдой, вздумали давать законы всему союзу, весьма еще твердому и священному, ибо нинимый царь Готеовъ (Острогота) называетъ эту междоусобную войну жестокою и преступною. Гдѣ же сомнѣніе, что подъ именемъ Готеовъ Маммертинъ понималъ союзъ Готеовъ подъ предводительствомъ Гепидовъ? гдѣ же смѣлость въ догадкѣ? Развѣ только въ томъ, что ученые нѣмцы, Миллеръ или Цейсъ или Луденъ или кто другой, не замѣтили тождества въ свидѣтельствахъ Іорнанда и Маммертина? Въ этой смѣлости я прошу извиненія у ученыхъ нѣмцевъ, которые этого не замѣтили; впрочемъ они понимаютъ права исторической критики, и отъ ихъ безпристрастнаго суда я скорѣе бы ожидалъ похвалы, чѣмъ осужденія.

Далѣе г-нъ Грановскій считаетъ сомнительнымъ происхожденіе имени *Борнгольмъ* отъ Бургундовъ, и въ этомъ ссылается на Цейса. Это сомнѣніе, дѣло чистаго произвола, вполне опровергается свидѣтельствомъ Вулостана. Описывая королю Альфреду путешествіе свое по Балтійскому морю, совершенное въ концѣ 9-го вѣка, онъ говоритъ: «Съ права оставили мы Сконегъ и Фальстеръ, которые принадлежатъ Даніи, а съ лѣва Бургендаландъ (тоже, что *гольмъ*), который управ-

ляется своимъ королемъ; потомъ далѣе... Готаландъ». Это свидѣтельство не допускаетъ никакого сомнѣнія ¹⁾).

Далѣе г-нъ Грановскій находить, что очень трудно понять одно изъ доказательствъ, приведенныхъ мною въ пользу единоплеменности Бургундовъ и Готеовъ «Принятіе аріанства Бургундами, явленіе непонятное въ западной Европѣ, объясняется только кровнымъ родствомъ по закону, прекрасно изложенному нашимъ покойнымъ Венелинымъ», сказалъ я, и кажется, всякій, кто мало-мальски знакомъ съ историческою критикою, пойметъ, почему принятіе аріанства въ западной Европѣ, остававшейся въ то время вѣрною Никейскому исповѣданію, явленіе совершенно противорѣчащее всѣмъ другимъ явленіямъ обращенія Германцевъ въ христіанство на Западѣ, можетъ быть объяснено только изъ племеннаго сродства Бургундовъ съ аріанцами-Готеами. Вотъ все то, что въ первой части отвѣта г-на Грановскаго подлежитъ ученому возраженію: все остальное, о сагахъ, о моей статьѣ въ Московскомъ Сборникѣ и прочее, служитъ только украшеніемъ отвѣта, и можетъ быть оставлено безъ особаго вниманія.

Перейдемъ ко второй части, къ главнымъ спорнымъ пунктамъ: о переходѣ Бургундовъ съ верховьевъ Мейна на Рону и о нравственномъ достоинствѣ Франковъ.

Г-нъ Грановскій дѣлаетъ очевидную уступку мнѣ на счетъ вліянія Гунновъ на движеніе Бургундовъ на западъ, признавая косвенное вліяніе, но въ то же время отличая его отъ вліянія примаго. Я могъ бы довольствоваться такою уступкою, но за всѣмъ тѣмъ считаю ее весьма недостаточною. Переходъ Бургундовъ съ верховьевъ Мейна къ его устью находится, какъ я уже сказалъ, въ явной зависимости отъ движенія Тюринговъ, Словянъ, Свевовъ, Байеровъ, Ругіевъ и другихъ данниковъ гуннскихъ, которые въ началѣ V-го вѣка мало по малу захватываютъ всю среднюю и южную Германію, вытѣсняя старожилъ. Неужели это вліяніе косвенное? По этому большая часть монгольскихъ завоеваній (и между прочимъ завоеваніе Россіи) должны быть названы косвенными, потому что вся передовая сила Монголовъ

¹⁾ Можно предположить, что имя этихъ островныхъ Бургундовъ представляетъ только случайное сходство съ именемъ древнѣйшихъ Бургундовъ, но такое предположеніе опровергается именемъ Готаландъ и явнымъ параллелизмомъ островнаго міра съ береговымъ. Вообще Цейсъ, важный по сбору матеріаловъ, очень слабъ, какъ критикъ. Такое мнѣніе истинныхъ ученыхъ, какъ Миллеръ и Неймагъ.

состояла изъ ихъ подручниковъ, племенъ турецкихъ (или тюркскихъ). Такое мнѣніе имѣло бы достоинство новости.

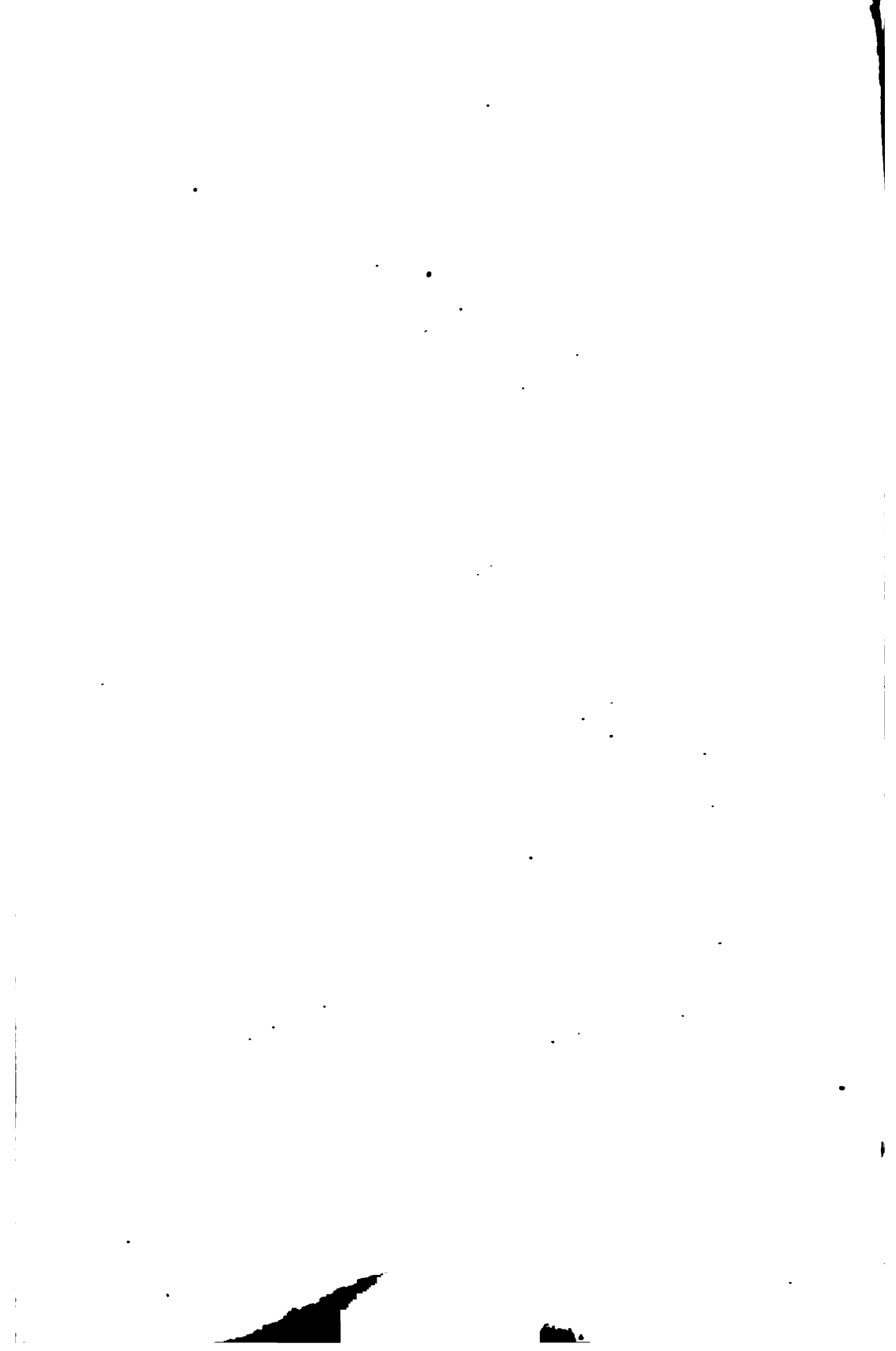
Но каково же мнѣніе г-на Грановскаго о вліяніи Гунновъ на переходъ Бургундовъ отъ устьевъ Мейна на берега Роны и даже Дуары? Я сказалъ: «Гуны, гроза германскаго міра, налетѣли на Бургундовъ (тогда еще жившихъ на среднемъ Рейнѣ и на устьяхъ Мейна) въ 450-мъ или 51-мъ году и сокрушили ихъ силу. Съ тѣхъ поръ ихъ нѣтъ уже ни на Мейнѣ, ни на среднемъ Рейнѣ; они живутъ на берегахъ Роны, какъ подручники Рима. Бѣжали ли они передъ Гуннами? истребили ли они убѣжища у Римлянъ, къ которымъ поступали въ подручники?» Вопросъ мой былъ положителенъ: посмотримъ на отвѣтъ. Г-нъ Грановскій говоритъ, что «мои слова не совсѣмъ вѣрны, ибо бургундское царство пережило Западную Имперію». Гдѣ же тутъ отвѣтъ, или возраженіе? Положимъ, что употребленіемъ глагола *жить* въ настоящемъ времени я ввелъ г-на Грановскаго въ ошибку, и онъ думаетъ, что я считаю Западную Имперію существующею до нашего времени, а Бургундовъ ея подручниками: все-таки спрашиваю, гдѣ же отвѣтъ на вопросъ о бѣгствѣ Бургундовъ? Очевидно, вліяніе Гунновъ оказывается совершенно прямымъ, а отвѣтъ г-на Грановскаго развѣ только косвеннымъ.

Перейдемъ къ Франкамъ. Я привелъ множество свидѣтельствъ изъ писателей IV-го и V-го вѣка о глубокомъ нравственномъ развратѣ Франковъ: многихъ свидѣтелей я назвалъ, прибавивъ, что могъ бы еще привести много другихъ. Я сказалъ, что эти свидѣтельства не внушены враждою, ибо въ писателяхъ римскихъ и византійскихъ находятся похвалы народамъ, гораздо болѣе вредившимъ имперіи, чѣмъ Франки. Я сказалъ, что это также не пустая риторскія «разы, ибо ихъ истина подтверждается позднѣйшею исторіею. — Что же отвѣчаетъ г-нъ Грановскій? «Ему извѣстны», говоритъ онъ, «эти свидѣтельства и множество другихъ», но ему мои свидѣтели не нравятся. «Одинъ — гнусный и безнравственный риторъ, другой — поэтъ, третій — компиляторъ (почему компиляторъ не свидѣтель въ дѣлѣ современномъ ему? не совсѣмъ ясно). Остается одинъ Сальвианъ, честный и добросовѣстный писатель: онъ могъ бы рѣшить вопросъ, да, къ несчастію, онъ осыпаетъ упреками всѣхъ варваровъ и слѣдовательно не можетъ служить уликою противъ Франковъ». Во первыхъ, одинъ свидѣтель, какъ бы онъ ни былъ добросовѣстенъ, не можетъ рѣшить

вопроса; во вторыхъ, тутъ опять нѣтъ никакого отвѣта на мой доказательства. Я цитовалъ не Вописка, не Евменія, не Сальвіана: я цитовалъ всѣхъ и ихъ общее согласіе въ одномъ показаніи. Сальвіанъ бранитъ Вандаловъ; но похвалы Вандаламъ слышимъ отъ другихъ современниковъ и даже отъ духовенства африканскаго, много страдавшего отъ ихъ фанатическаго аrianства. Сальвіанъ и другіе не хвалятъ Готевъ, но сколько похвалъ тѣмъ же Готевъ у другихъ писателей, сколько историческихъ свидѣтельствъ въ ихъ пользу; какія благородныя личности украшаютъ ихъ лѣтопись отъ Тевдешира и Теодорика до Тотилы и Тело! Сальвіанъ бранитъ Гунновъ, которыхъ онъ, вѣроятно, довольно плохо зналъ; но его свидѣтельство опровергается вполне византійцами, близко знавшими ихъ. Г-нъ Грановскій отрицаетъ ли эти похвалы, или нашелъ похвалы Франкамъ? И то и другое невозможно. Итакъ, важнѣе не Сальвіанъ не Клавдіанъ, не безымянный панегиристъ; а важно, какъ я говорилъ, общее молчаніе о какихъ-нибудь добродѣтеляхъ Франковъ; важно общее согласіе въ свидѣтельствахъ о ихъ совершенной безсовѣстности и нравственномъ развратѣ; важно согласіе этихъ свидѣтельствъ съ первыми вѣхами ихъ исторіи. Вотъ что имѣетъ значеніе въ глазахъ критики, вотъ что неопровержимо. Тутъ уже не помогутъ ни перетасовываніе чужихъ словъ, ни сравненіе противника съ трирскимъ риторомъ, ни даже остроумная шутка о кондуитныхъ спискахъ народовъ. Вопросъ рѣшается очень просто. Я долженъ еще замѣтить, что равнодушіе и пренебреженіе къ факту нравственному нисколько не доказываетъ особой строгости въ критикѣ фактовъ вещественныхъ: оно показываетъ только односторонность въ сужденіи и ложное пониманіе исторіи, ибо явленія жизни нравственной оставляютъ такіе же глубокіе слѣды, какъ и явленія жизни политической.

Вообще о второмъ отвѣтѣ г-на Грановскаго можно сказать, что въ немъ опять, какъ и въ первомъ, не было никакого отвѣта, и я могъ бы не возражать: но я долженъ былъ сказать нѣсколько словъ потому, что г-нъ Грановскій, отступая съ поля сраженія, еще отстрѣливается, по обычаю Парейанъ. Впрочемъ, отказываясь отъ дальнѣйшей борьбы, онъ обезоруживаетъ противника, и я отлагаю съ истинною радостію оружіе, неохотно поднятое мною для собственной обороны.

П Р И Б А В Л Е Н І Е.

ПРЕДАНІЯ О КАРЛѢ ВЕЛИКОМЪ ¹⁾.

Кромѣ записанной исторіи, у каждого народа есть изустныя преданія о великихъ дѣлахъ и людяхъ стараго времени. Такія преданія занимаютъ средину между исторіею и поэзіею. Содержаніемъ ихъ служить всегда дѣйствительная быль, но рассказъ, переходившій отъ поколѣнія къ поколѣнію, изъ вѣка въ вѣкъ, часто носитъ на себѣ печать сказки. Простой народъ не знаетъ книжной исторіи. Прошедшія событія ему не кажутся чѣмъ-то неподвижнымъ, конченнымъ: онъ какъ будто играетъ ими, свободно измѣняя подробности разсказа. Исторія, какъ наука, старается рѣзко обозначить каждое явленіе, опредѣлить его время и мѣсто; преданіе не заботится о такой вѣрности. Въ немъ есть истина другого рода. Въ немъ высказывается любовь и ненависть народа, его нравственныя понятія, его взглядъ на собственную старину. Чѣмъ сильнѣе событіе или человекъ коснулись народной жизни, тѣмъ глубже западаютъ ихъ образы въ память, тѣмъ болѣе хранятся объ нихъ разсказовъ. У германскаго племени много прекрасныхъ историческихъ преданій. Они частію собраны и записаны учеными людьми, между которыми первое мѣсто принадлежитъ двумъ братьямъ: Якову и Вильгельму Гриммамъ ¹⁾. Ихъ благородныя имена должны быть извѣстны нашимъ молодымъ читателямъ.

Дѣла и заслуги Карла Великаго всѣмъ извѣстны. Онъ соединилъ въ одно большое государство почти всю западную Европу, обвелъ это государство твердыми границами и скрѣпилъ общими учрежденіями и законами. Языческіе Саксы, жившіе въ сѣверной Германіи, были

¹⁾ Какъ эта, такъ и слѣдующая статья: *Рыцарь Балрадъ*, помѣщены въ «Библіотекѣ для Воспитанія» 1847 г.

¹⁾ Deutsche Sagen, herausgegeben vom den Brüdern Grimm. Berlin, 1816.

обращены имъ къ христіанству. Множество школъ возникло по его волѣ. Короче, онъ былъ обновителемъ духовной и гражданской жизни на Западѣ. Многое изъ созданнаго имъ вскорѣ изчезло, еще болѣе сохранилось. О такихъ людяхъ не забываютъ народы. Въ пѣсняхъ и преданіяхъ хранятъ они ихъ память. Вотъ нѣсколько преданій о Карлѣ Великомъ.

1. КАРЛЪ И ДЕЗИДЕРІЙ ЛАНГОВАРДСКІЙ.

Когда Карлъ Великій пошелъ войною на Лангобардовъ, при дворѣ ихъ короля Деизидерія жилъ Огеръ, благородный Франкъ, бѣжавшій изъ отечества, гонимый гнѣвомъ Карла. Услышавъ о приближеніи франкискаго войска къ Павіи, Деизидерій и Огеръ взобра на вершину башни, съ которой можно было обозрѣть всю окрестность. Вдали показались обозы Франковъ. Они покрывали большое пространство. «Не здѣсь ли самъ Карлъ?» спросилъ король Деизидерій. «Его здѣсь нѣтъ», отвѣчалъ Огеръ. Потомъ явилось ополченіе, собранное со всѣхъ концовъ государства. «Карлъ вѣрно самъ идетъ съ этими воинами», сказалъ опять Деизидерій. «Нѣтъ еще, нѣтъ еще», отвѣчалъ Огеръ. Тогда смутился Лангобардскій король и молвилъ: «Что же будетъ съ нами, если съ Карломъ ихъ придетъ еще болѣе?» «Когда и какъ онъ придетъ», сказалъ Огеръ, ты увидишь самъ; что съ нами будетъ — не знаю». Между тѣмъ приблизилась новая толпа. На вопросъ Деизидерія Огеръ отвѣчалъ по прежнему: «Его еще нѣтъ, подожди». Потомъ они увидѣли съ башни своей длинныя ряды епископовъ, аббатовъ, священниковъ и другихъ духовныхъ лицъ, шедшихъ вмѣстѣ съ войскомъ. Деизидерій не взвидѣлъ свѣта и зарыдалъ. «Сойдемъ скорѣе внизъ, — говорилъ онъ, — скроемся гдѣ-нибудь подъ землею предъ лицомъ страшнаго врага». Тогда вспомнилъ Огеръ о прошедшихъ, лучшихъ годахъ своей жизни и о великой силѣ короля Карла. Онъ сказалъ Деизидерію: «Когда поля твои покроются желѣзными колосьями, когда рѣки потекутъ на городъ желѣзными волнами, тогда жди Карла. Онъ явится передъ тобою». Онъ еще не успѣлъ кончить, какъ съ запада и съ сѣвера поднялись мрачныя тучи и затмили ясный день. Немного спустя наступила настоящая тьма. Тогда явился самъ Карлъ. Онъ былъ въ желѣзѣ. На головѣ у него былъ желѣзный шлемъ, на рукахъ желѣзныя рукавицы, на широкой груди желѣзныя

латы. Лѣвой рукою онъ держалъ желѣзное копье. Въ правой рукѣ былъ мечъ; шпаль былъ желѣзный; даже конь его, по крѣпости и цвѣту, казался желѣзнымъ. Воины, шедшіе съ Карломъ и позади его, и остальная дружина были почти такъ же вооружены. Стѣны Павіи задрожали. «Вотъ тотъ, о которомъ ты спрашивалъ меня», сказалъ онъ королю Лангобардовъ, и безъ памяти повалился на землю.

2. КАРЛЪ ВЕЛИКІЙ И ЗМІЯ.

Въ бытность свою въ Цюрихѣ, императоръ Карлъ приказалъ поставить столпъ и привязать къ нему колоколъ. Отъ колокола къ землѣ была спущена веревка. Когда императоръ сидѣлъ за обѣдомъ, каждый могъ подойти къ столпу, звонить и требовать себѣ суда и расправы. Одинъ разъ случилось, что колоколъ зазвонилъ, но вышедшіе служители не замѣтили никого у веревки. Звонъ раздался снова; Карлъ приказалъ служителямъ выдти опять и узнать о причинѣ звона. Тогда только увидѣли они большую змѣю, которая дергала зубами веревку и такимъ образомъ приводила въ движеніе колоколъ. Испуганные слуги возвратились назадъ и донесли о видѣнномъ своему государю. Ни человѣку, ни животному не хотѣлъ Карлъ отказать въ судѣ и правдѣ. Онъ самъ пошелъ къ странной просительницѣ. Змѣя, завидѣвъ его, почтительно преклонила голову и поползла предъ нимъ къ берегу озера, гдѣ указала ему на гнѣздо свое. Въ немъ сидѣла огромная жаба. Карлъ рассудилъ ихъ: змѣѣ возвратилъ гнѣздо, а жабу приказалъ сжечь. Черезъ нѣсколько дней змѣя снова пришла ко двору, вползла на столъ, за которымъ сидѣли императоръ и его гости, и подняла крышку съ одного изъ кубковъ. Она опустила въ кубокъ драгоценный камень, который держала во рту, преклонилась передъ Карломъ и отправилась назадъ. Въ послѣдствіи, тамъ гдѣ онъ нашелъ гнѣздо змѣи, Карлъ Великій выстроилъ церковь, а камень подарилъ супругѣ своей.

3. ВОЗВРАТЪ КОРОЛЯ КАРЛА ИЗЪ ВЕНГРІИ.

Король Карлъ отправился въ походъ для обращенія язычниковъ, жившихъ въ нынѣшней Венгріи, къ христіанству. Предъ разлукою онъ обѣщалъ супругѣ своей возвратиться черезъ десять лѣтъ. По про-

шестви́и этого срока, она должна была считать его мертвымъ и молиться за его душу. Девять лѣтъ прошло такимъ образомъ безъ него. Въ государствѣ не было ни порядка, ни мира: вездѣ пожары, да разбои. Тогда вельможи собрались у королевы и стали ее просить, чтобы она выбрала себѣ другаго мужа, способнаго охранять государство. Королева долго отказывалась, но наконецъ принуждена была уступить общимъ требованіямъ и жалобамъ на бѣдствія государства. Нашелся женихъ, богатый и сильный король. До свадьбы оставалось только три дня.

Богъ не допустилъ этому исполниться. Ангелъ увѣдомилъ Карла о томъ, что ему угрожало. «Но какъ же мнѣ поспѣть къ сроку?» сказалъ король, «осталось только три дня, а путь великъ». — «Не заботься объ этомъ, — отвѣчалъ ему Ангелъ, — Богъ милосердъ и всемогущъ. Поди и купи у твоего писаря его крѣпкаго коня. Черезъ болота и поля донесетъ онъ тебя въ одинъ день къ городу на Раабѣ. Тамъ ты переночуешь и накормишь лошадь. На другой день, рано утромъ отправляйся вверхъ по Дунаю къ Пассау. Тамъ ты еще разъ ночуешь. Въ Пассау оставь своего коня. У хозяина дома, гдѣ ты остановишься, есть жеребенокъ: купи его. Онъ принесетъ тебя на третій день въ родной край твой».

Карлъ поступилъ какъ ему приказано: купилъ у своего писаря его коня и въ одинъ день поспѣлъ къ Раабу. На другой день, солнце еще не заходило, а онъ уже прибылъ въ Пассау, гдѣ нашелъ хорошій ночлегъ. Вечеромъ, когда скотъ возвращался съ поля, Карлъ замѣтилъ прекраснаго жеребенка, схватилъ его за гриву и сказалъ: «Хозяинъ, уступи его мнѣ; завтра я на немъ уѣду». — «Нѣтъ, молвилъ хозяинъ, жеребенокъ еще молодъ, и ты сѣдлокъ ему не по силамъ. Онъ не снесетъ тебя». — Король сталъ снова просить. Тогда хозяинъ, видя его желаніе, согласился, а Карлъ въ свою очередь продалъ ему коня, на которомъ совершилъ уже такой длинный путь.

На третій день, рано, король пустился въ дорогу. Онъ мчался, не останавливаясь, до самыхъ воротъ столицы своей — Ахена. Тутъ онъ сталъ на ночлегъ. Въ городѣ было большое веселье: пѣсни и пляски. Карлъ спросилъ: «Это что такое?» Хозяинъ дома сказалъ ему: «Сегодня празднуется большая свадьба; королева наша выходитъ замужъ за богатаго короля. Пиръ идетъ великій. Молодыхъ и старыхъ, бѣдныхъ и богатыхъ угощаютъ виномъ и кушаньемъ. Для коней

также много приготовлено корму». — Король Карлъ сказалъ: «Я останусь у тебя. Свадебнаго угощенія мнѣ не нужно. Вотъ тебѣ золото: поди и купи мнѣ ѣсть; чтобы всего было довольно». Хозяинъ, смотря на золотыя деньги, удивился и про себя подумалъ: «Вотъ настоящій, благородный рыцарь. Я такихъ еще не видывалъ». Кушанье было приготовлено богатое. Когда Карлъ поужиналъ, онъ позвалъ къ себѣ на ночь хозяйскаго сторожа и легъ спать. Передъ сномъ онъ просилъ сторожа разбудить его, какъ только начнутъ благовѣстить въ соборѣ. Въ награду за эту службу онъ обѣщалъ ему золотой перстень. При первомъ ударѣ колокола, сторожъ подошелъ къ спящему королю и сталъ его будить: «Вставайте, господинъ. Въ соборѣ звонятъ. Дайте мнѣ заслуженный перстень». Карлъ поспѣшно поднялся, надѣлъ дорогую одежду и попросилъ хозяина проводить его. Рука объ руку, пошли они къ королевскому замку, но ворота были заперты большими запорами. — «Вашъ придется лѣзть подъ ворота, если вы непременно хотите войти, — сказалъ хозяинъ: — только тогда вы замараете платье». — «Я объ этомъ не забочусь», отвѣчалъ король и пролѣзъ вмѣстѣ съ спутникомъ своимъ въ замокъ. Потомъ Карлъ вошелъ въ соборъ, сѣлъ на стоявшій тамъ престолъ и положилъ себѣ на колѣни обнаженный мечъ. А по древнему франкскому обычаю, всякій, кто сидѣлъ на престолѣ, что стоялъ въ соборѣ, становился королемъ. Вскорѣ пришелъ одинъ изъ церковниковъ. Увидѣвъ сидящаго Карла съ обнаженнымъ мечемъ, онъ испугался и поспѣшилъ увѣдомить священника: «Сѣдой, незнакомый человѣкъ сидитъ на престолѣ и держитъ голый мечъ на колѣняхъ». Священникъ и другіе каноники не хотѣли вѣрить ему; одинъ изъ нихъ взялъ свѣтильникъ и смѣло пошелъ въ церковь. Когда передъ его глазами явился Карлъ, онъ бросилъ въ ужасѣ свѣтильникъ свой на полъ и бѣжалъ къ самому епископу. Епископъ приказалъ двумъ изъ прислужниковъ своихъ взять свѣчи и отправился съ ними къ собору. Подойдя къ Карлу, онъ робко спросилъ у него: «Скажи намъ, кто ты такой? здѣшній или загробный жилецъ? и что побудило тебя сѣсть на этотъ престолъ?» Тогда поднялся сѣдой незнакомецъ и молвилъ: «Ты зналъ меня, когда меня звали королемъ Карломъ и не было государя сильнѣе меня». Онъ приблизился къ епископу, чтобы тотъ могъ его рассмотреть. Епископъ тотчасъ его узналъ, радостно поздравилъ и обнялъ. Потомъ онъ повелъ его въ богатый домъ свой. Начался боль

шой звонъ, и свадебные гости стали спрашивать о причинѣ этого звона. Когда имъ сказали, что возвратился король Карлъ, они проворно разошлись, и каждый спѣшилъ убраться домой. Но епископъ просилъ Карла перемѣнить гнѣвъ на милость и любить по прежнему королеву, которая противъ воли согрѣшила передъ нимъ. Король послушалъ его просьбы, простилъ вельможамъ и съ королевою сталъ жить по прежнему въ любви и согласіи.

Много другихъ рассказовъ сохранила признательная память западныхъ народовъ объ императорѣ и королѣ Карлѣ. Изъ приведенныхъ выше видно, въ какомъ образѣ являлся онъ народному воображенію.

РЫЦАРЬ БАЯРДЪ.

Петръ дю Тераль, въ послѣдствіи рыцарь Баярдъ, родился въ 1476 году, не далеко отъ Гренобля, въ Баярдѣ, замкѣ отца своего, стараго пораненнаго воина. Фамилія Тераль принадлежала къ числу самыхъ славныхъ и благородныхъ въ провинціи Дофинѣ, которой дворянство издавна отличалось воинственнымъ духомъ и гордо называло себя «l'écartle des gentilshommes de France».

Въ отцовскомъ замкѣ съ братьями и сестрами росъ молодой Баярдъ. Согласно съ дворянскими понятіями того времени, при воспитаніи его болѣе обращали вниманія на развитіе тѣлесной силы и ловкости, чѣмъ на умственное образованіе, которое считалось необходимою только для духовенства. Мальчики, которые не готовили себя къ этому званію, читали мало, развѣ одни рыцарскіе романы; за то въ тѣлесныхъ упражненіяхъ они далеко превосходили изнѣженныхъ дѣтей нашего времени. Они съ раннихъ лѣтъ привыкали носить тяжелое вооруженіе, которое однако не стѣсняло свободы ихъ движеній, потому что они могли въ немъ танцовать, прыгать черезъ глубокіе рвы, вскакивать безъ помощи стремянъ на коня, взлѣзать безъ лѣстницы на гладкія, каменные стѣны, и т. д. Такая сила и гибкость членовъ были необходимы для людей, которыхъ главнымъ занятіемъ должна была быть война, и война не такая, какъ въ наше время, когда общее употребленіе огнестрѣльнаго оружія уничтожило почти всякое различіе между крѣпкимъ и безсильнымъ. Пушки и ружья конечно употреблялись уже въ концѣ XV столѣтія, но гораздо менѣе, чѣмъ теперь, и, по плохому тогдашнему ихъ устройству, онѣ не могли имѣть такой важности. Баярду было тринадцать лѣтъ, когда старый рыцарь дю-

Тераль созвалъ сыновей своихъ и спросилъ у каждого изъ нихъ: какой родъ жизни онъ намѣренъ для себя избрать? Старшій хотѣлъ остаться въ родовомъ замкѣ помощникомъ отца въ его хозяйственныхъ заботахъ; два меньшихъ просили, чтобы ихъ учили наукамъ, нужнымъ для достиженія высшихъ духовныхъ должностей; одинъ только Петръ объявилъ желаніе служить Франціи, какъ служили его прапрадѣдъ, прадѣдъ и дѣдъ, всѣ убитые въ сраженіяхъ. Отецъ благословилъ его выборъ и просилъ близкаго родственника своего, епископа Гренобльскаго, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ, помѣстить Петра при особѣ какого-нибудь знатнаго господина, у котораго молодому человеку можно было бы научиться хорошему обращенію и насмотрѣться на благородные примѣры. Таковъ былъ тогдашній обычай. Вѣрный слуга рыцаря Баярда, который оставилъ самъ прекрасную и простодушную повѣсть о подвигахъ своего господина ¹⁾, рассказалъ подробно о его прощаніи съ родителями. Мать молодого Петра дала ему предъ разлукою небольшой кошелекъ съ деньгами и четыре совѣта: жить съ твердою вѣрою въ Бога, говорить правду, оказывать уваженіе и вѣжливость къ равнымъ себѣ и быть крѣпкимъ защитникомъ и другомъ бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ. Деньги онъ истратилъ скоро, совѣты сберегъ на всю жизнь.

Епископъ Гренобльскій помѣстилъ своего племянника пажемъ ко двору герцога Карла Савойскаго, гдѣ онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ. Потомъ, герцогъ собрался посѣтить молодого короля французскаго, Карла VIII, жившаго тогда въ Ліонѣ, и взялъ съ собою, въ числѣ прочихъ служителей, пажа дю-Тералья. Общее вниманіе остановилось на тринадцатилѣтнемъ мальчикѣ, который съ необыкновенною смѣлостію и ловкостію правилъ конемъ своимъ и въ то же время былъ кротокъ и застѣнчивъ, какъ дѣвушка. Король французскій выпросилъ Баярда у прежняго господина и передалъ его для окончательнаго воспитанія другу и родственнику своему, графу Люксембургскому. Черезъ три года Баярдъ былъ уже настоящимъ воиномъ. По примѣру большей части тогдашнихъ французскихъ дворянъ, онъ началъ службу въ конницѣ. Пѣхота, кромѣ главныхъ начальниковъ, состояла изъ

¹⁾ Подъ заглавіемъ: Très joyeuse, plaisante et créative histoire, composée par le loyal serviteur des faits, gestes, triomphes et prouesses du beau chevalier sans peur et sans reproches, gentil seigneur de Bayard.

людей низшаго класса и нѣмецкихъ или швейцарскихъ наемниковъ, которые за деньги служили кому угодно, даже противъ соотечественниковъ. Несмотря на мирное время, Баярдъ умѣлъ заслужить извѣстность своими побѣдами на турнирахъ, въ которыхъ воинственное дворянство, скучая праздностію, выказывало передъ дамами силу и смѣлость, часто съ опасностію самой жизни. Товарищи и бѣдные любили его за простоту нрава и безграничную щедрость. Съ другомъ и недругомъ дѣлился онъ послѣднимъ добромъ своимъ и не думалъ о собственной нуждѣ. Онъ едва выходилъ изъ дѣтства, но будущій «рыцарь-безъ страха и упрека» уже былъ видѣнъ.

Въ 1494 году, Карлъ VIII выступилъ съ большимъ войскомъ въ Италію. Это было начало такъ называемыхъ Итальянскихъ войнъ, которыми открывается новая исторія Европы. Съ этого времени до самой смерти, Баярдъ почти не сходилъ съ поприща войны. Походъ Карла былъ сначала очень удаченъ. Онъ прошелъ вдоль всю Италію и безъ труда занялъ королевство Неаполитанское, на которое у него были наслѣдственные права. Французы дивились слабости Итальянцевъ, такъ легко уступавшихъ иноземцамъ самыя дорогія достоянія человѣка — независимость и родную землю. Въ простотѣ и невѣжествѣ своемъ, они приписывали эту слабость духа той блестящей образованности, которою дѣйствительно тогдашніе Итальянцы отличались предъ всѣми другими народами. Но настоящая образованность не ослабляетъ мужества; напротивъ того, она его укрѣпляетъ и направляетъ къ цѣлямъ разумнымъ и достойнымъ. Есть другая образованность, ложная и вредная, которая нѣжитъ и балуетъ умъ, отучая его отъ строгихъ, общественныхъ помысловъ. Такая образованность, конечно, можетъ развить въ человѣкѣ прекрасную способность наслаждаться картинами, музыкою, стихами, но наслажденіе будетъ бесплодно; оно будетъ похоже на наслажденіе лакомки. Человѣкъ, который, ради картинъ или книгъ, въ состояніи забыть о другихъ людяхъ и не думать объ ихъ участи, не многимъ лучше безнравственнаго ребенка, который ѣстъ тайкомъ сладкій кусокъ, когда мать и отецъ его умираютъ съ голоду. Итальянцы XV вѣка съ жаромъ изучали великихъ писателей Греческой и Римской древности, но они болѣе обращали вниманія на изящную форму изучаемыхъ произведеній, чѣмъ на ихъ глубокій, нравственный смыслъ. Упиваясь сладкозвучною рѣчью, они не думали объ усвоеніи себѣ той доблести, той

правственной красоты, того человѣческаго достоинства, которыми такъ ярко сіяютъ великіе люди Греческой и Римской исторіи. Зато тѣ Итальянцы, которые поняли древность съ настоящей стороны, не уступали ни Французамъ, ни другимъ народамъ въ мужествѣ военномъ, и далеко превосходили ихъ во всемъ другомъ. Къ несчастію, такихъ было не много.

Главная причина, почему Италія такъ легко поддавалась иноземникамъ, заключалась въ ея раздробленіи на множество княжествъ и республикъ, которыя непрерывно воевали другъ съ другомъ и не могли соединиться въ прочный союзъ, даже при общей всѣмъ опасности. Впрочемъ, Карлъ VIII не долго удержалъ за собою такъ скоро завоеванное имъ Неаполитанское королевство. Въ то самое время, когда, среди пировъ и рыцарскихъ забавъ, онъ собирался въ новый походъ, котораго цѣлью были изгнаніе Турокъ изъ Европы и освобожденіе изъ подъ власти Магометанъ гроба Господня, до него дошла вѣсть, что тотъ самый Лудовикъ Моро, правитель Миланскій, который призывалъ его себѣ на помощь въ Италію, теперь соединился противъ него съ папою и могущественною Венеціанскою республикою. Такимъ образомъ Французамъ былъ отрѣзанъ возвратный путь на родину. Карлъ, встревоженный этими извѣстіями, отказался на время отъ своихъ прежнихъ намѣреній, оставилъ значительный отрядъ для защиты Неаполя, а самъ съ прочимъ войскомъ пошелъ къ сѣверу. На берегахъ рѣки Таро, близъ Форново, ожидали его соединенные Итальянцы. Сильнымъ нападеніемъ Французы сбили многочисленныхъ противниковъ и прочистили себѣ дорогу. Девятнадцатилѣтній Баярдъ совершилъ здѣсь свой первый, блистательный подвигъ. Онъ поднесъ королю отнятое имъ лично непріятельское знамя. Въ жаркой схваткѣ подъ нимъ были убиты двѣ лошади.

Черезъ три года умеръ Карлъ VIII. Преемникъ его, Лудовикъ XII, прозванный отцомъ народа, предпринялъ новый походъ въ Италію, откуда Французы уже были совершенно вытѣснены. Онъ считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ герцогства Миланскаго. Баярдъ отличился въ самомъ началѣ войны. Преслѣдуя разбитый отрядъ Миланскихъ войскъ, онъ ускакалъ отъ болѣе осторожныхъ товарищей, и одинъ вѣсть съ бѣглецами, ворвался въ городъ Миланъ. Его, разумѣется, немедленно окружили и принудили сдаться. Лудовикъ Моро почтилъ его отвагу и возвратилъ ему безъ выкупа свободу и оружіе.

Но Баярдъ самъ осудилъ свою запальчивость. Ему также незнакомо было тщеславіе, какъ и чувство страха. Въ послѣдствіи, онъ никогда не искалъ ненужныхъ опасностей и пренебрегалъ суетною славою удачества. Французы скоро завоевали Миланское герцогство и вторично проникли въ Неаполь, но на этотъ разъ они должны были уступить часть прекрасной добычи Фердинанду католику, королю Испанскому. Согласіе между Фердинандомъ и Лудовикомъ XII было непродолжительно. Въ 1502 году, въ южной Италіи завязалась новая война, въ которой съ обѣихъ сторонъ стояли самые знаменитые воины того времени. Со стороны Испанцевъ: блестящій побѣдитель Мавровъ, Гонзалъвъ Кордуанскій, заслужившій отъ современниковъ, по преимуществу, имя «великаго полководца»; Донъ Педро Наварра, который началъ службу простымъ солдатомъ въ пѣхотѣ и сдѣлался графомъ. Для него не было недоступной крѣпости. Онъ умѣлъ всюду подвести подкопъ и взрывалъ на воздухъ цѣлыя горы. Педро де-Пацъ, горбатый карликъ съ косыми глазами; когда онъ сидѣлъ на конѣ, его почти нельзя было видѣть, по малому росту, но въ цѣломъ мірѣ едва ли было сердце болѣе смѣлое. Онъ не боялся ни живыхъ враговъ, ни привидѣній, въ которыхъ крѣпко вѣрили тогдашніе люди. Съ такимъ же безстрашіемъ ходилъ онъ въ битву, съ какимъ спускался въ осваленныя суевѣріемъ пещеры, гдѣ, по народному повѣрью, злые духи берегли богатые клады. Со стороны Французовъ были: Добиньи, мѣъ царственного дома шотландскихъ Стюартовъ; Лапалисъ, на полѣ битвы провозглашенный Французскимъ маршаломъ изумленными Испанцами. Король утвердилъ его въ санѣ, признанномъ благородными противниками. Монтуазонъ, дряхлый и больной старикъ, который становился бодрымъ юношею, «соколомъ сраженія», при видѣ непріятеля; Имберкуръ, Фонтраль и Баярдъ. Имя молодого рыцаря уже было славно. Въ частыхъ, почти ежедневныхъ сшибкахъ ему было можно обнаружить великія военныя качества, которыми одарила его природа. Однажды онъ взялъ въ плѣнъ знатнаго Испанца, Алонзо де-Сото-Майоръ. Въ ожиданіи условленнаго выкупа, побѣдитель, полагаясь на честное слово плѣнника, освободилъ его отъ всякаго надзора. Испанцу скоро наскучила праздная жизнь въ плѣну; онъ нарушилъ рыцарское обѣщаніе и бѣжалъ. Побѣгъ не удался. Взятый въ другой разъ, Донъ Алонзо былъ заключенъ въ башню, откуда его освободили только по уплатѣ имъ тысячи червонцевъ выкупа. Эти деньги Баярдъ

немедленно роздалъ подчиненнымъ своимъ. Ему достаточно было одной чести. Но самолюбіе испанскаго рыцаря было глубоко тронуто: онъ жаловался въ оскорбительныхъ выраженіяхъ на строгость надзора, на неприличное обхожденіе съ нимъ Баярда. Въ то время подобныя ссоры обыкновенно оканчивались поединкомъ. Другихъ средствъ къ отвращенію обидъ или клеветы не знали. Несмотря на тяжкую болѣзнь Баярда, поединокъ между нимъ и Донъ Алонзо былъ неизбеженъ. Они бились на смерть, въ присутствіи значительнаго числа свидѣтелей изъ обѣихъ армій. Предъ началомъ боя, Баярдъ преклонилъ колѣна, произнесъ молитву и приложился къ землѣ. Сото-Майоръ былъ убитъ. Впрочемъ, такого рода подвиговъ въ жизни Баярда не много, хотя поединки принадлежали къ числу самыхъ обыкновенныхъ случаевъ. Высокое, всѣми признанное безстрашіе соединялось въ немъ съ такою чистою скромностію, такою простотою души и уваженіемъ къ чести другихъ, что онъ не могъ ни наносить, ни получать тѣхъ мелкихъ оскорбленій, которыя въ то время неминуемо влекли за собою кровавую расправу. Ему случилось отбить у Испанцевъ 15,000 червонныхъ, сумму огромную, которая превышала все его родовое имѣніе и по праву принадлежала ему одному. Несмотря на то, одинъ изъ его товарищей незаконно потребовалъ участка въ этой добычѣ. Баярдъ отказалъ въ наглomъ требованіи и предоставилъ дѣло на разборъ начальниковъ. Рѣшеніе было въ его пользу. Тогда онъ раздѣлилъ деньги на двѣ половины и добровольно отдалъ одну опечаленному противнику, другую — солдатамъ. Великодушіе его обогатило многихъ, самъ онъ остался бѣденъ до конца жизни.

Между тѣмъ, война приняла дурной для Французовъ оборотъ. Они были слишкомъ опрометчивы, а вели дѣло съ врагомъ осторожнымъ и осмотрительнымъ. Програвъ нѣсколько сраженій, въ 1504 году, имъ наконецъ пришлось совсѣмъ оставить Неаполитанское королевство. Баярду обязана была Французская армія спасеніемъ отъ совершенной гибели, которая ей однажды грозила. Оба непріятельскія войска стояли въ виду одно другаго, на противоположныхъ берегахъ рѣчки Гарильяно. Узкій и плохой мостъ представлялъ опасную переправу. Въ этой увѣренности, Французы безпечно расположились въ лагерь своемъ и не ждали никакого нападенія. Испанцы замѣтили ихъ оплошность. Донъ Педро де Пацъ пошелъ съ довольно сильнымъ отрядомъ внизъ по рѣкѣ, какъ-бы отыскивая броду, и обратилъ на

себя все вниманіе французскихъ начальниковъ. Между тѣмъ, двѣсти человекъ конницы понеслись къ мосту, оставленному безъ охраны. Одинъ Баярдъ замѣтилъ это движеніе и бросился имъ на встрѣчу. Узкость моста не позволяла Испанцамъ развернуться: они должны были идти по три въ рядъ. Этимъ воспользовался рыцарь безъ страха и упрека. Онъ сбросилъ передовыхъ противниковъ въ рѣку и устоялъ противъ остальныхъ, пока къ нему не подошла помощь. Сувѣрные Испанцы были убѣждены, что съ ними бился демонъ. Они не вѣрили, чтобы человекъ могъ выдержать такую неравную борьбу. Наградою за это дѣло былъ данный королемъ Баярду девизъ: *unus viges agminis habet*¹⁾.

Празднoсть Баярда, по выступленіи Французовъ изъ Неаполя, продолжалась недолго. Онъ оказалъ Лудовику XII важныя услуги при взятіи Генуи. По заключеніи Камбрейскаго договора, соединившаго противъ одной Венеціи силы Нѣмецкаго императора, папы и королей Французскаго и Испанскаго, сверхъ Итальянскихъ князей, давнихъ завистниковъ республики, Баярдъ явился опять на поприщѣ своихъ первыхъ подвиговъ. Этотъ разъ Венеція вела войну благородную. Она создала подъ свои знамена лучшихъ юношей Италіи и указала на святую для нихъ цѣль войны, на освобожденіе родины отъ иностранцевъ, которые нагло дѣлили ее между собою. Но счастье измѣнило республикѣ, дотогѣ почти незнавшей неудачъ. 14 мая 1509 года, при Аньяделло, венеціанская армія была на голову разбита Французами. Цѣлѣ итальянскихъ юношей, самые благородные, самые образованные легли въ битвѣ. Побѣдители должны были признать высокое мужество побѣжденныхъ и поняли, что есть образованность, которая не дѣлаетъ человека малодушнымъ. Венеціане съ гордостію рассказывали, что убитые ихъ ратники почти всѣ были ранены въ грудь. Это было единственное, но прекрасное утѣшеніе Италіи, навсегда утратившей свою независимость; Баярдъ былъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ Аньядельской побѣды. При осадѣ Павіи, онъ заставилъ императора Максимилиана сказать, что онъ завидуетъ королю Французскому, у котораго есть такой слуга. Потомъ онъ былъ отправленъ на помощь герцогу Феррарскому противъ папы Юлія II. Баярдъ едва не захватилъ въ плѣнъ не по сану воинственнаго папу и вслѣдъ

¹⁾ У него одного сила цѣлаго войска.

за тѣмъ спасъ ему жизнь, которой грозила опасность со стороны измѣнника. Въ началѣ 1512 года, у Французовъ почти не оставалось союзниковъ. Они должны были вести войну съ тѣми же государствами, которыя въ Камбре соединились съ ними противъ Венеціи. Тогда начальство надъ войсками Людовика XII принялъ двадцатичетырехлѣтній Гастонъ де Фуа, герцогъ Немурскій. Его военное поприще было коротко и славно. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ завоевалъ почти всю сѣверную Италію и грозилъ выгнать Испанцевъ изъ южной. Самый близкій совѣтникъ его былъ Баярдъ. На кровавомъ приступѣ къ Брешии, Баярдъ велъ передовой отрядъ и рѣшилъ успѣхъ предпріятія, но былъ тяжело раненъ. Его перенесли въ одинъ изъ лучшихъ домовъ завоеваннаго города. Несмотря на свои страданія, добрый рыцарь прежде всего позаботился о томъ, чтобы хозяева его не потерпѣли оскорбленій отъ раздраженныхъ побѣдителей, грабившихъ Брешию. По выздоровленіи, онъ не хотѣлъ принять никакого выкупа отъ богатой хозяйки дома, которая, по тогдашнимъ законамъ войны, была его плѣнницею. Часть денегъ, ею принесенныхъ, онъ подарилъ ей дочерямъ въ приданое, остальные велѣлъ раздать въ женскихъ монастыряхъ наиболѣе пострадавшимъ во время приступа. Онъ прибылъ въ станъ герцога Немурскаго за нѣсколько дней до славной битвы Равеннской.

Въ самый праздникъ Свѣтлаго Воскресенья, день радости и примиренія для христіанъ, сошлись не для мирнаго дѣла испанская и французская арміи. Многіе, глядя на кровавый цвѣтъ восходившаго солнца, предсказывали страшную сѣчу, смерть какого-нибудь великаго вождя. Съ ранняго утра, Гастонъ былъ на конѣ и въ полномъ доспѣхѣ. Съ Баярдомъ и еще нѣсколькими спутниками подѣхалъ онъ къ небольшому ручью, по ту сторону котораго стоялъ непріятель. Гастону хотѣлось взглянуть на его положеніе. За ручьемъ было человекъ двадцать или тридцать Испанцевъ. Они въ свою очередь обозрѣвали французскій станъ. Баярдъ обратился къ нимъ съ рыцарскимъ привѣтомъ и словами: «Вы, государи мои, кажется, гуляете, подобно намъ, въ ожиданіи болѣе веселой забавы. Запретите пока стрѣлять съ вашей стороны, я отдамъ такое же приказаніе своимъ». Донъ Педро де-Пацъ спросилъ объ его имени, и когда узналъ, что съ нимъ говоритъ рыцарь безъ страха и упрека, котораго онъ полагалъ еще въ Брешии, то поздравилъ его съ прибытіемъ: «Я радъ васъ видѣть, бла-

городный господинъ, хотя присутствіе ваше для насъ не прибыль. Французская армія усилилась двумя тысячами человекъ въ вашемъ лицѣ. Дай Богъ, чтобы между нашими государями когда-нибудь состоялся прочный миръ и чтобы намъ, наконецъ, можно было сойтись не для битвы, а для дружеской бесѣды». Потомъ, Донъ Педро спросилъ: «Кто этотъ статный, молодой господинъ, которому всѣ вы оказываете такое почтеніе?»

Баярдъ отвѣчалъ: «Это герцогъ Немурскій, братъ вашей королевы». Тогда Испанцы сошли съ коней и, преклонивъ колѣни, привѣтствовали Гастона: «Мы преданные вамъ слуги, герцогъ, во всемъ, что не противорѣчитъ вѣрности, обѣщанной нами королю Фердинанду». Гастонъ поблагодарилъ ихъ, и они разѣхались. Немного спустя началось дѣло. Соединенное войско Фердинанда и папы стояло за глубокими рвами. Доступъ къ нему былъ труденъ, почти невозможенъ. Но когда французскія пушки открыли огонь, испанская конница не выдержала. Она перескочила черезъ рвы и понеслась въ чистое поле на встрѣчу Гастону, Баярду и Лапалису, которые того только и ждали. Они опрокинули запальчивыхъ враговъ и погнали ихъ передъ собою. Потомъ, французская пѣхота овладѣла окопами. Сраженіе было проиграно Испанцами. Главные начальники ихъ арміи были убиты или ранены. Въ числѣ павшихъ были Донъ Педро Наварра и молодой маркизъ Пескара, въ послѣдствіи одинъ изъ великихъ генераловъ Карла V. Военное поприще его только начиналось. На щитѣ его было написано: «съ нимъ или на немъ». Но онъ забылъ гордый девизъ и отдалъ побѣдителю щитъ и мечъ. Двѣ тысячи человекъ испанской пѣхоты сохранили строй въ общемъ безпорядкѣ. Тихо и гордо отступали они къ Равеннѣ. Гастонъ отрѣзалъ имъ дорогу къ городу. Но въ упоеніи выигранной побѣды, онъ не замѣтилъ, что при немъ было не болѣе тридцати всадниковъ. Бой былъ не продолжителенъ. Четырнадцать ранъ получилъ Гастонъ и палъ мертвый. Жаль было не его, а французской арміи, потерявшей такого начальника. Его смерть была прекрасна. Ей можно завидовать, но не жалѣть объ ней. Онъ умеръ молодъ, въ торжественную минуту жизни, исполненный гордой радости и высокихъ надеждъ. Совершились ли бы его надежды, кто знаетъ? Онъ унесъ ихъ съ собою.

Онъ унесъ съ собою и счастье Франціи. Равеннская побѣда не привела тѣхъ послѣдствій, которыхъ отъ нея можно было ожидать. Враги

Лудовика XII удвоили усилія: его армія должна была снова оставить Италію. При отступленіи, Баярдъ, по обыкновенію своему, занялъ самое опасное мѣсто: онъ велъ задній отрядъ и отбивалъ напиравшаго непріятеля. Большой, тяжело раненный, онъ прибылъ въ Гренобль. Жизнь его, повидимому, угасала. Народъ съ горячимъ участіемъ толпился около дома, гдѣ онъ лежалъ. Въ церквахъ молились о его выздоровленіи. Баярдъ жалъ объ одномъ: о томъ, что Богъ не далъ ему умереть смертью воина, вѣстѣ съ Гастономъ, въ битвѣ Равеннской. Но ему не суждено было умереть такъ рано. Передъ нимъ было еще нѣсколько годовъ славной и благородной жизни.

Вскорѣ по выздоровленіи, Баярдъ отправился въ Испанію, гдѣ шла война за Наварру, которую незаконно овладѣлъ Фердинандъ Католикъ. Оттуда его призвалъ Лудовикъ XII для защиты границъ собственнаго государства. Императоръ нѣмецкій Максимилианъ и Генрихъ VIII, король англійскій, соединились во французской провинціи Пикардін и обложили городъ Теруанъ. Подобно было подать помощь осажденнымъ. Но французская конница, объята страннымъ страхомъ, усакала съ поля, не дожидаясь нападенія. Въ послѣдствіи это дѣло было названо битвою шпоръ (*la bataille des éperons*). Баярдъ, Лапалисъ и еще немногіе остались назади, не рѣшаясь бѣжать. Лапалису удалось потомъ отбиться; Баярдъ, со всѣхъ сторонъ окруженный, бросился на непріятельскаго оенцера, который вовсе не ждалъ нападенія со стороны разбѣянныхъ Французовъ, приставилъ ему мечъ къ горлу и принудилъ сдаться. Тогда Баярдъ отдалъ ему въ свою очередь мечъ и сказалъ: «Вы мой плѣнникъ, а я вашъ. Ведите меня къ императору». Максимилианъ и Генрихъ приняли его съ высокими уваженіемъ и рѣшили, что онъ не обязанъ платить выкупа, потому что былъ взятъ не какъ другіе. Англійскій король предложилъ ему вступить къ нему въ службу, на самыхъ блестящихъ условіяхъ. Баярдъ отвѣчалъ, что у него одинъ Богъ на небѣ и одно отечество на землѣ и что онъ не можетъ измѣнить ни тому, ни другому. Подобный отвѣтъ далъ онъ еще прежде папѣ Юлію II. Предложенія Генриха и папы были основаны на неблагодарности французскаго правительства, которое, пользуясь службою благороднаго рыцаря, не умѣло цѣнить его по достоинству и не хотѣло его поставить на приличное ему мѣсто. Изъ всѣхъ французскихъ генераловъ того времени, онъ былъ самый знаменитый; несмотря на то, до самой смерти своей, онъ долженъ былъ по-

виноваться начальникамъ, которые были моложе его и лѣтами и службою. Но Баярду не нужно было никакихъ наградъ. Онъ никому не завидовалъ, никогда не искалъ повышенія. Въ высокой скромности и чистотѣ сердца, онъ былъ доволенъ сознаніемъ совершеннаго долга и отвращеніемъ опасностей, которыя грозили его родинѣ. Другихъ цѣлей жизни у него не было.

Лудовикъ XII умеръ. Его мѣсто заступилъ Францискъ I. Новый король былъ молодъ, смѣлъ, исполненъ жаркой любви къ славѣ. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, онъ задумалъ о завоеваніи отнятаго у его предшественника Миланскаго герцогства. Баярдъ былъ назначенъ королевскимъ намѣстникомъ въ родную провинцію Дофинне и получилъ приказаніе наблюдать за Швейцарцами и папскими войсками, которыя сторожили проходы въ Италію. Онъ началъ военныя дѣйствія взятіемъ въ плѣнъ папскаго генерала, Проспера Колонны, и значительнаго отряда конницы. Первая удача имѣла большое вліяніе на остальной ходъ предпріятія. Не далеко отъ Миланскихъ воротъ, у Мариньяно, Швейцарцы остановили французскую армію. Это случилось 13 сентября 1515 года. Швейцарская пѣхота слыла неодолимою. Въ то время ей не было равной, за исключеніемъ развѣ турецкихъ янычаровъ, на другомъ концѣ Европы пользовавшихся такою же славой. Густыми рядами, уставивъ впередъ длинныя копья, ходили Швейцарцы въ битву и ломали все, что попадалось имъ на встрѣчу. Никакая конница не могла удержать ихъ. Частыя побѣды убѣдили ихъ въ собственной непобѣдимости и исполнили презрѣнія къ другимъ. Французскихъ латниковъ они называли вооруженными зайцами. Два дня бились они при Мариньяно; нѣсколько разъ они были близки къ побѣдѣ, наконецъ, сдѣлавъ последнее отчаянное усиліе, потерявъ двѣ трети своихъ убитыми и ранеными, они отступили. Подобной сѣчи не могли запомнить самые старые войны. Бѣшенная лошадь унесла Баярда въ средину непріятелей, смерть его казалась неизбежною, но онъ не потерялъ присутствія духа, свалился въ глубокій ровъ и кое-какъ пробрался къ своимъ. Послѣ побѣды, король Францискъ просилъ Баярда возвести его въ достоинство рыцаря. Рыцарю безъ страха и упрека принадлежала по праву такая честь.

Вскорѣ потомъ, у Франциска явился соперникъ, столько же молодой, столько же честолюбивый, и болѣе могущественный. То былъ Карлъ, король Испанскій, по смерти Максимилиана избранный импе-

раторъ Нѣмецкій. Прочный миръ между ними былъ невозможенъ. Въ 1521 году, императорскія войска вошли во Францію, заняли часть Шампаніи и подступили къ Меэюру. Взятіе этого города открыло бы имъ путь во внутренность королевства. Испуганные придворные совѣтовали Франциску съечь скорѣе Меэеръ, чтобы онъ не достался непріятелю, отдать на разореніе Шампанію и собрать всѣ силы государства около Парижа. Баярдъ возсталъ противъ малодушныхъ и безчеловѣчныхъ мнѣній. «Меэеръ плохая крѣпость, сказалъ онъ, но храбрые люди стоятъ крѣпкихъ стѣнъ». Онъ вызвался защищать городъ. Дѣло было трудное: онъ доказалъ, что оно не превышало его силъ. Нѣсколько недѣль простояли Карловы генералы передъ городомъ почти безъ укрѣпленій, которыми они надѣялись взять безъ сопротивленія; наконецъ имъ должно было снять осаду и удалиться въ Германію. За эту великую услугу Францискъ наградилъ Баярда орденомъ св. Михаила; народъ считалъ его спасителемъ Франціи. Баярдъ не долго пробылъ при дворѣ, гдѣ его осыпали почестями. Его призывали опасности новаго рода. Въ провинціи Доэинне открылась моровая язва. Онъ поспѣшилъ туда, успокоилъ народъ и дѣятельными мѣрами умѣлъ остановить распространеніе страшной болѣзни. Потомъ, онъ умиротворилъ Генуэзцевъ, которые снова отложились отъ Франціи, и взялъ городъ Лоди. Начальникомъ французской арміи былъ тогда адмиралъ Бонниве, любимецъ короля, человѣкъ лично храбрый, но самонадѣянный и неопытный въ военномъ дѣлѣ. Несмотря на возраженія Баярда, онъ заставилъ его занять въ деревнѣ Ребекъ, близъ Милана, невыгодное положеніе, которое предавало его въ руки врагамъ. Испанцы воспользовались ошибкою и дѣйствительно окружили Ребекъ. Съ страшными усиліями удалось Баярду пробиться назадъ къ арміи, но онъ былъ глубоко опечаленъ потерями, которыя отрядъ его понесъ въ неравной борьбѣ. Онъ былъ щедръ только на свою кровь; кровь и жизнь другихъ онъ берегъ свято. Легкомысліе Бонниве казалось ему преступнымъ, и онъ не скрылъ своего мнѣнія. Поправить испорченное дѣло было невозможно: Французы отошли отъ Милана тѣснимые Испанцами, которые надѣялись на совершенную побѣду. Раненый Бонниве понялъ, что одинъ Баярдъ въ состояніи принять начальство надъ арміею и спасти ее. Онъ обратился къ нему. «Теперь поздно, отвѣчалъ Баярдъ; я могу вамъ обѣщать одно: пока я живъ, мы не сдадимся». Въ виду многочисленнаго непріятеля надобно

было переправиться черезъ рѣчку Сесію, между Романьяно и Гатина-рою. 30 апрѣля 1524 года, въ десять часовъ утра, Баярдъ былъ раненъ на-вылетъ каменною пулею, которая перебила ему спинную кость. Онъ дважды призвалъ имя Божіе и тихо свалился съ лошади. Его положили подъ дерево, лицомъ къ приближавшимся Испанцамъ. «Я всегда смотрѣлъ нмъ въ лицо», сказалъ онъ, «умирая, не хочу обратиться спиною». Потомъ, онъ отдалъ нѣсколько приказаній насчетъ поспѣшнаго отступленія, исповѣдалъ грѣхи свои одному изъ бывшихъ при немъ служителей и приложилъ къ губамъ крестъ, бывший на рукояткѣ его меча. Въ такомъ положеніи нашли его непріатели. Они обступили его съ знаками глубокаго участія. Помочь ему было невозможно: онъ отходилъ отъ жизни. Не одни Французы скорбѣли о великой уtratѣ. Адріанъ де Круа, испанскій генералъ, слѣдующими словами увѣдомилъ императора Карла о кончинѣ рыцаря безъ страха и упрека: «Государь, хотя Баярдъ служилъ врагу вашему, смерть его достойна сожалѣнія. Онъ былъ благородный рыцарь, и всѣ любили его. Едва ли кто могъ поравняться съ нимъ чистотою жизни, а кончина его была такъ хороша, что я никогда не слыхалъ о подобной». Слѣдствія его смерти не замедлили обнаружиться. Меньше чѣмъ черезъ годъ, французская армія была совершенно разбита и разсѣяна при Павіи. Король Францискъ былъ взятъ въ плѣнъ. Тогда оцѣнилъ онъ Баярда. «О, рыцарь Баярдъ! рыцарь Баярдъ! воскликнулъ онъ въ горѣ своемъ: еслибы ты былъ живъ, я бы не былъ въ плѣну».

Баярду было сорокъ восемь лѣтъ, когда онъ былъ убитъ. По словамъ современниковъ, онъ былъ высокъ ростомъ и худъ. У него были черные глаза, темные волосы и орлиный носъ. Лице было блѣдное, съ выраженіемъ безконечной доброты. Съ перваго взгляда, его никакъ нельзя было принять за стараго воина, привыкшаго къ битвамъ и кровопролитію. Онъ болѣе походилъ на человѣка, посвятившаго себя молитвѣ и мирному служенію больнымъ и скорбнымъ братьямъ. Здоровье у него было не крѣпкое. Кромѣ ранъ, онъ страдалъ семь лѣтъ сряду лихорадкою; но болѣзни не мѣшали ему служить Франціи и дѣлать свое дѣло. Онъ побуждалъ ихъ силою души. Онъ отличался высокимъ благочестіемъ, хотя не любилъ молиться въ присутствіи свидѣтелей; служители его рассказывали, что онъ вставалъ по ночамъ, когда думалъ, что другіе уже спятъ, и тогда совершалъ долгую и горячую молитву. Милосердіе его къ бѣднымъ не имѣло пре-

дѣловъ. Il estoit grant aumosnier et faisait ses aulmosnes secrètement, говорить его простодушный біографъ. Когда нужно было подать помощь, онъ не отличалъ враговъ отъ своихъ. Больше ста бѣдныхъ дѣвицъ надѣлилъ онъ приданымъ во Франціи и завоеванныхъ ею краяхъ. За то онъ умеръ бѣденъ, при огромныхъ средствахъ къ обогащенію себя. Среди ужасовъ войны, продолжительной и свирѣпой, онъ сохранялъ всю свѣжесть юношескаго сердца и до конца не могъ равнодушно смотрѣть на пожары и грабежи, которыми сопровождалось движеніе воевавшихъ арій. Чуждый тщеславія, онъ бережно хранилъ честь свою, потому что понималъ ее не такъ, какъ понимала ее большая часть его современниковъ и какъ понимаютъ много людей настоящаго времени. Его чувство чести было основано на глубокомъ уваженіи къ личности человѣческой. Всякую обиду, неправу нанесенную человѣку, онъ считалъ грѣхомъ и преступленіемъ, и потому равно отвращалъ ее отъ себя и отъ другихъ. Однимъ словомъ, онъ законно носить названіе рыцаря безъ страха и упрека, и le loyal serviteur не напрасно сказалъ объ немъ: «ne s'est trouvé, en cronique ou hystoire, prince, gentil-homme, ne autre condition qu'il ait esté, qui plus furieusement entre les cruels, plus doucement entre les humbles, ne plus humainement entre les petis ait vescu que le bau chevalier dont la présente hystoire est commencée».

П Е Т Р Ъ Р А М У С Ъ ¹⁾.

У науки есть также свои герои и мученики. Къ числу такихъ принадлежитъ Петръ Рамусъ (Pierre la Ramée), одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей XVI вѣка, столь богатаго великими личностями. Онъ родился въ Пикардіи, отъ очень бѣдныхъ родителей, около 1515 года. Влекомый раннею страстію къ знанію, онъ, подобно нашему Ломоносову, бѣжалъ изъ отцовскаго дома въ Парижъ, гдѣ надѣялся найти средства къ ученію. Но въ Парижѣ его встрѣтила нищета. Два раза возвращался онъ домой, но не терялъ смѣлости, и третья попытка была удачнѣе. Его приняли слугою въ наварскій коллегіумъ: днемъ онъ исправлялъ обязанности своего званія, ночью учился. Съ равнымъ жаромъ занимался онъ философіею, филологіею и математикою. Тогдашнее состояніе науки, скованной схоластическими опредѣленіями, не могло удовлетворить требованій его яснаго и отъ природы полемическаго ума. При полученіи степени магистра онъ уже обратилъ на себя вниманіе смѣлымъ тезисомъ: все ученіе Аристотеля ложно. Его лекціи были въ томъ же духѣ. Въ 1543 году онъ издалъ двѣ книги, опредѣлившія на всю жизнь его отношенія къ современнымъ ему ученымъ: *Institutiones dialecticae* и *Aristotelicae animadversiones*. Въ первой онъ изложилъ собственную систему логики, во второй подвергъ строгому и отчасти несправедливому разбору ученіе Аристотеля. Но цѣль Рамуса была благородна: онъ боролся не столько съ греческимъ философomъ, сколько съ его толкователями, которыхъ формализмъ былъ ему ненавистенъ. Онъ требовалъ отъ науки простоты, положительности и прямого вліянія на жизнь. Всѣмъ этимъ требованіямъ противорѣчила схоластика.

¹⁾ Эта и двѣ слѣдующія статьи напечатаны въ «Жизненной Энциклопедіи». 1847 г.

Враги Рамуса употребили противъ него средство, которое обыкновенно употребляютъ защитники старыхъ, отжившихъ ученій. Они обвинили его передъ правительствомъ въ оскорбленіи религіи и нравственности. Не надѣясь на содѣйствіе парламента, они обратились прямо къ королю Франциску I. Король поручилъ рѣшеніе дѣла комисіи, составленной изъ пяти извѣстныхъ ученыхъ. Противники Рамуса находились въ большинствѣ и одержали верхъ. У него было отнято право преподаванія; на книги его наложено запрещеніе. Этотъ приговоръ былъ изданъ на латинскомъ и французскомъ языкахъ, обнародованъ на улицахъ парижскихъ и разосланъ въ главные города Европы. Но месть побѣдителей не ограничилась этимъ: имя Рамуса стало ругательнымъ словомъ; въ драматическихъ піесахъ, нарочно съ такою цѣлью написанныхъ, явилось его опозоренное и осмѣянное лице. Рамусъ не поникъ главою предъ бурею. Черезъ нѣсколько лѣтъ ему было разрѣшено преподаваніе философіи, а въ 1551 году онъ былъ утвержденъ профессоромъ философіи и краснорѣчія. Тогда наступило для него время богатой и страстной дѣятельности. Почти во всѣхъ отрасляхъ знанія явился онъ преобразователемъ. Въ наукѣ и въ способахъ ея изученія указывалъ онъ новые пути, составилъ планъ полнаго физико-математическаго курса, издалъ грамматики языковъ французскаго, латинскаго, греческаго и еврейскаго; съ защитниками старыхъ методовъ и системъ онъ продолжалъ неутомимую полемику. Средневѣковыя формы Парижскаго Университета требовали обновленія въ духѣ времени. Назначенный членомъ комисіи для преобразованія учебныхъ заведеній, Рамусъ представилъ Карлу IX мнѣніе, отличающееся вѣрнымъ и практическимъ взглядомъ на предметъ. Между прочимъ, онъ доказывалъ необходимость безвозмезднаго преподаванія, для устраненія опаснаго университету соимѣстничества школъ духовенства. Мнѣніе Рамуса не было принято, но предвидѣнія его оправдались событіями послѣднихъ годовъ во Франціи. Безспорно, въ Европѣ не было тогда профессора равнаго ему по вліянію на слушателей. Съ многостороннею ученостію и смѣлостію мыслей онъ соединялъ блестящее краснорѣчіе. Въ уровень съ дарованіями стоялъ его характеръ, неукоризненный даже для враговъ. Рамусъ былъ человѣкъ самой строгой и высокой нравственности. Значительную часть скромныхъ доходовъ своихъ онъ употреблялъ на вспоможеніе бѣднымъ юношамъ, приходившимъ учиться въ Парижъ; сверхъ того, онъ ус-

нѣлъ составить капиталъ, на который завѣщалъ основать новую каеэдру математическихъ наукъ. Поставленный судьбою среди суровыхъ, озлобленныхъ кровавыми смутами поколѣній, онъ заимствовалъ отъ нихъ только презрѣніе къ смерти и отчасти преобладавшее въ немъ полемическое направленіе.

Понятно, что при такомъ настроеніи духа Петръ Рамусъ не могъ остаться равнодушнымъ къ политическимъ и религіознымъ вопросамъ, которые колебали европейскія общества въ XVI вѣкѣ. Онъ былъ усердный протестантъ и не скрывалъ своихъ вѣрованій въ католическомъ Парижѣ. Несмотря на сильное покровительство кардинала Карла Лотарингскаго и другихъ знатныхъ лицъ, онъ не разъ былъ принужденъ искать убѣжища въ станѣ своихъ единовѣрцевъ, во время междоусобныхъ войнъ. Въ 1568 году онъ посѣтилъ Германію, гдѣ у него было столько же почитателей, сколько враговъ, т. е. защитниковъ Аристотеля и схоластики. Появленіе Рамуса придало новую живость спору. Въ Гейдельбергѣ онъ подвергся публичнымъ оскорбленіямъ, но не смутился и изложилъ съ каеэдры основы своихъ ученій. Болонскій и Браковскій университеты предлагали ему каеэдру философіи. Рамусъ отказался и просилъ мѣста профессора въ Женевѣ, въ средоточіи кальвинизма. Желаніе его не сбылось. Теодоръ Беза, преемникъ Кальвина въ вліяніи въ Женевѣ, былъ самъ поклонникъ Стагирита. Вообще Рамусъ, несмотря на свое глубокое благочестіе, не былъ любимъ начальниками реформатской церкви. Его нововведенія въ области науки и мышленія внушали имъ недовѣріе, отчасти оправданное его дѣйствіями на Нимскомъ Соборѣ, гдѣ онъ предложилъ ограничить власть консисторій и подчинить ее волѣ общинъ. Между тѣмъ наступилъ роковой для французскихъ протестантовъ 1572 годъ.

Мы не будемъ повторять слишкомъ извѣстныхъ подробностей о Вареоломеевской ночи. Гораздо любопытнѣе извлеченныя изъ недавно изданныхъ источниковъ и новыхъ изслѣдованій свѣдѣнія о причинахъ страшнаго событія. Никогда, можетъ быть, не было въ хожу такъ много историческихъ соизмовъ и парадоксовъ, какъ въ наше время. Нашлись ученые, которые, не раздѣляя страстей 16 вѣка, не устыдились однако оправдывать Вареоломеевскую ночь такъ-называемою государственною необходимостью. Примѣръ былъ поданъ давно Гавріиломъ Ноде, не говоря о современныхъ Вареоломеевской ночи апологетахъ. Эти кровавыя теоріи развиты теперь Капонгомъ и дру-

гии писателями того же мнѣнія. Убіиство протестантовъ является у нихъ дѣломъ народа, справедливо раздраженнаго оскорбленіемъ его вѣрованій и посягательствомъ на его политическія права со стороны гугенотской аристократіи. Руководимыя чувствомъ самоохраненія, массы дѣйствовали самостоятельно, независимо отъ всякой посторонней воли или заранѣе обдуманнаго политическаго плана. Справедливо ли это?

Мысль о совершенномъ истребленіи французскихъ протестантовъ родилась задолго до Вароламеевской ночи. Партія Гизовъ питала такое намѣреніе въ эпоху своего владычества при Францискѣ II. Смерть короля остановила исполненіе, котораго трудности были очевидны. Но въ самый день Пасхи 1561 года, 6 апрѣля, герцогъ Гизъ, коннетабль Монморанси и маршалъ Сентъ-Андре заключили между собою союзъ, скрѣпленный актомъ, котораго подлинникъ хранится въ Парижской Королевской Библіотекѣ. Цѣль союза высказана ясно и смѣло: умерщвленіе всѣхъ Французовъ, принадлежащихъ или даже принадлежавшихъ къ сектѣ Кальвина, безъ разбора пола и возраста. Екатерина Медичи, знавшая о планѣ тріумфировъ, испугалась его послѣдствій, понимая всю опасность, которая грозила королевской власти, еслибы во главѣ упоенной кровью и фанатизмомъ черни стали Гизы. Благодаря ея прояскамъ и усиліямъ партіи умѣренныхъ, тройственный союзъ не достигъ своихъ цѣлей. Во время знаменитыхъ совѣщаній въ Байоннѣ (1565) герцогъ Альба, представитель Филиппа II, къ которому безпрестанно обращались начальники католической партіи во Франціи, доказывалъ Екатеринѣ необходимость принять самыя рѣшительныя мѣры противъ гугенотовъ. Его мнѣніе поддерживали бывшіе тутъ же герцоги Гизъ, Монпансье, маршалъ Монлюкъ, Бурдильонъ, и другіе. Очевидно, что мысль, лежавшая въ основаніи тройственнаго союза, не была оставлена. Но читатели могутъ въ то же время усмотрѣть, что эта мысль принадлежала не народу и не изъ него вышла. Въ 1572 году, начальники гугенотовъ собрались, какъ извѣстно, въ Парижѣ для празднованія свадьбы Генриха Наварскаго съ Маргаритою Валуа. Бракъ этотъ долженъ былъ скрѣпить миръ между враждебными сторонами. Король Карлъ IX, молодой человекъ раздражительнаго характера, благородный по природѣ, но испорченный воспитаніемъ, искренно желалъ мира. По окончаніи междоусобій, онъ замышлялъ начать войну противъ Испаніи. Адмиралъ Колиньи

сталъ его ближайшимъ другомъ и совѣтникомъ. Королева-мать боялась его вліянія такъ же, какъ боялась Гизовъ. Она послѣшила принять свои мѣры и остановила сына на новомъ пути, по которому онъ пошелъ, успѣвъ передать ему свои опасенія. Ея планъ былъ достоинъ учителя ея, Макиавеля, котораго книга о Государѣ замѣняла ей молитвенникъ, по словамъ современника. Зная о намѣреніи Гизовъ убить адмирала, она надѣялась, что раздраженные гугеноты нападутъ на виновниковъ, и что въ этомъ безпорядкѣ не трудно будетъ сбыть съ рукъ самихъ Гизовъ. Съ этой цѣлью, вѣроятно, былъ призванъ въ Парижъ полкъ королевскихъ стрѣлковъ, на который правительство могло положиться. Препріятіе не удалось, потому что Мореверъ ранилъ, а не убилъ Колинни. Но люди близкіе ко двору догадывались, что протестантамъ угрожаетъ опасность, хотя не знали откуда и кака. Епископъ валапскій Монлюкъ, отправляясь посломъ въ Польшу, звалъ съ собою Рамуса и совѣтовалъ другимъ гугенотамъ быть осторожными. Въ самый день свадьбы, т. е. 18 августа, Карлъ IX отправилъ гонца къ ліонскому губернатору. Въ письмѣ своемъ, изданномъ г. Пари, король предписываетъ губернатору не пропускать никого черезъ Ліонъ, безъ особеннаго приказанія, до истеченія шести дней *«отъ сего числа»*. Черезъ шесть дней ровно наступила Варооломеевская ночь. 20 августа, глава (prieur) парижскаго купечества получилъ изъ королевскаго казначейства 2100 ливровъ на покупку *лошадей и оружія, для собственной защиты и употребленія противъ враговъ Божіихъ и королевскихъ*. Екатерина говорила въ послѣдствіи, что у нея на совѣсти только шесть человекъ изъ убитыхъ въ роковую ночь. Этимъ словамъ можно повѣрить. Ей нужна была смерть вождей: объ остальныхъ она не заботилась; они погибли жертвами личныхъ ненавистей и искусственно раздраженной черни. Король колебался до конца. Въ послѣднемъ рѣшительномъ совѣщаніи, кромѣ особъ королевской фамиліи, участвовали только четыре совѣтника; изъ нихъ одинъ былъ Французъ, три остальные Итальянцы. Они принесли изъ родины своей, развитыя ея трагическою судьбою, политическія теоріи, такъ смѣло и жестоко высказанныя Макиавелемъ, и опыты завѣщенные князьями, каковы были Борджіи, послѣдніе Висконти, Сфорцы, и т. д. Карлъ не сумѣлъ отразить страшныхъ доводовъ, приведенныхъ этими людьми, и, почти безумный, далъ свое согласіе. Колоколъ церкви св. Германа долженъ былъ возвѣстить на-

чало убійствъ. Но еще прежде, среди глубокой тишины, раздался гдѣ-то пистолетный выстрѣлъ. Этотъ слабый, едва слышный звукъ поразилъ ужасомъ не только короля, но и мать его. Они тотчасъ отправили приказаніе остановиться. Но посланный ихъ возвратился съ отвѣтомъ: поздно! Колоколъ св. Германа упредилъ его.

Въ числѣ погибшихъ былъ Петръ Рамусъ. Воинъ науки, онъ умеръ не за религіозныя свои вѣрованія, а за ученые убѣжденія. Къ нему привелъ убійцъ его товарищъ, профессоръ Шарпантье, горячій защитникъ Аристотеля. Побѣжденный словомъ, онъ прибѣгнулъ къ книжалу и кончилъ споръ.

Число жертвъ Варееоломеевской ночи различно показывается. Католики уменьшаютъ его, протестанты увеличиваютъ. Считать ихъ было не кому и некогда. Сена и Лоара унесли много труповъ въ море. Но не числомъ погибшихъ опредѣляется значеніе дѣла, положившаго темную печать на цѣлый отдѣлъ жизни и на самый характеръ французскаго народа. Говорятъ, что народный организмъ подвергается болѣзнямъ, требующимъ иногда страшныхъ, кровавыхъ лѣкарствъ. Есть школа, которая возвела это мнѣніе въ историческую аксіому. Основываясь на опытахъ исторіи, мы думаемъ иначе. Такія лѣкарства, какъ Варееоломеевская ночь, изгоняя одинъ недугъ, зараждаютъ нѣсколько другихъ, болѣе опасныхъ. Они вызываютъ вопросъ: заслуживаетъ ли спасенія организмъ, нуждающійся въ такихъ средствахъ для дальнѣйшаго существованія? Государство теряетъ свой нравственный характеръ, употребляя подобныя средства, и позоритъ самую цѣль, къ достиженію которой стремится. Въ 1572 году французское правительство показало народу примѣръ самоуправства и убило надолго въ немъ чувство права. Политическое преступленіе 24 августа оправдало множество частныхъ, потому что частная нравственность всегда въ зависимости отъ общественной.

ИСПАНСКАЯ ИНКВИЗИЦІЯ.

Исторія испанской инквизиціи можетъ служить доказательствомъ того страшнаго вліянія, какое дурныя государственныя учрежденія имѣють на судьбу и характеръ цѣлыхъ народовъ. Печальная исторія Испаніи со времени Филиппа II, упадокъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ, постепенное огрубѣніе и порча народа, отъ природы благороднаго и даровитаго, были слѣдствіемъ инквизиціоннаго суда, основаннаго Фердинандомъ и Изабеллою.

Мысль объ учрежденіи духовныхъ судовъ для преслѣдованія и конечнаго истребленія ересей была не новая. Она возникла во время альбигойскихъ войнъ въ южной Франціи, и была приведена въ исполненіе извѣстною буллою 1233 года, папы Григорія IX. Новые суды, изъятые изъ-подъ надзора мѣстныхъ епископовъ и непосредственно подчиненные папѣ, были вѣрены монахамъ доминиканскаго ордена и получили страшную власть располагать имуществомъ, свободою и жизнью несчастныхъ, которыхъ мнѣнія основывались не на католическомъ догматѣ. Учрежденіе, вызванное требованіями эпохи, раздражаемой религіозными противорѣчіями, перешло изъ южной Франціи въ другія земли Западной Европы, но встрѣтило вездѣ недовѣріе и ненависть, положившія границы его дѣятельности. Причину этого явленія надобно искать не въ религіозной терпимости, которая принадлежитъ къ самымъ благороднымъ плодамъ образованности, и слѣдовательно не могла быть свойствомъ средневѣковыхъ обществъ, а въ оскорблявшихъ всякое чувство права формахъ, которыя исключительно употреблялись такъ-называемыми «священными судами» (*sacrum officium*). Поощреніе тайныхъ доносовъ, частая утайка именъ

пристрастныхъ свидѣтелей, пытки во всѣхъ видахъ, лишали подсудимаго и средствъ и надежды оправданія. Брѣшніе духовъ узники, у которыхъ пытка не могла вынудить признанія въ небывалой винѣ, подвергались искушеніямъ другого рода. Выписывается характеристическое мѣсто изъ «Руководства инквизиторамъ», составленнаго Николаемъ Эммерихомъ, въ XIV столѣтіи, въ Арагоніи. «Инквизитору надобно стараться свести узника съ однимъ изъ участниковъ въ его преступленіи или съ прежнимъ еретикомъ, давшимъ достаточныя свидѣтельства своего раскаянія. Послѣдній долженъ сказать, что онъ исповѣдуетъ прежнюю ересь свою, и отрекся отъ нея только наружно, для того чтобы обмануть судей и избѣжать наказанія. Вкравшись такимъ образомъ въ довѣріе подсудимаго, новый другъ долженъ посѣтить его въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, въ послѣобѣденное время, и остаться на ночь въ темницѣ, подъ предлогомъ, что домой идти уже поздно. Тогда разскажемъ о собственной жизни можно побудить узника къ такой же откровенности. Между тѣмъ тайные свидѣтели и надежный чиновникъ должны стоять у дверей и подслушивать, чтобы потомъ донести о томъ, что происходило». Можно составить себѣ понятіе о дѣятельности суда, который прибѣгалъ къ подобнымъ средствамъ.

Въ эпоху соединенія Кастиліи и Арагоніи подъ правленіемъ Фердинанда и Изабеллы, монархическая власть, одолевшая въ остальной Европѣ непокорные ей элементы феодализма и городовыхъ общинъ, еще была далека отъ такой цѣли въ государствахъ Пиренейскаго полуострова. Ей надобно было бороться съ сильнымъ и богатымъ дворянствомъ, котораго отдѣльные члены имѣли право войны съ королемъ; съ городами, которыхъ муниципальныя льготы ставили на ряду самостоятельныхъ республикъ; съ духовенствомъ, болѣе зависѣвшимъ отъ папы, чѣмъ отъ свѣтской власти, и съ рыцарскими орденами, которые сами по себѣ составляли государства. Каждое изъ этихъ сословій было ограждено противъ возможныхъ посягательствъ на его независимость безчисленными привилегіями. Но Фердинандъ и его супруга умѣли воспользоваться распри враждебныхъ одно другому сословій. Они стали во главѣ городского ополченія (германдады) противъ дворянства и во главѣ возстановленной ими, съ цѣлью болѣе политической, чѣмъ религіозною, инквизиціи противъ всѣхъ стѣснительныхъ для ихъ власти привилегій, преданій и лицъ.

Вѣтшій поводъ къ учрежденію новой инквизиціи подали испанскіе Евреи. Ихъ число, богатство, образованность сдѣлали ихъ съ давнихъ поръ предметомъ зависти и ненависти для духовенства и простаго народа. Вслѣдствіе преслѣдованій и насилія, противъ нихъ употребленнаго, многія еврейскія семейства приняли христіанство. Но обращеніе, вынужденное силою, было у многихъ наружнымъ. Они хранили скрытую привязанность къ вѣрѣ отцовъ своихъ и втайнѣ совершали ея обряды. Впрочемъ, короли Арагонскіе и Кастильскіе обыкновенно покровительствовали Евреямъ и новообращеннымъ христіанамъ, которые нерѣдко достигали важныхъ государственныхъ должностей. При Фердинандѣ и Изабеллѣ отношеніе измѣнилось, отчасти виною самихъ Евреевъ. Будучи образованнѣе другихъ классовъ испанскаго народонаселенія, они первые замѣтили опасность, грозившую со стороны монархической власти дворянству, съ которымъ были тѣсно связаны, какъ управители и арендаторы его имѣній, и старались обратить вниманіе аристократіи на мѣры правительства. Въ 1478 году, папа Сикстъ IV, по настоятельному требованію Фердинанда, разрѣшилъ учрежденіе инквизиціи въ королевствахъ Кастильскомъ и Арагонскомъ, для истребленія еврейской ереси. Впрочемъ, переписка продолжалась еще два года до совершеннаго открытія суда. Папа долго не одобрялъ мѣры, которой послѣдствія могли быть полезны свѣтской власти, но явно ограничивали его собственное вліяніе на духовенство.

17 сентября 1480 года, послѣдовало наконецъ назначеніе двухъ монаховъ доминиканскаго ордена инквизиторами. Вмѣстѣ съ ними получили право засѣдать въ судѣ два другія лица духовнаго званія, изъ которыхъ одному поручена была должность казначея. Судьи эти получили приказаніе отправиться въ Севилью, и начать свои дѣйствія безъ отлагательства. 2 января 1481 года, они издали нѣсколько предписаній мѣстнымъ властямъ и отдѣльнымъ лицамъ, въ которыхъ доносъ вмѣнялся въ обязанность и молчаніе о знакомомъ еретикѣ въ преступленіе. Это было первое посягательство на свободу и честь людей, лично непричастныхъ ереси, но почему-либо возбуждавшихъ подозрѣніе правительства. Можно судить о дѣйствіяхъ инквизиціи по признакамъ, которые ей казались достаточными для уличенія подсудимаго въ тайномъ соблюденіи Моисеева закона. Надобно было только доказать, что онъ надѣвалъ лучшее платье или чистое бѣлье

въ субботу, что наканунѣ этого дня у него въ домѣ не было огня, что ему случалось обѣдать за однимъ столомъ съ жидами, или ѣсть мясо убитаго ими животнаго, или пить какой-то любимый ими напитокъ, и пр. Обвинители не были обязаны объявлять своихъ именъ. 6 января были казнены шесть еретиковъ. Въ 4 ноября того же года погибло въ одной Севильѣ не менѣе 289 человекъ. Сверхъ того, значительное число людей подверглись такъ называемому примиренію съ священнымъ судомъ, т. е. лишились свободы или имѣнія и гражданской чести. Жизнь была имъ оставлена въ награду за признаніе, вынужденное страхомъ или пыткой. Эта строгость простиралась не на однихъ живыхъ: лица давно умершія подвергались слѣдствію и приговору, кости ихъ, вырытыя изъ могилъ, предавались огню, имѣніе отнималось у наслѣдниковъ и поступало въ казну. Замѣчательно, что большая часть жертвъ принадлежала къ богатымъ классамъ. Въ теченіе первыхъ годовъ своего существованія инквизиція произнесла болѣе двухъ тысячъ смертныхъ приговоровъ, которые всѣ были исполнены. Число примиренныхъ дошло до 17,000.

Жестокость новаго судилища возбудила общій ропотъ и частныя возстанія въ Кастиліи и Арагоніи. Пана Сикстъ порицалъ дѣйствія севильскихъ инквизиторовъ, требовалъ отъ нихъ болѣе снисходительности къ подсудимымъ и даже сдѣлалъ попытку передать надворъ за еретиками мѣстнымъ епископамъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ было бы большимъ благомъ для Испаніи. Но Фердинандъ слишкомъ хорошо понималъ важность этого дѣла и потому настоялъ на своемъ намѣреніи. Изабелла поддерживала его изъ видовъ болѣе чистыхъ, изъ обманутаго религіознаго чувства, хотя многочисленныя казни возбуждали въ ней состраданіе и ужасъ. Сикстъ IV, которому грозилъ совершенный разрывъ съ Испаніей, долженъ былъ уступить. Двумя буллами 1483 года, онъ утвердилъ бывшаго духовника королевы, Торквемаду, верховнымъ инквизиторомъ соединенныхъ королевствъ Кастильскаго и Арагонскаго и поручилъ ему дать окончательное устройство инквизиціи. Торквемада учредилъ 13 судовъ въ отдѣльныхъ областяхъ государства и составилъ подробныя наставленія для судопроизводства. Они отличались отъ тѣхъ, которыхъ образецъ мы видѣли въ руководствѣ Николая Эммериха, только болѣе жестокостію формы допроса и богатствомъ средствъ, направленныхъ противъ подсудимаго. Верховный совѣтъ инквизиціи, въ который

приходили апелляціи отъ областныхъ судовъ, состоялъ изъ главнаго инквизитора и 6 или 7 членовъ, назначавшихся по выбору короля. Сначала этотъ совѣтъ засѣдалъ въ Севильѣ, потомъ былъ перенесенъ въ Мадридъ. Число чиновниковъ всякаго рода, принадлежавшихъ къ инквизиціи, было весьма значительно. Сверхъ настоящихъ членовъ и чиновниковъ, священный судъ держалъ еще до 20,000 служителей (*familiars*), которые были обязаны доносить о замѣченныхъ ими преступленіяхъ противъ вѣры, и брать подъ стражу обвиненныхъ. Лица высшихъ семей не стыдились вступать въ ряды такихъ служителей, для того чтобы пользоваться нѣкоторыми правами, предоставленными этому классу людей, и обезпечить самихъ себя противъ ложныхъ доносовъ, что впрочемъ не всегда удавалось. Смертный приговоръ и «примиренія» постоянно сопровождались конфискаціею имѣнія, которое, какъ сказано выше, поступало въ казну и усиливало денежные средства правительства. Нельзя безъ содроганія читать описанія страшныхъ орудій пытки, которая такъ часто и охотно употреблялась инквизиторами. Филиппъ II запретилъ повтореніе пытки надъ однимъ лицомъ; но члены св. судилища истолковали и исполняли королевское предписаніе особеннымъ образомъ. Пытка при допросѣ употреблялась только одинъ разъ, но продолжалась нѣсколько дней, съ промежутками, необходимыми для возстановленія силъ и выслушанія показаній жертвы.

За произнесеніемъ приговора слѣдовало такъ называемое «дѣло вѣры» (*auto da fé*). Читателямъ нашимъ вѣроятно извѣстны, если не изъ историческихъ сочиненій, то изъ романовъ, подробности этого страшнаго обряда, при которомъ присутствовали нерѣдко король и дворъ. Гранды королевства являлись при такихъ торжествахъ служителями священнаго суда. Приговоренные къ смерти отличались отъ примиренныхъ одеждою. Первые предавались огню, послѣдніе, по окончаніи процессіи, возвращались въ темницу, или получали свободу, но съ утратою собственности и гражданскихъ правъ. Мы сказали выше, что виѣсть съ живыми сожигались кости умершихъ еретиковъ. Торрвемада началъ было жечь книги, но, несмотря на всѣ усилія, инквизиція не успѣла овладѣть цензурою. Впрочемъ, при существованіи подобнаго судилища, всякое движеніе въ литературѣ стало скоро невозможнымъ. Число ученыхъ и писателей, преданныхъ суду и пострадавшихъ отъ инквизиціи, весьма значительно. Послѣ

вступленія на престолъ Филиппа V, дѣятельность ея ослабѣла; но стоитъ прочесть процессъ Олавидеса, чтобы понять, съ какими опасностями боролись тѣ благородные Испанцы, которые хотѣли перенести на родную почву результаты философіи 18-го вѣка. Инквизиція остановила умственное развитіе Испаніи и отняла у нея всѣ политическія учрежденія, которыми она по праву гордилась въ теченіе среднихъ вѣковъ. Самый характеръ народа измѣнился: достаточно было такихъ праздниковъ, каковы были ауто-да-фе, чтобы развратить массу, такъ сильно принимающую внѣшнія впечатлѣнія. Изъ Испаніи инквизиція перешла въ земли ей подвластныя. Но нигдѣ, кромѣ южно-американскихъ областей, не могла она утвердиться. По вычисленію Льоренте, инквизиція сожгла въ одной Испаніи болѣе тридцати тысячъ человѣкъ; около 100,000 подверглись примиренію. Не говоримъ объ изгнаніи Евреевъ и Мавровъ.

К В А К Е Р Ы.

Секта квакеровъ возникла въ самую смутную и богатую событіями эпоху англійской исторіи. Древнія формы государства и церкви клонились къ упадку: республиканскія идеи побѣдоносно боролись съ монархическими преданіями, англійская церковь уступала пресвитеріанизму, который, въ свою очередь, едва выдерживалъ напоръ безчисленныхъ религіозныхъ сектъ, смѣло высказывавшихъ самыя странныя мнѣнія и требованія. Умы, еще непривычные къ недавней свободѣ, упоенные быстрыми успѣхами народнаго дѣла, не ставили границъ своимъ надеждамъ. Ежедневно являлись новыя политическія и религіозныя теоріи. Вопросы, которыхъ дотоѣ боязливо касались высшіе представители умственной жизни англійскаго народа, утратили свой таинственный характеръ и сошли въ сферу общихъ толковъ. Неопредѣленное состояніе общества, котораго силы находились въ такомъ броженіи, не могло не отразиться на отдѣльныхъ лицахъ. Чѣмъ болѣе подымалось партій, чѣмъ упорнѣе старалась каждая навязать свою истину остальнымъ, тѣмъ глубже становились сомнѣнія и мучительнѣе требованія людей, которые не рѣшились стать ни подъ одно изъ выставленныхъ знаменъ.

Къ числу такихъ независимыхъ искателей истины принадлежалъ Георгъ Фоксъ. Онъ родился въ Лейстерскомъ граествѣ, 1624 года. Отецъ его былъ бѣдный ткачъ. Онъ отдалъ сына въ Ноттингамъ, на обученіе къ сапожнику, который держалъ небольшое стадо. Хозяинъ поручилъ молодому ученику, по-видимому неохотно принявшемуся за ремесло, къ которому его назначили, присмотръ за своими овцами. Одинокая пастушеская жизнь пришла по душѣ Георгу, отъ природы мечтательному и задумчивому. Онъ уносилъ съ собою въ поле Библію

и жадно читалъ священную книгу, которая служила ему единственнымъ источникомъ знанія. Лишенный всякихъ пособій, онъ многого не понималъ. Отъ времени до времени, до него долетали неясные отголоски мнѣній, боровшихся въ англійскомъ обществѣ, и усиливали его внутреннюю тревогу. Ему было не болѣе двадцати лѣтъ отъ роду, когда онъ впалъ въ уныніе, тѣмъ болѣе тяжкое, что онъ не могъ дать себѣ отчета въ собственномъ состояніи. Онъ озирался на прошлую жизнь свою, но она была чиста и безгрѣшна, какъ жизнь младенца. Совѣсть его ни въ чемъ не упрекала. Отвѣты англиканскихъ и пресвитеріанскихъ священниковъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ съ просьбою разрѣшить его сомнѣнія, казались ему слабыми или темными. Изъ Лондона, куда онъ ходилъ нарочно, въ надеждѣ найти тамъ, какъ въ средоточіи народной жизни, болѣе средствъ къ удовлетворенію своей духовной жажды, онъ вынесъ только недоуверіе къ пользѣ богословскихъ пречій и къ наукѣ вообще. По возвращеніи на родину, близкіе люди совѣтовали ему для успокоенія душевныхъ мукъ жениться, другіе — вступить въ армію Кромвеля. Онъ не принялъ этихъ совѣтовъ, но рѣшился искать истины въ себѣ самомъ, на днѣ собственной души. Для него настало время несказанныхъ страданій и искушеній. На скользкихъ путяхъ свободного изслѣдованія онъ было пришелъ къ пантеизму и обоготворилъ природу, хотя внутренній голосъ неотступно требовалъ «живаго Бога». Впрочемъ, этотъ періодъ исканія и сомнѣнія въ жизни Георга Фокса былъ непродолжителенъ. Въ 1648 году, онъ достигъ положительнаго убѣжденія, что истина находится не въ наукѣ университетовъ, не въ католицизмѣ или англиканствѣ и отложившихся отъ нихъ сектахъ, а въ каждомъ человеческомъ сердцѣ. Онъ называетъ ее внутреннимъ свѣтомъ, глазомъ Божіимъ. Этотъ голосъ не возвѣщаетъ новыхъ истинъ вѣры — онѣ уже высказаны въ Св. Писаніи, — но служить свидѣтельствомъ вѣчнаго присутствія Христа въ человѣкѣ, указываетъ добро, отвѣдитъ отъ грѣха и никогда не противорѣчитъ ясному смыслу Св. Писанія и разуму.

Фоксъ немедленно принялся распространять это убѣжденіе, которое ему досталось вслѣдствіе такихъ напряженныхъ усилій. Одаренный сильнымъ, но не обдѣланнымъ, не сдержаннымъ наукою умомъ, онъ самъ не всегда понималъ себя, впадалъ въ мистическіе восторги и предоставлялъ другимъ логическое развитіе ученія изъ высказы-

наго имъ начала. Число его послѣдователей однако возрастало съ такою быстротою, особенно между сельскими классами, что уже въ 1649 году возбудило опасенія пресвитеріанскаго духовенства. Сорокъ священниковъ явились предъ ланкастерскими ассизами, съ обвиненіями и показаніями противъ основателя новой секты. Его приговорили къ тюремному заключенію и угрожали висѣлицею, но онъ не измѣнилъ своей дѣятельности и продолжалъ проповѣдывать. Многочисленныя квакерскія общины образовались въ Валлисѣ и Лейстерскомъ граствѣ; въ 1654 г. мы находимъ ихъ уже въ Лондонѣ. «Этихъ людей нельзя подкупить ни деньгами, ни почестями», сказалъ объ нихъ Кромвель. Бругъ дѣятельности Фокса уже не ограничивался роднымъ островомъ: онъ написалъ посланіе къ папѣ Иннокентію XI, убѣждая его вступить въ ряды «друзей». Ревностные проповѣдники внутренняго свѣта отправлялись въ Турцію, въ Іерусалимъ, въ Египетъ, въ Америку; другіе собирались еще далѣе, въ Китай, въ Японію, въ таинственное царство попа Іоанна. Большею частію это были люди простые, не знавшіе даже языковъ тѣхъ странъ, куда несли свое ученіе. Между ними было вѣсколько женщинъ.

Молодой общинѣ недоставало образованныхъ и даровитыхъ представителей, которые могли бы оправдать ея направленіе въ глазахъ высшихъ сословій, и доказать нецѣлостность обвиненій, взведенныхъ на нее пресвитеріанами и приверженцами англиканской церкви. Эту услугу оказали квакерамъ Пеннъ и Барлей, еще при жизни основателя. Уильямъ Пеннъ принадлежалъ по рожденію къ аристократіи: его богатство, просвѣщенный умъ, прекрасная наружность давали ему право на блестящій успѣхъ въ жизни. Отецъ его, покоритель Ямайки, пользовался особенною милостію короля Карла II; но двадцатилѣтній Уильямъ пожертвовалъ своимъ честолюбіемъ, отрекся отъ искусительной будущности и пошелъ во слѣдъ Фоксу. Его поступокъ, послѣдующая жизнь и сочиненія имѣли большое вліяніе на общее мнѣніе, и заставили многихъ образованныхъ людей обратить вниманіе на ученіе, которое до тѣхъ поръ находило сочувствіе только между простолюдинами.

Религіозная истина, по мнѣнію квакеровъ, дается человѣку не преданіемъ и не внѣшними чувствами, а свидѣтельствомъ собственнаго духа. «Многіе ищутъ правды въ книгахъ, говоритъ Пеннъ, другіе у ученыхъ мужей, не догадываясь, что цѣль ихъ исканій находится въ

нихъ самихъ». Такъ какъ голосъ Божій слышенъ всякой душѣ, то душа должна быть свободна. Ее нельзя подчинять никакимъ вѣшнымъ уставамъ, ни папскимъ булламъ, ни постановленіямъ Соборовъ, ни приговорамъ науки. Внутренній голосъ всегда согласенъ съ Св. Писаніемъ; но и земная мудрость не подлежитъ безусловному осужденію: «ибо Христосъ, по словамъ Пейна, пришелъ не угасить, а очистить языческое знаніе. Различіе между квакерами и греческими мудрецами заключается болѣе въ наружности, нежели въ сущности. Въ Пифагорѣ, Платонѣ, Плотинѣ горѣлъ внутренний свѣтъ». Всякое гоненіе за вѣру преступно. Проповѣдь должна быть свободнымъ выраженіемъ вдохновенія, которое приходитъ каждому вѣрующему, и потому *друзья* (такъ называютъ себя послѣдователи Фокса, на основаніи словъ, употребляемыхъ апостоломъ Іоанномъ, Послан. III, 15) отвергаютъ необходимость отдѣльнаго духовенства, и полагаютъ грѣхомъ сборъ десятины и вообще всякое денежное вознагражденіе за толкованіе или распространеніе слова Божія. Ихъ богослуженіе отличается особенною простотою и совершеннымъ отсутствіемъ символизма. Въ мѣстахъ, гдѣ квакеры собираются для совѣщаній и общей молитвы (*meeting houses*), нѣтъ ни алтарей, ни образовъ; пѣнье и музыка изгнаны. Право проповѣди принадлежитъ всѣмъ присутствующимъ, не исключая женщинъ; но имъ преимущественно пользуются лица, заслужившія довѣріе и уваженіе общины. Смѣшныя и странныя сцены, происходившія въ первоначальныхъ собраніяхъ квакеровъ, т. е. вздохи, подымавшіеся *crescendo*, стоны и кривлянья теперь почти вездѣ вывелись. Нынѣшніе «друзья» заботятся о строгомъ соблюденіи приличій. Въ ихъ собраніяхъ царствуетъ глубокая тишина, прерываемая только голосомъ проповѣдниковъ; иногда проповѣдь не бываетъ вовсе, потому что ни на кого изъ членовъ не сходитъ вдохновеніе, необходимое для такого дѣла, и присутствующіе, проведя нѣсколько часовъ въ благоговѣйномъ молчаніи и размышленіи, расходятся по домамъ.

Квакеры не допускаютъ никакихъ обрядовъ и не признаютъ таинствъ. Они не отрицаютъ совершенно крещенія водою, но почитаютъ его излишнимъ. Браки совершаются чрезъ простое обѣщаніе сожитія и вѣрности въ присутствіи старшинъ. Погребенія отправляются въ тишинѣ, безъ всякихъ церемоній. Родственники умершаго не надѣваютъ траура; памятники и эпитафіи не въ употребленіи. Но по

смерти членовъ, которыхъ добродѣтели заслужили общее признаніе, составляютъ и печатаютъ ихъ жизнеописаніе, въ назиданіе новымъ поколѣніямъ.

Устройство общины, основанной Фоксомъ, чисто демократическое. Всѣ друзья равны между собою. Важныя частныя и общественныя дѣла рѣшаются въ періодическихъ собраніяхъ избранныхъ представителей. Подчиненные положительному закону государствъ, которымъ они принадлежатъ по рожденію, квакеры не теряютъ своей самостоятельности и не дѣлаютъ уступокъ. Они ни въ какомъ случаѣ не даютъ присяги, и предъ судомъ довольствуются утвердительнымъ или отрицательнымъ показаніемъ. Послѣ долгихъ преній, англійскій парламентъ оставилъ за ними это право въ дѣлахъ гражданскихъ, но въ уголовныхъ ихъ свидѣтельство, не подкрѣпленное клятвою, не имѣетъ законной силы. По этой же причинѣ они не допускаются къ государственнымъ должностямъ. Войну они считаютъ беззаконіемъ, и потому не только отказываются отъ обязанностей военной службы, но не участвуютъ въ торжествахъ народныхъ по случаю побѣдъ, осуждаютъ торгъ оружіемъ или порохомъ, и т. д. Съ этой же точки зрѣнія смотрятъ они на смертную казнь, которую называютъ оборонительною войною, и на дуэль. Возстаніе Американскихъ Штатовъ противъ Англіи подало поводъ къ расколу между квакерами: многіе изъ американскихъ квакеровъ взяли за оружіе, оправдывая свой поступокъ святостію дѣла, и образовали отдѣльную общину «свободныхъ и воинственныхъ (free and fighting) друзей». Изъ ихъ рядовъ вышли, извѣстные своими заслугами въ войнѣ за независимость, генералы Метлакъ, Маолинъ и Гринъ. Исповѣдуя совершенное равенство и братство между людьми, квакеры въ сношеніяхъ своихъ съ властями и знатными лицами не употребляютъ почетныхъ выраженій, принятыхъ обычаемъ, а означаютъ только должность или санъ. Такимъ образомъ квакеръ, обращаясь къ королю англійскому, говоритъ просто: король, а не ваше величество. Они ни предъ кѣмъ не снимаютъ шляпы и говорятъ *ты* всѣмъ, безъ разбора состояній. Впрочемъ, они строго и честно исполняютъ гражданскія обязанности, не противорѣчающія ихъ ученію, исправно платятъ подати и несутъ всѣ повинности. Выше сказано, что сборъ десятины въ пользу духовенства считается у нихъ грѣхомъ; но они безпрепятственно допускаютъ сборщиковъ входить въ дома свои и брать нужную сумму деньгами или вещами. Обще-

ственныя и нравственныя теоріи замѣчательной секты, о которой здѣсь идетъ рѣчь, основаны на глубокомъ уваженіи къ человѣческому достоинству, на вѣрѣ въ постоянное улучшеніе и развитіе нашей духовной природы. Только безбожнику можно сомнѣваться въ успѣхахъ человѣчества, въ его неудержномъ движеніи впередъ, къ лучшему, говоритъ Пеннъ. Съ 17 вѣка начинаются ихъ усилія къ уничтоженію торговли Неграми и рабства вообще. Французскій квакеръ Бенезе (род. въ 1728) посвятилъ этому дѣлу все состояніе и всю жизнь свою. Въ 1754 г. общины «друзей» положили исключить изъ среды своей всѣхъ членовъ, не возвратившихъ еще свободы своимъ чернымъ невольникамъ. Дѣятельность «друзей» въ этомъ отношеніи могла бы служить прекраснымъ примѣромъ нынѣшнимъ аболіціонистамъ, которые для достиженія благородной цѣли не всегда употребляютъ честныя средства. Въ 1795 году американскіе квакеры составили комитетъ для распространенія христіанства и просвѣщенія между Индіанцами, которые питаютъ къ нимъ особенное довѣріе еще со временъ Пенна. Многочисленныя человѣколюбивыя заведенія, основанныя квакерами, отличаются превосходныхъ порядкомъ и устройствомъ. Бѣдные пользуются щедрыми пособіями, но между самими квакерами не встрѣчается нищихъ. Старость и болѣзни находятъ призрѣніе въ больницахъ и страннопріимныхъ домахъ; здоровымъ доставляется возможность труда, который вынуждается въ обязанность каждому члену общества. Честность «друзей» въ торговыхъ и другихъ сношеніяхъ давно заслужила общее признаніе: во время войны за американскую независимость, когда ассигнаціи значительно упали въ цѣнѣ, квакеры принимали ихъ отъ своихъ должниковъ, но сами постоянно расплачивались звонкою монетою. Отъ членовъ, совершившихъ безчестный поступокъ или измѣнившихъ ученію, община отрывается.

Семейный и домашній бытъ квакеровъ носитъ тотъ же характеръ простоты съ нѣкоторою примѣсью ригоризма. Обязанности брачныя соблюдаются строго. Въ ребенкѣ родители уже уважаютъ будущаго человѣка и основываютъ на этомъ свою систему воспитанія. Дѣти «друзей», по свидѣтельству путешественниковъ, рѣзко отдѣляются отъ своихъ сверстниковъ, не принадлежащихъ къ сектѣ: ихъ можно узнать по открытому, смѣлому и спокойному выраженію лица. До конца прошлаго столѣтія частная жизнь квакеровъ была очень однообразна и бѣдна наслажденіями, потому что изъ нея изгонялись ис-

кусства. Теперь эта ограниченность проходить: молодые квакеры позволяют себѣ участвовать въ общественныхъ увеселеніяхъ, занимаются изящными искусствами, литературою, и вообще менѣе дорожать внѣшностями, чѣмъ ихъ предки. За то, число членовъ, выходящихъ совсѣмъ изъ общины или образующихъ новыя подраздѣленія секты, увеличивается.

Общины квакеровъ въ Европѣ существуютъ только въ Англіи, Голландіи, Германіи, близъ Пирмонта, и въ торговыхъ городахъ Норвегіи. Въ Америкѣ онѣ очень многочисленны: Георгъ Фоксъ посѣтилъ эту страну и указалъ на нее своимъ послѣдователямъ; Пеннъ купилъ у англійскаго правительства земли на Делаварѣ и прибылъ туда въ 1682 году. Плоды его дѣятельности и дальнѣйшая судьба Пенсильваніи извѣстны.

Ученіе «друзей», говоритъ извѣстный историкъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣвѣрной Америки, Банкрофтъ, есть философія, переведенная на языкъ низшихъ классовъ общества. Читатели наши могутъ сами оцѣнить справедливость такого сужденія.

ОКВАНІЯ И ВЯ ЖИТЕЛИ 1).

Покойный Т. Н. Грановскій много читалъ, много работалъ въ своемъ кабинетѣ, но мало писалъ для публики. Онъ былъ очень строгъ къ своимъ работамъ. Тѣмъ дороже для насъ каждая его строка, уцѣлѣвшая въ бумагахъ, тѣмъ больше цѣны получаютъ въ нашихъ глазахъ сдѣланныя прямо со словъ его записки. Современемъ мы надѣемся сообщить нашимъ читателямъ выдержки изъ его лекцій, записанныхъ его слушателями. На этотъ разъ передаемъ публикѣ извѣстное лишь весьма немногимъ лицамъ чтеніе Грановскаго объ Океаніи. Два слова о происхожденіи этой замѣчательной статьи, неожиданной даже для многихъ друзей покойнаго. Грановскій любилъ брать свой предметъ широко и часто уходилъ въ сосѣдственныя съ нимъ области, всегда сохраняя впрочемъ историческую точку зрѣнія. Такихъ образовъ въ памяти и мысли его собирался обильный матеріалъ, которому часто вовсе не находилось мѣста въ университетскомъ курсѣ. Но по необыкновенной общительности своей природы, онъ любилъ передавать свои мысли и воззрѣнія самымъ близкимъ къ нему лицамъ и для того избиралъ также любимую имъ форму лекцій. Такъ, лѣтомъ 1852 года, находясь въ селѣ Рубанкѣ, онъ предложилъ бывшимъ съ нимъ друзьямъ чтенію объ Океаніи, въ которыхъ думалъ изложить результаты своихъ размышленій о судьбахъ малозвѣстнаго, заброшеннаго племени, составляющаго ея народонаселеніе. Первое

1) Напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1856 г., съ пояснительнымъ примѣчаніемъ, которое и здѣсь предисылается этой статьѣ. Ред.

изъ этихъ чтеній было записано г. Фроловымъ и просмотрѣно самимъ авторомъ. Предупреждаемъ читателя: пусть не ищетъ онъ здѣсь той изящной формы, которую Грановскій обыкновенно приносилъ на публичные лекціи. Чтеніе объ Океаніи, назначенное для небольшого круга нѣсколькихъ лицъ, замѣчательно именно своею простотою, безъискусственностію, при новости и оригинальности воззрѣнія на предметъ. Въ какую бы отдаленную область ни увлекался Грановскій своими занятіями, онъ всегда и вездѣ оставался неизмѣнно вѣренъ своему призванію историка. *Ред.*

Я буду говорить объ Океаніи. Вамъ извѣстно, что подъ этимъ именемъ разумѣются группы острововъ, лежащихъ между Азіей, Америкою и Новою Голландіей. Между этими островами самыя большіе: на сѣверѣ — Сандвичевы острова, а на югѣ — Новая Зеландія; прочіе острова не велики. Природа щедрою рукою разсыпала здѣсь все, что нужно человѣку; хотя формы растительности не разнообразны, но онѣ вполне удовлетворяютъ его непосредственнымъ потребностямъ. Кукъ могъ справедливо сказать, что островитянинъ, посадившій въ жизнь свою только десять Хлѣбныхъ деревьевъ, совершилъ такой же подвигъ относительно своего семейства и потомства, какой совершаетъ Европейецъ, трудящійся цѣлую жизнь надъ воздѣлываніемъ зерноваго хлѣба.

Острова Океаніи были почти неизвѣстны до половины прошлаго вѣка. Немногіе смѣлые моряки касались ихъ. Ходили только смутныя слухи и басни о жестокостяхъ и людоедствѣ племенъ, населявшихъ эти острова. Точныя и положительныя свѣдѣнія получены объ нихъ только со временъ Кука, изслѣдовавшаго ихъ во время троекратныхъ путешествій своихъ вокругъ свѣта (съ 1769 года по 1779) и погибшаго на Сандвичевыхъ островахъ. Слѣдовательно, прошло не болѣе осьмидесяти лѣтъ, какъ Океанія описана обстоятельно и сдѣлалась достояніемъ науки.

Важныя перемѣны произошли съ тѣхъ поръ. На тѣхъ же самыхъ Сандвичевыхъ островахъ, на которыхъ Кукъ въ 73-мъ году былъ принятъ за бога и получилъ божескія почести, а потомъ, въ 79-мъ, палъ жертвою своей любознательности, а отчасти и жестокаго обращенія съ туземцами, на этихъ островахъ находится теперь европей-

свое населеніе, крѣпости, гавань Гонолулу, производится торговля съ Китаемъ и Европой, введены парламентскія формы правленія, и идетъ рѣчь о присоединеніи ихъ къ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Изъ многочисленныхъ разсказовъ разныхъ путешественниковъ и мореплавателей, посѣщавшихъ Океанію, можно вывести два противоположныя заключенія о нравахъ ея жителей. По мнѣнію однихъ, жители острововъ Товарищества и Маркизскихъ являются кроткими, добродушными, счастливыми и неиспорченными; если же оказалась порча, то она произошла отъ вліянія англійскихъ и американскихъ миссіонеровъ, играющихъ тамъ весьма важную роль. Другіе же описываютъ ихъ самыми черными красками — развратными, жестокими, погруженными во всѣ пороки. Чрезвычайно трудно примирить эти противоположныя воззрѣнія; это будетъ возможно тогда только, когда мы внимемъ въ источникъ этихъ противорѣчій. Извѣстія самыя выгодныя для нравственности жителей всѣ исходятъ отъ мореплавателей. Понятно, что эти смѣлые люди, открывавшіе одинъ островъ за другимъ цѣною безчисленныхъ опасностей, находили наслажденіе въ отдыхѣ посреди роскошной природы и населенія, въ самомъ дѣлѣ добродушнаго, и не имѣли нужды близко всматриваться въ ихъ нравы; островитяне приносили имъ кокосовые орѣхи, плоды Хлѣбнаго дерева, довольствуясь въ началѣ весьма малымъ вознагражденіемъ; молодые офицеры и матросы пользовались здѣсь еще наслажденіемъ другого рода: островитянки отличались красотой и большою снисходительностью. Съ этой стороны извѣстны роскошныя описанія мореходцевъ. Самъ строгій Кукъ увлекся и съ восторгомъ говорить объ Отаити; другой знаменитый мореплаватель, Бугенвиль, назвалъ этотъ островъ новою Цитерой. Болѣе всѣхъ утвердилъ это понятіе извѣстный натуралистъ Рейнгольдъ Форстеръ, сопутствовавшій Куку, вѣсть съ знаменитымъ сыномъ своимъ Георгомъ Форстеромъ, въ его кругосвѣтномъ путешествіи. Почему Рейнгольдъ Форстеръ смотрѣлъ на Океанію съ идеалической точки зрѣнія и отступилъ отъ своихъ привычекъ строгаго наблюденія? Это легко объяснить идеями XVIII столѣтія. Европейское общество начинало въ то время разлагаться. Оба Форстера принадлежали къ числу нововводителей и радикаловъ, противопоставлявшихъ испорченности образованнаго общества идеаль въ близкомъ къ природѣ бытѣ. Вотъ почему обоимъ Форстерамъ бытъ островитянъ Океаніи показался съ самой выгодной стороны. Нѣтъ ни-

какого сомнѣнія, что еслибы Руссо посѣтилъ ихъ, то оставилъ бы еще болѣе восторженное описаніе.

Извѣстія, противоположныя этимъ идиллическимъ описаніямъ, шли отъ англійскихъ и американскихъ миссіонеровъ, послѣ мореходцевъ явившихся здѣсь для проповѣдованія слова Божія. Боровшись съ такими же трудностями и преодолевая, быть можетъ, большія препятствія, они увидѣли картину съ другой стороны. Они нашли народъ погруженный въ грубые пороки, происходящіе отъ разложенія всѣхъ общественныхъ и нравственныхъ понятій, живущій исключительно чувственною жизнію, съ которою миссіонеры прашаи вести брань. Этимъ объясняются противорѣчивыя мнѣнія мореплавателей, натуралистовъ и миссіонеровъ.

Ограничиваясь описаніемъ быта жителей Океаніи въ пору открытія этихъ острововъ Европейцами, мы находимъ здѣсь весьма красивое, далеко не лишенное дарованій, населеніе. Оно пришло сюда вѣроятно съ запада, съ великихъ азіатскихъ острововъ: Явы, Суматры и другихъ; и разсѣянное по великому прѣстранству Океаніи, представляетъ удивительное однообразіе въ языкѣ, обычаяхъ и учрежденіяхъ. Рейнгольдъ Форстеръ даже думалъ, что здѣсь былъ когда-то материкъ, раздробленный какимъ-то земнымъ переворотомъ, и что изъ обломковъ этого материка образовались настоящіе острова Океаніи. Сходство между ея жителями объясняется ихъ одинаковымъ происхожденіемъ отъ малайскаго племени, заселившаго ихъ съ запада, съ острововъ Индійскаго моря.

Первые европейскіе путешественники XVIII столѣтія нашли это народонаселеніе въ такомъ положеніи, которое заставляеть насъ думать, что оно и тогда находилось въ порѣ совершеннаго распада. Разсмотримъ ближе общественный бытъ тогдашняго времени. Во первыхъ, религія уже не была согрѣваема внутреннею жизнію; мы видимъ одни остатки и развалины старыхъ вѣрованій; язычество потеряло отъ времени свою крѣпость. Можно предполагать, что была нѣкогда одна общая религіозная система въ Океаніи, но число общихъ боговъ непрерывно уменьшалось. Европейцы нашли уже не болѣе пяти боговъ, которыми поклонялись на томъ или другомъ островѣ. Такъ память о прежнемъ поклоненіи очевидно стиралась и изчезала. За то возникала другая, страшная религія, поклоненіе людямъ. Заимѣтимъ сперва, что нигдѣ не было болѣе рѣзкаго раздѣленія со-

словій, какъ въ Океаніи. Это раздѣленіе перешло въ религію. Всѣ цари, даже лица, принадлежавшія къ высшему сословию, обоготворялись, но не по смерти, какъ это было въ древнемъ мірѣ, напримѣръ въ Римѣ. Здѣсь каждый царь былъ богъ при жизни; ему приносили жертвы и поклонялись какъ божеству за-живо; когда онъ умиралъ, его причисляли къ богамъ. То же было съ каждымъ членомъ его двора. Такимъ образомъ эти новые боги вытѣсняли прежнихъ мнѳологическихъ боговъ и разрушали связь прежней религіи. Каждый островъ имѣлъ своихъ новыхъ боговъ; народная память не хранила старыхъ; немудрено, что островитяне жаловались прибывшимъ Европейцамъ на то, что они не могутъ исполнять обрядовъ своей религіи и не могутъ запомнить боговъ своихъ.

Всякая религія связана съ понятіями о вѣчной жизни. Вѣчное бытіе для островитянъ выражалось въ слѣдующихъ представленіяхъ. Когда умираетъ кто-нибудь изъ тѣхъ, которые пользовались божескими почестями при жизни своей, то боги съѣдали тѣло его, духъ же освобождался, былъ трижды пожиралъ высшими богами и, послѣ троекратнаго пребыванія во чревѣ ихъ, становился богомъ. Высшія божества очищали этимъ божества низшаго разряда. Имѣлъ ли простой народъ какія-нибудь понятія о загробной жизни, намъ неизвѣстно. Знаемъ только, что они думали, что умершій простолюдинъ блуждалъ около своего жилища и былъ пожиралъ богами. Эта черта бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на людоедство, существовавшее на островахъ Океаніи, гдѣ оно было какъ бы освящено религіозными представленіями. Храмовъ не было. На нѣкоторыхъ островахъ найдены развалины зданій, служившихъ кладбищами. Это были огромныя огражденные мѣста подъ открытымъ небомъ, имѣвшія болѣе или менѣе важное значеніе на различныхъ островахъ. Замѣтимъ еще, что когда царь или одинъ изъ его вельможъ принималъ произвольно какое-нибудь названіе, то это слово выбрасывалось изъ народнаго языка, и никто не смѣлъ произносить его. Истребленное слово замѣнялось вымышленнымъ.

Въ связи съ религіею находится не только въ Океаніи, но и за предѣлами ея обычай *табу*. Подъ этимъ именемъ разумѣется собственно запрещеніе, заклатіе; но оно имѣетъ сверхъ того болѣе глубокое значеніе, представляя нѣчто освященное, божественное. Божественная сущность божескихъ лицъ переносится на вѣншній пред-

метъ и дѣлаеть его неприкосновеннымъ. Такъ, короли могли сообщать божественное значеніе любому предмету. Если король входилъ въ какой-нибудь домъ, то онъ становился «табу» и дѣлался его принадлежностію. Король могъ налагать «табу» на все; вельможи дѣлали то же самое, съ тою разницею, что король могъ снимать «табу», назначенное вельможами, а не на оборотъ, и «табу» высшихъ лицъ тяготѣло надъ низшими. Этотъ обычай имѣлъ самое ошутительное и бѣдственное вліяніе на весь бытъ жителей Океаніи. Король былъ богъ, аристократы были боги; простому же человѣку перейти изъ одного класса въ другой не было никакой возможности. Но такая страшная власть королей налагать на все «табу» была ограничена оппозиціей аристократіи. Короли могли присвоивать себѣ лучшіе участки земли, проходя по нимъ; аристократія, чтобы препятствовать королямъ касаться земли, носила ихъ. Точно также, для того чтобы короли не входили въ дома и не дѣлали ихъ своею собственностію, имъ устроивали подвижные дома, такъ что они, переносясь съ одного мѣста на другое, всегда находились у себя. Аристократія же пользовалась для своихъ выгодъ страшнымъ правомъ «табу»; она накладывала его на извѣстные сѣстные припасы, на плоды кокосоваго, хлѣбнаго дерева, и простой народъ не смѣлъ касаться ихъ. Лучшая рыбная ловля была «табу»; оно распространялось на женщинъ, которыя не могли употреблять ту же пищу, что мужчины. Нѣкоторыя работы, какъ напримеръ построеніе военныхъ судовъ, употребленіе большихъ сѣтей для рыбной ловли, подвергались «табу». Иногда же «табу», отчуждавшее народъ отъ всѣхъ благъ и предоставлявшее ихъ однимъ высшимъ сословіямъ, обращалось въ полезную полицейскую мѣру; во время голода «табу» налагалось на извѣстные предметы: на незрѣлые плоды; такъ, въ Новой Зеландіи жатва не снятая съ поля подвергалась «табу». Нѣкоторые реформаторы хотѣли воспользоваться этимъ обычаемъ, употребляя для своихъ политическихъ цѣлей орудіе всѣхъ бѣдствій народа и многочисленныхъ злоупотребленій.

Переходя отъ религіи къ политическому быту, и тутъ находимъ совершенное распаденіе прежняго лучшаго порядка вещей. Европейцы застали въ Океаніи монархическія формы правленія уже ограниченной властію аристократіи, которая всѣми силами старалась оградить себя отъ королевскаго «табу». Цари имѣли свои участки земли, съ неограниченною властію надъ извѣстнаго рода предметами. Острова

раздѣлялись на участки, во главѣ которыхъ стояла аристократія. Эти участки подраздѣлялись и раздавались низшему дворянству; простой народъ не имѣлъ собственности, и въ силу «табу» пользовался только извѣстными рыбами и съѣстными произведеніями земли, работая на высшій классъ, какъ на существа великія и божественныя, на основаніи религиозныхъ вѣрованій рѣзко отдѣленные отъ него какъ на землѣ, такъ и за гробомъ. Всякій споръ былъ бесполезенъ, и народъ покорялся своей участи безропотно и совершенно спокойно. Европейскія идеи могли проникнуть сюда только съ новыми потребностями, не могшими здѣсь развиться въ прежнемъ порядкѣ вещей. Даже въ формахъ монархическаго правленія, образованнаго патріархально по образцу семейства, видно было разложенье. Между высшими сословіями, представлявшими сперва какъ бы ближайшихъ родственниковъ царя, и самимъ царемъ существовала распря, и мало по малу на островахъ Товарищества обоготворенье перешло на аристократію. Низшія сословія, какъ мы сказали, находились внѣ общества; надъ ними возникали новыя царственныя фамиліи не преемственно, но одна возлѣ другой, въ расприхъ и несогласіяхъ раздѣляя землю на болѣе дробныя участки и падая въ уваженіи народа.

На одномъ изъ Маркизскихъ острововъ оставалось семьдесятъ девять жителей и два царя, на другомъ сто жителей и три царя. Но нигдѣ это раздробленіе не было такъ велико, какъ на островахъ Товарищества и Новой Зеландіи. Общество распалось на отдѣльныя семейства, существующія каждое подъ начальствомъ своего старѣйшаго. Ичезъ государственнѣй союзъ — исчезло всякое связующее начало, всякое понятіе о правѣ. Одно и то же преступленіе, наказываемое смертію въ одномъ мѣстѣ, оставалось безнаказаннымъ въ другомъ. Все зависѣло отъ произвола какого-нибудь сильнаго начальника.

Не только въ религіи и общественномъ бытѣ, но даже въ языгъ существовали признаки страшнаго распаденья, неизвѣстнаго и въ Америкѣ, гдѣ видна гибель цѣлыхъ породъ. Въ геніальномъ твореніи своемъ о Кави, священномъ языкѣ жителей Явы, Вильгельмъ Гумбольдтъ коснулся нарѣчій Океаніи, составляющихъ отрасль малайскаго языка. Онъ выкинулъ въ процессъ одичанія и искаженія этихъ нарѣчій не только въ грамматическомъ устройствѣ ихъ, но и въ лексикальномъ. Глаголы потерялись, переставъ спрягаться для изображенія временъ прошедшаго, настоящаго и будущаго; необходимо

стало прибавлять частицы, отчего языкъ сдѣлался бѣднымъ. Въ самыхъ словахъ обнаруживаются слѣды изнѣженности и расслабленія; чѣмъ далѣе мы подвигаемся на востокъ, тѣмъ мягче и дряблѣе становится языкъ, тѣмъ больше выброшено согласныхъ и тѣмъ многочисленнѣе гласныя. Цѣлыя слова исчезали, вслѣдствіе упомянутого нами выше обычая не употреблять болѣе словъ, выбранныхъ для прозванія обоготворяемыми лицами; для замѣщенія ихъ необходимо было выдумывать безпрестанно новыя; чрезъ это языкъ лишился всякаго органическаго развитія, органической связи. Здѣсь кстати можно упомянуть о заслугахъ миссіонеровъ, употребившихъ большое усиліе, чтобы изучить этотъ языкъ, составляя грамматики, лексиконы, азбуки, и переводя Священное Писаніе и другія книги; но такія усилія не могутъ спасти языка, искаженнаго въ своихъ основаніяхъ.

Это распаденіе религіи, государственныхъ учрежденій и языка, отозвалось въ остальныхъ сферахъ жизни, въ нравахъ и въ физическомъ бытѣ. Въ этомъ отношеніи мы можемъ представить нѣсколько любопытныхъ данныхъ. Хотя трудно составить себѣ точное понятіе о числѣ жителей Океаніи, и нѣтъ сомнѣнія, что Кукъ и Форстеръ преувеличили народонаселеніе этихъ острововъ, но нельзя не признать, что оно было значительнѣе, чѣмъ теперь. Изъ показаній моряковъ, ученыхъ, китолововъ, миссіонеровъ, можно опредѣлять приблизительно число жителей покрайней мѣрѣ нѣкоторыхъ острововъ. Изъ двухъ милліоновъ жителей, которыхъ насчитывали въ концѣ XVIII столѣтія, теперь считается едва 600,000. Есть острова, гдѣ вычисленіе точнѣе: такъ на Отанги въ началѣ нынѣшняго вѣка было до 100,000 жителей; въ тридцатыхъ годахъ полагалось до 17,000, а теперь считаютъ тамъ только 7,000. Это обстоятельство приписывали вліянію Европейцевъ, принесшихъ будто бы въ Океанію заразительныя болѣзни, употребленіе крѣпкихъ напитковъ и огнестрѣльное оружіе. Впрочемъ еще не рѣшено, не были ли заразительныя болѣзни уже давно тамъ; множество накожныхъ болѣзней, сходственныхъ съ сифилитическими, получали отвратительный видъ; низшіе классы въ особенности подвергались имъ, лишенные одежды и всякихъ пособій въ этомъ жаркомъ и сыромъ климатѣ, не имѣя здоровыхъ жилищъ, питаясь кореньями, морскими раками, и нѣкоторою только рыбою, ибо «табу» было наложено на лучшую пищу, принадлежавшую, какъ и всѣ блага земныя и удобства жизни, только

высшимъ классамъ. Крѣпкіе напитки не играли здѣсь той роли, какую они играли въ Америкѣ; островитяне даже не охотно пили водку, имѣя свой крѣпкій напитокъ *аса*, приготовляемый изъ туземныхъ растений и имѣющій болѣе крѣпости, чѣмъ самыя крѣпкіе изъ нашихъ напитковъ. Также не могло дѣйствовать слишкомъ разрушительно и огнестрѣльное оружіе. Прегнія войны островитянъ велись съ большимъ ожесточеніемъ. Ихъ рукопашные бои кончались не иначе, какъ когда одна часть совершенно истребляла другую, а если и забирали плѣнныхъ, такъ только для принесенія ихъ въ жертву. Вообще Европейцы дѣйствовали здѣсь не такъ истребительно на туземцевъ, какъ въ Америкѣ, Новой Голландіи и Вандименовой Землѣ. Если же Европейцы и употребляли во зло свое превосходство въ Океаніи, то это были частные случаи; причины упадка народонаселенія лежали глубже, въ самомъ общественномъ порядкѣ Океаніи.

Это страшное разъединеніе между классами столь поразительно, что многіе пытались объяснить его различіемъ породъ, и Коцебу приписывалъ происхожденіе высшихъ сословій Сандвичевыхъ острововъ Испанцамъ, потерпѣвшимъ здѣсь кораблекрушеніе. Мы видѣли, что аристократія, пользуясь большими удобствами жизни, могла сохранять свое тѣло въ здоровьи, красотѣ и силѣ, никогда не смѣшиваясь съ кровью низшаго сословія, ибо ребенокъ приживаемый лицами двухъ разныхъ сословій, предавался смерти.

Въ концѣ XVIII-го столѣтія, Ванкуверъ присутствовалъ въ Гаваи на праздникѣ, данномъ ему Камамегой; на военныхъ играхъ сначала выступили воины низшаго класса и поразили моряка своею неловкостью; но когда выступили воины высшаго сословія, то красота и ловкость ихъ такъ были изумительны, что нельзя было найти ничего общаго между первыми и вторыми. Это явленіе повторяется повсемѣстно, но ничто лучше не выражаетъ нравственнаго распада этихъ острововъ, какъ общество Ареои (на островахъ Товарищества), замѣченное Европейцами вскорѣ послѣ ихъ прибытія. Подозрительный союзъ этотъ показался сначала сходственнымъ съ масонскимъ. Онъ состоялъ изъ семи отдѣльныхъ классовъ; переходъ изъ одного класса въ другой былъ сопряженъ съ извѣстными церемоніями и обрядами; у этого общества были свои суда, знамена, своя татуировка и свои символическіе или масоническіе знаки. Цѣль же его была самый дикій необузданный развратъ. Члены общества состояли

изъ мужчинъ и женщинъ. Въ немъ исчезали всѣ понятія о бракѣ, родствѣ и сословіяхъ, и дѣти, происходившія отъ такого неограниченнаго сифшенія половъ, были немедленно убиваемы. Такого кроваваго и ужаснаго разврата не видано было ни въ одномъ обществѣ, и, повторяемъ, ни въ чемъ не выразилось такъ сильно конечное разложеніе нравовъ. Хотя въ общество Ареон вступали болѣе лица высшаго сословія, но примѣръ его не остался безъ вліянія и на низшій классъ. Сначала дѣтоубійство совершалось по предписанію закона, для истребленія плода преступленія, совершеннаго лицами двухъ различныхъ сословій, но въ началѣ 19-го столѣтія оно вошло уже въ нравы, и родители убивали дѣтей своихъ просто для избавленія себя отъ труда воспитывать ихъ. Это могло содѣйствовать къ уменьшенію народонаселенія.

Всѣ изложенные нами факты, истекая изъ человѣческой воли и заблужденій, могли бы быть повидимому исправимы, но падъ ними виситъ какой-то неумолимый законъ природы, видимо обрекающій на погибель это племя. Тамъ, гдѣ нѣтъ ни общества Ареон и никакихъ другихъ очевидныхъ причинъ къ истребленію, оно уменьшается какъ бы само собою. Въ отношеніи мужчинъ къ женщинамъ замѣчается слѣдующее: на 100 мужчинъ приходится 75 или 80 женщинъ, а въ другихъ мѣстахъ на двухъ мужчинъ — одна женщина. На островахъ Сандвичевыхъ правительство старалось усилить народонаселеніе и положило извѣстныя льготы отцамъ семейства, имѣющимъ трехъ дѣтей: — что же? въ нѣкоторыхъ округахъ съ 8-ю тысячами жителей, оказалось только по три семейства съ тремя дѣтьми. Большая часть браковъ были бездѣтны. Туземцы будто предчувствуютъ предстоящую гибель ихъ племени. Одинъ вождь Новой Зеландіи говорилъ англійскому миссіонеру и путешественнику съ глубокою грустью и смиреніемъ: «Наше племя осуждено на смерть; бѣлый человѣкъ завладѣтъ нашими полями». Этотъ законъ приходитъ въ исполненіе, ускользая отчасти отъ нашего пониманія.

Въ оправданіе миссіонеровъ замѣтимъ, что тамъ, гдѣ миссіи дѣятельнѣе, народонаселеніе остается на одной точкѣ, не двигаясь ни впередъ, ни назадъ. Остается рѣшить, остановитъ ли христіанство упадокъ народонаселенія въ Океаніи? Во всякомъ случаѣ можно сказать, что связь съ Европейцами внесла сюда новый источникъ жизни, которая необходимо должна развернуться подъ этимъ роскошнымъ

небомъ; но спасеть ли она жителей Океаніи, не слишкомъ ли оне-
здача эта помощь — трудно рѣшить. Пока остановимся на этомъ, и
постараемся далѣе рассказать о первомъ столкновеніи Европейцевъ
съ туземцами, о распространеніи между ними христіанства, и пред-
ставить характеристику океанскихъ народовъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ПОКОЙНОМЪ

НИКОЛАЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

ФРОЛОВЪ *).

Четвертый томъ «Магазина Землевѣдѣнія и Путешествій» выходитъ въ свѣтъ по смерти издателя, приготовившаго его къ печати и на смертномъ одрѣ выправлявшаго корректурные листы послѣднихъ статей. Друзья покойника, принявшіе на себя обязанность продолжать начатое имъ предпріятіе, нашли этотъ томъ совершенно готовымъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является на судъ читателей. Дѣло ихъ слѣдовательно впереди.

Но съ принятою ими на себя обязанностію соединена другая, къ сожалѣнію, не всегда выполняемая у насъ въ Россіи. Сколько благородныхъ и заслуженныхъ дѣятелей всякаго рода сошло у насъ въ могилу, не вызвавъ своею смертію признательной и безпристрастной оцѣнки совершенныхъ ими трудовъ! Люди близкіе какъ будто совѣстятся говорить о дорогомъ для нихъ покойникѣ; посторонніе, которымъ нечего бояться упрека въ лицепріятіи, при самомъ искреннемъ желаніи сказать что-нибудь, должны молчать по недостатку свѣдѣній. А между тѣмъ, ничто не даетъ человѣку такой твердости въ исполненіи обязанностей, ничто такъ не укрѣпляетъ его въ трудѣ и честной борьбѣ, какъ увѣренность въ томъ, что по смерти его ему

*) Напечатано при IV томѣ «Магазина Землевѣдѣнія и Путешествій».

воздано будетъ должное и что посильная дѣятельность его найдетъ благодарныхъ цѣнителей.

Николай Григорьевичъ Фроловъ родился въ исходѣ 1812 года. На седьмомъ году отъ рожденія, онъ уже поступилъ въ пажескій корпусъ, куда былъ принятъ по Высочайшему повелѣнію, въ уваженіе заслугъ отца его, храбраго воина, убитаго въ чинѣ генералъ-майора, подъ Полоцкомъ. Въ 1830 году, Фроловъ былъ выпущенъ прапорщикомъ въ гвардію, въ Семеновскій полкъ. Онъ любилъ службу и занимался ею съ тою добросовѣстностію, которая составляла отличительную черту его характера. Несмотря на то, онъ вышелъ черезъ четыре года въ отставку. Побудительнымъ поводомъ къ этому поступку, на который онъ рѣшился не безъ борьбы съ самимъ собою, была горячая потребность высшаго образованія, не дававшая ему покоя. Онъ уѣхалъ въ Дерптъ, а оттуда въ Германію, гдѣ провелъ около пяти лѣтъ въ постоянной работѣ. Тамъ встрѣтилъ онъ первую супругу свою (Е. П. Галахову), женщину необыкновенно умную и просвѣщенную, вліяніе которой окончательно утвердило его въ намѣреніи посвятить себя наукѣ. Трудность заключалась въ выборѣ предмета занятій. Любопытность Фролова долго не позволяла ему остановиться на одной какой-нибудь отрасли знанія и требовала самой разнородной пищи. Съ этою цѣлью онъ въ 1837 г. поселился въ Берлинѣ и слушалъ въ тамошнемъ университетѣ курсы исторіи, философіи, права и естественныхъ наукъ. Многія изъ ученыхъ знаменитостей, которыми въ то время такъ богатъ былъ Берлинъ, знали лично Фролова, цѣнили надлежащимъ образомъ его благородныя стремленія и помогали ему своими совѣтами. Но планъ, по которому онъ трудился, былъ слишкомъ обширенъ и потому не могъ быть выполненъ. Къ счастью, Фроловъ умѣлъ во-время остановиться: изъ разнообразныхъ занятій своихъ онъ вынесъ не пресыщеніе и усталость, а многосторонне развитый умъ и непоколебимую вѣру въ достоинство всѣхъ частей науки. Въ лекціяхъ знаменитаго Риттера онъ наконецъ нашелъ то, чего онъ такъ долго и такъ жадно добивался. Эти лекціи опредѣлили всю его послѣдующую дѣятельность. Въ бумагахъ покойника сохранились слѣды его юношескихъ думъ и исканій. Неустановившіяся, бродившія въ немъ идеи искали себѣ выхода и выраженія; онъ много писалъ въ этотъ періодъ своей жизни, но писалъ для себя и для немногихъ близкихъ ему людей. Всѣ эти опыты проникнуты чистою любовью

къ добру и къ истинѣ. Видно, что вниманіе молодого писателя рано остановилось на вопросахъ, которые не переставали занимать его до самой кончины. Развалины Картезіанскаго монастыря близъ Пави внушили ему горячо прочувствованную статью объ отношеніи жизни созерцательной къ жизни дѣятельной. Результатомъ посѣщенія Женевской тюрьмы было цѣлое изслѣдованіе, обнаруживающее не одно участіе къ предмету, но и добросовѣстное изученіе всѣхъ исправительныхъ системъ, какія въ то время были въ ходу.

Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Россіи, болѣзнь супруги, вскорѣ потомъ умершей, побудила Фролова снова покинуть родину и провести еще нѣсколько лѣтъ за границею. Испытанный горькими личными утратами, онъ крѣпче привязался къ наукѣ, надежной цѣлительницѣ душевныхъ ранъ. Онъ много путешествовалъ, видѣлъ большую часть Европы и учился не по однимъ книгамъ, заготовляя матеріалы для будущихъ скромныхъ, съ цѣлью общей пользы, а не извѣстности, задуманныхъ имъ трудовъ. Когда вышелъ первый томъ «Космоса», Фроловъ тотчасъ принялся за переводъ этого творенія, которымъ великій естествоиспытатель завершалъ свое славное поприще. Три тома Русскаго перевода «Космоса» давно находятся въ рукахъ нашей публики. Они снабжены пояснительными дополненіями и примѣчаніями, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ и которыя свидѣлствуютъ о рѣдкомъ трудолюбіи и добросовѣстности переводчика. Сверхъ того, Фроловъ намѣревался приложить къ своему переводу полное обзорѣніе дѣятельности Александра Гумбольдта, въ которую, можно сказать, входитъ вся исторія естественныхъ наукъ съ конца прошлаго столѣтія. Но этотъ трудъ, изъ котораго извлечено было нѣсколько статей, помѣщенныхъ въ Современникѣ, не удовлетворилъ самого автора, много разъ возвращавшагося къ нему съ новымъ жаромъ и оставившаго въ бумагахъ своихъ только, незадолго до смерти, снова написанную исторію первыхъ путешествій Гумбольдта.

Съ 1847 года Фроловъ постоянно жилъ въ Россіи. Поселившись въ Москвѣ, гдѣ у него былъ не многочисленный, но горячо любившій и уважавшій его кругъ друзей, онъ, несмотря на новыя, поразившія его несчастія и потери, остался вѣренъ дѣлу, которому думалъ посвящать всѣ силы свои. Понимая вполнѣ значеніе сравнительнаго землѣвѣдѣнія, созданнаго почти на глазахъ нашихъ Гумбольдтомъ, Риттеромъ и ихъ даровитыми послѣдователями, онъ хотѣлъ участвовать въ

перенесеніи на Русскую почву этой еще новой и у насъ столь мало извѣстной науки. Въ эти планы и надежды не входили никакіе расчеты личнаго самолюбія. Источникомъ ихъ было чувство, которое мы смѣло позволимъ себѣ назвать гражданскимъ. Способный понимать науку въ ея самостоятельномъ, независимомъ величіи, покойный другъ нашъ смотрѣлъ на нее преимущественно съ точки зрѣнія пользы, какую она можетъ принести Россіи. Вотъ откуда черпалъ онъ свое неослабное рвеніе. Онъ очень хорошо зналъ, что труды собирателя и переводчика ученыхъ сочиненій обращаютъ на себя мало вниманія и не даютъ правъ на почетную извѣстность, но это не мѣшало ему работать до изнеможенія.

Русское Географическое общество, къ числу членовъ котораго принадлежалъ Н. Г. Фроловъ, неоднократно обращалось къ нему съ предложеніями, доказывающими довѣріе, какимъ онъ пользовался со стороны людей, наиболѣе способныхъ къ вѣрной оцѣнкѣ его трудовъ и знаній. Ему, между прочимъ, предложено было взять на себя редакцію Географическаго словаря Русской имперіи. Недовѣріе къ собственнымъ силамъ побудило Фролова отклонить отъ себя это порученіе. Слѣдя съ живымъ участіемъ за блестящею и обширною дѣятельностію Географическаго общества, онъ надѣялся служить ему частными изданіями, направленными къ той же цѣли и проникнутыми тѣмъ же духомъ. Такимъ образомъ родилась въ немъ мысль о «Магазинѣ Землеуѣдѣнія и Путешествій», съ дополненіями, имѣвшими состоятъ изъ: «Собранія старыхъ и новыхъ путешествій». Обстоятельства, не зависѣвшія отъ воли издателя, не позволили ему осуществить вполне свои предположенія. Съ 1852 года вышло три тома «Магазина». Многочисленные, частію совершенно готовые, частію заказанные матеріалы для «Собранія старыхъ и новыхъ путешествій», войдутъ въ «Магазинъ» особеннымъ отдѣломъ. Друзья покойника исполнять свято его волю и постараются вполне передать публикѣ все то, что онъ такъ заботливо и безкорыстно для нея готовилъ.

Въ самомъ дѣлѣ, безкорыстіе и самоотверженіе Фролова нельзя было дѣйствовать. Онъ жертвовалъ деньгами, временемъ, наконецъ, даже здоровьемъ, безъ всякихъ надеждъ на личное вознагражденіе. Кромѣ общей пользы, у него ничего не было и не могло быть въ виду. Цѣна, положенная имъ за его книги, была такъ незначительна, что, даже въ случаѣ самой успѣшной продажи, она не въ состояніи

была бы покрыть издержки изданія. Назначивъ высокую плату за оригинальныя статьи, онъ надѣялся дать молодымъ талантливымъ ученымъ возможность трудиться надъ любимой его наукою. Богатая книгами и географическими картами, собранная имъ еще въ то время, когда денежныя средства его были крайне ограниченны, библіотека предоставлялась свободному пользованію всѣхъ участниковъ въ «Магазинѣ».

Первый томъ «Магазина» былъ довольно холодно принятъ журнальною критикою и читателями. Намъ кажется, что причина этой неудачи заключается въ пестротѣ статей, рѣзко переходящихъ отъ строго ученаго къ чисто популярному способу изложенія. Отсюда происходитъ кака-то неопредѣленность въ характерѣ цѣлой книги. Тѣмъ не менѣе, она содержитъ въ себѣ нѣсколько статей истинно превосходныхъ, которыхъ было бы достаточно для успѣха всякаго ученаго сборника. Второй и третій томы были счастливѣе перваго. Изъ нихъ видно, что Фроловъ приобрѣлъ большую опытность въ своемъ дѣлѣ и вѣрнѣе сталъ понимать дѣйствительныя потребности Русской публики. Въ предисловіи ко второму тому, составленному изъ переводовъ географическихъ статей Риттера и «Воззрѣній на природу» Александра Гумбольдта, редакторъ ясно высказалъ мысль, заставлявшую его такъ часто обращаться къ иностраннымъ литературамъ. «Вносить въ отечественную словесность произведенія чуждыхъ литературъ» — говоритъ онъ — «значить дѣлать ее соучастницею въ движеніи всемірной литературы. Черезъ это созданія человѣческой мысли расширяютъ свой кругъ дѣйствія, приобретаютъ, видъ своей тѣсной родины, новое отечество и, подъ другимъ небомъ, воздѣлываемыя другою рѣчью, приносятъ новые плоды. Чужеземныя творенія только переложеніемъ на народный языкъ дѣлаются истиннымъ достояніемъ нашей отечественной почвы и могутъ на ней плодотворно перерабатываться; испытуемыя, повѣряемыя нашимъ роднымъ говоромъ, только помощію изящнаго переводнаго языка эти творенія соглашаются съ нашимъ народнымъ духомъ, приспособляются къ потребностямъ народной образованности, входятъ въ умственное обращеніе страны и вмѣстѣ съ тѣмъ приносятъ и всемірно-историческое мѣрило для нашихъ туземныхъ литературныхъ произведеній». Эти слова, опредѣляя точку зрѣнія самого Фролова, могутъ въ то же время служить превосходнымъ отвѣтомъ на толки людей, утверждающихъ, что намъ не для

чего переводить ученые творенія Запада, потому что тѣ, кого занимаетъ содержаніе подобныхъ книгъ, читаютъ ихъ въ подлинникѣ, а другимъ онѣ вовсе не нужны.

По поводу перевода географическихъ статей Риттера намъ случилось слышать другія, столь же основательныя и дѣльныя возраженія, къ сожалѣнію, находящіяся всегда готовый отголосокъ въ массѣ такъ называемыхъ, любителей *легкаго чтенія*. По мнѣнію многихъ, издатель «Магазина» не долженъ былъ бы помѣщать въ своемъ изданіи статей до такой степени неясныхъ и трудныхъ. Ихъ, по крайней мѣрѣ, надобно было бы передѣлать, приноровить къ свойствамъ Русскаго ума, который во всемъ любитъ ясность и простоту, говорили критики, которыхъ мы имѣемъ въ виду. Но трудность пониманія Риттеровыхъ статей существуетъ въ равной степени для Пѣшица и для Русскаго, на обоихъ языкахъ. Эта трудность состоитъ не столько въ тяжеломъ изложеніи, сколько въ новизнѣ идей, къ которымъ мы еще не успѣли привыкнуть и для яснаго уразумѣнія которыхъ необходимы многостороннія свѣдѣнія. Въ настоящее время, этихъ глубокомысленныхъ теорій никакъ нельзя сдѣлать популярными и общедоступными, по той причинѣ, что онѣ не вполне выработались и не представляютъ замкнутаго въ себѣ цѣлаго. Мы должны пока принимать идеи Риттера въ той формѣ, въ какой онѣ вышли и выходить изъ-подъ пера гениальнаго географа, не посягая на эту форму, которую еще трудно отдѣлать отъ содержанія. Печатавъ переводъ Риттеровыхъ изслѣдованій, Фроловъ имѣлъ въ виду не большинство читателей, которымъ онъ въ той же книгѣ далъ самое изящное изъ твореній Гумбольдта, а тѣхъ не многочисленныхъ, но горячихъ, разсѣянныхъ по разнымъ концамъ нашего отечества *тружениковъ*, до которыхъ никогда не дойдетъ подлинникъ Риттера. И если Нѣмецкая мысль, прикосновеніемъ своимъ къ одному изъ такихъ, вдали отъ центровъ просвѣщенія изнывающихъ Русскихъ умовъ, оплодотворить его и подвинуть къ самостоятельной дѣятельности на поприщѣ юнаго землѣдѣнія, то цѣль, которую поставилъ себѣ издатель «Магазина», будетъ вполне достигнута и трудъ его богато вознагражденъ. Знакомый съ современнымъ состояніемъ географическихъ наукъ и съ ихъ литературою, Фроловъ твердо шелъ своею дорогою, прислушиваясь къ мнѣнію настоящихъ цѣнителей и не обращая вниманія на дешевые совѣты придирчиваго и взыскательнаго дилеттантства.

Третій томъ, въ которомъ помѣщено много статей, написанныхъ Русскими учеными, служитъ доказательствомъ, что предпріятіе Фролова было по достоинству оцѣнено представителями нашего просвѣщенія. Со всѣхъ сторонъ, изъ Сибири, съ Кавказа, получалъ онъ письма съ предложеніями сотрудничества, матеріаловъ. Нельзя было не радоваться такому, можно сказать, съ боя взятому успѣху. Но эта радость была не продолжительна. Часть полученныхъ писемъ осталась безъ отвѣта. Въ то самое время, когда передъ нимъ расширилось поприще благотворной и отрадной дѣятельности, когда ему, по видимому, предстояло успокоеніе послѣ испытанной тяжкими страданіями жизни, Богу угодно было положить конецъ этой жизни. Фроловъ скончался 15-го января 1855 года, на 43-мъ году отъ рожденія, въ Черниговскомъ имѣніи своей супруги. Онъ умеръ спокойно, съ твердымъ сознаніемъ своего положенія и съ неохладѣвшимъ участіемъ ко всему, что любилъ въ дни молодости и здоровья. Только съ послѣднимъ біеніемъ сердца, затихла въ немъ потребность дѣлать добро и приносить пользу.

Слово труженикъ у насъ давно получило ироническое, оскорбительное для того, къ кому оно относится, значеніе. А между тѣмъ это слово выражаетъ рѣдкое, въ высшей степени благородное свойство. Гордясь богатыми дарами, которыми природа такъ щедро надѣлила Русскаго человѣка, въ особенности его способностію исправлять въ нѣсколько часовъ упущенія, происходящія отъ цѣлыхъ мѣсяцевъ лѣни и праздности, мы какъ будто свысока смотримъ на всякую упорную и непрерывную дѣятельность. Мы готовы называть труженикомъ cadaго, кто подчинилъ свой день извѣстному, неизмѣнному порядку, и никогда не откладываетъ до завтра то, что онъ долженъ сдѣлать сегодня. Къ числу такихъ тружениковъ принадлежалъ Фроловъ. Природа не обидѣла его дарами своими, обстоятельства часто давали ему возможность пользоваться совершеннымъ досугомъ; но онъ носилъ въ душѣ непреклонное, до жестокости доходившее чувство долга.

Умирая, онъ имѣлъ право сказать, что сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать въ предѣлахъ отпущенной ему Провидѣніемъ жизни. Такое сознаніе было для него тѣмъ утѣшительнѣе, что онъ глубоко вѣрилъ въ нравственную силу просвѣщенія, которому такъ честно и безкорыстно служилъ съ ранней молодости своей.

1855-й годъ богатъ утратами для Россіи. Передъ славными кончинами Севастопольскихъ защитниковъ блѣднѣетъ тихая, хотя мужественная смерть скромнаго труженика науки. Но его отсутствіе будетъ замѣтно въ тѣсныхъ рядахъ того войска, которому Россія вѣрила знамя своей образованности.

ОСЛАБЛЕНІЕ

КЛАССИЧЕСКАГО ПРЕПОДАВАНІЯ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ

и

НЕИЗБѢЖНЫЯ ПОСЛѢДСТВІЯ ЭТОЙ ПЕРЕМѢНЫ ¹⁾.

Отмѣна въ 1851 году преподаванія греческаго языка въ большей части русскихъ гимназій не безъ причины изумила и, смѣю сказать, опечалила всѣхъ, принимающихъ къ сердцу судьбы русскаго просвѣщенія и знакомыхъ съ ходомъ его развитія. Этою мѣрой безспорно нарушалось строгое единство системы, оправдавшейся на дѣлѣ въ семнадцатилѣтнее, столь богатое успѣхами всякаго рода, министерство графа С. С. Уварова. Державная мысль, которой графъ Уваровъ былъ счастливымъ и искуснымъ истолкователемъ, ясно опредѣлила задачу русскаго просвѣщенія, возвративъ насъ къ кореннымъ началамъ русской жизни, отъ которыхъ въ продолженіе полутора столѣтій мы болѣе или менѣе постоянно уклонялись. Исключительное и вредное преобладаніе иноземныхъ идей въ дѣлѣ воспитанія уступило мѣсто системѣ, истекшей изъ глубокаго пониманія русскаго народа и его потребностей. Эта система, изгоняя изъ нашихъ учебныхъ заведеній все ненужное, случайно занесенное извнѣ, значительно усилила чисто научную и учебную часть. Неоспоримые факты доказываютъ, какъ быстро двинулась у насъ наука въ эти семнадцать лѣтъ и на сколько стала она независимѣе и самостоятельнѣе. Обязанности русскаго преподавателя, отъ профессора университета до сельскаго учителя, были опредѣлены съ возможною отчетливостью. Каждому указана была цѣль его трудовъ, состоявшая въ преподаваніи слушателямъ *нужныхъ имъ* знаній въ надлежащей полнотѣ и современномъ, достой-

¹⁾ Статья эта написана въ 1855 году и напечатана въ № 97 Московскихъ Вѣдомостей 1860 года.

номъ науки видѣ, безъ стороннихъ, нейдущихъ къ преподаванію примѣсей. Умственная связь Россіи съ европейскою образованностію не была ослаблена; но отношеніе измѣнилось къ нашей выгодѣ. Мы продолжали учиться у старшихъ братьевъ нашихъ, мы не отрелись отъ благъ просвѣщенія, но приобрѣли право критики и самостоятельнаго приговора.

Мѣры, принятыя въ 1851 г. противъ преподаванія древнихъ языковъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, остановили правильное развитіе системы, зрѣло обдуманной и превосходно приводимой въ исполненіе. Люди, понимавшіе дѣло, были тѣмъ болѣе огорчены, что мѣры эти должны были неизбежно вести къ усилю тѣхъ именно идей, противъ которыхъ онѣ очевидно были направлены.

Споръ между такъ называемымъ *реальнымъ* и *классическимъ* образованіемъ, основанномъ на знаніи древнихъ языковъ, давно начался въ Европѣ. Одностороннее направленіе, господствовавшее въ западныхъ школахъ, рано вызвало противоѣдѣствіе общественнаго мнѣнія. Монтень и Баконъ уже указывали на болѣзнь стороны современныхъ имъ педагогическихъ методъ, хотя ни того, ни другаго, въ особенности Монтеня, нельзя назвать реалистомъ въ нынѣшнемъ значеніи этого слова. Записные филологи признавали недостатки воспитанія, главною цѣлью котораго было образовать хорошихъ латинистовъ. Знанія, приобретаемыя въ училищахъ 16 и 17 столѣтій, могли быть прилагаемы къ жизни только весьма немногими лицами; настоящія потребности огромнаго большинства учащихся не находили себѣ удовлетворенія. О народномъ образованіи, въ обширномъ смыслѣ, не могло быть рѣчи при такомъ направленіи. Нельзя сказать впрочемъ, чтобы ученые школы трехъ послѣднихъ столѣтій постоянно достигали даже той ограниченной цѣли, которую онѣ преимущественно имѣли въ виду. Тяжелый методъ преподаванія требовалъ страшнаго напряженія памяти, но рѣдко обращался къ мышленію и отнималъ у большей части учениковъ всякую охоту къ занятіямъ. Дѣло критики было, слѣдовательно, легкое. Здѣсь было бы неумѣстно изложеніе полемики, начавшейся еще въ эпоху тридцатилѣтней войны и продолжающейся донынѣ. Нельзя однако не замѣтить, что, начиная отъ Вольфганга Ратиха, который, сколько намъ извѣстно, первый выступилъ съ готовою педагогическою системою противъ существовавшихъ въ его время учебныхъ методъ, до современнаго намъ,

заслужившаго громкую известность прусскаго педагога Дистервега, всѣ противники исключительно-классическаго образованія сходятся въ основныхъ началахъ своей теоріи. Они требуютъ отъ школы непосредственнаго примѣненія къ цѣлямъ жизни; ослабляя научный элементъ преподаванія въ пользу практически-пригоднаго или такъ называемаго, *реальнаго*, они хотятъ дѣйствовать какъ можно болѣе на разумъ ученика и оставляютъ какъ можно менѣе дѣла памяти и фантазіи; наконецъ, они требуютъ отъ самыхъ методовъ преподаванія какъ можно большей легкости, простоты и однообразія. Во всемъ этомъ есть безспорно много справедливаго, вѣрнаго, но столѣтній опытъ успѣлъ показать недостатки и положительны вредныя стороны новыхъ теорій общественнаго воспитанія, получившихъ особенно важное значеніе для Европы съ тѣхъ поръ, какъ въ числѣ ихъ защитниковъ явились такіе писатели, какъ Жанъ-Жакъ Руссо, и такіе благородные, самоотверженные наставники юности, какъ Песталоцци. Девизомъ преобразователей было, какъ намъ кажется, худо понятое изреченіе: *non scholae, sed vitae discendum* (надобно учиться не для школы, а для жизни).

Въ 1747 году въ Берлинѣ возникла первая, заслуживающая этого названія реальная школа. Основатель ея, пасторъ Гекеръ, ввелъ для своихъ воспитанниковъ преподаваніе всѣхъ полезныхъ въ житейскомъ быту наукъ, искусствъ и ремеслъ, начиная съ древнихъ языковъ до выдѣлки кожъ. Ежедневное число учебныхъ часовъ состояло изъ *одиннадцати*, не считая времени, которое шло на приготовленіе уроковъ. По странному, но характеристическому случаю, первое имя, встрѣчаемое въ спискахъ пансіонеровъ берлинской реальной школы, было имя *Николаи*, столь известнаго въ послѣдствіи книгопродавца, писателя и журналиста. Онъ всю свою жизнь ратовалъ за *просвѣщеніе*, понимая подъ этимъ отрицаніе всякаго рода предрасудковъ. Но по мнѣнію Николаи и его друзей, всѣ вѣрованія, идеи и убѣжденія челоуѣчества, которыхъ нельзя доказать математически или ощупать рукою, принадлежать къ числу вредныхъ предрасудковъ. Конечно, не одинъ Николаи вышелъ изъ берлинской реальной школы съ такой идеей о просвѣщеніи. Тѣмъ не менѣе реализмъ дѣлалъ быстрые успѣхи. «Эмиль», этотъ краснорѣчивый протестъ противъ искусственнаго воспитанія, написанный челоуѣкомъ, который не вѣрилъ въ пользу просвѣщенія и науки, — «Эмиль» сдѣлался настольною книгою мате-

рей семействъ и воспитателей. Европейскіе государи съ живымъ участіемъ слѣдили за педагогическими опытами Базедова; давали ему денегъ на изданіе сочиненій, которыми онъ надѣялся произвести переворотъ въ дѣлѣ общественнаго образованія и поддерживали своими щедротами учрежденный имъ въ Дессау «филантропинъ». Еще большее и вполне заслуженное вниманіе обратила на себя дѣятельность Песталоцци.

Настала французская революція. Событія двигались съ быстротою, не допускавшею въ зрителяхъ никакихъ другихъ ощущеній, кромѣ удивленія или ужаса. Но буря пронеслась, и умы нѣсколько успокоились; тогда явилась потребность уяснить смыслъ пережитыхъ потрясеній и отыскать ихъ причины. Такихъ причинъ нашлось много. Между прочимъ въ число причинъ французской революціи попало преподаваніе древнихъ языковъ и древней исторіи въ школахъ. Этимъ путемъ, говорили близорукіе обвинители классическаго образованія, проникають развившіяся въ Греціи и Римѣ республиканскія идеи въ незрѣлые умы юношества, отрываютъ ихъ отъ дѣйствительности и поселяютъ въ нихъ опасныя мечты свободы и равенства. Такимъ образомъ бѣдныя заведенія, въ которыхъ процвѣтали еще древніе языки, подверглись двойному нареканію. Съ одной стороны, ихъ упрекали въ томъ, что они стоятъ далеко отъ жизни и не готовятъ воспитанниковъ своихъ къ практической дѣятельности; съ другой, они должны были отвѣчать за страшный переворотъ, до дна возмущившій жизнь европейскаго общества. Противорѣчіе, заключающееся въ этихъ обвиненіяхъ, очевидно. Вообще вопросъ былъ поставленъ съ крайнимъ легкомысліемъ. Французы временъ Людовика XV и XVI не отличались вовсе глубокимъ знаніемъ классической древности или даже пристрастіемъ къ ней. Люди, участвовавшіе въ революціи, заимствовали свои идеи не изъ греческихъ или римскихъ писателей, а изъ ближайшихъ источниковъ современной имъ литературы, менѣе подчиненной вліянію древности, чѣмъ литература предъидущаго XVII столѣтія; между главными дѣятелями революціи встрѣчается столько же, если не болѣе, математиковъ, врачей и натуралистовъ, сколько и людей съ общимъ образованіемъ, которое въ тогданней Франціи не было уже исключительно основано на филологическихъ знаніяхъ. Что въ эпоху революціоннаго ослѣпленія парижскіе парикмахеры и портные, отрекаясь отъ христіанскихъ именъ, данныхъ имъ

при крещеніи, величали себя Солонами, Брутами и Катонами, — ничего не доказываетъ, кромѣ жалкаго невѣжества ремесленного класса, котораго свѣдѣнія о великихъ людяхъ Греціи и Рима ограничивались знаніемъ именъ. Позволимъ себѣ рассказать по этому поводу слѣдующій случай. Въ эпоху отпаденія отъ Испаніи ея американскихъ владѣній, жители Парагвая провозгласили у себя, по примѣру соседей, республиканскую форму правленія, но были въ большомъ затрудненіи насчетъ титулованія новыхъ властей. По счастью, у кого-то нашелся разрозненный томъ сочиненій Роллена, содержавшій въ себѣ часть римской исторіи. Руководствуясь свѣдѣніемъ знаніемъ, только что почерпнутымъ изъ открытой ими книги, законодатели парагвайскіе ввели немедленно въ употребленіе званіе диктатора, консуловъ и т. д. Едва ли кому придетъ однако въ голову заподозрить ихъ въ намѣреніи перенести на свою почву политическія формы и идеи римской республики? Французская революція не одинокое, не непримѣрное явленіе въ новой исторіи. Ея предшествовала свобода Нидерландовъ, англійская революція семнадцатаго вѣка, провозглашеніе республики Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Она тѣснѣе связана съ этими событіями, нежели съ преданіями классическаго міра. Никто однако не думалъ выводить образа мыслей и дѣйствій Вильгельма Оранскаго, Кромвеля или Франклина изъ Фукидида и Тита Ливія. И несмотря на все, что можно было сказать въ защиту классическаго образованія, предупрежденное противъ него общественное мнѣніе болѣе и болѣе дружилось съ реальнымъ направленіемъ. Политическія обстоятельства помогали этому направленію. Небывалое развитіе промышленности, послѣдовавшее за миромъ 1815 г., побудило европейскія правительства усилить средства техническаго образованія для подданныхъ. Сверхъ спеціальныхъ, учрежденныхъ съ этою цѣлью заведеній, въ большей части обыкновенныхъ общеобразовательныхъ училищъ, въ гимназіяхъ и т. д., введено преподаваніе естественныхъ и математическихъ наукъ, почти всегда къ ущербу чисто-классическаго элемента. Безразсудно было бы возставать противъ явленій, въ которыхъ выражалась существенная потребность, но удовлетворяя этой потребности, не слѣдуетъ терять изъ виду другихъ, быть можетъ, высшихъ благъ и цѣлей воспитанія. Не о единомъ хлѣбѣ сытъ *человѣкъ*. Рѣшительный перевѣсъ положительныхъ, примѣняемыхъ къ матеріальнымъ сторонамъ жизни знаній надъ тѣми, которыя развиваютъ и под-

держиваютъ въ сердцахъ юношества любовь къ прекраснымъ, хотя, быть можетъ, и не осуществимымъ идеаламъ добра и красоты, неминусомо приведетъ европейское общество къ такой нравственной болѣзни, отъ которой нѣтъ другаго лѣкарства кромѣ смерти. Въ настоящее время Европа покрыта реальными заведеніями всякаго рода, отъ высшихъ (Bürgerschulen) до элементарныхъ, но на томъ же началѣ основанныхъ школъ. Нѣкоторыя изъ этихъ заведеній вовсе изгоняютъ преподаваніе древнихъ языковъ и близкихъ къ нимъ предметовъ (древняя исторія излагается гораздо короче средней и новой), другія допускаютъ ограниченное небольшимъ числомъ учебныхъ часовъ преподаваніе латинскаго языка. Впрочемъ, споръ объ отношеніи классическаго элемента къ реальному еще не конченъ, еще не найдена возможность согласить ихъ въ одной гармонической системѣ народнаго воспитанія.

Говорятъ ли о печальныхъ событіяхъ 1848 года? Роль, какую въ то время играли нѣкоторые изъ профессоровъ нѣмецкихъ университетовъ въ качествѣ членовъ франкфуртскаго парламента, по видимому укрѣпила прежнее предубѣжденіе противъ «ученыхъ школъ», откуда могли выйти люди съ такимъ вреднымъ образомъ мыслей. Но развѣ гимназій или университетовъ, гдѣ обращено особенное вниманіе на древніе языки и древнюю исторію, служатъ исключительными разсадниками революціонныхъ идей? Самое извѣстное изъ реальныхъ заведеній въ Европѣ, Политехническая школа, со дня своего основанія сохранила республиканское направленіе. Альфортская ветеринарная школа постоянно высылала своихъ воспитанниковъ на баррикады, какъ только въ Парижѣ подымался какой нибудь мятежъ. Австрійское правительство заводило у себя техническія и реальныя училища; оно никогда не оказывало большаго поощренія классическому образованію, а вѣнскіе студенты составили академическій легіонъ. И что общаго между греко-римскимъ міромъ и идеями коммунизма и социализма, возмущающими западныя массы? Не ближе ли эти идеи, не родственнѣ ли такъ-называемому реализму? Сохрани насъ Богъ отъ намѣренія заподозрѣвать въ дурномъ какую-либо науку. Наукъ вредныхъ нѣтъ и быть не можетъ. Каждая заключаетъ въ себѣ часть божественной истины, отрывающейся нашему разуму съ разныхъ сторонъ въ духѣ и во внѣшней природѣ. Не естественныя науки произвели французскую революцію или нынѣшнія нравственныя болѣзни западной

Европы. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что ихъ рѣшительное преобладаніе въ воспитаніи, какъ всякая односторонность, вредно и опасно. Задача педагогич. состоитъ въ равномерномъ (гармоническомъ) развитіи всѣхъ способностей учащагося, изъ которыхъ ни одна не должна быть принесена въ жертву другой. Знакома юношу только со внѣшней природой и съ ея механическими и химическими законами, естествознаніе, отрѣшенное отъ ученій, имѣющихъ предметомъ духовныя стороны бытія, неминуемо приводитъ къ матеріализму. Само по себѣ, оно не въ состояніи удовлетворить нравственныхъ потребностей чловѣка. Шлецеръ, говоря о вліяніи отдѣльныхъ наукъ на просвѣщеніе народовъ, сказалъ, что можно представить себѣ цѣлый народъ отличныхъ математиковъ, погруженный въ глубокое варварство. Почти тоже можно сказать и о естествовѣдѣніи. Можно предположить существованіе народа натуралистовъ, безъ всякихъ опредѣленныхъ и твердыхъ понятій о добрѣ и злѣ. Прибавимъ, что въ настоящую минуту естественныя науки находятся на особенной ступени развитія. Гордясь недавними и дѣйствительно блестящими успѣхами, онѣ присвоиваютъ себѣ право окончательнаго рѣшенія вопросовъ, въ продолженіе тысячелѣтій занимающихъ разумъ чловѣческій и постоянно вынуждающихъ у него сознаніе собственного безсилія. Такое самоупоеніе науки конечно не можетъ быть продолжительно. Рано или поздно она должна признать снова существованіе роковыхъ граней, за которыя не дано перешагнуть нашей любознательности. Но въ ожиданіи неизбежнаго возврата къ болѣе трезвымъ и согласнымъ съ законами разума воззрѣніямъ, естествовѣдѣніе сообщаетъ юнымъ умамъ холодную самоувѣренность и привычку выводить изъ недостаточныхъ данныхъ рѣшительныя заключенія. Оно много содѣйствовало къ развитію въ образованномъ поколѣніи Запада той безотрадной и бессильной на великіе нравственные подвиги положительности, которая принадлежитъ къ числу самыхъ печальныхъ явленій нашей эпохи.

Но если польза, приносимая естественными науками, соединена, какъ показано выше, съ нѣкоторымъ вредомъ, то, повторяемъ, виною тому не самыя науки, а мѣсто, данное имъ въ господствующихъ системахъ воспитанія, упускающихъ изъ виду цѣлый рядъ способностей и потребностей, которыя такимъ образомъ остаются безъ надлежащей воздѣлки и удовлетворенія. Мы привели выше девизъ реалистовъ: «надобно учиться не для школы, а для жизни». Принимая это

нравственіе въ его настоящемъ смыслѣ, они должны допустить, что или ихъ теорія недостаточна, или самое понятіе ихъ о жизни узко и скудно. Требованія жизни безконечно разнообразны: на нихъ можно отвѣчать только всестороннимъ развитіемъ всѣхъ силъ, которыхъ зародыши положены Творцомъ въ духѣ человѣка. Здѣсь рѣчь идетъ не о первоначальномъ образованіи низшихъ классовъ, котораго задача и объемъ опредѣляются каждымъ государствомъ сообразно съ его положеніемъ внутреннимъ и вѣшнимъ, а о тѣхъ, призванныхъ къ высшей и болѣе обширной дѣятельности сословіяхъ, специальному образованію которыхъ должно предшествовать *общее*, безъ котораго нѣтъ ни полнаго гражданина, ни полнаго человѣка.

Но развѣ древніе языки должны быть вѣчною и необходимою принадлежностью общаго образованія? Неужели, кромѣ исчерпаннаго до дна міра классической древности, намъ неоткуда болѣе заимствовать идей, которыя можно было бы съ успѣхомъ противопоставить угрожающему намъ матеріализму? Неужели христіанская исторія новыхъ государствъ, въ этомъ отношеніи, бѣднѣе языческой, и мы не найдемъ въ ней духовныхъ средствъ противъ загроубнѣнія сердець и умственного упадка?

Отвѣчать на эти вопросы можно, по нашему мнѣнію, не иначе, какъ раздѣливъ ихъ на двѣ части — строго ученую, научную, и потомъ педагогическую.

Илишнее было бы говорить о пользѣ, которую изученіе древней энологіи успѣло уже принести всей совокупности нашихъ знаній. Мало наукъ, которыхъ начала не примыкаютъ къ трудамъ греческихъ мыслителей и ученыхъ. Но польза эта уже принесена, и каждая наука успѣла совершить длинный путь, отдѣляющій ее отъ точки отправленія. Зачѣмъ же постоянно возвращаться къ этой точкѣ и повторять безъ надобности зады? говорятъ люди, считающіе себя по преимуществу представителями умственного движенія и защитниками прогресса. Но истинно великія прозаведенія духа человѣческаго отличаются именно своею неизчерпаемостью. Въ этомъ-то и заключается тайна ихъ безсмертія. Нельзя же намъ отказаться отъ наслажденія поэзією древнихъ потому только, что отцы, дѣды и прадѣды упивались ея непреходящими красотою. Дѣло идетъ вовсе не о превосходствѣ античнаго искусства надъ новымъ, а о томъ, что одно не можетъ замѣнить другаго, что у каждаго есть своя, ему исключительно при-

надлежащая область и прелесть. Можно предпочитать Софоклу Шекспира, намъ болѣе близкаго и доступнаго, но кто осмѣлится сказать, что Софокль сталъ ненуженъ съ тѣхъ поръ, какъ явился Шекспиръ. Безсмыслие подобнаго приговора бросается въ глаза, потому что оно объяснено рѣзкимъ примѣромъ; однако приговоръ этотъ истекаетъ изъ цѣлой теоріи, имѣющей многочисленныхъ защитниковъ, которые считаютъ себя въ правѣ отказываться за насъ отъ благороднѣйшихъ памятниковъ, созданныхъ гениемъ угасшихъ народовъ. Къ счастью, наука не скрѣпляетъ такихъ отреченій своимъ согласіемъ и бережно хранитъ ввѣренныя ей сокровища до другихъ эпохъ, болѣе способныхъ ихъ оцѣнить и ими воспользоваться. Но искусство, скажутъ намъ, не удовлетворяетъ всѣхъ потребностей современнаго человѣка, осужденнаго на бой съ дѣйствительностью, крайне положительною и трудною. Пусть наслаждается онъ имъ, какъ предметомъ роскоши, въ минуту досуга. Трудовые часы его должны безъ раздѣла принадлежать наукѣ, которая одна въ состояніи сообщить ему силы, нужныя для успѣха въ борьбѣ. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, можно ли смотрѣть на искусство какъ на предметъ роскоши, и не будемъ повторять тысячу разъ приведенныхъ доказательствъ его благотворнаго вліянія на нравственную жизнь народовъ. Посмотримъ, въ самомъ ли дѣлѣ намъ нечему болѣе учиться изъ древней науки; начнемъ съ той именно отрасли, которая повидимому наиболѣе совершила успѣховъ въ новое время и по этому далѣе другихъ отошла отъ колыбели своей, — начнемъ съ естествовѣдѣнія. Относящіеся къ нему труды Аристотеля служатъ достаточнымъ подтвержденіемъ сказаннаго нами о неизчерпаемости истинно великихъ произведеній разума. Ссылаемся на добросовѣстное свидѣтельство всѣхъ натуралистовъ, изучавшихъ науку не по однимъ новѣйшимъ учебникамъ, а знакомыхъ съ ея историческимъ развитіемъ. Неужели они истопили сполна запасъ истинъ, находящихся у безсмертнаго стагирита? Виѣсто отвѣта, укажемъ на то, что высказали объ Аристотелѣ такіе авторитеты, какъ Кювье и Жозефу Сентъ-Илеръ. Но ихъ отзывы о трудахъ этого великаго мыслителя по части естественныхъ наукъ можно въ такой же мѣрѣ приложить ко всему, сдѣланному имъ и въ другихъ сферахъ знанія. Какой философъ, какой историкъ, политикъ или критикъ въ состояніи обойтись безъ его сочиненій, когда дѣло идетъ о главныхъ вопросахъ философіи, политической жизни древнихъ или искусства? Но самъ

Аристотель былъ только представителемъ того умственного движенія, которое началось гораздо прежде его и продолжалось еще долго по его смерти. Следовательно, онъ можетъ быть изучаеми только въ связи съ тѣмъ цѣлымъ, къ которому принадлежитъ. Какъ отдѣльное явленіе, онъ почти непонятенъ.

Набросавъ эти строки, мы вовсе не думаемъ, что объяснили значеніе античной науки и органическую связь ея съ настоящимъ. Наша цѣль была только указать на это отношеніе, а раскрыть его потребовало бы времени и свѣдѣній, которыхъ у насъ нѣтъ. Остановимся однако еще на одномъ предметѣ, заслуживающемъ особеннаго вниманія, именно на древней исторіи.

Изъ всѣхъ отдѣловъ древней исторіи одна только греко-римская представляетъ нѣчто оконченное и въ себѣ замкнутое. Въ ней одной находимъ мы полное развитіе народной жизни, отъ младенчества до дряхлости и конечнаго разложенія. Можно сказать, что каждое значительное явленіе этого длиннаго жизненнаго процесса совершилось подъ солнцемъ исторіи, предъ глазами остальнаго человѣчества. Вотъ почему судьбы Греціи и Рима всегда были и останутся надолго любимымъ предметомъ думы и изученія для великихъ историковъ и мыслящихъ умовъ, ищущихъ въ исторіи такихъ же законовъ, каковыя подчинена природа. Явленія новой, христіанской исторіи еще далеки отъ своего завершенія; каждое можетъ своими послѣдними результатами представить горькое обличеніе невѣрности сужденій, которыхъ они были предметомъ. Черезъ всѣ событія, составляющія содержаніе послѣднихъ пятнадцати вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ Константина Великаго, тянется одна живая нить, и концы ея въ рукѣ Божіей. Органическая нить, которою были связаны событія языческаго міра, перерѣзана христіанствомъ. Грецію и Римъ можно теперь сравнить съ превосходно сохранившимся трупомъ, надъ которымъ анатомъ-историкъ не только изучаетъ строеніе народныхъ организмовъ, но изъ котораго онъ извлекаетъ притомъ законы, приложимые и къ имобѣлующей, неудовимой для него жизни. Для науки классическій міръ еще не утратилъ своего значенія; сокровища, хранящіеся въ его глубинѣ, еще не истощились и способны обогащать смѣлыхъ дѣятелей, не утратившихъ вѣры въ древнюю мудрость.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ же вопросѣ съ медико-исторической точки зрѣнія.

Non scholae, sed vitae discendum, говоритъ реальная школа и горюпится снабдить юношу какъ можно большимъ количествомъ разнообразныхъ свѣдѣній, какъ бы внушая ему тѣмъ, что въ жизни некогда учиться, что онъ долженъ взять на дорогу такой запасъ учености, котораго бы было достаточно до конца его земнаго странствованія. Мы уже позволили себѣ выразить сомнѣніе на счетъ правильнаго, со стороны реалистовъ, пониманія выбраннаго ими девиза. Неужели они въ самомъ дѣлѣ думаютъ дать въ школѣ все нужное для жизни и проводить такую рѣзкую черту между послѣднюю и ученіемъ? Въ дѣйствительности существованія этого ошибочнаго воззрѣнія, котораго впрочемъ не раздѣляли ни Песталоцци, ни другіе достойнѣйшіе представители того же направленія, насъ отчасти убѣждаетъ самое накопленіе учебныхъ часовъ и предметовъ, которое встрѣчаемъ въ большей части реальныхъ школъ. Ясно, что здѣсь дѣло не въ качественномъ, внутреннемъ, а въ количественномъ, внѣшнемъ приготовленіи къ жизни. Осьмнадцатилѣтній мальчикъ, вставая въ послѣдній разъ со скамьи вышшаго класса средняго реального заведенія, долженъ обыкновенно знать законъ Божій, два новыхъ языка сверхъ отечественнаго, алгебру, геометрію, физику, химию, естественную исторію органическихъ царствъ природы, исторію, географію и даже право — на столько, на сколько этихъ свѣдѣній нужно для практическаго приложенія. Спрашиваемъ, есть ли возможность достигнуть этой цѣли безъ чрезмѣрнаго напряженія силъ и тѣмъ самымъ охлажденія любознательности въ учащемся?

Иначе понимается своя задача здравая педагогія, менѣе заботящаяся о накопленіи знаній и болѣе обращающая вниманіе на развитіе и упражненіе духовныхъ силъ. Ограничивая по мѣрѣ возможности число предметовъ преподаванія, она ставитъ на первомъ планѣ древнюю филологію, какъ незамѣнимое никакимъ другимъ средство нравственнаго, эстетическаго и логическаго образованія. Основательное изученіе древнихъ языковъ, которыхъ правила получили математическую точность и опредѣленность, не только сообщаетъ эти же свойства уму, но въ высшей степени облегчаетъ занятіе новыми языками, такъ что простое грамматическое знаніе греческаго и латинскаго языка ведетъ за собою цѣлый рядъ другихъ пріобрѣтеній, съ избыткомъ вознаграждающихъ за употребленное время. Но не въ этомъ заключается главная польза изученія классической литературы. Гдѣ, какъ не въ ея

отборныхъ памятникахъ, найдемъ мы столь совершенное сочетаніе изящной формы съ благороднымъ содержаніемъ? Откуда вынесетъ юноша столь чистое понятіе о красотѣ и столь возвышенныя чувства нравственнаго долга и человѣческаго достоинства? Въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ Греціи и Рима было безспорно много ложнаго и неприимимаго къ быту новыхъ гражданскихъ обществъ; но умному наставнику не трудно отдѣлать чисто-историческое, временное, отъ общечеловѣческаго, вѣчно-истиннаго элемента въ твореніяхъ греческихъ поэтовъ и мыслителей. Вліяніе античныхъ политическихъ теорій могло быть опасно при незнакомствѣ съ исторіей; но въ настоящее время и эта опасность прошла, или по крайней мѣрѣ грозитъ уже совсѣмъ не съ той стороны.

До 1851 г. русскія гимназіи шли медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ къ указанной имъ цѣли. Имъ предстояла задача осуществить идеалъ средняго заведенія, приготовляющаго своихъ воспитанниковъ не къ одному университету, но и къ жизни, не чрезъ поверхностное многознаніе, а чрезъ основательное и всестороннее развитіе способностей. Цѣль эта теперь отодвинута на задній планъ. Но гдѣ же плоды семнадцатилѣтняго классическаго направленія? говорятъ его противники, ссылаясь на въ самомъ дѣлѣ неудовлетворительное состояніе древнихъ языковъ въ нынѣшнихъ гимназіяхъ. Отвѣтъ на этотъ упрекъ не труденъ: полезное и плодотворное дѣйствіе филологіи возможно только при достаточномъ количествѣ хорошихъ, знающихъ дѣло и усердныхъ къ нему учителей....

К О Н Е Ц Ъ .

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

	<i>Стр.</i>
Бартольдъ Георгъ Хабуръ	7
Чтенія Хабура о древней Исторіи	44
Латинская Имперія	108
Италія подъ владычествомъ Остъ-Готовъ, Лангобардовъ и Франковъ.	122
Испанскій Эпохъ.	166
Историческая Литература во Франціи и Германіи въ 1847 году	189
Реформа въ Англіи	242
Начало Прусскаго Государства	255
«Руководство къ познанію Средней Исторіи. Соч. Смарагдова»	274
«Государственные нужды древней Греціи, въ эпоху ея возрожденія Соч. И. Бабста.	278
«Исторія войны Россіи съ Франціею въ царствованіе Императора Павла I, въ 1799 году. Соч. Милютина»	284
Письмо изъ Москвы.	293
Возраженіе на статью Г-на Грановскаго. А. С. Хомякова	299
Отвѣтъ Г-ну Хомякову.	307
Отвѣтъ Г. Хомякова на отвѣтъ Г. Грановскаго	314

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Преданія о Карлѣ Великомъ.	321
Рыцарь Бакръ	327
Петръ Ранусъ	341
Испанская Инквизиція	347
Кавкеры	353
Описанія и ея штеди	360
Нѣсколько словъ о покойномъ Николаѣ Григорьевичѣ Фроловѣ	371
Ослабленіе классическаго преподаванія въ гимназіяхъ и неизбежныя послѣд- ствія этой перемены	379

**D
7
.G65
1866
v.2**

